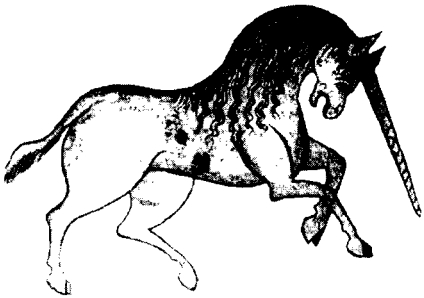
БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XVII



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XVII

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2006

ББК 81
Б 20

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-04-16145)

Редакционная коллегия:

А. А. Гиппиус, П.-У. Дини, М. В. Завьялова, Вяч. Вс. Иванов (отв. ред. серии), *С. Каралюнас, Б. Лаумане, В. Мажюлис, Н. А. Михайлов, Е. Л. Назарова, Л. Г. Невская, С. И. Рыжакова, А. Сабаляускас, Б. Стунджя, Т. М. Судник, В. Н. Топоров, У. Шмальштиг*

Балто-славянские исследования. XVII. Сборник научных трудов. — М.: Индрик, 2006. — 528 с.

ISBN 5-85759-383-2

В семнадцатом томе рассматриваются проблемы этногенеза балтов, гидронимии, этимологии, типологии и истории балтов и славян. В разделе «Разное» — обзоры недавно вышедших изданий по балтистике в Литве, Латвии и России, рецензии, хроника.

ISBN 5-85759-383-2

© Институт славяноведения РАН, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© Издательство «Индрик», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) и балто-славянские исследования (*Вяч. Вс. Иванов*) 7

В. Н. Топоров. Еще раз о *неврах* и *селах* в общебалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. **neur-*: **nour-* и **sel-* (неумирающая память об одном балтийском племени) 15

В. Блажек. Балтийские горизонты в восточночешской гидронимии? 76

С. Каралюнас. Рефлекс и.-е. **bhāǵos* 'бук (Fagus silvatica)' в литовском языке 93

А. П. Непокупный. Два этюда о цветообозначениях в Эльбингском словаре 99

Ю. В. Откупщиков. Балтийские языки и индоевропейские реконструкции 110

В. А. Дыбо. Порождение акцентных типов производных имен в балтийском 116

П. М. Аркадьев. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке. Формальные противопоставления и их семантическая мотивация 250

Д. Разаускас. Символика рыбы, связанная с нижним миром и смертью, в балто-славянской традиции 295

Е. Коницкая, Б. Ясюнайте. Жаворонков снег (происхождение снега в традиционной культуре) 353

И. Витола. Названия мест с кладами в латышских народных преданиях 373

Г. Земитис. Погребения со специально поврежденным могильным инвентарем 394

В. И. Кулаков. Раскопки поселения и могильника эпохи викингов Кауп. 1956–2004 гг. 413

В. И. Кулаков. История городской археологии Кёнигсберга 458

А. В. Андронов, Л. Лейкума. Латыши и латгальцы Сибири: язык и культура 476

Разное

Поздравляем Симаса Каралюнаса (*А. Сабаляускас*) 485

Балтийские языки. Российская академия наук. Институт языкознания; Ред. колл.: В. Н. Топоров, М. В. Завьялова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, А. В. Андронов, Ю. Б. Коряков. М.: Academia, 2006, 224 с. (*Н. А. Михайлов*) 488

Новые публикации по латгальскому языку и литературе (*А. В. Андронов*) 492

«Academia grammaticorum Salensis» и новая академическая грамматика литовского языка (*А. В. Андронов, Н. А. Рикконен*) 498

Книги по мифологии и традиционной культуре балтов, вышедшие за последние годы в Литве: краткое обозрение (*Д. Разаускас*) 501

Аннотированная библиография новых работ по истории, языкам и культуре Латвии (2004–2005 гг.) (*С. И. Рыжакова*) 506

Дзярновіч А. «...in nostra Livonia», «...у нашай Лівоніі». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV — першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз. Том I. Мінск: Athenæum, 2003 (*Е. Л. Назарова*) 511

Vilcāne A. Senā Jersika. Rīga: LU Latvijas vēstures institūts, 2004. 114 lpp. (*Е. Л. Назарова*) 514

Эпоха крестовых походов в Латвии в исследовании американского профессора (*Е. Л. Назарова*) 515

Памяти Валерия Николаевича Чекмана (1936–2004) (*Н. Морозова*) ... 520

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ТОПОРОВ (1928–2005) И БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фото *Ю. Будрайтиса*

Развитие сравнительного изучения языков, мифологии, культуры и истории балтийских и славянских народов вступило в новый период благодаря многообразной кипучей деятельности В. Н. Топорова. Для него на протяжении пятидесяти лет это направление работы было одним из главных. Он не только очень много сделал в каждой из отдельных областей, сопоставление которых позволяет говорить об исторической общности балтов и славян. Владимир Николаевич одним из первых по-новому поставил саму балто-славянскую проблему, показав возможности ее решения благодаря реконструкции доисторического прошлого и последовательному движению исследований от общностей языков и культур древности к современному состоянию.

Начало этому было положено еще в студенческие годы, когда Владимир Николаевич прошел весьма основательную лингвистическую школу — отчасти благодаря интенсивному изучению индоевро-

пейских и некоторых других языков и сравнительного и общего языковедения по собственному плану, отчасти и в ходе занятий у таких превосходных университетских учителей, как преподававший небольшой группе студентов (куда входили и мы с Топоровым) литовский язык проф. М. Н. Петерсон, читавший нам также санскрит и сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков. Частые поездки в Литву и в литовские деревни за ее пределами (в Белоруссии), разговоры с литовскими друзьями, не говоря уже о проникновенном чтении фольклорных, литературных и научных текстов на литовском языке способствовали потом тому, что В. Н. Топоров овладел им в совершенстве. Он не просто знал язык, он узнал страну этого языка, глубоко вошел в подробности и основные вехи ее прошлого.

Когда по окончании аспирантуры, в которой Топоров занимался преимущественно славянским языкознанием (уже уделяя должное внимание и сравнениям славянского с балтийским), он поступает в Институт славяноведения АН СССР, где работает в секторе славянского языкознания, возглавляемом С. Б. Бернштейном, ему поручается разработка подходов к проблеме балто-славянских отношений. В блещущем новыми идеями обширном конспекте будущего исследования наряду с историографическими частями (которые вскоре им были расширены и позднее опубликованы) большое внимание было уделено вопросам метода.

Увлекаясь новыми идеями и приемами структуралистов, Топоров в то же время внимательно изучает исследования классиков славистики и балтистики. В Риге он участвует в торжественном заседании, отмечавшем юбилей патриарха этой области сравнительного языкознания Я. Эндзелина, ссылками на латышский словарь и прусскую грамматику которого пестрят будущие работы молодого балтиста. Для решения стоявшей перед юным ученым проблемы характера ранних балто-славянских языковых отношений большое значение имела его начальная работа о ранней предыстории балтийского и славянского глагола. В ней Топоров впервые обратил внимание на такие черты балто-славянской глагольной системы, в которых можно увидеть сходство не с теми индоевропейскими языками, с которыми (как с санскритом, которым Топоров всю жизнь много и увлеченно занимался) ее обычно сравнивали, а с хеттским и другими вновь открытыми древними языками (такими, как тохарские). Эти идеи Топорова повлияли на соответствующие разделы написанного Калвертом Уоткинсом тома об индоевропейском глаголе в той новой сравнительно-исторической грамматике, которую начал издавать Курилович (один из наиболее видных структуралистов старшего поколения, применивший новые методы к сравнительному балто-славянскому языкознанию в том направлении, которое в те годы разделялось Топоровым). Воздействие новаторских идей Топорова в мировой компаративистике продолжает чувствоваться до сих пор не только в реконструкции древней формы основных окончаний каждой из восстанавливаемых серий славянских и балтийских глагольных форм, но и в самой постановке вопроса о том, в какой мере праславянский и прабалтийский отличаются от других индоевропейских диалектов[1]. Предложенный Топоровым взгляд на это сопоставление вел к совершенно новой постановке вопроса об отношении славянских языков к балтийским. Оказывалось возможным восстановить для праславянского такую модель древнейшей грамматической и фонологической структуры, которая выводима из аналогичной модели прабалтийского состояния, но обратное (выведение прабалтийского из праславянского) невозможно. Этому вопросу был посвящен наш совместный с Топоровым доклад на Международном Съезде славистов в Москве осенью 1958 г. Он вызвал широкое и в общем сочувственное обсуждение на съезде и после него, в выступлениях таких славистов, как Лер-Сплавинский. Топоров продолжал развивать некоторые из идей, родившихся в связи с занятиями балтийским глаголом. Его статья о парадигме литовского глагола применяла тот структурный подход, плодотворность которого на материале славянского глагола была ранее продемонстрирована Романом Якобсоном и его последователями. Вплоть до последних лет Владимир Николаевич продолжает думать о том, в какой мере древнейший период в истории праславянского напоминает прабалтийский[2].

Летом 1958 г. В. Н. Топоров по приглашению литовских диалектологов участвует в их экспедиции в литовских деревнях на территории Белоруссии. Сделанные тогда и позднее (Топоров повторял эти поездки) наблюдения легли в основу работы Владимира Николаевича и его учеников относительно характера взаимодействия славянских и балтийских диалектов в новое время. Он и позднее старается понять, как и в чем выразилось их взаимообогащение на протяжении ряда столетий.

Для изучения ранней истории балтийских и славянских языков и их носителей исключительное значение имеет проведенное Топоровым исследование гидронимов и многих других местных названий Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Первым этапом явилась опубликованная в 1959 г. статья о балтийских следах в названиях водоемов

[1] Мне представляется в этом плане весьма поучительным сопоставление ранней работы Топорова с недавним опытом новой реконструкции глагола в каждом из индоевропейских диалектов, включая прабалтийский и праславянский: *Adams Douglas Q.* «Give To Drink» in Tocharian B and the Reflexes of the PIE Causative // Tocharian and Indo-European Studies, 2003, vol. 10, p. 6–7.

[2] *Топоров В. Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный Съезд славистов. М., 1988, с. 264–292; *Toporov V. N.* Sulla ricostruzione dello stato più antico del protoslavo // Res Balticae, Pisa, 1998, 4, p. 9–38.

русских территорий, а затем монография, выполненная совместно с акад. О. Н. Трубачевым[3]. В дальнейшем В. Н. Топоров продолжил эти исследования на материале множества названий рек, получивших в его работах этнолингвистические характеристики. Благодаря этим исследованиям были установлены гораздо более широкие, чем предполагалось ранее, границы ареала распространения балтов. По Топорову, восточная граница массива балтийских гидронимов проходит на широтах Калуги — Рязани или южнее — Тулы — Щацка примерно на 300 верст дальше ранее предполагавшейся, но отдельные названия балтийского типа встречаются и значительно восточнее[4]. В нашем издании Топоров опубликовал труд о балтийских гидронимах Поочья[5]. К последним гидронимическим его исследованиям относится работа, посвященная балтийским гидронимам Северо-Западной Руси[6]. В этом отношении гидронимические исследования Топорова шли рука-об-руку с другими его работами, посвященными контактам балтов и славян в том же ареале[7]. Существенно новыми выводами завершились и работы Топорова, касавшиеся южных областей распространения балтийской гидронимики, в частности, на Балканах. Вместе с разысканиями Дуриданова и некоторых других ученых они поставили вопрос о реальности балто-фракийских связей и их вероятном историческом истолковании.

С самых ранних лет своей лингвистической деятельности Топоров начинает большую этимологическую работу преимущественно над балтийским и славянским словарем. Сейчас, когда вышли последние его статьи по балто-славянской лексикологии[8], а за ними и первые два тома собрания его этимологических работ, включающих и вводный теоретический, становится более наглядным все значение сделанного им в этой области. Новую эпоху в изучении словаря не только балтийских, но и славянских языков ознаменовал словарь прусского языка в индоевропейской перспективе, который издавался в 1975–1990-х гг. Топоров в напечатанных томах успел обозреть примерно половину наличных слов включая начинающиеся с *l-* (для последующих букв работа проведена по карточкам, которые Топоров передал петербургским и вильнюсским коллегам, намеревавшимся закончить работу, в том числе и придав ей компьютерную форму). Словарь представляет собой уникальное явление, во многом выходящее за пределы традиционно оформленного жанра. Во-первых, хотя в основе лежит широко поданный материал древнепрусской лексики, ономастики и топонимики (включающей и гидронимику), достаточно много внимания уделено и другим балтийским языкам, в том числе и тем мертвым, которые, как куршский, реконструируются по косвенным данным — главным образом по заимствованиям в живые восточно-балтийские языки. Напомню в этой связи, что Топоров был инициатором начала оживления мертвого древнепрусского языка. В частной переписке с балтистами он начал пользоваться известными древнепрусскими формулами приветствий, что позднее переросло в целое движение по воскрешению этого языка, у которого сторонники появились в разных странах (в Германии к числу предвестников можно было бы включить и Бобровского, стихотворение которого содержало древнепрусские слова). В эпоху, когда только и говорят что о еженедельном умирании языков и об опасностях клонирования, надо было обладать несовременным оптимизмом и верой в будущее и в чудо, чтобы попытать счастья хотя бы в небольшом опыте лингвистического воскрешения. По существу все сравнительно-историческое языкознание нацелено на эксперимент такого рода. Но мало кто это так реально почувствовал, как Владимир Николаевич в его занятиях дренепрусским. Кроме прочих его знаний и способностей этому способствовал и постоянный интерес к проблеме времени в разных культурах[9].

Во-вторых, существенной чертой древнепрусского словаря Топорова была его широкая индоевропейская ориентированность. Читая, например, немалый и по величине этюд, излагающий проблемы, связанные с древнепрусскими отражениями индоевропейского названия «медведя» (**Hat(o)ko-> *tloko-> *klok-, clokis*)[10], внимательный читатель узнает много нового и о родственном хеттском слове (*ḫartagga-* [*ḫar-ta-ag-ga-*] 'медведь'[11]), и о том, в какой мере открытие этого слова было предвос-

[3] *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

[4] *Топоров В.* О балтийской гидронимии Верхнего Подонья // Linguistica Balticae, Warszawa, 1992, I, с. 226.

[5] *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I–II // Балто-славянские исследования. 1986, 1987. М., 1988–1989.

[6] *Топоров В. Н.* О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам Древней Балтии») // Res Balticae, Pisa, 1995, 1, p. 13–40.

[7] *Топоров В. Н.* К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII–XV веков) // Res Balticae, Pisa, 2001, 7, p. 7–22.

[8] *Топоров В. Н.* Из балто-славянской лексикологии: II // Res Balticae, Pisa, 1997, 3, p. 33–68.

[9] Перу Топорова принадлежала очень увлекательная статья о «Времени», планировавшаяся для «Философской энциклопедии», задуманной изначально в вольном духе. Но редакторы позднее испугались, и статья, многократно проходившая дополнительную редактуру, так и не увидела света.

[10] *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. K–L (*kirk- laid- ik*). М., 1984, с. 68–78.

[11] О том, насколько Топоров был во всеоружии дисциплин, лишь побочно связанных с его специальностью, можно составить представление, сравнив эту его словарную статью с опубликованной семью годами позже в узко

хищено в разысканиях выдающегося, но сейчас полузабытого лингвиста Бранденштейна, и о лингвистических и других познаниях, сказавшихся в поразительной новелле Проспера Мериме «Локис».

В-третьих, заинтересованность автора в реалиях, без которых слова едва ли можно истолковать полностью, делает словарь важным подспорьем в изучении подробностей духовной и материальной жизни пруссов, таких, как, например, использование ими кобыльего молока[12]. Для воссоздания обычаев повседневной жизни народов Балтии используются и личные наблюдения автора (скажем, по поводу особых ритуалов, связанных с ловлей лосося рыбаками на Немане[13]).

Эти его занятия были теснейшим образом связаны с проникновением в древнее мировоззрение и нравственные устои изучаемых им народов. Я думаю, что со времени, когда Ницше высказал мысль о возможности построения истории нравственных понятий на снове истории обозначающих их слов, ни один лингвист не сделал для этого так много, как В. Н. Топоров. В качестве одного из многих примеров, относящихся к ранней балто-славянской терминологии, можно привести предложенный им анализ слов, в обеих этих ветвях индоевропейской семьи ставших обозначениями святости. Самому этому понятию в старой русской вере и святым русским людям, обозначавшимся словами этого корня, Топоров посвятил обширную двухтомную книгу. Один из самых увлекательных ее разделов изучает этимологию славянского и балтийского обозначений святости[14]. Топоров рассматривает проблему перехода от одной веры к другой и сохранения древнего термина. Он начинает с индоевропейского контекста, включающего не только достаточно известную авестийскую и другие индо-иранские параллели (в том числе и вновь обнаруженную хотано-сакскую), но и менее часто упоминаемую германскую и возможные тохарские (сравнительно незадолго до начала его научной работы открытым тохарским языкам Восточного Туркестана I тыс. н. э. в их отношении к другим индоевропейским, в частности, балто-славянским, Топоров посвятил много специальных работ). Далее рассматриваются следы использования слов этого корня в топонимике, древних названиях языческих балтийских и славянских богов и соответствующие

хеттологическом издании: *Puhvel J.* Hittite Etymological Dictionary, vol. 3. Words beginning with *þ*. Trends in Linguistic Documentation-1/5. Berlin; New York; Amsterdam, 1991, 3, p. 201–202.

[12] *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. A–D. М., 1975, с. 135–138.

[13] *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. L (*lyadis- lud- & mod-*). М., 1990, с. 103.

[14] *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995, с. 415–600.

сакральные формулы, в частности, обращенные к балтийскому божеству огня. Кроме конкретных предположений, важных для продолжения поисков самых ранних истоков слов с этими значениями (в последнее время добавились и гипотезы об их отражении в хеттском обозначении «правой стороны»), в этой части первого тома книги Топорова излагается общая методология нахождения древних основ религиозных понятий и их обозначений. Соединение в одном лице философа, религиозного мыслителя и лингвиста-исследователя древней культуры дает в высшей степени значительный результат. Занятия индоевропейской и балто-славянской предысторией и этимологией сообщали необычайную диахроническую глубину топоровской научной реконструкции ранней языческой поры в духовном наследии далеких предков балтов и славян. Реконструкция и здесь начиналась с языковых результатов сравнения (такой подход в гуманитарных науках хотелось бы сравнить с таким применением математики в естественных науках, особенно физике, когда вычисление доводится до конкретного числа). Топоров не только восстановил целый пучок балтийских мифологических терминов и имен богов и других персонажей, но и выявил характерные черты текстов, в которых они выступают. Здесь сказались познания Топорова в области балтийского и славянского фольклора, позволившие ему реконструировать дописьменный период предыстории балтийских и славянских литератур. В частности, в балтийском фольклоре, как и в славянском, он открыл одинаковые архаические вопросно-ответные структуры[15]. Напомню, что именно в области восстановления фрагментов мифологических текстов ему принадлежат открытия, признанные и развитые в недавнее время такими всемирно известными учеными, как К. Уоткинс. Принятое Топоровым в соответствии с общими принципами современной культурной антропологии совместное рассмотрение мифа и ритуала способствовало открытию новых перспектив в изучении обрядовой стороны языческих балтийских обрядов и воплощавших их текстов[16].

Много нового было внесено Владимиром Николаевичем в реконструкцию таких мифологических систем, как древнепрусская, ранее известная лишь по разрозненным сообщениям вторичных источников. Прусская и другие балтийские мифологические традиции были рассмотрены Топоровым в широком балто-славянском и иноевропейском аспектах, выявивших их архаизм. В энциклопедии «Мифы народов мира» (1 изд. — 1981–1982 гг.) Топорову принадлежит (как автору и

[15] Ср.: *Топоров В. Н.* Из области балто-славянских фольклорных связей // Lietuvių kalbotyros klausimai VI. Vilnius, 1963, с. 149–175.

[16] Ср. из напечатанного в нашем издании: *Топоров В. Н.* Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987, с. 10–52.

соавтору) значительная часть статей о главных типах символов (например, числовых или зооморфных) и об отдельных системах (в том числе балтийской и славянской) и их богах. Важнейшие исследования Топорова по балтийской мифологии и обрядовости были недавно изданы в литовском переводе[17].

В соответствии с более общими взглядами на соотношение истории и ее мифологических источников, развитыми в семиотических исследованиях Топорова, ставших классическими, он занимался этой проблематикой и на материале легендарной и реальной истории города Вильнюса, Вильны, Вильна[18]. Это исследование представляет исключительный интерес не только для конкретной истории этого города и соотношения в нем с ранней поры, фиксируемой древними текстами и преданием, литовского и славянского элемента, но и для более общих вопросов языкового многоязычия городов и урбанистической лингвистики.

Топорову принадлежат интересные наблюдения относительно раннего периода истории Литвы в ее соотношении с русскими землями. Оригинальным в исторической концепции Топорова было понимание роли Литвы в соотнесении с Московской Русью.

Обратившись к вопросам начала литовской письменной традиции, он написал исследование о Мажвидасе и начале литовской книги[19].

Нет такой области гуманитарного изучения культур и языков балтийских и славянских народов в их взаимодействии, которой бы всерьез не занимался Топоров со свойственной ему ювелирной точностью в соединении с универсализмом.

Потери, понесенные нами с его уходом, неисчислимы. Но прежде всего будем помнить приобретения, которыми он всех нас обогатил.

Вячеслав Вс. Иванов

---

[17] *Toporov V.* Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai / Sudarė N. Mikhailov. Vilnius, 2000. Ср.: *Toporov V. N.* Appunti sulla mitologia baltica // Res Balticae, 1998, 4, p. 39–66; *Топоров В. Н.* Балтийские данные к реконструкции балто-славянского мифологического образа земли-матери **Zemjā* & **Mātē* // Там же, p. 159–193; *Toporov V. N.* Varpulis как ипостась Перкунаса (из заметок по балтийской мифологии) // Там же, 1996, 2, p. 107–124; *Топоров В. Н.* Заметки о латышских мифологических именах // Onomastica Lettica. Riga, 1990, p. 200–236 и др.

[18] *Топоров В. Н.* Vilnius, Вильно, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 3–71.

[19] *Топоров В. Н.* Начало литовской письменности: Мартинас Мажвидас в контексте его времени. М.; Вильнюс, 2001.

В. Н. ТОПОРОВ

ЕЩЕ РАЗ О *НЕВРАХ* И *СЕЛАХ* В ОБЩЕБАЛТИЙСКОМ ЭТНОЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ (НАРОД, ЗЕМЛЯ, ЯЗЫК, ИМЯ). ИЗ ИСТОРИИ и.-евр. **neur-*: **nour-* и **sel-*

(НЕУМИРАЮЩАЯ ПАМЯТЬ ОБ ОДНОМ БАЛТИЙСКОМ ПЛЕМЕНИ)

Посвящается многоуважаемому Янису Страдиньшу

Viena zeme, vieni ļaudis, —
Nav vienāda valodiņa.
Ik pēc zemes gabaliņa
Griež savādu valodiņu.

LD 21129-2

Когда народ уходит в небытие, земля, на которой он жил, пустеет или заселяется другим народом; когда исчезает сам язык, память обо всех этих утратах чаще всего сохраняется уже только в имени ушедшего в вечность народа, и это имя — последний приют памяти об ушедших людях, о том, что им было дорого, что было их казавшимся неотчуждаемым наследием. К счастью, это имя сохранилось, хотя носители его давно уже именуются иначе, но люди неравнодушные к своей истории, те, для кого историческая связь со своими предками не оборвана, помнят о своем прежнем имени, которое и позволяет им восстановить память о связи времен — прошлого с настоящим. Утешительно знать, что нынешние потомки селов понимают и/или чувствуют эту связь со своими предками.

Речь пойдет о древнем этноязыковом контексте, о ряде балтийских (или подозреваемых в балтийскости) племен, видимо, уже существовавших во времена геродотовы (невры) и известных ему хотя бы по названию и по некоторым их особенностям, но, в частности, и о тех племенах, которые были неизвестны Геродоту, — о селах или — в латинизированной форме — о селонах. Латыши и сейчас называют своих предков *sēļi*, поясняя нередко, что это название «древнего латышского племени», а литовцы — *sėliai*, более пространно и точно определяя этот этноним как «baltų gentis, gyvenusi dabartinės Latvijos TSR pietryčiuose ir Lietuvos TSR šiaurryčiuose» (LKŽ XII, 352). О латинских и старонемецких обозначениях селов см. ниже.

Судьба балтов и соответствующих языков на глазах истории развертывается во времени на два с половиной тысячелетия, а в про-

странстве (по разным версиям) — от средней Волги до нижней Вислы и ближайшей территории в Зависленье (с востока на запад) и от границы лесостепи, северной Украины (а может быть и юго-восточнее — проблема будинов), Волыни и Карпат до 58° параллели (с юга на север). Конечно, в таком огромном хронотопе далеко не всегда и не всюду «балтийская» этноязыковая стихия заполняла все это пространство и все это место, и уж тем более нет никаких оснований полагать, что балты были единственными обитателями этого хронотопа. Но когда речь идет о поиске надежного ядра, широкий взгляд более уместен, ибо ядро яснее всего заявляет о себе именно в разреженном контексте.

I. К вопросу о «балтийскости» невров

В этом случае начинать приходится с Геродота (V в. до н. э.), с его «Истории», точнее с ее четвертой книги («Мельпомена»). Автор щедр на перечисления древних племен, живших на необъятных пространствах Причерноморья, к северу от Черного моря, где, естественно, первенствовали скифы, наиболее известные грекам. В списках племен кое-что не вполне достоверно, а иногда, видимо, и принадлежит скорее мифологии, чем истории. Но сам порядок перечисления этих припонтийских племен, похоже, соответствует — в общем и целом — реальному размещению их. Таков фрагмент IV, 17: «Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) обитают каллипиды — эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами [...] Севернее ализонов живут скифы-земледельцы [...] Наконец, еще выше их живут невры (Νευροί, жители области Νευροίς, упоминавшейся еще Гомером. — *В. Т.*), а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это — племена по реке Гипанис (Ὕπανις, теперешний Буг) к западу от Борисфена» [1]. [Βορυσθένης, теперешний Днепр, отсюда Βορυσθενείης или Βορυσθενίτης как обозначение жителя берегов Борисфена.] Из этого фрагмента с высокой степенью достоверности следует, что именно невры занимали крайнюю северо-западную область обжитой ойкумены (по крайней мере, так, видимо, считал сам Геродот). Далее шло теперешнее Полесье, на территории которого было огромное озеро, окруженное болотами и лесами. Из него вытекали реки, впадавшие в Истр (Ἴστρος, Дунай) и делавшие Истр-Дунай весьма полноводным [2].

[1] ἀπὸ τοῦ Βορυσθενειτέων ἐμπορίου (τοῦτο γὰρ τῶν παραθαλασσίων μεσαίτατόν ἐστι πάσης τῆς Σκυθίης), ἀπὸ τούτου πρῶτοι Καλλιπίδαι νέμονται ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι, ὑπὲρ δὲ τούτων ἄλλο ἔθνος οἱ Ἀλιζῶνες καλέονται. οὗτοι δὲ καὶ οἱ Καλλιπίδαι τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταὐτὰ Σκύθῃσι ἐπασκέουσι, σῖτον δὲ καὶ σπείρουσι καὶ σιτέονται, καὶ κρόμμυα καὶ σκόροδα καὶ φακοὺς καὶ κέγχρους. ὑπὲρ δὲ Ἀλιζώνων οἰκέουσι Σκύθαι ἀροτῆρες, οἱ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπείρουσι τὸν σῖτον ἀλλ' ἐπὶ πρήσι. τούτων δὲ κατύπερθε οἰκέουσι Νευροί, Νευρῶν δὲ τὸ πρὸς βορέην ἄνεμον ἔρημος ἀνθρώπων, ὅσον ἡμεῖς ἴδμεν. ταῦτα μὲν παρὰ τον Ὕπανιν ποταμόν ἐστι ἔθνεα πρὸς ἑσπέρης τοῦ Βορυσθένεος (BRMŠ I, 115).

[2] Геродот IV, 49–50 подробно описывает реки, впадающие в Истр и объясняющие его полноводность особенно летом (впрочем, и левые притоки Истра-Дуная были тоже полноводными, так как брали начало или в богатой водами местности и/или имели свой исток в горных областях, где в свою очередь собирали воды своих притоков, и все это устремлялось к Дунаю и далее вливалось в Черное море. Но о самом Истре Геродот, конечно, писал). Ср.: «Ведь Истр течет через всю Европу, начинаясь в земле кельтов — самой западной народности в Европе... Так-то Истр пересекает всю Европу и впадает в море на окраине Скифии. ‖ Итак, оттого что воды названных рек и многих других вливаются в Истр, он становится величайшей рекой... А то, что количество воды в Истре и летом и зимой одинаково, объясняется, видимо, следующим. Зимой воды этой реки достигают своего естественного уровня или немного выше, потому что в это время в тех странах только изредка выпадают дожди, но зато постоянно идет снег. Летом же глубокий снег, выпавший зимой, тает и отовсюду попадает в Истр. И вот этот-то талый снег стекает и наполняет реку, а также частые и обильные дожди (ведь дожди бывают там и летом). Насколько больше воды летом, чем зимой, притягивает к себе солнце, настолько Истр становится летом полноводнее, чем в зимнее время». — В следующем фрагменте IV, 51 Геродот говорит, что второй по величине рекой после является река Тир (Τύρας, Днестр), что он «начинается на севере и вытекает из большого озера на границе Скифии и земли невров» (весьма важно указание, что Τύρας имеет своим истоком «большое озеро» на границе скифов и невров, причем судя по всему невры располагались севернее скифов, во-первых, и, во-вторых, что «большое озеро», видимо, и было истоком Припяти). В фрагменте IV, 52 тема озера продолжается: «Третья река — Гипанис — берет начало в Скифии. Вытекает она также из большого озера... Озеро это справедливо зовется „матерью Гипаниса“. Река Гипанис по выходе из озера лишь короткое время — пять дней пути — остается еще пресной, а затем на четыре дня плавания, вплоть до моря, вода ее делается горько-соленой». Сама эта не раз возникающая тема большого озера согласуется не только с естественно-научными (в частности, гидрологическими) данными, но и с тем, что уже в наше время во время разлива рек существенная часть Полесья превращается практически в большое озеро. Эти сведения позволяют приблизительно локализовать землю невров южнее Полесья, тем более, что в бассейне Южного Буга отмечены гидронимы типа

Нýрець, см. СГУ 1979, 392. — Другие геродотовские фрагменты, в которых невры появляются в контексте других племен — IV, 100, 102, 105, 119, 125, представляются менее достоверными и более мифологизированными. — Существен и более широкий этногеографический контекст, позволяющий точнее локализовать локус невров («Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с невра-ми, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами» (IV, 100), от μέλας, μέλανος 'черный' и χλαῖνα 'род плаща, покрывала'; ср. IV, 107: Μελάγχλαινοι δὲ εἵματα μὲν μέλανα φορέουσι πάντες, ἐπ' ὧν καὶ τὰς ἐπωνυμίας ἔχουσι, νόμοισι δὲ Σκυθικοῖσι χρέωνται (BRMŠ I, 119); полагают, что меланхлены жили к востоку от Днепра, ср. *Чернигов, Чернятин, Чернечьск, Чернобыль, Черная могила, Чернягин, Черный лес* и т. п., вплоть до *Черной Руси*). — В IV, 105 Геродот сообщает ценные данные: «У невров обычаи скифские..., им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов». — О будинах Геродот пишет и далее (IV, 108–109). Здесь снова появляется мотив «огромного озера, окруженного болотами и зарослями тростника. Эллины будинов называли также *гелонами*» (Γελωνοί, ср. их центр деревянный город Γελωνός). — Название племени Γελωνοί, учитывая их соседство с будинами, их внешний вид («светло-голубые глаза и рыжие волосы будинов»), наконец, то, что эллины называли будинов гелонами, «хотя и неправильно» (BRMŠ I, 119), род их деятельности, связанной с тем, что они были лесными жителями (охота на выдр, бобров и других зверей, мехом которых они оторачивают свои шубы), возникает вопрос о возможных этноязыковых связях этнонима Γελωνοί с чем-то из этнонимов других ономастических традиций. Конечно, ответ на этот вопрос может быть пока поневоле «пробным» и тем не менее, кажется, первой попыткой. В этой связи именно этнонимы, антропонимы, гидронимы и топонимы балтийских языков должны быть рассмотрены прежде всего. Лишь несколько примеров пока почти наугад. Ср.: прусск. топонимы *Gelayne* (при nom. propr. *Gelune, Gelenne*), *Gelyen, Gelow, Gelyteyn, Gelauwen*, озеро, *Gillaw*, топоним, см.: (Gerullis 1922, 31; Trautmann 1925, 39); лит. топонимы *Geliónys*, деревня, *Gelnai, Gelovinė, Gelvė, Gelučiai*, может быть, *Galnė* и др., гидронимы *Gelionīų ežeras, Geluonaĩ, Galuõnas, Galuonaĩ, Galin-upė, Gãl-upalis* и др.; nom. propr. *Gelūnas, Gelúnas, Galaũnius* и др., в частности, двусоставные имена с первым, вторым или третьим членом **Gel-* (*Gel-:gel-*), см.: (LPŽ 1985, 646–650; Kuzavinis, Savukynas 1987, 172–173). — Следует заметить, что наряду с элементом *gel-* (*Gel-*) существуют слова с корнем *gėl-*, ср. *gélti* (*gėlia, gėlė*) 'болеть', 'ныть', 'ломить', 'жалить'. К этимологии лит. *gélti* см.: LEW I, 145–146. — Возможное продолжение и, может быть, уточнение этимологии этого слова связано с идеей желтизны. Формально речь идет об элементе *gel-(t-)*, который

Невры не раз упоминались и позднее — Плинием Старшим (*Neuroe*), Аммианом Марцеллином (*Neruiorum*), Помпонием Мелой, Валерием Флакком (*Neuri*) и даже Баварским Географом (*Neriuani*). По поводу этнолингвистической принадлежности невров и их происхождения велась, а отчасти и ведется давняя и оживленная полемика. Мнения высказывались самые различные. Так как в этих дискуссиях большинство участников составляли представители славянских стран и, к тому же, профессиональные слависты, чаще всего в геродотовских неврах склонны были видеть предков славян, хотя говорить о славянах применительно к V в. до н. э. едва ли корректно, и в Восточной Европе славяне появились в основном едва ли раньше V–VI вв. н. э. Тем не менее большинство ученых, начиная с Карамзина и Шафарика, склонялись к тому, чтобы видеть в неврах предков славян. Это мнение разделяли как славянские ученые (Л. Нидерле, Т. Лер-Сплавиньский, К. Мошиньский, Я. Отрембский, М. Рудницкий, К. Тыменецкий, М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков и др.), так и немецкие (К. Мюлленхофф, М. Фасмер, А. Херрманн и др.). Разумеется, со временем и при этом достаточно робко, нередко и непоследовательно появлялись утверждения, что предками невров могли быть балто-славянские племена, но в самом этом предположении крылась существенная неточность хронологического порядка: в середине I-го тысячелетия **до** нашей эры именно балтийские племена составляли тот этнос, из которого существенно **позже** стали выделять будущие славянские племена,

отмечен в многочисленных словах, отсылающих к болезни (первоначально, возможно, связанной с появлением желтизны). При лит. *gel̃tas, geltónas* 'желтый', *gel̃tis* 'желтизна' элемент *gelt-* обозначает и самое болезнь — желтуху, ср. *geltà* 'желтуха' (и 'желтизна'), *gel̃tligė* 'желтуха', но и кроме этого нужно помнить о многих других словах этого корня, ср.: *gel̃tis* 'желтизна', но и 'буланая лошадь', *geltõnis* 'желтизна', *gel̃tinti* 'желтить', *gel̃sti* 'желтеть', *gel̃stelėti* 'немного пожелтеть' и т. п. Таким образом, мотивация обозначения болезни — появляющиеся желтые пятна, болячки на коже. Семантически дело объясняет параллель лит. *skaudėti* 'болеть' при лит. *skaudẽ* 'болячка', 'нарыв', 'чирей'. Разумеется, это предположение не больше чем вероятный вариант объяснения. Но если это так, то обозначение гелонов (Γελωνοί), которых греки смешивали с будинами с их рыжими волосами, отсылает к идее желтизны волос (ср. также их «светло-голубые глаза» при и.-евр. **g'el(ə-)*, **g'lē-*, **g'(ə)ləi-* 'светло, ясно сиять', 'быть ясным, веселым' (Pokorny 1959, 366–367) при предположении, что начальное *g'-* не подверглось палатализации, чему есть немало примеров). К тому же, не меньше примеров и тому, что «желтое» нередко сродни «светлому, сияющему, солнечному, золотому». — О гелонах см. и далее.

первоначально локализировавшиеся по южным (в основном) окраинам балтийского пространства. До известной поры предположение о балто-славянской принадлежности невров было шагом вперед, за которым должен был последовать и следующий шаг. Он и был сделан отчасти археологами, работавшими на территории, предположительно определяемой как пространство обитания невров, но в существенно большей степени лингвистами, отметившими в Посемье контакты иранского и балтийского (а позже и славянского) этнолингвистических элементов на гидронимическом материале, во-первых, а во-вторых, наличие бесспорных балтизмов (прежде всего в гидронимии) значительно южнее течения Припяти в ареале ее правых притоков на широтах Киева и южнее (ср. *Шандра*, п. п. Днепра, к югу от Киева, при лит. *šañdrai* 'песчаные наносы', 'сор') [3]. Одним словом, присутствие балтоязычных гидронимов (и не только их) на Правобережной Украине вплоть до Волыни [4], а также в прилегающих к Припяти землях к северу, богатых примерами балтийских водных названий, сближает этот ареал с соседними и, видимо, совпадает с немалой степенью вероятности с «неврской» территорией. Есть еще одно соображение в пользу большей древности балтийского гидронимического ландшафта по сравнению со славянским. В указанном ареале (и, конечно, шире, в Верхнем и отчасти Среднем течении Днепра, соответственно в его бассейне) довольно четко различаются древние славянские гидронимические элементы (их в общем довольно небольшой круг) и существенно более поздние (их много сотен), тогда как балтийский гидронимический слой в том же ареале в принципе более однороден по времени его формирования, и рельефно выступают именно архаичные гидронимы балтийского происхождения.

Но более веским аргументом в пользу балтийского прошлого «Нервии» (**ner-u̯-*: **neu̯-r-*) оказываются данные, относящиеся к гидронимии этого ареала, отражающей корень и.-евр. **ner-* в разных его вариантах и по огласовке корня, и по расширениям корня. Здесь нет необходимости перечислять все варианты и.-евр. **ner-u̯*: **neu̯-r-*. Важнее отметить две существенные детали. Первая относится к смыслу, который связывался с указанным корнем **ner-*1. Согласно Pokorny 1959, 765–766, этот корень обозначал магическую жизненную силу ('magische Lebenskraft') и носителя этой силы — мужчину в полноте его жизненных сил, человека, обладающего этими силами, энергией, активностью. Этот корень в этом значении засвидетельствован в большинстве индоевропейских языков. Лишь несколько примеров — др.-инд. *nar-* 'мужчина', 'человек', авест. *nar-*, арм. *air* (Gen. *arn*), др.-греч. νωρεῖ. ἐνεργεῖ (Hesych.), ἀνήρ 'муж', ἠνορέη 'мужество', алб. *njer*, лат. *Nēreus*, др.-греч. Νηρεύς, Нерей, сын Океана и Геи, морское божество, плодоносный отец 50 Нереид, *Neria*, *Neriēne*, *Nerio*, Нериена, жена Марса, богиня сабинян, *Nero*, *-onis*, cognomen в роде Клавдиев, *Nerva*, cognomen в роде Кокцеев и Силиев, *Nervii*, племя в Gallia Belgica, *nervia* 'струна', *nervus* 'жила', 'сухожилие', 'нерв', 'мускул', 'мужской член', но и 'сила', 'упругость' и др., *Nerthus*, германская богиня земли (ср. связь лат. и италийск. *ner-* с низом, землей, где черпается «нижняя» сила). В связи с соотношением **neu̯-r-*: **ner-u̯-* стóит обратить внимание на то, что лат. *nervus* возникло в результате перестановки из пралатинск. **neuros*: **sneu̯eros* > **snereu̯os*. Связь корня **ner-* с «нижним» царством, с водой, с представителями «низа» объясняется и такими значениями слов этого же корня, как лит. *nìrti* (*nỹra*) 'нырять' (но и 'мчаться', 'нестись'; 'лупить'), лтш. *nirt* 'нырять', *nirējs* 'ныряльщик', русск. *нырять* и т. п. [5]. Погружение в воду, сама связь с водой предполагают движение, при котором субъект действия устанавливает контакт с низом, в результате чего этот субъект приобретает особые качества — мужественность, отвагу, полноту жизненных сил. Не случайно, что индоевропейский корень **ner-* сочетает в себе отсылку к теме воды, обозначение низа (ср. и.-евр. **ner-(tero-)*, др.-греч. νέρθε(ν) 'внизу', 'снизу'; 'под' (предлог), νερτέρος, νέρτερος 'находящийся внизу', 'нижний', 'подземный' [νέρτεροι θεοί 'боги подземного царства', но и νέρτεροι 'жители подземного царства', т. е. усопшие, ср. νερτέριος 'находящийся внизу', 'подземный'], обозначение жизненной силы, мощи, юности и их носителей, ср.:

[3] См.: Топоров, Трубачев 1962, 159–214, 231–242, карты 3–6, 8–10; Трубачев 1968, 284–285, карты 16, 18.

[4] Ср.: Непокупный 1964; Непокупный 1976, а также многие статьи этого же автора, посвященные, в частности, «южным» балтизмам.

[5] Заслуживает особого внимания семантическая связь ныряния, погружения в воду и воды как некой многоструйной субстанции, представляющей собой как бы сплетение, связку составляющих ее струй. Ср. лит. *nérti* — и 'нырять', и 'вязать', 'плести' (но и 'драть', 'лупить'; 'мчаться', 'нестись'). С учетом этой семантической фреквенталии уместно привлечь внимание к др.-инд. *snā́van-*, авест. *snavarə* (ср. тохар. В *sñaura*), отсылающим к чему-то, сочетание чего образует своего рода сопряжение, «пряжу», как текущая вода, в которую погружаются, ныряют, входят, представляет подобное же сопряжение струй, соответственно — нитей, жил, сухожилий, тяжей, нервов (нервюра) и т. п. Все здесь сказанное приобретает тем больший интерес, что и.-евр. **ner-u̯-*: **neu̯-r-* как раз и входит в состав приведенных выше слов с начальным *s-*, ср. также русск. *сновать*: *основа*, лтш. *snauja* как обозначение связи, связки, повязки и т. п.

др.-инд. *sūnára-* 'исполненный жизненной силы', 'юный', авест. *hunara-* 'обладающий чудесной силой'; др.-инд. *nṛtu-* 'герой' при *sūnṛ́ta-* 'жизненная сила' (ср. др.-ирл. *so-nirt*, кимр. *hy-nerth* 'смелый', 'сильный'; *ner* 'герой'; лит. *nóras* 'воля', 'желание', *norėti* 'хотеть', 'желать', *nértėti*, *nartìnti* 'гневаться', *nařtsas* (из **nař-sa-s*) 'смелость', 'гнев', *narsėti* 'становиться храбрым', *nařsinti* 'ободрять', 'придавать храбрости', *narsùmas* 'храбрость' и др. (Pokorny 1959, 765–766; LEW I, 483, 495–496, 507–508; Karulis 1992, I, 629 и др.); ср. также прусск. *nertien* 'гнев', *ernertimai* 'мы гневаемся' при лит. *nertėti* 'гневаться', *nartinti*, русск. *нóров* (праслав. **norvъ*, ст.-слав. нравъ) и др.). — Из мифологических персонажей с этим корнем (помимо многих других) ср. др.-герм. *Nerthus* (nom. propr. богини), др.-исл. *Njǫrdr*, но подобные имена нередко выступают и как антропонимы с «мелиорированной» семантикой, ср. прусск. *Naryko* (=*Noryke*), *Narim*, *Narioth*, *Narthawe* (*Nartau*), *Nartawt*, *Nartucke*, *Narune*, *Narwais*, *Narwocz* (*Narwoto*, *Narwotho*): *Noremunt*, *Normans*, *Nerdingis*, *Nergaut*, *Nergunde*, *Nergune*, *Nerman*, *Nermede*, *Nermoyde*, *Nermox*, *Nerweike*, *Nerwyde*, *Nerwiks*, *Nerwikete*, *Nerwille*; *Nyrginde*, *Nirglande*, *Nirglinde*, *Nirgunde*, *Nyrmede*, *Nirwex*; *Waysnar*, *Waysse-nore*, *Sanarie*; сокращенные имена *Naryko*, *Noryko*; *Narim*, *Norim*, *Narioth*, *Narene*, *Norune*, *Nore*, *Noryn*, *Noron*; названия мест — *Norwide*, *Norithen* (Trautmann 1925, 547); лит. nom. propr. *Nárbutas / Nárbotas*, *Nárbūda / Nárbūdas*, *Nařkus*, *Nármantas / Nármuntas*, *Nártautas*, *Narteika*, *Narùšis*, *Narunas*, *Narùtis*, *Nárvaišas*, *Nárwydas / Nārvydas*, *Narwìlas* и др.; *Nerečiónis*, *Nerẽvičius / Narẽvičius*; *Nìrtautas*; *Nořkus*, *Nórmantas*, *Nornaitis*, *Norūnas*, *Norùšis*, *Norùtis*, *Nórvainis*, *Nórvaiša*, *Norvaitis*, *Nórwydas*, *Norwylas / Norvìlis* и др. (LPŽ 1989, 296–302, 320, 328, 332–336), не говоря о латышских и латгальских именах собственных, топонимах и гидронимах (Endzelīns 1961, 469–470, 473–474, 476–477, 480; LUN 3 (N–R), 4–8; Zeps 1984, 336, 339 и др.; Blese 1929, 112 и др.). Среди этих имен немало мифологизированных носителей этой «нижней» силы, с которой связана идея земного плодородия: *Так сходят корни вглубь могилы | И там у смерти ищут силы | Бежать навстречу вешним дням*, — как сказал некогда поэт задолго до Покорного, зафиксировавшего в своем словаре три корня **ner-* (765–766), которые оказываются на должной глубине вариациями общего первоисточника — 1. **ner-* 'магическая жизненная сила' и 'человек' как ее носитель; — 2. **ner-* 'низ', 'нижние воды'; — 3. **ner-* как операция достижения этого нижнего мира через проникновение в него — **ner-* как 'eindringen', 'untertauchen', но и 'Versteck', 'Höhle'. Эта же идея глубоко обозначена Томасом Манном в его романе «Doktor Faustus» (1947).

Рассматривая парные дублеты и.-евр. **neu̯-r-* : **ner-u̯-*, реально отраженные в ряде индоевропейских языков — как в апеллятивах, так и

в гидронимии, — естественно предположить сходную метатезу *-u̯r-*: *r-u̯-* и в корнях с вокализмом *o*, т. е. **nŏu̯-r-*: **nŏr-u̯-* (прабалт. **nau̯r-*: **nar-u̯-*, соотв. **navr-*: **narv-*). Это предположение подтверждается конкретными данными, в частности, относящимися к гидронимии и топономастике ареала, связываемого с геродотовскими неврами, или соседних с ним. В этом контексте в центр внимания попадает Нарев, одна из крупнейших рек бассейна Вислы, в которую, как выяснилось относительно недавно, впадает Нарев (ранее считалось, что Нарев впадает в Буг), чуть ниже течения Вислы, недалеко от Варшавы, к северо-западу от нее. Свое начало Нарев берет на юго-западе Белоруссии в болотистой части Беловежской Пущи, направляясь, несмотря на все зигзаги, в общем направлении к северо-западу. Верховья Нарева относятся к территории, на которой уже в историческое время жили ятвяги, или судавы (судины), ср.: Γαλίνδαι καὶ Σουδινοί (Ptolem. Geogr. III, 5), причем галинды сидели в этом ареале западнее судинов-судавов, с которыми, как и с дайнавами, позже отождествлялись ятвяги [6], чье название связано с гидронимом *Jatfa*, упоминаемое в старых литовских хрониках и реконструируемое как **Jāta*, **Jātuva*, откуда и предполагаемое для известного времени этнонимическое обозначение ятвягов как **Jātuvingai* [7]. Характерно, что в этом ареале обозначение населения и самого племени часто ориентируется на гидроним, ср. судавы/судины, Судавия при гидрониме **Sūda* (ср. *Sūduonià* < *Sūdaunia*) и др. [8].

Хотя неоднократно указывалось, что «самые поздние сведения о ятвягах относятся к XIII–XIV вв., т. е. к эпохе борьбы против Ордена Тевтонских рыцарей» [9], в действительности дело обстояло несколько

---

[6] Ср. в источниках Ордена — *Denowe tota quam eciam — quidam Jetwesen vocant* (1259); *Per terram vocatam Suderland alias Jettuen* (1420); *terra Sudorum et Jatuitarum, quod idem est* (1422). Во всяком случае имя ятвягов было известно и существенно раньше, чем XIII в. Достаточно напомнить, что в русской летописи под 945-м г. фигурирует некий *Ятвяг Гунарев* (вар. Автагъ). — Из литературы о ятвягах см.: Łowmiański 1931–1932; Zajączkowski 1941; Zajączkowski 1953a, 175 и след.; Zajączkowski 1953b, 7–56; Kamiński 1953; Kamiński 1956, 131–168; Kuraszkiewicz 1955, 334–348; Wiśniewski 1957, 319–326; Gieysztor, Kamiński 1958, 51–53; Zinkevičius 1984, 282–288; Zinkevičius 1987, 40–53; Beresnevičius 2001; Beresnevičius 2002, 7–11 и др. — К ятвягам по археологическим данным см.: Engel, La Baume 1937; Engel 1939, 1–2; Kamiński 1953; Kamiński 1956a, 193–273 и др.

[7] См.: Otrębski 1963, 157–167; Дини 2002, 236, а раньше Būga 1961, 85–282.

[8] См. Дини 2002, 236.

[9] См.: Зинкявичюс 1984, 3–29; Zinkevičius 1985; Zinkevičius 1987, 40–53; Хелимский 1985, 234–235; Orel 1986, 269–272; Дини 2002, 238–241 и др. — Ис-

иначе — имя ятвягов сохранялось в обиходе векá спустя и, судя по всему, долго оставалось средством самоидентификации значительной части населения этих мест даже независимо от того, было ли это проявлением исторической памяти или знакомства со старыми источниками, относящимися к прошлому этой территории и его населения и усвоенными как уже собственно знание. Русские кадастровые записи 1800 года и более поздние опросы и переписи вынуждены были фиксировать принадлежность существенной части населения даже в гродненском локусе к ятвягам, хотя и говорившим на польском, белорусском или русском языках. С рубежа 80–90-х гг. XX в. отмечаются случаи «ятвягизации» среди населения этих мест и возрастание интереса к своему «ятвяжскому» прошлому. Думается, что есть веские основания считать, что отзвуки «ятвяжской мовы» реально присутствуют в так называемом «ятвяжском словарике», вписанном в книгу духовного содержания, видимо, ее владельцем предположительно в XVII–XVIII вв., и насчитывающем несколько более 200 слов (стóит добавить, что отдельные «ятвингизмы», вероятно, присутствуют и в современных говорах этих мест) [10].

Так или иначе, существенное совпадение наиболее правдоподобного ареала геродотовских невров и верхнего течения Нарева едва ли может быть случайным — и не только в силу общего консонантного костяка (*n-v-r* в первом случае и *n-r-v* во втором), но и потому, что существуют примеры метатезы, отмеченные выше: **neu̯-r-* и **ner-u̯-*. Все это было бы правдоподобным, вероятным, но едва ли доказанным, если бы в не раз упоминавшемся польско-ятвяжском словарике 96-му по порядку польскому *rzeka Narew* не соответствовало бы для обозначения этой самой реки ятвяжское название *Naura*, восходящее к форме и.-евр. **nŏu̯r-* > прабалт. **nau̯r-*, сопоставимое с корнем с *e*-вокализмом — **neu̯r-*, из которого на балтийской почве возникали названия типа *Niaur-*, *Niur-*, *Nur-* (из **Naur-* > слав. *Nur-*) [11]. В связи с гидронимом *Naura* как обозначением Нарева в польско-ятвяжском словарике, несомненно, следует напомнить о названии горы в Решельском повете Мазурского округа *Naurska Góra* (она же *Naurska Berg*, *Auerberg*) с важным уточнением: «góra na wschodnim brzegu jeziora Kikit, czyli Naurów» и озеро *Naury* (оно же *Auer See*, *Awer* (1656), *Aurin* (1352)), также *Kikity*, к югу от Лютерского озера [12].

Вместе с тем в том же источнике содержатся многочисленные примеры гидронимов и топонимов, отмеченных на Мазурах и содержащих тот же корень **Nar-*, что и в названии реки *Narew*. Ср.: *Naria*, *Narie*, *Narienfliess*, *Narien See*, *Narien Winkel*, *Narigen*, *Narejcka Struga*, *Narejtko*, *Narejty*, *Nareyten*, *Nareyther Fliess*, *Nareyther See*, *Naritz* (*Narzer Bach*), *Narka*, *Narken Berg*, *Narossa*, *Narus*, *Narus(s)a*, *Narusse*, *Narusz*, *Narys*, *Narzer Beek*, *Natr* (озеро) с вокализмом корня *a* [13] присутствуют и намного западнее и намного восточнее указанных мест, связанных с предполагаемой областью распространения геродотовских невров и, в частности, с бассейном Нарева. В частности, показательны гидронимы этого типа в бассейне Оки, ср. *Нара*, *Нарка*, *Нарва*, *Нареенка*, *Неревка*, *Неревец*, *Неревское* и др., но и *Неверка*, *Не-*

ключительная важность ятвяжско-польского словарика состоит, между прочим, и в том, что немногочисленные ятвяжские фразы из труда Иеронима Мелетиуса относятся к более северному и сильно «прутенизированному» ятвяжскому говору (см. «Wahrhafftige Beschreibung der Sudawen auf Samland sambt Ihren Bockheyligen und Ceremonien», 1562), тогда как ятвяжско-литовский словарик точно локализирован («Pogańskie gwary z Narewu») и происходит, вероятно, из более южной территории.

[10] Характерно, что польско-ятвяжский словарик озаглавлен «Pogańskie gwary z Narewu».

[11] Количество водных объектов, в чьих обозначениях выступают эти элементы, как, конечно, и *Ner-* (а также и топонимов, чьи названия произведены от водных названий), в рассматриваемой здесь зоне и в прилегающих к

ней локусах, где присутствуют следы пребывания балтийского этноязыкового элемента, очень велико. Оно насчитывает многие десятки, если не более, элементов с указанными корнями, и поэтому здесь придется ограничиться перечислением сравнительно небольшой части подобных названий. Ср. в бассейне Вислы, к которому принадлежит и Нарев с водами, принадлежащими бассейну самого Нарева: *Нарев*, *Narewka*, *Narwa*, *Narwica*, *Nary*, *Naritz(e)*, *Naruszewka*, *Narutówka*, *Neretwa*, река и озеро, *Nrowa*, *Nrowia* (ср. *Mrowa*, *Mrowia*, *Mrowla*, *Mrowna*, *Mrowinieckie*, озеро; *Nur*, *Nurka*, *Nury*, озеро, *Nurzec* и др.), см.: Hidronimia Wisły 1965, № 39, 302, 338, 374 (2x), 298, 399, 411, 414, 426, 540, 560, 581, 684 [ср. *Nawroce*, № 193: если только это название не связано с идеей поворота, оно могло быть интерпретировано как продолжение **Na-u̯-r-ut-ie* > **Naw-r-ъtьje* в устах ославяненных балтов, ср. *Naura* как обозначение Нарева в польско-ятвяжском словарике]; — днепр. *Нерета*, *Неропля* (из балт. **Ner-up-ia*), *Нертка*, *Неруза*, *Нерус(с)а*, *Неручь*, *Нервач*, *Неретва*, *Норець*, *Нора*, *Норинка*, *Нерчай*, *Нерчанка*, *Нараевка*, *Нýрець*, *Нурів* (СГУ 1979, 383, 386, 391, 392; Маштаков 1913, s. v. v.; Топоров, Трубачев 1962, passim и карта № 8). — Конечно, элементы *ner-*, *nar-* и т. п., но и *nev-*.

[12] См. SNMOM 1959, 300; сюда же прусск. *Aure* (1352), река (UBS 1891, 281), позже — *Auer-Fluß*; *Aurin* (1352), озеро; *Aurow* (1361), на *Auer-Fluß* (см. Gerullis 1922, 13).

[13] Ibid. II, 76, 77, 128, 146, 147, 192, 227, 285. Целый ряд названий этого же типа отмечаются в западных и северных частях Польши, см. *Narejty*, *Narie*, *Narusa*, *Naryjski Mlyn*, *Nart*, *Narty* и др. Ср. Rospond 1951, 203.

верютка и др. с консонантным костяком *н-в-р* или *н-р-в*. — Не меньше примеров того же типа и в Верхнем Поднепровье — от *Наровля*, *Наровлянка* (*н-р-в*) и несомненного балтизма *Неропля* (из **Ner-up-ja*) до более частых гидронимов с корнем **ner-*, **nar-*, ср. *Нарка*, *Нерета*, *Нертка*, *Нерчанка*, *Неручь*, *Нератовка*, *Нерчай*, *Нерета*, *Неруса*, *Неруза*, *Нересна*, *Нересня*, *Нересно*, которые, по крайней степени в большинстве случаев, должны рассматриваться тоже как балтийское наследие (см.: Маштаков 1913, s. vv.; Топоров, Трубачев 1962, 104, 171, 197, 198, 219, 233, 237 и др.).

Сходная ситуация наблюдается и в Литве и Латвии. Ср. литовские гидронимы типа *Neretà*, *Neretẽlė*, *Nerìnis*, *Neris*, *Nerỹs*, *Nérka*, *Nẽrotas*, *Norãlis*, *Noreĩkupė*, *Nórupis*, *Nõrušas*, *Nóruta*, *Nũrupis*, *Nùrupis* (особый интерес вызывает имя речки *Niūriškis* (из **neur-* ?) и др. См. LUEV 1963, 107, 109–111; Vanagas 1981, s. vv.); из лит. топонимов ср., возможно, *Narãvai*, *Nerãvai*, *Neravẽliai*, *Narasà*, *Nariūnai*, *Naručiai*, *Narùšiai*, *Nirvėnai*, *Niūrai*, *Niūraičiai* и др. (LATSŽ 1976, 193, 200–201 и др.; Vanagas 1981, s. vv.). — Из латышских гидронимов с указанными корнями ср. *Narvele*, *Narvelis* [*Нарвелис*] (*n-r-v*), *Naračа*, *Nareta*, *Narica*, *Naruta*, *Naruža* (*Наружа*), *Nereta* (*Нерета*), *Neretiņa*, *Neriņa*, *Norene*, *Norenupīte*, *Noriņa*, *Norumupe*, *Norupe*, *Norune* (*Норуне*), *Norupīte*, *Noruža*, *Nāruža* (LUN 3 (N–R), 4–8).

Соответственно, на тех же территориях многочисленны и топонимы с теми же корнями. Ср. лит. *Narasà*, *Narãvai* (*n-r-v*), *Nařčiai*, *Nariškiai*, *Nariškinas*, *Nariūnai*, *Narùčiai*, *Naručiónys*, *Nartaĩ*, *Nařtas*, *Nartavà* (*n-r-v*), *Narùčiai*, *Narùšiai*, *Narùšiškis*, *Narùtiškis*, *Nerãvai*, *Neravẽliai* (*n-r-v*), *Neringà*, *Nėrupis*, *Neverėnai* и др., но и *Niūrai*, *Niuráičiai*, *Niurkiaĩ*, *Niurkiškė*, *Norẽliai*, *Nóriai*, *Noriūnai*, *Norùčiai*, *Nonúnai*, *Norvaišiaĩ* и др. (LATSŽ 1976, 193–194, 200–202). Не меньше и репертуар топонимов, отмечаемых и на территории Латвии: лтш. *Nara*, *Nāraiši*, *Nāriši*, *Nārites*, *Nàruža*, *Nārūni*, *Nārvęni*, *Nàrvelis* (*n-r-v*), *Nuõra*, *Nuõręni*, *Nuõriņi* и др. *Narica*, *Nariņi*, *Nařva* (*n-r-v*), *Nęręta*, место и река, *Nęręti*, *Neriņš*, место и река, *Nęruļi*, «*Nervas*»-*licis*, *Ņèrvęni* (*Nārvęni*) (*n-r-v*], *Newaren* (1253), *Neware*, *Nevaru-leja* (*n-v-r*), и др. (Endzelīns 1961, 468–470, 473–474, 476–477, 486); — латг. *Nareta*, *Nārta*, *Nařvnîca* (*n-r-v*), *Neretiņa*, *Neretieši*, *Nereteņa* (см. *Nārta*), *Nērza*, *Nērzs* и др. (Zeps 1984, 334, 339). — Из старых свидетельств по антропонимии, связанных с Курляндией, но объяснимых и из латышского именослова, ср. *Nareme* (1355–1362), *Narvne* (1355–1362) (*n-r-v*), *Narvne de Penen*, *Narun*, *Naruszs* (1540), *Narus* и др. (Kiparsky 1939, 131, 313–314). — Особый интерес представляют прусские данные, ср. из топонимов и гидронимов: *Narasow* (1306), *Naraswo*, *Narasow* (*n-r-v*); *Narusch* (1328), *Nareyten* (1383–1387), озеро и деревня, *Nereythe*, *Norrayte* (ок. 1420), *Narayte* (XV в.); *Narge* (1337), река, *Narigen* (1352), река и озеро, *Nariabne* (1324), видимо, нужна конъектура **Nariawne* (*n-r-u*),

к *Narew*; *Narus* (1306), ручей, *Narusz* (1337), деревня, *Narys* (1372), ручей, *Naruse* (1374), ручей, *Narussa* (1389), ручей, *Nartz* (1503), ручей (позже — *Narzer Bach*, *Narz*, деревня), *Narwomede*, лес на прусско-мазурской границе (согласно Gerullis 1922, к лит. *narva* 'ячейка для пчелиной матки'; *n-r-v*); *Nerey* (1248), *Neria* (1251), *Nergia* (1258), *Nerge* (1387), позже *Nehrung*; *Nereyzobe* (1325), к *Nerey* и *Soben*; *Nerwiken* (1374), *Nerweken* (1374), *Narwiken* (1389), позже *Nerfken* (*n-r-v*); *Norieyn* (1258), *Nergeyn* (1258), *Narien* (1405), позже *Norgehnen*; *Noriow* (1310), *Norgow* (1384), *Norgen* (1515) (*n-r-v*); *Norithen* (1411–1419) (Gerullis 1922, 105, 107, 109) [к *Noriow* ср. *Narew*, *Нарев*]. — Из личных имен ср. прусск. *Naryko* (1382), *Noriko*, *Noreke*, *Norke* (1387), *Norko*; *Narioth*, *Narthawe* (*n-r-v*), *Nartucke*, *Nartawt*, *Nartucke*, *Narune* (1348); *Narwais* (1386, сомнительно), *Narwocz*; *Nerman* (1384), *Nermede*, *Nermoyde*, *Nermox*, *Nerweike* (1339), *Nerwyde* (1370), *Nerwiks* (1358), *Nerwikete* (1317), *Nerwekete* (1350), *Nerwille* (1419) (*n-r-v*); *Noremunt*, *Noriko* (1387), *Norim* (1345), *Noryn*, *Noron*, *Norwig* и др. (Gerullis 1922, 66, 70, 72). Разумеется, не все примеры вполне достоверны, особенно двусоставные, хотя и в некоторых из них повторяется консонантный костяк *n-r-v*. — О *Nerijà*, *Neringà* см. теперь Pėteraitis 1997, 265, а также 268–270 (названия с элементом *Nor-*); Hydronymia Europaea 2000, 99, 103–104. Особенно показательны топонимические примеры типа *in campum Norion* (1310), *Noriow* (1384), *Norgow* (1384), *Noriaw* (1418, 1422), *Noryaw* (1468, 1542–1543), *Norgaw* (1563–1564, 1620), *Norgau* (1674–1675, 1720–1721, 1785) и др., в которых появляется та же *n-r-v*-структура, что и в названии гидронима *Narew*, *Нарев*.

Здесь нет возможности говорить о многих других этнонимах, гидронимах, топонимах и антропонимах, характеризующихся наличием корневых элементов *ner-*, *nar-*, *nor-*, которые широко представлены и вне балтийского (или даже балто-славянского) пространства. Достаточно напомнить, что эти элементы присутствуют и в пространстве древнеевропейской (alteuropäische) гидронимии. Но и более того. Если не считать бесспорные факты, относящиеся к названиям с указанными корневыми элементами и обладающие определенным семантическим единством, то окажется, что в приведенных выше примерах немало вторичного и недостоверного. Не претендуя в данном случае на строгость этимологически правильных объяснений и, следовательно, сопоставлений, пишущий эти строки позволяет себе приводить в ряде списков не только безусловно достоверные и этимологически корректные примеры, говорящие о былом (исходном) единстве происхождения приводимых названий как в их форме, так и в их смысле, но и в определенных ситуациях указывать примеры, объединяемые скорее всего лишь «похожестью», т. е. лишь единством или близостью их звуковой формы, иначе говоря, их «на-

родно-этимологическим» осмыслением, таким, каким оно только и могло быть до создания научного сравнительного языкознания. Нельзя забывать, что существовала потребность в уяснении себе внутреннего (или «последнего») смысла названий указанных выше категорий, с одной стороны, философами (ср. Платона), мудрецами (ср. древнеиндийскую традицию), мистиками, провидцами, но и, с другой стороны, обычными людьми, интересующимися словом (а среди слов прежде всего названиями) и пытающимися подыскать к нему, точнее, к его форме, некий смысл, восстанавливая тем самым целокупное целое, в котором звук и смысл образуют неразрывное единство. И в этом смысле (и только в нем) Платон и простой человек, увлеченный поиском сути названий, равны друг другу во всем, кроме уровня способностей и талантов, которые (увы!) обычно оказываются равноудаленными от истины, открывающейся научной этимологией или, по крайней мере, приближающейся к этой истине. Но у научной, философской, мистической, «бриколажной» этимологий (ср. *bric-à-brac*, *bricole*, *bricolage* с идеей чего-то случайного, произвольного и т. п., *bricoler* в значении 'играть отскоком' [рикошетом], полагаясь на авось) не только свои цели, но и свои приемы, и сам принцип suum cuique заслуживает если не уважения, то признания — тем более что «каждых» несравненно больше, чем этимологов-профессионалов, а когда-то, когда последних не существовало, только «каждые» и пытались решить тайну сочетания этих звуков с этими смыслами. Именно поэтому выше было уделено особое внимание названиям с консонантной структурой *n-r-v* и *n-v-r*, отмеченным в бассейне Нарева и на соседних территориях. В этом бассейне *Нарев* (*Наура* ятвяжского словарика) был ключевой рекой как для балтов, так и для славянских племен этих мест, и само название этой реки предполагает действенность формального подстраивания к нему названий других рек с той же консонантной структурой, а иногда и реального названия (производные от *Нарев*) или же анаграмматических опытов, которые могли иметь место при уяснении самого названия этой ведущей реки. Эта возможность могла реализоваться и в связи с апеллятивами, ср. *Нарев — нóров* (ср. виртуальное *у Нарева особый норов*). У Нарева действительно свой норов — в своем течении (а длина его 475,8 км, площадь же бассейна — 74,8 тыс. км^2) он образует многочисленные меандры, делится на рукава, как бы теряется в болотах, принимает в себя множество притоков [14].

[14] Название Нарева появилось в письменных источниках довольно поздно. Самое раннее из них — *Nary* (Нары), отмеченное только раз в 1379 г. Но это было отнюдь не единственное обозначение этой реки в источниках, где еще раньше упоминается она в форме *Narew*. В русских источниках уже около 1251 г. река обозначается как *Наров* (прежнее мнение о том, что название Нарева скрывается в форме *Navchre* [XIII в.], почерпнутой, возможно, из источника XI в., признается теперь ошибочным, более того, фальсификацией, хотя скорее всего это название относится к реке *Wura*, букв. *на Вкре* (имен. п. *Wkra*)). Форма *Наров* (ок. 1251), как и ст.-польск. *Narew*, *Nareff*, 1282, могла развиться из более ранней формы с основой на *-ū* (ср. *kry-krew*); во всяком случае, если доверять показаниям Петра из Дусбурга («Chronicon terrae Prussiae», конец первой трети XIV в.), название реки было *Nara*, 1290 или *Nare*, 1300. Как бы то ни было, очевидно, что река имела варианты названия, скрепленные не подвергающимся сомнению корнем *Nar-*. Наличие этих вариантов объясняется, видимо, тем, что в бассейне Нарева и у́же вдоль его течения жили разные этнические группы, как славянские, так и балтийские (археологические исследования показывают, что следы поселений в среднем и нижнем течении Нарева относятся уже к мезолиту, а вблизи и к устью — к палеолиту). Во всяком случае во второй половине I-го тысячелетия нашей эры, как предполагают, по нижнему и среднему течению Нарева жили мазовшане. Возможно, что племенное обозначение *Neriuani*, засвидетельствованное Баварским Географом, так или иначе (хотя бы на языковом уровне) было связано с бассейном Нарева, хотя точная локализация этого племени остается гадательной (ср. Łowmiański 1958, 14; Wędzki 1967, 364); кое-кто считает это племенное обозначение относящимся к нарвянам. — О Нареве и относящейся к нему литературе см. Wiśniewski 1967, 350–352.

Здесь уместно обратить внимание на высокую степень звукового подобия двух этих слов *Нарев* (Narew) и *норов* (< праслав. **norvъ*), обозначающих обычно нрав (часто капризный, упрямый, дурной и т. п.), характер, натуру, привычку, обычай, образ поведения и т. п. Ср. **norvъ* & **Narew*. Учитывая, что во многих славянских языках рефлексом **norvъ* или его девиацией являются слова с корневым вокализмом *а* (ср. ст.-польск. *narów* 'дурная привычка', польск. **narów* [устар. *norów*], с.-хорв. *narav*, *narava*, диал. *nárav* и т. п.), фонетическое подобие обоих этих слов становится еще бóльшим: *Narev — narav*. — О праслав. **norvъ* см. ЭССЯ 25, 192–195, ср. в реконструкции варианты типа **Narevъ* (**Nary*) & *norvъ* (*naravъ*) и т. п. Как уже говорилось, в связи с *Naura* как обозначением Нарева в польско-ятвяжском словарике, несомненно, следует напомнить о названии горы в Решельском повете Мазурского округа *Naurska Góra* (она же *Naurska Berg*, *Auerberg*) с важным уточнением — «góra na wschodnim brzegu jeziora Kikit, czyli Nauró w» и озере Naury (оно же *Auer See*, *Awer* [1656], *Aurin* [1352], также *Kikity*, к югу от Лютерского озера [15]).

[15] См. SNMOM 1959, 300. Сюда же прусск. *Aure* (1352), река (UBS 1891, 281), позже — *Auer-Fluß*; *Aurin* (1352), озеро; *Aurow* (1361) на *Auer-Fluß* (Gerullis 1922, 13).

Вместе с тем в том же источнике содержатся многочисленные примеры гидронимов и топонимов, отмеченных на Мазурах и содержащих тот же корень **Nar-*, что и в названии реки *Narew*. Ср.: *Naria*, *Narie*, *Narienfliess*, *Narien See*, *Narien Winkel*, *Narigen*, *Narejcka Struga*, *Narejtko*, *Narejty*, *Nareyten*, *Nareyther Fliess*, *Nareyther See*, *Naritz* (*Narzer Bach*), *Narka*, *Narken Berg*, *Narossa*, *Narus*, *Narus(s)a*, *Narusse*, *Narusz*, *Narys*, *Narzer Beek*, *Nart* (озеро) с вокализмом корня *a* [16].

II. О древних балтах (между Геродотом и Тацитом, Птолемеем, Аммианом Марцеллином)

Даже при неполной достоверности некоторых приводившихся выше примеров, кажется, трудно сомневаться в определенной связи геродотовских Νευροί, невров с «наревским» локусом. В пользу этого допущения говорят и язык, видимо, так или иначе, не без определенных неясностей, сохранивший с высокой степенью точности [17] память о геродотовских неврах, и сам топос их присутствия (бассейн Нарева и сопредельные земли), и этнический и географический контексты геродотовской Скифии, существенно сузившие выбор этого топоса, и, наконец, ближайших соседей (от вполне реальных исторических скифов до полумифических племен, от будущей южной Руси до болот Полесья, где можно было укрыться и сохраниться до той поры, когда оно стало уже существенно балтийским, а века спустя — славянским).

В этом контексте уместно напомнить, что более сорока лет назад были обнаружены, неожиданно для самих авторов, в Посемье, т. е. достаточно далеко к востоку (точнее, даже к юго-востоку от предполагаемой прародины невров) следы взаимодействия иранского и балтийского языковых элементов на материале гидронимии [18]. Неожиданность состояла в том, что в бассейне Сейма было обнаружено не менее двух десятков бесспорных гидронимов балтийского

[16] См. SNMOM 1959, 76, 77, 128, 146, 147, 192, 227, 285. Целый ряд названий этого же типа отмечается в западных и северных частях Польши, см. *Narejty*, *Narie*, *Narusa*, *Naryjski Mlyn*, *Nart*, *Narty* и др. (Rospond 1951, 203).

[17] *Невры* и *Нарев* (ятв. *Naura*), как уже говорилось ранее, имеют своими предшественниками и.-евр. **neu̯-r* и **ner-u̯-* (**nar-u̯-*). Иначе говоря, **u̯r* и **ru̯-*, два комплекса, отличных только расположением неслогового *u̯* и сонорного *r*, обладают «физическими» свойствами, располагавшими к мене элементов в пределах этих пар (ср. просторечное: *а у меня невры так и расходились* или притяжения типа своего рода шуток — *рву* ↔ *вру* и т. п.).

[18] См. Топоров, Трубачев 1962, 229–232.

происхождения (во-первых) и ряд случаев, когда один и тот же водный объект имел два или даже три названия — балтийского, иранского и славянского происхождения (во-вторых), что свидетельствует о соприкосновении всех этих трех этноязыковых элементов в определенном месте и в определенное время. В данном случае нас интересует присутствие балтов далеко к востоку, где по общепринятому мнению их быть не могло. От «неврского» локуса балты Посемья оказались отделены довольно значительным расстоянием. Трудно сказать, были ли эти балты особой ветвью, отличной от невров, или же восточным ответвлением невров. Вместе с тем в любом случае присутствие балтоидного элемента примерно на одних широтах от полесских болот до (условно говоря) Путивля говорит о многом. Если же еще учесть, что Скифия, лежащая в основном несколько южнее, оказывалась или южным соседом посемских балтов, или последние находились в самих пределах Скифии, то в обоих вариантах соседство иранских скифов и присутствие далее всего продвинутых к востоку балтов представляется весьма достоверным и может в существенной части подтвердить отмеченные выше факты разноязычных обозначений одного и того же водного объекта с общей семантической мотивировкой названия реки [19].

[19] Следует отметить, что Геродот в книге IV своей «Истории» заявляет, что севернее невров, насколько он знает, идет уже безлюдная пустыня, ср. в более широком контексте — τούτων δὲ κατύπερθε οἰκέουσι Νευροί, Νευρῶν δὲ τὸ πρὸς βορέην ἄνεμον ἔρημος ἀνθρώπων ὅσον ἡμεῖς ἴδμεν (IV, 17). Но интересно, что, отмечая отсутствие скифов к востоку от Танаиса, отождествляемого с рекой Донец, Геродот определенно говорит, что дальше уже идут не скифские края (Τάναϊν δὲ ποταμὸν διαβάντι οὐκέτι Σκυθική (IV, 21)). И все-таки Геродота что-то влечет описывать земли, лежащие дальше к востоку, а потом и северо-востоку. Первыми по порядку идут земельные владения савроматов, которые «занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути»; затем упоминаются будины, владеющие вторым после савроматов наделом, который покрыт густым лесом, и надо полагать, что в отличие от савроматов будины не могли заниматься земледелием и были охотниками. За будинами к северу простирается пустыня «на семь дней пути». За 22 дня пути (15+7) можно было уйти далеко в заданном направлении. Хотя в данном случае говорится только о движении к северу, оно скорее направлялось на северо-восток. Во всяком случае следующими были фиссагеты, также промышлявшие охотой, а за ними находились нирки, которые, по мнению В. В. Латышева, могут отождествляться с предками мадьяр на севере Урала. Далее говорится о земле с твердой, как камень, почвой (полагают, что речь идет о солончаковых степях, возникших на месте древнего морского дна). Переход по этой камени-

Это продвижение предполагаемой посемской группы балтов к северо-востоку, отчасти реконструируемое и по соответствующему фрагменту Геродота, имеет, вероятно, и более сильные аргументы. К ним, в частности, относятся балтизмы (гидронимические) в верховьях Дона [20]. Еще более сильным аргументом является наличие гидронимических балтизмов (и даже ряда балтоязычных апеллятивов) в среднем течении Оки и отчасти в нижнем [21]. Но проблема не исчерпывается указанными двусторонними отношениями балтов и финно-угров, и этноязыковой и культурно-исторический контекст был существенно шире и богаче. Дело в том, что исследования последних двух десятилетий показали, что в пространстве от Средней Волги к югу Приуралья контактировали, по-видимому, приблизительно на тех же основаниях не только балты и финно-угры, но и индоарийские и иранские эт-

стой почве был труден и долог, прежде чем начали появляться высокие горы, у подножия которых обитали люди странного антропологического типа — мужчины и женщины от рождения были лысыми, плосконосыми и с широкими подбородками; по мнению С. Я. Лурье, ими могли быть предшественники современных башкир (впрочем, нельзя исключать и какое-либо финно-угорское племя. — *В. Т.*). В этом направлении движения угадывается путь к среднему течению Волги. Скорее всего так это и было, что, кажется, подтверждается и лингвистическими данными, относящимися, видимо, к 2500–2000 гг. до н. э.

[20] См. Топоров 1993b, 225–240.

[21] Ср. в этой части средне-нижнего Поочья бесспорные гидронимы балтийского происхождения, как-то *Осьма*, *Восьма*, *Вобля*, *Блиденка*, *Дрисела*, *Дугна*, *Вепрея*, *Серена* и т. п., имеющие точные соответствия в западнобалтийском ареале — от верхнего течения Днепра до Литвы и Латвии. Если учесть, что балтизмы наличествуют (и число их все увеличивается) не только в прибалтийско-финских, но и в поволжско-финских языках (и в последнем случае нередко трудно объяснить как «Wanderwörter» или даже как заимствования в пра-финско-угорском), то неизбежно возникает проблема истолкования этой ситуации взаимопроникновения и взаимоналожения этих элементов, определения того, что́ является субстратом и что́ суперстратом (кстати, при любом решении вопроса остается актуальным и аспект «адстратности»). Далеко не всё ясно в том, какие балты пришли в низовья Оки и среднее течение Волги. Кажется, можно предположить, что между III и I тысячелетиями до н. э. (для отдельных мест и позже) балты и финно-угры были не только соседями, но и в ряде случаев жили вперемежку на одной и той же территории, что приводило к активным контактам — вплоть до смешений (в обе стороны). Во всяком случае археологические данные свидетельствуют о двунаправленном распространении этнокультурных элементов: с востока на запад в Прибалтику и из Прибалтики на восток, см. Топоров 1990, 101–107.

ноязыковые элементы, о чем свидетельствуют лексические заимствования в разных вариантах. Как известно, в современных балтийских языках есть некоторое количество слов не только не индоевропейских, но определенным образом отсылающих к финно-угорским языкам Среднего Поволжья [22].

Установление средневолжского локуса и языков, которые находились в этих пределах в контактах друг с другом, ценно и в том отношении, что с достаточной вероятностью восстанавливаются пути дальнейшего движения перечисленных этноязыковых элементов. Особенно существенны результаты передвижений индоариев и праиранцев — и основные локусы на этом пути и общее направление движения [23]. Разумеется, пока, несмотря на ряд уже проведенных исследований, в том числе и археологических, получивших в последнее время определенный размах, есть достаточные основания говорить и о других путях балтов на территорию, являющуюся основной, «своей» для литовцев и латышей, но об этом писалось уже раньше и, несомненно, будет писаться и далее (в частности, о передвижениях с юга на север, ср. балто-балканские параллели и схождения в гидронимии и топонимии нынешних балтийских территорий и соответствующих наименований в иллирийском, фракийском, западномалоазиатском локусах) [24].

[22] Ср. лит. *lopšỹs* 'колыбель' при марийск. *лепш*, лит. *sóra* 'просо' при мордовск. *сура*, *суро* и др. Заимствования такого рода могли совершаться только в Поволжье.

[23] Наибольшей ясностью отличаются этапы движения индоарийских и праиранских племен со Средней Волги на юго-восток — Южный Урал (сенсационные открытия в Аркаиме), Средняя Азия, Иран, Индия. В связи с «поволжскими» балтами можно, по крайней мере теоретически, обсудить вариант их движения на северо-запад. На русском Севере, начиная с Волги, сохранились воспоминания о «литовцах» — и вполне исторических (Смутное время), и сильно мифологизированных народным сознанием. Во всяком случае «подосновой» этих представлений в конечном счете могли быть и эти допускаемые передвижения балтов. См.: Серебренников 1955; Серебренников 1957; Поспелов 1965; Седов 1965; Седов 1971; Седов 1997; Седов 1987; Кнабе 1962; Koivulehto 1983; Топоров 1983c; Топоров 1988; Топоров 1989; Топоров 1997a; Хелимский 1997; Топоров 1997b; Откупщиков 2004.

[24] Начиная с середины прошлого века все чаще появляются работы, в которых привлекается внимание к балто-балканским соответствиям в области топонимии, гидронимии, апеллятивной лексики, мифологии и т. п. См.: Alessio 1947, 141–176; Krahe 1957, 101–121; Krahe 1964; Duridanov 1969; Duridanov 1992; Топоров 1964, 52–58; Топоров 1973, 30–63; Топоров 1977a, 59–116; Топоров 1984, 10–25; Karaliūnas 1994, 17–18; Hirša 1988, 284–361 и др.

В этом контексте возникает возможность считать не только возможным, но и вероятным присутствие балтов (очевидно, западных) на юге России и в более позднюю эпоху. В. Шименас собственно и выдвинул в 1994 году гипотезу, согласно которой часть балтов (надо думать, что прежде всего пруссов. — *В. Т.*) [25] была вовлечена в поток готов, устремившихся от Балтики на юг и там, возможно, между балтами и готами установились тесные связи при Германарихе [26]. На этом передвижения балтов не прекратились: вторжение гуннов вынудило как южнорусских готов, так и сосуществовавших с ними балтов устремиться на запад, включившись тем самым в Великое передвижение народов (как было показано автором этих строк, такой же была, видимо, и судьба галиндов, совершивших примерно в то же время странствие от балтийской Галиндии до Пиренейского полуострова) [27].

Еще один ареал с очевидным присутствием балтийского этноязыкового элемента привлек в последние полвека внимание специалистов. Речь идет о территориях к западу от Вислы. Впрочем, повышенный интерес к этому ареалу в связи с историей пруссов возник существенно раньше в результате, в частности, археологических открытий как в Западной, так и в Восточной Пруссии [28]. Но еще раньше вопрос о присутствии балтов в лице пруссов к западу от Вислы был поставлен в самом начале XX в. Ф. Лоренцем, продолжавшим и позже, в течение нескольких десятилетий, исследовать балтийские следы в этом ареале [29]. Существенно, что именно языковые следы «зависленских»

[25] Ср. наличие корня **prūs-* (ср. Προῦσα) в балканско-малоазийских топонимах и личных именах.

[26] Šimėnas 1994, 18–63.

[27] См.: Вилинбахов, Энговатов 1963, 233–267; Turnwald 1968, 135–145; Топоров 1977b, 121–126; Топоров 1980, 124–136; Топоров 1983a, 265–273; Топоров 1987, 275–293; Шименас 1990, 72–74 и др.; Дини 2002, 241–246.

[28] Из итоговых археологических работ в этой области в 20–30-е гг. XX в. нужно назвать итоговые исследования, появившиеся в эти годы, ср. La Baume 1920; La Baume 1937; Gaerte 1929; Engel 1935. — В 50–70-е гг. XX в. проблема балтийского присутствия рассматривалась рядом исследователей-археологов. Стóит отметить такие труды, как Okulicz 1973; Kilian 1955; Kilian 1980 и др. Особо стоит отметить книгу Antoniewicz 1979.

[29] Из лингвистов-первопроходцев темы балтов к западу от Вислы был, несомненно, Ф. Лоренц. Из его трудов следует отметить прежде всего те, в которых приводятся лингвистические аргументы в пользу присутствия балтов к западу от Вислы. Ср. Lorentz 1905, 470–474; Lorentz 1933, 49–59; Lorentz 1935; Lorentz 1966, 243–250. — Инициативы Лоренца нашли продолжение в статье Krahe 1943, 5–8, а затем в ряде работ других авторов, начиная с 60-х гг. прошлого века.

балтов оказались наиболее доказательными аргументами в пользу расширения балтийского пространства к западу от Вислы. Пока с достаточной уверенностью можно говорить о присутствии в этом ареале балтийского этнолингвистического элемента в прошлом. К сожалению, однако, итоги имеющихся частных исследований не синтезированы в некое целое и пока не сделаны должные выводы о значении этих «зависленских» следов пребывания здесь балтов. Представляется существенным, что ареал к западу от Вислы характеризуется, кажется, в большей степени топонимическими балтизмами, нежели гидронимическими.

Таким образом, максимально восстанавливаемое балтийское пространство, разные части которого в разное время свидетельствуют о пребывании в них балтийского (по меньшей мере, «балтоидного») этноязыкового элемента, было почти неправдоподобно огромным — от Мекленбурга (его юго-восточной части) на западе до средней Волги на востоке, от Приильменья [30] на севере до Прикарпатья на юге [31], помня при этом о существенных перекличках балтизмов с генетическими близкими элементами на Балканах (как в западной, так и в восточной их части). То же можно сказать и о балто-малоазийских перекличках, не говоря уже о «странствующих» балтах, как галинды [32] и, вероятно, некоторые другие племена, окончательно затерявшиеся, прекратившие свое существование и даже не оставившие своего имени. Весьма важное обстоятельство можно видеть в том, что «мекленбургские» балты оказываются практически ближайшими соседями полабских славян Люнебургской пустоши, тоже пре-

Среди них — Топоров 1966, 103–112; Топоров 1983b, 265–273; Schall 1963, 385–404; Schall 1964–1965, 123–170; Schall 1966, 7–43; Schall 1970, 448–464; Brauer 1981; Brauer 1988; Hinze 1984, 189–196; Hinze, Lorentz 1966, 243–250. — О «неславянских» (в основном балтийских) элементах в бассейнах Вислы и Одера, как и о балто-балканских связях, не раз писал В. Э. Орел, ср.: Орел 1997, 332–358; Орел 1985a, 156–158; Орел 1985b, 192–193; Орел 1988, 62–65; ср. также помимо отмеченных выше работ Топоров 1987, 275–293 и др.

[30] См. статьи автора этих строк — Топоров 1995, 13–40; Топоров 1997b, 325–331. Стóит напомнить и о еще более северном балтизме — племенном названии *ямь/ѣмь* русских летописей, локализуемом в Финляндии и в котором видят отражение балт. *zem-/žem-*.

[31] См. Labuda 1971, 19–24; Топоров 1980a; Топоров 1993a, 51–63 и др., не говоря уж о более ранней работе — Kozicrowski 1926, 117 и др.

[32] В связи со следами галиндов в южной части Франции, в Испании и Португалии привлекает к себе внимание кельтиберская надпись из Боторриты; ср. Топоров 1985, 229–230; Топоров 1986, 209–224.

кративших свое существование, но оставивших свое имя и даже некоторое количество текстов. В исторической перспективе полабяне могли быть некогда балтийским племенем, со временем превратившимся в славян, подобно тому как праславяне возникли из периферийных балтов, чей язык эволюционировал от статуса балтоязычного диалекта к самостоятельному уже собственно славянскому диалекту. Такие процессы могли происходить и на других местах балтоязычного пространства.

Сама огромность этого пространства, разные части которого в разные эпохи свидетельствуют как минимум о балтийском следе, при исключительной широте «раздвинутости» временны́х рамок (надежно — два с половиной тысячелетия, от Геродота до дней нынешних) говорят о многом и побуждают искать объяснения этим фактам, более того, бросают луч света на сам феномен «балтийскости», значение которого выходит далеко за пределы конкретного балтийского, каким он был в его истории и каким он представлен в его нынешнем состоянии. Тот факт, что из наследников древних индоевропейских языков именно балтийские отличаются своей архаичностью и своей близостью к источнику, из которого берут начало все известные нам современные индоевропейские языки, служит еще одним аргументом в пользу особого статуса балтийского языкового типа, в котором глубокие архаизмы согласно сосуществуют с новациями. Но здесь эта тема не может быть рассмотрена подробнее.

Возвращаясь после самых ранних письменных источников, в которых упоминаются племена — или с высокой степенью вероятности балтийские (как геродотовские невры), или только лишь подозреваемые в их «балтийскости» [33], т. е. от времен геродотовских к более

[33] После невров, по-видимому действительно предков балтов (см. выше), под такое же подозрение попадают и гелоны, о которых неоднократно упоминает Геродот в своей «Истории». В книге IV, 102 говорится о том, что перед угрозой вторжения в южнорусские степи вóйска Дария цари соседних и наиболее угрожаемых племен собрались на военный совет, в котором участвовали цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов. Во фрагменте IV, 108 Геродот говорит преимущественно о будинах, подчеркивая, что это многочисленное племя, что у будинов светло-голубые глаза и рыжие волосы (см. выше), что в их земле есть деревянный город, называющийся почему-то Гелон, т. е. по имени соседей будинов гелонов: πόλις δὲ ἐν αὐτοῖσι πεπόλισται ξυλίχη, οὔνομα δὲ τῇ πόλι ἐστὶ Γελωνός. Весьма показательно продолжение этого фрагмента — εἰσὶ γὰρ οἱ Γελωνοὶ τὸ ἀρχαῖον Ἕλληνες, ἐκ τῶν δὲ ἐμπορίων ἐξαναστάντες οἴκησαν ἐν τοῖσι Βουδίνοισι καὶ γλώσσῃ τὰ μὲν Σκυθικῇ, τὰ δὲ Ἑλληνικῇ χρέωνται (BRMŠ I, 119). Не исключено, что этот фрагмент является ключевым: жители Гелона

были эллинами, но жили среди будинов, сохраняя при этом святилища эллинских богов. Будучи изгнаны из торговых поселений, гелоны нашли себе приют в земле будинов, усвоили частично скифский язык, на котором, очевидно, говорили будины. Но в целом язык гелонов отличался от языка будинов, как и их образ жизни. Можно, вероятно, обратить внимание на то, что этническое имя гелонов (Γελωνοί) весьма напоминает самоназвание греков (Ἕλληνες), что мифологическим родоначальником эллинов был Ἕλλην, Геллен, сын Девкалиона и Пирры, отец Эола, причем имя Ἕλλην обозначало и эллина, грека. Конечно, нельзя исключать и своего рода этиологического мифа, эксплуатировавшего эту звуковую близость. — Существенно отметить, что коренными жителями страны были будины, единственная народность, которая питалась сосновыми шишками, тогда как гелоны, напротив, занимались земледелием. Из этого вытекает, что будины жили не в степи, а в лесной зоне. «Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы, а среди лесной части было огромное озеро, окруженное болотами» (IV, 100), и занимались они ловлей выдр, бобров и охотой на других животных. Эта ситуация вполне соответствует тем условиям, в которых жили и невры. Так или иначе, будины и гелоны были ближайшими соседями, и не случайно, что эллины звали и будинов эллинами — ὑπὸ μέντοι Ἑλλήνων καλέονται καὶ οἱ Βουδῖνοι Γελωνοί (IV, 109). Характерно, что, когда возникла угроза со стороны Дария I, скифский царь Таксакис соединился в одно войско с и без того, видимо, уже соединенными гелонами и будинами (IV, 120). — Из этих двух соседних племен будины едва ли могут быть причислены к балтам (если только какая-то часть их не усвоила язык своих соседей гелонов). Скорее всего можно предполагать какую-то связь будинов с будиями, иранским племенем, которое в шумеро-аккадских клинописных источниках называлось мидянами [ср. I, 101: «Так-то Денок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии» (Βούδιοι, при Βουδῖνοι); эти два этнонима имеют, видимо, общий корень, восходящий к и.-евр. **bheudh-*: **bhudh-* 'бодрствовать', 'бдеть', 'быть внимательным', 'наблюдать', 'оберегать', 'охранять', 'сторожить', ср. авест. *baoδayeiti* 'замечает'; русск. *бодрый* (<**bъdrъ*), *бдеть* (<**bъděti*), *блюсти* (раннепраслав. **bjud-* (<и.-евр. **bheudh-*)), что вполне соответствовало бы наименованию приграничного, на опасном рубеже племени, озабоченного безопасностью своего локуса, ср. древненемецкое племя маркоманнов (Markomannen) со сходной семантикой этнонима и функцией носителей этого имени)]. — Если вернуться к гипотезе о гелонах как возможных предках балтов, то стóит привести некоторые собственно балтийские параллели к этнониму Γελωνοί. Ср. прусск. *Gelayne* (1339) (в Самландии), *Gelauwen* (1389), озеро, *Gillaw* (1441), место, позже — *Gillau-See* и *Gillan-Ort* (: прусск. *gillin*. Acc. Sg. Fem. 'глубокий'), *Gelyen* (1419), *Gelow* (1419) (Gerullis 1922, 30), *Gelune*, *Gelow*, *Gelenne*,

nom. propr. (Trautmann 1925, 31); лит. *Gėlaĩnis*, озеро, *Gelionĩų ežeras* (*Geliónys*, деревня), *Gėlỹs*, озеро, *Gėla*, река, *Gėlių ežeras*, *Gėliupis* и др. (LUEV 1963, 44–45; Vanagas 1981, 110–111); *Gėlaĩniai*, vs., деревня, *Gelnaĩ*, деревня, *Gėlūnai*, деревня и др. (LATSŽ 1976, 81), ср. также лтш. *Dziluõn-ęzęrs* (Endzelīns 1956, I, 258); *Dzilna*, *Dzilaune*, *Dzilna*, *Dzilnas str.*, *Dzilnene*, *Dzilnupe* (LUN 1 (A–I), 52), но достоверность связей этих названий с обозначением гелонов вызывает серьезные сомнения. Возможно, нужно учесть и названия ряда рек в бассейнах Днепра и Оки, которые, по крайней мере формально, близки к этнониму, относящемуся к гелонам. Ср. днепр. *Желонка*, *Желонька*, *Желонь*, *Желень*, *Жолонь*, *Жолно*, *Желань*, *Жалынец* и др. (Маштаков 1913, 38, 120, 131, 153, 174, 175, 219; СГУ 1979, 174, 194); окск. *Желонка*, *Желонья*, *Желенка*, *Желанейка*, *Желаненка* и др. (Смолицкая 1976, 33, 40–41, 44, 99, 131 и след.). Эти гидронимы, особенно с корнем *Жел-он-*, позволяют реконструировать более древний их источник **Gelon-*, в точности совпадающий с геродотовскими гелонами (Γελωνοί). Относительно *Жалынец* см. Топоров, Трубачев 1962, 187 (**Gelūn-*, **Geluon-*). Но сама этимология этих гидронимов ставит вопрос о выборе между *жёлн* 'большое корыто' (Фасмер II, 43: с допущением связи с названием жолоба — из **žьlbnь* (?)) или птицы — *желна* 'дятел', 'Picus martius', имеющее многочисленные соответствия как в славянских, так и в балтийских языках (см. Фасмер II, 43; LEW I, 145–146, 151; Karulis 1992, I, 253). В пользу первого члена этой дилеммы говорят многочисленные гидронимы типа днепр. *Корытка*, *Корытная*, *Корытища*, *Корытовка*, окск. *Корытенка*, *Корытинской*, *Корытной*, *Корытня* и др. (Топоров, Трубачев 1962, 30, 70, 114, 153; Смолицкая 1976, 27, 36, 90, 149 и след.), а также «жолобные» гидронимы — днепр. *Жолобенка*, *Желобы*, *Желобовка*, *Жолобница*, *Жолобок*, *Жолобы*, *Жолобянка* (Маштаков 1913, 26, 45, 74, 88, 149, 167), окск. *Желоба*, *Желобенка*, *Желобна Б.*, *Желобовка*, *Желобок*, *Жолыбенка*, *Жолубовка*, *Жолубов* (Смолицкая 1976, 73, 80, 85, 86, 95, 101, 233) и др. В пользу другого выбора говорили бы нередкие случаи «птичьих» гидронимов, топонимов и этнонимов и антропонимов, в частности, связанных с названием дятла как тотемной (некогда) птицы, ср. лат. *picus* 'дятел' (мифологически — 'гриф'), при том что *Picus* (Пик), сын Сатурна, отец Фавна, дед Латина, бог полей и лесов, первый царь Лациума, превращенный Киркой в дятла за то, что отверг ее любовь. Культ Пикуса, исповедовавшийся пиценами (пикенами), объясняет наименование пиценской области в средней Италии — *Picēnum* (Пицен), города *Picentia* (в Кампании), самих пиценов и т. п. (см. Walde, Hofmann II, 299–300). Использование обозначения дятла в названиях вод и мест достаточно частое явление, ср. днепр. *Дятловка* (Маштаков 1913, 107), окск. *Дятлов*, *Дятловка*, *Дятлово*, *Дятловская*, *Дятловской* (Смолицкая 1976, 121, 123, 125, 140, 146, 166, 185) и др. — Вместе с тем ср. лат. *pica* 'сорока', но и обозначение сосны *picea* (*pix*), важное в том смысле, что с сосной связаны мотивы смолистости (ср. *pico*

поздним, когда появляются латиноязычные источники, отчасти учитывающие свидетельства древнегреческого «отца истории», — нужно хотя бы вскользь упомянуть менее полные (но и вместе с тем менее мифологизированные) сведения, фиксирующие этническую панораму, относящуюся совсем к другой эпохе, наступившей полтысячелетия спустя после Геродота.

Эту новую череду источников об интересующих нас пространствах открывает римский историк Тит Помпоний Мела, известный своим трудом с двумя названиями — «De situ orbis» и «De chorographia», написанным, видимо, в первой половине 40-х гг. нашей эры. Конечно, Мела существенно зависит от Геродота, но в ряде случаев допускает ошибки, в частности, меняя субъекты тех или иных событий и действий. Тем не менее в труде под названием «De chorographia» Мела упоминает гелонов, меланхленов и невров, причем последние обладают способностью превращаться в волков [34]. Существенно, что в сферу внимания Мелы попадает и Висла (*Vistula*), впадающая в Истр (Дунай) [35].

Следующим по времени источником сведений, имеющих отношение к балтам, является «Historia naturalis» Гая Плиния Старшего (Caius Plinius Secundus или Maior) (23–79 гг.). Собственно, именно в названном его труде встречаются несколько фрагментов, в которых появляется само понятие Балтии (Baltia) как название острова, а не всей terrae balticae. Ср.: *Xenophon Lampsacenus, a litore Scytharum tridui navigatione, insulam esse immensae magnitudinis, Baltiam tradit* (BRMŠ I, 136, Liber IV, caput 13) «Ксенофонт Лампсакский передает, что на расстоянии трех дней пути от Скифии существует безграничной величины остров Балтия» (с дополнением — «Этот самый остров Пифей называет Базилией (*Basiliam nominat*)»), на котором находится янтарь [36].

'осмаливать', *piceus* 'смоляной', *picinus* 'черный, как смола' и др. при черном цвете дятла). Характерно, что элемент *Жел(о)н-* в названиях русских рек отсылает, вероятно, как к дятлу, так и черному цвету.

[34] Ср.: *Geloni hostium cutibus equos seque velant, illos reliqui corporis, se capitum. Melanchlaenis atra vestis et ex ea nomen, Neuris statum singulis tempus est, quo si velint in lupos iterumque in eos qui fuere mutentur* (BRMŠ I, 132, Liber II, caput 1). — К мотиву оборотничества у балтов ср. лит. *vilkólakis*, *vilkãtas*, *vilktakas* и др.

[35] *Sarmatia intus quam ad mare latior, ab his quae secuntur Vistula amne discreta, qua retro abit usque ad Histrum flumen inmittitur* (BRMŠ I, 132, Liber III, caput 4), ср. там же caput 2.

[36] Ср.: *Metrodorus Scepsius, in eadem Germania et Baltia insula nasci, in qua et succinum, quod equidem legerim, solus dicit...* (Liber XXXVII, caput 4).

Тациту (ок. 55–58 — ок. 117–120) принадлежит заслуга введения еще одного этнонима, относящегося к балтам, хотя объем этого этнонима остается не вполне ясным. В своем труде «Germania» (первоначальное название — «De origine et situ Germanorum», ок. 98 г. н. э.) он впервые говорит об айстиях (*Aestii*) или эстиях, кратко указывая место, где они находились, сообщая об их обычаях, религиозных представлениях, об их занятиях, основном их промысле — собирании янтаря. Ср. фрагмент 45:

> *ergo iam dextro Suebici maris litore Aestiorum gentes adluuntur, quibus ritus habitusque Sueborum, lingua Brittanicae propior. matrem deum venerantur. insigne superstitionis forma aprorum gestant: id pro armis omniumque tutela securum deae cultorem etiam inter hostis praestat. rarus ferri, frequens fustium usus. frumenta ceterosque fructus patientius quam pro solita Germanorum inertia laborant. sed et mare scrutantur, ac soli omnium sucinum, quod ipsi glesum vocant...* (BRMŠ I, 143) [37].

Дальнейший прирост информации о древних балтах и более дифференцированный взгляд на балтов с учетом того, что было известно и из более ранних свидетельств, и, наконец, внимание к географическому положению описываемых племен обязаны труду Клавдия Птолемея (Κλαύδιος Πτολεμαῖος, Claudius Ptolemaeus, 90–168) «Γεογραφική ὑφήγησις». Густота списка этнонимов и указание локусов перечисляемых племен составляет сильную сторону «балтийского» фрагмента «Географии», что позволяет перебросить мостик между подозреваемыми в «балтийскости» этнонимами Геродота и других предшественников Птолемея и более поздней (по сравнению с Птолемеем) информацией о балтийском элементе на рассматриваемой территории [38]. Существенно, что Γαλίνδαι καὶ Σουδι-

[37] «Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов. Меч у них — редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море; и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезум...»

[38] Относяшийся к балтам фрагмент находится в книге III, главе 5 труда Птолемея. Ядро этого фрагмента цитируется ниже.

νοί, сведения о которых появятся уже у средневековых авторов [39], были замечены еще Птолемеем [40]:

> *Minores autem gentes tenent Sarmatiam penes Vistulam quidem fluvium* [...] *Prussia et populi Pruteni utrasque Vistulae ripas ad mare colunt, inter Germanos et Sarmatas medii* [...] *Quibus magis orientales sunt Careotae et Sali* [...] *Sub quibus Savari et Borusci usque ad Ryphaeos montes. Sub Venedis Gythones sunt. Post Phinni... Post Sulones*. Sub quibus Phrungudiones. Post Avarini iuxta caput Vistulae amnis... Post Piengitae et Biessi penes Carpatum montem. Iis omnibus magis orientales sunt sub Venedis quidem iterum Galindae et Sudini ac Stavani usque ad Alaunos* (BRMŠ I, 150, III, 5).

***Примечание:** Интересна латинизированная форма *Sulones*, являющаяся этнонимом, корень которого *sul-*, а *-on-* суффикс, часто встречающийся именно в этнонимах и гидронимах, ср. в том же отрывке: *Gythones, Ombrones, Carbones, Ophlones, Caryones; Burgiones, Phrungudiones, Chrononis, Rubonis* и др., не говоря уже о примерах, засвидетельствованных в других текстах. — Гидронимы с корнем *sul-* обильно представлены в прусск. *Sulpalwen* (1423) при антропониме *Sule*, ср. прусск. *sulo* 'свернувшееся молоко' и апеллятиве *palwe* 'пустошь'; *Sultekiaĩ* (Gumbinen), нем. *Sultecken* (1785), от *sulà* 'пáсока' и *tekẽti* 'течь', 'бежать' (ср. *upė tẽka* 'река течет'), лит. *sultekis*, время, когда происходит истечение пасоки в апреле (см. Pėteraitis 1997, 376); лит. *Sultekis, Suliavà, Suleva, Sulinkių ežeriukas* (LUEV 1963, 137; Vanagas 1981, 319); лтш. *Sula, Sule, Sulija, Sulka, Sūlupė* (LUN 4 (S–Ž), 25–26), *Sulas-grāvis, Sulas-puôrs, Sulas-upīte* при лтш. *sula* (Mülenbach: LVV III, 1119); латг. *Sulka* (ср. русск. *Сулянка*) (Zeps 1984, 494). — Многочисленные гидронимы с этим же корнем представлены в бассейне Днепра — *Сула, Сулинка, Суленка, Сулица, Сулка* и др. (Маштаков 1913, 18, 58, 60, 62, 217, 225; СГУ 1979, 539), ср. *Сулоть* в басс. Оки (Смолицкая 1976, 202). — Особое сгущение гидронимов с корнем *Sul-* отмечено в

[39] К вопросу о локализации судинов см. Astrauskas 1990, 3–10; ср. также Nalepa 1976, 191–209.

[40] Стóит отметить, что Птолемей ничего не говорит об айстиях–эстиях, упоминаемых Тацитом, его старшим современником, чья «Германия» была написана, как предполагают, около 98 г. н. э. Вместе с тем наряду с галиндами и судинами Птолемей упоминает еще о ряде этнонимов, подозреваемых в принадлежности к балтам. Во всяком случае *Borusci* отсылают скорее всего к пруссам, несмотря на, похоже, фантастическую их локализацию (...*Sub quibus Savari et Borusci usque ad Ryphaeus montes* — BRMŠ I, 150, III, 5). Могли ли под этнонимом *Sali* (там же) скрываться селы (селоны), сказать трудно.

бассейне Вислы и — шире — в северо-западной Польше. Ср.: *Sulawka Bach, Sulawka Fluss, Sulawka See, Suleniec, Suliński, Sulków Stok, Sulnikowska, Sulnikowski, Sulówstok, Sulski, Sulówka* (Hydronimia Wisły 1965, № 7, 40, 110, 184, 371, 464, 469, 545, 602); — *Sulewo* (2 раза), *Sulikowo, Sulnikowo, Sulkowo, Sulka* (Zierhoffer 1957, 351–352); *Sieluń* (Ibid., 331; ср. *Selones*, выше); — *Sulów, Sulek, Suliszów, Suliszewo, Sułkowo, Sulków, Suloszów, Suloszyn, Sulów, Sulówek* и др. *Sulęcin* (Rospond 1951, I,319); — *Sulawka Bach, Sulawka See, Sulawka Seewiese, Sulawska Góra, Sulwa* (Leyding 1959, II, 80, 242, 253); **Sulōwō* [теперь *Żuławy*] (Górnowicz 1980, 223); — **Sulōwō* [теперь *Żulawa*] (Bugalska 1985, 98); *Sulechowe*, 1295 (*Solchowe*, 1267), *Sulechow* (ок. 1400–1414), *Sulkow* (1342) и др. (Trautmann 1948–1956, I, 103); — *Sulitze, Suliczitz, Sulechowe, Sulkow, Sulocin Sulow, Sulowe* (Ibid., III, 71, 103, 105, 150, 158, 190; Trautmann 1948, 10, 11, 41, 42, 110, 147).

Расставаясь с Птолемеем, следует напомнить еще об одном балтизме. В том же фрагменте его «Географии» существенна информация, содержащаяся во фразе *Post Vistulae fluvium ostia quae habent partes: Chrononis, Rubonis...* и т. д. Н. Велюс в комментарии к фрагменту III, 5 из Птолемея пишет: «Baltų mitologijai įdomus vienos iš baltų upių vadinimas mitiniu Chronono vardu. Vėlesniuose raštuose šiuo vardu dažniausiai buvo vadinamas Prieglius, kartais Nemunas» (BRMŠ I, 149), добавляя, что неподалеку от Прегеля находился крупнейший прусский религиозный центр, что подтверждается и археологическими раскопками. Не случайно, что литовские историки XIX в. называли эту реку преисподней (*Pragaru*).

Последним, кто уже в эпоху заката Римской империи оставил существенные сведения, относящиеся к балтам, был историк Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus), грек, родившийся в Антиохии; даты его жизни — около 330–390. Он был автором «Rerum gestarum libri» (около 376–378). Из того, что относится или, точнее, может относиться к балтам, ценны два фрагмента: 38. *Ergo in ipso huius compagis exordio ubi Rifaei deficiunt montes, habitant Aremfaei, iusti homines placiditateque cogniti, quos amnes Chronius et Vistula praeterfluunt...* («В самом начале этой вогнутости, где кончаются Рифейские горы, живут аримфеи, справедливые и миролюбивые люди. Сквозь эти горы протекают реки Хроний и Вистула [Висла. — *В. Т.*]...»); 40. *Dein Borysthenes a montibus oriens Nerviorum, primigeniis fontibus copiosus, concursuque multorum amnium adolescens, mari praeruptis undarum verticibus intimatur...* («Борисфен [Днепр. — *В. Т.*], начиная от нервийских холмов, многоводный от истоков, еще увеличивающийся от множества впадающих в него рек, бурными водами вливается в море») (BRMŠ I, 153).

На этом краткий обзор текстов античных историков о племенах Восточной Европы в древности, среди которых могли быть и предки балтов, здесь можно считать в целом законченным. Нужно только напомнить, что эти античные свидетельства ценны прежде всего перечислением многих племен, указанием (обычно относительным) окружающих племен, а иногда и более точных ориентиров (например, названий рек) и краткими сообщениями о некоторых особенностях жизни, занятий, религиозных представлений этих племен. Но при всем этом перед теперешним исследователем стоит задача выделения среди всего множества племен и этнонимов того, что может быть заподозрено в принадлежности к будущим балтам. Эта задача из числа весьма трудных — слишком многое подлежит интерпретации с современной точки зрения. Часто приходится довольствоваться крохами, но иного как собирание их в чаемое целое нет.

III. От Иордана до «Хроники Ливонии»

С VI в. эстафета, принятая от Тацита, последовательно передается дальше. Эстии (айстии) не сходят со сцены. Иногда сам этот этноним отсутствует, но едва ли можно сомневаться, что речь идет именно об эстиях. В этом отношении показательно письмо короля Теодориха к эстиям («Haestis Theodoricus rex», ок. 523–526), в тексте которого эстии не упоминаются, но трудно сомневаться, что «янтарная» тема, приуроченная к океанскому побережью, предполагает именно эстиев, ср.: *Haec quodam Cornelio* [scil. Тацит. — *В. Т.*] *scribente, legitur in interioribus insulis Oceani ex arboris succo defluens, unde et succinum dicitur, paulatim solis ardore coalescere* (Кассиодор [Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus], ок. 480–490 — ок. 585–590) (BRMŠ I, 156)).

Дважды упоминает имя эстиев и Иордан (Jordan/d/es, VI в.) в своем произведении «De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis» (551 г.): 36. *Ad litus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae, fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus adgregati: post quos ripam Oceani item Aesti tenent, pacatum hominum genus omnino. Quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum fortissima, frugum ignara, quae pecoribus et venationibus victitat...* («На побережье Океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег Океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты») (BRMŠ I, 160).

И еще одно упоминание эстиев: 119–120. *Aestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse*

prudentia et virtute subegit omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propris lavoribus imperavit... tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt («...но тогда все они [венеты, анты, склавены. — *В. Т.*] подчинились власти Германариха. | Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстиев, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью») [41].

Стóит отметить, что Иордана нередко упоминали в связи с Пруссией и Литвой многие существенно более поздние авторы — Эней Сильвий Пикколомини, Эразм Стелла, Альберт Виюкас Коялович, Кристофор Харткнох, Вольфганг Кристофор Неттельхорст и др., сведения которых о балтах и обильнее, и достовернее более ранних свидетельств. Собирание данных о балтах у этих авторов знаменует постепенный переход от эмпирических описаний к осмыслению, все более приближающемуся к тому, что можно уже назвать научными исследованиями (Харткнох).

Но и этот длительный (приблизительно тысячелетний) период после Иордана до Харткноха заполнен многими новыми свидетельствами о балтах. Кое-что продолжает айстийскую тему [42], но айстии—

[41] Перевод текста Иордана принадлежит Е. Ч. Скржинской, см. Иордан 1960.

[42] Эйнхардт (Einhardt, ок. 770–840) в «Житии Карла Великого» (Vita Caroli Magni, ок. 833–836) сообщает: 12. [...] *Hunc multae circum sedent nationes, Dani siquidem ac Suenones, quos Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et Aisti, et aliae diversae incolunt nationes; inter quos vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Welatabi. Quos ille una tantum, et quam per se gesserat, expeditione illa contudit ac domuit, ut ulterius imperata facere minime rennuendum iudicaret* («[...] Здесь живет много народов, а именно даны и свеноны, которых мы называем норманнами. Эти народы обживают северное побережье и все острова, а на южном побережье живут славяне и айстии и разные другие народы. Среди них прежде всего упоминаются велатабы, которым король объявил войну. Однако достаточно было единственного похода, благодаря которому он их так разбил и усмирил, что они решили, что их не нужно повторно побуждать к выполнению приказа») (BRMŠ I, 163). К концу IX в. относится сообщение Вульфстана о путешествии по Пруссии (Wulfstan's Reisebericht über Preussenum um 890–893). «Айстийская» тема представлена в концентрированном виде в разделах 19–23. Несколько примеров — *Seo Wisle is swydhe mycel eâ, and hio tolidh Witland and Weonodland; and dhaet Witland belimpedh to Estum; and seo Wisle lidh ût of Weonodlande, and lidh in Estmere; and se Estmere is huru fiftene mila brâd. Thonne cymed Ilfing eastan in Estmere of dhaem mere, dhe Truso standedh in stadhe; and cumadh ût samod in Estmere... Thaet Eastland is swydhe mycel... and ne bidh dhaer naenig ealo gebrowen mid Estum, ac thaer bidh medo genôh. And thaer is mid Estum dheaw, thonne thaer bidh man dead... And thaet is mid Estum tdheaw, thonne bidh man dead... And thaet is mid Estum theaw, thaet thaer sceal aelces gedheodes man beon forbaerned. ... And thaer is mid Estum ân maegdh, thaet hi magon cyle gewyrcan...* (BRMŠ I, 166–167).

эстии оказываются в более плотном контексте. В сферу внимания попадают новые балтийские племена, информация о которых становится богаче, конкретнее, надежнее.

На рубеже двух тысячелетий [43] появляются несколько текстов, связанных с жизнью и мученической смертью святого Адальберта (Войцеха), ок. 956–997 гг. Речь идет о «Vita S. Adalberti episcopi» (998–999), о другом жизнеописании его — «Vita S. Adalberti» (1004 г.), об описании его мученической смерти — «Passio Sancti Adalberti martyris» (1000–1025), несколько позже «Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum» (около 1075 г.), булла папы Иннокентия III от 5 октября 1199 г. и десятки других текстов, охватывающих время до конца XV в. [44]. В сочетании с этими и подобными им источниками по мифологии и религии балтов собственно исторические источники, особенно такие как «Хроника Ливонии» Генриха Латыша (2-я половина 20-х гг. XIII в.) или «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга (конец пер-

[43] Источники, относящиеся к истории балтов, причем из числа важнейших, игрой ли случая или по каким-то другим основаниям, укладываются в сгущения, как бы вспыхивающие с полутысячелетними интервалами. Середина I-го тысячелетия до н. э. — Геродот & рубеж двух эр — Мела, Плиний Старший, Тацит & середина I-го тысячелетия н. э. — Кассиодор, Иордан & рубеж I-го и II-го тысячелетия н. э. — тексты Адальбертова цикла, Адам Бременский, середина II-го тысячелетия н. э. — Эразм, Стелла, Симон Грунау, создание письменности и появление первых текстов на балтийских языках & рубеж II-го и III-го тысячелетий — высшая форма развития знаний о живых и мертвых балтийских народах и языках. Вместе с тем нельзя не отметить факта увеличения количества текстов о балтах, их обычаях и верованиях с каждым полутысячелетием. С рубежа XV–XVI вв. информация о балтах становится и довольно насыщенной и все более и более адекватной. Учитывая все это, есть основания говорить об этом времени как об эпохе полноценного вступления балтийских народов на сцену истории. Но об источниках этого времени здесь говорить не придется.

[44] Ср. BRMŠ I. Этот огромный труд, проделанный Н. Велюсом и продолженный после его смерти другими, впервые создает условия для полноценных занятий балтийской мифологией, ритуалом, религией, не говоря уж о многом другом. Перед нами фактически компендиум, намного превосходящий написанный еще в XIX в. труд Маннхардта, опубликованный существенно позже, см. Mannhardt 1936.

вой трети XIV в.), или «Livländische Reimchronik» (ок. 1290) и др., существеннейшим образом восполняют наши знания о балтах [45].

С начала XIII по XV век включительно количество источников по религии и мифологии балтов, по балтийской историографии быстро возрастает, соответствующие тексты становятся более разнообразными и разноязычными. Жанры источников разнообразятся. Общее количество их приближается к сотне. Среди них Виганд Марбуржец, Генрих Берингер, Лауринас Блуменау, Миколай Ласоцкий, Рашид-ад-дин, Лаоникикос Халкокондилес, Эней Сильвий Пикколомини и особенно Ян Длугош с его обстоятельным трудом «Historia Polonica», наиболее основательный и компетентный источник, в частности, и по балтийской тематике. Выдержки из свидетельств этих и многих других авторов читатель найдет теперь в собрании «Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. I–» (Vilnius, 1996–), подготовленном Н. Велюсом.

Здесь сто́ит привести краткий список названий балтийских племен в порядке их появления в источниках. При этом следует помнить, что в отдельных случаях названия племен могут иметь соответствия (иногда весьма точные), не относящиеся, строго говоря, к племенам, но к другим объектам (топонимам, гидронимам, антропонимам).

Невры (возможно, гелоны) — V в. до н. э. (Геродот), галинды и судины (может быть, салии, в которых с известным основанием можно видеть предков селов) — II в. н. э. (Птолемей Старший), пруссы — II в. н. э. (Птолемей Старший) [следующее появление этого названия — 998–999], айстии/эстии — II в. н. э. (Тацит), селы/селоны — III–IV вв. н. э. («Tabula Peutingeriana)» [следующее появление — 1212–1213; однако *Selliani* обозначало, видимо, устье реки селов, а не самих селов], курши — 853 («Vita S. Anskarii» Римберта), ятвяги — 945 г. (русские летописи).

IV. О селах (селонах), происхождении их имени и вероятной этимологии этого этнонима

Еще два с небольшим десятилетия тому назад с е л ы (селоны) принадлежали, пожалуй, к числу древних балтийских племен, информация о которых считалась весьма скудной и вызывавшей к себе довольно малый интерес. К тому же, само название селов оставалось темным, как бы лишенным сколько-нибудь надежного смысла.

[45] Издания этих выдающихся исторических источников, их переводы и исследования, посвященные этим памятникам, многочисленны. Среди многого здесь можно отметить лишь немногое, относительно недавнее: Indriķa hronika 1993 (особенно 417–418); Генрих Латвийский 1938; Henrikas Latvis 1991; Henriku Liivimaa 1962; Henriku Livimaa 1982; Henry of Livonia 1961; Heinrich von Lettland 1959; Heinrici Chronicon Livoniae 1955; Indriķa Livonijas hronika 1936, 1973 и др.; Livländische Reimchronik 1876; Петр из Дусбурга 1997 (обширная библиография) и др.

Современные попытки картографирования местоположения селов в начале XIII в. помещают их (разумеется, лишь с известной степенью вероятности) в с е р е д и н у Балтии как некоего целостного ареала, населенного, не считая отдельных и в общем незначительных исключений, балтами, вполне сохранявшими свои племенные языки. Кроме этой «балтийской» Балтии, открытой с запада и юга Балтийскому морю, в это время еще сохранялись островки балтийского населения и балтийской речи к югу, юго-востоку и востоку от указанной выше Балтии как некоего непрерывного балтоязычного континуума. Следует напомнить, что, если островки балтийской речи в XIII в. (да и позже) не привлекали к себе внимания, то «балтийская» Балтия в этом веке получила ряд весьма обширных и достаточно надежных описаний. Собственно говоря, именно с XIII в. «балтийская» Балтия существенно открывает себя текстами о самой себе.

Сама же она простирается с северо-востока от земли, населенной латгалами, до юга и юго-запада, заселенных ятвягами и пруссами. «Срединность» селов определяется не только и не столько геометрией, сколько тем, что только земля селов граничит исключительно с землями других балтийских племен — латгалами на севере и северо-востоке, литовцами на востоке и отчасти на западе, земгалами на северо-западе [46]. Таково было местоположение селов в начале XIII в., отчасти,

[46] Это не исключает, что в прошлом в какие-то периоды незначительная часть территории селов соприкасалась с западной частью Полоцкого княжества, связи с которым осуществлялись, конечно, прежде всего по Западной Двине (Даугаве). Также вряд ли можно сомневаться в том, что селы были в контакте и с ливами, сидевшими в устье Даугавы и на побережье будущего Рижского залива по обе стороны от устья.

Вместе с тем существуют и несколько иные взгляды на границы распространения селов. Так З. Зинкявичюс и П. У. Дини полагают, что граница распространения селов на севере совпадала с течением Даугавы, а на юге она шла приблизительно по линии Таурагнай–Утена–Субачюс–Пасвалис. Дини, впрочем, полагает, что селы обитали и южнее и севернее обозначенных им границ, и их территория охватывала такие поселения, как Меддене, Пелоне, Малесине, Товраксе. Этот расширенный вариант «максимального» распространения селов объясняет быструю ассимиляцию «северных» селов латышам, а «южных» литовцам. Дини полагает, что первая ассимиляция состоялась уже к середине XIV в., а вторая протекала медленнее, и «южные» селы были ассимилированы литовцами только в VII–XIV вв. (? — так у автора). Но

вероятно, и раньше. Впрочем, и позже, судя по языковым «селизмам», обнаруживаемым в восточной части Латвии и Литвы в их нынешних границах, потомки селов так и остались по обе стороны границы, отделяющей эти страны и ныне. О «срединном» положении селов можно говорить и в несколько ином ракурсе. Если Западную Двину (Даугаву) в пределах Балтии разделить на три примерно равные части, то окажется, что селы располагались по «средней» части этой реки, большей частью к юго-западу от нее и в существенно меньшей части к северо-востоку от Западной Двины, где, видимо, селы составляли меньшинство среди латгальского населения.

Племенной центр селов располагался, видимо, на Западной Двине против устья впадающей в нее с севера реки Айвиексте (*Aiviekste*), правого притока Двины (кстати, крупнейшего) [47]. Именно в этом месте возник в качестве племенного центра селов Селпилс (лтш. *Sēlpils*, лит. *Sėlpilis*). Корень **sel-* применительно к реке (во-первых) и к территории Латвии (во-вторых) засвидетельствован уже картографически в источнике позднеримского времени, называемом «Tabula itineraria Peutingeriana» (III–IV вв. н. э.) [по имени немецкого гуманиста Конрада Пёйтингера (1465–1547)] и известном по копиям X–XII вв. Среди водных путей того времени в «Tabula Peutingeriana» отмечена впадающая в Балтийское море «река с е л о в» *Fluvius Sellianus*, чье название восстанавливается по фрагменту *Caput fl(uvii) S e l l i a n i*. Это указание само по себе очень важно (см. ниже) при всей двусмысленности слова *caput* в этом случае, поскольку оно в данном контексте может обозначать и начало реки и ее конец, верховье и устье, ср. русск. диал.

поскольку и сейчас как в латышских, так и в литовских говорах на селийском субстрате обнаруживаются отчетливые «селизмы», можно думать, что язык селов продолжал свое существование (по крайней мере в семейном кругу или между своими земляками) еще какое-то время. Язык селов как таковой прекратил свое существование, но селы древних времен, сменив язык, обычаи, отчасти культуру, наконец, национальную принадлежность, конечно, не вымерли и следы «селийского» этнического начала продолжают еще свое потаенное и существенно измененное существование. Это же относится и к языку селов, сохранившему целый ряд фонетических, а иногда и лексических «селизмов». См.: Zinkevičius 1984, 358–362; Dini 1997, русск. перевод — Дини 2002, 247–250. Ср. также Karaliūnas 1972, 17–18; Mažiulis 1981, 7–12; Kabelka 1982, 82; Breidaks 1985, 206–211; Breidaks 1992, 34–37. — И особенно не лишне вспомнить посвященные селам и их языку страницы Būga 1920–1922, 150(86)–152(88), то же — Būga 1959, II, 108–110.

[47] Ср. *Aiviekste*, см. LUN 1 (A–I), 9; *Aiviekste*, *Eiviekst*s, *Aviekste* (названия, относящиеся к гидронимии, но и к обозначению крестьянских усадеб), см. Endzelīns 1956 (A–J), 7 (ср. «ar disimilāciju no reduplicēta **vaiviekst-*»).

голова 'исток реки/ручья', но и *голова* как обозначение и верха и низа, например, снопа (см. СРНГ 6, 1970, 300–301); любопытно, что там же отмечается, что *голова* обозначает место, где н а ч и н а е т с я озеро, а начало озера чаще всего и образуется у с т ь е м («низом») реки.

Более частые упоминания селов приходятся уже только на XVIII в., но не менее важно то, что селы в этих источниках включены, как правило, в более полные контексты, из которых как раз и извлекается та максимальная информация о них, которой мы располагаем.

При всех сложностях определения границ распространения селов, и тем более что в разные периоды они существенно менялись, наиболее целесообразно в настоящее время определить в е с ь о б ъ е м территории пребывания селов, по возможности указывая наиболее надежно определяемое ядро их и те зоны или анклавы, которые можно подозревать в том, что некогда и в них пребывали селы. Собственно говоря, в настоящее время именно такая установка и определяет бóльшую часть исследований в области селонской этногеографии селов и Селии. В настоящее время едва ли можно сомневаться в наличии некогда селов на правобережье Даугавы, во-первых, и, во-вторых, по словам Эндзелина, «что юго-восточные говоры [Видземе. — *В. Т.*] некоторыми своими особенностями сильно напоминают те говоры Селии, которые бытуют к югу (на левом берегу Даугавы) от упомянутой области Видземе; поэтому напрашивается мысль, что прежде там на обоих берегах Даугавы жило одно и то же племя (селы?)». Нужно отметить, что уже Буга подозревал в свое время, что некогда в восточной части Видземе также сидели селы и что по топонимическим данным следы селов обнаруживаются вплоть до Алуксне. Попытка установления границ Селии в XIII в. по данным одного раннего источника еще 65 лет назад предпринял Э. Штурмс, опубликовав соответствующую карту. На основе источников восточной группы культуры курганных могильников он же очертил границы распространения селов, относящиеся к VI в. Дополнительный вес этому заключению придает то, что на карте очерчен с известной мерой вероятности и ареал восходящей интонации. Несколько позже В. Руке предположила особую группу селонских говоров, включив в нее не только говоры Аугшземе, но и говоры уже упомянутой юго-восточной Видземе с восходящей интонацией.

В начале 60-х гг. XX в. К. Анцитис и А. Янсонс пришли к выводу, что в пределах Видземе селы жили среди других этноязыковых групп в ряде мест, о чем могут свидетельствовать названия ряда населенных пунктов с этнонимическим корнем **sel-* (стóит напомнить о заслуживающем внимания мнении, согласно которому этот же корень присутствовал в языке селов для обозначения Даугавы; см. выше о городе *Sēlpils* на левом

берегу Даугавы и некоторых других названиях с корнем *Sel-*). Названные авторы высказывают также предположение, что присутствие восходящей интонации в современных говорах «видземского» ареала могло бы дать повод для предположения о том, что на этой территории начиная с III–IV вв. (т. е. со времени, когда селонская тема впервые выступает в «Tabula Peutingeriana») селы обитали компактной массой (о роли этой интонации для определения селонского очага и на правобережье Даугавы в бассейне Айвиексте писали и лингвисты, и археолог Э. Шноре).

В настоящее время можно говорить о немалых успехах в области селонской диалектологии — и не только в области изучения восходящей интонации и тех преобразований, которые были связаны со стабилизацией ударения на первом слоге или с трансформацией восходящей интонации в прерывистую в слогах, находившихся перед более ранними ударными слогами слова, но и в таких явлениях, как палатальная перегласовка (ср. литер. *govs* 'корова', но *gùo*^{e}*s* в Даудзесе), новые удлинения, приобретающие даже интонацию, звуковые переходы в определенных условиях, морфологические диалектные особенности (ср. *mun* 'мне' при литер. *man* и др.), лексические диалектизмы и т. п. — Последняя по времени из известных автору этих строк работ синтетического характера о селах, их распространении (с картами) и языке — Рудзите 1980, 159–163[48]. См. карту территории Латвии и ее составных частей в XIII в.

Ранние и наиболее информативные сведения о селах, одном из балтийских племен, которых и исторические источники, и данные о языковых «селонизмах» позволяют поместить по обе стороны Даугавы между латгалами на правом берегу и земгалами в юго-восточной части Видземе, что косвенно подтверждается и распространением языковых селонизмов в современных латышских и литовских говорах, представлены в «Хронике Ливонии» Генриха Латыша. См. Heinricus de Lettis MDCCXL; перевод на литовский (как и «Хроники Ливонии» Германна из Вартберге) см. в книге — Henrikas Latvis 1991. Эти сведения автор «Хроники» помещает в контекст борьбы с язычеством,

[48] Из более ранних работ см.: Būga 1923, kn. 1, 385–387 [= 1961, 625–628]; Šmits 1927, 49–50; Bičolis 1932, 64 ; Ābele 1933, 106–110; Kauliņš 1933, 11–19; Ozoliņa 1937, 81; Vīksne 1937, 147; Šturms 1939, 38063–38064 sl.; Ruķe 1940, 4–6; Endzelīns 1951, 117, 144–152 ; Endzelīns 1954, 125–136 ; Анцитис, Янсон 1962, 92–104; Ancītis, Jansons 1963, 25–68; Ancītis 1977, 47; Rasiņš 1966, 549; Kušķis 1967, 9–20; Rudzīte 1964; Rudzīte 1968, 243; Рудзите 1969; Рудзите 1980, 159–163; Karaliūnas 1972, 17–19; Paegle 1973, 22, 51 karte; LA 1974, 277; Розенберг 1977, 153–168; LZR 1999; LSV 2001 и др.

особенно жестокой и упорной, и стремлением к распространению христианства.

Первый раз о селах в этом контексте Генрих Латыш упоминает в своей «Хронике» (XI, 6):

Postquam dominus ecclesiam suam a paganorum impugnatione liberavit, timens episcopus, ne post exitum suum similia facientes, Lyvoniam ubique devastent, castrum Selonum, quod erat eis egredientibus et ingredientibus in refugium omni tempore, destruere cogitabat, et missis nunciis suis per universam Lyvoniam et Letthigalliam, qui se fidei iam coniunxerant christiane, convocat omnes in expeditionem. Et collecto exercitu magno, mittit episcopus abbatem Theodericum et Eggelbertum prepositum cum omni familia sua et peregrinis, adiunctis simul fratribus milicie Christi, ad expugnandum Selones. Et ibant versus Ascrad, et transeuntes Dunam corpora Lethonum antea occisorum inhumata reperiunt, que circulantes per viam et ordinate incedentes, ad castrum Selonum perveniunt. Et obsidentes castrum, undique in circuitu multos in munitione vulnerant sagittis, multos per villas captivantes, plures occidunt, ignem copiousum per lignorum comportationem incendunt. Nocte ac die requiem non dantes, Selonibus timorem incuciunt. Unde clam vocatis senioribus de exercitu, petunt pacem. At illi: «Si veram, inquiunt, pacem desideratis, abrenunciate ydolatrie, et verum pacificum, qui est Christus, in vestrum castrum recipite, baptizamini et Lethones inimicos nominis Christi deinceps a castro vestro removete». Placet hec forma pacis, et datis obsidibus baptismi sacramenta se recipere promittunt et Lethonibus remotis christianis se per omnia spondent obedire. Acceptis itaque pueris ipsorum mitigatur exercitus. Unde albas et prepositus cum aliis sacerdotibus, ascendentes ad ipsos in castrum, ad fidem iniciando eos instruunt, et aspergentes castrum aqua benedicta, et vexillum beate Marie in arce figunt; de conversione gencium gaudentes et deum collaudantes de ecclesie profectu, leti eum Letigallis et Lyvonibus in terram suam revertuntur .

После того как Господь избавил церковь свою от нападения язычников, епископ, боясь, что по отъезде его они так же опустошат и всю Ливонию, задумал разрушить замок селов (Selonum), который всегда и при отступлении и при наступлении служил им убежищем. Послав своих гонцов по всей Ливонии и Лэтигаллии, которые уже присоединились к христианству, он звал всех в поход. Собрав большое войско, епископ послал аббата Теодериха и настоятеля Эггельберта со всей своей дружиной и пилигримами, а также братьями рыцарства Христова взять замок селов. Они направились к Аскрадэ и, перейдя Двину, наткнулись на непогребенные тела убитых литовцев; прошли, ступая по ним, и, двигаясь в полном порядке по дороге, приблизились к замку селов. Осадив его, много народу

кругом на укреплениях переранили стрелами, многих взяли в плен по деревням, еще большее число убили; собрав дрова, зажгли большой огонь. Не давая осажденным передышки ни днем, ни ночью, привели в ужас селов. Тогда, тайно вызвав старейшин войска, те стали просить мира. Им ответили: «Если вы хотите искреннего мира, откажитесь от идолопоклонства, примите в ваш замок истинного миротворца — Христа, креститесь и впредь не пускайте в ваш замок литовцев, врагов христианства». Эти предложения были приняты. Дав заложников, они обещали принять таинство крещения и, прогнав литовцев, во всем повиноваться христианам. Получив в заложники их сыновей, войско успокоилось. Аббат и настоятель с другими священниками пошли к ним в замок, наставляли их в начатках веры, окропили замок святой водой и поставили в крепости хоругвь пресвятой Марии. Радуясь обращению язычников и славя Бога за успех церкви, они весело возвратились с лэтигаллами и ливами в свою область.

Следующий фрагмент «Хроники Ливонии», относящийся к селам, — XI, 9, 1207 г.:

Preterea omnes Theuthonici undique per Lyvoniam dispersi cum aliis Lyvonum senioribus ad ecclesie defensionem Rigam conveniunt. Audientes itaque Rutheni Theuthonicorum et Lyvonum in Riga collectionem, timentes sibi et castro suo, eo quod male egerint, et non audentes in castro suo Rigensium exspectare adventum, collectis rebus suis et equis et armis Theuthonicorum inter se divisis, incendunt castrum Kukenoys, et fugiunt unusquisque per viam suam. Lethigalli et Selones, qui ibi habitabant, silvarum tenebrosa querunt latibula. Rex autem sepedictus, sicut male egerat, sic versus Ruciam, nunquam deinceps im regnum suum rediturus, abscessit.

Все тевтоны, рассеянные в разных местах по Ливонии, вместе с другими старейшинами ливов, собрались в Ригу на защиту церкви. Когда русские услышали, что тевтоны и ливы собрались в Риге, они, боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и не смея дожидаться прихода рижан в замке, собрали свое имущество, поделили между собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Кукенойс и побежали каждый своей дорогой. Лэтигаллы и селы, жившие там, скрылись в темные лесные трущобы, а не раз упоминавшийся король, зная за собой злое дело, ушел в Руссию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство.

Третий фрагмент о тяжелой жизни селов, преследованиях и убийствах их — XVII, 5, 1213 г.:

Milites etiam de Kukenoys et Letti, sepius eodem tempore Selones et Lettones despoliantes, villas et confinia eorum vastaverunt, et alios interficientes, alios captivos ducentes, et in via frequenter insidiantes, multa eis mala intulerunt.

Рыцари из Кукенойса и лэтты часто в то время разоряли селов и литовцев, опустошали их деревни и владения, одних убивали, других уводили в плен, не раз делали засады на дорогах и причиняли им много вреда.

Последний, четвертый фрагмент, в котором выступают селы, находится в XXIX, 5, 1225 г.:

Tandem in Kokenoyse similiter documentorum sanctorum monita, tam Theuthonicis, quam Ruthenis et Letthis et Selonibus cohabitantibus fideliter impendit, commonendo semper Theuthonicos, ne subditos suos grananibus aut exactionibus indebitis nimium lederunt, sed fidem Christi sedulo docendo, consuetudines christianas inducerent et ritus paganorum abolerent et tam exemplis eorum bonis, quam verbis eos instruere docerent.

Наконец и в Кукенойсе преподал [речь идет о папском легате, объезжавшем области по Двине. — *В. Т.*] правила святого учения живущим там тевтонам, русским, лэттам и селам, а тевтонов все убеждал не обижать подданных чрезмерными тяготами и недолжными поборами, прилежно учить их вере Христовой, вводить христианские обычаи, уничтожая обряды язычников, воспитывать людей и добрым примером и словом.

В общем всех этих сведений о селах в «Хронике Ливонии» немного, но и по ним легко восстанавливается судьба племени селов за каких-нибудь два десятилетия в первой четверти XIII в., когда балтийские племена, населявшие эту территорию, впервые вышли на историческую сцену, когда свободные селы-язычники со своими верованиями, ритуалами и своим образом жизни, населявшие землю, которую они считали своей, где сопротивляясь, а где и просто нехотя, становились христианами, и в ходе этого исторического процесса «селонское» так или иначе уступало место христианскому, менялась и сама жизнь и постепенно утрачивался их родной язык, о котором наука может судить только по жалким остаткам, существующим еще уже в совсем других, хотя и родственных языках, которым повезло больше, чем селам и их языку. Но мы должны быть благодарны уже за одно то, что наша память об исчезнувшем народе и его языке еще имеет свою опору и в старых исторических источниках, и в разрозненных и в общем скудных остатках языка, которые сохраняют уже другие языки [49].

[49] Подлинные тексты «Хроники Ливонии» и их переводы приводятся по изданию: Генрих Латвийский 1938 (пишущий эти строки не всегда согласен с переводами ряда этнонимов на русский язык). — Ср. также Indriķa hronika 1993.

Если в «Хронике Ливонии» Генриха Латыша упоминания селов ограничиваются периодом с 1207 г. по 1225 г., при том что обозначение селов отмечено всего лишь семикратно, то в «Ливонской хронике» Германна из Вартберга [50], селы и «селонское» упоминаются всего лишь трижды несмотря на то, что эта «Хроника» охватывает период с 1196 г. по 1378 г. Естественно, что упоминания селов у Генриха Латыша современны автору, чего нельзя сказать о всем том почти двухвековом периоде, который охватывает «Ливонская хроника» Германна из Вартберга. Разумеется, что в источниковедческом плане информация Генриха Латыша оказывается более ценной. Но, тем не менее, у «Ливонской хроники» есть и свои преимущества. Говоря о первой половине 50-х гг. XIII в., Германн из Вартберга совсем в новом по сравнению с Генрихом Латышом контексте (строительство замка в Клайпеде [Memell] в 1252 г., воздвижение храмов на куршском побережье) говорит и о земле селов (*Zelen*). В сообщении от 1373 года говорится, что в то же самое время началось воздвижение Замка в Селии/Селонии (*in Zelonia*). В записи от 1376 года сообщается о Селбурге (*Selburgs*), вероятно отождествляемом с Селпилисом (*Selpilis*), существующим и поныне. Таким образом, новое в сообщении Германна из Вартберга по сравнению с Генрихом Латышом состоит в упоминании о постройке замка в земле селов, укрепленного центра, если не городского, то «предгородского» типа (впрочем, замок селов упоминается и у Генриха Латыша в «Хронике Ливонии»; см. выше).

Из важных источников нужно отметить и третий текст «хроникального» жанра, так называемую «Рифмованную хронику» [51], написанную в XIII в., вероятно, около 1290 г. В этой хронике имя селов упоминается четырежды. Ср.: *die Dune ein waȝȝer ist genant,* | *des vluȝ gêet von Rûȝen lant,* | *Dar ûffe wâren geseȝȝen* | *heiden gar vormeȝȝen,* | *Liwen wâren sie genant,* | *daȝ stoȝet an der S ê l e n lant* (стихи 139–144); — *S ê l e n ouch heiden sint* | *und an allen tugenden blint* (стихи 337–338); — *Von Rîge ein bischof ist genant,* | *der hât burge unde lant* | *in sînem gestifte wol gelegen,* | *das wiȝȝen, die dâ wonens pflegen.* | *S ê l e n, Liven, Letten lant* | *stêt ein teil in sîner hant* (стихи 6673–6678), ср. также *S e l h e n, Lîven, Letten lant* | *wâren in der Rûȝen hant* | *vor der brûder ziten komen,* | *der gewalt war in benomen:* | *er treib sie zû lande wider* (стихи 645–649). В «Рифмованной хронике» упоминается также земля селов — *Selenland.*

Наконец, нужно отметить несколько спорадических упоминаний в середине XIII в. Речь идет об акте папы Иннокентия IV от 1254 г., где подтверждается право рыцарей-меченосцев на владения (*castra seu munitiones*) селов и их усадьбы, селища (*villas*) [52]. В дарственной грамоте Миндаугаса Ливонскому ордену (1255) речь идет о селах, причем также упоминаются отдельные поселения селов [53]. В другой дарственной грамоте Миндаугаса (1261 г.) обозначены границы распространения селов: Даугава на севере, линия Таурагнай–Утена–Субачюс–Пасвалис на юге, но эти границы, конечно, должны пониматься как условные: несомненно, что в XIII в. селы обитали и севернее и южнее указанных пределов, хотя, видимо, эти поселения были островными и в первую очередь подверженными ассимиляции — латышам на севере, латгалам на востоке, литовцам на юге. В дарственном акте Миндаугаса 1261 года содержатся сведения, которые позволяют более точно определить границы территории, занятой селами: на севере Даугава от Даугавпилса (*Nawenene*) до Кекавы, впадающей в Даугаву же; на юге граница шла от Даугавпилса через озеро *Lodenbeke* — *Dussathe* (река) — *Sarthe* (озеро) — *Swenteuppe, Swentoppe* — *Lettowiae/Lettawie* (река) — *Wasseuke/Waseweke* — *Vesinthe/Wesinte* — *Lenene/Lewene* (реки).

XIII век оказался для селов роковым в своей двойственности. Именно в этот век они вошли в историю и оставили о себе память в письменных источниках, в значительной степени потому, что оказались соседями латышей и литовцев, к этому времени глубже укоренившихся в балтийском пространстве. Соседство с ними и, более того, сосуществование с ними было для селов началом конца — ассимиляция стала неизбежной. Но то, что знает наука о селах, имеет своим главным источником тексты того же самого XIII в.

Уже высказывалось предположение, что этноним с е л ы, видимо, соотносим с названием пространства, которое они населяли — *Sēlia* (лтш.) / *Sėlia* (лит.). Естественно предположить, что само это пространство названо было по имени реки, по обеим берегам которой сидели селы. Реконструкция названия этого гидронима, предложенная К. Кузавинисом (Kuzavinis, Savukynas 1987, 179–180), представляется бесспорной, но и естественно напрашивающейся — балт. **Sēla/*Sėla.* Эта реконструкция имеет сильные аргументы в свою пользу и с в я з ы в а е т балтийские формы этого гидронима, широко представ-

[50] См. Hermanni de Wartberge 1863.

[51] Ср. ее издание — Livländische Reimchronik 1876.

[52] В акте упоминается и ряд поселений селов, среди них *Allecten, Calve, Medene, Nitzcegale*, но особенно существенно поселение *Selen*.

[53] Ср. *Meddene, Pelone, Maleysine, Thovraxe* и также *Selen*. Любопытно, что ряд этих названий отождествляются с более поздними и даже современными названиями.

ленного в Балтии, с водными названиями с тем же корнем, представленными гидронимией существенно более южных территорий.

Но сначала уместно указать гидронимы с корнем **sēl-/*sėl-* в Балтии. Не раз отмечалось, что в Латвии (в узком смысле слова) нередко встречаются гидронимы и топонимы с корнем *sĕl-*. В соответствующей литературе есть указания на наличие топонимов с этим корнем, но поскольку начатое Эндзелином издание «Latvijas PSR vietvārdi» не дошло до тома на *S-*, приходится довольствоваться немногим. Впрочем, одного названия опорного центра селов на Даугаве, теперь небольшого городка, при учете высокой степени вероятности, что и Даугава (по меньшей мере одна из частей ее) обозначалась тем же корнем *Sēl-*, достаточно, чтобы оценить сам тип таких поселений. Из гидронимов можно назвать *Sēlīte*, *Sellīte* (р. *Селлита*) в р-не Добеле [54]. Нельзя обойти молчанием гидронимы с иной огласовкой корня (и.-евр. **o* > балт. *a*), а именно *Sal-*. Их существенно больше, чем названий с огласовкой *ē*, хотя в ряде случаев допустимы и другие интерпретации. Обращает на себя внимание и то, что многие *Sal*-гидронимы тяготеют к Даугаве и тем более к ее бассейну. Несколько примеров гидронимов этого рода — *Salaca* (р. *Салаца*), *Salace*, *Salas gr.*, *Salas-Ruskulovas str.*, *Salas str.* (руч. *Салас*), *Salate*, *Salāte* (р. *Саламе*), *Salenieku u.*, *Saliena*, *Saliene*, *Sālija*, *Salinupīte*, *Salu gr.*, *Salupe* (р. *Салупе*) и др. (LUN 4 (S–Ž), 4–5) [55] и др. В латгальском языковом пространстве примеры этого рода встречаются реже и обладают меньшей достоверностью, в частности, и в силу того, что они не всегда отличимы от русских гидронимов и топонимов. Ср. *Seļina* (при *Šelina*), ручей *Селуна*, *Seleniki* и др. и с вокализмом *a*: *Salatu ez.* (ср. *Sologš*), *Saliņa*, *Saleņu az.*, *Sali*, *Salinīki*, *Salenieki*, *Salinīki*, *Salnieki*, *Salinīki*, *Salīši*, *Salieši* и др. [56].

Корень **sel-/*sal-* широко представлен в литовской топонимии и гидронимии. Ср. населенные пункты лит. *Sėlė*, *Sėlenaĩ*, *Sėlenẽliai*, *Sėlẽniai*, *Selỹnė*, *Sėliškės*; *Salà* (четырехкратно), *Sālakas*, *Salāmiestis*, *Salaminai*, *Salantaĩ*, *Salẽlė*, *Saleniñkai*, *Saliaĩ*, *Saliẽčiai*, *Saliniai* (дважды),

[54] См. LUN 4 (S–Ž), 9.

[55] Нельзя исключать, что в ряде случаев так называемые «холодные» реки могли бы возникнуть в порядке народной этимологии из *Sal-up-*, ср. *Saltupe* (р. *Салтупе*) при *Salupe*, *Salu gr.* Но, разумеется, это не более чем одно из возможных предположений. См. Ibid., 4–5; ср. Kiparsky 1939, 151, словарная статья 1253 *Salene* в связи с лтш. *salt* : *salstu* (*saļu*) 'frieren'. — Ср. nom. propr. *Andreas Sellite*, 1582–1585, связываемое Кипарским с лтш. *zellītis*, деминутив от *zellis*.

[56] Zeps 1984, 450. Ср. Ibid., 441–442.

Saliniavietė, *Saliniñkai*, *Salinìškis*; *Salõčiai* (четырехкратно), *Sālos* (12 раз!), *Salótė*, *Salùčiai*, *Salùpiai* (!) [57]. Из литовских гидронимов с двумя типами корневого вокализма ср.: *Sėliupis*, *Seliupys*; *Salùpis*, *Salà* (дважды), *Salaĩtė*, *Saláičiai*, *Salaičiùkas*, *Salakaĩ*/*Sālakas*, *Sālantas*, *Saliẽtis*, *Salìnė*, *Salinẽlis*, *Salìnis*, *Salipỹs*, *Salýtė*, *Salìų upẽlis*, *Salõčių ežeras*, *Salõčius*, *Salõs ežeras*, *Salõs upẽlis*, *Salõs ùpis*, *Salótas ež.*, *Salõtė*, *Salótė*, *Salótis*, *Saloĩtė*, *Sālupis*, *Salùpis* (LUEV 1963, 141, 143; Vanagas 1981, 287–289, 295).

В прусской топонимии ср. *Salkaim*, 1507 (позже — *Salpkeim*); *Saloniten*, 1402–1408; *Sellen*, 1507 (позже — *Sollainen*) и др [58], ср. прусск. *salus* 'дождевой ручей'. На территории Восточной Пруссии и Малой Литвы отмечен ряд топонимов с теми же двумя типами огласовки корня, ср. *Sėlinaĩ*, *Sėlinėliai*, *Selininkai*, *Salininkai*, *Salėnai* (*Žalėnaĩ*?) и др. [59]. Нужно отметить, что гидронимы с корнем **sel-/*sal-* отмечены и на пространствах к западу и югу, юго-востоку от собственно Балтии.

Здесь нет возможности, да, пожалуй, и необходимости приводить отмеченные в многочисленных исследованиях по топонимии и гидронимии примеры с корнем *sel-/sal-*, но достаточно указать наиболее типичные образцы и сослаться на соответствующую литературу, по крайней мере, на наиболее представительные ее образцы — как монографические, так и просто на списки (индексы). Ср.: *Sieluń*/*Śeluń* (in *Schelvn*, 1501; *Sielyuny*, 1530, circa *Syelun*, 1542, *Sieliun*, 1582) [60]; — *Salent See* (*Sallanten*, 1651; *Sallen*, 1595; *Salęt*/*Zalént*), *Salunka See*, *Salmant*, *Salusker Fliess*, *Sała*, *Saleszno See* [61]; — *Salęt*, *Salinka*, *Salinko*, *Salino*, *Salińskie Jezioro*; *Sala*, *Selmęt Wielki*; *Sielsko*/*Sillingsdorf* [62]; *Saleschno See*, *Salinka*, *Salmant*, *Salna*, *Salno*; *Selina*, *Sellment See*, *Selmęt*, *Selmętek*, *Selon See*, *Selonicken* [63]; — *Sala*, *Sale*, *Sallenthin*, *Salotin* (1254), *Salentyn* (1254), *Sallentin* (1229), *Salentin* (1244); *Selente* (1197), *Selen*, *Selene*, *Selenowe* и др. [64]. Эти и подобные им примеры характеризуют широкую полосу, идущую с востока на запад южнее Балтийского моря.

К юго-востоку от Балтии в бассейне Верхнего и Среднего Днепра многочисленны гидронимы с корнем *сел-/сал-*. Лишь часть

[57] LATSŽ 1976, 270–271, 274.

[58] См. Gerullis 1922, 149, 155.

[59] См. Pėteraitis 1997, 342, 349. Ср. также Hydronymia Europaea 2000, 137, 147.

[60] См. Zierhoffer 1957, 331.

[61] См. Leyding 1959, 25, 174, 189, 267, 286, 345.

[62] См. Rospond 1951, 284, 286, 288.

[63] См. Hydronimia Wisły 1965, № 138, 175, 425, 453, 458, 503, 534, 665, 702, 764.

[64] См. Trautmann 1948–1956, I, 134, 149, 155 и др.; II, 32 и др.; ср. его же работу Trautmann 1948.

подобных примеров, при том что не всегда есть уверенность, что речь идет о том же самом **sel-/*sal-*, так или иначе связана с этнонимом селов. Из трех с половиной десятков примеров, подозреваемых в связи с корнем **sel-/*sal-*, о котором говорилось раньше, стóит привести лишь более надежную часть их. Ср.: *Сельна*, *Селня*, *Сельня*, *Селнов*, *Сельнича*, *Сельчанка*, *Селишенка*, *Селитенка*, *Селеченка*, *Селец*; *Салона*, *Салотинка*, *Салова*, *Саловка* и др. [65].

Не меньше водных названий с теми же двумя вариантами огласовки корня и в бассейне Оки. Характерно при этом, что более надежные гидронимы и в большем количестве встречаются в верхнем и среднем течении Оки, где не раз уже отмечались и другие балтизмы [66]. Из окских гидронимов с рассматриваемым корнем более вероятны следующие — *Села*, *Селка*, *Селна*, *Селня*, *Сельна*, *Сельня*, *Селонинка*, *Селин*, *Селина*, *Селинка*, *Селинское*, *Селинской*, *Селенинь*, *Селена*, *Селенка*, *Селенское*, *Селянка*, *Селятинка*, *Селитинка*, *Селитинское*, *Селейка*, *Селеевка*, *Селеевское*, *Селеченка*, *Селечка*, *Сельчанка*, *Селецкое*, *Селецкой* и др.; *Салона*, *Салотинка*, *Салова*, *Саловка* и др. [67].

В бассейне Днестра и Южного Буга также отмечены 5–6 гидронимов с корнем *сел-*, ср. *Селетин* (*Seletyn*), *Селица*, *Селиска*, *Селянка*, *Сельница* [68]. И количество примеров и их выразительность, конечно, существенно меньше соответствующих гидронимов в бассейнах рек, рассмотренных ранее. Тем не менее этот ареал между Истром и Танаисом, которым еще в античное время интересовались исследователи, выделяя его в особый географический регион, весьма существен. Именно в бассейнах Днестра и Южного Буга и в предгорьях Карпат могли осуществляться встречи прабалтов с фракийцами, в частности с даками и гетами. Скорее всего у прабалтов были контакты с даками, ориентированными в сторону Германии, истоков Истра, тогда как геты были обращены к Понту, на восток (Страбон VII, 3, 12). Затронув германскую тему, Страбон сообщает, что «Есть также в Германии река *Сала*», между которой и Рейном «победоносно ведя войну, нашел свой конец Друз Германик» (VII, 1, 3). Этот гидроним (Σάλα), как и Сале (Σάλη), город на острове Самофракии, Σελινούντιον, гора в Арголиде (Plut.), Σεληναῖον, Селеней, лунная гора в Арголиде, Σελῖνους, город на южном побережье Сицилии Селинунт, и

[65] См. Маштаков 1913, 3, 13, 37, 49, 53, 77, 108, 112, 115, 148, 152, 155, 173, 155, 176, 188, 190, 191, 197, 200, 208, 220, 225.

[66] См. Топоров 1988, 154–177; Топоров 1989, 47–69 и др.

[67] См. Смолицкая 1976, 25, 31, 35, 38, 41, 43, 45, 46, 47, 62, 65, 77, 85, 90, 93, 116, 125, 127, 128, 129, 132, 138, 150, 155, 160, 170, 213, 256.

[68] См. Маштаков 1917, 6, 16, 20, 22, 34, 35.

особенно Σελλοί, селлы, коренные обитатели Додоны, упоминаемые уже у Гомера, и т. п., особенно топо- и гидронимические названия, зафиксированные во фракийском (см. ниже), наводят на мысль о связи и в этом случае двух типов корневого вокализма, как и в случае с селами Балтии и с именем, которым они, видимо, называли Даугаву; ср. также два гидронима Σελῖνους, Селинунт, река в Трифилии (Элида) и река в Ионии (Xen. в обоих случаях).

В этой перспективе др.-греч. Σελ-:Σαλ- и балт. *Sel-:Sal-* заслуживают сопоставления друг с другом и уж во всяком случае внимания. Существенно, что слова с обеими разновидностями корневого вокализма могут обозначать и этнос, и реку, и поселение (город), иначе говоря выступать как и этноним, и гидроним, и топоним, и, забегая несколько вперед, как антропоним.

За последние полвека, после того как появились в свет два важных собрания лексики двух древних и наиболее представительных языков Балкан [69] и собрание древней малоазиатской антропонимии [70], не говоря уже об исследованиях ономастики, топонимии и гидронимии обоих больших этих ареалов [71], возникла и проблема балто-балканско(-малоазиатских) языковых связей [72].

Кроме только что указанных данных древнегреческих источников, в которых присутствуют топонимы, гидронимы, этнонимы и антропонимы с корнем **sel-/*sal-*, уместно обратиться к фракийскому материалу. Вокализм *e* засвидетельствован в слове фракийского происхождения Σελλητική, определяемом Д. Дечевым как «Strategie im mittleren Haemus» (Хемус/Гемус, лат. *Haemus* — горная цепь в северной Македонии и Фракии, а также имя сына Борея и Орифии, превращенного в гору [73]). Название Σελλητική отмечено у Птолемея 3, 11, 6: στρατεγίαι δὲ εἰσὶν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ πρὸς μὲν ταῖς Μυσίαις καὶ περὶ τὸν Αἶμον τὸ ὄρος ἀρχομένοις

[69] См.: Detschew 1957; Mayer 1957; Haas 1966.

[70] См.: Zgusta 1964; Zgusta 1955.

[71] См.: Дечев 1952; Георгиев 1957; Duridanov 1969; Дуриданов 1976; Топоров 1973, 30–63; Топоров 1977а, 59–116; Гиндин 1967; Гиндин 1981; Гиндин 1993; Гиндин, Цымбурский 1996; Нерознак 1978; Этногенез 1984; Римша 1994 и др. — Разумеется, нужно помнить и о трудах по фракистике, написанных В. Томашеком еше в конце XIX в., см. Tomaschek 1893.

[72] Речь идет об указанных в предыдущей сноске работах И. Дуриданова, В. Н. Топорова, отчасти В. Римши, сконцентрированных именнс на балкано-балтийских связях.

[73] Для греческой мифологии со- и одно-именность мифологического персонажа и горы подтверждается многими фактами.

ἀπὸ δυσμῶν Δανθηλητική, Σαρδική, Οὐσδικησική, Σελλητική. Согласно Томашеку (Tomaschek 1893, I, 86), Σελλητική сконструировано из этнонима *Σέλλητες, из *Sel-ēt-, сопоставимого с лтш. *Sellite* (*Селита*), *Selite*, с предполагаемыми гидронимическими балтизмами в бассейнах Днепра и Оки *Селитенка*, *Селитинка*, *Селитенское*, *Селиченка*, *Селеченка*.

В иллирийском также находится соответствие этнониму селов. Ср.: Ζεῦ ἄνα, Δωδωναῖε, Πελασγικέ, τηλόθι ναίων, | Δωδώνης μεδέων δυσχειμέρου, ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ... («Зевс Пеласгийский, Додонский, далеко живущий владыко | Хладной Додоны, где Селлы, пророки твои обитают») (Гомер. Il. XVI, 233–234). (В этом древнегреческом тексте «иллиризмом» А. Майер считает именно слово Σελλοὶ, см. Mayer 1957, 299.) Правота этой точки зрения, вероятно, подтверждается и другими иллирийскими словами этого же корня, ср. Σελινω при днепр. *Селинка*, окск. *Селинка*, *Селин*, *Селина*, *Селинской*, *Селинское* и др., лит. *Sėlinė*, название реки [ср. лит. *sẽlinti*, *selinėti* 'красться', 'подкрадываться' (в частности, и о воде, волне, ср. в типологическом плане лит. *sliñkti* 'двигаться', 'ползать', но и 'течь', 'протекать', 'просачиваться')], *Sėlỹnė*, название деревни, возможно, прусск. **Selinike*, давшее *Selniken* (1426); допустима и реконструкция **Selenike*.

Особо нужно отметить обилие соответствий слов с корнем **sel-*/**sal-*, фиксируемых в Малой Азии (как и на Балканах, нередко и за пределами их; ср. лат. *Selīnūs*, *-ūntis* 'Селинунт', город на южном побережье Сицилии при одноименном приморском городе, также и реке в западной Киликии), и балтийских примеров, о которых писалось выше. Поэтому здесь важнее говорить о древних малоазиатских словах, выступающих в функции личных имен (Personennamen) и при этом имеющих корень **sel-*/**sal-*. Л. Згуста в своей книге «Kleinasiatische Personennamen» (Zgusta 1964) вслед за старой работой начала XX в. [74] приводит ликийский антропоним Σελλις (ср. надпись PL 156: Σελλιος τοῦ Ποναμοα), ср. Σελλίωι Σαπιέτωι (BCH 11, 1887, 466, № 33 [лидийск.]), но автор этого собрания предпочитает думать о лат. *Sellius*; — лик. Σαλας (лик. версия *Zzala*) [75]; Σαλης (max.): Κωνιν Σαλητος (Gen.) [76]; Σαλος (masc.), килик. Σαλω (Dat.) [77]. Возможно, сюда же нужно отнести ряд примеров с тем же корнем и суфф. -αμ-

[74] Sundwall 1913.

[75] См. Tituli Asiae Minoris 1901, 32b и т.

[76] Monumenti antichi 1914, 76, № 59.

[77] См. Heberdey, Wilhem 1896, 115.

(Σαλαμας), -μ- (Σαλμας), -μων- (Σαλμων). С балтийской стороны особенно показательны примеры типа прусск. *Selune*; *Sale* (ок. 1327), *Salanx* (ок. 1300), *Salicke* (*Petir Salike*), *Saluke* (1352, 1359) и др. [78], лит. *Sėlẽnis*, *Selenis*, **Selenys* (ср. *Sellenies*, *Selenius*); *Selẽnas*, **Selenaitis*, *Sėlena*, *Sėlenta* и др.; *Salà*, *Salỹs*, *Salãla*, *Salẽckas*, *Saleliónis* (*Salialiónis*), *Salenis*, *Salẽtis*, *Salìkas*, *Salínas*, *Salýnas*, *Salìnis*, *Salìnka*, *Salūnas*, *Saliutà*, *Saliutis*, возможно, *Seleckas*, *Seleikis*, *Selìckas* и др. [79]; лтш. *Sele*, *Szele*, *Sellick*, *Sellit*, *Sellon*; *Sallax*, *Sallack*, *Sallacks*, *Sallene*, *Sallyn* (1507), *Salit* (1652) [80]. Кое-что восстанавливается по топонимическим материалам и для латгальского именослова, по крайней мере на основании топонимов (нередко и белорусских или русских) типа *Seļina*, *Seleniki*, *Salinīki*, *Salenicki*, *Saliņa*, *Saleņu az.*, *Sali* и др. [81]. — Можно высказать (хотя бы как робкое предположение) мнение, согласно которому nom. propr. белор. *Сел* (*Селіч*), являющееся сокращением от полного имени *Селивон* (русск. *Селиван*), еще хранит память и о селах, некогда соседивших с западнобелорусскими поселениями. Ср. белор. *Сел* [82] (I, 147; III, 168), но и *Селений* (III, 141), *Селін* (I, 147), *Селиний* (I, 141), а также старопольские личные имена с корнем *sel-* [83].

В связи с антропонимами с корнем *Sel-* и соответствующими в отношении корня топонимами и гидронимами уместно вернуться к сходной ситуации и в связи с ятвяжским названием Нарева *Naura*. Помимо указанных выше топонимов типа *Naurska Góra* и под., уместно напомнить об антропонимах типа лит. *Naura*, *Niáura*, *Niaurà*, *Naurẽckas*, *Naurõnas*, *Naurónis*, *Naùrskas*, *Navrauskas* и, может быть, *Nùrka*, *Niùrka*, *Niurnáitis*, *Nurkáitis* и т. п. (LPŽ 1989, 307–308, 312, 324–325, 330, 341). Менее надежны, но не исключены полностью, близкие по корню антропонимы в прусском и тем более в латышском.

Читатель этой работы может с известным недоумением спросить, какое отношение имеет она к темам, обозначаемым обычно как «Onomastica Lettica» и тем более к «Onomastica Baltica». Ответы на эти вопросы следуют в этой заключительной части исследования. Но сначала несколько слов о самом корне **sel-*, надежно реконструируемом для индоевропейской эпохи, насколько лингвисты-компаративисты могут достичь самого раннего из возможных уровня.

[78] См. Trautmann 1925, 85, 91.

[79] См. LPŽ 1989, 662–667, 694–695.

[80] См. Blese 1929, 240, 245.

[81] См. Zeps 1984, 441–442, 450.

[82] Ср. Бірыла 1966, 147, 300; Бірыла 1982, 168, 300.

[83] См. SSNO, s. v. *Sel-*.

Покорный в своем словаре (Pokorny 1959, 898–900) различает шесть значений, выражающихся корнем *sel-: 1.*sel- 'жилое пространство', 'обиталище', 'помещение' и т. п. (ср. др.-в.-нем. *sal* 'жилище', 'большое помещение', лангоб. *sala* 'двор', 'дом', 'строение'); — 2.*sel- (:*sₓel-) 'балка', 'брус', 'бревно', 'доска' (др.-англ. *selma*, *sealma*, др.-сакс. *selmo* 'постель', 'русло', лит. *súolas* 'скамья'); — 3. *sel- 'брать', 'хватать' (др.-греч. ἑλεῖν, лат. *con-silium* 'заседание', 'совещание', 'собрание', готск. *saljan* 'подносить', 'жертвовать'); — 4. *sel- 'скакать', 'прыгать' (др.-инд. *ucchal-* 'бросаться', 'скакать', из *ud-sal(ati)*; др.-греч. ἅλλομαι, лат. *salio* 'прыгать', 'скакать', лит. *sálti* 'течь', прусск. *salus* 'дождевой поток', ср. лит. *salà*, лтш. *sala* 'остров', праслав. *solpъ 'водопад' (словен. *slap*, русск. *солоп* и т. п.), праслав. *selpiǫ 'прыгать' и др.); — 5. *sel- 'ползти', 'красться', 'подкрадываться', др.-ирл. *selit < *sel-n̥tī и др.; — 6. *sel- 'умилостивлять'; 'благоприятный', 'благосклонный'; 'доброжелательство' (лат. *sōlor* 'утишать', 'умерять', 'ослаблять'; 'освежать', 'подкреплять', готск. *sēls* 'хороший', '/при/годный', др.-исл. *sǣil* 'счастливый', др.-в.-нем., др.-сакс. *sālig* 'счастливый' и др.).

Из этих шести и.-евр. *sel- к названию селов (этноним) и реки (Даугавы), по обе стороны которой сидели селы, но и более того, судя по всему, так ее называли (**Sela*/**Sala*, ср. приводимые выше примеры), наибольшее отношение имеют корни *sel- 4 и 5, значение которых соответственно 'прыгать', 'скакать' с идеей интенсивного и повторяющегося резкого движения и 'ползти', 'подползать', 'подкрадываться' с идеей замедленного, постепенного, тихого, плавного движения. Оба эти движения не ограничиваются исключительно водными массами, но именно последние часто приобретают свою семантическую полноту в контексте движения вод. В латышской и литовской художественной литературе нередко выступают два клишированных типа описания главных рек этих территорий — Даугавы (иногда и Гауи) и Немана, к которым можно присоединить и Вислу, объединенных не только своей выделенностью как «первых» в этом ареале рек, но и как рек, впадающих в Балтийское море в его восточно-южном углу. Один из типов художественного изображения этих рек — их бурное состояние, высокие и агрессивные волны, выбрасывающиеся на берега и представляющие опасность для людей, лодок, небольших судов. Другой тип, противоположный, обычно описывается почти формульно — «река (имярек) спокойно, медленно (ср. лит. *sálti*), плавно, величественно, торжественно... несла свои воды...». Первый тип описания (**sel*-4) — о бурно-хаотическом движении волн, второй (**sel*-5) — об умиротворенном, благосклонном к человеку состоянии реки. Любопытно, что в русской языковой и художественной традиции *река* (*речка*) и *речь* (*ректи*), слова безусловно единого общего происхождения [84], объединяются свойством «льющести» — плавной («милостивой») [85] или бурно-хаотической (угрожающе-опасной). Речь течет, как и река/речка [86].

V. Этноним как антропоним

Здесь придется сделать некоторое отступление в сторону. До сих пор речь шла в основном о словах с корнем *sel-* (:*Sel-*), присутствующих в гидронимах, топонимах, в этнонимах, отчасти и в личных именах. Таким образом, корень **sel-* обслуживает весьма широкий круг объектов, которые неслучайно обозначаются одним и тем же корнем. О гидронимах и топонимах говорилось уже достаточно, и здесь, кажется, особых сложностей нет. Другое дело определение границы между этнонимом (селы) и антропонимами с корнем *сел-*(:*sel-*). Общая картина помогает определить цепь зависимостей между этими разными *sel*-обозначениями (кстати, речь идет не только о *sel-*, но и о других корнях, используемых в разных «жанрах» нарицания, именования). История обозначений объектов с помощью корня *sel-* показывает, что исходным локусом этого корня было обозначение вод, т. е. рек, озер, ручьев и т. п. *Sel*-гидронимы стали основой для обозначения некоей территории, лежащей по течению реки, в нашем случае Селии. Эта мотивировка в данном случае не вызывает сомнения. И обозначения реки и соответствующего прилегающего пространства мотивируют и предопределяют обозначения населен-

[84] См. об этом: Топоров 2004.

[85] В качестве сугубо предварительного предположения можно сослаться в связи с образом «благосклонной», «милостивой» реки на ностратическую реконструкцию **Sʌlʌ* 'благоприятный', 'счастливый', 'утешающий', 'пригодный' и т. п., откуда более поздние и частные реконструкции — и.-евр. **selh-*/**sleh-*, сем.-хам. **šl-* 'утешаться', 'быть спокойным' ('невредимым'), см. Иллич-Свитыч 1976, 106–107.

[86] О связи этнонима *sēļi* (sg. *sēlis*) с водой и течением ср. Karulis 1992, II, 168–169. Оговариваясь, что происхождение этого названия не полностью выяснено, автор словаря предлагает связывать указанный этноним с лит. *sálti* 'медленно течь' и соотносит в семантическом плане лит. *Sėliupis*, *Sėlupỹs* с лит. *Tėkupỹs* (*tekėti*, лтш. *tecēt*). Однако более реальным решением К. Карулис признает связь этнонима *sēli* с и.-евр. **sélos* 'озеро', 'болото', ср. др.-инд. *sára-*, др.-иран. **hara-*, др.-греч. ἕλος 'болотистая низменность', 'болото'; 'пойма', 'заливной луг', при Ἕλος, Гелос, «Болото», и название двух городов — в Лаконии (уже у Гомера) и Элиде (тоже уже у Гомера), ср. в Нитауре (*Nītaure*) топоним *Sēļa purvs*. Карулис допускает переход **Sēla* > *Sēļa*.

ных пунктов (ср. *Селпилс* и др.) и всей соответствующей страны-пространства, а оно, как в огромном числе случаев, вызывает к жизни обозначение населения указанного пространства [87]. Но на этом — и в случае *sel*-этнонима, и в иных подобных случаях с другими обозначениями — цепь не исчерпывает себя. Речь в данном случае идет о ситуации, когда этноним начинает функционировать как антропоним, что особенно характерно в случае, когда субъект именарицания является другим по отношению к нарицаемому объекту («двойное» именование, при котором различаются «свое» и «чужое» имя одного и того же народа, племени, союза племен). Этот «другой», зная свой этноним и храня его, в определенных условиях определяет этого «другого другому» по антропониму, по имени и, наоборот, допускает функционирование антропонима в качестве этнонима, нередко уничижительного, оскорбительного (впрочем, нередко и нейтрального). Так, в определенном жанре высказываний антропонимы функционируют как этнонимы (ср. *русские Иваны* или просто *Иваны*, *Иван* как образ персонифицированного «иванства», так же немцев во время войны часто именовали фрицами или гансами, т. е. антропонимы употреблялись как этнонимы) [88]. Но и этнонимы в определенных ситуациях функционируют как антропонимы (возможно, именно так понималось первое слово в русском летописном списке послов — *Явтяг Гунарев*, scil. *Ятвяг* (ср. *лях* — *Ляхов*, *чех* — *Чехов* и др.). В генеалогических преданиях прародителями оказываются *Чех* (для чехов), *Лях* (для ляхов), *Рус* (для русичей), *Радим* (для радимичей), *Вятко* (для вятичей), *Крив* (для кривичей) и т. п. В этих случаях этноним персонифицируется и становится сублимированным образом данного народа, в других же случаях антропоним начинает функционировать как этноним. Эти «взаимопроникновения» антропонимического в сферу этнонимического и, наоборот, этнонимического в сферу антропонимического оказываются своего рода обменом одного на другое. В соответствующей перспективе ситуация еще больше усложняется, и появляется возможность говорить о двух типах текста — «третьеличном» описательном («объективно-нейтральном») и связанном с непосредственным («прямым») обращением к другому (звательная форма), когда *все, что хочешь, может случиться* [89]. В обоих названных типах текста наблюдается тенденция к обозначению того, с кем или о ком говоришь, с помощью указания его имени или национальной принадлежности. Другие характеристики (профессия, специальность, место работы, внешний вид, возраст, особые приметы и т. п.) имеют меньшее значение и сильно уступают имени и национальности.

[87] Это не исключает и иную последовательность в цепи обозначений. В частности, особенно в случае массовых миграций населения, этноним может эксплицировать соответствующее название «новой» земли, «новой» родины.

[88] Часто при этом этнонимы выступают в оскорбительном или пренебрежительном вариантах, ср. *полячишка*, *армяшка*, *немчура*, *итальяшка*, *япошка*, *китаёза*, *мордва беспятая*, *татарва*, *чухна* и т. п. Ср. также именования типа *хохол*, *хохлы*, *Хохландия* и др.

Собственно, кроме раннего упоминания «селонской» реки в «Tabula itineraria Peutingeriana» (III–IV вв. н. э.) и разрозненных сведений у авторов XIII в., для которых селы и селонское было конкретным и еще вполне живым началом, от селов мало что сохранилось. В XIV в. о селах как бы забыли, но, сойдя с исторической сцены, сами они как-то сохранялись и, как показывают другие примеры, кое-где селонская речь еще могла звучать, но сознание обреченности их языка было, конечно, им присуще, и последним этапом его существования было все более и более суживающееся пространство, где язык доживал свой век (в домашней обстановке, в кругу семьи). Мода на «селонское» кончилась. А какое-то время спустя она обнаружилась в очень узкой научной среде.

И все-таки главное о селах-селонах сохранилось — имя племени, названия их рек, населенных мест, личные имена, восстанавливаемые с относительной достоверностью. Всего этого, конечно, мало, но достаточно, чтобы само имя селов не исчезло из памяти человечества. Отдадим селам должное — они сделали многое, чтобы о них, об их «селонском» мире (*pax Selonica*) помнили и в дальнейшем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анцитис, Янсон 1962 — *Анцитис К. Я., Янсон А. Я.* Некоторые вопросы этнической истории древних селов // Советская этнография. 1962. № 6.

Бірыла 1966 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія: Ўласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку і прозвішчы. Мінск, 1966.

Бірыла 1982 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. Мінск, 1982.

Вилинбахов, Энговатов 1963 — *Вилинбахов В. Б., Энговатов Н. В.* Предварительные замечания о западных галиндах и восточной голяди // Slavia Occidentalis. 1963. 23.

[89] Ср. *Эй, ты, здесь ходить запрещено!*; ***Че-эк!*** *чего тебе здесь нужно?*; ***Мамаша,*** *убери отсюда своего ребенка* и т. п., где выделенные слова-апеллятивы по сути дела функционируют как антропонимы (с функцией обращения-призыва).

Генрих Латвийский 1938 — *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Введение, пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1938.

Георгиев 1957 — *Георгиев В.* Тракийският език. София, 1957.

Геродот 1972 — *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

Гиндин 1967 — *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967.

Гиндин 1981 — *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хеттско-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.

Гиндин 1993 — *Гиндин Л. А.* Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993.

Гиндин, Цымбурский 1996 — *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

Дечев 1952 — *Дечев Д.* Характеристика на тракийския език. София, 1952.

Дини 2002 — *Дини П. У.* Балтийские языки. М., 2002.

Дуриданов 1976 — *Дуриданов И.* Езикът на траките. София, 1976.

Зинкявичюс 1984 — *Зинкявичюс З.* Польско-ятвяжский словарик // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984.

Иллич-Свитыч 1976 — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (*l–ʒ*). Указатели. М., 1976.

Иордан 1960 — *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960.

Кнабе 1962 — *Кнабе Г. С.* Словарные заимствования и этногенез. (К вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финноугорских языках) // Вопросы языкознания. 1962. № 1.

Маштаков 1913 — *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна с картой и алфавитным указателем. СПб., 1913.

Маштаков 1917 — *Маштаков П. Л.* Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного) с картой и алфавитным указателем. Пг., 1917.

Непокупный 1964 — *Непокупный А. П.* Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964.

Непокупный 1976 — *Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Нерознак 1978 — *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978.

Орел 1985a — *Орел В. Э.* Из албано-балтийских соответствий в области глагола // Baltistica. 1985. XXI (2).

Орел 1985b — *Орел В. Э.* Новые данные о балто-албанских лексических связях // Tarptautinė Baltistų Konferencija. Vilnius, 1985.

Орел 1988 — *Орел В. Э.* Из албано-балтийских соответствий в области глагола 2 // Baltistica. 1988. XXIV (1).

Орел 1997 — *Орел В. Э.* Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.

Откупщиков 2004 — *Откупщиков Ю. В.* Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования XVI. М., 2004.

Петр из Дусбурга 1997 — *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. подгот. В. И. Матузова. М., 1997.

Поспелов 1965 — *Поспелов Е. М.* О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике // Вопросы языкознания. 1965. № 2.

Римша 1994 — *Римша В.* Балто-фракийские языковые связи. Каунас, 1994.

Розенберг 1977 — *Розенберг Я. Я.* Leiši ('литовцы') латышских народных песен в свете культурно-исторических взаимосвязей // Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов. Рига, 1977.

Рудзите 1969 — *Рудзите М. К.* Латышская диалектология. Фонетика и морфология. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Рига, 1969.

Рудзите 1980 — *Рудзите М. К.* К вопросу о селах на правобережье Даугавы // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.

СГУ 1979 — Словник гідронімів України. Київ, 1979.

Седов 1965 — *Седов В. В.* Из гидронимики Волго-Окского междуречья // Питання ономастики. Київ, 1965.

Седов 1971 — *Седов В. В.* Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971.

Седов 1987 — *Седов В. В.* Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987.

Седов 1997 — *Седов В. В.* Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.

Серебренников 1955 — *Серебренников Б. А.* Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6.

Серебренников 1957 — *Серебренников Б. А.* О некоторых следах языка, исчезнувшего в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды АН ССР. Сер. А. 1957. Вып. I.

Смолицкая 1976 — *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1966–. Вып. 1–.

Топоров 1964 — *Топоров В. Н.* Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топономастики // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.

Топоров 1966 — *Топоров В. Н.* К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях к западу от Вислы // Baltistica. 1966. I (2).

Топоров 1973 — *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям. I // Балканские чтения. М., 1973.

Топоров 1977a — *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям II // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Топоров 1977b — *Топоров В. Н.* Балт. **Galind-* в этнолингвистической и ареальной перспективе // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977.

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Γαλίνδαι — Galindite — голяди (балт. *Galind-) в этнолингвистической и ареальной перспективе // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.

Топоров 1980а — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент к северу от Карпат: этнонимическая основа *Galind- как знак балтийской периферии // Slavia Occidentalis (Poznań). 1980. Т. 29.

Топоров 1983а — *Топоров В. Н.* Галинды в Западной Европе // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.

Топоров 1983b — *Топоров В. Н.* Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.

Топоров 1983с — *Топоров В. Н.* О балтийских следах в гидронимии Поочья // Балто-славянские языковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов. М., 1983.

Топоров 1984 — *Топоров В. Н.* Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

Топоров 1985 — *Топоров В. Н.* Балтийский комментарий к кельтиберской надписи из Ботторриты // Tarptautinė Baltistų Konferencija. Vilnius, 1985.

Топоров 1986 — *Топоров В. Н.* Кельтиберская надпись из Ботторриты в свете балто-славянского сравнения // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.

Топоров 1987 — *Топоров В. Н.* Balto-Albanica // Acta Baltico-Slavica. 1987. 17.

Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.

Топоров 1990 — *Топоров В. Н.* О характере древнейших балто-финно-угорских контактов по материалам гидронимии // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г., часть I.

Топоров 1993а — *Топоров В. Н.* Еще раз о балтизмах в чешских землях // Slavia. 1993. Т. 62.

Топоров 1993b — *Топоров В. Н.* О балтийской гидронимии Верхнего Подонья // Linguistica Baltica. 1993. 1.

Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // Res Balticae. 1995. 1.

Топоров 1997а — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997.

Топоров 1997b — *Топоров В. Н.* К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.

Топоров 2004 — *Топоров В. Н. Речь* и *река/речка* (из области мнимых этимологических парадоксов) // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию Кафедры общего языкознания филологического факультета С.-Петербургского государственного университета. СПб., 2004.

Топоров, Трубачев 1962 — *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Трубачев 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. I–IV.

Хелимский 1985 — *Хелимский Е. А.* Fenno-ugrica в ятвяжском словарике? // Tarptautinė Baltistų Konferencija. Vilnius, 1985.

Хелимский 1997 — *Хелимский Е. А.* Uralo-Indogermanica: балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.

Шименас 1990 — *Шименас В.* Великое переселение народов и балты // Археология и история Пскова и псковской земли. Псков, 1990.

ЭССЯ 25 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1999. Т. 25.

Этногенез 1984 — Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М., 1984.

Ābele 1933 — *Ābele A.* Kā varēja rasties epenteze un palatālā pārskaņa mūsų sēliskājas izloksnēs // Ceļi. 1933. 3.

Alessio 1947 — *Alessio G.* Un'oasi linguistica preindoeuropea nella regione baltica? // Studi Etruschi. 1947. 19.

Ancītis 1977 — *Ancītis K.* Aknīstes izloksne. Izloksnes statika un dinamika. Ievads, fonētika, morfoloģija. Rīga, 1977.

Ancītis, Jansons 1963 — *Ancītis K., Jansons A.* Vidzemes etniskās vēstures jautājumi // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 1963.

Antoniewicz 1979 — *Antoniewicz J.* Bałtowie zachodni w V w. p. n. e. — V w. n. e. Olsztyn; Białystok, 1979.

Astrauskas 1990 — *Astrauskas A.* K. Ptolemėjo minimų Sūdinų lokalizavimo problema // Lituanistika. 1990. 4.

Beresnevičius 2001 — *Beresnevičius G.* Getų ir jotvingių religinių įvaizdžių paralelės // Liaudies kultūra. 2001. № 4.

Beresnevičius 2002 — *Beresnevičius G.* Jazygai, jutungai, jotvingiai: kariai raiteliai nuo Meotidės iki Dunojaus. Keli štrichai jotvingių genezės klausimu // Laudies kultūra. 2002. № 2.

Bičolis 1932 — *Bičolis J.* Birziešu izloksne // Filologu biedrības raksti. 1932. 12 sēj.

Blesc 1929 — *Blese E.* Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. I: Vecākie personu vārdi un uzvārdi (XIII–XVI g. s.). Rīga, 1929.

Brauer 1981 — *Brauer W. R.* Preußische Siedlungen westlich der Weichsel // Unser Danzig. Lübeck, 1981. 1–8.

Brauer 1988 — *Brauer W. R.* Baltisch-prussische Siedlungen westlich der Weichsel // Quellen und Darstellungen zur Geschichte Westpreussens. Münster, 1988. 24.

Breidaks 1985 — *Breidaks A.* Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Vilnius, 1985.

Breidaks 1992 — *Breidaks A.* Latgaļu, sēļu un žemaišu cilšu valodu senie sakari // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa. 1992. Nr. 8.

BRMŠ I — Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. I: Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos. Vilnius, 1996.

Būga 1920–1922 — *Būga K.* Kalba ir senovė. Kaunas, 1920–1922.

Būga 1923 — *Būga K.* Latvijas vietu vārdi. I daļa. Vidzemes vārdi [Rīga, 1922] // Tauta ir žodis. Kaunas, 1923. Kn. 1. P. 385–387 [= Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961. T. 3. P. 625–628].

Būga 1959 — *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1959. T. II.

Būga 1961 — *Būga K.* Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai (1924) // Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961. III.

Bugalska 1985 — *Bugalska H.* Toponimia byłych powiatów Gdańskiego i Tezewskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.

Detschew 1957 — *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.

Dini 1997 — *Dini P. U.* Le lingue baltiche. Firenze, 1997.

Duridanov 1969 — *Duridanov I.* Thrakisch-Dakische Studien. Erster Teil. Die Thrakisch und Dakisch-Baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969.

Duridanov 1992 — *Duridanov I.* Die Beziehungen des Baltischen zu den alten Balkansprachen // Indo-germanisch, Slawisch und Baltisch. Materialien des vom 21–22 September 1989 in Jena in Zusammenarbeit mit der Indogermanischen Gesellschaft durchgeführten Kolloquiums. München, 1992.

Endzelīns 1951 — *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.

Endzelīns 1954 — *Endzelīns J.* Latviešu valoda Vidzemē // Latvijas PSR ZA Valodas un literatūras institūta raksti. Rīga, 1954. 3 sēj.

Endzelīns 1956–1961 — *Endzelīns J.* Latvijas PSR vietvārdi. I daļa, 1. sējums. A–J. Rīga, 1956; 2. sējums. K–Ō. Rīga, 1961.

Engel 1935 — *Engel C.* Vorgeschichte der altpreußischen Stämme. Königsberg, 1935.

Engel 1939 — *Engel C.* Das jungste heidnische Zeitalter in Masuren // Prussia. 1939. 33.

Engel, La Baume 1937 — *Engel C., La Baume W.* Kulturen und Völker der Frühzeit in Preussenlande. Königsberg, 1937.

Gaerte 1929 — *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg, 1929.

Gerullis 1922 — *Gerullis G.* Die altpreußischen Ortsnamen gesammelt und sprachlich behandelt. Berlin; Leipzig, 1922.

Gieysztor, Kamiński 1958 — *Gieysztor A., Kamiński A.* Jaćwież // Słownik starożytności słowiańskich. Zeszyt dyskusyjny. 1958.

Górnowicz 1980 — *Górnowicz H.* Toponimia Powiśla. Gdańsk, 1980.

Haas 1966 — *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966.

Heberdey, Wilhem 1896 — *Heberdey R., Wilhem A.* Reisen in Kilikien // Denkschriften Wien, 1896. 44.

Heeinricus de Lettis MDCCXL — Heeinricus de Lettis. Chronicon Livonicum vetus continens res gestus trium primorum episcoporum. Francofurti et Lipsiae. MDCCXL.

Heinrich von Lettland 1959 — Heinrich von Lettland. Livländische Chronik [пер. — A. Bauer]. Darmstadt, 1959; Würzburg, 1959.

Heinrici Chronicon Livoniae 1955 — Heinrici Chronicon Livoniae. Editio altera [подг. — L. Arbusov, A. Bauer]. Hannoverae, 1955.

Henrikas Latvis 1991 — Henrikas Latvis, Hermanas Vartbergė. Livonijos Kronikos [пер., введ., коммент. — J. Jurginis]. Vilnius, 1991.

Henriku Liivimaa 1962 — Henriku Liivimaa kroonika [пер. — J. Mägiste]. Stockholm, 1962.

Henriku Livimaa 1982 — Henriku Livimaa kroonika [пер., коммент. — R. Kleis, E. Tarvel]. Tallinn, 1982.

Henry of Livonia 1961 — The Chronicle of Henry of Livonia [пер., введ., коммент. — J. A. Brundage]. Madison, 1961.

Hermanni de Wartberge 1863 — Hermanni de Wartberge. Chronicon Livoniae / Hrsg. von Dr. Ernst Strehlke. Leipzig, 1863.

Hinze 1984 — *Hinze F.* Pomoranisch-baltische Entsprechungen im Wortschatz // Zeitschrift für Slawistik. 1984. 29.

Hinze, Lorentz 1966 — *Hinze F., Lorentz F.* Preußische Ortsnamen und Appellative im Raum links der unteren Weichsel // Zeitschrift für slawische Philologie. 1966. 11.

Hirša 1988 — *Hirša Dz.* Ziemeļrietumu Kurzemes vietvārdi un to paralēles senajās Balkānu valodās // Valodas aktualitātes. Rīga, 1988.

Hydronymia Europaea 2000 — Hydronymia Europaea / Hrsg. von Wolfgang P. Schmid. Sonderband II: Die baltischen Ortsnamen im Samland. Bearbeitet von Grasilda Blažienė. Stuttgart, 2000.

Hydronimia Wisły 1965 — Hidronimia Wisły. Część I: Wykaz nazw w układzie hidrograficznym / Pod red. Przemysława Zwolińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.

Indriķa hronika 1993 — Indriķa hronika / Ā. Feldhūna tulkojums. E. Mugurēviča priekšvārds un komentāri. Rīga, 1993.

Indriķa Livonijas hronika 1936, 1973 — Indriķa Livonijas hronika [пер. — J. Krīpēns]. Chicago, 1936; 1973.

Kabelka 1982 — *Kabelka J.* Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.

Kamiński 1953 — *Kamiński A.* Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953.

Kamiński 1956 — *Kamiński A.* Z badań nad pograniczem polsko-rusko-jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny // Wiadomości Archeologiczne. 1956. XIII. Zesz. 2.

Kamiński 1956a — *Kamiński A.* Materiały do bibliografii archeologicznej Jaćwieży // Materiały Starożytne. 1956. I.

Karaliūnas 1972 — *Karaliūnas S.* Sėlių kalba // Mokslas ir gyvenimas. 1972. № 1.
Karaliūnas 1994 — *Karaliūnas S.* The Aistians and the Problem of their ethnic identity // The Indo-Europeanization of Northern Europe. International Conference in Memoriam M. Gimbutas. Vilnius, 1994.
Karulis 1992 — *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca divos sējumos. Sēj. I–II. Rīga, 1992.
Kauliņš 1933— *Kauliņš J.* Sistemātisks pārskats par sausnējiešu izloksnes pārskaņām // Filologu biedrības raksti. 1933. 13 sēj.
Kilian 1955 — *Kilian L.* Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
Kilian 1980 — *Kilian L.* Zur Herkunft und Sprache der Preußen. Bonn, 1980.
Kiparsky 1939 — *Kiparsky V.* Die Kurenfrage // Annales Academiae scientiarum Fennicae. 1939. B. 42.
Koivulehto 1983 — *Koivulehto J.* Seit wann leben die Urfinnen im Ostseeraum? Zur relativen und absoluten Chronologie der alten idg. Lehnwortschichten im Ostseefinnische // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 1983. 183.
Kozierowski 1926 — *Kozierowski S.* Badania nazw topograficznych na obszarzie dawniej wschodniej Wielkopolski. Poznań, 1926. T. 1.
Krahe 1943 — *Krahe H.* Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel // Altpreußen 1943. 5–8.
Krahe 1957 — *Krahe H.* Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. 1957. 3.
Krahe 1964 — *Krahe H.* Unsere ältesten Flußnamen. Wiesbaden, 1964.
Kuraszkiewicz 1955 — *Kuraszkiewicz W.* Domniemiany ślad Jadźwingów na Podlasiu // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1955. T. I.
Kušķis 1967 — *Kušķis J.* Dažas sēļu valodas vokālisma īpatnības pēc mūsdienu latviešu valodas sēlisko izlokšņu materiāliem // P. Stučkas LVU Zinātniskie raksti. 1967. 60 sēj. 9 A. laid.
Kuzavinis, Savukynas 1987 — *Kuzavinis K., Savukynas B.* Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius, 1987.
LA 1974 — Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
La Baume 1920 — *La Baume W.* Vorgeschichte von Westpreußen. Danzig, 1920.
La Baume 1937 — *La Baume W.* Kulturen und Völker der Frühzeit im Prußenlande. Königsberg, 1937.
Labuda 1971 — *Labuda G.* Die Prussen in den tschechischen und slowakischen Ländern des frühen Mittelalters // Otázky dějin střední a vychodní Evropy. Brno, 1971.
LATSŽ 1976 — Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalis. Vilnius, 1976.
LD — Latvju Dainas / Sast. Kr. Barons, H. Visendorfs. Jelgava; Rīga; Peterburga, 1894–1915. Sēj. I–VI.

LEW I — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962. Bd. I.
Leyding 1959 — *Leyding G.* Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Część II: Nazwy fiziograficzne (zlokalizowane). Poznań, 1959.
Livländische Reimchronik 1876 — Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichniss und Glossar / Hrsg. von Leo Meyer. Paderborn, 1876.
LKŽ I–XX — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1956–2002. T. I–XX.
Lorentz 1905 — *Lorentz F.* Preußische Bevülkerung auf den linken Weichsel Ufer // AfslPh. 1905. Bd. 27.
Lorentz 1933 — *Lorentz F.* Preußen in Pommerellen // Mitteilungen der westpreußischen Geschichtsvereins. 1933. Bd. 32.
Lorentz 1935 — *Lorentz F.* Nochmals die Preußen in Pommerellen // Mitteilungen der westpreußischen Geschichtsvereins. 1935. Bd. 34.
Lorentz 1966 — *Lorentz F.* Preußische Ortsnamen und Appellative im Raum links der unteren Weichsel // Zeitschrift für Slawistik. Hg. 2. 1966. Bd. IX.
LPŽ 1985, 1989 — Lietuvių pavardžių žodynas / Ats. red. A. Vanagas. A–K. Vilnius, 1985; L–Ž. Vilnius, 1989.
LSV 2001 — Latvijas senākā vēsture. 9. g. t. pr. Kr. — 1200. g. Rīga, 2001.
LUEV 1963 — Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas / Sud. B. Savukymas, A. Vanagas, V. Vitkauskas. Vilnius, 1963.
LUN 1–4 — Latvijas PSR ūdensteču nosaukumi. 1–4. burtn. Rīga, 1986.
LVV I–IV — Latviešu valodas vārdnīca / K. Mülenbachs, J. Endzelīns. Rīga, 1923–1932. I–IV.
LZR 1999 — Latvijas zemju robežas 1000 gados / Sastādījis Andris Caune. Rīga, 1999.
Łowmiański 1931–1932 — *Łowmiański H.* Studia nad początkami społeczecstwa i państwa litewskiego. Wilno, 1931–1932. T. 1–2.
Łowmiański 1958 — *Łowmiański H.* O identyfikacji nazw Geografa Bawarskiego. St. Ür. 3. 1958.
Mannhardt 1936 — *Mannhardt W.* Letto-preussische Götterlehre. Rīga, 1936.
Mayer 1957 — *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. Bd. I: Einleitung. Wörterbuch der illyrischen Sprachreste. Wien, 1957.
Mažiulis 1981 — *Mažiulis V.* Selonica // Baltistica. 1981. XVII (1).
Monumenti antichi 1914 — Monumenti antichi della reale Accademia dei Lincei. 1914. 23.
Nalepa 1976 — *Nalepa J.* Próba nowej etymologii nazwy Galindia czyli Golędź // Acta Baltico-Slavica. 1976. 9.
Okulicz 1973 — *Okulicz J.* Pradzieje ziem Pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.
Orel 1986 — *Orel V.* Marginalia to the Polish-'Jatvingian' Glossary // Indogermanische Forschungen. 1986. Bd. 91.
Otrębski 1963 — *Otrębski J.* Das Jatwingerproblem // Sprache. 1963. 9.
Ozoliņa 1937 — *Ozoliņa M.* Vestieniešu izloksne // Filologu biedrības raksti. 1937. 17 sēj.

Paegle 1973 — *Paegle D.* Zemkopības darbarīku nosaukumi Vidzemē. Dis. filol. zin. kand. grāda iegūšanai. Rīga, 1973 [рукопись].

Pėteraitis 1997 — *Pėteraitis V.* Mažosios Lietuvos ir Tvankstos vietovardžiai. Jų kilmė ir reikšmė. Vilnius, 1997.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd. I.

Rasiņš 1966 — *Rasiņš A.* Lauksaimniecības enciklopēdija. 2. sēj. Rīga, 1966.

Rospond 1951 — *Rospond S.* Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej. Wrocław; Warszawa, 1951.

Rudzīte 1964 — *Rudzīte M.* Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964.

Rudzīte 1968 — *Rudzīte M. Oi* gaidāmā *uo* vietū dažās Latgales izloksnēs // Baltistica. 1968. IV (2).

Ruķe 1940 — *Ruķe V.* Programma izlokšņu aprakstiem. Rīga, 1940.

Schall 1963 — *Schall H.* Die baltisch-slavische Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel // Atti e memorie del VII Congresso Internazionale di scienze onomastiche. Firenze, 1963. Vol. II.

Schall 1964–1965 — *Schall H.* Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens // Kuhns Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1964–1965. Bd. 79.

Schall 1966 — *Schall H.* Baltische Gewässernamen im Flußsystem 'Obere Havel' (Südost — Mecklenburg) // Baltistica. 1966. II (1).

Schall 1970 — *Schall H.* Preußische Namen längs der Weichsel (nach Lucas David, ca. 1580) // Donum Balticum to Professor Chr. S. Stang. Stockholm, 1970.

SNMOM 1959 — Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Część II: Nazwy fizjograficzne. Poznań, 1959.

SSNO — Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod redakcją i ze wstępem Witolda Taszyckiego. Wrocław, 1965–1987. T. I–VII.

Sundwall 1913 — *Sundwall J.* Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme. Leipzig, 1913.

Šimėnas 1994 — *Šimėnas V.* Legenda apie Videvutį ir Brutenį // Prūsijos kultūra. Vilnius, 1994.

Šmits 1927 — *Šmits P.* Par zemgaliešu un sēļu tautību // Filologu biedrības raksti. 1927. 1. sēj.

Šturms 1939 — *Šturms E.* Sēļi // Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīga, 1939.

Tituli Asiae Minoris 1901 — Tituli Asiae Minoris. Vindobonae, 1901. I.

Tomaschek 1893 — *Tomaschek W.* Die alten Thraker // Sitzberichte der Akademie der Wissenschaften. Bd. 128. Wien, 1893: I. Übersicht der Stämme; Bd. 130. 1893: II. Sprachreste, 1. Glossen allerart und Götternamen; Bd. 131 (1834): 2. Personennamen und Ortsnamen.

Trautmann 1925 — *Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.

Trautmann 1948 — *Trautmann R.* Slavische Ortsnamen Mecklenburgs und Hoslteins. Berlin, 1948.

Trautmann 1948–1956 — *Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Berlin, 1948. Teil I–III.

Turnwald 1968 — Turnwald K. Die Balten der vorgeschichtlichen Mitteleuropas // Arheoloģija un etnografija. Rīga, 1968. VIII.

UBS 1891 — Urkundenbuch des Bistums Samland. Leipzig, 1891.

Vanagas 1981 — *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Vīksne 1937 — *Vīksne I.* Daudzesiešu izloksne // Filologu biedrības raksti. 1937. 17 sēj.

Walde, Hofmann I–II — Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3. neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938–1954. Bde. I–II.

Wiśniewski 1967 — *Wiśniewski J.* Narew // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław, 1967. T. III. Cz. 2.

Wiśniewski 1957 — *Wiśniewski J.* W sprawie badań nad pograniczem Jaćwieży // Przegląd Historyczny. 1957. T. XLIII. Zesz. 2.

Wędzki 1967 — *Wędzki A.* Neriuani // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław, 1967. T. III. Cz. 2.

Zajączkowski 1941 — *Zajączkowski S.* Jotvingų problema istoriografijoje // Lietuvos praeitis. Kaunas, 1941. T. I. D. 2.

Zajączkowski 1953a — *Zajączkowski S.* O nazwach ludu Jadźwingów // Zapiski Towarzystwa Naukowego Toruńskiego. 1953. XVIII.

Zajączkowski 1953b — *Zajączkowski S.* Problem Jaćwieży w historiografii // Zapiski Towarzystwa Naukowego Toruńskiego. 1953. XIX.

Zeps 1984 — *Zeps V. J.* The Placenames of Latgola. A Dictionary of East Latvian Toponyms. Madison (Wisconsin), 1984.

Zgusta 1955 — *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Zgusta 1964 — *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

Zierhoffer 1957 — *Zierhoffer K.* Nazwy miejscowe Północnego Mazowsza. Wrocław, 1957.

Zinkevičius 1984 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. I. Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984.

Zinkevičius 1985 — *Zinkevičius Z.* Lenkų-jotvingių žodynėlis? // Baltistica. 1985. XXI (1), (2).

Zinkevičius 1987 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija II. Iki pirmųjų raštų. Vilnius, 1987.

В. БЛАЖЕК

БАЛТИЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ В ВОСТОЧНОЧЕШСКОЙ ГИДРОНИМИИ?*

Посвящается памяти Владимира Николаевича Топорова

Современные балтийские языки используются в Литве и Латвии с незначительным распространением за пределами этих стран. Четыре столетия назад прусский язык еще существовал на территории исторической Пруссии. Древние границы балтийского ареала могут быть обозначены только на основе топонимии. Их примерное определение было сформулировано А. Ванагасом (Ванагас 1980, 119): на севере — северная граница Латвии, города Псков, Торопец, Зубцов, Калинин; на востоке — города Москва, Калуга, Орел, Курск; на юге — реки Сейм, Припять, Западный Буг; на западе — река Висла. Однако существуют исследования, убедительно доказывающие, что ареал распространения топонимов балтийского типа был более широким. Западная граница была перенесена даже к бассейну верхнего Хафеля (*Havel*), т. е. к юго-восточному Мекленбургу (ср. Schall 1964, 1966 и Топоров 1966a, b). Восточная граница систематически картографируется В. Н. Топоровым в серии его исследований (Топоров 1972, 1982, 1988, 1989, 1997a, b). Северная граница очевидна: она ограничена Балтийским морем и финно-угорскими племенами. Если мы согласимся с присутствием балтийских (или подобных балтийским) топонимов к западу от Вислы, останется только обозначить их южную границу. По-видимому, автоматически была установлена граница, которая практически совпадает с горной цепью, разделяющей два государства — Польшу и Чехию. Хотя это никогда эксплицитно не выражалось, даже авторы исследований последних лет (Орел 1997; Popławski 2002) придерживаются этого мнения. За исключением отдельных заметок о сходстве восточночешских гидронимов *Úpa* и *Metuje* с их балтийскими соответствиями (Lutterer, Majtán, Šrámek 1982, 195, 318), практически никто систематически не исследовал следы балтийской топонимии на чешской территории. Здесь я должен упомянуть моего бывшего студента, в настоящем времени коллегу Ондржея Шефчика, который включился в дискуссию о предположительно балтийских гидронимах *Úpa*, *Metuje* в своей магистерской диссертации (Šefčík 1997, 79–82). Целью настоящей работы является проверка этой гипотезы на основании более полных данных, если таковые существуют.

* Настоящая статья была написана под влиянием серии исследований Владимира Николаевича Топорова, посвященных следам балтийской гидронимии за пределами современной территории балтийских народов. Он мгновенно отреагировал на рукопись, сказав, что всегда хотел написать подобное исследование. Но сейчас эта идея реализована, поэтому ему не потребовалось бы это делать. Первая версия настоящей статьи была опубликована на английском языке в Клайпеде в 2003 г. (см. Blažek 2003).

Идея особых чешско-балтийских связей была сформулирована О. Н. Трубачевым (Трубачев 1981, 4). Лучиц-Федорец (Лучиц-Федорец 1989, 168–172) обнаружил 17 эксклюзивных чехо(-словацко)-балтийских лексических изоглосс. В. Н. Топоров (Топоров 1983, 1993) исследовал балтийский этноним **Galind-* ~ **Galand-* и его распространение на запад вглубь Чехии. Перед проникновением галиндов в Чехию он обозначил место их пребывания в силезско-лужицких землях на основании следующих древних свидетельств:

1) Миграция лангобардов с северо-запада на юго-восток определялась на основании последовательности стран, упомянутых Паулюсом Диаконусом (VIII в.): *Mauringa*, ***Golanda***, *Anthaib*, *Banthaib*, *Vurgundaib* (Paulus Diaconus 1878, 13). Название первой страны, возможно, соответствует *Patria Albis Maurungani* из «Баварского Географа» («Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii» IX в.; ср. также Топоров 1993, 57–58). Топоним *Golanda* связывается В. Н. Топоровым с этнонимом **Galand-* ~ **Galind-*. Три остальные топонима содержат компонент *-aib*, вероятно обозначающий 'ареал, территория', соответствующий др.-в.-нем. *-eiba* в таких формах, как *Wetereiba*, *Wingarteiba*. Более поздняя форма *Vurgundaib* объясняется как 'ареал бургундцев'. Компонент *Anth-* может быть идентифицирован как герм. **andja-* 'конец', ср. др.-в.-нем. *anti* 'то же'. В *Banth-* можно усмотреть тот же корень, что и в др.-в.-нем. *bant* 'граница'.

2) Тот же «Баварский Географ» называет этноним *Golensizi* после *Opolini* («Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii» IX века; ср. Horák, Trávníček 1956, 3–4).

3) Во Вроцлавской Булле (1155) упоминается *gradice Golensiczeshe* (ср. Топоров 1993, 56).

Топоним *Golanda* вполне соответствует топонимам *Golendzin* из Радома или *Golzin* из Лужицы (Топоров 1993, 56). Этнонимы *Golensizi & Golensizeshe* соответствуют названию деревни *Holasice* из южной Силезии (Horák, Trávníček 1956, 55), в 10 км к северо-западу от Опавы, ср. наиболее древние фиксации: 1218, 1234 *Holachiz*, 1240 *in districtu Holaszensi* (Hosák, Šrámek 1970, 270–271).

Хотя в восточной Чехии нет следов этнонима «галинды» (название деревни *Holedeč*, возводимое к **Golędьcь-jь*, встречается в севе-

ро-западной Чехии около города Жатец (*Žatec*), ср. Топоров 1993, 53), представляется, что самые многообещающие следы топонимов, особенно гидронимов, балтийского типа могут быть обнаружены именно в этом ареале.

Альтернативные балтийским чешские/славянские, немецкие/германские и «древнеевропейские» (по Краэ, Шмиду, Удольфу и др.) этимологии приводятся согласно следующим обозначениям:

A = чешская/славянская этимология;
B = балтийская этимология;
C = немецкая/германская этимология;
D = древнеевропейская этимология.

I. Гидронимы

Brlenka — Левый приток Метуйе (*Metuje*); устье под городом Хронов (*Hronov*), исток: верховья у Махова (*Machov*); длина 7,4 км, бассейн 30,8 кв. км.

A: Производное от славянского корня **bъrl-/*berl-*, образующего множество славянских гидронимов, ср. *Berlianka* в Галиции (Udolph 1979, 79–92, особ. 88)

B: Ср. литовские названия рек *Burliokìnė*, *Burliõk-upis* vs. лит. *burl(i)õkas* 'болотистый', *buřlas* 'грязь, слякоть', *burlýnas* 'тина', *buřlyti* 'месить (мордой) пойло', латышские топонимы *Burliņi* (ср. Fraenkel 1962–1965, 66; Vanagas 1981, 74; Ванагас 1981, 159). Апофоническая степень *e-* встречается в следующих топонимах: лит. *Berlẽ & Beřlė* (река), *Berlýnas* (гора), лтш. *Bęrlava*, *Berliņa*, *Bęrlīne* (деревни) — ср. Vanagas 1981, 62. Название столицы Германии *Berlin*, возможно, того же происхождения (Schall 1964). В бассейне Днепра есть гидроним *Берлянка* (Топоров, Трубачев 1962, 177) с тем же расширением, что и *Brlenka*.

C: А. Профоус (Profous 1947, 175) выводит омонимичное название деревни по соседству с городом Литомышль (*Litomyšl*) из контаминации немецкого и чешского названий: *Brünnersteig* 'Брно-путь' и *Urbánkova studánka* 'Колодец Урбанека' (1789), давших *Brünnelsteig* (1837) и далее *Brnlenka* (1837), *Brlinka* (1839), *Brlenka* (1895). С другой стороны, неправдоподобным был бы тот же сценарий для ручья в бассейне Метуйе (*Metuje*).

Cidlina — Правый приток Эльбы; устье у Либицы, исток: верховья у Кошова (*Košov*); длина 89,7 км, бассейн 1177 кв. км.

Впервые *Cydlina amnus* упомянул Косма Пражский в 1110 г. (Cosmas Pragensis 1923 I, 27; III, 35; ср. Sedláček 1920, 78). Существуют

только три примера этого топонима: 1) Часть реки *Mže/Berounka* у Крашова с ближайшим лесом; 2) Левый приток речки *Rokytná* около города Моравске Будейовице (*Moravské Budějovice*), с ближайшим лесом и деревней; 3) Ручей по соседству с Опавой (Knap 1968, 71).

A: Гидроним *Cidlina* обычно связывался с такими гидронимами, как словен. *Cedilnica*, *Cedilnik*, *Cedile*, *Cedilja* и другими топонимами: *Cedile*, *Cedilje*, *Na Cedilnikah* и т. д. (Knap 1968, 71). Ф. Малингоудис (Malingoudis 1981, 27) добавляет греческое название реки *Τζάτζαρη*, отражающее славянское **Cěžal* < **Cědjalь*, все от глагола **cěditi* 'цедить'. Но нет объяснения начальному **ě* в древнейших чешских источниках, несмотря на то, что процесс монофтонгизации произошел только спустя 4 столетия (ср. Lamprecht 1987, 171) после того, как Косма Пражский записал *Cydlina amnus*. Другие попытки этимологизировать этот гидроним на славянской основе не были убедительными: современный чешский глагол *cídit* 'шлифовать' восходит к др.-чешск. *cúditi*, а прилагательное *čistý* 'чистый' не подходит из-за *č-* (ср. Knap 1968, 69–71).

B: Ср. лтш. *Ciduļ-upe*, *Ciduļi*; лит. *Kìdul-upis*, *Kidulia* (Vanagas 1981, 156), жемайт. *Kiduli* ~ *Kiduly* и соответствующие гидронимы балтийского происхождения в левобережном бассейне Оки: *Цеделка* ~ *Цыдель* — река бассейна Истры; *Большая Цыдель* — левый приток Истры, *Меншая Цыделка* — речка бассейна реки *Большая Цыдель* (см. Топоров 1997а, 306). В бассейне Днепра есть гидроним *Кидель* без палатализации начального велярного (Топоров, Трубачев 1962, 190). Гласный *i* в первом слоге чешского гидронима исторически отражает * или **ei*, в то время как первоначально краткий **i* дал бы славянский **ь*, изменяющийся в чешском и восточнославянском в *e* или ноль. В действительности и в чешских, и в восточнославянских гидронимах гласный **i* был сохранен. Могло ли это быть связано с акцентуацией гласного первого слога в заимствованной модели (ср. лит. *Kìdul-upis*)? С другой стороны, передние гласные вызывают палатализацию предыдущих велярных в славянском, а именно — **k* > *č* в данном случае. Важно подчеркнуть, что палатализация **k* > *c* типична для латышского и для балтийских гидронимов бассейна Оки.

C: Э. Кнап (Knap 1968, 73–74) подробно проанализировал все доступные данные и предложил германскую этимологию, основанную на др.-в.-нем. термине *zîdel-*, описывающем пчеловодство. В. Шмилауер принимает аргументы Э. Кнапа относительно его сомнений в славянской этимологии. Но он корректно замечает, что заимствование термина, связанного с пчеловодством, было бы удивительным учитывая сильные традиции пчеловодства у славян. Следует добавить, что семантическая мотивация, связанная с пчеловодством, весьма нетипична для чешской гидронимической терминологии.

Ledhuje — Левый приток Метуйе (*Metuje*); устье у Велке Петровице (*Velké Petrovice*), исток: верховья у деревни Сухи Дул (*Suchý Důl*); длина 7,4 км, бассейн 19,8 кв. км.

B: Ср. балтийское слово для обозначения 'льда': литовское *ledùs* (& *lẽdas*), латышское *lędus* 'то же'. Конечное *-*uja* возникло из суффикса *-auja*, встречающегося также в других балтийских гидронимах, например *Miltauja*, *Pienauja*, *Skirpstauja*, *Vidauja*; через славянское посредничество *Bobruja* (Топоров, Трубачев 1962, 165).

В качестве альтернативы, если предположить, что изначальным вариантом было **Lěduja*, можно связать этот топоним с такими названиями рек, как лит. *Lyduvà* ~ *Lydavẽlė*, лтш. *Lĩdava* (Vanagas 1981, 188–189), возникшими на основании лит. *lỹdis* 'пуск, ход, прыжок': *léisti* 'пустить', неперех. 'таять' и т. д. (Fraenkel 1962–1965, 364, 351).

Metuje — Левый приток Эльбы; устье в Яромерж (*Jaroměř*), исток: верховья около деревни Ходковице (*Hodkovice*); длина 77,2 км, бассейн 607,6 кв. км.

Древнейшие фиксации: 1186 *Quaslici super Methugiam*, 1213 *flumen Methuge*, 1406 *Hedhuge* (Sedláček 1920, 83).

B: Ср. литовские названия рек *Medujà* наряду с *Mẽd-upis* & *Med-upỹs*, и название озера *Meduvỹs*; лтш. *Mędaine*, *Męd-upis*, *Med-upīte*, *Meds-purvs*, и т. д.; прусск. *Medien*, *Medyn*, *Medenithen*, *Medenouwe*; куршск. *Medda*, *Medde*. В бассейне Оки есть гидронимы *Медуха*, *Медянка*, *Меденка*, и т. д. (Топоров 1997а, 308–309). Ф. Хинце (Хинце 1988, 189) далее приводит померанск. *Meduia* > *Madü-See* и польск. *Miedwie*. Ближайшие балтийские апеллятивы могут быть обнаружены в обозначениях «леса»: литовское *mẽdė* 'лес' или *médis* 'дерево', прусск. *median* 'лес' (Топоров 1968, 288; Vanagas 1981, 208; Fraenkel 1962–1965, 423–425).

D: Х. Крае (Krahe 1964, 61) связывал литовское название реки *Medujà* с другим гидронимом за пределами балтийского ареала: *Medanta* (совр. *Mantes*), *Meduanna* (совр. *Mayenne*) в Галлии, **Medara* (совр. *Metter*) в Германии, *Meduna* в Венеции, предлагая первичную семантику 'in der Mitte befindlich'. Однако Ф. Хинце (Хинце 1988) выводит все эти топонимы из корня **med-* с водной семантикой (ср. Schall 1970, 453).

Mozkovec — Левый приток реки Дивока Орлице (*Divoká Orlice*), совр. *Červený potok* = *Czerwony strumień* (устье у Земской браны (*Zemská brána*)), обозначающий чешско-польскую границу (Sedláček 1920, 86).

A: В чешском существует только одно подходящее по форме слово, а именно *mozek* 'мозг'. Естественно, какая бы то ни была семантическая связь с гидронимами остается загадкой. Другой возможностью могло бы быть упрощение формы *Mostkovec*, гипотетического деривата от диминутива *mostek* 'мостик'.

B: Ср. латышский топоним *Mãskas* (И. Дуриданов (Duridanov 1969, 91) сравнивал его с дакийским топонимом *Μασκᾶς*) и такие гидронимы, как *Maskava* ~ *Moskawa* (левый приток Варты), *Moskawa*, *Moskowo* (бассейн Одры), *Моска* (правый приток Дубны) и *Москва* (левый приток Оки), см. Топоров 1972, 226–231, 259; Топоров 1982, 28–32; Орел 1997, 342.

Orlice — Левый приток Эльбы; устье в городе Градец Кралове (*Hradec Králové*), исток: верховья (Тиха Орлице (*Tichá Orlice*)) около деревни Горни Орлице (*Horní Orlice*); длина 142,5 км, бассейн 2037 кв. км.

Впервые упомянута в 1295 г. деревня *Orlice*, в 1336 г. — *fluvius Orlice* (Sedláček 1920, 84).

A: Название реки было связано с чешским *orel* 'орел'. Если мы примем вторичную адаптацию оригинального праславянского гидронима с Украины (см. ниже), почему бы не принять то же и в случае *Orlice* из восточной Чехии?

B: Ср. такие названия озер, как прусск. *Arle* (Gerullis 1922, 11), прусск.-ятв. *Erlen See*, ятв. *Orle*(*wo*), *Orlinek*, наряду с названием реки *Orlanka* (Топоров 1968, 289; Vanagas 1981, 100). В бассейне Одры есть река *Orla* и в бассейне Вислы *Orleńskie Jez.* В бассейне Днепра: река *Арлея* ~ *Орлея* — правый приток Днепра, *Orlija* — правый приток Морицы, Сева, Нерусы, Десны, *Орля* — левый приток Песочной, Болвы, Десны и т. д. (Топоров, Трубачев 1962, 199–200). В бассейне Оки есть река *Орлик*, с вариантами *Орел*, *Орель* (Топоров 1988, 166). Далее литовское *Arlėnų km.*, латышское *Arlaņi* и т. д. (Топоров 1972, 220). В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев (Топоров, Трубачев 1962, 176) и В. Н. Топоров (Топоров 1988, 166) отклоняют интерпретацию этого топонима как производного от русского *орел*.

D: Ю. Удольф (Udolph 1990, 223–224) включает название реки *Orlice* в богатый комплекс гидронимов типа **Or(V)l-* ~ **Ar(V)l-*, предполагая их «древнеевропейское» происхождение. Наряду с многочисленными параллелями из балтийского ареала он нашел наводящие на размышления соответствия, например, в Галлии: *Orillon* (1153 *Arelum*, 1158 *Orelum*), *Aigre* < **Arula*, или в Италии: *Arolla* (XII век: *Arullo*, *Arulum*).

Stěnava = польск. **Ścinawka** — Левый приток Ниса Клёдзка (*Nysa Kłodzka*); устье под Клёдзко (*Kłodzko*), верховья у Мерошова (*Mieroszów*); длина 55 км, бассейн 233,5 кв. км.

Первая фиксация в 1213 г.: *a capite fluminis Stenawa usque ad flumen Bozanow* (Sedláček 1920, 109).

A: Производное от чешского *stěna* 'стена' с учетом названия холмов *Broumovské stěny* по соседству с Броумовом (ср. Schwarz 1931, 34). Но польский вариант *Ścinawka*, вероятно, более архаичен.

B: Ср. прусские топонимы *Steinio* (1285), *Steynebutten* (1393), лит. *Steiniškės* vs. лтш. *steinis* 'хромой' (Gerullis 1922, 173). В. Н. Топоров (Топоров 1966b, 109) добавляет *Stienitz-See* из северной Германии; О. Н. Трубачев (Трубачев 1968, 52) сравнивает прусские данные с названием реки *Стынавка* в бассейне верхнего Днепра. Польская форма *Ścinawka* и украинский гидроним находятся в полном соответствии с балтийским дифтонгом **-ei-*. В случае чешской формы *Stěnava*, возможно, произошла контаминация с лексемой *stěna* 'стена'.

C: Германское **Stain-ahwō* 'Steinach', т. е. 'каменистая река' (Schwarz 1931, 34), ср. *Стынавка* бассейна верхнего Днепра (Трубачев 1968, 52; Орел 1997, 352).

?**Surina** — В X в. пограничный ручей на территории славникидов, управлявших восточной и южной Чехией. Первая фиксация у Космы Пражского под 981 г. (Cosmas Pragensis 1923 I, 27): *ad occidentalem plagam contra Boemiam rivulum Surina.* А. Седлачек (Sedláček 1920, 88) отождествляет его с *Výmola* (также *Chudomel*), левым притоком Эльбы (устье у деревни Седлчанки (*Sedlčánky*), исток: верховья у Мукаржова (*Mukařov*); длина 32,5 км, бассейн 123 кв. км). Он предложил современную форму **Žiřina*, сохранившуюся в названии деревни *Jiřina*, которая расположена в 1,5 км к западу от устья ручья (Profous 1949, 162). Это может предполагать начальную форму **Ž'urina* ~ **Z'urina*.

A: Ср. серб.-хорв. *žúriti se* 'спешить, торопиться', связанное с др.-исл. *keyra* 'тянуть, гнать, бросать, ехать верхом' (Pokorny 1959, 399). А. Профоус (Profous 1947) возводит *Jiřina* к **Žurina* и связывает его со славянским **žurъ* > словен. *žûr* 'сыворотка', чешск. диал. (Моравия) *žour* 'кислое тесто', *žúr* 'содержимое желудка животных, грязь, тина; род польского супа', в.-луж. *žur* 'кислое тесто', русск. *жур* 'гуща, овсяный кисель, подонки (конопляного масла)', и т. д. (Schuster-Šewc 1988–1989, 1812–1813). Но изменение *u* > *i* в первом слоге указывает на йотированное **'u* из дифтонга **eu*.

B: Ср. лит. наименование озера *Žiūrà* vs. лтш. *žūra* 'грязная вода; помои, мутная жидкость; сильный дождь, ливень', далее лит. река *Žiurẽlis* и озеро *Žiūrių ẽžeras* (Vanagas 1981, 404). Славянское **žurъ* и балтийские формы вполне соответствуют семантически, но рефлекс дифтонга **eu* в *Surina / Jiřina* скорее предполагает балтийское происхождение гидронима.

Trutina, совр. **Trotina** — Правый приток Эльбы; устье у деревни Лохенице (*Lochenice*), исток: верховья у Здобина (*Zdobín*); длина 24,9 км, бассейн 116,1 кв. км. Другим носителем имени **Trutina** был ручей, протекающий у деревни Траутенбах (*Trautenbach*) (Sedláček 1920, 83).

Первая фиксация у Космы Пражского под 1110 г.: *dux... Polonie... transiens rivulum Trutinam* (Cosmas Pragensis 1923, III, 36; ср. Sedláček 1920, 77; Profous, Svoboda 1957, 385). Существуют также деревни *Trotina* у города Двур Кралове над Лабем (*Dvůr Králové nad Labem*) (1238–1241 *in Trotina*), *Trotina* у Яромержа (*Jaroměř*) (1790 *Trotina*), *Trotinka* у Горжице (*Hořice*) (1790 *Klein Trotin*, *Trotinka*). Самым большим городом с таким названием, возможно, производным от той же основы, является *Trutnov*, по-другому называемый по имени реки Упа (*Úpa*): *circa Vpam civitatem... sive locum forensem, qui alio nomine dicitur Novvm Trutnow* (1301).

A: А. Профоус и Я. Свобода (Profous, Svoboda 1957, 385, 391) объясняют эти топонимы из чешского *trout* 'трутень'.

B: Ср. лит. (жемайт.) *trúotas* 'гранит, сланец' = лтш. *truõts* 'сланец' : лит. (Juškevič) *trùtyti* 'точить' (Fraenkel 1962–1965, 1132). Эта этимология предполагает такую же семантическую мотивацию, как и для чешского гидронима *Brusnice* : чешск. *brousit* 'точить, заострять'. Следует упомянуть деревню *Brusnice* в 8 км к югу от Трутнова, засвидетельствованную уже 1260 в.: *parochia Upa et villae Ostroznice et Prusnice* (Sedláček 1920, 82; Profous 1947, 190). Та же основа, вероятно, присутствует в прусском топониме *Trutenow*, *Truthna*, а также в топонимах западнее Вислы: *Trutenow*, *Trutenaw*, *Trutenau* (Топоров 1966b, 110).

C: А. Профоус и Я. Свобода (Profous, Svoboda 1957, 391) предположили адаптацию ср.-в.-нем. *trûten ouwe* 'красивый луг'. Это выглядит как типичная народная этимология.

Úpa — Левый приток Эльбы; устье в городе Яромерж (*Jaroměř*), исток: верховья у Студничной горы (*Studniční hora*); длина 78,7 км, бассейн 513,1 кв. км.

Город (совр. Трутнов) был впервые упомянут в 1260 г.: *parochia Upa et villae Ostroznice et Prusnice* (Sedláček 1920, 82), *Egidius de Upa*, *in civitate Upa*, 1282 *Witko de Upa*, 1286 *Witico de Vppa* (Profous, Svoboda 1957, 391); река — только в 1476 г.: *w Vpie wodie* (Profous, Svoboda 1957, 449).

A: Звуковое совпадение с чешским глаголом *úpět* 'плакать', очевидно, представляет собой народную этимологию.

B: Ср. литовские гидронимы *Ùpė*, *Ùpės*, *Ùpis*, *Up s*, *Ùpiai*, *Ùpius* и т. д. vs. апеллятивы *ùpė*, *ùpis*, *ùpius* 'река', лтш. *upe* 'река, ручей',

диминутив *upis*, *upele*, прусск. 1325 *Wuppe*, 1361 *Uppin* (Vanagas 1981, 354–355; Fraenkel 1962–1965, 1169; Gerullis 1922, 210). В бассейне Оки есть река *Ynà* (Топоров, Трубачев 1962, 5). В. Н. Топоров (Топоров 1976, 113) приводит балканские (тракийские?) параллели.

Wisplisa / Wispilsa / Wzlipsa — Загадочное название ручья упомянуто Космой Пражским под 1101 г. (Cosmas Pragensis 1923 III, 15), сейчас, возможно, *Vrchlice*, левый приток речки *Klejnárka* (кот. является левым притоком Эльбы с устьем у города Стары Колин (*Starý Kolín*)), устье у города Нове Дворы (*Nové Dvory*), исток: верховья у деревни Здеславице (*Zdeslavice*); длина 29,3 км, бассейн 133 кв. км.

B: Возможно, сложное слово, состоящее из **vis-/*viz-* и **plisa* (~ *pilsa/lipsa*?). Для первого компонента существуют по крайней мере три возможные этимологии: (i) балтийское **veiš-*: литовские реки *Viešà*, *Viešià*, *Viešintà*, как в сложных словах *Vieš-daubà*, озера *Viešis*, *Viešỹs*, латышская река *Viêsite*, озеро *Viesītis*, прусское озеро *Weyssen*, ручей *Weis-pelke*, луг *Weysigis* (Gerullis 1922, 198; Vanagas 1981, 378–379), возможно, связано с апеллятивами типа прусск. *wissene* 'багульник', лит. *viksvà* ~ *vikšvà* 'осока, тростник', лтш. *vikse*; далее русск. *вишь* 'хворост', др.-в.-нем. *wisa* 'луг', др.-англ. *wáse* 'болото', и т. д. (Fraenkel 1962–1965, 1249–1250); (ii) **vīž-*: литовские реки *Vìžė*, *Vyžintà*, *Vyžuonà*, *Vỹž-upis*, луга *Vỹž-dauba*, *Vỹž-balė*, *Vỹžia-balis*, гора *Vỹžia-kalnis*, латышская река *Vīz-upe*, луг *Vīzīte*, и т. д., возможно, производное от апеллятива типа лтш. *vīze* 'щель, трещина в земле от сильного мороза; место, где из-за падающей воды откололся лед' (Vanagas 1981, 390–391); (iii) **vīž-*: лит. *vyž-ti* 'отгибать, скручивать', ср. прусский гидроним под 1326 г. *Wisne*, сопоставимо с балтийскими топонимами типа *Visna* к западу от Вислы (Schall 1970, 457–458).

Для второго компонента ср. прусский топоним под 1284 г. *Plissinges* (Gerullis 1922, 125), далее *Plisa*, приток Немана; многочисленные гидронимы типа *Плиса*, *Плисса* бассейна Днепра (Топоров, Трубачев 1962, 202), правый приток Одры *Pliszka* и название реки *Pleise* в Лужице (там же). Возможно, связано с лит. *plyšà* 'разрыв, щель, трещина' : *plýšti*, лтш. *plîst* 'рваться', по Э. Френкелю инновационное образование из глагола, засвидетельствованного в лит. *plĕšti*, лтш. *plêst* 'рвать', связанного с др.-чешск. *plasati* 'разрывать', др.-в.-нем. *flahan* 'сдирать (шкуру)' (Fraenkel 1962–1965, 625, 619), указывающим на **-k̂-*.

Zdobnice — Правый приток реки Дивока Орлице (*Divoká Orlice*); устье у города Доудлеби (*Doudleby*), исток: верховья под горой Велка Дештна (*Velká Deštná*); длина 34,2 км, бассейн 124,5 кв. км.

Название реки было впервые упомянуто в 1356 г.: *Wrobnicz* (!). По имени реки названы деревни *Velká & Malá Zdobnice* (впервые в 1651 г. *Zdobnicze*, 1654 *Sdobnicze* и 1714 *Mala Zdobnicze*), в Германии в 1790 г. *Gross-Stibnicz* и в 1720 г. *Klein Stibnicz*.

A: А. Профоус и Я. Свобода (Profous, Svoboda 1957, 766) нашли объяснение в др.-чешск. прилагательном *zdobný* 'хороший, подходящий, приемлемый'.

B: Существуют деревня *Kameničná* примерно в 4 км к югу от среднего течения *Zdobnice* и маленькая деревня *Kamenec* у верхнего течения реки. Если название реки происходит из **stobьn-*, эта модель сопоставима со следующими балтийскими топонимами: литовская река *Stãbė*, гора *Stabìnė* и т. д., латышское озеро *Staba dambja-ezers* (Vanagas 1981, 313), прусский топоним *Stabingen* (1343) vs. *stabis* 'камень' (Gerullis 1922, 172), *stabino tilte* 'каменный мост', др.-лит. *stabas* 'истукан', лтш. *stabs* 'столб' (Trautmann 1910, 435), ятвяжское озеро *Stabo*, названное *Jezioro Kamienne* по-польски (Nalepa 1981), гидронимы бассейна Варты: *Stobnica*, Вислы: *Stobno*, Одры: *Stobnica*, *Stobna* (Орел 1997, 351), Днепра: *Стабница*, *Стабенка*, *Стабна*, *Стабня* (там же; Топоров, Трубачев 1962, 209).

II. Другие топонимы

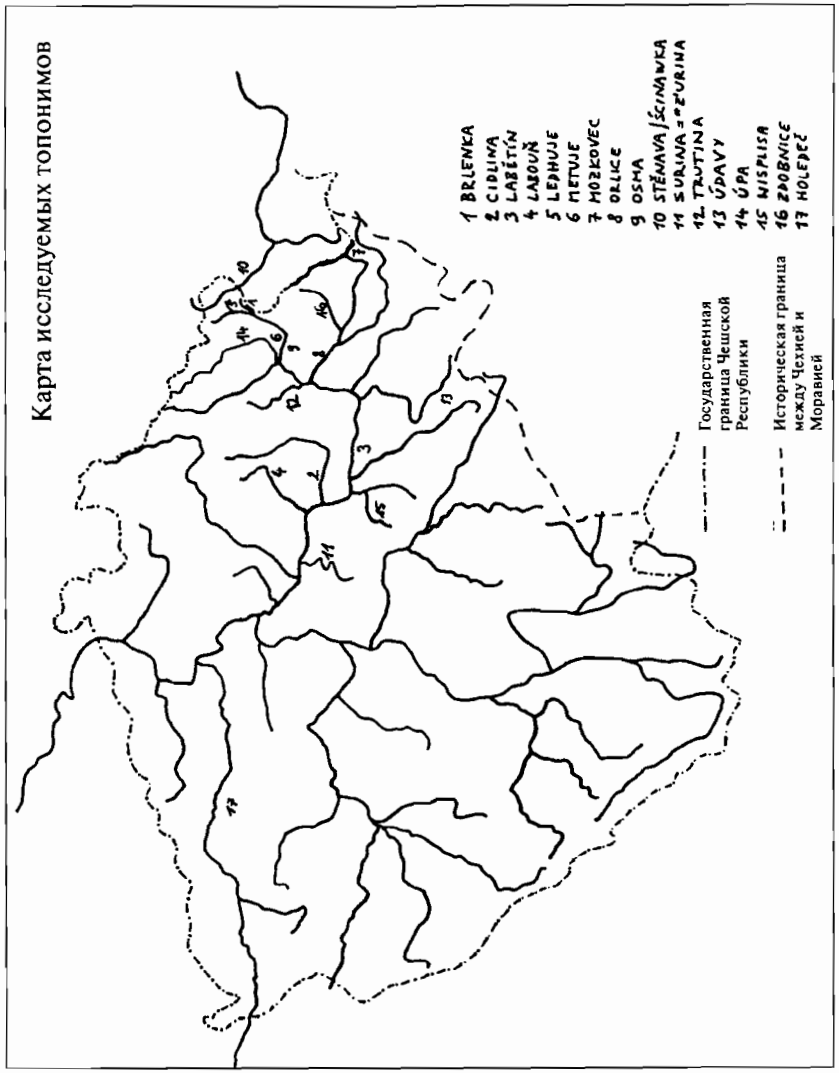
Labětín — Деревня в 4 км на запад от города Пржелоуч (*Přelouč*) на правом берегу Эльбы, впервые зафиксирована в 1333 г.: *in Labwityn* (Profous 1949, 473).

A: А. Профоус (там же) размышлял о происхождении из незасвидетельствованного имени собственного **Labata*.

B: Ср. прусский топоним под 1354 г. *Labiten*, 1420 *Labitten* (Gerullis 1922, 79); в бассейне Днепра левый приток Десны *Лабич* (Топоров, Трубачев 1962, 192). Все — производные от балтийской основы **lab-* 'добро' > прусск. *labs*, лит. *lãbas*, лтш. *labs* (Fraenkel 1962–1965, 327). Гласный *a* в чешском топониме отражает долгий **ō* (или **ā*), в то время как общебалтийское **a* восходит к **o*. Можно предположить влияние названия основной реки *Labe* 'Эльба'? С другой стороны, для гипотетического балтийского источника реконструируется ударный корневой гласный. Можно ли ожидать его замены долгим гласным в славянском окружении?

Labouň — Деревня в 10 км к югу от города Йичин (*Jičín*), впервые упомянута в 1313 в. *de Labun*, 1318 *de Labunye* (Profous 1949, 473).

A: А. Профоус (там же) возводит топоним к имени собственному *Labún* (1406 *Labun*) и далее к ономатопоэтическому глаголу *lábati* 'пить, хлестать, наполняться водой'.



три померанских топонима: 1288 *Labbun*, 1313 *Lebun*, 1347 *Labune* (Schall 1966, 20–21); литовские озера *Labėnava*, *Labūnavõs žeras* (Vanagas 1981, 177). Помимо этимологии «добра» (см. предыдущий пример) можно связать эту топонимическую основу с литовским *lóbas* 'котлован' (см. Schall 1966, 21) и соответствующими топонимами: *Lobà*, *Lóbas* (реки), *Lobínis* (озеро), прусск. *Lobyn* (озеро) — см. Gerullis 1922, 90; Vanagas 1981, 195. Долгий корневой гласный хорошо сочетается с гласным *a* в чешском соответствии.

Osma — Одинокий дом в 2 км к югу от города Нове Место над Метуйи (*Nové Město nad Metují*).

А: Совпадает с чешским *osma* 'номер восемь'?

В: Ср. литовские названия рек *Ašmenà*, *Ašmenį̃ up lis*, *Ašmonį̃ up lis*, лтш. *Asmeņu-īzīrs*, *Asmenīte*, *Asmaņi*, куршск. *Assme*; далее *Ошма* ~ *Вошма* — левый приток верхнего Днепра, сопровождаемый многочисленными топонимами типа *Каменка* и т. д.; *Ошма* ~ *Вошма* в бассейне Оки, также такими названиями рек, как *Каменка* по соседству (Топоров, Трубачев 1962, 165, 181; Топоров 1972, 255; Топоров 1997а, 301–302) vs. лит. *ašmuõ*, pl. *ãšmens* 'лезвие, острие', лтш. *asmens* 'то же' (Vanagas 1981, 50; Fraenkel 1962–1965, 19).

Údavy — Деревня в 11 км к востоку от города Хотеборж (*Chotěboř*), впервые упомянута в 1437 г.: *Wdaby*.

А: А. Профоус и Я. Свобода (Profous, Svoboda 1957, 414–415) возводили топоним к чешскому глаголу *udáviti* 'душить'.

В. Ср. прусск. *unds*, лит. жемайт. *unduõ*, *únduo*, лтш. *ûdens*, куршск. *uodens* 'вода' и т. д. (Fraenkel 1962–1965, 1194–1195). Профоус и Свобода (Profous, Svoboda 1957) также приводили старое сравнение (Stanislav) топонима *Údavy* со словацким гидронимом *Udava* (левый приток реки Лаборец (*Laborec*)) и *Ondava* (после слияния с рекой *Latorica* называется *Bodrog*).

Заключение

Количество проанализированных топонимов невелико: 12 гидронимов и четыре прочих топонима. Важно подчеркнуть, что три названия принадлежат самым большим рекам региона (*Orlice*, *Úpa*, *Metuje*), естественно, за исключением Эльбы. В трех случаях, а именно *Mozkovec*, *Surina*/**Žiřina*, *Wisplisa*, эти гидронимы уже не используются. Некоторые гидронимы были классифицированы как «древнеевропейские» (*Metuje*, *Orlice*), но суффиксальное расширение гидронимов *Metuje* (**Meduje*) & *Ledhuje* типично балтийское. В трех случаях это сатемные рефлексы, подтверждающие балтийский характер проанализиро-

ванных топонимов, а именно: *Surina*, если восходит к **Z'urina*, *Wisplisa*, и *Osma*. Топоним *Údavy* может отражать основу **und*ᵇ, типичную для балтийского (также латинск. *unda* 'волна'). Несмотря на недостаток представленного материала можно выявить по крайней мере несколько особенностей балтийского диалекта, который оставил свои следы в восточной Чехии. Гипотетический «восточно-богемский балтийский» диалект соответствует латышскому и прусскому в рефлексах индоевропейских палатальных велярных **q̂*, ** $^{(h)}$ > *s*, *z* (ср. *Osma*, *Surina*), и литовскому в палатализации *k* в *c* перед передними гласными (ср. *Cidlina*), в то время как литовский и прусский сохраняют свои велярные на прежних позициях. Рефлексы палатальных велярных общие для латышского и славянского, но результат «второй палатализации велярных» — это *č* в славянском. Кроме латышского изменение **k* > *c* происходит в балтийском диалекте бассейна Оки, т.е. на территории древней голяди (*Golędь*). Если носители этнонима «галинды» на Востоке (бассейн Оки) и на Западе (Силезия и Лужица) были представителями того же балтийского племени, говорившего на общебалтийском диалекте, естественно ожидать того же или близкого диалекта для «восточно-богемских балтов». Эта гипотеза подтверждает ориентированную на юго-запад траекторию галиндов, предложенную В.Н.Топоровым (Топоров 1983). Очень вероятно, что галинды продвигались на Иберийский полуостров вместе с некоторыми восточногерманскими племенами, готами и вандалами. Бургундцы также не могут быть исключены, хотя они остались в Галлии. Эти миграции происходили в первой половине V в. Около 400 г. н.э. эти племена были еще в Центральной Европе. То же можно предположить и для галиндов. С учетом проанализированных топонимических данных представляется возможным, что некоторые остатки населения галиндов задержались в восточной Чехии до прихода первых славян на территорию Чехии в VI в. (см. таблицу).

Перевод с английского М. В. Завьяловой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСИ — Балто-славянские исследования.

Ванагас 1980 — *Ванагас А.* Максимальный ареал балтийской гидронимии и проблема происхождения балтов // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтийских народов. Рига, 1980.

Ванагас 1981 — *Ванагас А.* Литовские гидронимы славянского происхождения // БСИ 1980. М., 1981.

Лучиц-Федорец 1989 — *Лучиц-Федорец И. И.* О возможных древних чешско-балтийских лексических связях // Baltistica. Priedas, 1989. III (1).

Таблица

Восточная Чехия	*	Балтийская праформа	На запад от Вислы	Прусский	Литовский	Латышский	Бассейн Оки	Бассейн Днепра
Brlenka	**bьrl-ьn-*	**burl-ĩn-* 'илистый'			a / t	a / t		
Cidlina	**c[b]dьl-ina*	**kidul-*			t	t	t	t
Labětin	**lab-ět-*	**lab-(eit-)* 'добро'		a / t	a			t
Labouň	**lab-un-*	**lab-ūn-*	t		t			
Ledhuje	**led- / lěd-uja*	**led-(ˆaujā)* 'ледяной'		a	a	a		
Metuje	**med-uja*	**med-(aujā)* 'лес' или 'в середине'?	t	a / t	a / t	t	t	
Mozkovec	**mosk-ov-*	**mask-((a/u)v-)ā-*	t			t	t	
Orlice	**or[b]l-ika*	**ar(V)l-(ik..)*	t	t	(t)	(t)	t	t
Osma	**osm-a*	**aśmō(n)* 'точильный камень'			a / t	a / t	t	t
Stěnava	**stěn- / stin-ava*	**stein-* 'медленный'	t	t	t	a		t
Surina	**z'ur-ina*	**źiur-*			t	a		
Trutina	**trut-ina*	**traut-* 'точильный камень'			a	a		
Údavy	**ǫd-av-*	**undō(n)* 'вода'		a	a	a		
Úpa	**up-a*	**upiā* 'река'		t	a / t	a / t	t	
Wisplisa / Wzlipsa	**vis- / *viz- & *plis-a*	**veiš-* 'осока' / **vīž-* 'трещина' или 'изгиб'; **plīš-ā* 'щель'?		a / t t	a / t t ~ a a	a / t a / t		
Zdobnice	**[st]ob-ьn-*	**stab-in-* 'каменистый'	t	a / t	a / t	a / t		t

a = апеллятивы, t = топонимы.

Орел 1997 — *Орел В. Э.* Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // БСИ 1988–1996. М., 1997.

Топоров 1966a — *Топоров В. Н.* О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // Slavia Pragensis. 1966. 8.

Топоров 1966b — *Топоров В. Н.* К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // Baltistica. 1966. I (2).

Топоров 1968 — *Топоров В. Н.* О балтийском элементе в гидронимии верхнего Нарева // Studia Linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk, sexagenario a collegis amicis discipulis oblata (Lund 1966). Slaviska och baltiska studier. Malmö, 1968. 8.

Топоров 1972 — *Топоров В. Н.* «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972.

Топоров 1976 — *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1976.

Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе // БСИ 1981. М., 1982.

Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Галинды в западной Европе // БСИ 1982. М., 1983.

Топоров 1988 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // БСИ 1986. М., 1988.

Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // БСИ 1987. М., 1989.

Топоров 1993 — *Топоров В. Н.* Еще раз о балтизмах в чешских землях // Slavia. 1993. 62.

Топоров 1997a — *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // БСИ 1988–1996. М., 1997.

Топоров 1997b — *Топоров В. Н.* Балтийские следы на Верхнем Дону // БСИ 1988–1996. М., 1997.

Топоров 1997c — *Топоров В. Н.* К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // БСИ 1988–1996. М., 1997.

Топоров, Трубачев 1962 — *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Поднепровья. М., 1962.

Трубачев 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины. М., 1968.

Трубачев 1981 — *Трубачев О. Н.* Реплика по балто-славянскому вопросу // БСИ 1980. М., 1981.

Хинце 1988 — *Хинце Ф.* К древнепрусской топонимии Помезании // БСИ 1986. М., 1988.

Blažek 2003 — *Blažek V.* Baltic horizon in Eastern Bohemian hydronymy? // Tiltai. № 14: Vakarų baltų kalbos ir kultūros reliktai. 2003. IV.

Cosmas Pragensis 1923 — *Cosmas Pragensis.* Chronica Boemorum / Ed. B. Bretholz. Berlin, 1923.

Duridanov 1969 — *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I: Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbezeichnungen. Sofia, 1969.

Fraenkel 1962–1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen; Heidelberg, 1962–1965. I–II.

Gerullis 1922 — *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.

Horák, Trávníček 1956 — *Horák B., Trávníček D.* Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf). Rozpravy Československé akademie věd, ročník 66, řada SV, sešit 2. Praha, 1956.

Hosák, Šrámek 1970 — *Hosák L., Šrámek R.* Místní jména na Moravě a ve Slezku. I: A–L. Praha, 1970.

Kilian 1939 — *Kilian L.* Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel? // Alt-Preussen. 1939. 4.

Knap 1968 — *Knap E.* Problém hydronyma a toponyma Cidlina // Onomastické práce 2: Sborník rozprav k sedmdesátým narozeninám prof. W. Taszyckého / Ed. V. Šmilauer, 1968.

Krahe 1943 — *Krahe H.* Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel // Alt-Preussen. 1943. 8/3.

Krahe 1964 — *Krahe H.* Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

Lamprecht 1987 — *Lamprecht A.* Praslovanština. Brno, 1987.

Lutterer, Majtán, Šrámek 1982 — *Lutterer I., Majtán M., Šrámek R.* Zeměpisná jména Československa. Praha, 1982.

Malingoudis 1981 — *Malingoudis Ph.* Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1: Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden, 1981.

Nalepa 1981 — *Nalepa J.* Stabo — jaćwieska nazwa Jeziora Kamiennego na Suwalszczyźnie // Rocznik Białostocki. 1981. 15.

Paulus Diaconus 1878 — *Paulus Diaconus.* Historia Langobardorum. Hannover, 1878 [1978].

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.

Popławski 2002 — *Popławski P. A.* Zachodni zasięg hydronimii typu bałtyckiego // Onomastica, 2002.

Profous 1947–1949 — *Profous A.* Místní jména v Čechách. Praha, 1947–1949. I–II.

Profous, Svoboda 1957 — *Profous A., Svoboda J.* Místní jména v Čechách. IV: S–Ž. Praha, 1957.

Schall 1964 — *Schall H.* Berlin — ein slawobaltischer Flurname // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 78. 1964.

Schall 1966 — *Schall H.* Baltische Gewässernamen in Flusssystem «Obere Havel» (Südost-Mecklenburg) // Baltistica. 1966. II (1).

Schall 1970 — *Schall H.* Preussische Namen längs der Weichsel (nach Lucas David, ca. 1580) // Donum Balticum. to Prof. Ch. S. Stang on the occasion of his seventieth birthday / Ed. by Velta Rūķe Draviņa. Stockholm, 1970.

Schuster-Šewc 1988–1989 — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1988–1989. IV.

Schwarz 1931 — *Schwarz E.* Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. München; Berlin, 1931.

Sedláček 1920 — *Sedláček A.* Snůška starých jmen, jak se nazývaly v Čechách řeky, potoky, hory a lesy. Praha, 1920.

Šefčík 1997 — *Šefčík O.* Předslovanská toponymie českých zemí. Magisterská práce obhájená na Filosofické fakultě Masarykovy university (ms.). Brno, 1997.

Trautmann 1910 — *Trautmann R.* Die altpreussische Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.

Udolph 1979 — *Udolph J.* Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Heidelberg, 1979.

Udolph 1990 — *Udolph J.* Die Stellung der Gewässernamen Polens innerhalb der alteuropäischen Hydronymie. Heidelberg, 1990.

Vanagas 1981 — *Vanagas A.* Lietvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Vlček 1984 — Zeměpisný lexikon ČSR. Vodní toky a nádrže / Ed. V. Vlček et al. Praha, 1984.

С. КАРАЛЮНАС

РЕФЛЕКС и.-е. **bhāǵos* 'БУК (FAGUS SILVATICA)' В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

В своем знаменитом исследовании «Proto-Indo-European Trees» Поль Фридрих пишет: «Но важно то, что эти слова литовского языка [имеются в виду *bùkas* и *bũkas*. — *С. К.*] *заимствованы из латинского и славянского языков*; они означают сегодня *либо* бук, *либо* бузина <...> Таким образом литовский язык составляет своего рода таксономическую связку и безусловно показывает, что носители индоевропейского наречия в этом регионе могут трактовать и на самом деле трактуют эти два рода (*Fagus* и *Sambucus*) как два повторяющиеся референта того же термина <...> Я думаю, что и.-е. **bhāǵos* 'бук (beech)', при изменении охватившее в балто-славянском протоязыке оба значения '(1) бук и (2) бузина', позднее исчезло в протобалтийском языке, а в протославянском языке сузилось до значения 'бузина'. Последнее изменение произошло или тогда, когда балты и славяне двинулись на север от своей прародины, или после того, как бук сам передвинулся на запад во время суббореальных холодов и засух» (Paul 1970, 111).

Процитированные положения имеют научное значение во многих аспектах, но нас интересует утверждение, что балтийские языки на начальных этапах своего развития, а возможно и позже, могли также иметь сохранившийся рефлекс и.-е. **bhāǵos* со значениями 'бук (Fagus silvatica)' и 'бузина (Sambucus)'. Поэтому можно попытаться поискать следы названий этого типа деревьев в литовском языке. Тем более это следует сделать, учитывая, что ботаническая «линия бука» отводит этому виду деревьев важное место при решении проблемы локализации прародины индоевропейцев и *die Buchenfrage* стало едва ли не основной проблемой в фонологии и морфонологии ботанических терминов.

Но прежде всего следует не упускать из виду тот факт, что в диалектах литовского языка и в древнейших памятниках и словарях для названия видов деревьев «выращиваемое в парках дерево из семейства дубовых, бук (Fagus silvatica)» и «бузина (Sambucus nigra)» используются *bũkas* и реже *bùkas* (LKŽ I[1], 930; LKŽ I[2], 1137; Kuršaitis 1968, 350; Čepienė 1995, 54). Исследователи считают их заимствованиями (Būga 1961, 671), В. Н. Топоров отмечает, что это несомненные заимствования (Топоров 1975, 262), но они не могут сойтись во мнениях насчет прямого источника. Так получилось не без основания, так как различное количество корневого гласного этих лексем показывает, что эти

слова скорее всего пришли в литовский язык из разных источников и в разное время. В литовском языкознании их склонны считать германизмами, заимствованными непосредственно из диалектов немецкого языка (прус. нем. *buk* 'Fagus', нем. *Buche*) (Alminauskis 1934, 37; LKŽ I[1], 930; Čepienė 1995, 54). В этимологическом словаре Э. Френкеля указано, что лит. *bùkas* в значениях 'бук (Fagus silvatica)' и 'бузина (Sambucus)' или заимствовано прямо из восточнопрусского немецкого *buk* 'бук (нем. *Buche*)', или посредством польского языка (ср. пол. *buk* 'бук обыкновенный', которое в свою очередь заимствовано из восточных диалектов немецкого языка) (Fraenkel I, 63). Имея это в виду, можно считать, что в литовском языке рефлекс и.-е. **bhā́gos* в значениях 'бук (Fagus silvatica)' и 'бузина (Sambucus)' был вытеснен из употребления заимствованием (скорее всего германизмом) *bū̃kas* (*bùkas*).

Распространение ботанических терминов, имеющих корень *bož-/buož-*, в литовском языке имеет два ареала. Первый относится к приморским жемайтийским диалектам, где мы находим употребление *bóžolė* 'кубышка (Nuphar)' Прекуле, Клайпедский район (LKŽ I[2], 980), *buõžolė* 'кубышка обыкновенная (Nuphar luteum)' Клайпеда (LKŽ I[1], 957; LKŽ I[2], 1171). Другой ареал соответствует южно-акштайтским диалектам: *búožė* 'рогоз (Typha)' Крокялаукис, Алитусский р., Будветис, Мариямполе, Лаздийский р. (LKŽ I[1], 957; LKŽ I[2], 1169), *buožė̃* 'голова рогоза с семенами (Typha)' Друскининкай (Naktinienė, Paulauskienė, Vitkauskas 1988, 46), *buožė̃lis* 'початок рогоза' Ноча, Вороново (Белоруссия) (LKŽ I[1], 957; LKŽ I[2], 1170) и *buožgalỹvis* 'рогоз широколистный (Typha latifolia)' (LKŽ I[1], 957; LKŽ I[2], 1170). Некоторые названия мы встречаем еще в трудах ботаника Й. Пабрежи (1771–1849) — это *buožis* 'булавница (Clavaria)', *buoželūnė* 'Sporochnus'. Неясно известное из работ П. Матулёниса *buožemė* 'такое растение, василек (Centaurea)': возможно, здесь присутствует суффикс *-emė*, как, например, в топониме *Lekẽmė* (деревня в районе Плунге) наряду с *Lekiaĩ* (деревня в Швекшне, Шилутском районе).

То, что ранее этими названиями растений могли обозначаться и деревья, видно из *búožė* 'невысокое дерево' Лелюнай, Утянский р. (LKŽ I[2], 1169), *buožgalỹvis*, *-ė* 'острое небольшое дерево' Ленас, р. Укмярге (LKŽ I[1], 957; LKŽ I[2], 1170).

Из представленных данных ясно видно, что преобладающим корневым вокализмом является *uo*. С вокализмом *o* лексикографами реконструирована только форма *bóžolė* 'кубышка (Nuphar)' Прекуле, но наряду с ним (Клайпеда) приводится и *buõžolė* 'кубышка обыкновенная (Nuphar luteum)' с корневым вокализмом *uo*. В средней части Клайпедского края в районе Прекуле дифтонг литературного языка *uo* и гласный *o* совпали — вместо них произносится долгий монофтонг *ō* (Zinkevičius 1966, 86), поэтому нельзя точно сказать, какой корневой вокализм — *o* или *uo* — является первичным. Таким образом, с другой стороны, нельзя отрицать вероятности, что первичным вокализмом ботанических терминов с корнем *bož-/buož-* было и.-е. *ā* (> лит. *o*). Такая вероятность особенно возможна также из-за того, что при более внимательном рассмотрении приведенного материала нетрудно заметить тенденцию носителей языка формально и семантически сближать ботанические термины, имеющие корень *bož-*, с полисемантическим *búožė* 'головка, балда; безмен; приклад...' и его производными, ср., например, *buõžolė* 'кубышка обыкновенная (Nuphar luteum)' Клайпеда и *buõžuolas* 'шар на рукоятке' Вежайчяй, Клайпедский р. (LKŽ I[2], 1171). Другим фактором для совпадения корневого вокализма могла послужить структурная аналогия со стороны таких слов, как, например, *drožlė̃* 'стружка' : *druožlė̃* 'то же'; *skróblas* 'граб' : *skrúoblas* 'то же'; *stomuõ* 'стан, фигура' : *stuomuõ* 'то же'.

Нетрудно выделить в словах *bóžolė* 'кубышка (Nuphar)' и *buõžolė* 'кубышка обыкновенная (Nuphar luteum)' суффикс *-olė* (Skardžius 1943, 183–184; LKG I, 359), имеющийся и у других производных, например, *gaudolė* (без ударения) 'жук, который гудит в дереве', *káukolė* 'череп, макушка', *senõlė* 'бабушка, мать отца или матери; старый человек', *verpõlė* 'то, что спрядено, пряжа'. Одни из этих слов могли быть производными от глаголов (: *gaũsti*, *-džia*, *-dė* 'гудеть', *veřpti*, *-ia*, *-ė* 'прясть'). Основу других составляют имена (: *sẽnas*, *-à* 'старый'). Подобным образом из ранее существовавших имен **bā́žas*, **bā́žā* как из производящих основ могло образоваться также *bóžolė* и с метатонией *buõžolė*. Помимо этого, производными при помощи окончаний от этих предполагаемых первичных имен можно считать *búožė* 'рогоз (Typha)', *buožė̃* 'голова рогоза с семенами (Typha)', *buožis* (без ударения) 'булавница (Clavaria)'.

Этимологическими соответствиями лит. **bā́žas* masc., **bā́žā* fem. 'рогоз (Typha); булавница (Clavaria); невысокое дерево' можно считать рус. диал. *баз* (*базá*) masc. 'растение (Sambucus L.), семья жимолостных; бузина', *базóк* (*-зка*) masc. 'растение сирень', *бас* (*-а*) masc. 'бузина' (СРНГ II, 51, 127), нижне-луж. *baz* masc. 'бузина (Sambucus nigra)', укр. диал. *базни́к* 'сирень; собачья бузина (Sambucus ebulus L.)' (ЭССЯ I, 172). О. Н. Трубачев реконструировал праславянскую форму **bazъ* и справедливо отметил: «кот. ценно для нас своим прямым соответствием вокализму и.-е. **bhā́gos*, единственной достоверной реконструкции и.-е. названия бука» (ЭССЯ I, 172).

Другими и.-е. этимологическими соответствиями являются греч. φηγός, дорийск. φαγός fem. 'дуб (Quercus Aegilops)', лат. *fāgus* fem. 'бук, буковое дерево', галльск. *bāgos* (в топонимах *Bāgācon*, *Bāgono-*),

др.-верх.-нем. *buohha* 'бук (дерево)' (< **bōkōn-*), др.-сакс. *bōka*, др.-англ. *bēce*, *bōc*, др.-сканд. *bōk* 'бук, буковое дерево' (Pfeifer 1993, 179; ср. Pokorny 1959, 107). Как видим, в греческом языке это слово изменило референт — было использовано для наименования другого дерева (дуба). Видимо, в Греции бук был сравнительно редким деревом, так как, предпочитая холодные и сырые места, растет только на севере в горах (Олимп, Пиндус). А то, что италийцы все-таки сохранили прежнее значение, хотя в Италии бук также редок, могло объясняться тем, что это слово было религиозным архаизмом, ср. *Iuppiter Fāgūtālis* (Walde 1938, 446).

Древневерхненемецкое и древнесаксонское слова принадлежали основе *ā* (герм. **bōkō* < и.-е. **bhāgā*), в древнеанглийском и древнескандинавском языках существовало германское однокоренное слово (Wurzelnomen) **bōks*. Греческие и латинские наименования принадлежат основе на *o* и женскому роду, но их женский род является инновацией этих языков (Wissmann 1952, 26).

В литовском языке, как уже упоминалось, **bãžas* masc., **bãžā* fem. 'рогоз (Typha); булавник (Clavaria); невысокое дерево' также имеет совсем другое значение. Изменение значения в литовском языке было бы понятным, поскольку, во-первых, в славянских языках значение также изменилось — появилось 'растение сирень (Syringa vulgaris)'. Во-вторых, **bãžas* masc., **bãžā* fem. менять значение заставляло заимствование *bū̃kas* (*bùkas*) 'выращиваемое в парках дерево из семейства дубовых, бук (Fagus silvatica); бузина (Sambucus nigra)'. О том, что предки балтских народов знали буковое дерево, позволяет судить лит. *skirpstas* 'бук (Fagus)', *skirpstùs* (acc. sing. *skirpstų*) 'бук обыкновенный (Fagus silvatica)' и *skirpstis* 'то же' в переводе Библии Хилинского XVI в.[1].

Дерево бук действительно было двух видов — обыкновенный, или европейский (Fagus silvatica Linnaeus), и восточный бук (Fagus orientalis). Последний является одним из основных компонентов лесов Кавказского региона, составляет почти треть их. Обыкновенный бук рос в регионе Карпатских гор, достигая Южного Буга, в поздний бореальный период в процессе вегетации он передвинулся немного к Западной Европе, а с восточной стороны — на территорию современной Белоруссии и западную часть России. В середине суббореальной эры (ок. 1500 до н.э.) бук обыкновенный вместе с дубом зачастую был преобладающим деревом в некоторых местах на территории от Карпат до Франции. В это время он рос к западу от бывшей Восточной Пруссии до Одессы.

[1] По поводу его происхождения и образования см.: Fraenkel II, 807; Mažiulis 1997, 120.

Судя по ботанике обоих видов бука, индоевропейцы, особенно те племена, которые жили в районах Южного Буга, Карпат и Кавказа, должны были хорошо знать эти виды деревьев. Продвижение буковых лесов на запад и период их расцвета примерно совпали с миграцией италийских и германских племен в западном направлении. Именно эти носители и.-е. диалектов и сохранили регулярную фонологическую форму и первоначальное значение названия бука. С другой стороны, редкость бука на протяжении тысячелетий или его полное отсутствие в Восточной Балтии коррелирует с отсутствием рефлекса **bhāgos* в балтийских языках (Paul 1970, 112, 115).

Если приведенная здесь гипотеза насчет рефлекса названия бука в литовском языке подтвердится, придется пересмотреть многие прежние утверждения, и роль балтийских и славянских языков в истории миграции и.-е. племен и в локализации и.-е. прародины представилась бы в несколько ином свете.

Перевод с литовского М. В. Завьяловой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СРНГ II — Словарь русских народных говоров. М., 1966. II.

Топоров 1975 — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь (A–D). М., 1975.

ЭССЯ I — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974. I.

Alminauskis 1934 — *Alminauskis K.* Die Germanismen im Litauischen. Teil I: Die deutschen Lehnwörter im Litauischen. Kaunas, [1934].

Būga 1961 — *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961. III.

Čepienė 1995 — *Čepienė N.* Lietuvių kalbos germanizmai ir jų fonetinė adaptacija [рукопись докторской диссертации]. Vilnius, 1995.

Fraenkel I — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962. I.

Fraenkel II — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1965. II.

Kuršaitis 1968 — *Kuršaitis A.* Lietuviškai-vokiškas žodynas, I. Göttingen, 1968.

LKG I — Lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1965. I.

LKŽ I[1] — Lietuvių kalbos žodynas. I (A–B) / Red. J. Balčikonis. Vilnius, 1941.

LKŽ I[2] — Lietuvių kalbos žodynas. I (A–B). Antras leidimas / Atsak. red. J. Kruopas. Vilnius, 1968.

Mažiulis 1997 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1997. IV.

Naktinienė, Paulauskienė, Vitkauskas 1988 — *Naktinienė G., Paulauskienė A., Vitkauskas V.* Druskininkų tarmės žodynas. Vilnius, 1988.

Paul 1970 — *Paul F.* Proto-Indo-European Trees. The Arboreal System of a Prehistoric People. Chicago; London, 1970.

Pfeifer 1993 — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. 2 / Auflage, durchgesehen und ergänzt von Wolfgang Pfeifer. Berlin, 1993. I.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München, 1959.

Skardžius 1943 — *Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943 [= *Skardžius P.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1996. I.]

Walde 1938 — *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearbeitete / Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938. I.

Wissmann 1952 — *Wissmann W.* Der Name der Buche [Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Vorträge und Schriften, Heft 50]. Berlin, 1952.

Zinkevičius 1966 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

ДВА ЭТЮДА О ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯХ В ЭЛЬБИНГСКОМ СЛОВАРЕ

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

(*А. Блок.* «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»)

1. Порядок расположения статей

1.0.1. Среди исследователей западнобалтийских названий цвета, на наш взгляд, только автор лексикографического «Прусского языка» затронул вопрос о порядке словарного размещения соответствующих обозначений:

«...следует заметить, что в Эльбингском словаре *cucan* находится следом за „чистыми“ цветами („красный“, „желтый“) и непосредственно перед смешанными („грязными“, неоднородными) цветами *maysotan*, *roaban* с характерными переводами — ‘gemenget’, ‘gestreift’. Можно предположить, что *cucan* обозначает некий переходный, промежуточный цвет между этими двумя фрагментами „цветового“ словаря. Коричневый цвет [именно таким является значение E 465 *cucan*; здесь и выше — разрядка в тексте. — *А. Н.*], действительно, закономерен в этом месте» (Топоров 1984, 250).

1.0.2. Наше обращение к теме одного фрагмента в композиционном построении Эльбингского словаря (далее — ЭС) связано с желанием расширить круг тех лингвистических памятников, в контексте которых целесообразно рассматривать древнейший лексикон балтийских языков. В частности, речь идет о двух русско-немецких разговорниках, связанных с именами Т. Шрове 1546 г. (Schroue 1992–1997) и Т. Фенне 1607 г. (Fenne 1961–1986), опубликование которых соответственно в 1992–1997 гг. (I–II, Краков; довоенное место хранения — Берлин) и 1961–1986 гг. (I–IV, Копенгаген), как кажется, открывает новые возможности для исследования не только русского, но даже и прусского языков. Во всяком случае, предлагаемое разыскание представляет собой попытку сделать шаг именно в таком, западнобалтийском направлении.

1.1. Оба реестра цветообозначений, содержащиеся в рукописях Шрове-1546 и Фене-1607, свидетельствуют о том, что в их структуре чистым цветам оказываются противопоставленными смешанные, списком которых и завершаются тематические русско-немецкие словарные блоки по колористике.

Vonn allerleÿ farbenn. *p.*

	Suetum	ist	farwe	
	Tzuwÿe	ist	Schwartz	
	kraßnoÿe	ist	Roth	
15	Tzerlanoÿ	ist	hochrodt	
	Beloÿ	ist	weis	
	Bagrowo	ist	hochbraun	
	Bura	ist	Licht braun	
	Dÿmtzatoÿ	ist	Ascherfarbe	
20	Seroÿ	ist		grawell
	Tero	ist		grawe
	Selouÿ	ist		grun
	Tunno selono	ist		duster grun
	Lassur	ist	PaPeJogen	gnun
25	Seÿuo	ist	schon blaw	
	goluba	ist	Licht blaw	
	Solta	ist	Licht gelb	
	Rudo sotto	ist	golt gelbe	
	glÿnenen	ist	Leib farbe	
30	Cÿskroÿ	ist	Ingesprenckte farb	
	Pega	ist	bunndt	
	Postra	ist	Sprinckeldt	
	Poloßata	ist	Vhall	

(I)

— 1 — 2

1 — зона смешанных цветов

2 — зона анлаута *gr-*

127 Van allerley farue

1.	tzvietom	farue		цвѣтом
2.	tzornoie	swardtt		чёрное
3.	beloie	wytt		бѣлое
4.	krasnoie	rodtt		красное
5.	tzerlonoie	hoch rodtt		черлёное
6.	bagrovoie	hoch brun		багровое
7.	buroie	licht bruen		бурое
8.	dymtzatoie	ascheuarue		дымчатое
9.	seroie	graw		сѣрое
10.	selonoie	grönn		зелёное
11.	temno selonoie	duster	groenn	темно зелёное
12.	sžoltoie	geell		жёлтое
13.	rudo sžoltoie	goldtt geell		рудо жёлтое
14.	goluboie	hemmelblaw		голубое
15.	belo goluboie	lichtblaw		бѣло голубое
16.	losureva	schoen blaw oder glaß uarue		лазурево
17.	sinæ	blaw		сине
128				
1.	lasurevym tzvietom	laffendelen farue		лазуревым цвѣтом
2.	glinnoi	liffarue		глинной
3.	kirpitznoi tzviet			кирпичной цвѣт
4.	svietlo selenoie	papegoye	groen	свѣтло зелёное
5.	pega	bundtt		пѣго
6.	pestra	sp<r>inkeldt		пестро
7.	polosato	striplich		полосато
8.	dikoi tzviett	wilde varue		дикой цвѣт
9.	ffszekim tzvietom	allerley farue		всяким цвѣтом
10.	kakim tzvietom	watterley farue		каким цвѣтом
11.	rosnolitznym tzvietom	vnderscheidene farue		розноличным цвѣтом

(II)

Рис. 1–2. « О различных цветах» у Т. Штрове (I) n Т. Фенне (II)
Транслитерация текстов

453	Czogel	Nolingo
	Weber	Tuckoris
	Gewant	milan
456	Laken	Pastowis
	Varbe	Woapis
	Ele	Woaltis
459	Wyes	Gaylis
	Swarcz	Kir snan
	Grow	Sywan
462	Blow	Colimban
	Rot	Wormyan
	Gel	Gelatynan
465	Brun	Cucan
	Gemenget	Maysotan
	Gestreift	Roaban
468	Grune	Saligan
	Schere	Scrundus
	Nolde	Ayculo
471	Czwirn	Schutuan
	Fadem	Awilkis
	Schroter	Scrutele

(III)

(IV)

— 1 — 2

— 3

1 — зона смешанных цветов;
2 — зона анлаута *gr-*;
3 — первоначальное место статьи 468

Рис. 3–4. Раздел «Ткач» в Эльбингском словаре.
Транслитерация текста (III) и его оригинал (IV)
Цветообозначения: 459–468

Как видим из иллюстраций, совпадение лексем, выражающих сочетания различных красок, является одним из общих признаков, объединяющих оба перечня: ср. фрагменты страниц из публикации названных памятников — Т. Шрове (Schroue 1992–1997, II, 98v, 31–33), с одной стороны, и Т. Фенне (Fenne 1961–1986, II, 128, 57) — с другой, где *Pega*, *Postra*, *Poloßata* перекликаются с *pega*, *pestra*, *polosato*. Что же касается расширенного варианта соответствующей «концовки» у Фенне — ср. в кириллической записи *дикой цвѣт*, *всяким цвѣтом*, *розноличным цвѣтом* (Там же, 8, 9, 11), то это обстоятельство лишь оттеняет принцип «остаточности», применяемый по отношению к «нечистым» цветам.

Аналогичная ситуация имеет место и в ЭС, в котором после лексем с однородным колористическим содержанием (*gaylis* E 459 — *cucan* 465) следуют формы *maysotan* (gemenget) букв. 'смешанный', т.е. 'пестрый' и *roaban* (gestreift) 'полосатый' (E 466, 467).

Вместе с тем, если у Т. Фенне *розноличным цвѣтом* так и заканчивается весь раздел *Van allerley farue* (всего 28 словарных статей), то в ЭС вслед за *roaban* выступает наименование еще одной «чистой краски» — зеленой: *saligan* (grune 468). Поскольку как неизвестный автор ЭС, так и Т. Фенне при сопоставлении цветовых словников своих трудов вне всякого сомнения ориентировались на противопоставление чистые — смешанные (краски), издревле заданное им каким-то общим архетипом тематического словаря, то нетрудно сделать вывод, что статья о зеленом цвете оказалась явно не на своем месте — уже вне ряда других «чистых» колористических обозначений. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с исправлением ошибки если не самим составителем ЭС, то копиистом оригинала: пропущенная статья *saligan* (grune 468) несомненно была дописана после сверки всего реестра цветообозначений.

1.2. Причину пропуска статьи о *saligan* следует искать в особенностях графики заглавных слов — немецких обозначений серого и зеленого в ЭС — соответственно *grow* E 461 и *grune* E 468. Даже можно предложить свое объяснение того, почему так случилось, что составителю приводимого варианта рукописи пришлось исправлять свой огрех.

Как отмечал Д.С. Лихачев (Лихачев 1983, 71), «типичная ошибка чтения — это „прыжок от сходного к сходному", а в результате — пропуск слова или нескольких слов... Происходит это потому, что глаз, встретив знакомое сочетание букв, слово или группу слов в соседних строках (чаще ниже, чем выше), продолжает чтение, и это чтение может оказаться до некоторой степени осмысленным, так что пропуск или, реже, повторение не обратит на себя внимание писца».

В роли «знакомого сочетания букв» для переписчика ЭС в нашей ситуации выступила та же самая комбинация графем *gr-*, которая вслед за формой *grow* повторялась и в первоначально соседней с ней лексемой *grune*. И о том, что восстанавливаемая для зеленого позиция в ЭС действительно принадлежала этому цветообозначению, убедительно свидетельствуют оба памятника: и Шрове — 1546, и Фенне — 1607.

Так, в копенгагенской рукописи непосредственно за строкой *graw сѣрое* ниже стоит *grönn зелёное*, далее — *dustergroenn темно зелёное* (Fenne 1961–1986, II, 127, 9–11), а уже на следующей странице — *papegoye groen свѣтло зелёное* (Ibid., 128, 4), тогда как в берлинско-краковском манускрипте выступает та же самая последовательность цветообозначений, явно запрограммированная своеобразной связью анлаутов двух колористических названий в немецком языке:

...*grawell*
...*grawe*
...*grun*
...(*duster*)*grun*...
...(*PapeJogen*)*grun* (Schroue 1992–1997, II, 98v, 20–24).

Более того, в таком памятнике немецко-латышской лексикографии, как «Phraseologia Lettica» Г. Манцеля (Рига, 1638), глава XX (von Farben) которого, казалось бы, не имеет ничего общего с колористическими разделами русско-немецких лексиконов Т. Шрове и Т. Фенне, все же мы находим в смежных строках:

graw/*sirrms*
grůen/*sallsch* (Mancelius 1929, 338).

1.3. В каком тематическом контексте выступают перечни цветообозначений?

Копенгагенский памятник содержит раздел «О различных цветах» (127–128), расположенный между словарными блоками о шелке (125–126) и полотне (126), с одной стороны, и сукне (129–130) — с другой, причем соответствующими четырьмя рубриками завершается та часть общего двуязычного лексикона, которая посвящена русско-немецкой торговле. Следует обратить внимание на то, что колористический набор размещен не перед тканями вообще (т. е. здесь перед шелком) или полотном в частности [хотя в последнем случае и приводится термин *крашенина* (126, 9), т. е. крашеное домашнее полотно], а непосредственно именно перед сукном.

И очень показательными оказываются названия трех заключительных групп объясняемых русских слов в берлинско-краковском мануск-

рипте — *Vonn Seÿdenn gewandt* (98), *Vonn allerleÿ farbenn* (98v), *Vonn Allerleÿ Lackenn* (99), т. е. реестр цветообозначений вновь оказывается после шелковых тканей, однако перед шерстяными, т. е. перед сукном.

Таким образом, как у Т. Шрове, так и у Т. Фенне «цветные» сюжеты их словарных разработок, предназначенных для ведения торговых дел, выступают не сами по себе, а лишь в неразрывной связи с названиями тканей, среди которых, судя по расположению соответствующих разделов, основным ориентиром для применения различных красок было и оставалось сукно. И эту предметную связь вопросов колористики никак нельзя упускать из виду и при анализе цветообозначений в Эльбингском словаре.

2. Реконструкция адъективных словосочетаний

2.0.1. Тематический раздел «*Weber Tuckoris*» E 454 'ткач' является уникальным в ЭС: в нем содержится 9 форм на *-an* (все это цветообозначения), место которых в системе прусского языка до сих пор остается предметом дискуссий.

Так, например, целую серию *kirsnan* 'черное' — *saligan* 'зеленое' (E 460–468) один из первых исследователей отнес к существительным — 'das Schwarz' — 'das Grün' (W. Burda, 1869), тогда как позже Р. Траутман считал их прилагательными (Trautmann 1910, 244, 336–465).

Последнего мнения придерживался также Я. Эндзелин, хотя и не без колебаний. И если в грамматической части своего «Прусского языка» он в общем относит к «формам среднего рода», в частности, «*kirsnan, sywan* и др.», указывая при этом на ЭС (Endzelīns 1943, 67), то в лексической сначала выражает свое сомнение относительно первых трех (по алфавиту) форм *gelatynan, golimban* и *kirsnan* «(именительный среднего рода?)» (Там же, 176–194), а затем и вовсе уклоняется от обсуждения темы о родовой принадлежности остающихся шести прилагательных *cucan* — *wormyan* (Там же, 198–277).

Что же касается авторов новейших словарей прусского языка, то В. Н. Топоров (Топоров 1984, 249) примыкает к позиции Я. Эндзелина [ср. «*cucan* 'коричневый'. Adj... видимо, Nom. Sg. n. (как и в других словах „цветового" микрословаря)»], тогда как В. Мажюлис резко отходит от нее, утверждая, что во всей серии *kirsnan* — *saligan* нужно говорить о наречиях (Mažiulis 1988, 344–345).

Очевидная противоречивость в оценке одних и тех же форм на *-an* требует более внимательного подхода ко всему контексту их употребления.

2.0.2. То обстоятельство, что в ЭС вслед за продукцией ткача даны общее название краски, а затем — после меры для ткани (локоть) — и перечень цветообозначений, целиком согласуется с характером выполнения соответствующих ремесел того времени. Ср.: «как кажется, красили у нас, как правило, уже вытканное сукно, а не пряжу. Ни разу мы не встречаем упоминания о крашеной пряже» (Mączak 1955, 100). Ср. «крашением сукна, реже полотна, первоначально занимались в общем сами ткачи; отдельные красильщики выступали только в больших сосредоточениях ткацких ремесел» (EHGP 1981, 165–166).

Следовательно, совмещение в одной тематической группе, с одной стороны, лексики ткача, а с другой — красильщика, как это имеет место в ЭС, является весьма органичным, так что и с такой точки зрения вряд ли целесообразно искать какое-то противоречие уже в самом факте сосуществования наименований тканей и цветообозначений последних.

2.0.1–2. С учетом всего сказанного выше возникает вопрос: если названия двух видов тканей — *pastowis* E 456 'laken' и *milan* E 455 'gewant' однозначно принадлежат к именам существительным соответственно мужского и среднего рода, то не определило ли это и родовой дифференциации цветообозначений: с одной стороны, *gaylis* E 459 'белый', а с другой — *kirsnan* E 460 'черное' и т. д. вплоть до последней формы в такой серии *saligan* E 468 'зеленое'?

2.1.0.1. Переходя к немецко-прусскому соответствию *laken pastowis* E 456, прежде всего отметим, что оба эквивалентных термина ткачества обнаруживают полную типологическую общность в своей предыстории: если прусское слово как заимствование из польского языка в своем семантическом развитии прошло путь 'мера ткани' > 'вид ткани' (Levin 1974, 67), то точно таким же образом эволюционировала и первоначально нижненемецкая лексема *Laken*, связываемая с греч. **lak-na-* (или **lakana-*) 'кусок ткани' (Kluge 1995, 500).

2.1.0.2. Однако уже не внешние, а внутренние, собственно немецкие проблемы истории упомянутого термина ткачества побуждают нас обратиться к деловым памятникам, составленным на прусских территориях. И осуществлению этого весьма содействует то, что лексико-предметный указатель к «Большой служебной книге» Ордена имеет в своем составе статью «laken, lacken, Laken, Tuch» (т. е. в современном толковании 'простыня' и 'сукно').

Ориентируясь на приведенные там координаты — страницы и строки издания, мы вышли на тексты хозяйственных инвентарей, в которых общее число случаев употребления искомой лексемы *la(c)ken*, по нашим подсчетам, чуть превысило число 200. Вместе с тем предметом особого внимания для автора этих строк были сочетания названного существительного с прилагательными цвета.

2.1.0.3. Прежде всего, вне вопросов колористики укажем на два принципиально важных для нашего разыскания сюжета с адъективными словосочетаниями.

Так, при инвентаризации имущества в Оструде (ныне Оструда в Польше) в 1397 г. перед «сорока прусским щитами» (*40 prussche schilde*) были внесены в реестр и *2 geringe schone laken den prusschen konigen* (GÄB 1921/1968, 319), т. е. ‘два небольших [забегая наперед, переведем как] «светлых» сукна прусских королей’, что следует толковать, видимо, как дворян, поскольку Петр из Дусбурга в подобных случаях употреблял деминутивную форму *reguli* (Там же, 902) букв. ‘корольки, царьки’. Что же касается определения *schone*, то, скорее всего, здесь речь идет о термине, поскольку такое словосочетание *schone laken* еще несколько раз употреблено в инвентарях этой местности (Там же, 954). Ср. выделение среди красильщиков категории «красивых» (*Schönfärber*), окрашивающих ткани в светлые цвета, в отличие от «черных», делающих то же, но уже в темные тона (Herbst 1933, 130).

Вместе с тем более существенным в данном случае оказывается то, что если тот же автор «Хроники земли прусской», говоря об обычаях пруссов, отмечал, что их «женщины и мужчины привычны прясть, одни — лен, другие — шерсть, смотря по тому, как они могут задобрить своих богов» (Dusburgietis 1985, 89), то здесь уже речь идет о ткачестве, точнее — его продукте, который, как можно предполагать, вполне мог иметь именно прусское происхождение.

Что же касается собственно семантической стороны нем. *Laken* в его исторической ретроспективе, то в этом плане не может не обратить на себя внимания свидетельство в Рейне (округ Лётцен) под 1524 г.: *8 par flaexin lacken* ‘8 пар льняных простынь’ и *1 par flaexin lacken hot Bertold* (GÄB 1921/68, 204); (последняя запись выделена курсивом в публикации. — *А. Н.*), т. е. ‘1 пару льняных простынь имеет Бертольд’. Ср. в Мемеле (ныне Клайпеда в Литве) под 1434 г. зафиксировано *90 ellen flechsener lynwat* (Там же, 304), т. е. ‘90 локтей льняного полотна’, причем название льна здесь представлено дважды: *Flachs* и *Lein* в *Leinwand*.

2.1.1. В целом интересующая нас лексема выступает в двух типичных разделах инвентарей: 1) если речь идет об описании спальных комнат, когда, как правило, счет *la(c)ken* ведется на количество пар и 2) при характеристике хранящихся тканей, предназначенных для шитья того или иного вида одежды. Так, например, в Данциге (ныне Гданьск в Польше) под 1422 г. было запротоколировано наличие *2 halbe engelische weyse laken den herren czu winterhosen* (Там же, 702), т. е. ‘двух половин (здесь — мера) английского белого сукна для зимних брюк господ’, а еще раньше в Меве (ныне Гнев в Польше) под 1407 г. «ревизоры» отметили *17 laken grob den dynern czu wintergewande* (Там же, 741), т. е. ‘17 грубых сукон для зимней одежды слуг’.

2.1.2. Однако в собрании инвентарей Ордена слово *la(c)ken* привлекло наше внимание отнюдь не в плане решения вопроса, где заканчивается ‘простыня’ и начинается ‘сукно’, — такой задачи перед собой мы и не ставили. Нашей целью было совершенно другое, а именно: независимо от того, что́ в каждом отдельном случае обозначает название ткани, определить состав тех цветовых имен прилагательных, с которыми сочетается обсуждаемая нами лексема на 774 страницах публикации документов Ордена! Иными словами, как соотносятся цветообозначения «Большой служебной книги Немецкого ордена», с одной стороны, и Эльбингского словаря — с другой, если первые, несомненно, а вторые вполне возможно выступают в адъективных словосочетаниях с общим для них названием ткани *laken*? Это важно уже потому, что анализ совокупности контекстов является самым объективным способом определения семантики исследуемой лексемы в режиме, независимом от любого словаря.

2.1.3. Для решения поставленной задачи нами были проведены подсчеты общего числа тех цветовых адъективов, которые в текстах Ордена выступают в сочетаниях с *la(c)ken*. Полученные результаты теперь проставим против цветообозначений из немецкой колонки Эльбингского словаря.

Табл. 1. Цветообозначения в Эльбингском словаре и адъективы цвета + *la(c)ken* в «Большой книге» Ордена

Семантическое определение форм	**Эльбингский словарь**	**«Большая книга» Ордена**
	Реестр цветообозначений	Адъективы цвета + *la(c)ken*
‘белый’	wyes	**66**
‘черный’	swarcz	**3**
‘серый’	grow	**39**
‘синий’	blow	**2**
‘красный’	rot	**3**
‘желтый’	gel	**0**
‘коричневый’	brun	**0**
‘пестрый’	gemenget	**0**
‘полосатый’	gestreift	**0**
‘зеленый’	grune	**0**

Как видим, в сочетаниях с названием ткани *la(c)ken* в текстах орденских документов прослеживается абсолютное преобладание белого (66) и серого (39) цветов. Ср. в инвентаре из уже упомянутого Меве от 1399 г. отмечено «*21 laken selbfar gro und wys off den wynter*» (GÄB 1921/1968, 737), т. е. ‘21 сукно естественного цвета серое и бе-

лое на зиму'. Сказанное означает, что наиболее часто встречающимся адъективным словосочетанием в хозяйственных памятниках Ордена является — в формах Эльбингского словаря — нем. *wyes laken* (E 459+456). Стало быть, мы получаем весьма основательную не только типологическую, но и лингвогеографическую поддержку для того, чтобы считать согласование в мужском роде обеих форм прус. **gaylis pastowis* (E 459+456) отнюдь не случайным, а, напротив, вполне закономерным явлением, восстанавливаемым в тексте ЭС.

2.2. Если приведенный нами «статистический» аргумент в пользу реконструкции словосочетания **gaylis pastowis* как прямого соответствия наиболее частотной адъективной конструкции (в формах ЭС) *wyes laken* является корректным, тогда путем простейшего вычитания из общего перечня цветообозначений Эльбингского словаря мы получаем в свое распоряжение целую серию остальных колористических реконструкций, ориентированных на средний род: 9 адъективно-субстантивных пар, начиная от **kirsnan milan* (E 460+455) и заканчивая **saligan milan* (E 468+455).

Предложенное прочтение цветообозначений в контексте тематической группы «*Weber Tuckoris*», даже если бы оно показалось несколько рискованным для интерпретации скрытых особенностей Эльбингского словаря, все же, видимо, можно считать «беспроигрышным» для учения о прусском языке: реконструированные словосочетания, в которых в данном случае не исправлено ни единой буквы, как кажется, не вступают в противоречие ни с лингвистикой, ни с «экстралингвистикой».

Что касается последней, то здесь при решении вопроса о характере тканей, названных в Эльбингском словаре, следует иметь в виду, что в ткачестве «шерсть вообще стали использовать... позже, чем растительное волокно» (Трубачев 1966, 81), так что даже нити, выпрядаемые из различных типов волокна — растительного и животного, например, в ремесленной терминологии славян, получили различные наименования (Там же, 101). Об этом нельзя забывать и при рассмотрении проблемы цветообозначений в древнейшем лексикографическом памятнике балтийских языков.

Искомое в переводимых немецких формах противопоставление полотно — сукно, если следовать за Р. Траутманом, приравнявшим *gewant* E 455 к вост.-прус. *want* 'grobes Tuch' (Trautmann 1910, 378), можно усматривать в постпрусской лексической паре «*Laken* n.: 'Bettlaken'» (PrWb 3, 752), т. е. 'простыня' и «*Wand* m. n.: 'Tuch, grober Wollstoff'» (Ibid. 6, 525), т. е. 'толстая шерстяная ткань'. Н.-нем. *Laken*, но уже с «передвинутым» согласным (*k* > *ch*) выступает и в составе двух сложений тематической группы «Портной» — *lylach* E 491 и

badelach E 495, первые компоненты которых ('льняное' и 'купальное') еще раз подтверждают значение 'полотно'. При этом соотношением форм *Laken* и *-lach* ЭС органично входит в общенемецкий контекст (см. Schützeichel 1964, 211–213).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Лихачев 1983 — *Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Изд. второе. Л., 1983.

Топоров 1984 — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. K–L. M., 1984.

Трубачев 1966 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Dusburgietis 1985 — *Dusburgietis P.* Prūsijos žemės kronika. Vilnius, 1985.

EHGP 1981 — Encyklopedia historii gospodarczej Polski do 1945 roku. A–N. Warszawa, 1981.

Endzelīns 1943 — *Endzelīns J.* Senprūšu valoda. Rīga, 1943.

Fenne 1961–1986 — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Copenhagen, 1961–1986. Vol. I–IV.

GÄB 1921/1968 — Das grosse Ämterbuch des Deutschen Ordens. Wiesbaden, 1921/1968.

Herbst 1933 — Herbst St. Toruńskie cechy rzemieślnicze. Zarys przeszłości. Toruń, 1933.

Kluge 1995 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearbeitet von E. Seebold. 23. erweiterte Auflage. Berlin, New York, 1995.

Levin 1974 — *Levin J. F.* The Slavic Element in the Old Prussian Elbing Vocabulary. Berkeley; Los Angeles; London, 1974.

Mancelius 1929 — *Mancelius G.* Phraseologia Lettica. Riga, 1638 // Altlettische Sprachdenkmäler in Faksimiledrucken herausgegeben von A. Günther. Heidelberg, 1929. Bd. 2.

Mažiulis 1988 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988. I.

Mączak — *Mączak A.* Sukiennictwo wielkopolskie XIV–XVII wiek. Warszawa, 1955.

PrWb — Preussisches Wörterbuch. Deutsche Mundarten Ost- und Westpreusens. Neumünster, 1989. Bd. 3; 2000. Bd. 6.

Schroue 1992–1997 — «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Kraków, 1992–1997. Cz. I–II.

Schützeichel 1964 — *Schützeichel R.* Unter Fettenhennen. Zur Geschichte unverschobener Wortformen im hochdeutschen Raum // Festschrift Josef Quint. Bonn, 1964.

Trautmann 1910 — *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ [1]

Балтийские языки (и особенно — литовский язык), как известно, отличаются исключительным архаизмом. Это послужило основанием для появления идей о балтийском «эпицентре» индоевропейских языков, а также о том, что славянские языки возникли в результате отпочкования от какого-то периферийного западнобалтийского диалекта. Последняя гипотеза представляется неправдоподобной уже в силу того, что имеется большое количество славянских фонетических, морфологических и лексических явлений, которых нет в балтийских языках, но которые имеют надежные соответствия в других индоевропейских языках.

Поскольку балтийские языки сохранили значительно более архаичную структуру сравнительно с языками славянскими, *теоретически* — именно в структурном отношении — славянские формы во многих случаях можно «вывести» из форм балтийских, но, обычно, не наоборот: лит. *ûdra* — рус. *выдра, raĩkai* — ст.-слав. *ржцѣ, lankà* — *лука* (фонетический аспект); *saldùs* — *сладъкъ, lòva* — *лавка, avìs* — *овьца* и др. (словообразовательный аспект); *baisùs* — *бѣсъ, aũti, aũtas* — *онуча, renkù, rankà* — *рука* и др. (семантический аспект).

Во всех этих случаях мы имеем дело не с заимствованиями [2], а с исконно родственной лексикой. Поскольку сравнительно со славянскими языками, которые претерпели значительные фонетические и иные изменения, балтийские языки сохранили более архаичные формы, может возникнуть иллюзия, что славянские языки якобы «произошли» из языков балтийских.

Исключительно тесные генетические связи между балтийскими и славянскими языками позволяют опираться на данные балтийских языков при реконструкции фонетических и словообразовательных изменений, происшедших не только в отдельных словах, но и при восстановлении истории целых грамматических категорий. Например, хорошо известно, что в славянских языках исчезли древние индоевропейские прилагательные с *-u*-основой. Это произошло в результате присоединения к *-u*-основе суффиксального *-k-* и флексии *-e-/-o*-склонения [3]. Этот факт обычно иллюстрируется двумя-тремя «хрестоматийными» примерами типа лит. *saldùs, glodùs* — ст.-слав. *сладъкъ, гладъкъ*. Между тем вытеснение славянских прилагательных с *-u*-основой вторичными образованиями на -(ъ)къ подтверждается многими десятками литовско-славянских соответствий — таких, как *metùs* — *метъкъ, ėdùs* — *ѣдъкъ* и др. (см. Откупщиков 1983) [4].

Данные балтийских языков имеют важное значение не только для славянских реконструкций. Пользуясь материалами литовского, латышского и древнепрусского языков, можно пополнить, а иногда и по-новому осветить целый ряд фактов из исторической фонетики, морфологии и словообразования, например, латинского языка. Так, арх. лат. *deivos* 'бог' в текстах классической эпохи изменилось в *dīvus* и *deus*. Обычно принято считать, что последняя форма явилась результатом выпадения *v* в интервокальной позиции. Но в процессе фонетического изменения *deivos* > **dḗv̂os* > *dīvus* промежуточная форма изменилась также и в *deus*, но не в результате выпадения *v*, а вследствие синкопы *o* (подробнее см. Откупщиков 1997). Таким образом, хотя лат. *dīvus* и *deus* восходят к одному и тому же слову *deivos*, однако одно из них не подверглось синкопированию, а другое подверглось — подобно тому, как лит. *diẽvas* и лтш. *dìevs* или др.-прус. *deiwas* и *deiws*. К сожалению, специалисты по исторической грамматике латинского языка редко обращаются к материалу балтийских языков.

В сравнительно недавно найденной архаической латинской надписи из Сатрика была засвидетельствована флексия Gen. Sing. *e/o*-основ (латинское II склонение) *-osio*, которая ни разу не встречалась в многочисленных ранее обнаруженных латинских текстах, но которая хорошо известна в ряде других индоевропейских языков. По поводу происхождения этой флексии было предложено немало разных гипотез (см. Откупщиков 1987). И вновь, как и в ряде других случаев, были проигно-

[1] В основном приводятся материалы литовского, русского и латинского языков.

[2] Хотя Н. И. Толстой, вслед за Я. Розвадовским, допускал, что слово *рука* было заимствовано из литовского языка: Толстой 1969, 47.

[3] Кстати, индоевропейская древность самой модели этого процесса подтверждается материалом древнеиндийского и (реже) древнегреческого языка. Ср. др.-инд. *tanúṣ* → *tánukaṣ* 'тонкий' (др.-рус. *тънъкъ*), др.-греч. **ἅλυς* (ср. гидроним Ἅλυς) → ἁλυκός 'соленый' (рус. *солкий*).

[4] Поздняя фиксация некоторых литовских или русских прилагательных еще не говорит о том, что это новообразования. Кроме того, по модели, несомненно возникшей еще в индоевропейскую эпоху, могли быть сформированы сравнительно более поздние прилагательные на -ъкъ. Но то, что они были образованы от более древних прилагательных с *-u*-основой, подтверждается наличием именно таких прилагательных в литовском языке.

рированы материалы балтийских языков. Хорошо известно, что флексия Nom. Pl. того же склонения *e/o*-основ в ряде индоевропейских языков имеет местоименное происхождение (и.-е. **-oi*): др.-греч. *λύκ-οι*, ст.-слав. *вльц-и* (*-и* < *-oi*; *ц* < *к* — палатализация перед дифтонгом *oi*), лат. *lup-ī* (монофтонгизация: **-oi* > *-ei* > *-ī*), лит. *vilk-ai*. Эта флексия местоименного происхождения сначала проникла в прилагательные, которые, в свою очередь, оказали большое влияние на склонение существительных. Местоименное происхождение латинской (resp. индоевропейской) флексии *-osio* четко проясняется при сопоставлении форм Gen. Sing. в древнепрусском (*deiw-as*) и древнеиндийском (*dev-as-ya*) языках. Подобного рода параллели мы находим и при сравнении форм склонения кратких и местоименных прилагательных литовского языка. Например, *ger-ų̃* и *ger-ų̃-jų* (Gen. Pl.), *ger-aĩs* и *ger-aĩs-iais* (m., Instr. Pl.), *ger-õs* и *ger-õs-ios* (f., Gen. Sing.), *gẽr-ą* и *gẽr-ą-ją* (f., Acc. Sing.) и др. Следовательно, и здесь факты балтийских языков проливают свет на происхождение индоевропейской (и латинской) флексии Gen. Sing. *-osio* — как на простую флексию **-os* (др.-прус. *deiw-as*), осложненную местоименной основой **-jo-* (др.-инд. *dev-as-ya*).

По закону Лахмана, у латинских причастий на *-tos* (*-tus*), образованных от глаголов со звонким смычным в исходе корня, этот звонкий смычный оглушается перед *t*, а корневой гласный удлиняется: *ăgo*, но *āctus*, *lĕgo*, но *lēctus* и др. Однако подобное изменение не происходило в других индоевропейских языках (ср. др.-греч. ἀκτός, λεκτός), а также у некоторых латинских причастий (*strĭctus*, *sĕssus*). В индоевропейских языках существовало два наиболее распространенных суффикса отглагольных прилагательных: *-n-* и *-t-*. При формировании системы причастий некоторые индоевропейские языки использовали отглагольные прилагательные, образованные с помощью того и другого суффикса (например, древнеиндийский, германские и славянские языки). В латинском языке произошла унификация системы причастий, и всюду отглагольные прилагательные с суффиксом *-n-* были вытеснены новообразованиями с суффиксом *-t-*. Поскольку эти новообразования возникли только в латинском языке, при оглушении звонкого смычного в корне (перед *t*) только здесь, в отличие от других индоевропейских языков, произошло удлинение корневого гласного. А у тех причастий, которые восходят к древнеиндоевропейским отглагольным прилагательным с исконным суффиксом *-t-*, этого удлинения корневого гласного не было (см.: Откупщиков 1967, гл. I, а также Откупщиков 1984).

Это объяснение, которое было предложено мною более сорока лет тому назад, можно дополнить сравнительным анализом формирования причастий претерита страдательного залога в латинском и литовском языках. В том и другом языке из системы причастий были

последовательно устранены все образования с суффиксом *-n-*. Этот процесс можно проиллюстрировать даже на примере с генетически родственными словами: лат. *plē-n-us* = лит. *pìl-n-as* 'полный' (отглагольное прилагательное), но лат. *im-plē-t-us* = лит. *į-pìl-t-as* 'наполненный' (причастие). Следовательно, факты литовского языка подтверждают, что в процессе формирования латинских причастий перфекта, в процессе их унификации имели место случаи вытеснения производных с суффиксом *-n-* новообразованиями с суффиксом *-t-*. А именно этот тезис является основным в предложенном автором настоящей статьи новом объяснении причин действия закона Лахмана.

Таким образом, удлинение корневого гласного, например, в случае *ăgo* — *āctus* позволяет утверждать, что в латинском языке до формирования системы причастий перфекта существовало отглагольное прилагательное **agnos*. И опять эта внутренняя реконструкция, базирующаяся на изложенной выше интерпретации закона Лахмана, находит свое подтверждение в литовском (а также кельтском) языке. Еще в XIX в. древнеирландское слово *án* 'быстрый' было возведено к **agnos* и объяснено как отглагольное прилагательное, родственное латинскому глаголу *agere* 'гнать' (Strachan 1894, 7)[5]. Сюда же следует отнести также лит. *agnùs* 'быстрый, подвижный, энергичный' и др.[6].

Большое количество балто-фракийских ономастических изоглосс, которые были опубликованы в работах И. Дуриданова, В. Н. Топорова и других исследователей, позволяет этимологизировать фракийские имена собственные, опираясь на балтийскую апеллятивную лексику. Дело в том, что фракийский язык относится к числу так называемых «ономастических» языков, то есть нам известно большое количество фракийских имен собственных, но фракийская апеллятивная лексика практически нам почти совсем неизвестна. Наличие значительного числа балто-фракийских изоглосс в области ономастической лексики, а также огромного балтийского апеллятивного материала позволяет пролить достаточно надежный свет на этимологию многих фракийских ономастических образований[7]. Например, фракийский

[5] Семантически ср. рус. *гнать* корову и *гнать* машину, *гонки*, рус. диал. *гонкий* 'быстрый', а также, например, англ. *to drive*, нем. *treiben* 'гнать', но *drive*, *Treiberei* 'спешка' и т. п.

[6] Об этимологии этого слова см. Откупщиков 1961. Показательно, что те же значения 'быстрый, подвижный, энергичный' имеет в говорах русского языка производное глагола *гнать* – *гонкий* (см. СРНГ 7, 7). Недавно такое же объяснение этимологии лит. *agnùs* принял В. Мажюлис (см.: Mažiulis 1988, 50).

[7] Некоторые примеры (со ссылками на работы И. Дуриданова) см. в: Откупщиков 2001.

гидроним *Μάργος* (совр. *Morava*) В. Георгиев пытался сопоставить с лат. *margo, marginis* 'край, граница' (Georgiev 1981, 352), интерпретируя его как 'пограничная река'. Однако среди италийских (да и не только италийских) гидронимов нет ни одного, этимологически связанного с лат. *margo*. С учетом бесспорного наличия значительного числа балто-фракийских ономастических изоглосс будет гораздо надежнее сопоставить фрак. *Μάργος* с литовскими гидронимами оз. *Márgas* и р. *Mařg-upis*, а также лтш. р. *Mařgas-leja* (к лит. *mařgas* 'пестрый'). Фракийские этнонимы тотемного происхождения *Βέβρυκες* и *Γόνδραι*, несомненно, связаны с лит. *bebriùkai* 'бобрики' и *gañdrai* 'аисты' (сопоставление, предложенное еще в XIX в. В. Томашеком).

Подобного рода примеров можно привести и значительно больше — как из упомянутых, так и из других индоевропейских языков. Все это позволяет утверждать, что и индоевропеистам, и специалистам по истории отдельных индоевропейских языков необходимо шире пользоваться в своих исследованиях данными балтийских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Откупщиков 1961 — *Откупщиков Ю. В.* К этимологии литовского *agnùs* // Ученые записки Ленинградского университета. 1961. Сер. филолог. наук. Вып. 60. № 301 (= *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 216–209).

Откупщиков 1967 — *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967. 2-е изд. М., СПб., 2005.

Откупщиков 1983 — *Откупщиков Ю. В.* Балтийские и славянские прилагательные с *-u*-основой // Baltistica. 1983. T. XIX (1) (= *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora. СПб., 2001. С. 346–361).

Откупщиков 1984 — *Откупщиков Ю. В.* Закон Лахмана в свете индоевропейских данных (гипотезы и факты) // Вопросы языкознания. 1984. № 2 (= *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora. СПб., 2001. С. 261–272).

Откупщиков 1987 — *Откупщиков Ю. В.* Латинская флексия *-osio* в Gen. Sing. *e/o*-основ // Язык и стиль памятников античной литературы. Л., 1987 (сер. Philologia classica. Вып. III) (= *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora. СПб., 2001. С. 279–283).

Откупщиков 1997 — *Откупщиков Ю. В.* Лат. *divus* и *deus* // ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. Сер. Philologia classica. Вып. V. СПб., 1997. (= *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 247–255).

Откупщиков 2001 — *Откупщиков Ю. В.* Балто-балканские ономастические изоглоссы // *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora. СПб., 2001. С. 366–368.

СРНГ 7 — Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972.

Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* (Ответы на анкету) // Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. Мінск, 1969.

Georgiev 1981 — *Georgiev V.* Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981.

Mažiulis 1988 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988. T. I.

Strachan 1894 — *Strachan J.* The Compensatory Lengthening of Vowels in Irish // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1894. Bd. 20.

В. А. ДЫБО

ПОРОЖДЕНИЕ АКЦЕНТНЫХ ТИПОВ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН В БАЛТИЙСКОМ

Как было замечено уже Ф. де Соссюром, в системе литовского словообразования действуют два принципа выбора (порождения) акцентных типов[1].

Один, который мы называем категориальным, заключается в том, что акцентный тип производного полностью определен словообразовательным, или морфологическим, типом производного (словообразовательным суффиксом или словообразовательной моделью). У большого количества словообразовательных типов этот принцип явно вторичен, а так как тенденция его расширения отчетливо проступает во всей истории литовского языка, то трудно назвать словообразовательный тип, в котором первичность этого способа выбора акцента нельзя было бы поставить под сомнение.

Другой принцип выбора акцентных типов заключается в том, что акцентный тип производного выбирается в связи с акцентной парадигмой производящего. При этом могут быть как просодические, так и не просодические факторы, которые определенным образом модифицируют данный выбор. Этот принцип выбора акцентных типов производных мы называем вторым принципом парадигматического акцента. (Непроизводным в языках с парадигматическим акцентом присущи два или несколько акцентных типов — акцентных парадигм (а. п.), выбор которых традиционен, т. е. каждая непроизводная основа имеет одну из этих а. п., которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Эта особенность языков с таким типом организации ударения называется первым принципом парадигматического акцента).

Имеются два источника, позволяющие реконструировать наиболее раннее состояние системы выбора (порождения) акцентных типов производных, которое можно назвать пралитовским или прабалтийским. Это материал древнелитовских акцентуированных текстов (в первую очередь текстов Н. Даукши[2]) и наиболее описанных диалектов

[1] *Ф. де Соссюр.* Труды по языкознанию. М., 1977, с. 624–625.

[2] Самый большой из этих текстов, текст Постиллы Даукши, предлагает ряд загадок и трудностей. Дело в том, что в отношении языка и в особенности

(особенно Тверечюс). Перестройка, которой подвергается система порождения акцентных типов производных в истории литовского языка, довольно значительна. В современных диалектах сохраняются лишь фрагменты первичного состояния, но так как в разных диалектах эти фрагменты различны, и в то же время объединены единым принципом — «вторым принципом парадигматического акцента», то, изучив эти фрагменты и объединив их, мы получим достаточно большой фрагмент первоначальной системы, который хорошо верифицируется и дополняется материалом древнелитовских акцентуированных текстов.

Согласно «второму принципу парадигматического акцента» выбор акцентных типов в этом реконструированном фрагменте акцентной системы определяется двумя параметрами: акцентной парадигмой (а. п.) производящего и морфонологическим классом суффикса. Двум а. п. непроизводных: **1**-й а. п. (лит. 1-я и 2-я а. п.) и **2**-й а. п. (лит. 3-я и 4-я

в отношении акцентуационной системы языка он не является единым. Эту особенность акцентуации Н. Даукши замечали, но пытались объяснять смешанным характером его акцентной системы: он долго служил на территории жемайтских диалектов и их акцентная система наложидась на акцентную систему его родного аукштайского говора. Однако внимательное постраничное рассмотрение отображения акцентной системы в тексте Постиллы Даукши заставляет отказаться от этого объяснения: в нем нет равномерного смешения разнородных форм в какой-то количественной пропорции, а напротив, разные части текста демонстрируют существенно качественно различные фрагменты акцентных систем. Впервые это, по-видимому, было замечено В. М. Илличем-Свитычем, но так как он использовал лишь материал SkDA, явно не полный, ему не удалось получить надежное разбиение текста. Ч. Кудзиновский, работая над Indeks-Słownik'ом, натолкнулся на ряд орфографических и лексических различий, что заставило его выдвинуть предположение о нескольких переводчиках текста, см. Kudz. I: с. II–III. Судя по этому его тексту, он заметил изменение текста начиная с шестой сотни страниц, что приблизительно соответствует моему разбиению. Приблизительно с последних десятков страниц пятой сотни резко меняется акцентовка ряда лексико-морфологических категорий. Создается впечатление, что в создании акцентуации этого текста принимали участие по крайней мере два человека. Если мы предположим, что акцентовку текста осуществляли наборщики, то часть текста начиная приблизительно со с. 470–480 до конца книги мы можем назвать «зоной второго наборщика». Всю предшествующую часть книги мы можем рассматривать как «зону первого наборщика», в которой возможны фрагменты, в наборе которых участвовал второй наборщик, будем называть их «выбросами из зоны второго наборщика». Что касается Катехизиса Даукши, то в нем этой дихотомии не наблюдается.

а. п.)[3] — соответствовали три акцентных типа производных: тип А — неподвижное ударение на корне; тип В — неподвижное ударение на суффиксе; тип С — подвижное ударение (= **2**-й балтийской а. п.). Суффиксы делились на два морфонологических класса — I класс: *-išk-a-* (adj.), *-in-a-* (adj.), *-at-i-*, *-ast-i-*, *-ing-a-* (adj.), *-yst-a*, *-yb-a*, *pa-√-ė*, *pa-√-ỹ/ĩs*; II класс: *-el-is*, *-išk-is* (adj.), *-in-is* (adj.), *-esn-is* (adj., ср. ст.), *-um-a-*, *-at-a*, *-yst-ė*, *-inyk-a-*, *-yb-ė*, *-uot-a-*, *-(j)aus(j)-a-* (adj., прев. ст.). Выбор акцентного типа производился следующим образом: от основ **1**-й а. п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ **2**-й а. п. при суффиксах I класса — тип С, при суффиксах II класса — тип В:

Таблица 1

Класс суффикса	А. п. производящих основ	
	1	**2**
I	A	C
II	A	B

Примечание. Ниже при подаче материала использованы следующие сокращения:

D. — Н. Даукша (акцентные типы в основном были устанавлены мной по примерам, представленным в работе: *Skardžius P.* Daukšos akcentologija, Kaunas, 1935. В дальнейшем материал был пополнен по изданиям: Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926 [DP] и Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas. Vilnius, 1995 [DK] с указанием страницы и строки, на последнем этапе материал был максимально пополнен при помощи работы *Czesław Kudzinowski.* Indeks-słownik do «Daukšos postilė». T. I–II. Poznań, 1977 (Kudz.). Все примеры выверены по фототипическим изданиям.)

Tw. — материал из диалекта Тверечюс, приводится по работе: *Otrębski J.* Wschodniolitewskie narzecze twereckie, I, III. Kraków, 1934, 1932.

Šl. — материал из словаря: *Šlapelis J.* Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1940 (Antroji laida).

Юшк. — примеры из словаря: *Юшкевич А.* Литовский словарь, вып. I–III. СПб., 1904–1922.

Fr. — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, II. Göttingen, 1962, 1966.

Куршат [и К.] — примеры из диалекта Фр. Куршата.

[3] Реконструированное состояние относится к периоду до действия закона де Соссюра.

Не маркированные подобным образом примеры и примеры, специально не отмеченные, относятся к литовскому литературному языку.

Цифрами в скобках (1, 2, 3, 4) обозначены литовские акцентные парадигмы, отмечаемые в источнике; акцентуационные варианты приводятся через косую черту посредством или указания начальной словоформы с ее акцентной парадигмой, или лишь указания акцентной парадигмы варианта. Акцентные парадигмы современного нормативного литовского языка, если они отличаются от засвидетельствованных в источнике, приводятся через стрелку (→), если необходимо, таким же образом приводится начальная словоформа с указанием ее нормативной акцентной парадигмы. В подзаголовках разделов стрелка (→) связывает предполагаемый из системных соображений первичный акцентный тип с акцентным типом, реально засвидетельствованным.

Балтийские (пралитовские) реконструкции в таблицах совершенно условны, они максимально приближены к орфографической форме современного литовского слова. Пралитовские ударения обозначаются обычным способом: ´ — акут, ˜ — циркумфлекс, ` — краткостное ударение. Пралитовские безударные долготы в реконструкциях, отражающих состояние до действия закона де Соссюра и непосредственно после него до сокращения конечных долгот по закону Лескина, маркированы следующим образом: ˆ — акутовая безударная долгота, ˜ — циркумфлексовая безударная долгота, в ударных слогах знак долготы (˜) слоговые интонации не маркирует. Формы с ударением, передвинутым в результате действия закона де Соссюра и последовавших за ним процессов выравнивания, в таблицах подчеркнуты.

I. Суффиксы и конфиксы I класса

1. Суффикс *-išk-a-* adj. (D.)

Тип А (в D. 1-я а. п. → совр. 1-я а. п.)

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. **kū́niškas**, f. **-a** (1) 'телесный, плотский' [*kū́nišką* nom. sg. f. DP 467_{41}, *kûnnišką* nom. sg. f. DP 396_{20}; *kúnišką̃os* gen. sg. f. DP 199_{23}, *kûnišką̃os* gen. sg. f. DP 379_{40}, 424_{45}, 623_{2}, *kúnišką̃os* gen. sg. f. DK 106_{2}; *kúnišką̃i* nom. pl. m. DP 452_{37}, *kûnišką̃i* nom. pl. m. DP 275_{46}, *kûnišką̃i* nom. pl. m. DP 358_{15}; *kûnišką̃u* gen. pl. m. DP 276_{34}, 622_{9}, *kûnišą̃=|ku* gen. pl. m. DP 284_{24-25}, *kûnnišką̃u* gen. pl. m. DP 284_{26}, 365_{46}, *kū́nišą̃tu* (Sic!) gen. pl. m. DP 48_{32}, *kûnišką̃ú* gen. pl. m. DP 244_{5}, *kûnišką̃uiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 387_{14};

kûnißkų gen. pl. f. DP 99_{42}, 195_{35}, *kûnnißkų* gen. pl. f. DP 291_{26}; *kûnißkiemus* dat. pl. m. DP 71_{1}; *kúnißkais* instr. pl. m. DP 387_{40}, 482_{35}; *kûnißkomis* instr. pl. f. DP 99_{41}, 129_{13}, 255_{32}, 411_{37}, 534_{1}; *kûnißkůſę* loc. pl. m. DP 112_{40} (с отмеченным ритмическим ударением: *kunißkóſia* loc. pl. f. DP 477_{19}); не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *kûnißkas* nom. sg. m. DP 109_{17}, 216_{39}, 251_{26}, 255_{12}, 327_{10}, *kûn=|nißkas* nom. sg. m. DP 394_{26-27}, *kûnißkás* nom. sg. m. DP 54_{30} (с ритмическим ударением); *kúnißko* gen. sg. m. DP 75_{48}, *kûnißko* gen. sg. m. DP 398_{3}, 612_{26}, *kûni=|ßko* gen. sg. m. DP 103_{30-31}, *kûníßko* gen. sg. m. DP 46_{17}; *kúnißką* acc. sg. m. DP 449_{38}, *kúnißką* acc. sg. m. DP 55_{51}, *kûnißką* acc. sg. m. DP 255_{7}; *kûnißką* acc. sg. f. DP 550_{36}; *kûnißku* instr. sg. m. DP 180_{39}, 185_{22}, *kûnißkù* instr. sg. m. DP 255_{12} (с ритмическим ударением), *kûnißka* instr. sg. f. DP 111_{23}; *kúnißkus* acc. pl. m. DP 463_{3}, *kûnißkus* acc. pl. m. DP 533_{47}] ~ ***kū́nas***, pl. ***-ai*** (1) 'тело'.

2. **vĩriškas**, f. **-a** (1) 'мужской' [*wîrißkos* gen. sg. f. DP 261_{42}, 424_{43}, 613_{44}; *wîrißkoi'* loc. sg. f. DP 141_{50}; *wîriß=|kofe* loc. pl. f. DP 259_{40-41}, *wîrißkofę* loc. pl. f. DP 95_{10}, *wîrißkoffe* loc. sg. f. DP 555_{34}; *wîrißkų* gen. du. m. DP 73_{34}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *wîrißkas* nom. sg. m. DP 426_{34}, *wîríßkas* nom. sg. m. DP 162_{18}; *wîrißko* gen. sg. m. DP 427_{31}, 427_{39}, *wîrißko* gen. sg. m. DP 46_{18}; *wîrißką* acc. sg. m. DP 528_{30}, 565_{39}, 600_{12}] ~ ***výras***, pl. ***-ai*** (1) 'мужчина, муж'.

3. **gẽdiškas**, f. **-a** (1) 'постыдный, позорный; мерзкий' [*Gédißka* nom. sg. f. DP 176_{39}; *gédißkoi* loc. sg. f. DP 174_{30}; *gédißki* nom. pl. m. DP 190_{44}; *gédißkų* gen. pl. m. DP 161_{16}, 307_{23}, *gêdißkų* gen. pl. m. DP 109_{24}; *gédißkų* gen. pl. f. DP 307_{26}, *gêdißkų* gen. pl. f. DP 99_{42}, *gêdißkų* gen. pl. f. DK 85_{15}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *gédißkas* nom. sg. m. DP 562_{39}, *gêdißkas* nom. sg. m. DP 169_{36}; *gédißką* acc. sg. m. DP $167b_{34}$; *gédißkas* acc. pl. f. DP 321_{25}] ~ ***gẽda***, gen. sg. ***-ōs*** (1) 'стыд, позор'.

4. **mõteriškas**, f. **-a** (1) 'женский' [*môterißkos* gen. sg. f. DP 398_{6}; *môtęrißkoi'* loc. sg. f. DP 141_{50}; *mótęrißkamp̀* adess. sg. m. DP 472_{50}; *móterißkůſia* loc. pl. m. DP 70_{20}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *mótęrißkas* nom. sg. m. DP 162_{18}, 472_{54}; *móterißko* gen. sg. m. DP 70_{14}, 601_{35}, *mótęrißko* gen. sg. m. DP 46_{18}, 52_{49}, 439_{13}, bis, 472_{51}, *môterißko* gen. sg. m. DP 194_{1}, *mótérißko* gen. sg. m. DP 162_{14}; *móterißką* acc. sg. m. DP 528_{30}] ~ ***mótė***, gen. sg. ***-er(e)s*** (1) 'жена, женщина'.

5. **brõliškas**, f. **-a** (1) 'братский' [*brólißkoie* loc. pl. f. DP 379_{4}; не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *brôlißka* instr. sg. f. DP 377_{33}] ~ ***brólis***, pl. ***-iai*** (1) 'брат, братия, ближний'.

6. **svíetiškas**, f. **-a** (1 → 1/3) 'светский, мирской' [*ſwiétißkos* gen. sg. f. DP 3_{53}, *ßwiétißkos* gen. sg. f. 365_{48}; *ſwiétißkieii* nom. pl. m. чл. ф. DP 365_{37}; *ſwiétißkų* gen. pl. m. DP 135_{18}, *ſwiétißkų* gen. pl. m. DP 415_{5}, 574_{18}, *ſwiétißku* gen. pl. m. DP 24_{46}, *ßwietißku* gen. pl. m. DP 34_{19}, *ßwietißku* gen. pl. m. DP 206_{20}; *ſw[i]etißkiemus* (?) dat. pl. m. DP 336_{4}; *ſwiétißkais* instr. pl. m. DP 489_{27}, *ſwiétißkůſia* loc. pl. m. DP 26_{46}; (вероятно, с отмеченным ритмическим ударением: *ſwietißkų* gen. pl. m. DP 244_{5}); не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *ſwiétißkas* nom. sg. m. DP 413_{40}; *ſwiétißko* gen. sg. m. DP 100_{22}, 388_{43}, *ſwiétißko* gen. sg. m. DP 101_{18}, *ßwiétißko* gen. sg. m. DP 101_{33}; *ſwiétißkai* dat. sg. f. DP 284_{36}, *ſwietißkai* dat. sg. f. DP 75_{43}; *ſwiétißką* acc. sg. m. DP 366_{31}, *ßwiétißką* acc. sg. m. DP 19_{41}; *ſwiétißkus* acc. pl. m. DP 208_{23}, 380_{22}, *ſwiétißkus* acc. pl. m. DP 100_{26}, 130_{3}, *ßwiétißkus* acc. pl. m. DP 191_{35}; *ſwietißkas* acc. pl. f. DP 340_{2}; *ßwiétißkos* voc. pl. f. DP 424_{42}] ~ ****svíetas***, pl. ***-ai*** [1: instr. sg. *ſwîetu* DP 95_{34} → 1, LKŽ XIV, 346–348: *svíetas* (1, по Rtr, Š, NdŽ, KŽ) и *sviẽtas* (2, по NdŽ, диал. Ign, Lkm), но К. Буга отрицал вторую форму: «в литовском вопреки Ильинскому нужно писать не **sviẽtas*, а *svíetas* (Изв XVII, 1 7, Куршат и все известные мне говоры)» Būga RR I, 584; ср. еще лит. диал. (Šl. 501) *svíetas* = pasáulis, но (Tw.) *śviẽtas* (Otręb. III, 54) 'свет, мир' (т. е. локализация *sviẽtas* (2) оказывается ограниченной восточнолитовским регионом диалектов района Игналины)].

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2-й и 1-й) акцентной парадигмы.

1. **dvãsiškas**, f. **-a** (1) 'духовный' [*dwáſißka* nom. sg. f. DP 396_{22}, *Dwáſißká* nom. sg. f. (с ритмическим ударением) DP 203_{25}; *dwáſißkos* gen. sg. f. DP 396_{19}, *Dwáſißkos* gen. sg. f. DP 453_{50}, *dwâſißkos* gen. sg. f. DP 33_{5}, 34_{14}, 36_{52}; *Dwáſißkam'* dat. sg. m. DP 367_{16}; *dwâſißkame* loc. sg. m. DP 535_{13}; *dwáſißkoie* loc. sg. f. DP 134_{47}, *dwáſißkoię* loc. sg. f. DP 134_{37}; *dwáſißkoſp* allat. sg. f. DP 35_{29}; *dwáſißki* nom. pl. m. DP 128_{42}, 177_{26}, 379_{42}, *dwáſißkí* nom. pl. m. (с ритмическим ударением) DP 379_{38}, *dwáſißkieii* nom. pl. m. чл. ф. DP 321_{19}, 388_{32}; *dwáſißkų* gen. pl. m. DP 284_{25}, 308_{42}, *dwáſißku* gen. pl. m. DP 570_{10}, *dwâſißkų* gen. pl. m. DP 622_{9}, *Dwáſißkú* gen. pl. m. (с ритмическим ударением) DP 265_{16}, *dwáſißkú* gen. pl. m. (с ритмическим ударением) DP 284_{28}, *dwáſißkúiu* gen. pl. m. чл. ф. (с ритмическим ударением) DP 388_{1}; *dwáſißkų* gen. pl. f. DP 134_{20}, 267_{50}; *dwáſißkiemus* dat. pl. m. DP 336_{4}; *dwáſißkais* instr. pl. m. DP 308_{28}, 526_{22}, *dwâſißkais* instr. pl. m. DP 36_{40}, 615_{38}; *dwáſißkomis* instr. pl. f. DP 411_{37}; *dwâſißkůſę* loc. pl. m. DP 112_{49}, *dwáſißkůſiá* loc. pl. m. DP 27_{12}; *Dwáſißkump̀* allat. pl. m. DP 277_{31}, *dwáſißkump̀* allat. pl. m. DP 385_{22}; *dwáſißkai* adv. DP 26_{2}, 103_{4}, 228_{15},

321_{17}, 326_{42}, 373_{7}, *dwá|ſiſßkai* adv. DP 188^{2-3}, *Dwáſiſßkai* adv. DP 428_{29}, *dwáſiſßkai* adv. DP 318_{7}, *dwâſiſßkai* adv. DP 6_{17}, 24_{37}, 26_{8}, 188_{14}, 551_{9}, 577_{35}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *dwáſiſßkas* nom. sg. m. DP 98_{44}, 98_{47}, 109_{17}, 110_{19}, 239_{28}, 308_{44}, 322_{28}, 394_{26}, 423_{33}, 604_{28}, *dwáſî=|ßkas* nom. sg. m. DK 124_{3-4}, *dwâſiſßkas* nom. sg. m. DP 606_{23}, *dwáſi|ßkás* nom. sg. m. (с ритмическим ударением) DP 99_{2-3}; *dwáſiſßko* gen. sg. m. DP 75_{49}, 216_{30}, 288_{26}, 307_{28}, 307_{32}, 312_{42}, 382_{27}, 429_{31}, 469_{32}, *dwáſiſß=|ko* gen. sg. m. DP 424_{45-46}, *Dwáſiſßko* gen. sg. m. DP 573_{8}, *dwáſsiſßko* gen. sg. m. DK 107_{10}, *dwâſiſßko* gen. sg. m. DP 26_{5}; *dwâſiſßkai* dat. sg. f. DP 27_{15}; *dwáſiſßką* acc. sg. m. DP 135_{5}, 138_{17}, 251_{31}, 291_{46}, 324_{37}, *Dwáſiſßką* acc. sg. m. DP 325_{36}, 366_{31}, 367_{4}, 593_{43}, *dwâßiſką* (Sic!) acc. sg. m. DP 162_{23}, *dwâſiſßką* acc. sg. m. DP 553_{35}; *dwá=|ſiſßką* acc. sg. f. DP 385_{17-18}, *dwáſî=|ßką* acc. sg. f. DP 427_{11-12}, *dwâſiſßką* acc. sg. f. DP 56_{34}; *dwáſiſßka* nom.-acc. sg. neutr. DP 388_{39}; *dwáſiſßku* instr. sg. m. DP 112_{15}, 185_{22}, *Dwâſiſßku* instr. sg. m. DP 35_{25}; *dwá=|ſiſßka* instr. sg. f. DP 216_{39-40}; *dwáſiſßkos* nom. pl. f. DP 459_{47}; *dwáſiſßkus* acc. pl. m. DP 191_{35}, 208_{23}, 210_{4}, *Dwáſiſßkus* acc. pl. m. DP 463_{3}, *dwâſiſßkus* acc. pl. m. DP 74_{36}, *Dwâſiſßkus* acc. pl. m. DP 533_{47}, *dwáſiſßkůſius* acc. pl. m., чл. ф. DP 277_{51}; *dwáſiſßkas* acc. pl. f. DP 27_{4}, 268_{34}] ~ ***dvasià***, gen. sg. ***-ios*** (2) 'дух'.

2. **žẽmiškas**, f. **-a** (1) 'земной' [*ǯémiſßki* nom. pl. m. DP 216_{41}, *ǯêmiſßki* nom. pl. m. DP 181_{3}; *ǯémiſßkų* gen. pl. m. DP 24_{45}, *ǯę́miſßkų* gen. pl. m. DP 248_{7}, *ǯêmiſßkų* gen. pl. m. DP 216_{42}, 277_{50}, *ǯémiſkų* gen. pl. m. DP 247_{27}; *ǯémiſkais* instr. pl. m. DP 275_{36} (последний пример с отмеченным ритмическим ударением, по-видимому, только ритмическое ударение отмечено в случае: *ǯę́miſßkáṁ* dat. sg. m. DP 439_{45}); не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *ǯémiſkus* acc. pl. m. DP 452_{4}] ~ ***žẽmė***, gen. sg. ***-ės*** (2) 'земля'.

3. **žĩdiškas**, f. **-a** (1/3 → 1) 'еврейский' [*ǯîdiſßka* nom. sg. f. DP 294_{3}, *Ʒîdiſßka* nom. sg. f. DP 89_{40}, *ǯídiſßka* (?) nom. sg. f. DP 339_{35}; *ǯîdiſßkos* gen. sg. f. DP 293_{4}; *ǯîdiſßkų* gen. pl. m. DP 364_{8}; *ǯîdiſßkų* gen. pl. f. DP 382_{7}; *Ʒîdiſßkiemus* dat. pl. m. DP 203_{51}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *Ʒîdiſßko* gen. sg. m. DP 89_{45}, 167_{36}, 561_{17}, *ǯîdiſßką* acc. sg. m. DP 161_{45}, *Ʒîdiſßką* acc. sg. m. DP 573_{23}, *Ʒídiſßkus* acc. pl. m. DP 434_{22} (вероятно, ошибочно: *ǯidîſßka* acc. sg. f. DP 52_{22}) (по-видимому, ритмическое ударение отмечено в случае: *ǯydiſßkų́* gen. pl. f. DP 443_{25}, но, возможно, это вариант, связанный с подвижным вариантом производящего слова)] ~ ***žỹdas***, pl. ***-ai*** (2/4 → 2) 'еврей'.

4. **pãgõniškas**, f. **-a** (1 → *pagóniškas*, 1) 'языческий' [*páhoniſßkų* gen. pl. m. DP 94_{35}, 114_{20}, 430_{38}, *páhoni=|ſßkų* gen. pl. m. DP 436_{13-14}; *Páhoniſßkomis* instr. pl. f. DP 140_{3}; *páhoniſßkai* adv. DP 258_{9}; не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *páhoni=|ſßkas* nom. sg. m. DP 78_{10-11}] ~ **pãgõnis**, gen. pl. **-ių** 'язычник' [1-я а. п.: *páhonies* gen. sg. DP 70_{44}, *Páhonies* gen. sg. DP 70_{44}, *páhenies* (Sic!) gen. sg. DP 124_{12}; *Pągonimi* instr. sg. DP 6_{36}, *Páhonimi* instr. sg. DP 166_{5}, *páhonim* instr. sg. DP 76_{36}; *páhoniię* loc. sg. DP 77_{5}; *Pągonių* gen. pl. DP 3_{12} (Kudz.: *pagônų*), *páhonių* gen. pl. DP 39_{32}, 58_{23}, 77_{38}, 88_{13}, 90_{20}, 94_{35}, 115_{6}, 137_{38}, 181_{29}, 318_{21}, 326_{38}, 351_{23}, 365_{44}, 373_{35}, 424_{7}, 470_{26}, 474_{47}, 487_{48}, *Páhonių* gen. pl. DP 57_{6}, 60_{5}, 60_{11}, 78_{42}, 91_{11}, 91_{30}, 92_{9}, 94_{45}, 114_{10}, 128_{7}, 137_{49}, 323_{32}, 332_{47}, 352_{23}, 352_{28}, 430_{29}, 430_{49}, 466_{13}, 466_{31}, 584_{31}, 610_{31}, *Páhonių* gen. pl. DP 278_{8}, *páhoniu* gen. pl. DP 442_{32}, 443_{7}, *Pâhonių* gen. pl. DP 80_{27}, *pâhonių* gen. pl. DP 50_{25}, *pâhoniu* gen. pl. DP 169_{29}, *Páhonią* gen. pl. DP 430_{19}, 430_{20}, *páhoniú* gen. pl. DP 90_{27} (последние примеры с указанием ритмического ударения, ритмическое ударение с пропуском главного отмечено также в *pahoniú* gen. pl. DP 509_{47}); *Páhonimus* dat. pl. DP 56_{16}, 103_{27}, *Páhonimus* dat. pl. DP 102_{5}, *páhonimus* dat. pl. DP 58_{35}, 212_{4}, 265_{27}; *páhonimis* instr. pl. DP 70_{33}, 115_{28}, *Páhonimis* instr. pl. DP 62_{33}, *Pá=|honimis* instr. pl. DP 319_{19-20}, *pâhonimis* instr. pl. DP 70_{43}; *páhonisiąmṗ* adess. pl. DP 138_{1}, *Pá=|honisęmṗ* adess. pl. DP 267_{12-13}; *Páhoniumṗ* allat. pl. DP 114_{11}, 302_{37}; эту же акцентную кривую представляют формы: *Páhonis* nom. sg. DP 47_{13}, 114_{2}, 129_{36}, 181^{13}, 242_{22}, 324_{26}, *páhonis* nom. sg. DP 115_{41}, 181_{34}, 265_{30}, 356_{43}, 483_{39}; *Páhoni* dat. sg. DP 366_{26}; *páhoni* acc. sg. DP 115_{34}, 205_{8}, 284_{41}, *Páhoni* acc. sg. DP 110_{33}; *páhonis* nom. pl. DP 332_{48}, *Páhonis* nom. pl. DP 93_{35}, 125_{42}, 141_{15}, 195_{33}, 351_{39}, *Páho=|nis* nom. pl. DP 557_{22-23}, *Páhon[i]s* nom. pl. DP 59_{18}, *páhonis* nom. pl. DP 145_{28}, 336_{20}, *Páhonis* nom. pl. DP 20_{8}, 94_{51}, 115_{33}, 116_{2}, 120_{45}, 278_{26}, 318_{23}, 319_{36}, 323_{18}, 330_{14}, *pâhonis* nom. pl. DP 58_{28}, *Pâhonis* nom. pl. DP 56_{13}, 60_{12}, *pâhonis* nom. pl. DP 46_{15}, *páhonai* nom. pl. DP 35_{14}; *páhonis* acc. pl. DP 74_{8}, 90_{30}, $526a_{24}$, *pá=|honis* acc. pl. DP 126_{51-52}, *Páhonis* acc. pl. DP 226_{25}, 246_{42}, 252_{39}, 278_{21}, 284_{47}, *páhonis* acc. pl. DP 280_{18}, 352_{20}, *Páhonis* acc. pl. DP 352_{16}, *pâhonis* acc. pl. DP 153_{6}, *Pâ=|-honis* acc. pl. DP 61_{5-6} → *pagónis*, 1-я а. п.; эта акцентовка отмечается и в DP, но в основном в «зоне второго наборщика»: *pahóni* acc. sg. DP 536_{22}; *pagónis* nom. pl. DP 568_{9}, *pahónis* nom. pl. DP 530_{15}, *Pahónis* nom. pl. DP 558_{4}, *Pahônis* nom. pl. DP 533_{10}; *pahóniu* gen. pl. DP 572_{33}, *Pahóniu* gen. pl. DP 573_{27}; *pahónis* acc. pl. DP 572_{42}; *pagôniump'* allat. pl. DP 631_{96}; «выбросы» за пределы этой «зоны» редки и неоднозначны: *Pahóniu* gen. pl. DP 168_{43}, *páhóniu* gen. pl. DP 234_{16}).

5. **karãliškas**, f. **-a** (1) 'королевский' [*karâliſßka* nom. sg. f. DP 397_{33}; *karâliſßkos* gen. sg. f. DP 169_{41}; *karâliſßka=|me* loc. sg. m. DP 61_{50-50}a-62_{1}; *ka=|râliſßkų* gen. pl. m. DP 614_{53-54}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *karâliſßkas* nom. sg. m. DP 534_{47}; *karâliſßko* gen. sg. m. DP 425_{38}; *karâliſßką* acc. sg. m.

DP 586$_{24}$, *Karâlißkǫ* acc. sg. m. DP 586$_{35}$, *karâlißka* acc. sg. m. DP 4$_{12}$; *karâlißku* instr. sg. m. DP 290$_{10}$, *karâli=|ßku* instr. sg. m. DP 609$_{19-20}$] ~ **karãlius**, gen. pl. **karãlių** (2) 'король'.

Тип C (в D. 3-я а. п. → совр. 1-я а. п.)

а) От акутированных основ подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **sū́niškas**, f. **-à** (3^{a}/1 → 1) 'сыновий, сыновний' [*ſunißkós* gen. sg. f. DP 79$_{45}$ (отмечен также вариант 1-й а. п.: *ſûnißkos* gen. sg. f. DP 561$_{36}$, соответствующий такому же варианту производящего имени)] ~ ***sūnùs***, acc. sg. ***sū́nų*** (3/1 → 3) 'сын'.

2. **žmõgiškas**, f. **-à** (3^{a} → *žmõgiškas*, 1) 'человеческий' [*ȷmogißká* nom. sg. f. DP 467$_{42}$; *ȷmogißkós* gen. sg. f. DP 262$_{11}$, 378$_{4}$, 604$_{35}$; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *żmógißkǫ* acc. sg. m. DP 84$_{30}$, *żmôgißkǫ* acc. sg. f. DP 262$_{4}$, *żmógißka* instr. sg. f. DP 56$_{44}$, *żmógißkus* acc. pl. m. DP 347$_{19}$ (отмечен также вариант 1-й а. п.: *ȷmôgißkos* gen. sg. f. DP 581$_{20}$, *ȷmôgißkų* gen. pl. m. DP 104$_{2}$)] ~ **žmõgùs**, acc. sg. **žmõgų** 'человек' [3-я а. п.: *ȷmogús* nom. sg. DP 437$_{14}$, 626$_{1}$, *ȷmogús* nom. sg. DP 39$_{8}$, *ȷmôgús* nom. sg. DK 135$_{5}$; *ȷmogáus* gen. sg. DP 465$_{41}$, 469$_{31}$, DK 33$_{7}$, *ȷmogaús* gen. sg. DP 154$_{16}$, *ȷmogumí* instr. sg. DP 6$_{19}$] / [однако в обеих частях текста господствует 2-я а. п., **žmõgus** (полная выписка приводится лишь для формы nom. sg., маркированной акутом): *ȷmógus* nom. sg. DP 6$_{19}$, 7$_{52}$, 59$_{49}$, 74$_{12}$, 75$_{19}$, 75$_{54}$, 77$_{1}$, 77$_{47}$, 83$_{30}$, 93$_{40}$, 95$_{19}$, 98$_{5}$, 98$_{32}$, 106$_{44}$, 107$_{13}$, 111$_{19}$, 117$_{11}$, 119$_{7}$, 126$_{53}$, 128$_{2}$, 136$_{37}$, 164$_{24}$, 170$_{25}$, 170$_{27}$, 170$_{29}$, 170$_{38}$, 179$_{9}$, 181$_{36}$, 198$_{50}$, 199$_{7}$, 200$_{5}$, 207$_{8}$, 211$_{9}$, 242$_{28}$, 255$_{26}$, 264$_{29}$, 281$_{3}$, 281$_{4}$, 285$_{11}$, 285$_{46}$, 290$_{21}$, 298$_{36}$, 308$_{15}$, 312$_{11}$, 312$_{20}$, 315$_{27}$, 320$_{18}$, 320$_{28}$, 322$_{30}$, 324$_{28}$, 324$_{29}$, 325$_{19}$, 325$_{30}$, 325$_{34}$, 325$_{39}$, 325$_{41}$, 325$_{45}$, 329$_{20}$, 335$_{24}$, 335$_{43}$, 338$_{7}$, 339$_{2}$, 340$_{9}$, 341$_{25}$, 344$_{35}$, 344$_{38}$, 346$_{39}$, 347$_{3}$, 347$_{16}$, 349$_{17}$, bis, 349$_{38}$, 352$_{1}$, 363$_{8}$, 364$_{39}$, 365$_{27}$, 369$_{2}$, 369$_{10}$, 369$_{48}$, 369$_{52}$, 373$_{39}$, 381$_{18}$, 381$_{20}$, 382$_{8}$, 383$_{32}$, 387$_{35}$, 391$_{32}$, 404$_{1}$, 405$_{40}$, 411$_{21}$, 422$_{8}$, 429$_{19}$, 429$_{25}$, 429$_{26}$, 434$_{24}$, 451$_{36}$, 463$_{8}$, 463$_{9}$, bis, 463$_{12}$, 474$_{2}$, 477$_{39}$, 488$_{18}$, 490$_{13}$, 495$_{31}$, 496$_{33}$, 521$_{8}$, 522$_{1}$, 522$_{2}$, 549$_{46}$, 583$_{7}$, 604$_{36}$, DK 12$_{9}$, *ȷmó=|gus* nom. sg. DP 168$_{35-36}$, 170$_{18-19}$, 364$_{43-44}$, DK 34$_{17-18}$, *ȷmôgus* nom. sg. DK 95$_{14}$, 101$_{17}$, 111$_{10}$, 156$_{20}$, 162$_{3}$, *Зmôgus* nom. sg. DK 126$_{3}$, *ȷmógaus* gen. sg. DK 15$_{16}$, 29$_{3}$, *ȷmôgaus* gen. sg. DK 29$_{3}$, 108$_{18}$, 113$_{4}$, 177$_{4}$, *ȷmô|gaus* gen. sg. DK 108$_{5-6}$ → 4-я а. п. (в результате контаминации 3-й и 2-ой а. п.): совр. лит. *žmogùs*, acc. sg. *žmõgų* (4); лит. диал. *žmogùs* nom. sg., *-aũs*, acc. sg. *žmógų* (3) Šeštokaĩ, Dovỹdai (Joniškių vls.); лит. диал. *žmõgus* nom. sg., *-aus* (2): Raudėnai (Šiaulių r.), Paežeriaĩ (Šiaulių r.), Sintautaĩ (Šakių r.), Griškabūdis (Šakių r.), Jùrbarkas, Vaĩniai (Telšių r.), Eigiĩrdžiai (Telšių r.), Sedà (Mažeikių r.); Tverẽčius (Otręb. I, 244); Zietela (Ziet$_{1}$, 143)].

3. **žmõniškas**, f. **-à** (3^{a}) 'lodzki; człowieczy, człowieczeński' [*ȷmonißkų́* gen. pl. m. DP 90$_{16}$; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *ȷmónißkas* nom. sg. m. DP 536$_{42}$; *ȷmóniß=|ko* gen. sg. m. DP 403$_{49-50}$; *ȷmónißka* acc. sg. m. DP 312$_{48}$, *ȷmónißkǫ* acc. sg. m. DP 421$_{23}$, *ȷmónißkǫ́* acc. sg. m. DP 438$_{35}$ (с отмеченным ритмическим ударением); *ȷmónißku* instr. sg. m. DP 431$_{44}$, 367$_{18}$; *ȷmóniß-ka* instr. sg. f. DP 156$_{39}$, *ȷmônißka* instr. sg. f. DP 145$_{3}$] ~ **žmõnẽs** pl., gen. pl. **žmõnių** (3) [*ȷmónes* nom. pl. DP 7$_{23}$, 7$_{26}$, 7$_{37}$, 7$_{46}$, 8$_{7}$, 10$_{35}$, 11$_{12}$, 11$_{27}$, 11$_{28}$, 11$_{39}$, ..., 358$_{1}$, ..., 605$_{44}$, 606$_{47}$, 608$_{24}$, 611$_{29}$, 615$_{27}$, 619$_{19}$, 622$_{15}$ (168×), *ȷmóneś* nom. pl. DP 7$_{17}$, *ȷmónęs* nom. pl. DP 285$_{29}$, 290$_{21}$, 382$_{44}$, 484$_{46}$, *ȷmónęs* nom. pl. DP 282$_{44}$, 462$_{33}$, *ȷmónes* nom. pl. DP 33$_{40}$, 45$_{40}$, 336$_{48}$, *Зmónes* nom. pl. DP 351$_{39}$, *ȷmônes* nom. pl. DP 13$_{35}$, 24$_{17}$, 40$_{5}$, 49$_{26}$, 54$_{14}$, *ȷmôneś* nom. pl. DP 12$_{37}$,; *ȷmonių́* gen. pl. DP 7$_{4}$, 8$_{33}$, 8$_{34}$, 8$_{41}$, 8$_{47}$, 18$_{46}$, 28$_{11}$, 35$_{48}$, 35$_{49}$, 39$_{29}$, 42$_{40}$, 96$_{24}$, *ȷmo=|nių́* gen. pl. DP 80$_{30-31}$, 89$_{45-46}$, *ȷmo-nių́* gen. pl. DP 13$_{18}$, 74$_{4}$, 91$_{6}$, 95$_{7}$, *ȷmonių́* gen. pl. DP 44$_{49}$, *ȷmonémus* dat. pl. DP 6$_{34}$, *ȷmo=|némus* dat. pl. DP 42$_{4-5}$, *ȷmoné=|mus* dat. pl. DP 2$_{43-44}$; *ȷmonemís* instr. pl. DP 28$_{17}$, 59$_{30}$, 66$_{4}$, 166$_{43}$, 190$_{40}$, 366$_{11}$, 371$_{16}$, 378$_{2}$, 430$_{30}$, 434$_{43}$, 467$_{17}$, *ȷmo=|nemís* instr. pl. DP 3$_{22-23}$, *ȷmone=|mís* instr. pl. DP 319$_{24-25}$, *ȷmónemís* instr. pl. DP 237$_{20}$, (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *ȷmonémis* instr. pl. DP 540$_{21}$, 569$_{26}$, 571$_{25}$, 609$_{19}$, *ȷmonêmis* instr. pl. DP 534$_{14}$), неясные случаи (2-я а. п. ? Под влиянием аналогичного варианта в ед. ч. или метатония, вызванная теми же причинами, что и в ед. ч.: *ȷmonés* nom. pl. DP 537$_{49}$[4], 583$_{8}$[5]; *ȷmonių́* gen. pl. DP 33$_{38}$, 174$_{45}$, 195$_{41}$, 373$_{16}$, 384$_{29}$, 397$_{25}$, 429$_{30}$, 438$_{43}$, 442$_{14}$, 450$_{33}$, 450$_{34}$, 458$_{50}$, 463$_{18}$, 464$_{22}$, 518$_{23}$, 523$_{47}$, 538$_{13}$, *ȷmónių́* gen. pl. DP 49$_{31}$, *ȷmônių́* gen. pl. DP 285$_{22}$, 537$_{12}$; *ȷmónemus* dat. pl. DP 434$_{32}$, 474$_{53}$, 552$_{7}$, *ȷmónemus* dat. pl. DP 463$_{26}$, *ȷmónêmus* dat. pl. DP 103$_{50}$, *ȷmó=|-nêmus* dat. pl. DP 415$_{40-41}$; *ȷmonés* acc. pl. DP 8$_{10}$[6], 518$_{36}$[7], 551$_{4}$[8], 569$_{18}$[9], 570$_{16}$; *ȷmônemis* instr. pl. DP 70$_{32}$, *ȷmónemís* instr. pl. DP 237$_{20}$)].

---

[4] Вероятно, ошибка наборщика, перепутавшего прямой объект и субъект: ir *ȷmonés* gáli *ies* regét (имеются в виду *dûmas*).

[5] Ударение, возможно, по аналогии с acc. pl. и перед придаточным предложением.

[6] Kudz. II, 475: *nom.* pl.; но скорее следует связать с предшествующим глаголом: tuŕi/iȷ̇ġ wiſsur *ȷmonés*.

[7] Kudz. II, 475: *nom.* pl.; но см. текст: *ȷmonés* bus baiſiomis plagômis karôti nůġ Diéwo.

[8] Kudz. II, 475: *nom.* pl.; но см. текст: Te iȷ̇=|pílď *ȷmonés*, где opt. от транзитивного глагола *išpildyti* 'odprawować'.

[9] Kudz. II, 475: *nom.* pl.; но см. текст: *mus ȷmonés* regétų.

4. **krikščiõniškas**, f. **-à** (3^a/1 → 1) 'христианский' [*Krikßcʒionißká* nom. sg. f. DP 93_{19}, *krikßcʒionißká* nom. sg. f. DP 124_9, 253_{10}, 293_{32}, 304_{38}, 369_{24}, 547_8, *kri=|kßcʒionißká* nom. sg. f. DP 114_{4-5}, *krikß=|cʒionißká* nom. sg. f. DP 295_{51-52}, *krikßcʒio=|[ni]ßká* nom. sg. f. DP 254_{6-7}, *krikßcʒioni=|ßká* nom. sg. f. DP 430_{35-36}, *krikſcʒionißká* nom. sg. f. DP 469_{47}; *krikßcʒionißkóii* voc. sg. f. DP 151_{18}, *krikßcʒionißkóii* voc. sg. f. DP 175_1; *krikßcʒionißkós* gen. sg. f. DP 136_{25}, *krikßcʒionißkós* gen. sg. f. DP 116_{41}, 277_{16}, *Krikßcʒionißkós* gen. sg. f. DP 442_{26}; *krikßcʒionißkôie* loc. sg. f. DP 430_{44}, *krikßcʒio=|nißkói'* loc. sg. f. DP 256_{26-27}, *krikßcʒionißkói* loc. sg. f. DP 444_{25}; *krikßcʒionißkóſp* allat. sg. f. DP 444_{35}; *krikßcʒionißkų* gen. pl. m. DP 100_{11}, 108_{37}, 292_{33}, *kr[ik]ßcʒion[i]ßkų* gen. pl. m. DP 67_{29}, *krikßcʒionißkų* gen. pl. m. DP 33_{38}, *Krikßcʒionißkų* gen. pl. m. DP 166_{25}, *krikßcsionißkų* gen. pl. m. DP 102_{22}; *krikßcʒionißkų* gen. pl. f. DP 152_7, *krikßcʒionißkų* gen. pl. f. DP 137_{37}, 539_9, *Krikßcʒionißkų* gen. pl. f. DP 442_{42}; *krikßcʒionißkómuś* dat. pl. f. DP 267_{24}; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *krikßcʒióníßkas* nom. sg. m. DP 257_{24}, *Krikßcʒióníßkas* nom. sg. m. DP 443_{19}, *krikßciõníßkas* nom. sg. m. DP 609_{25}, *krikßcʒôni=|ßkas* nom. sg. m. DK 14_{12-13}; *krikßcʒíóni=|ßko* gen. sg. m. DP 126_{4-5}, *krikßcʒióníßko* gen. sg. m. DP 178_{18}, 183_{36}, 366_{22}, *krikßcʒióni=|ßko* gen. sg. m. DP 257_{4-5}, *krikſʒcʒió=|nißko* gen. sg. m. DP 469_{31-32}, *krikßcʒiõníßko* gen. sg. m. DP 22_{36}, 118_{41}, *krikßcʒiõníßko* gen. sg. m. DP 257_3, 418_{27}, *krikßcʒiô=|nißko* gen. sg. m. DP 610_{35-36}, *krikßcʒíõníßko* gen. sg. m. DP 143_{21}, *krikſcʒióníßko* gen. sg. m. DP 457_{31}; *Krikßcʒióníßką* acc. sg. m. DP 540_{14}, *Krikßcʒió=|nißką* acc. sg. m. DP 443_{20-21}, *krikßcʒiõníßką* acc. sg. m. DP 139_{22}, *krikßcʒiô=|nißka* acc. sg. m. DK 3_{9-10}, *krikßcʒiõníßką* acc. sg. m. DK 8_{10}; *krikßcʒióni=|ßką* acc. sg. f. DP 2_{18-19}; *krikßcʒiõníßkas* voc. sg. m. DP $526a_{22}$; *Krikßcʒóníßkos* nom. pl. f. DK 106K, *Krikßcʒóníßkos* nom. pl. f. DK 108K, *krikßcʒióníßkos* nom. pl. f. DP 428_{49}; *krikß=|cʒíõníßkas* acc. pl. f. DP 294_{16-17} (отмечен также вариант 1-й а. п.: *krikßcʒióníßka* nom. sg. f. DP 444_2, *krikßcʒiõníßka* nom. sg. f. DP 24_{35}, 525_3, 541_{24}, *krikſcʒió=|nißka* nom. sg. f. DP 444_{5-6}, *krikßcʒióníßká* nom. sg. f. DP 2_{24}; *Krikßcʒióníßka* voc. sg. f. DP 174_{13}; *krikßcʒiõníßkos* gen. sg. f. DP 130_6, *krikßcʒióníßkós* gen. sg. f. DP 289_{41}, *krikßcʒióníßkós* gen. sg. f. DK 6_8; *krik=|ßcʒióníßkoṕ* allat. sg. m. DK 3_{1-2}, *krik=|ßcʒióníßkoṕ* allat. sg. m. DK 103_{6-7}; *krik=|ßcʒiõníßkų* gen. pl. f. DK 4_{7-8})] ~ **krikščiõnìs**, acc. sg. **krikščiõnį** 'христианин' [3-я а. п.: *krikßcʒionís* nom. sg. DP 108_{45}, 112_5, 228_{14}, 324_{26}, *krikßcʒíonís* nom. sg. DP 402_{32}, *krikßcíonís* nom. sg. DP 161_{43}; *krikßcʒioníes* gen. sg. DP 369_{44}, *Kri[k]ßcʒoníes* gen. sg. DK 21_3; *Krikßcʒionié* voc. sg. DP 153_{28}, *krikßcʒionié* voc. sg. DP 4_{39}, 170_{23}, 178_{27}, 236_{33}, 306_{43}, *krikſcʒionié* voc. sg. DP 460_{38}, *krikßcʒonié* voc. sg. DP 284_2; *krikſcʒionimí* instr. sg. DP 456_{41}, *krikſcʒioni=|mí* instr. sg. DP 489_{16-17}; *krikßcʒionią* gen. pl. DP 140_{22}, 339_{27}, 444_{11}, DK 183_{16}, *Krikßcʒionią* gen. pl. DP 165_{41}, *krikßcʒionią* gen. pl. DP 142_{43}, 265_{31}, 339_{45}, 372_{37}, 435_{13}, 459_{28}, *krikßcʒionią* (?) gen. pl. DP 114_{45}, *krikſcʒionią* gen. pl. DP 455_{51}, 457_{50}, *krikßcʒonią* gen. pl. DK 39_8; *krikßcʒionímus* dat. pl. DP 64_{25}, 238_{40}, *krikßcʒionímus* dat. pl. DP 137_{38}, 139_{31}, 142_{14}, 263_5, 294_1, 352_{14}(?), 409_{30}, *krik=|ßcʒionímus* dat. pl. DP 137_{20-21}, *krikßcʒioni=|mus* dat. pl. DP 142_{33-34}; *krikßcʒionímís* instr. pl. DP 121_3, *krikßcʒionimís* instr. pl. DP 326_{38}, 351_{42}, 367_{21}, 383_{42}, 443_3, 456_{15}, 489_{13}, *krikßeiionimís* (Sic!) instr. pl. DP 124_{26}; *krikßcʒioniſiá* loc. pl. DP 622_{27}; *krikßcʒioniſiąmp* adess. pl. DP 140_{17}, *krikßcʒioni=|siąmp* adess. pl. DP 340_{42-43}, *krikſcʒio=|niſiąmp* adess. pl. DP 485_{10-11}; для характеристики акцентной кривой ср.: *krikßcʒiôni* dat. sg. DP 612_{45}, DK 22_1, *kri=|kßcʒiôni* dat. sg. DK 69_{18-19}, *krikßcʒió|ni* dat. sg. DK 70_{2-3}, *krikßcʒiô=|ni* dat. sg. DK 3_{4-5},; *krikßcʒiónis* nom. pl. DP 20_9, 53_{23}, *krikßcʒiónís* nom. pl. DP 265_{28}, *krikßcʒiónis* nom. pl. DP 104_{26}, 246_{44}, 436_{29}, 443_{26}, *krik|ßcʒiónis'* nom. pl. DP 108_{47-48}, *krikßcʒiônis* nom. pl. DP 128_{48}, 140_{20}, *krikßcʒiônis* nom. pl. DP 168_{25}, *krikßcʒíônis* nom. pl. DP 121_4, 218_{45}, *krikßcʒíônis* nom. pl. DP 137_{30}, 142_{10}, 383_{51}, *krikßcʒîonis* nom. pl. DP 83_{10}, *krikßcʒîonis* nom. pl. DP 90_{28}, 293_{41}, 365_{36}, *krikßcʒîonis* nom. pl.115_6, *krikſcʒiónis* nom. pl. DP 455_{28}, *krik=|ſcʒiónis* nom. pl. DP 455_{32}; *krikßcʒiónis* acc. pl. DP 351_{24}, 455_{12}, *krikßcʒiônis* acc. pl. DP 379_{18}, $526a_{25}$, *krikßcʒíônis* acc. pl. DP 120_{48}, *krikßcʒîonis* acc. pl. DP 304_{28}; *krikßcʒiónis* voc. pl. DP 131_{12}, 168_{39}, 334_6, 456_{25}, 544_{31}, 571_{22}, 578_{19}; *kirkßcʒiónis* (Sic!) voc. pl. DP 131_{28}, *krikßcʒiônis̈* voc. pl. DP 143_{28}, *krikßcʒíônis̈* voc. pl. DP 114_{17}, *krikßcʒiônis* voc. pl. DP 618_{28}, *krikßcʒíônis* voc. pl. DP 124_4, *krikßcʒîonis* voc. pl. DP 116_{20}, *krikßcʒîonis* voc. pl. DP 92_4, *krikßcʒîo=|nys* voc. pl. DK 80_{19-20}, *krikſcʒiónis* voc. pl. DP 476_{36}, *krrikßcʒiónis* (Sic!) voc. pl. DP 292_{32}, *krißkcʒiónis* (Sic!) voc. pl. DP 98_2 / 1-я а. п.: *krikßcʒiónis* nom. sg. DP 352_{40}, *krikßcʒiónis* nom. sg. DP 533_{11}, *krikßcʒiônis* nom. sg. DP 520_5; *krikßcʒiónią* gen. pl. DK 102_6, *krikßcʒiónią* gen. pl. DP 374_1, *krikßcʒîo=|nią* gen. pl. DP 289_{46-47}, *krikß=| cʒionią* gen. pl. DP 568_{23-24}; *krikßcʒióniſęmp* adess. pl. DP 459_{43}; приведенные выше формы dat. sg., nom. pl., acc. pl., voc. pl. могут относиться и к этой парадигме → *krikščiónis* 1].

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (4-й и 3^b-й) акцентной парадигмы.

1. ***angẽliškas**, f. **-à** (→ ***ángeliškas**, f. **-à** 3^{4a} → **ángeliškas** 1) 'ангельский' [*angelißkós* gen. sg. f. DP 262_{11}; не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *Angêlißką* acc. sg. m. DP 20_{45}] ~ **angẽlas**, pl. **-aĩ** 'ангел' [4-я а. п.: *Angélas* nom. sg. DP 597_{45}, 600_{14}, *An=|gélas* nom. sg. DP 600_{14-15}; *Angêło* gen. sg. DP 419_7, *Aniélo* (Sic!) gen. sg. DP 423_6; *Angeláí* nom. pl. DP 13_{28}, 14_{20}, 15_{37}, 31_{16}, 83_{40}, 196_{15}, 196_{17}, 229_{20}, 253_{51}, 259_{30}, 260_{44}, 267_5, 271_{35}, 279_{37}, 282_{19}, 282_{35}, 306_{36}, 308_{32}, 343_{23}, 353_7, 425_9, 444_{27}, 519_{52}, 520_{15}, 520_{27}, 523_{23},

526a$_{12}$, 526a$_{18}$, 600$_{20}$, 600$_{22}$, 607$_{7}$, *An=|gełái* nom. pl. DP 248$_{37-38}$, *Ange=|łái* nom. pl. DP 282$_{32-33}$, 522$_{37-38}$, 524$_{32-33}$, *Ange=|łáy* nom. pl. DP 83$_{21-22}$, *Angęłái* nom. pl. DP 107$_{10}$, *Ange|łéi* nom. pl. DP 93$_{42}$–94$_{1}$, *Angełái* nom. pl. DK 56$_{14}$; *Angełų́* gen. pl. DP 4$_{21}$, 38$_{27}$, 135$_{13}$, 156$_{41}$, 189$_{24}$, 196$_{23}$, 200$_{53}$, 204$_{3}$, 226$_{2}$, 228$_{47}$, 229$_{8}$, 229$_{31}$, 264$_{2}$, 271$_{23}$, 271$_{38}$, 273$_{26}$, 281$_{50}$, 402$_{23}$, 405$_{26}$, 422$_{46}$, 423$_{16}$, 494$_{31}$, 523$_{11}$, 615$_{47}$, 615$_{48}$, *angełų́* gen. pl. DP 253$_{52}$, 254$_{1}$, *Angełú* gen. pl. DP 186$_{43}$, 200$_{45}$, 397$_{43}$, 601$_{28}$, *An=|gełú* gen. pl. DP 488$_{3-4}$, *Angelų́* gen. pl. DP 440$_{7}$ (*Angélų* gen. pl. DP 520$_{34}$), *Angelų́* gen. pl. DK 30$_{20}$, 148$_{15}$; *Angełámus* dat. pl. DP 217$_{16}$, *Ange=|łámus* dat. pl. DP 522$_{5-6}$, *Angełâmus* dat. pl. DP 107$_{3}$, 282$_{31}$, 520$_{13}$, 521$_{43}$, 526a$_{39}$, 537$_{46}$, 596$_{10}$, 599$_{16}$, 615$_{41}$, *An=|gełâmus* dat. pl. DP 120$_{9-10}$, *angełâmus* dat. pl. DP 521$_{41}$, *Angełâmus* dat. pl. DK 58$_{1}$; *Angełús* acc. pl. DP 520$_{10}$, 522$_{10}$, и с оттяжкой с конечного краткостного слога: *Angélus* acc. pl. DP 521$_{9}$; *Angełáis* instr. pl. DP 35$_{5}$, 42$_{27}$, 229$_{16}$, 520$_{49}$, 521$_{1}$; *Angelų́mp̀* allat. pl. DP 253$_{49}$ / **ángelas**, pl. **-aĩ**, 3^{a}-я а. п. [*ángełas* nom. sg. DP 324$_{43}$, 472$_{35}$, *Ańgełas* nom. sg. DP 38$_{3}$, 41$_{14}$, 41$_{16}$, *Ańge=|łas* nom. sg. DP 38$_{1-2}$, и с ритмическим ударением без указания главного: *Angełás* nom. sg. DP 424$_{40}$ (вероятно, сюда же: *Angełó* gen. sg. DP 419$_{16}$, — форма с ритмическим ударением без указания главного); *Ańgełą* acc. sg. DP 20$_{23}$, 42$_{2}$, 45$_{19}$; *ángełu* instr. sg. DP 473$_{33}$; окситонированные формы могут относиться и к этой парадигме].

2. **diẽviškas**, f. **-à** (3^{b}/1 → 1) 'божий, божественный' [*Diewißkós* gen. sg. f. DP 125$_{9}$, 232$_{45}$, 263$_{9}$, 610$_{43}$, *Diewiß=|kós* gen. sg. f. DP 134$_{28-29}$, *Diewißkų́* gen. pl. m. DP 121$_{19}$, *Diewißkų́* gen. pl. f. DP 257$_{34}$, 258$_{18}$, 258$_{21}$, 258$_{30}$, *Diewißkú* gen. pl. f. DP 257$_{15}$; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *Diéwißkas* nom. sg. m. DP 463$_{46}$, 536$_{42}$, *Diéwißko* gen. sg. m. DP 430$_{10}$, *Diémißką* acc. sg. m. DP 256$_{30}$, *Diéwißką* acc. sg. f. DP 336$_{47}$, 345$_{46}$, 443$_{50}$, *Diéwiską* acc. sg. f. DP 267$_{2}$, *Diéwißka* instr. sg. f. DP 156$_{40}$, 203$_{16}$, *Diéwißkos* nom. pl. f. DP 258$_{29}$, 258$_{44}$, 436$_{4}$, *Diéwißkus* acc. pl. m. DP 274$_{36}$, *Diéwißkas* acc. pl. f. DP 258$_{6}$, 261$_{52}$ (процесс генерализации накоренного ударения отражают следующие формы: *Diéwißka* nom. sg. f. DP 345$_{48}$, *Diéwißkos* gen. sg. f. DP 536$_{21}$, *Diêwißkos* gen. sg. f. DP 260$_{9}$, 604$_{35}$, *Diéwißkóß* gen. sg. f. DP 150$_{36}$; *Diéwißku* gen. pl. f. DP 260$_{11}$; *Diéwißkûse* loc. pl. m. DP 392$_{4}$)] ~ ***diẽvas***, pl. ***-aĩ*** (4) 'бог'.

3. **kùnigiškas**, f. **-à** (3^{b} → 1) 'священнический, ксендзовский' [*kunigißkám* dat. sg. m. DP 27$_{10}$, *kunigißkoffé* loc. pl. f. DP 547$_{32}$; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *kúnigißkas* nom. sg. m. DP 27$_{9}$, *kúnigißko* gen. sg. m. DP 76$_{20}$, 302$_{5}$, *Kûnigißko* gen. sg. m. DK 147$_{6}$] ~ ***kùnigas***, pl. ***-aĩ*** (3^{b}) 'священник, ксёндз'.

4. **mẽrgiškas**, f. **-à** (3^{b}/1 → 1) 'девичий, девический' [*mergißkós* gen. sg. f. DP 48$_{15}$, 428$_{24}$, 439$_{34}$, 441$_{31}$, *mẹrgißkós* gen. sg. f. DP 474$_{17}$, *mergißkóp* allat. sg. m. DP 399$_{16}$; не релевантны для установления а. п., но полезны для характеристики акцентной кривой: *mérgißko* gen. sg. m. DP 162$_{3}$, 441$_{41}$, 441$_{51}$, 472$_{46}$, *mêrgißko* gen. sg. m. DP 68$_{30}$, 398$_{35}$, 398$_{36}$; *mêrgißkai* dat. sg. f. DP 48$_{14}$; *mêrgißką* acc. sg. m. DP 398$_{26}$, *mérgißką* acc. sg. f. DP 398$_{44}$, 562$_{35}$; *Mêrgißkas* nom. pl. f. DP 176$_{11}$ (ошибки, вероятно, в: *mergîßkas* nom. sg. m. DP 599$_{38}$ и *mergîßkos* gen. sg. f. DP 599$_{16}$) (процесс генерализации накоренного ударения отражают следующие формы: *mérgißkos* gen. sg. f. DP 407$_{15}$, 422$_{17}$, *mêrgißkomis* instr. pl. f. DP 427$_{21}$)] ~ ***mergà***, gen. sg. ***-õs*** (4) 'дева, девушка'.

5. **vaĩkiškas**, f. **-à** (3^{b} → 1) 'детский' [*waikißkų́* gen. pl. m. DP 222$_{34}$; не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *wáikißkas* nom. sg. m. DP 433$_{5}$] ~ **vaĩkas**, pl. **-aĩ** (4/?2 → 4) 'дитя, ребёнок' [наряду с формами 2-й а. п., указанными ниже (см. при **vaĩkelis**), в текстах Даукши отмечены и формы 4-й а. п.: nom. pl. *waikái* DK 50$_{11}$, DP 67$_{6}$, 141$_{9}$, 191$_{51}$, 306$_{31}$, 413$_{47}$, 474$_{14}$, 549$_{7}$, *wai=|kái* DP 142$_{3-4}$, *waikái* DP 9$_{38}$, *waykái* DP 70$_{20}$; gen. pl. *waikų́* DP 65$_{46}$, 125$_{30}$, 192$_{2}$, 374$_{37}$, 396$_{35}$, 410$_{38}$, *waikú* DP 28$_{1}$; dat. pl. *waykâmus* DP 66$_{43}$; instr. pl. *waikáis* DP 140$_{22}$, 360$_{17}$, 421$_{1}$, 490$_{19}$]

6. **vẽliniškas**, f. **-à** (3^{4b}/1 → 1) 'дьявольский, сатанинский, чертовский' [*wẹlinißká* nom. sg. f. DP 71$_{28}$; *wẹlinißkós* gen. sg. f. DP 395$_{32}$, 396$_{33}$; *welinißkų́* gen. pl. m. DP 68$_{34}$, 289$_{22}$; *welinißkáîs* instr. pl. m. DP 27$_{47}$, *wẹlinißkáis* instr. pl. m. DP 371$_{23}$; не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *wélinißkos* nom. pl. f. DP 459$_{47}$] ~ **vẽlin(i)as**, pl. **-(i)aĩ** (3^{b}) 'дьявол, сатана, чёрт' [*wẹliné* voc. sg. DP 109$_{44}$; *wẹliniép* adess. sg. DP 105$_{50}$, 115$_{8}$; *wẹlinôp* allat. sg. DP 436$_{24}$; *welinái* nom. pl. DP 196$_{18}$, *wẽlinái* nom. pl. DP 20$_{14}$, DK 56$_{18}$, *wẹlinái* nom. pl. DP 119$_{35}$, 196$_{23}$, 306$_{36}$; *welinų́* gen. pl. DP 117$_{34}$, *wẹlinų́* gen. pl. DP 114$_{38}$, 161$_{27}$, 324$_{34}$, 335$_{45}$, *wẹlinú* gen. pl. DP 202$_{43}$; *welinámuś* dat. pl. DP 10$_{51}$, *welinâmus* dat. pl. DP 541$_{23}$, 629$_{58}$, *wẹlinâmus* dat. pl. DP 16$_{20}$, 16$_{21}$, 104$_{35}$, *wẹlinâ=|mus* dat. pl. DP 119$_{25-26}$; *welináis* instr. pl. DP 120$_{11}$; не релевантно для установления а. п., но полезно для характеристики акцентной кривой: *wélinas* nom. sg. DP 419$_{2}$, 440$_{13}$, 458$_{9}$, 459$_{2}$, *wêlinas* nom. sg. DP 23$_{25}$, 47$_{16}$, 67$_{32}$, 84$_{1}$, 107$_{1}$, 107$_{10}$, 109$_{42}$, 120$_{4}$, 196$_{19}$, 217$_{9}$, 246$_{46}$, 277$_{7}$, 303$_{13}$, 320$_{3}$, 365$_{53}$, 598$_{3}$, *wẹlinas* nom. sg. DP 107$_{7}$ (ритмическое ударение отражено, по-видимому, в *wẹlinás* nom. sg. DP 111$_{22}$); *wélino* gen. sg. DP 330$_{24}$, 453$_{4}$, 455$_{43}$, 459$_{2}$, 466$_{22}$, 598$_{7}$, *wêlino* gen. sg. DP 114$_{36}$, 138$_{5}$, 155$_{34}$, 217$_{11}$, 228$_{21}$, 248$_{48}$, 271$_{39}$, 367$_{31}$, 374$_{29}$, 534$_{24}$, DK 12$_{2}$, *wêli=|no* gen. sg. DK 11$_{4-5}$, *wêlinio* gen. sg. DP 363$_{41}$, *wêlîno* gen. sg. DP 235$_{12}$; *wélinui* dat. sg. DP 30$_{6}$, 48$_{38}$, 247$_{44}$, 383$_{32}$, 383$_{33}$, 384$_{23}$, *wêlinui* dat. sg. DP 95$_{40}$, 294$_{48}$, 305$_{1}$, 420$_{2}$, 565$_{36}$; *wélinę* acc. sg. DP 236$_{8}$, 451$_{22}$, *wêlinę* acc. sg. DP 46$_{14}$, 84$_{20}$, 114$_{50}$, 118$_{25}$, 214$_{31}$, 382$_{10}$, 410$_{45}$, 433$_{26}$; *wéli-*

nų instr. sg. DP 384_{21}, *wêlinu* instr. sg. DP 95_{34}, 319_{21}; *wélinus* acc. pl. DP 455_{36}, 455_{46}, 456_{20}, *wêlinus* acc. pl. DP 225_{31}, 228_{15}, 366_{11} (процесс генерализации накоренного ударения отражают следующие формы: *wélinai* nom. pl. DP 455_{37}, *wêlinai* nom. pl. DP 541_{15}; *wêlinų* gen. pl. DP 541_{17}, *wêlinu* gen. pl. DP 155_{39})].

7. **viẽšpatiškas**, f. **-à** (3^{4b} → 1) 'властительский, господский' [*wießpatißkós* gen. sg. f. DP 135_{19}] ~ **viešpatìs**, gen. sg. **-iẽs**, dat. sg. **viẽšpati** (3^{b}/1 → 1) 'господин, владыка, властелин' [*Wießpatís* nom. sg. DP 3_{3} (359×), *Wie=|ßpatís* nom. sg. DP 20_{24-25}, 79_{31-32}, 100_{44-45}, 252_{18-19}, 572_{36-37}, 607_{34-35}, 626_{11-12}, *Wieß=|patís* nom. sg. DP 35_{36-37}, 41_{1-2}, 303_{15-16}, 310_{5-6}, 349_{10-11}, 381_{37-38}, 389_{31-32}, 440_{21-22}, 461_{6-7}, 469_{6-7}, 530_{14-15}, 554_{5-6}, 569_{34-35}, 569_{38-39}, 594_{15-16}, *Wießpa=|tís* nom. sg. DP 161_{23-24}, 594_{38-39}, 617_{15-16}, 627_{27-28}, *Wicßpa=|tís* (Sic!) nom. sg. DP 377_{21-22}, *wießpatís* nom. sg. DP 47_{10}, 47_{26}, 62_{45}, 241_{28}, 255_{41}, *wieß=|patís* nom. sg. DP 336_{7-8}, *WJeßpatís* nom. sg. DP 397_{13}, *WJEßpatís* nom. sg. DP 528_{20}, *Wíeßpatís* nom. sg. DP 136_{35}, 142_{19}, 151_{11}, 246_{30}, 257_{32}, 280_{1}, 308_{5}, 336_{16}, 342_{19}, 353_{17}, 356_{12}, 356_{16}, 362_{45}, 364_{32}, 297_{4}, 448_{19}, 467_{20}, 485_{12}, *Wıeßpatís* nom. sg. DP 467_{34}, *Wießpatîs* nom. sg. DP 263_{25}, *Wiéßpatís* nom. sg. DP 114_{21}, 264_{9}, 404_{36}, 431_{42}, *Wiéßpatís* nom. sg. DP 260_{42}, *Wié=|ßpatis* nom. sg. DP 236_{7-8}, *Wié=|ßpatís* nom. sg. DP 356_{7-8}, *Wiéßpatîs* nom. sg. DP 207_{48}, *Wiéßpatis* nom. sg. DP 231_{39}, 237_{21}, 317_{3}, *Wiéßpa=|tis* nom. sg. DP 125_{13-14}, *Wiêßpatis* nom. sg. DP 54_{43}, *Wießpatis* nom. sg. DP 41_{28}, 164_{37}, *Wíeßpatiś* nom. sg. DP 242_{23}, *Wießpátis* nom. sg. DP 199_{24}, 222_{13}, 348_{37}, 366_{5}, 463_{33}, 466_{17}, *Wießpátis* nom. sg. DP 241_{27}, 258_{23}, 462_{8}, 454_{11}, *Wieß=|pátis* nom. sg. DP 358_{22-23}, 464_{39-40}, *Wießpát s* (Sic!) nom. sg. DP 17_{34}, *Wießpatiés* gen. sg. DP 1_{22}, 1_{33}, 2_{5}, 2_{22}, 4_{35}, 6_{13}, 8_{17}, 14_{13}, 20_{7}, 22_{4}, *Wıeßpatiés* gen. sg. DP 1_{26}, *Wießpatıés* gen. sg. DP 1_{36}, *Wie=|ßpatiés* gen. sg. DP 2_{2}, *Wíeßpa=|tiés* gen. sg. DP 20_{43-44}, *Wießpatiés* (плохо пропечатанное *Wießpatîés*?) gen. sg. DP 6_{37}, *Wießpatiés* gen. sg. DP 5_{24}, 6_{39}, 7_{35}, 7_{43}, 9_{34}, 11_{41}, 12_{30}, 14_{41}, 17_{20}, 21_{13}, 21_{27}, 22_{32}, 23_{14}, *Wießpa=|tiés* gen. sg. DP 7_{12-13}, 24_{33-34}, *Wießpatíes* gen. sg. DP 5_{11}, 6_{21}, 6_{23}, 8_{53}, 13_{9}, 13_{13}, 16_{29}, 17_{39}, 18_{36}, 21_{38}, 26_{32}, 28_{38}, 29_{25}, 30_{33}, 31_{3}, *Wie=|ßpatíes* gen. sg. DP 4_{37-38}, *Wießpa=|tíes* gen. sg. DP 6_{15-16}, *Wíeßpatíes* gen. sg. DP 12_{1}, *Wíeßpaties* gen. sg. DP 31_{34}, *Wíeßpati* dat. sg. DP 5_{33}, 81_{15}, 173_{39}, 358_{34}, 426_{33}, 426_{35}, *Wiéßpati* dat. sg. DP 4_{43}, 95_{41}, 96_{42}, 105_{46}, 114_{28}, 119_{1}, 147_{49}, 152_{15}, 161_{42}, 161_{53}, 220_{24}, 230_{26}, 281_{48}, 285_{3}, 290_{19}, 291_{4}, 291_{9}, 307_{10}, 314_{18}, 318_{5}, 342_{19}, 359_{11}, 383_{16}, 433_{6}, 464_{27}, 466_{19}, 484_{1}, 490_{31}, 565_{35}, 565_{40}, 589_{10}, 600_{21}, 606_{43}, 608_{28}, *Wiéß=|pati* dat. sg. DP 590_{45-46}, *Wiéßpa=|ti* dat. sg. DP 305_{21-22}, *Wíéßpati* dat. sg. DP 117_{18}, 131_{30}, *Wiéßpatı* dat. sg. DP 122_{7}, и большое количество других форм].

Таблица 2

Формы производных основ		А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2; 1	3; 3^{a}	4; 3^{b}
Sg.	m.	*vī̃riškas* + – –	*dvàsiškas* + – –	*sū̃niškas* – – –	*diẽviškas* – – –
	f.	*vī̃riškā̃* + – +	*dvàsiškā̃* + – +	*sûniškā̃* – – +	*diẽviškā̃* – – +
Pl.	m.	*vī̃riškiê* + – +	*dvàsiškiê* + – +	*sûniškıe* – – +	*diẽviškıe* – – +
	f.	*vī̃riškās* + – –	*dvàsiškās* + – –	*sū̃niškās* – – –	*diẽviškās* – – –
№ а. п.		1	1	3^{a}; 3^{4a}	3^{b}; 3^{4b}

Таким образом, система порождения акцентных типов в этом словообразовательном типе, восстанавливаемая для пралитовского, может быть проиллюстрирована в следующей схеме (табл. 2).

2. Суффикс *-in-a-* adj.

Этот словообразовательный тип в литовском, в противоположность славянским, в значительной степени редуцирован, и систему порождения акцентных типов прилагательных с суффиксом *-in-* приходится восстанавливать, опираясь на довольно фрагментарные данные.

Тип А (частично сохранён как 1-я а. п., частично → 3-я а. п.)

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. ***áuksinas***, f. ***-a*** (1) 'золотой' ~ ***áuksas*** (1) 'золото'.

2. **ámžinas**, f. **-a** [D1/3: *ámžina* nom. sg. f. DK 42_{19}, *ámži=|ná* nom. sg. f. DK 175_{4-5} (с отмеченным ритмическим ударением); *ámžinos* gen. sg. f. DK 13_{19}, 96_{9}, *ámžinoś* gen. sg. f. DK 142_{18}, *ámžinós* gen. sg. f. DK 157_{1} (с отмеченным ритмическим ударением); *ámžinų́* gen. pl. m. DK 141_{17}, 145_{19}, 190_{4} (с отмеченным ритмическим ударением), *ámžinų* gen. pl. f. DK 43_{5}; с тенденцией перехода в 3-ю а. п.: *am=|žinôii* voc. sg. f. DK 172_{2-3}; *amži=|nų́* gen. pl. m. DK 170_{6-7}; *amžinái* adv. DK 17_{5}, 29_{4}, 40_{6}, *ám|žinái* adv. DK 43_{1-2}; Šl. 1 → 3] 'вечный' ~ ***ámžius*** (1) 'век, столетие'.

3. **mólinas**, f. **-a** [D.: nom. pl. *mólinos* DP 581_{26}, gen. pl. *mólinų* DP 582_{20}; Куршат: *mólinas, -a*, adv. *mólinai*; → 3] 'глиняный (совр. 'вымазанный в глине)' ~ ***mólis*** (1) 'глина'.

4. ***ýlinas***, f. ***ýlina*** adj. [(LKŽ IV, 55: 1, в Kl., Šts.), с переходом в а. п. 3^a, в Klp.] 'шиловидный, острый', adv. *ýlinai* [(в Kal) (LKŽ IV, 55)] ~ лит. ***ýla*** (1) 'шило'.

5. ***súodinas***, f. ***súodina*** adj. [(LKŽ XIV, 180: 1, по K, Rtr, Dglš, Kzt), с переходом в а. п. 3^a, в Š, Snt, Jd)] ~ лит. ***súodis*** sm. (LKŽ XIV, 181: 1); *súodžiai* sm. pl. (LKŽ XIV, 182: 1); ***súodys*** sf. pl. (LKŽ XIV, 181: 1) 'сажа'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. **sidãbrinas**, f. **-a** [D.: nom. pl. *ſidâbrinos* DP 581_{25}; gen. pl. *ſidâbrinų* DP 353_{42}, 561_{52}; 1-я а. п.; совр. лит. *sidãbrinas*, f. *-a* (1) KŽ; Q487, R130, BtApD19, 24 (LKŽ XII, 500)] 'серебряный' ~ ***sidãbras*** (2) 'серебро'.

2. **vãrinas**, f. **-a** [D.: nom. sg. m. *wárinas* DP 452_{18}, 454_{41}, 454_{42}; gen. sg. m. *wárino* DP 452_{37}; acc. sg. *wârinǫ* DP 51_{16}, *wárinǫ* DP 454_{26}, 454_{28}; nom. pl. m. *wárini* DP 581_{25}/gen. pl. *warinú* DP 561_{52}: 1/3 → 3) 'медный' ~ ***wãrias*** (2) 'медь'.[10]

Тип C (3^a-я а. п.; расширен в совр. языке)

a) От акутированных основ подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. ***pláukinas***, f. ***-à*** (3^a) 'в волосах, осыпанный волосами' ~ ***pláukas***, pl. ***-aĩ*** (3) 'волос'.

2. ***šiáudinas***, f. ***šiaudinà*** adj. (LKŽ XIV, 717: 3^a) ~ лит. ***šiáudas*** (LKŽ XIV, 714: 3) 'солома'.

Вторично:

лит. ***píeninas*** (3^a) '(запачканный) в молоке' ~ лит. ***píenas*** (1) 'молоко'; лтш. *piẽns* (но Šl.: *píenas* 3 'mleko'). Старый выбор акцентного типа отразился в производном: лит. *píenininkas*, f. *-ė* 'молочник, молочница.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (4-й) акцентной парадигмы.

1. **krùvinas**, f. **-à** [D.: *krúwino* gen. sg. m. DP 153_{39}; *krúwinǫ* acc. sg. m. DP 153_{22}, 153_{37}, DK 152_2; *kruwinám'* dat. sg. m. DP 145_{10}; *krúwinu* instr. sg. m. DP 148_5, 152_{31}; Куршат: *krùwinas, -à*, adv. *kruwinaĩ* (3^b) 'кровавый, окровавленный'] ~ лит. ***kraŭjas*** (4) 'кровь'.

2. ***puřvinas***, f. ***-à*** (3^b) 'грязный, топкий' ~ ***puřvas***, pl. ***-aĩ*** (4, повсеместно) 'грязь, топь'.

3. ***sãkinas***, f. ***-à*** (3^b) 'измазанный в смоле' ~ лит. ***sakaĩ*** (4) 'живица, камедь, смола'; греч. *ὀπός* 'бродильный сок' (Иллич-Свитыч 37, 110: лит. 4-я а. п., слав. *sȍkъ* а. п. *c*).

4. ***skùbinas***, f. ***-à*** (LKŽ XII, 1110: 3^b) 'поспешный, спешный' ~ лит. ***skubà*** (LKŽ XII, 1107: 4) 'поспешность, спешность; торопливость; спешка'.

5. ***šiẽninas***, f. ***-à*** (3^b) 'покрытый сеном, в сене' ~ лит. ***šiẽnas*** (4) 'сено'.

6. ***vařginas***, f. ***-à*** (3^b) 'бедный, убогий; бедственный'; Šl.: *vařginas*, f. *varginà* 'nędzny, biedny; trudny, mozolny' ~ лит. ***vařgas*** (4) 'горе, беда; мученье'.

Таблица 3

Формы производных основ		А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2; 1	3 (3^a)	4 (3^b)
Sg.	m.	***áu***ksinas + – –	***và***rinas + – –	***pláu***kinas – – –	***krù***vinas – – –
	f.	***áu***ksinů + – +	***và***rinů + – +	***plaû***kinů̃ – – +	***kru***vinů̃ – – +
Pl.	m.	***áu***ksiniê + – +	***và***riniê + – +	***plaû***kini***e*** – – +	***kru***vini***e*** – – +
	f.	***áu***ksinůs + – –	***và***rinůs + – –	***pláu***kinůs – – –	***krù***vinůs – – –
№ а. п.		1	1	3^a (3^{4a})	3^b (3^{4b})

Вторичны:

1. ***sniẽginas***, f. ***-à*** adj. (3^b) 'покрытый снегом; снежный' ~ лит. **sniẽgas** (4 < 2) 'снег' (Иллич-Свитыч 117: 2-я а. п. в северо-западном говоре Švėkšna по LM 333); *sniẽgas* (2) Dk, NdŽ (LKŽ XIII: 249); др.-лит. *ſniêgai* nom. pl. DP 520_{45} (но также и *ſniegų́* gen. pl. DP 196_{43}), остальные акцентованные формы: *ſniégas* nom. sg. DP 591_{35}, 593_{39}, *ſniêgas* nom. sg. DP 594_{10}, *vȳ ſniegǫ* acc. sg. DP 430_{50}; по LKŽ XIII, 249, (2-я а. п.) отмечает словарь NdŽ. Старый выбор акцентного типа отразился, вероятно, в лит. диал. *sniẽgina* sf. (1) Rtr, KŽ 'sniegena; снегирь' (LKŽ XIII: 252).

2. лит. ***mẽdinas*** adj. (3^b) 'лесной' (tarm.); Šl.: *mẽdinas*, f. *medinà*; чл. ф. *medinàsis*, f. *medinóji* 'dziki, leśny' ~ лит. ***mẽdė*** (2) tarm. 'лес'; Šl.:

[10] Предложенное (в Дыбл 1981а: 69) вслед за Пр. Скарджюсом рассмотрение как 1-й а. п. акцентовки прилагательного *puřvinas* 'грязный, топкий', по-видимому, ошибочно, оно было основано на трактовке словоформы *pûrwinos* DP 559_{48} как gen. sg. f., см. SkDA 156. Более приемлема трактовка этой формы по Kudz. II, 176 как nom. pl. f., см. текст: Neś kaip̓ iʒ̧ʒ̧ cʒîſtos wêrſmes cʒîſtos vpes płûſta / o iʒ̧ʒ̧ purwíno ir ſudrum=|ſtós (имеется в виду *versmẽs*) / *pûrwinos* ir ſudrum=|ſtos (имеются в виду *ùpės*).

mẽdė, gen. sg. *mẽdės* (2) 'wielki las'. Старый выбор акцентного типа отразился в производном: лит. диал. *mẽdininkas* (1) 'лесник'.

Система порождения акцентных типов прилагательных на *-in-* в пралитовском оказывается тождественной системе порождения акцентных типов предыдущего словообразовательного типа (см. табл. 3).

3. Суффикс *-at-i-*

Тип А

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. **pílnatis**, gen. sg. **-ies** (у D. loc. sg. *pílnatiie* DP 180_{29}, так же и в совр., 1-я а. п.) 'полнота, полнолуние' : **pílnas**, f. **-a** (D.: 1/3 → 3) 'полный', лтш. *pĩlns*, слав. **pŏlnъ*.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. **ãklatis**, gen. sg. **-ies** 'слепота' [диал. и D.: nom. sg. *ákłatis* DP 420_{14}, *âkłatis* DP 582_{52}, gen. sg. *nůg' ákłatiés* DP 523_{17}, acc. sg. *ákłati* DK 159_{21}, DP 409_{38}, *ákłati* DP 588_{11}; 1-я а. п.] ~ **ãklas**, f. **-à** [D.: 2/4 → 4] 'слепой'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (4 й) акцентной парадигмы.

Таблица 4

Формы производных основ		А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2 (1)	3 (3^a)	4 (3^b)
Sg.	nom.	*pílnatis* + − +	*àklatis* + − +	*viênatìs* − − +	*sãusatìs* − − +
	gen.	*pílnatiẽs* + − +	*àklatiẽs* + − +	*viênatiẽs* − − +	*sãusatiẽs* − − +
	acc.	*pílnatį̃* + − −	*àklatį̃* + − −	*víenatį̃* − − −	*saũsatį̃* − − −
№ а. п.		1	1	3^a (3^{4a})	3^b (3^{4b})

1. ***sausatìs***, gen. sg. *-iẽs* (3^b) 'засуха' ~ ***saũsas***, f. ***-à*** (4) 'сухой', слав. **sûxъ*.

Установление в этой группе имён наличия первичного акцентного типа А, связанного закономерностью выбора с первичными акцентными парадигмами производящих прилагательных (а. п. 1 и а. п. 2), почти механически приводит к реконструкции следующей первичной системы порождения акцентных типов (см. табл. 4):

4. Суффикс *-ast-i-* (редкие изолированные формы)

Тип А

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. ***pìlnastis***, gen. sg. ***-ies*** (1) Fr. 591 'Vollheit, Fülle' ~ **pílnas**, f. **-a** (D.: 1/3 → 3) 'полный', лтш. *pĩlns*, слав. **pŏlnъ*.

2. ***ìlgastis***, gen. sg. ***-ies*** 'тоска' (1-я а. п., Юшк., интонация под влиянием *ìlgis*?) ~ ****ìlgas***, f. *-a* (1 → 3) 'длинный, долгий, продолжительный', лтш. *ĩlgs*, слав. **dŏlgъ*.

3. ***ámžinastis***, gen. sg. ***-ies*** 'вечность' (1) ~ **ámžinas**, **-a** (1-я а. п. у D. и по диал. → 3) 'вечный'.

4. ***lýgastis***, gen. sg. ***-ies*** (1) 'равенство, ровность' ~ **lĩgus** (D.: 1-я а. п.) 'ровный, гладкий; равный, одинаковый'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. диал. ***bjaũrastis*** (1; Юшк. I 213) 'гадость, безобразие' ~ диал. ***bjaũrus*** (2; Юшк. I 213) 'гадкий, безобразный, скверный, мерзкий', др.-лит. **biáurus**, f. **-i** (1 или 2 / **biaurùs**, f. **-ì**, 3 или 4) 'plugawy, szpetny, mierziony, omierzły, sprośny, nieczysty, szkaradny, wszeteczny, brzydliwy, marny' [nom. sg. m. *bîęurus* DK 148_8; nom. sg. f. *bié=|uriii* DP 120_{33-34} (оттяжка?); gen. sg. m. *biâuro* DK 150_6; instr. sg. m. *bíaurumi* DK 56_8; nom. pl. m. *biáurus* DP 452_{37}, *biéurų́s* DP 238_4, 327_{14}; instr. pl. m. *biáu=|rumis* DP 54_{29-30}, *biâurumis* DP 428_{11} (отмечен также вариант 3-й или 4-й а. п.: nom. sg. m. *biaurús* DP 373_{35}, *bieurús* DP 255_{13}, *biẽurús* DK 137_1, *bẽurús* DK 137_2; gen. pl. m. *biaurûiy* DP 304_{37})]; на первичность 1-й а. п. может указывать лтш. *bļaũrs* 'sehr böse, grimmig, schrecklich, schlecht'. Лит. диал. *biaurastìs*, gen. sg. *-iẽs* (3; Ds.) — результат перестройки в соответствии с новой а. п. производящего: *biaurùs* (4).

2. ***rãmastis***, gen. sg. ***-ies*** (1) 'покой, спокойствие' ~ от лит. ***rãmas*** (2) 'покой, спокойствие' или, скорей, от adj. ****rãmus*** (*2 → *ramùs* 4) 'спокойный, тихий', который первоначально, по-видимому, относился к неподвижному акцентному типу как и его апофонический вариант др.-лит. **rõmus**, f. **-i** (1) 'cichy; skromny' [nom. sg. m. *rómus* DP 4_{10}, 160_{38}, 408_3, 433_{44}, 613_1, *ró=|mus* DP 437_{15-16}, *rômus* DP 1_{15}, 2_{44}, 5_{40}, 5_{44}, 13_{17}, 209_{30}, 210_{11}, 289_{20}, 413_{26}, 533_{24}, 534_{48}, *rô=|mus* DP 413_{29-30}, *rômús* DP 3_{49}; ср. ст. nom. sg. m. *rômefnis* DP 303_{34}; gen. sg. m. *rômaus*

DP 602_{11}; instr. sg. m. *rómumi* DP 84_{24}, 398_{44}, 422_{13}, 424_{50}, *ſu ró=|mumi* DP 437_{23-24}; nom. pl. m. *rômus* DP 532_5, 533_{18}, DK 104_{12}, *rômų̃s* DP 533_{25}; instr. pl. m. *rómumis* DP 299_{15}, *ró=|mumis* DP 413_{34-35}, *rômumis* DP 243_{40}, 535_3, 624_3, *rômų̃mis* DP 209_{33}; adv. *rômieus* 'spokojniej' DP 289_{29}] ~ лтш. *rãms* 'still, kirre, zahm, fromm').

3. ***bãžmastis***, gen. sg. ***-ies*** (1) 'множество, огромное количество' ~ ***bãžmas*** (2) 'множество, уйма'.

Тип С

a) От акутированных основ подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. ***gyvastìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (диал. $3^a \rightarrow 1$, см. Skardžius ŽD 366) 'жизнь' ~ **gȳvas**, f. **-à** (3) 'живой; бойкий, оживленный', лтш. *dzîvs*, слав. ***žîvъ**.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (3^b-й) акцентной парадигмы.

1. ***nerimastìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (3^{4b}; Куршат: KI 64) 'тревога, беспокойство' ~ ***nẽrimas*** (3^b; диал.) 'тревога, беспокойство'; литер. *nẽrimastis*, gen. sg. *-ies* (1), в соответствии с новым и литературным *nẽrimas* (1).

Система порождения акцентных типов, которую предполагают эти фрагменты словообразовательного типа, может быть представлена в следующей таблице (см. табл. 5).

Таблица 5

Формы производных основ		А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2 (1)	3 (3^a)	(4;) 3^b
Sg.	nom.	*pílnastis* + − +	*bjaũrastis* + − +	*gîvastìs* − − +	*nerimastìs* − − − +
	gen.	*pílnastiẽs* + − +	*bjaũrastiẽs* + − +	*gîvastiẽs* − − +	*nerimastiẽs* − − − +
	acc.	*pílnastį̃* + − −	*bjaũrastį̃* + − −	*gȳvastį̃* − − −	*nèrimastį̃* − − − −
№ а. п.		1	1	3^a (3^{4a})	(3^b;) 3^{4b}

5. Суффикс *-ing-a-* adj. (D.)

Тип А

(1-я а. п. с ударением на корне → 1-я а. п. с ударением на суффиксе)

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. **kū́ningas**, f. **-a** (1 → *kūnìngas*, 1) 'телесный, плотский' (совр. 'плотный, полный') [*kų́nigiemus* dat. pl. m. DP 45_{14}] ~ ***kū́nas***, pl. ***-ai*** (1) 'тело'.

2. **gẽdingas**, f. **-a** (1 → *gėdìngas*, 1) 'постыдный, позорный' [*gėdigu* instr. sg. m. DP 84_{25}, *gédingi* nom. pl. m. DP 422_3, *gêdingi* nom. pl. m. DP 304_3, *gédigi* nom. pl. m. DP 55_5, *gédigomus* dat. pl. f. DP 169_{35}, *gêdingump* all. pl. m. DP 65_4] ~ ***gẽda***, gen. sg. ***-ōs*** (1) 'стыд, позор'.

3. **méilingas**, f. **-a** (1 → *meilìngas*, 1) 'ласковый, нежный, любовный' [*méilingas* nom. sg. m. DP 221_{29}, *méilingas* nom. sg. m. DK 120_{19}, *méiligas* nom. sg. m. DP 109_{32}, 334_{34}, *mêilingas* nom. sg. m. DP 122_{11}, *mêiligas* nom. sg. m. DP 96_{41}, *méiliga* nom. sg. f. DP 174_{16}, *mêyliga* nom. sg. f. DP 58_{21}, *méiliga* nom. sg. n. DP 105_{46}, *méiliga* voc. sg. f. DP 42_7, *méiligo* gen. sg. m. DP 5_{46}, 280_{47}, *méilingą* acc. sg. m. DP 29_{36}, *méilingą* acc. sg. m. DK 142_4, *méilin=|gą* acc. sg. m. DK 138_{5-6}, *méiliga* acc. sg. m. DP 210_{34}, 234_{27}, *méiligą* acc. sg. m. DP 213_8, *méyligą* acc. sg. m. DP 16_{39}, *mêiligą* acc. sg. m. DP 171_{21}, *méiligą* acc. sg. f. DP 307_{19}, 429_{16}, *mêiligą* acc. sg. f. DP 170_{34}, *méilingu* instr. sg. m. DP 40_{33}, *méilingu* instr. sg. m. DK 167_5, *mêilin=|gu* instr. sg. m. DK 165_{12-13}, *méiligu* instr. sg. m. DP 298_{21}, *mêilingu* instr. sg. m. DP 32_8, *mêiligu* instr. sg. m. DP 242_{39}, *méilingumi* instr. sg. m. DP 389_{33}, *méilingi* nom. pl. m. DP 284_{31}, 423_{37}, 607_{38}, *méylingi* nom. pl. m. DP 442_{10}, *méiligi* nom. pl. m. DP 323_{33}, 411_{24}, *méiligi* nom. pl. m. DP 210_{27}, *mêilingi* nom. pl. m. DP 244_{34}, *mêyligi* nom. pl. m. DP 66_{10}, *mêiligi* nom. pl. m. DP 184_{12}, *męîligi* nom. pl. m. DP 146_{26}, *méilingus* acc. pl. m. DP 10_{37}, *mêilingus* acc. pl. m. DP 558_7, *méilingais* instr. pl. m. DK 57_{21}, *méiligumis* instr. pl. m. DP 409_{14} (по типу *u*-основ)] ~ ***méilė***, gen. sg. ***-ės*** (1) 'любовь'.

4. **smúrtingas**, f. **-a** (1 → *smurtìngas*, 1) 'опасный' (совр. 'насильнический') [*smúrtingo* gen. sg. m. DP 540_{24}] ~ ***smùrtas*** (1) 'опасность' (совр. 'насилие)'.

5. **malõningas**, f. **-a** (1 → *malonìngas*, 1) 'милостивый, благосклонный' [*małónigop* all. sg. m. DP 187_9 (ср. также superl.: *małónigiausias* nom. sg. m. DP 449_{49})] ~ ***malónė***, gen. sg. ***-ės*** (1) 'милость, снисхождение'.

6. **pabáisingas**, f. **-a** (1 → ?) 'пугливый; страшный' [*pabáisingą* acc. sg. f. DP 16_{20}] ~ ***pabáisa***, gen. sg. ***-os*** (1) 'чудовище'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (1-й и 2-й) акцентной парадигмы.

b_1) Неодносложные основы с ударением на начальном гласном (1-я а. п.).

1. **ãkmeningas**, f. **-a** (1 → *akmeningas*, 1) 'каменистый' [*ákmęnigos* gen. sg. f. DP 476_{37}] ~ **ãkmuo**, gen. sg. **-enes** (D.: 1 → *akmuõ* 3) 'камень'.

2. **rūpestingas**, f. **-a** (1 → *rūpastingas*, 1) 'заботливый, старательный' [*rûpestiga* nom. sg. f. DP 543_{32}] ~ ***rūpestis***, gen. sg. ***-ies*** (1) 'забота, озабоченность'.

3. **veĩkalingas**, f. **-a** (1 → *veikalingas*, 1) 'успешный, эффективный, действенный' [*wéikalingas* nom. sg. m. DP 473_{28}, *wêikaligas* nom. sg. m. DP 181_{22}] ~ ***veĩkalas*** ($1/3^b$ → 3^b) 'дело, результат'.

4. **reĩkalingas**, f. **-a** (1 / **reikalíngas**, f. **-à** 3 → *reikalingas*, f. *-a* 1) 'нужный, необходимый, потребный' [*rêikalingas* nom. sg. m. DP 560_{47}, *rêikaligas* nom. sg. m. DP 519_{35}, *rêikalinga* nom. sg. f. DP 619_6, *réikalingo* gen. sg. m. DP 538_7, *réikaligo* gen. sg. m. DP 455_9, *rêikalingo* gen. sg. m. DP 560_{20}, *rêikalingą* acc. sg. m. DP 535_{31}, *réikalingi* nom. pl. m. DP 585_{21} (отмечен также вариант 3-й а. п. с акутовым ударением на суффиксе: *reikalîngo* gen. sg. m. DP 161_3, *reikalîngu* nom. du. m. DP 112_{20}, *reikaligų́* gen. pl. m. DP 488_{37} и, по-видимому, опечатка *reikáligų* gen. pl. m. DK 22_1)] ~ ***reĩkalas*** ($1/3^b$ → 3^b) 'нужда, необходимость'.

b_2) Односложные основы и многосложные основы с ударением на последнем слоге основы (а. п. 2).

1. **lõbingas**, f. **-a** (1) / **lõbíngas**, f. **-à** (3) (→ *lobingas*, f. *-a* 1) 'очень богатый' [*łóbinga* nom. sg. f. DP 625_{15} (отмечен также вариант 3-й а. п. (?): *łobîngą* acc. sg. m. DP 190_{21}, *łobigų́* instr. sg. m. DP 291_{28}. Так по тексту и Скарджюсу, если второй знак ударения ошибочный, а это вытекает из акутовости суффикса, следует принять 3-ю а. п., а не 1-ю а. п. из-за показаний других аналогичных основ)] ~ ***lõbis*** (2) 'богатство, сокровище'.

2. **vaĩsingas**, f. **-a** (1) / **vaisíngas**, f. **-à** (3 → 1) 'плодоносный, плодовитый; продуктивный' [о существовании варианта 1-й а. п. с накоренным ударением, по-видимому, говорит акцентовка производного: *wáiſin|gumas* nom. sg. DP $624_{10\ 11}$, *wáiſingumas* nom. sg. DP 627_{18}; на второй вариант, возможно, указывает форма *ne waiſingá* nom. sg. f. DP 599_{49} (так по Скарджюсу и по тексту, у Kudz. эта форма пропущена); возможно, однако, что в последней форме отмечено просто ритмическое ударение)] ~ ***vaĩsius*** (2) 'плод, фрукт; результат'.

3. **gãlingas**, f. **-a** (1) / **galíngas**, f. **-à** (3 → 1) 'могущественный, могучий; мощный' [вариант 1-й а. п. с накоренным ударением: *gáligůſiys* acc. pl. m. чл. ф. DP 475_{28} имеется также вариант с насуффиксальным

акутовым ударением, обнаруживающий колебание между 3-й и 1-й а. п.: *galingós* gen. sg. f. DP 582_{19}, *galîngu* instr. sg. m. DP 333_6, *galigųjų́* gen. pl. m. чл. ф. DP 57_7, *galîgais* instr. pl. m. DP 202_5] ~ ***galià*** (2) 'сила, мощь'.

4. **gõdíngas**, f. **-à** (3 → 1) или ***gõdingas** (1) 'алчный, жадный' [*godigiéii* nom. pl. m. чл. ф. DP 165_{31}; или в данной форме отмечено ритмическое ударение при пропущенном основном] ~ ***gõdas***, pl. ***-ai*** (2/4) 'жадность; жадный человек'.

5. **čiūdingas** (1 → ?) 'чудесный' [*cʒiûdingą* acc. sg. f. DP 599_{44}] ~ ***čiūdas*** (2) 'чудо'.

6. **stebùklingas**, f. **-a** (1 → *stebuklingas*, 1) 'чудесный, чудотворный' [*ſtebúkligas* nom. sg. m. DP 46_{37}, 396_{39}, *ſtebúklingas* nom. sg. m. DP 424_{15}, 617_{38}, *ſtẽbúklingas* nom. sg. m. DK 171_{13}, *ſtę≠|búklingas* nom. sg. m. DK 157_{1-2}, *ſtebúklingos* gen. sg. f. DP 144_{24}, *ſtebúkligą* acc. sg. m. DP 59_{40}, *ſtebúklingu* instr. sg. m. DP 39_{52}, *ſtebúkligu* instr. sg. m. DP 101_9, *ſtebúklingos* nom. pl. f. DP 7_{20}, *ſtebúkligų* gen. pl. m. DP 125_8, *ſtebúklingus* acc. pl. m. DP 200_{25}, *ſtebúklinga* nom. sg. n. DP 34_{50} (ср. также наречия: *ſtebúklingai* DP 12_{10}, 27_{39}, DK 161_7 (60_8), *ſtębúklingai* DK 189_3, *ſtę≠|búklingai* DK 174_{18-19}, *ſtebúkligai* DP 84_{14})] ~ ***stebùklas*** (2) 'чудо'.

Характерной особенностью этой группы является наличие двух акцентных типов: 3-й а. п. с ударением, оттянутым с начального слога на акутированный суффикс, в одних формах, и с конечным ударением в других (этот тип, по-видимому, объясняется влиянием большинства образований с этим суффиксом от циркумфлектированных основ 4-й а. п.), и 1-й а. п. с краткостным и циркумфлектированным ударением на корне, не оттянутым на акутированный слог суффикса. Наличие этого типа не может, быть объяснено какими-то вторичными причинами и является, как мы увидим ниже дополнительным аргументом в пользу той поправки к закону де Соссюра, которую мы предложили (см. Дыбо 2000b).

Тип C

а) От акутированных основ подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **náudingas**, f. **-à** (*3^a → 1) / **naudíngas** (1) 'полезный, выгодный' [*náudingas* nom. sg. m. DP 559_3, *ne náudingas* nom. sg. m. DP 607_{26}, *náudingas* nom. sg. m. DP 578_{18}, *nâudigas* nom. sg. m. DP 519_{35}, *ne náudingą* acc. sg. m. DP 392_9, *ne náudingos* nom. pl. f. DP 558_{46}, *ne náu|dingos* nom. pl. f. DP 605_{19-20}, *náudingas* acc. pl. f. DP 605_{12}; о первичной подвижности ударения в этой основе свидетельствует compar.: *naudigésnio* gen. sg. m. DP 74_{36}, *naudigêsnio* gen. sg. m. DP 216_{33}, 309_{10}; генерализация накоренного ударения по формам с рецессивными окончаниями отражена в формах: *náudinga* nom. sg. f. DP 520_{47}, 547_{24}, *náudingi* nom. pl. m. DP 550_{26}, 605_{42} (отмечен также вариант 1-й а. п. с акутовым

ударением на суффиксе: *nau|dîngas* nom. sg. m. DP 262_{27-28})] ~ ***naudà***, acc. sg. ***náudą*** (3/1 → 3) 'польза, выгода', лтш. *naûda*.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (3^b-й и 4-й) акцентной парадигмы.

b_1) Многосложные основы.

1. **išmintíngas**, f. **-à** (3 → 1) 'мудрый, разумный' [*ne ißmintigám* dat. sg. m. DP 482_{30}, *ißmintingamé* loc. sg. m. DP 599_{27}, *ißmintingiéii* nom. pl. m. чл. ф. DP 426_8, *ißmintigiéii* nom. pl. m. чл. ф. DP 419_{39}, 436_{10}, *ißmintigiéii* (?) nom. pl. m. чл. ф. DP 90_{20}, *ißmin=|tingýiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 429_{21-22}, *ißmintigýiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 433_{37}, *ißmintingûiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 417_4, 417_{28}, *ißmintigûiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 419_{30}, 590_{31}, *ißmintigýiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 419_{34}, *ißmintigýiú* gen. pl. m. чл. ф. DP 256_{38}, *ißmintigûiu* gen. pl. m. чл. ф. DP 419_{42}] ~ ***išmintìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (3^b) 'мудрость, разум'.

Таблица 6

Вид производных основ	Вид производящих основ	Формы (nom. sg.)	А. п. производящих основ			
			Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
			Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
			1	2; 1	3 (3^a)	4; 3^b
До действия закона де Соссюра	одно-сложные	m.	*kū́niñgas* + – –	*gàliñgas* + – –	*náudiñgas* – – –	*žàliñgas* – – –
		f.	*kū́niñgā̃* + – +	*gàliñgā̃* + – +	*naûdiñgā̃* – – +	*žaliñgā̃* – – +
	№ а. п.		1	1	3^a	*3^b
	дву-сложные	m.	—	*àkmeniñgas* + – – –	—	*ìšmiñtiñgas* – – – –
		f.	—	*àkmeniñgā̃* + – – +	—	*išmiñtiñgā̃* – – – +
	№ а. п.		(1)	1	(3^{4a})	3^{4b}
После действия закона де Соссюра (*3^b → 3)	одно-сложные	m.	*kū́niñgas* + – –	*gàliñgas* + – –	*náudiñgas* – – –	*žalíngas* – – –
		f.	*kū́niñgā̃* + – +	*gàliñgā̃* + – +	*naûdiñgā̃* – – +	*žaliñgā̃* – – +
	№ а. п.		1	1	3^a	3
	дву-сложные	m.	—	*àkmeniñgas* + – – –	—	*ìšmiñtiñgas* – – – –
		f.	—	*àkmeniñgā̃* + – – +	—	*išmiñtiñgā̃* – – – +
	№ а. п.		(1)	1	(3^{4a})	3^{4b}

b_2) Односложные основы.

1. **žalíngas**, f. **-à** (3/1 → 1) 'вредный, вредоносный' [*ʒalíngų* gen. pl. m. DK 142_7 (45_{24}) с колебанием между 3-й и 1-й а. п. (для подтверждения 3-й а. п. ср. также: *ʒalingêuses* superl. nom. sg. m. DP 518_{32}, *ʒaligêsnio* compar. gen. sg. m. DP 104_{16})] ~ ***žalà***, gen. sg. ***-õs*** (4) 'вред, ущерб'.

2. **uolíngas**, f. **-a** (1) 'скалистый, утёсистый' [*ůlînga* nom. sg. f. DP 100_3, *ůlingų* instr. sg. m. (по Скарджюсу, gen. pl.) DP 468_7, *ů[l]íngų* instr. sg. m. DP 468_8] ~ ***uolà***, gen. sg. ***-õs*** (4) 'скала, утёс'.

Зафиксированное у Н. Даукши распределение может быть интерпретировано как результат аналогических выравниваний в системе выбора, отличающейся от первоначальной деформациями акцентных кривых по закону де Соссюра (см. табл. 6):

Дальнейший процесс выравнивания с генерализацией типа *žalìngas*, f. *-à* (у южных аукштайтов) и с дальнейшей заменой этого редкого акцентного типа типом с постоянным насуффиксальным ударением (у жемайтов, северных аукштайтов и в литературной норме) и с почти полным устранением типов с ударением на корне создал современный категориальный акцент в этом словообразовательном типе.

Примечание. В качестве примера современной диалектной системы выбора акцентных типов этих прилагательных, близкой к системе, зафиксированной у Н. Даукши, и являющейся результатом дальнейшего развития процессов, отмечаемых в последней, можно указать систему Тверечюс (Otręb. I, 167–168):

I. От имен акутированной неподвижной а. п. (1):

1. ***píeńiŋga*** (1) *f.* 'mleczna, dająca dużo mleka' ~ ***píenas*** (1) 'mleko'; лтш. *piẽns* 'Milch'.

II. От имен циркумфлектированной неподвижной а. п. (2):

1. ***peršiŋgà*** (3) *f.* 'prośna' ~ ***paršas*** (2) 'prosię';
2. ***t'el'íŋgas***, *f.* ***-à*** (3) 'cielny' ~ ***t'ẽᵃl'ū*** (gen. pl.; 2);
3. ***ńesveikaćíŋgas*** 'niezdrowy' ~ ***sveikatà***, acc. sg. *sveikãtū* (2) 'zdrowie'.

III. От имен акутированной подвижной а. п. (3 и 3^a):

а) от односложных основ

1. ***ǵèríŋgas***, f. ***-à*** (3) 'kotny, brzemienny w jagnię' ~ ***ǵéras*** 'jagnię' = *éras* (3) 'ягненок, барашек';

b) от двусложных основ

1. ***kåsulíŋgas*** 'kaszlący' ~ ***kåsul'ĩs***, acc. sg. *kãsul'ĩ* 'kaszel' (= ***kosulỹs***, acc. sg. *kósulį* (3^a) 'кашель').

IV. От имен циркумфлектированной подвижной а. п. (4 и 3^b):

a) от односложных основ (а. п. 4)

1. ***pakel'íŋgas*** 'podróżny' ~ ***kẽ'l'as*** 'droga' = *kẽlias* (4) 'дорога, путь';

b) от двусложных основ (а. п. 3^b)

1. ***píńiǵíngas*** 'имеющий много денег, богач' ~ ***pĩnigas*** (3^b) 'монета, деньга', pl. 'деньги';

2. ***kumel'íŋgas, -à*** (3) 'źrebny' ~ ***kumel'ĩs*** (3^b) 'ogier'.

3. ***dusul'íŋgas*** 'dychawiczny' ~ ***dusul'ĩs*** 'dychawica' = *dusulỹs* (3^b) 'одышка; удушье'

При этом наблюдается так же, как и у Н. Даукши, генерализация ударения начальноударных словоформ акутированного подвижного акцентного типа и переход прилагательных из 3^a-й а. п. в 1-ю а. п.:

1. ***gáil'íŋgas*** 'rzewny, skłonny do płaczu' ~ ***gailùs, -ì*** 'ostry, gryzący' (3; «Tak, jak *sūrùs*,...» Otręb. I, 257);

2. ***l'íćiŋgas***, f. *l'íćiŋga* 'dżdżysty' (*l'íćiŋgas ruduõ, l'íćiŋga vãsara*) ~ ***lietùs*** (3) 'дождь'; лтш. *lîts*, *liẽtus* 'Regen'.

Ср. náudingas у Даукши, где лишь компаратив указывает на первоначальную принадлежность этой основы к подвижному акцентному типу, или *èringa* (1) 'суягная' (при варианте 3-й а. п.) в Lazūnai (Petrauskas-Vidugiris 1985); ср. ниже аналогичное состояние у основ *gáilysta* и *gývyba*.

6. Суффикс *-yst-a*

Образования этого типа полностью устранены из современного нормативного литовского языка. Однако в словаре А. В. Юшкевича мы обнаружим значительное количество соответствующих форм. С акцентовкой этих форм произошла очень показательная история. В Первом выпуске Словаря все лексемы этого типа относятся к 1-й а. п. с акутовым ударением на суффиксе: 1. *brolýsta, -stos* f. 'братство, братское родство' (Юшк. I, 238). 2. *dykýsta, -stos* f. 'праздность, бездельничанье' (Юшк. I, 323) ~ от *dýkas, -kà '3)* гуляющий, не занятый ничем, свободный, праздный'. 2. *draugýsta, -stos* f. 'супружество, брачная чета, муж и жена; общение, сообщество, сношение' (Юшк. I, 342). 3. *draugůlýsta,*

-stos f. 'супружество, брачная чета' (Юшк. I, 342). 4. *dvarýsta, -stos* f. 'дворовщина, барщина, работа на помещика' (Юшк. I, 374).

Во Втором выпуске соответствующие формы представлены с постоянным циркумфлексовым ударением на суффиксе, что, повидимому, является результатом работы редактора этого выпуска И. О. Яблонского и должно обозначать 2-ю а. п. с характерной для североаукштайских диалектов оттяжкой ударения с конечных краткостных слогов: 1. *gentỹsta, -stos* f. 'родство, свойство' (в примере acc. sg. *gentỹstą*) (Юшк. II, 426). 2. *geradėjỹsta, -stos* f. 'благодеяние' (Юшк. II, 427). 3. *giminỹsta, -stos* f. 'родство, сродство' (Юшк. II, 432). 4. *įbuvỹsta* и *imbuvỹsta, -ỹstos* f. 'состояние, положение бобыля' ~ от *įbuvỹs* (3^b) 'бобыль'. (Юшк. II, 506). 5. *įnumỹsta* (Юшк. II, 506 sub v. *įbuvỹsta*, с отсылкой *v.*, но на соответствующем месте эта лексема отсутствует, имеется только *įnumỹstė* и *įnamỹstė* 'положение человека без собственного угла, живущего в чужой семье' Юшк. II, 530–531). 6. *įsunỹsta, -tos* 'состояние (положение) усыновленного лица' (Юшк. II, 557; на с. 719 И. О. Яблонский дает исправление: *įsūnỹsta, įsūnỹstos*).

В Третьем выпуске И. О. Яблонский меняет свою позицию и правит материал А. В. Юшкевича, исходя из своего представления об акцентных системах «южных среднелитовских говоров», т. е. он интерпретирует их как относящихся ко 2-й а. п., но восстанавливает ударение, продвинутое по закону де Соссюра: 1. *karalystà, -ỹstos* f. 'королевство, царство' (Юшк. III, 35) ~ от *karãlius* (2) 'король, царь'. 2. *katalikystà, -ỹstos* f. 'католичество, католицизм' (Юшк. III, 53) ~ от *katalìkas* (2) 'католик'. 3. *kekšystà, -ỹstos* f. 'распутство, развратничанье' (Юшк. III, 68) ~ от *kẽkšė* (2) f. 'блядь, развратница' 4. *keleivystà, -ỹstos* f. 'путь; путешествие, странствование' (Юшк. III, 69; в примерах acc. sg. *keleivỹstą*) ~ от *keleĩvis* (2) 'путник, путешественник'. 5. *kerdžystà, -ỹstos* f. 'занятие, звание или служба старшего пастуха' (Юшк. III, 82; в примерах nom. sg. и acc. sg.) ~ от *kerdžius* (2) 'старший пастух'. 6. *klaidūnystà, -ỹstos* f. 'блуждание' (Юшк. III, 144) ~ от *klaidūnas* (2) 'кто блуждает, блудяга'.

Материал диалекта Zietela как будто подтверждает решение И. О. Яблонского, см.: *jœun'ïstà, s'en'ïstà, kuŋg'ïstà, kun'ïg'ïstà* Ziet_1. 168. Этот же акцентный тип своим материалом подтверждает и LKŽ, при этом выбор 2-й а. п. как будто определяется исключительно суффиксом. Таким образом, суффикс *-yst-a* в XIX веке относился к суффиксам первого типа. Предположению о первичности этого положения явно противоречит ударение лит. *gáilysta* 'жалость, сострадание, милосердие; сожаление, раскаяние' [зафиксировано по LKŽ в Dùsetos (Zarasų r.), Taurãgnai (Utenos r.), Alantà (Molėtų r.), Liškiavà (Varėnos r.); по Барановскому

в Skãpiškis (Kupiškio r.), а по Otręb. I, 167: *gáilʼīsta* 'żałość, żal' в Tverẽčius (Ignalinos r.)]. Это производное от прилагательного лит. *gailus* 'жалостный, жалобный; едкий; горький; терпкий'. 4-я а. п. этого прилагательного широко распространена и нормативна, но, по-видимому, вторична: несколько производных от этого прилагательного, у которых не обнаруживается позиций, предполагающих возможность метатонии, показывают акутовую интонацию данного корня, тогда как переход большого числа прилагательных с *-u*-основами и с первично акутированным корнем в 4-ю а. п. фиксируется достаточно надежно. Поэтому первичным считается акутированный вариант этой основы, отмечаемый в восточно-аукштайских диалектах. LKŽ рассматривает этот вариант как относящийся к 1-ой а. п., ссылаясь на материал из Liñkmenys (Ignalinos r.), к сожалению, он приводит лишь шапочную форму nom. sg. *gáilus, -i* (1) Lkm[11], не приводя текстового иллюстративного материала из этого диалекта, в то время как данные из других диалектов, в том числе и приводимые LKŽ, противоречат этому определению: 3-я а. п. устанавливается по примерам, приводимым в LKŽ: nom. sg. *gailùs* Kùktiškės (Utenos r.) ~ nom. pl. *gáilūs* Kùktiškės (Utenos r.), эту же 3-ю а. п. устанавливает и Ян Отрембский в Тверечюс, входящем в тот же Ignalinos r., что и Liñkmenys: *gailùs, -ì* 'ostry, gryzący' (Tak, jak *sūrùs* ...) Otręb. I, 257. Следует отметить, что 1-я а. п. поддерживается единственным релевантным примером из DP: instr. sg. m. *gáilumi* DP 302_{27}; 3-я а. п. поддерживается прерывистой интонацией латышских соответствий и метатонией в таких образованиях как лит. *gaĩlas* 'жалость'. В первом случае ударение *gáilysta* должно объясняться как реликт системы выбора акцентных парадигм производных в зависимости акцентной парадигмы производящих, при этом доминантность или рецессивность суффикса остается неясной: при доминантности корня ударение в производном сохранялось на корне как при рецессивном, так и при доминантном суффиксе; во втором случае ударение *gáilysta* может быть объяснено как генерализация ударения начальноударных форм а. п. 3[a], при этом суффикс *-yst-a* должен рассматриваться как рецессивный.

[11] С пометой Lkm форму *gáilus* приводит Пр. Скарджюс в SkDA, 146, но в SkŽD эта помета не повторена, поэтому создается впечатление, что все сведения об акцентовке этой основы в Liñkmenys сводятся к двум формам, приводимым К. Бугой в статье «Baltica в "Праславянской грамматике" Г. А. Ильинского» (Archivum philologicum I, 1930, c.37–68): nom. pl. f. *gáilios* и acc. sg. *gáilų*. Но К. Буга ничего не пишет здесь об акцентной парадигме этой основы, а обе словоформы могут относиться как к 1-й, так и к 3-й а. п.

Рассмотрим теперь тот реликт системы выбора акцентных типов производных с суффиксом *-yst-a*, который можно обнаружить в текстах Н. Даукши. Ниже все материалы разбиваются, как и в предшествующих разделах, по акцентным типам производящих, реконструкция лексем и их акцентных парадигм произведена, исходя из предположения о первичной рецессивности суффикса *-yst-a* и акутированности его гласного *-y-*.

Тип А

a) От акутированных имён неподвижной акцентной парадигмы (1):

1. **põpiežīsta** (1) 'papiestwo' [*Pópiežiſtą* nom. sg. DP 302_{29}; *Pópiežiſtoí* loc. sg. DP 19_{30}] ~ ***pópiežius*** (1) 'папа (римский)'.

2. **stŏrastīsta** (1) 'starostwo' [*Stóraſtiſtą* acc. sg. DP 383_{30}; *Stóraſtiſtų* gen. pl. DP 484_{42}, *Stóraſtitą* (Sic!) DP 307_{33}; *Stóraſtiſtas* acc. pl. DP 484_{16}] ~ **stŏrasta** или **stõrasta** (1) 'starosta' [*ſtóraſta* nom. sg. DP 6_{36}, *Stóraſta* nom. sg. DP 164_3, 164_{21}, $167a_4$, 168_1, *ſtôroſta* (Sic!) nom. sg. DP 39_{15}; *Stóraſtos* gen. sg. DP 164_3, $167a_{27}$, 365_{45}, *ſtóraſtos* gen. sg. DP 364_{37}, *ſtôraſtos* gen. sg. DP 6_{35}, 80_{32}; *Stóraſtomus* dat. pl. DP 366_{46}; в современном языке отмечается как акутовая, так и циркумфлексовая интонация: *stórasta* (1), *stõrasta* (1), — а также *stòrasta* (1) и *storastà* (3^b), форма *stórastas* (1) отмечена лишь с акутом (LKŽ XIII, 853), что указывает на архаичность, скорее, акутовой интонации].

3. ***bĭskupīsta*** (1) 'biskupstwo' [засвидетельствована только вторичная а. п. 2: *Biſkupîſtą* acc. sg. DP 307_{33})] ~ ***býskupas*** (1/3 → совр. 3), ср. диал. býskupas 'Bischof' (Skardžius Lw. 42), výskupas (3^a) 'епископ'.

b) От циркумфлектированных и краткостных имён неподвижной (1-й и 2-й) акцентной парадигмы.

1. **apãstalīsta** (1) 'apostolstwo' [*Apâßtaliſtos* gen. sg. DP 289_{49}] ~ ***apãštalas*** (1) 'апостол' [в текстах Н. Даукши на очень большом количестве примеров регулярно проводится в этой основе неподвижное ударение на втором слоге, отклонения единичны].

2. **karālīsta** (1) 'królestwo' [*karáliſtos* gen. sg. DP 459_{15}, 512_{26}, *karálîſtą* acc. sg. DP 453_{12}, *karáliſtoia* loc. sg. DP 482_{40}, *karâliſtoia* loc. sg. DP 483_{43}, *karáliſton'* illat. sg. DP 171_{22}, *karâ|líſtų* (Sic!) gen. pl. DP 8_{20-21} (но и насуффиксальное ударение: *karalîſta* nom. sg. DP 532_{33}, 534_{28}, $542a_{46}$, *karalíſta* nom. sg. DP 524_{22}, 525_{38}, 526_5, 532_{12}, *karalıſtą* (Sic!) nom. sg. DP 485_{42} и *karaliſtá* nom. sg. DP 27_9, 59_7, 122_{30}, 469_{43}, 483_3, 484_{23}, 484_{26}, 485_{47}, 486_3, $526a_1$, 555_{19}, *Karaliſtá* nom. sg. DP 164_7, 164_{10}; *karalîſtos* gen. sg. DP 26_{49}, 30_{26}, 184_{23}, 435_{21}, 441_{23}, 452_{39}, 453_{23}, 464_{29}, 495_{38}, *ka=|ralîſtos* gen. sg. DP 463_{35-36}, *karalî=|ſtos* gen. sg. DP 493_{17-18}, *karalîſtos* gen. sg. DP 470_{16}, *karaliſtoś* gen. sg. DP 484_{28}; *karalîſtą* acc. sg.

DP 22_{23} (Sic!), 33_{43}, 55_{48}, 104_{13}, 192_{11}, 255_{11}, 255_{22}, 325_{32}, 452_{31}, 609_{34}, *ka≠|ralíftą* acc. sg. DP 390_{29-30}, *Karalîftą* acc. sg. DP 526_{48}, *karalíftą* acc. sg. DP 451_{39}, 485_{45}, 485_{50}, *ka≠|ralíftą* acc. sg. DP 483_{6-7}, 485_{16-17}, *ka≠|líftą* (Sic!) acc. sg. DP 455_{5-6}, *karalîftų* acc. sg. DP 34_{7}; *karalîftoie* loc. sg. DP 86_{22}, 391_{2}, *karalîftoie* loc. sg. DP 73_{29}, *karalîftoię* loc. sg. DP 83_{29}, *karalíftoie* loc. sg. DP 483_{8}, 486_{26}, *karalíftoia* loc. sg. DP 482_{19}, *ka≠|ralíftoia* loc. sg. DP 490_{36-37}, *karalíftoi* loc. sg. DP 449_{23}, 485_{34}, *karalíftoi'* loc. sg. DP 484_{26}, *karelîftoi* loc. sg. DP 187_{48}; *karalîfton'* illat. sg. DP 375_{42}, *karalîftoń* illat. sg. DP 74_{44}, 484_{12}, 464_{36}, *kara≠|lîfton'* illat. sg. DP 452_{35-36}, *karalífton'* illat. sg. DP 485_{14}, 485_{49}, *ka≠|ralífton'* illat. sg. DP 487_{39-40}, *kara≠|lífton'* illat. sg. DP 452_{27-28}; *karalîftos* nom. pl. DP 445_{9}; *karalîftų* gen. pl. DP 3_{27}, 87_{11}, 520_{10}, 609_{37}, *karalíftų* gen. pl. DP 311_{30}; *ka≠|ralíftas* acc. pl. DP $542a_{41-42}$)] ~ др.-лит. **karãlius**, gen. sg. **karãliaus** (2) 'król' [*karâlus* nom. sg. DP 236_{7}, 241_{28}, 359_{35}, 438_{21}, 485_{35}, 490_{10}, 501_{27}, *Karâlus* nom. sg. DP 1_{15}, 2_{14}, 2_{31}, 2_{42}, 2_{44}, 2_{49}, 3_{1}, 3_{2}, 3_{3}, 3_{7}, 3_{9}, 3_{10}, 3_{12}, 3_{24}, 3_{28}, 5_{40}, 5_{41}, 5_{50}, 164_{4}, 167_{15}, 167_{16}, $167b_{14}$, 172_{6}, 172_{9}, 172_{27}, 236_{2}, 332_{42}, 351_{1}, 351_{26}, 353_{10}, 537_{53}, 581_{23}, 581_{30}, 581_{35}, 583_{41}, 586_{24}, 586_{26}, 586_{28}, 586_{42}, 591_{8}, 624_{41}, *Ka≠|râlus* nom. sg. DP 583_{1-2}, *Karâ≠|lus* nom. sg. DP 3_{1-2}, *karâlus* nom. sg. DP 17_{27}, 27_{14}, 30_{22}, 39_{15}, 60_{16}, 60_{25}, 60_{26}, 81_{35}, 108_{28}, 132_{6}, 172_{10}, 172_{31}, 218_{37}, bis, 224_{45}, 290_{10}, 350_{34}, 351_{43}, 351_{46}, 352_{36}, 383_{38}, 395_{23}, 424_{31}, *ka≠|râlus* nom. sg. DP 424_{5-6}, *karâlys* nom. sg. DP 99_{50}, *Karâłus* nom. sg. DP 3_{6}, 57_{45}; *Karâlaus* gen. sg. DP 443_{46}, *karâlaus* gen. sg. DP 273_{35}, 353_{33}, *Karâlaus* gen. sg. DP 3_{16}, 4_{35}, 59_{6}, 167_{17}, 167_{18}, 173_{30}, 352_{29}, 425_{13}, 582_{48}, 586_{33}, 627_{6}, *Karâ≠|laus* gen. sg. DP 62_{15-16}, *karâlaus* gen. sg. DP 8_{9}, 8_{50}, 40_{40}, 47_{41}, 57_{42}, 58_{11}, 58_{39}, 59_{9}, 62_{10}, 80_{32}, 81_{43}, 91_{23}, $167b_{17}$, 169_{37}, 169_{43}, 302_{51}, 351_{27}, 351_{36}, 353_{27}, 356_{21}, 383_{39}, 397_{35}, 418_{45}, 425_{28}, 599_{10}, 617_{6}, *ka≠|râlaus* gen. sg. DP 418_{43-44}, и т. д. Большое количество словоформ 2-й а. п. Несколько словоформ имеют два знака ударения (дополнительный знак на первом слоге); совр. лит. *karãlius* (2)].

Тип С

а) От акутированных основ подвижной (3-й и 3^{a}-й) акцентной парадигмы.

1. ***žmṍgīsta** (1) или ***žmõgīstà** (3^{a}) 'człowieczeństwo' [*ǰmógiftą* acc. sg. DP 53_{7} (но и 2-я а. п.: *ǰmogîftą* acc. sg. DP 382_{6}, 453_{40}, 595_{9}, *ǰmogî≠|ftą* acc. sg. DP 259_{12-13}, *ǰmogíftą* acc. sg. DP 439_{50})] ~ **žmõgùs**, acc. sg. **žmṍgų** 'человек' [3-я а. п.: *ǰmogús* nom. sg. DP 437_{14}, 626_{1}, *ǰmogús* nom. sg. DP 39_{8}, *ǰmôgús* nom. sg. DK 135_{5}; *ǰmogáus* gen. sg. DP 465_{41}, 469_{31}, DK 33_{7}, *ǰmogaús* gen. sg. DP 154_{16}, *ǰmogumí* instr. sg. DP 6_{19} / 2-я а. п.: *ǰmógus* nom. sg. DK 12_{9}, *ǰmó≠|gus* nom. sg. DK 34_{17-18}, *ǰmôgus* nom. sg. DK 95_{14}, 101_{17}, 111_{10}, 156_{20}, 162_{3}, *J̌môgus* nom. sg. DK 126_{3}, *ǰmógaus* gen. sg. DK 15_{16}, 29_{3}, *ǰmôgaus* gen. sg. DK 29_{3}, 108_{18}, 113_{4}, 177_{4}, *ǰmô|gaus* gen. sg. DK 108_{5-6} → 4-я а. п., в результате контаминации 3-й и 2-й а. п.: совр. лит. *žmogùs*, acc. sg. *žmõgų*].

2. ***mõterīstà** (3^{4a}) [*motęriftá* nom. sg. DP 304_{34}] ~ ***motẽ**, gen. sg. ***-erès**: лит. диал. (Tw.) gen. sg. *mãťerès* 'жена, супруга; женщина' (см. Otręb. I, 249; реликты подвижного типа отмечены и у Н. Даукши: *moteries* gen. sg. DP 293_{1}, *motęriás* gen. sg. DP 493_{19}, — и с двумя знаками ударения: *mótęrų* gen. pl. DP 465_{24})[12].

Тип В

b) От циркумфлектированных и краткостных имён подвижной (3^{b}-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. **dievīstà** (2 < *3) 'bostwo' [*Diewiftá* nom. sg. DP 257_{17}; *Diewîftos* gen. sg. DP 30_{26}, 450_{33}; *Diewîftą* acc. sg. DP 347_{1}; *Diewîftoie* loc. sg. DP 253_{16}, 259_{4}] ~ ***diẽvas**, pl. ***-aĩ** (4) 'бог'.

2. ***draugīstà** (2 < 3) 'towarzystwo' [*drau≠|gîftą* acc. sg. DP 387_{17-18}] ~ ***draũgas**, pl. ***-aĩ** (4) 'товарищ'.

3. **kunigīstà** (2 < $*3^{4b}$) 'kapłaństwo' [*kunigi≠|ftá* nom. sg. DP 465_{26-27}; *kunigîftos* gen. sg. DP 465_{27}; *kunigîftų* gen. pl. DP 226_{1}] ~ ***kùnigas**, pl. ***-aĩ** (3^{b}) 'священник, ксёндз'.

3. **mergĩsta** (1 или 2 < *3) 'panieństwo; dziewictwo' [*mergîfta* nom. sg. DP 406_{38}, 542_{14} (может быть, с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога), *anái Mer≠|gîfta* dat.(?) sg. DP 624_{24-25}, *mergîftą* acc. sg. DP 624_{2}, 624_{49}, *mergî≠|ftoie* loc. sg. DP 68_{41-42}, *Mergíftoié* loc. sg. DP 439_{38} (с вторым, ритмическим ударением), *Mergîftoi* loc. sg. DP 441_{26}] ~ ***mergà**, gen. sg. ***-õs** (4) 'дева, девушка'.

4. ***vagīstà** (2 < *3) или ***vagĩsta** (1 < *3) 'kradziestwo; złodziejstwo' [*wagîftos* gen. sg. DP 55_{29}, 169_{18}, *nůg wagîftos* gen. sg. DP 293_{11}, 586_{4}; *per wagîftą* acc. sg. DP 270_{24}[13]] ~ ***vagìs**, gen. sg. ***-iẽs** (4) 'вор'.

[12] В подобных формах обычно обнаруживаются реликты «смешанной» парадигмы, так как закон Хирта — Иллич-Свитыча, по-видимому, действовал, когда первоначальный акцент стоял непосредственно после долгого монофтонга, и оттяжка не происходила, когда акцент отделялся от долгого монофтонга слогом.

[13] Kudz. II, 397 приводит также *wagîfta* nom. sg. DP 295_{41}; в моем экземпляре издания текста акц. знак отсутствует, и, по-видимому, это указание — ошибка, так как и форма буквы, и расположение диакритики указывает на обычную точку над *i*.

Таблица 7

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2, 1	3; 3^{a}	4; 3^{b}
I. До действия закона де Соссюра	nom.	*brā̃l(i)îstå̃* + – +	*keřdjîstå̃* + – +	*žmå̃gîstā̃* – – +	*diēvîstā̃* – – +
	gen.	*brā̃l(i)îstås* + – +	*keřdjîstås* + – +	*žmå̃gîstā̃s* – – +	*diēvîstā̃s* – – +
	acc.	*brā̃l(i)îstą̄* + – –	*keřdjîstą̄* + – –	*žmā̃gîstą̄* – – –	*diēvîstą̄* – – –
	instr.	*brā̃l(i)îstą̂* + – –	*keřdjîstą̂* + – –	*žmā̃gîstą̂* – – –	*diēvîstą̂* – – –
	№ а. п.	1	1	3^{a}; 3^{4a}	*3^{b}; 3^{4b}
II. После действия закона де Соссюра (*3^{b} → 3)	nom.	*brā̃l(i)îstå̃* + – +	*keřdjîstå̃* + – +	*žmå̃gîstā̃* – – +	*diēvîstā̃* – – +
	gen.	*brā̃l(i)îstås* + – +	*keřdjîstås* + – +	*žmå̃gîstā̃s* – – +	*diēvîstā̃s* – – +
	acc.	*brā̃l(i)îstą̄* + – –	*keřdjîstą̄* + – –	*žmā̃gîstą̄* – – –	*diēvī́stą̄* – – –
	instr.	*brā̃l(i)îstą̂* + – –	*keřdjîstą̂* + – –	*žmā̃gîstą̂* – – –	*diēvī́stą̂* – – –
	№ а. п.	1	1	3^{a}; 3^{4a}	3; 3^{4b}
III. После контаминации с образованиями на *-ystė* (3 ⇒ 2)	nom.	*brā̃l(i)īstå̃*	*keřdjīstå̃*	*žmå̃gīstā̃*	*diēvīstā̃*
	gen.	*brā̃l(i)īstås*	*keřdjīstås*	*žmå̃gīstā̃s*	*diēvī̃stąs*
	acc.	*brā̃l(i)īstą̄*	*keřdjīstą̄*	*žmā̃gīstą̄*	*diēvī̃stą̄*
	instr.	*brā̃l(i)īstą̂*	*keřdjīstą̂*	*žmā̃gīstą̂*	*diēvīstą́*
	№ а. п.	1	1	3^{a}; 3^{4a}	2; 3^{4b}
IV. После генерализации 4-го типа (∀ ⇒ 2)	nom.	*brå̃l(i)īstā̃*	*kērdjīstā̃*	*žmå̃gīstā̃*	*diēvīstā̃*
	gen.	*brå̃l(i)ī̃stås*	*kērdjī̃stås*	*žmå̃gī̃stås*	*diēvī̃stås*
	acc.	*brå̃l(i)ī̃stą̄*	*kērdjī̃stą̄*	*žmå̃gī̃stą̄*	*diēvī̃stą̄*
	instr.	*brå̃l(i)īstą́*	*kērdjīstą́*	*žmå̃gīstą́*	*diēvīstą́*
	№ а. п.	2	2	2	2

5. ***viešpatīstà** (2 < *3^{4b}) или ***viešpatī́sta** (1 < *3) 'państwo' [*Wießpatí|ſtą* (?) acc. sg. DP 22_{23-24}, *wieß=|patíſtu* gen. pl. DP 311_{29-30}] ~ **viešpatìs** (→ *viešpàts*), gen. sg. **-iẽs** (3^{b} → *viẽšpat(i)s*, gen. sg. *-ies*, 1; колебания в этом направлении наблюдаются уже у D.; также *viešpãtis*, 2) 'господин, государь, господь'.

Материал Н. Даукши достаточно убедительно подтверждает существование в литовском в древности системы парадигматического выбора акцентных типов у имен с суффиксом *-yst-a*. Однако можно возразить, что нет основания считать суффикс *-īst-* рецессивным и акутированным, его следует относить к циркумфлектированным и доминантным. Действительно, во времена Н. Даукши он, возможно, уже был таковым, но чтобы долгий монофтонг стал циркумфлектированным, он должен был претерпеть метатонию, и эта метатония перевела его в разряд доминантных суффиксов; но эта метатония непосредственно происходила в образованиях на *-īst-ė*. Такое толкование диктуется образованиями на *-īst-a*, которые были подобраны Пр. Скарджюсом (Skardžius ŽD, 369):

a) От акутированной основы подвижной (3-й) акцентной парадигмы:

Лит. ***Lokystà***, gen. sg. *Lokystõs*, acc. sg. *į Lókystą*, instr. sg. *ties Lókysta*, loc. sg. *Lokystojė* — гидроним: название реки ~ ***lokỹs*** (3)

b) От краткостной основы, по-видимому, подвижной (4-й) акцентной парадигмы: ***Aknystà***, gen. sg. *Aknystõs*, acc. sg. *į Aknýstą*, instr. sg. *ties Aknýsta*, loc. sg. *Aknystojė* — гидроним: название реки.

Опираясь на эти материалы, состояние, отраженное в текстах Н. Даукши, можно интерпретировать следующим образом:

1. При наличии тенденции к генерализации насуффиксального ударения парадигматический выбор акцентных типов еще сохранялся.

2. Производные от имен неподвижного акцентного типа сохраняли еще накоренное ударение (в ряде случаев реликтово).

3. Производные от имен 4-й а. п., имевшие первоначально 3-ю а. п. с акутовым ударением на суффиксе, под влиянием основ на *-ystė* заменили акут на циркумфлекс[14] и перешли во 2-ю а. п.

4. Производные от имен 3-й а. п., по-видимому, могли сохранять еще подвижность акцента, но некоторые основы могли приобрести тенденцию к генерализации акцента форм с накоренным ударением.

Схему преобразования первоначальной системы см. в Табл. 7:

[14] В основах на *-ystė* циркумфлекс возник в результате метатонии, механизм и условия которой были описаны мной в Дыбо 1997: 163–178.

7. Суффикс *-yb-a*

Этот словообразовательный тип почти полностью потерян в литовском нормативном языке. Остатки его в виде отдельных словоформ зафиксированы в ряде периферийных диалектов. В центральноаукштайтских диалектах уже в древнелитовском (по текстам Н. Даукши конца XVI века) он контаминировался с словообразовательным типом на *-ybė*, что выражается в появлении у последнего наряду с нормальными неподвижными акцентными типами акцентуационных вариантов отдельных словоформ, которые могут быть интерпретированы как словоформы подвижных акцентных парадигм. Рассматривая последние как отражение акцентовки форм словообразовательного типа на *-yba*, мы можем предложить следующую реконструкцию его первичной акцентной системы:

Тип А

(1-я а. п. с ударением на корне → 1-я а. п. с ударением на суффиксе).

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. лит. диал. ***lýgyba*** «lygybė» 'равенство' Tg. (Tauragė) [SkŽD 91] (лтш. *līdzība* 'die Ähnlichkeit; das Gleichnis; die Gleichheit') ~ совр. лит. *lygùs* (3-я а. п.) и *lýgus* (1-я а. п.) (так по DLKŽ, у Либериса *lýgus*, 3-я а. п.) 'ровный, гладкий; равный'; Šl.: *lýgus, -gi* 'równy, gładki; podobny, jednakowy'; др.-лит. **lĩgus**, f. **-i** (1) 'rowny, gładki, podobny, społisty', 'ровный' [nom. sg. m. *lîgus* DP 48_5, 127_{23}, 239_{45}, 261_{32}, 347_9, 355_{22}, 369_{49}, 418_{17}, 435_{19}, 435_{52}, 521_{54}, 595_{34}, *lî=|gus* DP 43_{17-18}, *ligus* DP 447_{33}, 450_{38}; nom. sg. f. *Lîgi* DP 83_{28}, 286_{37}, *lîgi* DP 87_{25}, 93_{39}, 216_{14}, 261_{27}, 261_{36}, 408_{17}; gen. sg. m. *lîgaus* DP 521_{50}; gen. sg. f. *lîgios* DP 80_{13}, 88_{37}, 261_{39}, 618_{19}; dat. sg. m. *lîgiam'* DP 363_{12}, *lî=|giam'* DP 533_{44-45}; acc. sg. m. *Lîgų* DP 261_{46}, 261_{49}, 261_{50}, *lîgų* DP 71_6, 74_{30}, 223_{32}, *lîgu* DP 576_{48}, *ligų* DP 451_{19}, 510_{18}; acc. sg. f. *lîgię* DP 183_{31}, *lîgę* DP 336_{34} (*lígîę* DP 261_{52} — опечатка?); instr. sg. m. *lîgumi* DP 79_{21}, 170_{25}, 261_{35}, *ligumi* DP 40_{33}, 434_{13}, *lîgumi* DP 249_{35}, *ligumi* DP 261_{34}, 470_{40}, *lîgumí* DP 150_{46} (ударение над *-ı* или ритмическое, или отражение колебаний между 1-й и 3-й а. п.); instr. sg. f. *lîgia* DP 169_{37}; allat. sg. *lîgiofp* DP 94_{53}; nom. pl. m. *lîgus* DP 165_{12}, 166_{16}, 384_{44}, 596_{10}, *lîgus* DP 261_{26}, 384_{48}, 385_4; nom. pl. f. *lîgios* DP 257_{19}; gen. pl. m. *lîgiu* DP 233_{48}; acc. pl. m. *lîgius* DP 203_{18}, *lîgus* DP 69_{16}, 93_8, 597_{30}, *lîgus* DP 96_6[15]; acc. sg. f. *lîgies* DP 429_{40}, *lîges* DP 385_{41}; instr. pl. m. *lîgumis* DP 291_{16}, *ligumis* DP 25_{37}, 611_3; instr. pl. f. *lîgiomis* DP 166_{35}; adv. *lîgiai* DP 542_{10}, *Lîgei* DP 119_{21}, 266_{41}, *lîgei* DP 70_{26}, 99_{37}, 130_{26}, 254_{11}, 261_{38}, 303_{39}, 354_{13}, 404_3, 560_{17}, *lîgeí* DP 324_4, *Lîgęi* DP 129_{34}, *lîgęi* DP 105_{25}, 115_{29}, 223_5, 310_{43}, *lî=|gęi* DP 273_{30-31}, *lîgęy* DP 24_9, *łîgei* DP 343_{26}, *lîgiei* DP 133_{28}, 261_{40}, 359_{36} || формы 3-й а. п.: gen. sg. f. *ligiós* DP 542_{27}[16], а также приведенные выше формы с двумя знаками ударения] ~ лтш. *līg*, *līgans*, *līdzs* 'gleich, eben'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. лит. диал. ***lãbyba*** (1), *làbyba* (1) 'turtas, gėrybė' [Barstýčiai (Skuodo r.), Šątės (Skuodo r.)] ⇒ *labýba* (1) NdŽ 'Gut, wertvoller Besitz, Ware' ~ др.-лит. **lãbas** (2/4-я а. п.: реликты 2-й а. п. сохранили тексты Н. Даукши: *łábasis* nom. sg. m. чл. ф. DP 540_{27}, comp. nom. sg. *łábesnis* m. DP 542_3, *łábesne* f. DP 445_{50}; adv. *łábai* DK 157_{10}, DP 72_{38}, *łâbai* DK 163_{19}) ⇒ норм. лит. *lãbas* (4) 'добрый, хороший; годный, надлежащий'.

Тип С

а) От акутированных основ подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. лит. ***saldybà*** (2) LKKXI154(Zt), при *saldýba* (1) LKKXI154(Zt) (LKŽ XII, 64); в Ziet. 572 отмечена только *saldýba* (1), но в Ziet.$_1$ 187 наряду с данной формой приводится также *sald'ìbà*, которая может рассматриваться как реликт конечноударных форм 3^a-й акцентной парадигмы (трактовка LKŽ XII, 64 этой формы как указывающей на 2-ю акцентную парадигму данного варианта остается ненадежной из-за недостаточной выборки словоформ этого слова) ~ совр. лит. *saldùs*, f. *-ì* (3) 'сладкий'; др.-лит. **saldùs**, f. **-ì** 'słodki; wdzięczny' [3-я а. п.: nom. sg. m. *Sałdús* DP 335_{42}, *fałdús* DP 281_{42}, 434_2, 437_8, 437_{28}, 574_{23}, *fałdúſis* DP 437_{25}; acc. sg. m. *fáłdu* DP 5_{47}, *fáłduiı* DP 384_{51}; acc. sg. n. *fáłdu* DP 560_{10}; nom. pl. f. *fáłdʒios* DP 288_{33}; acc. pl. m. *fáłdʒiıs* DP 383_{25}; instr. pl. f. *faldʒiomís* DP 28_{10}; adv. < n. *fałdú* DP 10_{30}] ~ лтш. *salĩds* 'süß'.

2. лит. диал. ***gývyba*** «gyvybė» Jž. I 439, DB 80 (SkŽD 91), при *gyvýba* (1) 'gyvybė, gyvastis' (Ziet. 209), 'Leben'; Юшкевич приводит формы nom. sg. *gývyba* и gen. sg. *gývybos*, обе подтвержденные текстом, которые указывают на 1-ю а. п., что должно, по-видимому, быть результатом генерализации ударения начальноударных форм 3^a-й а. п. [~ лтш. *dzīvība* 'das animalische Leben, das Leben im Gegensatz zum Tode'] ~ лит. *gývas* (3) 'живой'; др.-лит. **gĩvas**, f. **-à** (3) 'żywy, żywiący, za żywota; ożywiony; zwierzę' [nom. sg. m. *gîwas* DK 138_3, DP 14_6, 31_{33}, 55_{23}, 66_{45}, 69_{48}, 75_6, 122_9, 122_{49}, 125_{33}, 133_{37}, 150_{38}, 180_{15}, 196_3, 228_{28},

[15] В Kudz. I, 416, ошибочно, DP 96_3.

[16] См. текст: Ne êſt' ligiós kancʒiós ßio mêto / ſu anąiie| atéißęncʒeia láupſe / kuríii múnus parôditis tuſ. DP $542_{27, 28}$. В Kudz. I, 343 и 416 ligiós kancʒiós истолкованы как nom. pl. f.

265_{35}, 271_{28}, 285_{46}, 302_{26}, 310_{18}, 316_{38}, 324_{39}, 354_{26}, 458_{53}, 578_{12}, 581_{36}, 607_{18}, *gî|was* DK 74_{9-10}, DP $134_{25\ 26}$, *gíwas* DP 70_{17}, 180_{27}, 454_{27}; nom. sg. f. *giwá* DP 69_{47}, 368_5, 369_{13}, 579_{50}, *giwóii* DP 432_{49}, 487_{28}, 632_{10}, *giwóii* DP 267_9, *giwôii* DP 134_{43}; gen. sg. m. *gîwo* DP 165_{11}, 195_{18}, 195_{46}, 332_{38}, 573_{16}, *gíwo* DP 454_{41}, *gîwoio* DP 56_{34}, 237_{18}, *gíwoio* DP 401_{28}, 418_{35}, 466_2, 467_{30}, 467_{48}, *giwoío* DP 470_{39} (не ясно *giwôio* DP 285_{44}); dat. sg. m. *giwám'* DP 302_{34}, 330_{28}, *gi=|wám* DP 580_{30-31}; dat. sg. f. *gîwai* DP 573_{30}; acc. sg. m. *Gîwą* DP 185_{37}, *gîwą* DK 171_7, DP 90_{14}, 182_{38}, 185_{36}, 280_1, 326_5, 328_{39}, 336_{17}, *giwą* DP 189_{24}, 369_{13}, 454_{40}, 459_5 (?), *gîwąii* DP 106_{17}, 242_{35}; acc. sg. f. *gîwą* DP 112_{10}, 307_{19}; instr. sg. m. *gîwu* DP 198_{29}, 238_{31}, 370_{25}, 547_7, *giwu* DP 29_{29}, 227_{25}, 455_{21}, *gîwůiu* DP 134_{23}; instr. sg. f. *gîwąiie* DP 572_{44}, *giwąia* DP 455_6; loc. sg. f. *giwoié* DP 354_{31}; nom. pl. m. *giwí* DP 55_{42}, 90_{23}, 349_3, 371_{13}, 474_{15}, 537_{37}, 544_8, 629_{39}, (nom. pl. m. *giwí* DP 450_{51}, *giwi* DP 460_{12}, 553_{25} — оттяжка с конечного краткостного слога), *giwiéii* DP 573_{32}, *giwiéii* DP 578_{20} (не ясно nom. pl. m. *gîwieii* DP 379_{35}); nom. pl. f. *gîwos* DP 263_{42}; gen. pl. *giwų* DK 23_{20}, 38_1, *giwų* DP 2_{21}, 6_{35}, 17_{23}, 170_{46}, 204_{35}, 382_{18}, *gi=|wų* DP 536_{51-52}, *giwų* DP 85_6, 375_{21}, *giwųiu* DP 343_{28}, *giwúiu* DP 343_{25}, 544_{21}, *giwûiu* DP 13_{19}, 116_{43}, 120_{43}, 371_{15}, 546_6, 546_{16}, 550_{12}, 551_{16}, 551_{40}; dat. pl. m. *giwíemus* DK 183_6, 183_{13}, *giwiémus* DP 578_{19}, 578_{29}; acc. pl. m. *gîwus* DK 38_{11}, 99_{17}, *gîwus* DP 64_7, 267_{51}, 293_{39}, *gîwůſius* DP 337_{34}, 547_{47}, 548_4; acc. pl. f. *gîwas* DP 548_3, 573_{10}, 575_{13}; instr. pl. m. *giwáis* DP 132_{41}, 183_{42}, 207_{14}, 224_8; allat. pl. *giwúmpiump* DP 273_{20}, 273_{23} || формы 4-й а. п.: instr. sg. m. *giwú* DP 455_{26}, acc. pl. m. *giwús* DP 337_{32}, 537_{30}] ~ лтш. *dzîvs* 'lebendig, frisch, heil, unverletzt'.

3. лит. *sargýba* (1) Rtr, NdŽ; JbL355, MŽ352, Sut, J, M, L 'стража'; др.-лит. **sargĩba** [*ſargîboie* loc. sg. DP 313_1, *ſargîbas* acc. pl. DP 38_1, первичную подвижную 3^a-ю а. п. этой основы, по-видимому, отражает ударение *ſârgibe* acc. sg. DP 552_{13} (с контаминацией по основе на *-ybė*)] ~ ***sárgas*** (3) 'сторож'; лтш. *saŕgs* 'der Wächter, Hüter'.

4. лит. ***vergýba*** (1) Rtr, NdŽ, KŽ; N, J1, LsB591, LL 109 'рабство' [~ лтш. *veŕdzība* 'die Sklaverei, Knechtschaft, Leibeigenschaft') ~ лит. ***vérgas*** (3) 'раб'; лтш. *vęŕgs* 'der Sklave'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (3^b-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. лит. диал. (Zt.) ***gerībà*** (2-я а. п.: instr. sg. *ġerībù* в JR 37) [⇒ *gerýba* (Ziet. 201), *negerýba* (Ziet. 428), нормат. лит. *gerýba*, выравнивание по формам с рецессивными окончаниями] и вариант *gėrýba* [(1); первичная подвижная 3^a-я а. п. этой основы, по-видимому, отразилась в акцентовке таких древнелитовских форм как *gerîbių* gen. pl. DP 1_{34}, DK 163_7, *gêri|bei* dat. sg. DP 521_{12-13} (*gĕrībei* ?), *gêribes* nom. pl. DP 409_{19}

(*gĕrībės* ?), *vẕ gêribẽs* acc. pl. DK 68_{10} (с контаминацией по основе на *-bė*) ~ лит. *gẽras* (4) 'хороший; добрый'; др.-лит. **gẽras**, f. **-à** (4) [памятники Прусской Литвы, возможно, еще сохраняют остатки 2-й а. п. (см. Иллич-Свитыч ИА, с. 56), но тексты Даукши достаточно регулярно проводят 4-ю а. п.: nom. sg. f. *Gerá* DP 353_4, *gerá* DP 102_{32}, 128_{22}, 250_{41}, 304_{34}, 306_{31}, 353_3, 433_{39}, 531_{17}, 561_9, *gẽrá* DP 10_{39}, *gęrá* DP 99_{30}, 101_{17}, 128_{27}, 150_{21}, 277_{19}, 427_{38}, 464_{20}, *gęrá* DP 102_{27}, *gęrâ* DP 128_{43}, *gerói* DP 561_5, *gerôii* DP 251_2; (? *wiſſa gerá* DP 235_8, *wiſſá gerá* DP 483_{32} — pl. neutr. ?), gen. sg. f. *gẽrós* DK 127_5, *gẽ|rós* DK 174_{2-3}, *gerós* DP 30_{17}, 38_{10}, 97_{23}, 97_{36}, 102_{25}, 102_{36}, 151_2, 151_{15}, 155_{12}, 170_{28}, 175_{19}, $2i\bar{e}00_{48}$, 209_{24}, 241_7, 244_1, 244_3, 244_{26}, 263_{35}, 297_{37}, 353_8, 380_{16}, 385_{16}, $\bar{4}04_{21}$, 405_{30}, 414_{12}, 421_7, 423_{36}, 432_{30}, 432_{31}, 465_9, 522_{16}, $526a_4$, 530_{10}, 531_3, 553_{46}, 565_{42}, 569_{11}, 574_{31}, 577_{41}, 577_{42}, 584_7, 584_{14}, 590_{41}, 590_{42}, 608_{32}, 609_{29}, *gęrós* DP 36_4, 40_{27}, 42_5, 42_{20}[17], 66_6, 83_{30}, 94_{13}, 99_{36}, 134_{44}, 147_7, 331_{14}, 347_{42}, 347_{46}, *gerǿ́* DP 150_{43}[18], *gęrôs* DP 175_{16}; dat. sg. m. *gęrám* DP 42_{22}; dat. sg. f. *gerái* (?)[19] DP 239_6; instr. sg. m. *gerú* DP 186_{36}, 207_{33}, 208_9, 248_{12}, 280_{33}, 306_{23}, 306_{25}, 333_{33}, 392_{31}, 433_4, 533_{19}, 553_{12}, 622_{25}, *ge=|rú* DP 318_{40-41}, *gęrú* DP 84_{36}, 429_{49}, 434_{45}, 475_{30}, 478_7, *gerų́* DP 560_8, *giariú* DP 375_{40} (в форме instr. sg. m. *géru* DP 471_{20} — оттяжка ударения с конечного краткостного слога); instr. sg. f. *gerá* DP 102_{41}, 135_{20}, 183_{32}, 341_2, 427_{44}, 526_{43}, 553_{12}, 554_{16}, 567_{22}, *gęrá* DP 101_{17}, 101_{35}; loc. sg. m. *geramé* DP 217_{30}, 290_{45}, *gęramé* DP 320_{44}; loc. sg. f. *geroié* DP 97_{37}, *gerói* DK 186_{18}; allat. sg. m. *gerǿṕ* DP 60_{10}, *gerǿṕ* DK 187_7, DP 155_{22}, 247_{26}, 251_1, 325_{38}, 522_{46}, *gẽrǿṕ* DK 138_{17}, *gerǿp* DP 220_{14}, 626_{34}, *gęrǿṕ* DP 60_8, *gęrǿṕ* DP 90_{39}, 186_{16}, *gę=|rǿṕ* DP 109_5; allat. sg. f. *gẽrǿſṕ* DK 174_{19}; nom. pl. m. *gẽrí* DK 72_4, 73_{11}, *geri* DP 292_{37}, 351_{41}, 379_7, 388_{37}, 519_3, $526a_{17}$, 568_{41}, 569_{14}, 569_{16}, 569_{40}, *gęrí* DP 83_6, 283_{31}, 286_{16}, 296_{19}, 314_{30}, 320_{40}, 351_{14}, 353_{47}, *gieri* DP 190_{25}, *Gẽriéii* DP 15_{13}, *gẽriéii* DP 14_{25}, 15_{16}, *gẽriéii* DP 10_{34}, *gẽriéi* DK 83_1, *geriéii* DP 155_{22}, 190_9, 196_{16}, 219_{15}, 223_{18}, 228_{30}, 384_{15}, 402_{26}, $526a_{14}$, $526a_{15}$, 561_{23}, 568_{50}, 596_{30}, *geriéii* DP 208_{47}, *gęriéii* DP 385_{38}, *gerîeii* DP 217_{31}; gen. pl. *gẽrų́* DK 41_{10}, 72_9, DP 20_{35}, 24_{24}, *ġẽrų́* DK 113_{12}, *gerų́* DP 30_{47}, 106_{11}, 175_{24}, 198_5, 214_{30}, 219_{14}, 231_{15}, 248_{30}, 273_{46}, 274_{30}, 300_{42}, 329_2, 344_8, 350_1, 365_{52}, 374_{45}, 385_{15}, 390_3, 415_{46}, 519_{24}, 524_{26}, 526_6, $526a_6$, $526a_{20}$, 546_{11},

[17] В Kudz. I, 224 страницы 36_4, 40_{27}, 42_5, 42_{20} поставлены после 134_{44}, что по принятому Кудзиновским способу указания страниц должно означать 136_4, 140_{27}, 142_5, 142_{20}, но на данных местах этих форм нет.

[18] Представленная в Kudz. I, 224 форма *gęrǿ́s* DP 134_{44}, по-видимому, является лишь интерпретацией формы *gęrós* DP 134_{44}, которая в тексте имеет точку под *s*, т.-е. *gęrǿ́ṣ*.

[19] См. текст: *butų́ Dwáſiai/ ir ißminti gerái padůti.* DP 239_6.

569_{24}, 570_{48}, 584_{6}, 605_{50}, *gerú* DP 550_{46}, *gęrų* DP 98_{41}, 303_{46}, 351_{16}, 362_{35}, 364_{27}, 388_{45}, 429_{29}, *gę=|rų* DP 101_{37-38}, *gęrú* DP 351_{43}, *giarų* DP 492_{27}, 514_{43}, *gęrą* DP 428_{30}, *gerųiu* DP 222_{43}, 343_{47}, 384_{11}, *gerúiu* DP 608_{42}, *gęrúiu* DP 23_{23}, 85_{9}, *gerûiu* DP 209_{1}, 385_{38}, 622_{39}, *gẽrûiu* DP 15_{16}, *gęrûiu* DP 83_{39}, 366_{47}; dat. pl. m. *geriémus* DP 191_{38}, 366_{49}, 387_{32}, bis, 554_{29}, 554_{31}, 584_{34}, *gęriémus* DP 284_{12}; acc. pl. m. *gẽrûs* DK 71_{20}, *ġẽrús* DK 90_{19}, *gerús* DP 50_{40}, 66_{34}, 138_{48}, 202_{46}, 242_{36}, 247_{31}, 281_{16}, 293_{11}, 300_{40}, 306_{36}, 317_{6}, 320_{32}, 342_{35}, 402_{5}, 402_{18}, 518_{43}, 526_{36}, 546_{13}, 551_{37}, 553_{14}, bis, 554_{1}, 560_{47}, bis, 562_{6}, 566_{25}, 569_{1}, 569_{22}, 584_{43}, 608_{21}, *gęrús* DP 28_{2}, 59_{51}, 92_{26}, 106_{20}, 109_{29}, 198_{4}, 217_{28}, 297_{38}, 320_{45}, 428_{37}, 430_{42}, 477_{31}, *gẽrús* DP 7_{53} (форма acc. pl. m. *gêrus* DP 453_{10} — с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); acc. pl. f. *gerás* DP 285_{18}, *gęrás* DP 84_{6}, *gerąſes* DP 247_{24} (форма acc. pl. f. *gêras* DP $526a_{12}$ — с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); instr. pl. m. *geráis* DP 32_{43}, 34_{15}, 198_{4}, 313_{40}, 349_{34}, 379_{6}, 553_{5}[20], 561_{11}, *gęráis* DP 33_{23}, 360_{32}, *geráiś* DP 198_{12}, *geráyſeis* DP 32_{8}; (форма instr. pl. f. *gerómis* DP $526a_{28}$ — с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); loc. pl. m. *gerůſé* DP 247_{26}; allat. pl. m. *gerúmp* DP 91_{46}, 313_{33}, 394_{45}, *gẽrûmp* DK 103_{5}; allat. pl. f. *gęrúmp'* DP 83_{38}; du. *gerú* DP 390_{15}; adv. *Gerái* DP 204_{32}, 386_{26}, 386_{31}, 476_{20}, *gerái* DP 27_{42}, 30_{17}, 30_{38}, 30_{49}, 31_{39}, 32_{36}, 33_{41}, 36_{2}, 76_{44}, 81_{49}, 105_{47}, 108_{36}, 116_{20}, 122_{21}, 124_{36}, 127_{10}, 136_{14}, 138_{47}, 140_{35}, 147_{7}, 151_{30}, 158_{14}, 160_{11}, 160_{35}, 161_{21}, 165_{6}, 174_{13}, 197_{33}, 197_{35}, 199_{37}, 202_{37}, 205_{41}, 208_{31}, 209_{7}, 210_{26}, bis, 210_{30}, 217_{39}, 222_{17}, 223_{1}, 223_{25}, 229_{1}, 230_{30}, 234_{29}, 234_{30}, 234_{35}, 238_{5}, 238_{36}, 239_{9}, 241_{37}, 247_{17}, 247_{18}, 247_{29}, 248_{14}, 248_{16}, 250_{50}, 256_{30}, 263_{26}, 269_{36}, 283_{30}, 284_{10}, 284_{15}, 285_{39}, 286_{19}, 287_{12}, 287_{24}, 289_{50}(?), 293_{37}, 298_{26}, 300_{5}, 301_{17}, 301_{33}, 305_{39}, 310_{7}, 313_{2}, 314_{18}, 317_{16}, 317_{36}, 320_{19}, 320_{33}, 320_{40}, 325_{40}, 357_{23}, 357_{24}, 362_{47}, 366_{36}, 367_{23}, 368_{20}, 375_{33}, 378_{27}, bis, 378_{48}, 379_{19}, 381_{41}, 384_{25}, 384_{41}, 385_{40}, 385_{49}, 385_{53}, 386_{1}, 387_{18}, 388_{52}, 389_{34}, 390_{21}, 390_{27}, 390_{30}, 390_{32}, 391_{24}, 391_{52}, 391_{54}, 392_{24}, 392_{28}, 393_{40}, 394_{34}, 394_{38}, 395_{8}, 397_{45}, 401_{42}, 403_{38}, 403_{40}, 404_{28}, 411_{7}, 413_{42}, 415_{28}, 419_{15}, 423_{35}, 423_{37}, 432_{17}, 526_{34}, 526_{52}, $526a_{45}$, 530_{37}, 533_{49}(?), 535_{19}, 536_{36}, 537_{11}, 544_{13}, 553_{11}, 553_{15}, 553_{33}, 558_{37}, 559_{4}, 559_{7}, 559_{14}, 559_{18}, 559_{43}, 561_{13}, 561_{14}, 561_{20}, 564_{38}, 566_{31}, 569_{9}, 572_{38}, 580_{11}, 580_{47}, 584_{11}, 584_{12}, 584_{34}, 589_{2}, 591_{42}, 593_{29}, 604_{19}, 606_{48}, 622_{24}, 622_{28} (*geraì*?), 622_{42}, 622_{46}, 624_{22}, 629_{41}, *ge=|rái* DP 146_{44-45}, 171^{1-2}, 200^{11-12}, 216_{2-3}, 219_{16-17}, 314_{1-2}, *Gerái* DP 317_{38}, *gerái* DP 199_{50}, 250_{53}, 320_{18}, 411_{18}, *geráy* DP 58_{9}, 59_{35}, *gẽrái* DP 7_{52}, 377_{27} (?), *gẽráy* DP 20_{44}[21], *gęrái* DP 10_{1}, 12_{5}, 12_{7}, 40_{23}, 41_{31}, 72_{36}, 76_{31}, 76_{49}, 79_{42}, 83_{7}, 95_{5}, 98_{41}, 100_{16}, 100_{17},

[20] В Kudz. I, 226, ошибочно, 535_{5}.

[21] Эта форма в Kudz. I, 222 указана как *gęráy*.

101_{21}, 110_{22}, 129_{35}, 132_{11}, 134_{51}, 143_{19}, 156_{10}, 166_{9}, 186_{1}, 197_{26}, 273_{43}, 279_{38}, 284_{15}, 284_{19}, 285_{30}, 308_{35}, 312_{18}, 313_{2}, 317_{13}, 320_{42}, 330_{32}, 333_{4}, 334_{23}, 335_{12}, 336_{39}, 339_{5}, 345_{2}, 348_{27}, 356_{17}, 356_{39}, 357_{30}, 357_{34}, 358_{18}, 360_{43}, 365_{16}, 366_{37}, 367_{6}, 369_{11}, 378_{44}, 385_{37}, 389_{44}, 390_{31}, 413_{42}, 453_{23}, 455_{3}, 466_{26}, 473_{10}, 488_{32}, *gę=|rái* DP 33_{17-18}, 339_{9-10}, 357_{21-22}, *gę|rái* DP 354_{27-28}, *gęrái* DP 110_{6}, 128_{32}, [139_{21}], 323_{47}, 464_{48}, *ġęrái* DP 129_{15}, *gęráy* DP 65_{7}, 65_{27}, 67_{25}, *gęrąi* DP 44_{2}, *gęrái* DP 102_{19}[22], *gęrâi* DP 320_{25}, 390_{33}, *giarái* DP 484_{14}, 492_{23}, 492_{25} || формы 2-й а. п.: nom. sg. m. *giérafìs* DP 496_{28}, *gêrafìs* DP 247_{23}; voc. sg. m. *gêrafìs* DP 381_{13}, 386_{27}, *gê=|rafìs* DP 390_{17-18}, *gêráfìs* DP 224_{22}; gen. sg. f. *gêros* DP 453_{9}, gen. pl. *gêrúiu* DP 348_{30}, *gęrųiu* DP 465_{9} (по-видимому, ритмическое ударение, следовательно, основное ударение на корне); allat. pl. m. *gêrúmp* DP 65_{4}; adv. *gêrai* DP 522_{42}, *gérái* DP 250_{41}, 320_{5}, 352_{42}, *Gêrái* DP 322_{6}, *gêrái* DP 369_{39}, 381_{12} (в формах с двумя знаками ударения первый знак может указывать на 2-ю а. п.)].

2. лит. диал. ***gražybà*** [(Ziet$_{1}$. 167) ⇒ *gražĩba* (Ziet$_{1}$. 167 и Ziet. 213), выравнивание по формам с рецессивными окончаниями] ~ лит. *gražùs* (4); др.-лит. **gražùs**, f. **-ì** (4) 'piękny, czysty, szczyry, nadobny, roskoszny, święty, ślachetny, świetny, stateczny, cudny': nom. sg. m. *grąžús* DK 56_{13}, *grąžús* DK 57_{17}, *grąžús* DP 242_{4}, 624_{29}; nom. sg. f. *grąží* DP 395_{20}, 395_{21}; gen. sg. m. *grąžáus* DP 379_{41}, 441_{50}; gen. sg. f. *grąžiós* DP 412_{13}; dat. sg. m. *gra=|žém'* DP 595_{34-35}; acc. sg. m. *grąžų* DP 396_{27}, *grąžu* DP 396_{32}, *grąžų* DP 521_{4}, 621_{17}; acc. sg. f. *grąžią* DP 186_{30}, 236_{14}, 487_{23}; instr. sg. f. *grąžiá* DP 367_{35}, чл. ф. *grąžiáię* DK 168_{11}, *grą|žẽii* (?) DP 32_{22-23}; illat. sg. *grąžión'* DP 182_{40}, *grąžíon* DP 179_{41}; nom. pl. m. *grąžųs* DK 42_{13}, *grąžus* DP 293_{18}, *grąžųs* DP 558_{39}; nom. pl. f. *grąžios* DP 293_{2}; gen. pl. m. *grąžių* DP 30_{27}, 542_{16}; acc. pl. m. *grąžús* DP 30_{19}; instr. pl. m. *grąžumís* DK 57_{20}, DP 25_{6}, *grąžúmis* DP 303_{15}; adv. *grąžéi* DP 36_{43}, 93_{34}, 303_{41}, 307_{29}, 385_{53}, 398_{39}, 401_{30}, 538_{12}, *grąžêi* DP 399_{40}].

3. лит. диал. ***gudrýba*** (1) (зафиксирована акцентовка, по-видимому, лишь acc. pl. *gudrýbas* [Sàlantaĩ (Kretingos r.)]) 'хитрость' ~ лит. ***gudrùs***, f. ***-ì*** 'хитрый; умный; ловкий', adv. *gudriaĩ* 'умнó; хи́тро; ло́вко'.

4. лит. ***piktýba*** (1) 'зло; злобность'; первичная 3-я а. п., вероятно, отразилась в акцентовке таких древнелитовских форм как *piktibių* gen. pl. DP 36_{26}, 177_{1}, *piktĩbiú* gen. pl. DK 139_{20} (с контаминацией по основе на *-bė*) ~ ***pìktas*** (4) 'злой; сердитый'.

[22] Эта форма в Kudz. I, 222 ошибочно указана и как *gęrái*.

Таблица 8

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфл., краткость	Акут	Циркумфл., краткость
		1	2 (1)	3 (3^a)	4 (3^b)
До действия закона де Соссюра	nom.	*lĩ̃gîbů̃* + − +	*làbîbů̃* + − +	*sa̧ldîbů̃* − − +	*gerîbů̃* − − +
	acc.	*lĩ̃gîbą̃* + − −	*làbîbą̃* + − −	*sáldîbą̃* − − −	*gèrîbą̃* − − −
	№ а. п.	1	1	3^a (3^{4a})	$*3^b$ (3^{4b})
После действия закона де Соссюра ($*3^b \rightarrow \underline{3}$)	nom.	*lĩ̃gîbů̃* + − +	*làbîbů̃* + − +	*sa̧ldîbů̃* − − +	*gerîbů̃* − − +
	acc.	*lĩ̃gîbą̃* + − −	*làbîbą̃* + − −	*sáldîbą̃* − − −	*gerĩ̃bą̃* − − −
	№ а. п.	1	1	3^a (3^{4a})	$\underline{3}$ (3^{4b})

5. лит. диал. ***goslýba*** (1) Kos42 'жадность; сладострастность, похотливость' ~ лит. диал. ***goslùs*** (4) 'жадный; сладострастный, похотливый'.

6. лит. ***gentýba*** (1) 'Heiratsverwandtschaft' ~ ***gentìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (4) 'род, племя; свойственник, родня'.

7. лит. ***piršlýba*** (1) обычно pl. 'сватовство' ~ ***piršlỹs***, f. ***-ẽ*** 'сват, сваха'.

Дальнейший процесс генерализации акцентовки типа *gerĩ̃bą̃* с почти полным устранением форм с ударением на корне и на окончании и контаминация с суффиксальным типом на *-ybė* создали современный категориальный акцент в этом словообразовательном типе.

Проведенной реконструкции противоречит латышская плавная интонация на этом суффиксе. И. Сержантс считает её согласующейся с литовской 1-й а. п. соответствующих имен (Seržants 2003: 97–98), однако, как показано выше, нужно исходить из рецессивности этого суффикса в пралитовском и, следовательно, из первичности прерывистой интонации в этом суффиксе, ср. суфф. adj. *-îg-* и *-âk-*, см. ниже.

8. Конфикс *pa-√-ė* (Šl.)

Тип А

а) От акутированных имён неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. ***patíltė*** (1) 'место под мостом или близ моста' ~ ***tíltas*** (1) 'мост'.
2. ***paúnksnė*** (1) 'тень' ~ ***únksna*** (1) 'тень'.
3. ***pakrū̃mė*** (1) 'место у куста' ~ ***krū̃mas*** (1) 'куст'.
4. ***paplėntė*** (1) 'место при шоссе' ~ ***plėntas*** (1) 'шоссе'.
5. ***pakójė*** (1) 'скамеечка (под ноги), подножка, подножие, основание' ~ ***kója*** (1) 'нога'.
6. ***pajáurė*** (1) 'сухое место у болота, у топи' ~ ***jáuras*** (1), ***jáura*** (1) 'топь, топкое болото'.
7. ***paprū̃dė*** (1) 'место у пруда' ~ ***prū̃das*** (1) 'пруд'.
8. ***panósė*** (1) 'место под носом' ~ ***nósis*** (1) 'нос'.
9. ***pamíltės*** *pl.* (1) 'отруби' ~ ***míltai*** *pl.* (1) 'мука'.
10. ***palíepė*** (1) 'место под липой' ~ ***líepa*** (1) 'липа'.
11. ***palóbė*** (1) 'низина, долина' ~ ***lóbas*** (1) 'низина, долина'.
12. ***paslė̃psnė*** (1) 'пах, пашина' ~ ***slė̃psna*** (1) 'пах'.
13. ***pagáirė*** (1) 'ветреное место, сквозняк' ~ ***gáirė*** (1) 'тяга, течение (воздуха), место, подверженное действию ветра; флаг, флажок, веха'.
14. ***padū̃mė*** (1) 'подымная (подворная) подать' ~ ***dū̃mai***, ***dū̃mas*** (1) 'дым'.
15. ***pašónė*** (1) 'бок, место под боком, около бока' ~ ***šónas*** (1) 'бок'.
16. ***patvárslės*** *pl.* (1) 'узда, вожжи, поводья' ~ ***tvárslas*** (1) 'перевязка, бандаж'.
17. ***pagúrklė*** (1) 'подбородок, кадык, горло' ~ ***gúrklis*** (1) 'зоб (у птиц), отвислая часть подбородка, двойной подбородок, кадык, горлышко (у бутылки)'.
18. ***pamárškė*** (1) 'палатка, шатёр' ~ ***márška*** (1) 'полотнище, парусина'.
19. ***pasóstė*** (1) 'место у трона' ~ ***sóstas*** (1) 'трон'.
20. ***patámsė*** (1) 'потёмки' ~ **tá̃msus**, f. **-i** (1, так же у D.) 'тёмный' и вторичный вариант ***tamsùs*** (4).

b_1) От циркумфлектированных (долготных) имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы:

1. ***pavařtė*** (2) 'место у ворот, подворотня' ~ ***vařtai*** *pl.* (2) 'ворота'.
2. ***parañkė*** (2) 'место под рукой ~ ***rankà*** (2) 'рука'.
3. ***pašlaĩ(s)tė*** (2) 'косогор, место под косогором' ~ ***šlaĩtas*** (2) 'склон, скат, откос'.
4. ***papiřštė*** (2) 'место под пальцем, у пальца' ~ ***piřštas*** (2) 'палец'.

5. ***paraĩstė*** (2) 'место у болота, у болотистого леса' ~ ***raĩstas*** (2) 'болотистый лесок, болотистый кустарник'.

6. ***padrumzlės*** *pl.* (2) 'подонки, отбросы' ~ ***drumzlės*** *pl.* (2) 'муть, осадок'.

7. ***papamỹnė*** (2) 'лежанка' ~ ***pamynà***, gen. sg. *-mỹnos* (2) 'лежанка'.

8. ***padañgtė*** (2) 'чердак, мансарда' ~ ***dañgtis*** (2) 'покров; крышка; крыша, кровля'.

9. ***pakaruõklė*** (2) 'висельница, повешенная' (LKŽ: 'виселица') ~ ***karuõklis*** (2) 'висельник';

10. ***pakr(i)aũšė*** (2) 'место у обрыва, утёса' ~ **kriaũšius** (D.: 2 → Šl.: *kriaušiùs* 4) 'обрыв, крутизна, круча'.

11. ***pašvaĩstė*** (2) [ср. диал. *pašváistė* (1)] 'зарево, полярное сияние' ~ ? ср. диал. ***šváistė*** (1) '= *pašváĩstė*' и ***švaĩstas*** (2) 'мот, расточитель' [также диал. *pašvaĩstė* (2) '*nerimtas žmogus, vėjavaikis*'].

Тип А → тип С

b_2) От краткостных имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы:

1. ***paupė̃*** ($3^{[b]}$) 'поречье, пойма реки, место у реки, побережье реки' ~ ***ùpė*** (2) 'река'.

2. ***pavasarė̃*** ($3^{[4b]}$) 'яровое поле' ~ ***vasãriai*** *pl.* (2) 'яровые', также 'полдень, юг'.

3. ***pakerė̃***, acc. *pãkerę* (3^b) 'место под кустом, место у пня' ~ ***kẽras*** (2) 'куст, пень'.

4. ***paraštė̃***, acc. *pãraštę* (3^b) 'поле страницы' ~ ***rãštas*** (2) 'письмо, писание'.

5. ***pagirė̃*** ($3^{[b]}$) 'полесье, опушка леса' ~ ***girià*** (2) 'лес, пуща'.

6. ***palapė̃***, acc. *pãlapę* (3^b) 'место под листьями; нижний лист в кочане' ~ ***lãpas*** (2) 'лист'.

7. ***pamedė̃*** ($3^{[b]}$) 'полесье' ~ ***mẽdė*** (2) 'лес' [*pamedė̃* (3^b) 'место под деревом, у дерева' образовано от *mẽdis* (2) 'дерево'].

8. ***papadė̃***, acc. *pãpadę* (3^b) 'место под подошвой' ~ ***pãdas*** (2) 'ступня, подошва'.

Напрашивается аналогия с подобным же распределением в йотированном классе глаголов.

Тип С → тип А

а) От акутированных имён подвижной (3-й и 3^a-й) акцентной парадигмы.

1. ***palángė*** (1) 'подоконник; место у окна' ~ ***lángas*** (3) 'окно', лтш. *luôgs*.

2. ***pažándė*** (1) 'нижняя челюсть' ~ ***žándas*** (3) 'щека', лтш. *zuôds*.

3. ***pastógė*** (1) 'чердак, мансарда, угол; пристанище, крыша (над головой)' ~ ***stôgas*** (3) 'крыша, кровля', лтш. *stâgs*.

4. ***pasúolė*** (1) 'место под лавкой' ~ ***súolas*** (3) 'лавка, скамья', лтш. *suôls*.

5. ***paklúonė*** (1) 'место у гумна' ~ ***klúonas*** (3) 'гумно, рига'.

6. ***pakalnė*** (2, метатоническая замена закономерного *pakálnė* 1, D. и диал.) 'долина, низина, место под горой, подножье горы' ~ ***kálnas*** (3) 'гора'.

Этот переход, вызван, по-видимому, действием закона де Соссюра, повлекшим дальнейшие выравнивания. Этим объясняется, вероятно, и наличие в данной группе и форм 3-й а. п.:

1. ***paširdė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под сердцем, около сердца' ~ ***širdìs*** (3) 'сердце'.

2. ***pašelmenė̃*** ($3^{[4b]}$) 'место под коньком крыши' ~ ***šelmuõ*** (3^a) 'конёк, гребень крыши'.

3. ***palaužė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под грудой, буреломом, сушняком; у берлоги, логовища' ~ ***láužas*** (3, у Šl. опечатка: 4) 'бурелом, лом; куча, груда, ворох'.

Последние примеры характерны тем, что у них имеются варианты на *-ys*. А у имён с конфиксом *pa-√-ỹ̃s* процесс аналогического выравнивания после действия закона Ф. де Соссюра происходил в противоположном направлении (см. ниже). Наличие парных вариантов, по-видимому, и обусловило это исключение в направлении указанного морфонологического процесса.

Тип С

b) От циркумфлектированных основ подвижной акцентной парадигмы.

b_1) Односложные основы (а. п. 4).

1. ***patuinė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под плетнём, тыном, у плетня' ~ ***tuĩnas*** (4) 'плетень, тын'.

2. ***pavardė̃***, acc. *pãvardę* (3^b) 'фамилия, прозвище' ~ ***vařdas*** (4) 'имя'.

3. ***padaržė̃*** ($3^{[b]}$) 'место около огорода' ~ ***dařžas*** (4) 'огород'.

4. ***palaukė̃*** ($3^{[b]}$) 'край поля' ~ ***laũkas*** (4) 'поле'.

5. ***pakiemė̃*** ($3^{[b]}$) 'место возле двора' ~ ***kiẽmas*** (4) 'двор'.

6. ? ****pamergė̃*** (3^b) 'подружка невесты в свадебном обряде' (ср. ниже *pamergỹs*) ~ ***mergà*** (4) 'дева, девушка'.

7. ***papilvė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под животом, нижняя часть брюха, подбрюшие' ~ ***pĩlvas*** (4) 'живот'.

8. ***palomė̃*** ($3^{[b]}$) 'долина, низина' ~ ***lomà*** (4) 'лог, котловина, низина'.

9. ***padermė̃***, acc. *pãdermę* (3^b) 'род, порода' ~ ***dermė̃*** (4) 'согласие, примирение'.

10. ***papietuvė̃***, acc. *pãpietuvę* (3^{4b}) послеобеденное время' ~ ***piẽtūs*** *pl.* (4) 'обед'.

11. ***paslėnė̃*** ($3^{[b]}$) 'местность у долины' ~ ***slėnỹs*** (4) 'долина'.

12. ***pasparnė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под крылом, подкрылье' ~ ***spãrnas*** (4) 'крыло'.

13. ***pasvirnė̃*** ($3^{[b]}$) 'место у клети, под клетью' ~ ***svi̇̃rnas*** (4) 'клеть, амбар'.

14. ***pakampė̃*** (D. 3^b; у Šl. ошибочно 4) 'место в углу' ~ ***kam̃pas*** (4) 'угол'.

15. ***pakraigė̃***, ***pakraikė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под коньком крыши' ~ ***kraĩgas***, ***kraĩkas*** (4) 'верх, конёк крыши'.

b_2) Многосложные основы (а. п. 3^b).

1. ***patvenkinė̃***, acc. *pãtvenkinę* (3^{4b}) 'место у пруда' ~ ***tvenkinỹs***, gen. sg. *tveñkinio* (3^b) 'пруд'.

c) От краткостных основ подвижной акцентной парадигмы.

c_1) Односложные основы (а. п. 4).

1. ***pakaklė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под шеей' ~ ***kãklas*** (4) 'шея'.

2. ***pakelė̃*** ($3^{[b]}$) 'край дороги' ~ ***kẽlias*** (4) 'дорога, путь'.

3. ***paragė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под рогом, у рога' ~ ***rãgas*** (4) 'рог'.

4. ***panagė̃***, acc. *pãnagę* (3^b) 'место под ногтем' ~ ***nagà*** (4) 'ноготь, копыто' (литер. *nagà* 4 'копыто', *nãgas* 4 'ноготь').

5. ***panamė̃*** ($3^{[b]}$) 'место у дома' ~ ***nãmas*** (4) 'дом'.

6. ***pamiškė̃*** ($3^{[b]}$) 'местность, расположенная около леса' ~ ***miškas*** (4) 'лес'.

7. ***padugnė̃***, acc. *pãdugnę* (3^b) 'место на самом дне' ~ ***dùgnas*** (4) 'дно'.

8. ***padvarė̃***, acc. *pãdvarę* (3^b) 'место возле имения' ~ ***dvãras*** (4) 'имение, поместье'.

9. ***papušė̃***, acc. *pãpušę* (3^b) 'место под сосной' ~ ***pušìs*** (4) 'сосна'.

10. ***pasekmė̃*** ($3^{[b]}$) 'последствие, результат' ~ ***sekmė̃*** (4) 'удача, успех'.

11. ***parugė̃***, acc. *pãrugę* (3^b) 'озимое поле', 'место возле ржаного поля' ~ ***rugiaĩ*** *pl.* (4) 'рожь'.

12. ***pasmakrė̃*** ($3^{[b]}$) 'подбородок' ~ ***smãkras*** (4) 'подбородок'.

13. ***pabarė̃*** ($3^{[b]}$) 'место, где поблизости трудится группа жнецов (miejsce, gdzie w pobliżu pracuje grupa żniwiarzy)' (?) ~ ***bãras*** (4) 'полоса, участок пахотной земли'.

14. ***pagalė̃*** ($3^{[b]}$) (только в выражении *añt gãlo pagalẽs* 'в конце концов') ~ ***gãlas*** (4) 'конец'.

15. ***pãgirės*** *pl.* (3^b) 'похмелье' ~ ***girà*** (4) 'квас, напиток'.

16. ***pakapė̃*** ($3^{[b]}$) 'место у могилы, кургана, у кладбища' ~ ***kãpas*** (4) 'могила', pl. 'кладбище'.

17. ***pasnapė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под клювом' ~ ***snãpas*** (4) 'клюв'.

18. ***pastalė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под столом' ~ ***stãlas*** (4) 'стол'.

19. ***pašakė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под ветвями, под суком' ~ ***šakà*** (4) 'ветвь, сук'.

20. ***pašalė̃*** ($3^{[b]}$) 'место под крышей (снаружи), навес; окраина' ~ ***šalìs*** (4) 'сторона'.

21. ***pašilė̃*** ($3^{[b]}$) 'место у бора' ~ ***šìlas*** (4) 'бор'.

22. ***palašė̃***, acc. *pãlašę* (3^b) 'место, где капает с крыши' ~ ***lãšas*** (4) 'капля'.

23. ***paledė̃*** ($3^{[b]}$) 'место подо льдом' ~ ***lẽdas*** (4) 'лёд'.

c_2) Многосложные основы (а. п. 3^b).

1. ***pavakarė̃***, acc. *pãvakarę* (3^{4b}) 'время, близкое к вечеру' ~ ***vãkaras*** (3^b) 'вечер'.

2. ***paežerė̃***, acc. *pãežerę* (3^{4b}) 'место у озера, побережье' ~ ***ẽžeras*** (3^b) 'озеро'.

3. ***padebesė̃*** ($3^{[4b]}$) 'место под облаком, тучей' ~ ***debesìs***, ***debesỹs*** (3^b) 'облако, туча'.

Примечание. *Pakrañtė* (2), по-видимому, свидетельствует о первоначальном *krañtas* (2) → 4-я а. п. у Šl.; 2-я а. п. *krañtas* засвидетельствовано в Švėkšna (Šilutės r.) и у Ф. Куршата (KB II 52); *krantà* (2) засвидетельствовано в Priekulė, Klaipėdos r., и в Klaĩpėda. Литер. *pakrántė* (1) и диал. (LKŽ) *pakrántis* (1), может быть, связаны с формами *kránta* (1), *krántis* (1), диал. (LKŽ) *krántė* (1) [диал. *pakrantỹs* (3^b) → *pãkrantis* (1) из вторичного *krañtas* (4)]; ср. лтш. *krañts*.

Таким образом, если исключить из рассмотрения краткосложные основы, процесс генерализации в которых подвижного акцентного типа требует особого изучения на более широком фоне, возможно, совместно с аналогичным явлением в глаголе, то реконструкция первоначального правила порождения акцентных типов производных в данном словообразовательном типе и последующих его деформаций и перестройки может быть представлена в следующей схеме (см. табл. 9):

Таблица 9

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс	Акут	Циркумфлекс
		1	2	3; 3^{a}	4; 3^{b}
До действия закона де Соссюра	nom.	*patíltẽ* − + +	*paviẽtẽ* − + +	*palaĩngẽ̃* − − +	*palãukẽ̃* − − +
	acc.	*patíltę̃* − + −	*paviẽtę̃* − + −	*pàlaĩngę̃* − − −	*pàlãukę̃* − − −
	instr.	*patíltę̃* − + −	*paviẽtę̃* − + −	*pàlaĩngę̃* − − −	*pàlãukę̃* − − −
	№ а. п.	1	*1	*3^{b}; *3^{4b}	$3^{(4)b}$; 3^{4b}
После действия закона де Соссюра (трёхсложные: *1 → 2, *3^{b} → 3; четырёхсложные *3^{4b} → 3^{a})	nom.	*patíltẽ* − + +	*paviẽtẽ* − + +	*palaĩngẽ̃* − − +	*palãukẽ̃* − − +
	acc.	*patíltę̃* − + −	*paviẽtę̃* − + −	*palaĩngę̃* − − −	*pàlãukę̃* − − −
	instr.	*patíltę̃* − + −	*paviẽtę̃* − + −	*palaĩngę̃* − − −	*pàlãukę̃* − − −
	№ а. п.	1	2	3; 3^{a}	$3^{(4)b}$; 3^{4b}
После морфонологических процессов выравнивания (трёхсложные: 3 ⇒ 1; четырёхсложные: 3^{a} ⇒ 3^{4b})	nom.	*patìltė*	*paviẽtė*	*palaĩngė*	*palaukẽ̃*
	acc.	*patìltę*	*paviẽtę*	*palaĩngę*	*pãlaukę*
	instr.	*patìlte*	*pavietė*	*palaĩnge*	*pãlauke*
	№ а. п.	1	2	1; 3^{4b}	$3^{(4)b}$; 3^{4b}

9. Конфикс *pa-√-y/i̯s* (Šl.)

Тип А

a_1) От акутированных имён неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. ***pavílnis*** (1) 'подшерсток' ~ ***vílna*** (1) 'шерсть'.
2. ***paúolis*** (1) 'место под скалой, возле утёса' ~ ***úola*** (1 и вар. 4) 'скала, утёс'.
3. ***paũksnis*** (1) 'тень, сень' ~ ***únksna, únksnė*** (1) 'тень'.
4. ***papíevis*** (1) 'место у луга' ~ ***píeva*** (1) 'луг'.
5. ***pasíenis*** (1) 'место у стены; граница, рубеж; место у границы, рубежа; пограничье, порубежье; пограничная местность' ~ ***síena*** (1) 'стена, граница, рубеж'.

6. ***paslépsnis*** (1) 'паховина, пахи; подвздохи, брюшко' ~ ***slépsna*** (1) 'пах'.
7. ***pakrósnis*** (1) 'место под печью, подпечек; место возле печи' ~ ***krósnis*** (1) 'печь'.
8. ***pakũdris*** (1) 'место у пруда' ~ ***kũdra*** (1) 'пруд'.
9. ***pakínkis*** (1) 'подколенок, место под ляжкой' ~ ***kínka*** (1) 'ляжка, подколенок; нижняя часть коленного сустава'.
10. ***pajúostis*** (1) 'место за (или под) поясом' ~ ***júosta*** (1) 'пояс'.
11. ***pajūris*** (1) 'берег моря, морское побережье' ~ ***jūra, jūrė*** (1) 'море'.
12. ***pajáuris*** (1) 'сухое место у топкого болота, у топи' ~ ***jáuras, jáura*** (1) 'топь, топкое болото'.
13. ***palóvis*** (1) 'место под кроватью' ~ ***lóva*** (1) 'кровать'.
14. ***panósis*** (1) 'место под носом' ~ ***nósis*** (1) 'нос'.
15. ***paódis*** (1) 'подкожный слой' ~ ***óda*** (1) 'кожа, шкура'.
16. ***paliepis*** (1) 'место под липой' ~ ***liepa*** (1) 'липа'.
17. ***papélkis*** (1) местность возле болота' ~ ***pélkė*** (1) 'болото'.
18. ***pasáulis*** (1) 'свет, мир, вселенная' ~ ***sáulė*** (1) 'солнце'.
19. ***pakójai pl.*** (1) 'подножье' ~ ***kója*** (1) 'нога'.
20. ***pakílpiai pl.*** (1) 'силки' ~ ***kílpa*** (1) 'петля'.
21. ***pagúrklis*** (1) 'подбородок, кадык, горло' ~ ***gúrklis*** (1) 'зоб (у птиц), отвислая часть подбородка, двойной подбородок, кадык, горлышко (у бутылки)'.

a_2) От краткостных многосложных имён неподвижной а. п. с ударением на первом слоге (1-я а. п.).

1. ***pavãsaris*** (1) 'весна' ~ ***vãsara*** (1) 'лето'.

b_1) От циркумфлектированных (долготных) имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. ***paramstis*** (2) 'подпорка' ~ ***ramstis*** (2) 'подпорка, подставка, опора, основание'.
2. ***pakaruõklis*** (2) 'висельник' ~ ***karuõklis*** (2) 'висельник'.
3. ***pakeleĩvis*** (2) 'путник, попутчик, спутник, прохожий' ~ ***keleĩvis*** (2) 'путник, странник, пассажир'.
4. ***pagaĩkštis*** (2) 'помелище, ручка помела, кочерги, ухвата' ~ ***gáikštė*** (1, Fr. 128. Вариант с метатонией?) '(хмелевая) тычина, веха'.

Тип А → тип С

b_2) От краткостных имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. ***pažemỹs*** ($3^{[b]}$) 'место у земли' ~ ***žẽmė*** (2) 'земля'.

2. ***paupỹs***, gen. sg. *pãupio* (3^b) 'место у реки, побережье реки' ~ ***ùpė***, ***ùpis*** (2) 'река'.

3. ***pasmuklỹs***, gen. sg. *pãsmuklio* (3^b) 'место при корчме' ~ ***smùklė*** (2) 'корчма, кабак'.

4. ***pagatvỹs***, gen. sg. *pãgatvio* (3^b) 'тротуар' ~ ***gãtvė*** (2) 'улица'.

5. ***paežỹs***, gen. sg. *pãežio* (3^b) 'место у межи, место у гряды' ~ ***ežià*** (2), ***ežẽ*** (4) 'межа, граница; гряда'.

6. ***pagirỹs***, gen. sg. *pãgirio* (3^b) 'полесье' ~ ***girià*** (2) 'лес, пуща'.

7. ***pabalỹs***, gen. sg. *pãbalio* (3^b) 'приболотье, место у болота' ~ ***balà*** (2) 'болото'.

8. ***pamarỹs***, gen. sg. *pãmario* (3^b) 'поморье, приморье; взморье; берег, побережье моря' ~ ***mãrės*** *pl.* (2) 'море'.

9. ***palubỹs***, gen. sg. *pãlubio* (3^b) 'место под потолком' ~ ***lùbos*** *pl.*, gen. pl. *-bų* и *-bų̃* (2 и 4) 'потолок'.

10. ***paduknỹs***, gen. sg. *pãduknio* (3^b) 'место под периной' ~ ***dùknos*** (в литер. 2, у Šl. а. п. не указана) 'перина'.

Тип С

а) От акутированных имён подвижной (3-й и 3^a-й) акцентной парадигмы.

Переход в тип А в этой группе производных почти не наблюдается: действует тенденция к восстановлению первичного вида акцентной кривой, деформированной законом де Соссюра.

1. ***pauodegỹs*** ($3^{[4b]}$) 'подхвостье, место под хвостом' ~ ***uodegà*** (3^a) 'хвост'.

2. ***pavandenỹs***, gen. sg. *pãvandenio* (3^{4b}) 'место у воды' ~ ***vanduõ*** (3^a) 'вода'.

3. ***pagalvỹs***, gen. sg. *pãgalvio* (3^b) 'изголовье, подушка' ~ ***galvà*** (3) 'голова'.

4. ***pažmonỹs***, gen. sg. *pãžmonio* (3^b) 'пребывание в гостях' ~ ***žmónės*** pl., gen. pl. *-nių̃* (3) 'люди'.

5. ***patrobỹs***, gen. sg. *pãtrobio* (3^b) 'место у избы' ~ ***trobà*** (3) 'изба, хата'.

6. ***paširdỹs***, gen. sg. *pãširdžio* (3^b) 'место под сердцем, около сердца' ~ ***širdìs*** (3) 'сердце'.

7. ***pašelmenỹs*** ($3^{[4b]}$) 'место под коньком крыши' ~ ***šelmuõ*** (3^a) 'конёк, гребень крыши'.

8. ***palaužỹs***, gen. sg. *pãlaužio* (3^b) 'место под грудой, под буреломом, у берлоги' ~ ***láužas*** (3, у Šl. ошибочно 4) 'бурелом, лом; куча, груда, ворох'.

9. ***pagerklỹs***, gen. sg. *pagérklio* (3, с сохранением деформации акцентной кривой по закону де Соссюра; в нормативном 3^b) 'место под горлом' ~ ***gerklẽ***, acc. sg. *gérklę* (3) 'горло'.

Относительно рефлексов закона де Соссюра в этой группе имён ср. литер. *pagálvis* (1), где выравнивание в сторону ликвидации подвижности.

b) От циркумфлектированных основ подвижной акцентной парадигмы.

b_1) Односложные основы (а. п. 4).

1. ***pažiemỹs***, gen. sg. *pãžiemio* (3^b) 'конец осени, поздняя осень' ~ ***žiemà*** (4) 'зима'.

2. ***patvorỹs***, gen. sg. *pãtvorio* (3^b) 'место под плетнём' ~ ***tvorà*** (4) 'ограда, забор, изгородь, плетень'.

3. ***patuinỹs***, gen. sg. *pãtuinio* (3^b) 'место под плетнём, под тыном' ~ ***tuĩnas*** (4) 'плетень, тын'.

4. ***paausỹs***, gen. sg. *pãausio* (3^b) 'место под ухом' ~ ***ausìs*** (4) 'ухо'.

5. ***pažymỹs***, gen. sg. *pãžymio* (3^b) 'признак' ~ ***žymẽ*** (4) 'знак, отметка, пометка'.

6. ***pavyzdỹs***, gen. sg. *pãvyzdžio* (3^b) 'пример, образец' ~ ***vyz(d)ỹs*** (4) 'зрачок, зеница' (для значения ср. польск. *wzór* 'образец').

7. ***pašlaunỹs***, gen. sg. *pãšlaunio* (3^b) 'пах' ~ ***šlaunìs*** (4) 'бедро, ляжка'.

8. ***pagrindỹs***, gen. sg. *pãgrindžio* (3^b) 'грунт, место пол полом' ~ ***grindà*** (4), ***grindìs*** (4) 'половая доска', pl. 'пол, настил'.

9. ***pamergỹs***, gen. sg. *pãmergio* (3^b) 'подружка невесты в свадебном обряде (Sic! «(*gramat. rodzaju męskiego*) druchna [= druhna], drużka»)' ~ ***mergà*** (4) 'дева, девушка'.

10. ***pastotỹs***, gen. sg. *pãstočio* (3^b) 'место у станции' ~ ***stotìs*** (4) 'станция'.

b_2) Многосложные основы (а. п. 3^b).

1. ***pavaldinỹs***, gen. sg. *pãvaldinio* (3^{4b}) 'подчинённый, подвластный, подданный' ~ ***valdinỹs*** (3^b) 'подданный'.

2. ***pažyminỹs***, gen. sg. *pãžyminio* (3^{4b}) 'определение' ~ ***žyminỹs*** (3^b) 'обозначение'.

c) От краткосложных основ подвижной акцентной парадигмы.

c_1) Односложные основы (а. п. 4).

1. ***paakỹs***, gen. sg. *pãakio* (3^b) 'место под глазом' ~ ***akìs*** (4) 'глаз'.

2. ***papilỹs***, gen. sg. *pãpilio* (3^b) 'место у замка' ~ ***pilìs*** (4) 'замок'.

3. ***paplutỹs***, gen. sg. *pãplučio* (3^b) 'место под хлебной коркой' ~ ***plutà*** (4) 'корка'.

4. ***palazdžiaĩ*** *pl.*, gen. *palazdžių* (3^b) 'первоцветы' ~ ***lazdà*** (4) 'стебель; палка, жезл'.

5. ***pašakỹs***, gen. sg. *pãšakio* (3^b) 'место под ветвями, под суком' ~ ***šakà*** (4) или ***šãkė*** (2) 'ветвь, сук'.

6. ***pašalỹs*** ($3^{[b]}$) 'окраина, угол, отдалённое место; место в углу, угол' ~ ***šalìs*** (4) 'сторона'.

7. ***pašaknỹs***, gen. sg. *pãšaknio* (3^b) 'место под корнем' ~ ***šaknìs*** (4) 'корень'.

c_2) Многосложные основы (а. п. 3^b).

1. ***pavakarỹs*** *(pã-)* (3^{4b}) 'время, близкое к вечеру' ~ ***vãkaras*** (3) 'вечер'.

2. ***papažastỹs***, gen. sg. *pãpažasčio* (3^{4b}) 'подмышка' ~ ***pažastìs*** (3^b) 'подмышка'.

Таблица 10

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс	Акут	Циркумфлекс
		1	2; 1	3; 3^a	4; 3^b
До действия закона де Соссюра	nom.	*pavílnīs* – + ∓	*paviẽtīs* – + ∓	*pagalvĩs* – – ∓	*pažiẽmĩs* – – ∓
	acc.	*pavílnį̃* – + –	*paviẽtį̃* – + –	*pàgalvį̃* – – –	*pàžiẽmį̃* – – –
	instr.	*pavílnįuô* – + –	*paviẽtįuô* – + –	*pàgalvįuô* – – –	*pàžiẽmįuô* – – –
	№ а. п.	1	*1	*3^b; *3^{4b}	3^b; 3^{4b}
После действия закона де Соссюра (трёхсложные: *1 → 2, *3^b → 3; четырёхсложные: *3^{4b} → 3^a)	nom.	*pavílnīs* – + ∓	*paviẽtīs* – + ∓	*pagalvĩs* – – ∓	*pažiẽmĩs* – – ∓
	acc.	*pavílnį̃* – + –	*paviẽtį̃* – + –	*pagálvį̃* – – –	*pàžiẽmį̃* – – –
	instr.	*pavílnįuô* – + –	*paviẽtįúo* – + –	*pagálvįuô* – – –	*pàžiẽmįuô* – – –
	№ а. п.	1	2; 1	3; 3^a	3^b; 3^{4b}
После морфонологических процессов выравнивания (восстановление 3^b; 3^{4b} ⇐ 3; 3^a)	nom.	*pavìlnis*	*paviẽtis*	*pagalvỹs*	*pažiemỹs*
	acc.	*pavìlnį*	*paviẽtį*	*pãgalvį*	*pãžiemį*
	instr.	*pavìlniu*	*paviečiù*	*pãgalviu*	*pãžiemiu*
	№ а. п.	1	2; 1	3^b; 3^{4b}	3^b; 3^{4b}

3. ***padebesỹs*** ($3^{[4b]}$) 'место под облаком, под тучей' ~ ***debesìs***, ***debesỹs*** (3^b) 'облако, туча'.

4. ***palikinỹs***, gen. sg. *pãlikinio* (3^{4b}) 'то, что осталось; наследство' ~ ***likinỹs*** (3^b) 'остаток'.

Примечание. Вторично *pagrebėstỹs*, gen. sg. *pãgrebėsčio* (3^{4b}) 'место под латвинами на стропилах' в связи с переходом производящего из а. п. 2 в а. п. 4: Šl. *grebẽstas*, pl. *grebėstaĩ* (4) 'łata przybijana na krokwiach', ср. литер. (Lyb.) *grebẽstas* (2) 'решетина', pl. 'обрешетка'; но ср. лит. диал. (LKŽ) *grebė́stas* (3) [Švenčiónys, Kaišiadórys, Výžuonos (Utenos r.), Molėtai]

Так же как и в предыдущем типе исключив из рассмотрения краткосложные основы, мы можем представить следующим образом первоначальную систему выбора акцентных типов и основные последующие процессы в ней (см. табл. 8). Простого сопоставления последней таблицы с предыдущей, по-видимому, вполне достаточно, чтобы прояснить причину иного направления процесса выравнивания, чем в предшествующем словообразовательном типе.

II. Суффиксы II класса

1. Суффикс *-el-is* (D.)

Тип А

а) От акутированных существительных неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. **grū́delis** m. 'ziarnko' [1: nom. sg. *grûdelis* DP 88_4, 579_{33}, 579_{35}, 579_{39}] ~ **grū́das** m. 'ziarno' [1: nom. pl. *grûdai* DP 610_{42}, gen. pl. *grúdu* DP 487_{12}; на акутовую интонацию корня указывает отсутствие передвижения ударения по закону Ф. де Соссюра: instr. sg. *grûdu* DP 234_6; acc. pl. *grûdus* DP 585_{18}; nom. du. *grû=|du* DP 610_{43-44}].

2. **kálnelis** m. 'pagorek' [1: nom. sg. *kálnelis* DP 25_{36}, dat. pl. *kálnêlemus* DP 171_{39}] ~ **kálnas** m. 'gora; pagorek' [1: allat. sg. *kálnoṗ* DP 32_2, *kâlnoṗ* DP 1_7[23]; nom. pl. *Kálnai* DP 30_{44}, *kálnai* DP 14_{28}, 14_{40}, *kâlnai* DP 612_{36}; gen. pl. *kálnų* DP 30_{54}, 88_{15}, 124_7, 372_5, 458_{17}, bis, 458_{30}, 472_{16}, 472_{21}, 475_{44}, 612_{28}, *kálnu* DP 30_{34}, 36_{19}, 288_{30}, 374_{20}, 612_{36}, *kâlnų* DP 575_{39}, dat. pl. *kálnamus* DP 171_{38}; на акутовую интонацию корня указывает отсутствие передвижения ударения по закону Ф. де Соссю-

[23] В Kudz. I, 341, ошибочно, *kálnoṗ*.

pa: instr. sg. *kâłnu* DP 619_{33}; acc. pl. *kálnus* DP 14_{49}, bis, 24_{41}, 87_{44}, 288_{38}, 289_{32}].

3. **pláukelis** m 'kosmek' [1: nom. sg. *płáukialis* DP 580_{19}] ~ **pláukas** m 'włos, sierść' [1: instr. pl. *płáukais* DP 479_{8}; на акутовую интонацию корня указывает отсутствие передвижения ударения по закону Ф. де Соссюра: acc. pl. *Płáukus* DP 479_{15}; лтш. pl. *plaũkas* 'Flocken, Fasern, Abgang von Wolle, Flachs, Hülsen, Schinn, Farbe'[24]; но у Даукши чаще формы 3-й а. п.: nom. pl. *płaukái* DP 145_{21}; gen. pl. *płaukú* DP 462_{28}; instr. pl. *Płaukáis* DP 35_{49}, *płaukáis* DP 476_{11}, 476_{23}, 481_{16}, 482_{4}; лтш. *plaûks*, pl. *plaûki* 'Schneeflocken, Schelfer, Schinn'].

4. **šunĩtẽlis** m. 'szczeniątko' [1: nom. pl. *ßunîtelei* DP 615_{18}] ~ совр. лит. ***šunýtis*** (1) 'собачка, щенок'.

b) От циркумфлектированных и краткостных существительных неподвижной (2-й и 1-й) акцентной парадигмы:

1. **baĩselis** m. 'głos' [1: gen. sg. *bâłsẽlo* DP 11_{19}[25]] ~ **baĩsas** m. 'głos' [2: instr. pl. *bâłſais* DP 429_{37}; на циркумфлексовую интонацию корня указывает передвижение ударения по закону Ф. де Соссюра: instr. sg. *bałſú* DP 7_{46}, 23_{20}, bis, 24_{35}, 29_{20}, 29_{37}, 98_{15}, 113_{7}, 173_{6}, 173_{16}, 181_{35}, 238_{31}, 326_{27}, 327_{38}, 328_{32}, 455_{21}, 455_{26}, 471_{6}, 473_{32}, 613_{17}, *bałſų* DP 540_{41}; acc. pl. *bałſús* DP 153_{5}, 248_{24}; в форме instr. sg. *bâłſu* DP 546_{31} оттяжка ударения с конечного краткостного слога; совр. лит. *baĩsas*, 4-я и 2-я а. п., LKŽ 1, 601; у Даукши чаще однако отмечены формы 4-й а. п.: nom. pl. *bałſái* $167a_{25}$, *bał=|ſái* DP 26_{21-22}; instr. pl. *bałſais* DP $167a_{23}$].

2. **mẽdelis** m. 'drzewko; macica' [1: nom. sg. *mêdelis* DP 603_{38}, 604_{3}, acc. sg. *mêdeli* DP 602_{47}, loc. sg. *mêdeliie* DP 603_{32}] ~ **mẽdžias** и **mẽdis** m. 'drzewo' [2: allat. sg. *mêdžiop'* DP 575_{15}, *mêdžiop* DP 429_{6}, *mêdžiop̀* DP 146_{12}; nom. pl. *mêdžei* DP 558_{38}, 558_{44}, 585_{25}, 585_{38}, 607_{16}, gen. pl. *mêdžių* DP 87_{45}, *mêdžiu̧* DP 603_{39}; loc. pl. *mêdžiůſe* DP 406_{4}; для формы основы: nom. sg. *médžias* DP 606_{21}, *médzias* DP 575_{44}, *mêdžias* DP 429_{5}, 575_{45}, 575_{47}, *mê=|džias* DP 304_{42-43}, *mêdžias* DP 522_{51}, 605_{24}, *médžes* DP 300_{40}, 300_{41}, bis, 300_{42}, *mêdžes* DP 138_{38}, 300_{39}; nom. sg. *mêdis*

[24] Fr. I, 607 дает также форму *plaũki* 'Schneeflocken, Schelfer, Schinn', но в Mühl.-Endz. III, 324 имеется лишь форма *plaûki* с этим же значением; в Endz.-Haus. II, 285 подтверждается интонация (*-aû-*) и указывается на возможность sg. к этой форме: *plaûks*, форму nom. sg. приводил также в своей статье П. Шмидт: *plaùks* (т. е. *plaûks*) 'клочек, хлопок' (Шмидт 1899: 34). Словарь Ērg. 3: 100 фиксацией формы *plaûkas* делает сомнительной приведенную выше по Mühl.-Endz. III, 324 форму *plaũkas*.

[25] У Kudz. I, 93 ошибочно — 11_{99}.

DP 575_{10}, *mędis* DP 303_{39}; совр. лит. *mẽdis* m. 2 'дерево', диал. вост.-лит. Šl. *mẽdžias* 2 'drzewo'].

3. **miẽstelis** m. 'miasteczko' [1: allat. sg. *miéſteloṗ* DP 189_{31}] ~ **miẽstas** m. 'miasto' [2: allat. sg. *miéſtoṗ* DP 335_{7}, 470_{1}; illat. sg. *miéſtan'* DP 181_{14}, 300_{15}, 334_{41}, 470_{2}, *mié=|ſtan'* DP 471_{39-40}, *miéſta*□ DP 470_{5}; nom. pl. *miéſtai* DP 395_{28}; gen. pl. *miéſtų* DP 311_{30}, 381_{16}, 384_{33}, *míéſtu̧* DP 114_{10}, [381_{14}], *miêſtu̧* DP 8_{20}, 97_{16}, *míêſtu̧* DP 98_{20}, *mîeſtu̧* DP 60_{38}, 90_{22}, 98_{24}, *miéſtu̧* DP 391_{4}; dat. pl. *mié=|ſtamus* DP 334_{30-31}; loc. pl. *miéſtůſę* DP 288_{30}, *miéſtůſe* DP 295_{44}; на циркумфлексовую интонацию корня указывает передвижение ударения по закону Ф. де Соссюра: instr. sg. *mieſtú* DP 59_{31}, 88_{13}, 347_{32}, 557_{45}; loc. sg. *mieſté* DP 38_{6}, 59_{42}, $167a_{17}$, 175_{48}, 204_{24}, 209_{10}, 236_{25}, 290_{38}, 311_{5}, 354_{43}, 355_{25}, 405_{27}, 476_{7}, 590_{24}, 615_{35}; acc. pl. *mieſtús* DP 8_{30}, 130_{43}, 302_{16}, 318_{21}, *mie=|ſtús* DP 410_{13-14}; в формах loc. sg. *miéſtę* DP 395_{34} и *mîeſtẽ* DP 3_{20} оттяжка ударения с конечного краткостного слога; совр. лит. *miẽstas*, 2 'город'].

4. **vaĩkelis** m., pl. 'dziatki' [1: nom. pl. *wáikialei* DP 587_{1}, *wáikialai* DP 485_{48}; acc. pl. *wáykęlus* DP 54_{35}] ~ **vaĩkas** m. 'dziecko; dzieciątko, dziecię' [реликтовая 2-я а. п. этого слова, сохранившаяся, вероятно, лишь в диалекте второго наборщика: nom. pl. *wáikai* DP 65_{49}, *waikai* DP 64_{11}; dat. pl. *wáikamus* DP 566_{33}; ударение в формах acc. pl. *wáikus* DP 65_{13}, 465_{18} и *wâikus* DP 65_{44}, 566_{16}, относящихся к «зоне второго наборщика» и к «выбросам» из нее, следует объяснять оттяжкой ударения с конечного краткостного слога, характерной для этой «зоны»; в основной части текста наблюдается а. п. 4: nom. pl. *waikái* DP 67_{6}, 141_{9}, 191_{51}, 306_{31}, 413_{47}, 474_{14}, 549_{7}, *wai=|kái* DP 142_{3-4}, *waykái* DP 70_{20} (и с двумя знаками ударения: *waikái* DP 9_{38}); gen. pl. *waikų* DP 65_{46}, 125_{30}, 192_{2}, 374_{37}, 396_{35}, 410_{38}, *waikú* DP 28_{1}; dat. pl. *waykâmus* DP 66_{43}; *waikáis* DP 140_{22}, 360_{17}, 421_{1}, 490_{19}; на циркумфлексовую интонацию корня указывает передвижение ударения по закону Ф. де Соссюра: acc. pl. *waikús* 65_{28}, 65_{30}, 65_{40}, 91_{35}, 94_{32}, 207_{23}, 214_{22}, 263_{42}, 277_{38}, 288_{32}, 300_{3}, 324_{5}, 333_{6}, 456_{6}, 459_{12}, 463_{53}, 564_{43}, bis, 566_{27}, 566_{30}, *waykús* DP 65_{25}, 65_{52}; acc. du. *waikú* DP 426_{37}].

5. **kũdikẽlis** m. 'dzieciątko; niemowiątko' [1: gen. sg. *kûdike=|lo* DP 617_{25-26}; nom. pl. *kûdi=|kelei* DP 587_{25-26}] ~ совр. лит. ***kũdikis*** (1) 'младенец'.

6. **kùmelẽlis** m. 'żrebię' [1: *kúmẽlelo* DP 2_{48}; при двух случаях ударения на суффиксе] ~ ***kùmelis** [? 1, хотя совр. лит. *kumelỹs* (3^{b}) 'жеребец', возможно, первоначальным был неподвижный акцентый тип].

Тип B

а) От акутированных имён подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **bernẽlis** 'dziecię, dzieciątko; niemowiątko' [2: nom. sg. *Bernélis* DP 471_5, *bernélis* DP 461_{18}, 471_{10}, *Bernêlis* DP 53_3, 405_{15}, *bernêlis* DP 58_{13}, 63_{23}, 422_{21}, 422_{38}, 427_{32}, 604_{10}, *ber=|nêlis* DP 421_{16-17}, *bęrnêlis* DP 418_1; gen. sg. *bernélo* DP 461_9, 464_{24}, 614_{49}, *bęrnélo* DP 474_{30}, *bernêlo* DP 213_{33}, 214_{24}, 416_{46}, 419_{46}, 614_{48}, *bęrnêlo* DP 418_{51}; acc. sg. *bẽrnéli* DP 417_{44}, *bernêli* DP 418_3, *bernêli* DP 38_7, 58_9, 64_{38}, 417_1, 422_{23}, 430_5, *ber=|nêli* DP 425_{39-40}, *bernêlí* DP 431_{31}, *bęrnêli* DP 419_{50}, *ber|nêli* DP 416_{43-44}, *belnêli* DP 518_5; allat. sg. *bernêlop* DP 590_{43}; nom. pl. *Bernêlei* DP 227_{48}, *bernêlei* DP 227_{45}, *bęrnêley* DP 55_{15}, *bęrniálei* DP 485_{40}; gen. pl. *bernêlu* DP 255_{24}, 432_{12}, *bernêlu* DP 544_{18}, *bęrnêlu* DP 356_{39}, *bernêlú* DP 198_5 (с ошибочно поставленным вторым знаком ударения); acc. pl. *bernelús* DP 263_{41}, 417_6, 517_{24}, *bęrnęlús* DP 64_{45}, 419_{35}, *bęrnęlús* DP 420_{35}; instr. pl. *bernêleis* DP 542_{33}] ~ **bérnas** [3, у Даукши только nom. sg. *bêrnas* DP 123_{27}, у Донелайтиса 3-я а. п., см. Buch, 16; совр. лит. ***bérnas*** 3 'парень'].

2. **sūnẽlis** 'synaczek' [2: voc. sg. *funêli* DP 371_2; voc. pl. *funêlei* DP 530_{32}, *funnêlei* DP 612_{43}; зафиксирован и вариант с накоренным ударением: voc. pl. *Sûnelei* DP 626_{45}[26], соответствующий варианту 1-й а. п. производящего, зафиксированному в этой же зоне памятника] ~ **sūnùs** [3: nom. sg. *Sunús* DP 17_{27}, 129_{50}, 158_{25}, 158_{27}, 163_9, 163_{10}, 172_{23}, 172_{29}, 173_2, 177_{44}, 179_{12}, 183_{25}, 190_{32}, 204_{20}, 207_{41}, 232_{29}, 232_{47}, 233_4, 233_7, 239_{44}, 241_6, 241_{19}, 244_{40}, 252_{40}, 256_{10}, 256_{40}, 258_{11}, 258_{33}, 258_{45}, 258_{47}, 258_{53}, 259_2, 259_{12}, 259_{16}, 259_{17}, 259_{32}, 259_{34}, 260_3, 260_8, 260_{15}, 261_{16}, 261_{29}, 261_{31}, 261_{37}, 262_6, bis, 267_{28}, 285_{11}, 318_{11}, 346_{39}, 349_{44}, 355_{21}, 400_{10}, 404_2, 405_{15}, 407_{42}, 408_{10}, 421_{23}, 552_{17}, 556_2, 571_{19}, 578_{14}, 591_{19}, 592_4, 599_{20}, 599_{38}, 628_{98}, *sunús* DP 47_{14}, *funús* DP 13_{28}, 14_{24}, 31_{16}, 47_{51}, 83_{18}, 83_{23}, 94_{50}, 104_{33}, 106_1[27], 106_{41}, 107_2, 135_{16}, 149_{16}, 151_{50}, 156_{43}, 157_{11}, 174_{28}, 174_{35}, 214_{20}, 216_{14}, 225_3, 232_{20}, 237_{40}, 249_{23}, 253_{39}, 255_{47}, 263_9, 280_{26}, 290_{13}, 323_9, 335_{26}, 335_{27}, 336_{35}, 345_{43}, 346_{30}, 351_{27}, 354_{43}, 355_2, 355_3, 355_5, 355_8, 355_{14}, 355_{25}, 355_{40}, 356_9, 356_{45}, 357_{15}, 357_{43}, 373_{39}, 390_7, 400_5, 408_{14}, 410_2, 410_{19}, 422_{50}, 422_{51}, 432_{12}, 432_{17}, 433_{41}, 435_{23}, bis, 435_{36}, bis, 435_{41}, 435_{43}, 435_{46}, 435_{50}, 435_{52}, bis, 435_{53}, 435_{54}, 439_{21}, 443_{30}, 449_{44}, 449_{48}, 452_7, 452_8, 453_{21}, 453_{26}, 454_{18}, 456_{22}, 460_4, 466_{18}, 467_{30}[28], 467_{31}, 467_{48}, 472_{39}, 473_{43}, 485_8, 521_9, 544_{11}, 597_{38}, 599_{43}, 612_{34}, 613_{17}, 615_{47}, 617_7, *fu=|nús* DP 255_{45-46}, 342_{16-17}, 357_{8-9},

[26] В Kudz. II, 258 форма *sunêlei*, ошибочно, относится и к DP 626_{45}.

[27] В Kudz. II, 260, ошибочно, 106_7.

[28] В Kudz. II, 260, ошибочно, 467_{20}.

428_{44-45}, 433_{41-42}, *funýs* DP 252_{11}, 450_{17}, *Sunûs* DP 256_{40}; gen. sg. *Sunáus* DP 16_{39}, 33_{11}, 53_{30}, 130_{31}, 146_{46}, 161_{31}, 193_1, 203_{28}, 207_{36}, 218_{14}, bis, 218_{31}, 226_{38}, 226_{43}, 232_{17}, 232_{42}, 233_3, 233_5, 236_{34}, 238_{16}, 240_{29}, 241_{46}, 242_{54}, 243_{14}, 243_{24}, 243_{27}, 245_{28}, 248_{34}, 249_{36}, 249_{39}, 252_{33}, 253_4, 253_5, 253_{18}, 253_{26}, 256_{21}, 256_{39}, 257_{12}, 258_3, 258_5, 258_{48}, 258_{54}, 259_{13}, 259_{19}, 259_{45}, 259_{47}, 260_{15}, 261_{39}, 274_{30}, 328_{11}, 337_4, 342_{32}, 346_{13}, 349_{21}, 372_{18}, 409_{47}, 435_{25}, 437_{38}, 449_{46}, 450_2, 544_7, 563_{32}, 575_{15}, 600_{40}, 614_{31}, 616_{40}, 617_{23}, 624_{26}, 624_{30}, *Su=|náus* DP 260_{26-27}, *funáus* DP 1_{16}, 25_{31}, 27_{22}, 49_{23}, 50_{14}, 51_{50}, 52_2, 70_{44}, 129_{37}, 129_{41}, 140_{47}, 144_{18}, 148_{13}, 177_3, 218_{16}, 223_{36}, 232_{24}, 232_{43}, 234_{49}, 240_{32}, 252_{12}, 258_{31}, 335_{29}, 345_{42}, 352_{18}, 356_{25}, 357_{13}, 361_{20}, 375_{24}, 375_{41}, 408_{30}, 418_5, 419_{23}, 433_{40}, 435_{24}, 435_{35}, 435_{49}, 439_{50}, 440_7, 441_{15}, 450_7, 450_{14}, 450_{16}, 450_{18}, 451_4, 462_{12}, 463_{28}, 467_{30}, 471_{41}, 472_{38}, 491_8, 502_{34}, 534_{18}, 561_{31}, 600_{49}, 619_{33}, *fu=|náus* DP 218_{16-17}, 428_{7-8}, *Sunáus* DP 205_{46}, *funáus* DP 441_{29}, *funáus* DP 282_{11}, 450_5, *Sunaús* DP 161_{33}, *funáús* DP 229_6, *fu=|náús* DP 147_{33-34}; instr. sg. *Sunumí* DP 202_{20}, 251_{27}, [342_{37}], 426_2, [599_{45}], *Sunu=|mí* DP 260_{38-39}, *Su=|numí* DP 426_{11-12}, *funumí* DP 4_{44}, 47_{40}, 65_{12}, 114_{26}, 117_9, 160_{46}, 177_{17}, 229_{35}, 316_7, 345_{17}, 345_{25}, 345_{47}, 346_{38}, 348_{17}, 358_{15}, 382_6, 401_{28}, 418_{35}, 434_{13}, 438_6, 441_{20}, 441_{45}, 441_{47}, [458_{37}], 467_{39}, 467_{40}, 591_{15}, [613_5], 629_{52}, *funu=|mí* DP 467_{42-43}, (*funumi* DP 44_{18},)[29] (в формах instr. sg. *Sunúmi* DP 260_5, *funúmi* DP 345_{36}, 450_{38} — оттяжка ударения с конечного краткостного слога); adess. sg. *funúp* DP 442_{18}; allat. sg. *funáufp'* DP 597_{36}, 612_{34}, *funáufp* DP 71_{38}, 506_{21}, *funáufp* DP 71_{41}, 617_{41}, *fu=|náufp* DP 435_{40-41}; gen. pl. *Sunú* DP 163_{27}, *funú* DP 24_{20}, 45_{30}, 65_{23}, 115_{49}, 116_{12}, $167b_{24}$, 179_{17}, 211_{16}, 326_{39}, 336_{19}, 394_{21}, 407_{33}, 410_6, 410_{32}, 411_4, 415_6, 417_{10}, 421_5, 462_{23}, 464_{28}, 482_{14}, 483_1, 483_{33}, 484_{13}, 489_{47}, *fu=|nú* DP 171_{35-36}, *funú* DP 356_{39}, *funú* DP 305_{25}, 543_{30}; dat. pl. *funúmus* DP 1_{30}, 2_{25}, 72_9, 90_{43}, 116_4, 116_{31}, 175_{33}, 221_4, 258_{22}, 263_{34}, 484_4, 484_{16}, 484_{17}, *funúmuś* DP 340_{31}; instr. pl. *Sunumís* DP 284_{21}, [534_{17}], *funumís* DP 46_{16}, 46_{20}, 77_{39}, 94_{36}, 132_{46}, 233_{11}, 254_{26}, [284_{11}], 287_{29}, 348_{16}, 395_{13}, 441_{44}, 448_{43}, 464_{29}, 467_{23}, 532_{10}, 535_8, 573_4, *fu=|numís* DP 438_{31-32}, *funumîs* DP 135_6, *fumumís* DP 326_{39} || 1. или «смешанная» а. п. наблюдается, в основном, во второй зоне памятника: nom. sg. *Súnus* DP 202_2, 203_{47}, *fúnus* DP 44_{17}, 255_{53}, 618_4, 626_{44}, 627_2, *Sûnus* DP 564_{50}, 565_1, 567_{34}, 593_7, 594_{27}, 599_{40}, 626_{38}, 627_{27}, *sûnus* DP 620_{27}, *fûnus* DP 418_{13}, 533_{16}, 591_{41}, 616_{41}; gen. sg. *Súnaus* DP 53_{28}, *Sûnaus* DP 566_{41}, *fûnaus* DP 563_{29}, *sûnáus* DP 624_3; instr. sg. *fûnumí* DP 255_{16}; loc. sg. *fûnuię* DP 94_{47}, *Sûnuie* DP 564_{13}; allat. sg. *fûnaufp* DP 627_{12}; gen. pl. *fûnu* DP 566_{21}, 602_{30}; instr. pl. *fûnumís* DP 43_6, *fûnumis* DP 535_{22}, *Sûnumis* DP 596_{44}].

[29] Указанная в Kudz. II, 262 форма *sunumi* DP 253_{34} в тексте не обнаружена.

3. **šiaudẽlis** m. 'zdziebłko' [2: acc. sg. *ßiaudêlı* DP 418_{13}] ~ **šiáudas** [3: acc. pl. *ßiâudus* DP 36_{53} 'słoma'; у Донелайтиса 3-я а. п., см. Buch 16; совр. лит. *šiáudas* 'солома', pl. *šiaudaĩ* 'солома'].

b) От циркумфлектированных и краткостных имён подвижной (3^b-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. **avinẽlis** 'baranek' [2: nom. sg. *Awinêlis* DP 18_{11}, *awinêlis* DP 2_{53}, 29_{26}, 138_{39}, 147_5, 157_{16}, 181_{49}, 327_{23}, 342_{27}, $542a_4$, 595_{35}, 614_{34}, bis, *awi=|nêlis* DP 573_{40-41}, *Awinêlis* DP 18_5, *awinêłis* DP 176_4; gen. sg. *Awinélo* DP 439_{36}, *awinêlo* DP 182_{29}, 374_7, 428_{42}, 573_{38}, 596_{38}, 622_{34}, *a=|winêlo* DP $542a_{10-11}$; acc. sg. *awinéli* DP 632_7, *awinêlı* DP 268_4, 421_{38}, 428_{40}, 592_{10}, *Awinêli* DP 163_{30}, *awinêli* DP 181_{47}, 181_{49}; instr. sg. *awinelú* DP $167b_{40}$; с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *awinêlu* DP 622_{35}; acc. pl. *awinelús* DP 470_{14}] ~ **ãvinas** 'baran' [3^b: gen. pl. *awinų* DP 27_{16}, 263_{37}; acc. pl. *áwinus* DP 465_{16}].

2. **kiemẽlis** 'wioska' [2: acc. sg. *kemêli* DP 425_{39}] ~ **kiẽmas** 'wieś, wioska; folwark' [4: allat. sg. *kiemóp* DP 148_{29}; nom. pl. *kiemái* DP 276_4, 306_{28}, 353_{22}; gen. pl. *kiemų* DP 274_{36}, *kie=|mų* DP 351_{35-36}; acc. pl. *kiemús* DP 277_{52}, 353_{21}, 353_{22} (*kiémus* DP 276_{30}, оттяжка ударения с конечного краткостного слога); instr. pl. *kiemáis* DP 277_{49}, 279_{29}].

3. **maišẽlis** 'worek' [2: gen. sg. *maißélo* DP 39_{12}; acc. sg. *maißéli* DP 10_1] ~ **maĩšas** 'wor' [4: instr. sg. *maißú* DP 586_{35}; loc. sg. *maißé* DP 424_{27}, *maißiá* DP 586_{25}; allat. sg. *maißóp'* DP 577_9].

4. **namẽlis** 'domek' [2: acc. pl. *namelús* DP 415_9, *námęlús* DP 419_{25}] ~ **nãmas** 'dom; dwor; przybytek; gościniec; pałac; imienia; sprzęcik; kamienica' [4: nom. pl. *Namái* DP 572_{21}, 575_{31}, *namái* DP 117_{38}, 274_{24}, 275_{14}, 278_5, 306_{28}, 307_{16}, 309_{33}, bis, 314_{25}, bis, 357_{46}, 408_{36}, 409_9, 409_{26}, 411_{25}, 412_5, 412_7, 412_{25}, 439_{45}, 464_{42}, 558_{15}, 572_{13}, 572_{21}, 573_{16}, 575_{32}, 576_7, *na=|mái* DP 278_{10-11}, *namáy* DP 66_{11}; gen. pl. *namų* DK 74_{16}, DP 27_2, 35_{13}, 37_{39}, 40_{21}, 59_{17}, 61_{42}, 65_{20}, 65_{35}, 113_{29}, 115_2, 115_{38}, 116_{47}, 117_{38}, 124_{12}, 282_{17}, 313_8, 356_{21}, 356_{23}, 358_{11}, 370_{20}, 373_{44}, 374_{21}, 382_7, 400_{12}, 424_{46}, 427_{35}, 427_{45}, 437_{44}, 440_{10}, 457_{30}, 458_{16}, 492_{52}, 552_{16}, 555_4, 575_{30}, 575_{43}, 576_{44}, 577_{39}, 598_2, *namú* DP 114_{50}, 120_3, 372_6; dat. pl. *namámus* DP 397_1, 571_{18}, *namâmus* DP 334_{40}, 575_{24}; voc. pl. *na=|mâi* DP 310_{19-20}; instr. pl. *namáis* DP 455_{13}, 571_{27}, 575_{33}, 624_{25}; loc. pl. *namůsé* DP 137_{16}, 352_{29}, *namůſé* DP 76_{39}, *na=|můſé* DP 73_{18-19}; *namůſsé* DP 491_{46}, *namůſiá* DP 476_8, *na=|můſiá* DP 438_{7-8}; allat. sg. *namúmp* DP 297_9, *namúmp̀* DP 488_{43}) || формы 2-й а. п.: nom. pl. *námai* DP 65_{17}; instr. pl. *námáis* DP 88_{14} (с маленькой черточкой или точкой на первом слоге, возможно, марашка); loc. pl. *námůſé* DP 139_{35} (в формах с двумя знаками ударения первый знак может указывать на 2-ю а. п.)].

5. **nasrẽlis** 'ustka' [2: gen. pl. *naſrêlų* DP 617_{25}] ~ **nasraĩ**, pl. 'usta; gęba' [4: nom. pl. *naſrái* DP 319_{43}, 394_{35}, 461_{15}, 462_{20}, 533_{14}; gen. pl. *naſrų* DK 69_{10}, *naſrų* DP 110_{34}, 147_6, 207_8, 222_{44}, 253_{45}, 298_{36}, 303_4, 353_{19}, 367_8, 400_{29}, 404_{24}, 474_{41}, 620_{45}, *naſrú* DK 110_3, *naſrú* DP 617_{27}, *náſrų* DK 146_{19}; dat. pl. *naſrámus* DP 173_{13}; instr. pl. *naſráis* DK 171_{10}, *Naſráis* DP 479_{16}, *naſráis* DP 1_{34}, 222_{44}, 222_{46}, 262_{24}, 293_{22}, 370_{50}, 412_{18}, 458_3, 475_{14}, 511_{12}, 533_9, 568_{36}, 595_9, *naſráys* DP 24_{30}; loc. pl. *naſrůsé* DP 103_{19}, *naſrůſé* DP 371_{20}, 382_{51}, 433_{21} || формы 2-й а. п.: loc. pl. *náſrůſe* DP 196_{22}].

Случаи, свидетельствующие о процессе генерализации насуффиксального ударения:

1. **grūdẽlis** 'ziarnko' [2: nom. sg. *grudélis* DK 8_5] ~ **grũdas** [на ряду с формами 1-й а. п.: nom. pl. *grûdai* DP 610_{42}, gen. pl. *grúdu* DP 487_{12}, — у Даукши отмечаются и формы 3-й а. п.: nom. pl. *grudái* DP 487_{31}; dat. pl. *grudâmus* DP 87_{25}; на то, что в обоих случаях, по-видимому, сохраняется акутовая интонация корня, указывает отсутствие передвижения ударения по закону Ф. де Соссюра: instr. sg. *grûdu* DP 234_6; acc. pl. *grûdus* DP 585_{18}; nom. du. *grû=|du* DP 610_{43-44}].

2. **vaikẽlis** m. 'dziatki; dziecię; dzieciątko; niemowiątko' [2: nom. sg. *waikęlis* DP 255_{20}, *waikêlis* DP 38_{35}, 199_{21}, 433_2; gen. sg. *waikêlo* DP 418_4, 427_{36}, 591_7; dat. sg. *waikêlui* DP 222_{41}; acc. sg. *waikiáli* DP 614_{51}, *wai=|kiáli* DP 475_{33-34}, *waikêli* DP 211_9, 399_{11}; instr. sg. *waykęlú* DP 42_5, 42_{15}; nom. pl. *waikêlei* DP 227_{41}, *wai=|kêlei* DP 517_{34-35}, *waikêłei* DP 417_{23}, *Waikiâlei* DP 7_{40}, *waikîalei* DP 64_7; gen. pl. *waikêlų* DP 298_{33}, 304_{53}, 349_{24}, *waikêlu* DP 248_{29}, *waykîalų* DP 64_{15}; dat. pl. *waykîalamus* DP 64_{22}, 77_{44}, *waikéle|mus* DK 3_{11-12}; acc. pl. *waikelús* DP 307_{35}, 413_{41}, *waikęlús* DP 91_{37}[30], 348_{14}, 443_{47}, *waykęlús* DP 64_{40}, *wai|kẽlús* DK 129_{19-20} (acc. pl. *waikêlus* DP 591_7, *waikiálius* DP 464_{26}, оттяжка ударения с конечного краткостного слога); instr. pl. *waikêłeis* DP 298_{32}] ~ **vaĩkas** [наряду с формами 2-й а. п., указанными выше, в текстах Даукши отмечены и формы 4-й а. п.: nom. pl. *waikái* DK 50_{11}, DP 67_6, 141_9, 191_{51}, 306_{31}, 413_{47}, 474_{14}, 549_7, *wai=|kái* DP 142_{3-4}, *waikái* DP 9_{38}, *waykái* DP 70_{20}; gen. pl. *waikų* DP 65_{46}, 125_{30}, 192_2, 374_{37}, 396_{35}, 410_{38}, *waikú* DP 28_1; dat. pl. *waykâmus* DP 66_{43}; instr. pl. *waikáis* DP 140_{22}, 360_{17}, 421_1, 490_{19}].

3. **medẽlis** 'drzewko; macica; szczepek' [nom. sg. *medêlis* DP 604_{30}; acc. sg. *medêlı* DP 90_{17}; voc. sg. *medêli* DP 625_{39}; instr. sg. *medelú* DP 604_{24}, *mędelú* DP 605_9] ~ (производящее 2-й а. п. см. выше).

4. **luotẽlis** 'łódka' [gen. sg. *lůtêlo* DP 400_{24}] ~ **luõtas** (случаи: loc. sg. *łůté* DP 377_{12}, *łůtê* DP 288_2; acc. pl. *łůtús* DP 288_{10}; acc. du. *łůtú* DP 288_3,

[30] В Kudz. II, 398, ошибочно, *waykęlús*.

łůtû DP 287_{38}, — свидетельствуют, конечно, об альтернативе: или 2-й а. п., или 4-й а. п., но современная акцентовка указывает на 2-ю а. п.).

5. **lustẽlis** 'ułomek; odrobinka; sztuczka; zostałe sztuki' [acc. pl. *luſtelús* DP 123_{34}] ~ **lùstas** 'ułomek; odrobina' [2: gen. pl. *łúſtų* DP 123_{35}, *łúſtu* DP 300_{2}].

Таблица 11

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфл., краткость	Акут	Циркумфл., краткость
		1	2; 1	3 (3^a)	4; 3^b
До действия закона де Соссюра	nom.	*grū́delīs* + + ∓	*vaĩkelīs* + + ∓	*bêrnèlīs* − + ∓	*kiẽmèlīs* − + ∓
	gen.	*grū́deliąˀ̃* + + −	*vaĩkeliąˀ̃* + + −	*bêrnèliąˀ̃* − + −	*kiẽmèliąˀ̃* − + −
	acc.	*grū́delį̃* + + −	*vaĩkelį̃* + + −	*bêrnèlį̃* − + −	*kiẽmèlį̃* − + −
	instr.	*grū́deliuô* + + −	*vaĩkeliuô* + + −	*bêrnèliuô* − + −	*kiẽmèliuô* − + −
	№ а. п.	1	1	*1	*1
После действия закона де Соссюра (*1 → 2)	nom.	*grū́delīs* + + ∓	*vaĩkelīs* + + ∓	*bêrnèlīs* − + ∓	*kiẽmèlīs* − + ∓
	gen.	*grū́deliąˀ̃* + + −	*vaĩkeliąˀ̃* + + −	*bêrnèliąˀ̃* − + −	*kiẽmèliąˀ̃* − + −
	acc.	*grū́delį̃* + + −	*vaĩkelį̃* + + −	*bêrnèlį̃* − + −	*kiẽmèlį̃* − + −
	instr.	*grū́deliuô* + + −	*vaĩkeliuô* + + −	*bêrneliúo* − + −	*kiẽmeliúo* − + −
	№ а. п.	1	1	2	2

6. **rūbẽlis** 'sukienka' [instr. sg. *rubęlú* DP 38_{25}] ~ **rūbas** 'szata; odzienie; obyczaj; strój; suknia' [2: instr. sg. *rubú* DP 104_{42}, 146_{10}, 167_{8}, 167_{17}, 184_{38}, 350_{42}, *ru=|bú* DP 164_{32-33} (instr. sg. *rûbu* DP 302_{53}, 615_{15}, оттяжка ударения с конечного краткостного слога); loc. sg. *rubė* DP 25_{12} (loc. sg. *rúbe* DP 156_{8}, *rûbe* DP 622_{16}, оттяжка ударения с конечного краткостного слога); nom. pl. *Rûbai* DP 5_{10}, *rûbai* DP 145_{13}, 167_{28}, 306_{29}, 330_{3}, 369_{34}, 591_{34}, 593_{39}, 594_{10}; gen. pl. *rûbų* DP 55_{47}, 306_{24}, 614_{53}; acc. pl. *rubús* DP 1_{18}, 4_{47}, 5_{3}, 5_{9}, 5_{15}, 5_{47}, 131_{36}, 135_{43}, 136_{12}, 158_{30}, 168_{49}, 172_{18}, 242_{51}, 369_{21}, 369_{25}, $542a_{10}$, *ru=|bús* DP 172_{12-13}, *rubúś* DP 1_{19} (*rúbus* DP 160_{47}, *rûbus* DP 29_{51}, 175_{51}, 517_{51}, 594_{9}, 602_{5}, оттяжка ударения с конечного краткостного слога); instr. pl. *rúbais* DP 131_{36}, *rûbais* DP 20_{20}, 20_{21}, 20_{36}, 21_{10}, 32_{43}, 33_{12}, 167_{25}, 270_{14}, *rû=|bais* DP 171_{26-27}, *rûbays* DP 17_{13}; loc. pl. *rúbůſe* DP 228_{38}, *rûbůſe* DP 294_{11}, 300_{36}, *rûbůsẽ* DP 22_{2}, *rûbůſę* DP 161_{48}].

7. **šunytẽlis** 'szczeniątko' [2: nom. pl. *ßunitêlei* DP 113_{33}] ~ [совр. лит. ***šunýtis*** (1), диал. (Gs) *šunỹtis* (2) 'собачка, щенок'].

8. **kumelẽlis** 'żrebię' [2: gen. sg. *kumęłélo* DP 2_{45}, *kumẽłêlo* DP 3_{50}] ~ совр. лит. ***kumelỹs*** (3^b) 'жеребец'.

Реконструкция системы порождения акцентных типов этих имён может быть представлена следующим образом (см. табл. 11).

2. Суффикс *-išk-is* adj. (D.)

Тип А (в большинстве случаев → тип В)

а) От акутированных основ неподвижной акцентной парадигмы (1).

1. **tĕviškė** f. 'отчизна, родина; наследство, наследственное имение, отчий дом' [1: nom. sg. *téwikßke* (Sic!) DP 190_{23}, *téwißkia* DP 616_{13}, gen. sg. *téwißkes* DP 207_{13}, DP 526_{10}, illat. sg. *téwißken'* DP 103_{6} → *tĕviškė* 1] ~ ***tĕvas*** (1/3 → 3) 'отец', лтш. *tę̃vs*.

2. **mõteriškė** 'женщина' [1: *Móterißke* DP 626_{16}, DP 626_{17}, gen. sg. *mó=|terißkes* DP 441_{49}, *mótęrißkes* DP 71_{13}; *motérîßke* DP 392_{43}, *Motérîſke* DP 213_{32} (с двумя ударениями; ?*móteriškė* 1 → *moterìškė* 2)] ~ ***mótė***, gen. sg. ***-er(e)s*** (1) 'жена, супруга; женщина'.

3. **vĩriškis** 'мужчина' [1: *wîrißkiu* DP 562_{28}, *wîrißke=|mus* DP 562_{30-31}; 1 → *vyriškis* 2] ~ ***výras***, pl. ***-ai*** (1) 'муж, супруг; хозяин, человек; мужской'.

Тип В

а) От акутированных имён подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **bernìškė** 'детство' [2: nom. sg. *bernîßke* DP 421_{31}, 590_{9}, gen. sg. *bernîßkes* DP 54_{45}, 406_{50}, 425_{41}, 580_{29}, *bęrnîßkes* DP 65_{7}, dat. sg. *bernîßkei* DP 591_{18}, loc. sg. *bernîßkeie* DP 64_{4}, 267_{1}, 590_{45}, *bernîßkeię* DP 417_{19}, 426_{10}; → *berniškė* 2] ~ ***bérnas***, pl. ***-aĩ*** (3) 'отрок, мальчик-слуга'.

О том, что подобное различие выбора существовало и у производных от имён 2-й и 4-й а. п., свидетельствуют диалектные данные, ср. 1. ***dvãriškis*** (Юшк. II, 548, sub v. *įsitémẽtyti*, 1-я а. п. → *dvarìškis*, 2 'дворовый, придворный') ~ ***dvãras***, pl. ***-ai*** (D.: 2 → совр. 4) 'имение, поместье'; 2. ***galìškis*** (Юшк. II, 406; 2-я а. п.) 'концевой, конечный, крайний' ~ ***gãlas***, pl. ***-aĩ*** (D.: 4 → совр. 4) 'конец'.

Очевидно, что первоначальное правило выбора акцентных типов должно быть реконструировано таким образом (см. табл. 12):

Таблица 12

Формы производных основ		А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2 (1)	3; 3[a]	4 (3[b])
Sg.	m.	*vĩ́riškīs* + ∓ ∓	*dvàriškīs* + ∓ ∓	*bêrnìškīs* − ∓ ∓	*galìškīs* − ∓ ∓
	f.	*vĩ́riškē* + ∓ +	*dvàriškē* + ∓ +	*bêrnìškē* − ∓ +	*galìškē* − ∓ +
Pl.	m.	*vĩ́riškįāi* + ∓ +	*dvàriškįāi* + ∓ +	*bêrnìškįāi* − ∓ +	*galìškįāi* − ∓ +
	f.	*vĩ́riškēs* + ∓ −	*dvàsiškēs* + ∓ −	*bêrnìškēs* − ∓ −	*galìškēs* − ∓ −
№ а. п.		1	1	[*1 →] 2	[*1 →] 2

3. Суффикс *-in-is* adj. (Tw.)

Тип А

а) От акутированных имён неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. ***dúoníinis*** (1) 'хлебный, для хлеба (нож)' ~ ***dúona*** (1) 'хлеб'.
2. ***dū́mińė*** (1) 'курная (изба)' ~ ***dū́mai*** *pl.* (1) 'дым'.
3. ***gl'íńįinis*** (1) 'для гнид (нож)' ~ ***glínda*** (1) 'гнида'.
4. ***ǵirńiinis*** (1) 'для жернова' ~ ***ǵirnā́s*** *pl.* (1) 'жернов'.
5. ***káil'iinis*** (1) 'из овчины' ~ ***káil'is*** (1) 'овчина'.
6. ***kárviinis*** (1) 'для коров (хлев)' ~ ***kárvė*** (1) 'корова'.
7. ***kául'iinis*** (1) 'костяной, из кости' ~ ***káulas*** (1) 'кость'.
8. ***kū́giinis*** (1) 'со стога (сено)' ~ ***kū́gis*** (1) 'стог'.
9. ***mā̃l'iinis*** (1) 'глиняный, из глины' ~ ***mā̃l'is*** (1) 'глина'.
10. ***l'iepiinis*** (1) 'липовый, из липы' ~ ***líepa*** (1) 'липа'.
11. ***mílćiinis*** (1 → *miltìnis*, 2) 'мучной, из муки' ~ ***mílte[a]ĩ*** *pl.* (1) 'мука́'.
12. ***plū́kšniinis*** (1) 'из пера' ~ ***plū́ksna*** (1) 'перо'.
13. ***sū́riinis*** (1) 'для сыра' ~ ***sū́ris*** (1) 'сыр'.
14. ***śieńiinis*** (1) 'стенной, для стены' ~ ***śiena*** (1) 'стена'.
15. ***šā̃ńiinis*** (1) 'для бока, боковой' ~ ***šā̃nas*** (1) 'бок'.
16. ***úńćiinis*** (1) 'утиный (о пере)' ~ ***úńćis*** (1) 'утка'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ неподвижной (1-й и 2-й) акцентной парадигмы.

1. ***pãkuliinis*** (1 → *pakulìnis*, 2) 'пакляный, из пакли' ~ ***pãkulā̃s*** *pl.* (1) 'пакля'.
2. ***pãšukiinis*** (1 → *pašukìnis*, 2) 'из вычесок (льна, конопли)' ~ ***pãšukā̃s*** *pl.* (1) 'вычески'.
3. ***ruŋ'kiinė*** (1) 'ручная (машина)' ~ ***ruŋkà*** (2) 'рука'.
4. ***rū̃biinis*** (1) 'из текстильного материала (мех в гармони)' ~ ***rū̃bas*** (2) 'материал (для одежды)'.
4. ***śl'iinkšćiinis*** (1) 'для порога (балка)' ~ ***śl'iinkšćis*** (2) 'порог'.
5. ***víščiinis*** (1) 'куриный (о пере)' ~ ***víštà*** (2) 'курица'.

Тип В

а) От акутированных имён подвижной (3-й и 3[a]-й) акцентной парадигмы.

1. ***arkl'ĩńis*** (2) 'конский, для коня' ~ ***arkl'ĩ̃s*** (3) 'конь'.
2. ***beržĩńis*** (2) 'березовый' ~ ***bé[a]ržas*** (3) 'берёза'.
3. ***grėbl'ĩńei*** (2) 'грабельный, для грабель (зубцы)' ~ ***grėbl'ĩ̃s***, acc. sg. *grė́bl'ĩ* (3) 'грабли'.
4. ***ūžuol'ĩńis*** (2) 'дубовый (лес)' ~ ***ū́žuolas*** (3[a]) 'дуб'.
5. ***krėśl'ĩńis*** (2) 'коренной (зуб)' ~ ***krė́slas*** (3) 'кресло'.

b) От циркумфлектированных и краткостных имён подвижной (3[b]-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. ***apaćĩńis*** (2) 'нижний (о балке)' ~ ***apaćà*** (3[b]) 'низ'.
2. ***atāuįĩńis*** (2) 'уто́чный' ~ ***ataude[a]ĩ*** *pl.* (3[b]) 'уто́к'.
3. ***aviižĩńis*** (2) 'овсяный' ~ ***ãviižā̃s*** *pl.* (3[b]) 'овёс'.
4. ***daržĩńis*** (2) 'огородный, из огорода' ~ ***darž̃as*** (4) 'огород'.
5. ***dvarĩńis*** (2) 'усадебный' ~ ***dvãras*** (4)'усадьба'.
6. ***įieńĩńis*** (2) 'дневной (например: молоко)' ~ ***įienà*** (4) 'день'.
7. ***įvĩńĩńei*** (2) 'двойня, близнецы' ~ [***dvyniaĩ*** (4) 'двойня, близнецы'].
8. ***gal'ĩńis*** (2) 'концовый, конечный' ~ ***gãlas*** (4) 'конец'.
9. ***kaćil'ĩńis*** (2) 'котловый (о глубине реки)' ~ ***kãćilas*** (3[b]) 'котёл'.
10. ***karkl'ĩńis*** (2) 'из лозы' ~ ***kar̃klas*** (4) 'лоза'.
11. ***kā̃rĩńis*** (2) 'в сотах' ~ ***kā̃rĩ̃s*** (4) 'соты'.
12. ***kl'evĩńis*** (2) 'кленовый' ~ ***kl'ẽ[a]vas*** (4) 'клён'.
13. ***kraščĩńis*** (2) 'крайний' ~ ***krãštas*** (4) 'край'.
14. ***kumpĩńis*** (2) 'положенный в углу' ~ ***kum̃pas*** (4) 'угол'.
15. ***lāukĩńis*** (2) 'полевой, дикий' ~ ***lāũkas*** (4) 'поле'.
16. ***l'ińĩńis*** (2) 'льняной' ~ ***l'ine[a]ĩ*** *pl.* (4) 'лён'.
17. ***mil'ĩńis*** (2) 'из шерстяной ткани' ~ ***mĩlas*** (4) 'ткань из шерсти'.

18. ***peleńīnis*** (2) 'пепельный (о старике, из которого якобы сыплется пепел' ~ ***pelene^{a}ī*** *pl.* (3^{b}) 'пепел'.
19. ***ruǵīnis*** (2) 'ржаной' ~ ***ruǵeī*** *pl.* (4) 'рожь'.
20. ***rīšīnis*** (2) 'в пучке' ~ ***rīšīs*** (4).
21. ***smal'īnis*** (2) 'смолистый (о дровах)' ~ ***smalà*** (4) 'смола'.
22. ***sparńīnis*** (2) 'в крыле, из крыла' ~ ***spařnas*** (4) 'крыло'.
23. ***śćikl'īnis*** (2) 'стеклянный' ~ ***śćīklas*** (4) 'стекло'.
24. ***šakńīnis*** (2) 'из корня' ~ ***šakńìs*** (4) 'корень'.
25. ***šåužīnis*** (2) 'соломяный, из соломы' ~ ***šåude^{a}ī*** (4) 'солома'.
26. ***šerīnis*** (2) 'из щетины' ~ ***šereī*** *pl.* (4) 'щетина'.
27. ***šil'īnis*** (2) 'сосновый (о дереве)' ~ ***šīlas*** (4) 'сосна, бор'.
28. ***šil'ḱīnis*** (2) 'шёлковый' ~ ***šilkas*** (4) 'шёлк'.
29. ***víral'īnis*** (2) 'суповый (горошек)' ~ ***vīralas*** (3^{b}) 'суп'.

Парадигматический выбор в этом словообразовательном типе нарушается рядом исключений, семантическое объединение которых довольно хорошо показывает, как данная система разрушается:

1. ***al'kśnīnis*** (2) 'ольховый' ~ ***al'kśnis*** (2) 'ольха'.
2. ***grik'īnis*** (2) 'гречневый' ~ ***grīḱei*** *pl.* (2) 'гречка'.
3. ***vuośīnis*** (2) 'ясеневый' ~ ***vúośis*** (1) 'ясень'.
4. ***pupīnis*** (2) 'бобовый' ~ ***pūpåš*** *pl.* (2) 'бобы'.
5. ***ṁiežīnis*** (2) 'ячменный' ~ ***ṁiežei*** *pl.* (2) 'ячмень'.
6. ***mežīnis*** (2) 'деревянный ~ ***mē^{a}ǰas*** (2) 'дерево' и, возможно,
7. ***śṁil'ǵīnis*** (2) 'заросший некоей травой' ~ ***śṁilgà*** [2 ?, литер. *smìlga* (1) Š, Rtr, NdŽ 'полевица', диал. *smilgà* (4) Dsn, *smilgà* (3) OG229, Tvr, Aps (LKŽ XIII, 171)].

Таблица 13

Формы производных основ		А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2; 1	3; 3^{a}	4; 3^{b}
Sg.	m.	*dū́minīs* + ∓ ∓	*vìštinīs* + ∓ ∓	*bẽržìnīs* − ∓ ∓	*dãržìnīs* − ∓ ∓
	f.	*dū́minē* + ∓ +	*vìštinē* + ∓ +	*bẽržìnē* − ∓ +	*dãržìnē* − ∓ +
Pl.	m.	*dū́minįāi* + ∓ +	*vìštinįāi* + ∓ +	*bẽržìnįāi* − ∓ +	*dãržìnįāi* − ∓ +
	f.	*dū́minēs* + ∓ −	*vìštinēs* + ∓ −	*bẽržìnēs* − ∓ −	*dãržìnēs* − ∓ −
№ а. п.		1	1	[*1 →] 2	[*1 →] 2

Если учитывать, что лишь одно прилагательное, образованное от названий растений, *liepíńis*, имеет тип А, и ещё восемь прилагательных имеют закономерный тип В, то можно считать, что в системе говора прилагательные от имён, обозначающих растения (из которых сделано, состоит что-л.), акцентуются по типу В, независимо от а. п. производящего (исключение *liepíńis*). Дальнейшее расширение типа В наблюдается в литературном языке.

Первичная система порождения акцентных типов та же, что и в предыдущем словообразовательном типе (см. табл. 13).

4. Суффикс сравнительной степени adj. *-esn-is* (D.)

Выбор акцентных типов сравнительной степени

Тип А

а) От акутированных прилагательных неподвижной (1-й) акцентной парадигмы:

1. **brángesnis** 'дороже' [1: nom. sg. m. *brą́geſnis* DP 331$_{41}$, 424$_{37}$; *brą́gęſnis* DP 339$_{15}$, *brą́geſnis* DP 194$_{1}$, 429$_{25}$; *brâgeſnis* DP 138$_{18}$; *brą́giaſnis* DP 481$_{20}$; nom. sg. f. *brą́geſne* DP 197$_{44}$, 331$_{40}$, 432$_{35}$; *brą́gęſne* DP 458$_{28}$; instr. sg. m. *brą́geſniu* DP 267$_{39}$; nom. pl. m. *brą́geſni* DP 289$_{8}$, 331$_{49}$; gen. pl. f. *brą́geſniu* DP 112$_{52}$; *brą́giaſniu* DP 466$_{12}$; в форме gen. sg. m. *brageſnió* DP 534$_{5}$, по-видимому, отмечено ритмическое ударение] ~ сравн. ст. от **brángus**, f. **brángi** 'drogi; poważny, ważny; znamienity' [1-я а. п.: nom. sg. m. *brą́gus* DP 109$_{32}$ и др.; nom. sg. f. *brą́gi* DP 348$_{10}$ и др.; gen. sg. m. *brą́gaus* DP 103$_{49}$ и др.; gen. sg. f. *brą́gios* DP 275$_{19}$; instr. sg. m. *brą́gumi* DP 182$_{22}$ и др.; instr. sg. f. *brą́gia* DP 311$_{8}$; gen. pl. m. *brą́ngiu* DP 55$_{37}$, *brą́giu* DP 542$_{16}$ и др.; acc. pl. m. *brą́gus* 102$_{27}$, *brą́gius* DP 487$_{24}$ и др.; acc. pl. f. *brą́gias* DP 34$_{1}$; instr. pl. m. *brą́ngeis* DP 270$_{14}$ и др.; loc. pl. m. *brą́giůſę* DP 41$_{38}$; adv. *brą́gei* DP 242$_{46}$ и др.; лит. диал. Šl.: *brángus, -gi*; *brángiai* 'drogi'; лтш. *brañgs*].

2. **dárgesnis** 'гаже, сквернее, непристойнее' [1: nom. sg. f. *dár-|geſne* DP 89$_{41–42}$] ~ сравн. ст. от **dárgus**, f. **dárgi** 'szpetny, sprosny, nieczysty' [1-я а. п.: acc. pl. m. *dárgius* DP 15$_{14}$, 188$_{36}$, 195$_{49}$; acc. pl. f. *dárgias* DP 104$_{26}$; instr. pl. m. *dárgumís* DP 169$_{46}$; лит. диал. Šl.: *dárgus, -gi, -giai* 'słotny', но: *dargùs, -gì* 'oszczerczy, potwarczy', 'клеветнический'].

3. **gáusesnis** 'обильнее, щедрее' [1: nom. sg. f. *gáuſeſne* DP 293$_{22}$, 339$_{30}$; *gáuſeſné* DP 294$_{20}$; instr. sg. f. *gáiſeſne* DP 406$_{12}$; gen. pl. f. *gáuſeſniú* DP 389$_{38}$; в форме instr. pl. m. *gauſeſnéis* DP 610$_{42}$, по-видимому, отмечено ритмическое ударение, ср. формы с двумя знаками ударения] ~ сравн. ст. от **gáusus**, f. **gáusi** 'obfity, hojny' [1-я а. п.: nom. sg. f. *gâuſi*

DP 552_{32} и др., *gáuſì* DP 333_{42} и др.; gen. sg. m. *gáuſaus* DP 173_{34}, *gâuſaus* DP 595_{31}; instr. sg. m. *gáuſumi* DP 147_{43}; acc. pl. f. *gáuſias* DP 472_{29}, 478_{47}, *gâuſes* DP 532_{27}; instr. pl. f. *gáuſiomis* DP 479_{14}; adv. *gáuſiai* DP 481_{27}, *gáuſei* DP 32_{20} и др.; лит. диал. Šl.: *gáusus, -si*; лтш. *gaũss*].

4. **patǫ́gesnis** [1: nom. sg. m. *patógeſnis* DP 580_{30}, *patôgeſnis* DP 548_{12}; gen. sg. m. *patôgeſnio* DP 419_{43}, 529_{37}; gen. sg. f. *patógeſnes* DP 112_{21}; acc. sg. m. *patôgiaſni* DP 619_{17}; adv. *pàtógiaſn'* DP 441_{52}] ~ сравн. ст. от **patǫ́gus**, f. **-i** 'podobny; słuszny; snadny; sposobny; godny; przyzmoity' [1-я а. п.: nom. sg. m. *patógus* DK 4_5, DP 481_{44} и др., *patôgus* DP 69_{14} и др.; nom. sg. f. *patógi* DP 86_{35}, *patôgi* DP 524_{25} и др.; gen. sg. m. *patógaus* DP 483_{41}, *patôgaus* DP 521_{31}; gen. sg. f. *patôgios* DP 239_{23}; instr. sg. m. *patógumi* DP 482_{30} и др.; gen. pl. m. *patógiu* DP 483_{40}, *pa=|tôgiu* DP 329_{7-8}; gen. pl. f. *patógiu* DP 470_{34}; instr. pl. m. *patógumis* DP 340_7 и др., *patôgumis* DP 554_3, 554_7; adv. *patógiai* DP 8_{16} и др.].

5. **skáistesnis** 'светлее, ярче' [1: nom. sg. f. *ſkáiſteſne* DP 92_{15}, 458_{29}] ~ сравн. ст. от **skáistus**, f. **skáisti** и **skáistas**, f. **-a** 'śliczny, świetny, gładki' [1-я а. п.: instr. sg. m. *ſkáiſtumi* DP 332_{42}; nom. sg. f. *ſkâiſta* DP 615_{42}; nom. pl. m. *ſkâiſti* DP 558_{39}; лит. диал. *skáistus*, 1-я а. п.: Vėžaičiai (Klaipėdos r.), Griškabūdis (Šakių r.), LKŽ XII, 668].

6. **tánkesnis** 'гуще, чаще, плотнее' [1: gen. sg. m. *tąkiaſnio* DP 293_{43}, nom. pl. f. *tąkeſnes* DP 293_{49}] ~ сравн. ст. от **tánkus**, f. **tánki** 'gęsty, pilny, częsty' [1-я а. п.: gen. sg. m. *tąkaus* DP 313_{33}; instr. sg. m. *tąkumi* DP 367_{28}; instr. pl. m. *tąkumis* DP 9_{11}; adv. *tąkiai* DP 286_7 и др.; лит. диал. Šl. *tánkus, -ki* 'gęsty'].

7. **véikesnis** 'быстрее, скорее' [1: nom. sg. m. *wêikeſnis* DP 554_{45}] ~ сравн. ст. от **véikus**, f. **véiki** 'prędki, spory, ochotny' [1-я а. п.: nom. sg. m. *wéikus* DP 30_{32}, *wêikus* DP 74_{46}, 582_4; nom. sg. f. *wéiki* DP 358_3, *wêiki* DP 149_5, 478_{29}; gen. sg. m. *wéikaus* DP 212_2; instr. sg. m. *wéikumi* DP 3_{19}, 237_{14}; adv. *wêikiai* DP 358_4 и др.; совр. лит. *veikùs* (3-я а. п.) и *véikus* (1-я а. п.) 'быстрый, скорый' (так по DLKŽ); лит. диал. Šl.: *véikus, -ki*, и *véikiai* 'prędki, bystry, skory; łatwy'].

8. **kíetesnis** 'тверже' [1: gen. sg. m. *kíetęſnio* DP 508_{48}; voc. sg. m. *kietęſnís* DP 165_{48} (во втором примере отмечено, по-видимому, ритмическое ударение, следовательно, основное ударение на первом слоге)] ~ сравн. ст. от **kíetas**, f. **-a** 'twardy' [1-я а. п.: gen. sg. f. *kiétos* DP 312_{20}; instr. sg. m. *kiétu* DP 115_{26}, *kiétu* DP 575_3; совр. лит. *kíetas* (3) 'твёрдый; жёсткий', ср. лтш. *ciêts* 'твёрдый; жёсткий', но слав. **čĭtъ*, f. **čĭta* 'целый, невредимый; истинный': русск. диал. *чи́тый* 'трезвый', блр. диал. *чы́ты* 'трезвый'; схрв. *čît*, чл. ф. *čītī* 'целый, сам'; ЭССЯ 4, 124–125].

9. **míelesnis** 'милее' [1: nom. sg. m. *miêłe=|ſnis* DP 424_{37-38}; gen. sg. m. *miéleſnio* DP 335_{26}, *miéłaſnio* DP 324_4] ~ сравн. ст. от **míelas**, f. **-a** 'miły; wdzięczny' [1-я а. п.: nom. sg. m. *miéłas* DP 44_1 и др., *miêłas* DP 22_{46}, чл. ф. *miéłaſiś* DP 431_7; nom. sg. f. чл. ф. *miéłoii* DP 432_{49} и др.; gen. sg. f. *miéłos* DP 370_{26} и др.; dat. sg. m. *miéłam'* DP 105_5, *miéłam* DP 186_8; nom. pl. m. *miélieii* DP 354_7 и др.; loc. pl. m. *miéłůſę* DP 380_2; adv. *miéłai* DP 160_4 и др.].

10. **rǫ́mesnis** 'тише; скромнее' [ср. ст. nom. sg. m. *rômeſnis* DP 303_{34}] ~ **rǫ́mus**, f. **-i** (1) 'cichy; skromny' [nom. sg. m. *rómus* DP 4_{10}, 160_{38}, 408_3, 433_{44}, 613_1, *ró=|mus* DP 437_{15-16}, *rômus* DP 1_{15}, 2_{44}, 5_{40}, 5_{44}, 13_{17}, 209_{30}, 210_{11}, 289_{20}, 413_{26}, 533_{24}, 534_{48}, *rô=|mus* DP 413_{29-30}, *rômús* DP 3_{49}; gen. sg. m. *rômaus* DP 602_{11}; instr. sg. m. *rómumi* DP 84_{24}, 398_{44}, 422_{13}, 424_{50}, *ſu ró=|mumi* DP 437_{23-24}; nom. pl. m. *rômus* DP 532_5, 533_{18}, DK 104_{12}, *rômus* DP 533_{25}; instr. pl. m. *rómumis* DP 299_{15}, *ró=|mumis* DP 413_{34-35}, *rômumis* DP 243_{40}, 535_3, 624_3, *rômumis* DP 209_{33}; adv. *rômieus* 'spokojniej' DP 289_{29}].

11. **tǫ́lesnis** 'самый разный, всевозможный' [1: nom. pl. m. *tûleſni* DP 597_6; acc. pl. *túłaſnius* DP 481_3] ~ сравн. ст. от **tǫ́las** 'rozmaity, wiele, rozliczny, rożny, mnogi, siła, zbyteczny, częsty' [1-я а. п.: gen. sg. f. *tûłos* DP 388_{37}; nom. pl. m. *túli* DP 477_4 и др., *tûli* DP 93_{34} и др.; gen. pl. *túłu* DP 52_{24} и др., *tûłu* DP 192_{52} и др.; dat. pl. m. *túlie=|mus* DP 168_{10-11}, *tûliemus* DP 87_{25} и др.; acc. pl. m. *túłus* DP 466_{36} и др., *tûłus* DP 160_{49} и др.; acc. pl. f. *túłas* DP 445_{43}, 484_{35}, *tûłas* DP 96_{18} и др.; instr. pl. m. *túłais* DP 542_5 и др., *tûłais* DP 202_5 и др.; instr. pl. f. *túłomis* DP 444_4, 584_{33}, *tûłomis* DP 141_{43}, 164_{30}, 291_{19}; loc. pl. m. *tûłůſe* DP 139_{48}, 375_2 и др.; loc. pl. f. *tûłoſe* DP 188_{32} и др.].

12. **válnesnis** 'свободнее' [1: gen. sg. m. *wálneſnio* DP 478_{32}] ~ сравн. ст. от **válnas**, f. **-a** 'wolny, ślachetny, beśpieczny' [1-я а. п.: nom. sg. f. *wálna* DP 123_6, 473_{43}; instr. sg. m. *wálnu* DP 292_{40}, 470_{34}, *wâlnu* DP 549_3; instr. sg. f. *wálna* DP 26_{12}; loc. sg. m. *wálname* DP 84_{31}; instr. pl. m. *wálnayś* DP 60_6, *wálnais* DP 84_{35}, 570_{16}; adv. *wálnai* DP 160_{12}, 160_{22}, 360_{45}, 433_{27}].

13. Сюда же входит и **vǐresnis** [1: 'przełożony, zwierzchni; starszy, stary; książęta; (*kunigų* ~) arcykapłan; głowny, przedniejszy, perwszy; dawny' [nom. sg. m. *wîreſnis* DP 368_{39}, 611_{22}, *wîreſnis* DP 60_{25}, *wîrę̨ſnis* DP 95_4; gen. sg. m. *wîrę̨ſnio* DP 120_{14}, *wîrę̨ſnio* DP 72_{46}, *wî=|rę̨ſnio* DP 357_{46-47}; gen. sg. f. *wîreſnes* DP 338_{16}; dat. sg. m. *Wîreſnem'* DP 191_{33}, *wîrę̨ſnem'* DP 366_{46}, *wîrę̨ſniąm'* (*ą*?, с отмеченым ритмическим ударением) DP 19_{32}; acc. sg. m. *wîreſsni* DP 209_{50}, (в acc. sg. f. *wirę̨ſnę* DP 474_{34} отмечено ритмическое ударение при пропуске накоренного); instr. sg. m. *wîreſniu* DP 205_{23}, 384_{32}, 415_{12}, *wîreſniu* DP 621_{20}, *wîrę̨ſniu* DP 384_{39}, *wîreſniu* (?) DP 358_{11}, чл. ф. *wîre=|ſniůiu* DP 150_{21-22}; nom. pl. m. чл. ф. *wîreſnieii* DP 128_{42}, 154_{30}, 158_{15}, 163_4, 164_{18}, 379_{42},

388_{28}, 388_{32}, 605_{37}, 622_{49}, *wîre=|ſnieii* DP 140_{19-20}, *wîreſnie=|ii* DP 621_{4-5}, *wîrę̃ſnieii* DP 83_{46}, 382_{26}, *wîreſnieii* DP 160_{41} (?), 172_{24}, *wîrę̃ſnieii* DP 77_{7}, 353_{42}, *wîreſniéii* DP $167a_{13}$, 522_{37} (с отмеченным ритмическим ударением); gen. pl. m. *wîreſniu̯* DP 250_{8}, 539_{17}, 622_{47}, *wîreśniu̯* DP 275_{20}, *wîreſniú̯* DP 414_{1} (с отмеченным ритмическим ударением), в *wîrę̃ſniú̯* DP 494_{29} отмечено только ритмическое ударение при пропуске главного, чл. ф. *wîreſniu̯iu̯* DP 185_{46}, 227_{31}, *wîreſniuiu̯* DP 154_{2}, 209_{41}, 293_{21}, *wîrę̃ſniu̯iu̯* DP 86_{3}, *wîrę̃ſniniu̯* (Sic!) DP 415_{5}, *wîreſniuiu* DP 159_{35}, *wîreſniu̯iu̯* DP 66_{30}, *wîrę̃ſniu̯iu̯* DP 468_{21} (с отмеченным ритмическим ударением без указания главного: *wîreſniûiu̯* DP 609_{10}, 622_{48}); gen. pl. f. чл. ф. *Wîrę̃ſniuiu̯* DP 177_{22} (с пропуском знака ударения); dat. pl. m. *wîreſniemus* DP 162_{20}, 163_{17}, 295_{11}, 304_{3}, 388_{1}, *wîreſnie=|mus* DP 191_{37-38}, *wîrę̃ſniemus* DP 367_{10}; acc. pl. m. *wîreſnius* DP 167_{45}, 191_{34}, 622_{39}, *wîrę̃ſnius* DP 60_{34}, *wîreſnius* DP 76_{23}, чл. ф. *wîreſniûſius* DP 191_{32}, *wîriaſniûſius* DP 483_{37}, *wîreſnioſius* DP 248_{17}; loc. pl. m. *wîrę̃ſniûſę* DP 379_{4}; adess. pl. *wîrę̃ſniûſiąmp* DP 22_{35}; allat. pl. *wîreſniumṕ* DP 127_{5}; тенденция перехода на современную норму обнаруживается лишь в allat. pl. *wîrêſniumṕ* DP 408_{24}[31] и, по-видимому, в instr. sg. m. *wîrêſniu* DP 205_{35} (с оттяжкой ударения с конечного краткого слога)] ~ ***výras***, pl. ***-ai*** (1) 'мужчина, муж'.

b) От циркумфлектированных и краткостных прилагательных неподвижной (2-й) акцентной парадигмы:

1. **baĩsesnis** 'страшнее, ужаснее' [1: nom. sg. f. *báiſeſne* DP 161_{20}, *báiſę̃ſne* DP 8_{29}; nom. pl. m. *bâiſę̃ſni* DP 14_{9}] ~ сравн. ст. от **baĩsus**, f. **baisì** 'straszny, straszliwy, srogi, okrutny, okrutnik' [2-я а. п.: nom. sg. m. *báiſus* DP 391_{9} и др., *bâiſus* DP 263_{32} и др.; nom. sg. f. *Baiſî* DP 8_{28}; gen. sg. m. *báiſaus* DP 307_{49} и др., *bâiſaus* DP 286_{27} и др.; gen. sg. f. *bâiſios* DP 174_{33}; instr. sg. m. *báiſumi* DP 3_{19}, 10_{40}, 94_{21}, 165_{31}, 384_{52}, 424_{51}, 477_{47}; *bâiſumi* DP 169_{28}; adv. *báiſei* DP 122_{37} и др., *bâiſei* DK 142_{7}, DP 36_{50} и др.; лит. диал. *baĩsus*, f. *baisì* (2) Dr, Pln, Sd, Slnt, Varn, Užv (LKŽ I, 570) 'страшный; ужасный; чудовишный'; Šl.: *baisùs, -sì*, но *baĩsiai*].

2. **biaūresnis** 'безобразнее, противнее' [1: nom. sg. f. *biéurę̃ſne* DP 89_{42}] ~ сравн. ст. от **biaūrus**, f. **biaurì** 'plugawy, szpetny, mierziony, omierzły, nieczysty' [2-я а. п.: nom. sg. m. *bîę̃urus* DK 148_{8}; instr. sg. m. *biaurumi* DK 56_{8}; instr. pl. m. *biáu=|rumis* DP 54_{29-30}, *biâurumis* DP 428_{11}, ср. лит. диал. *biaūrus*, adv. *biaūriai* (Gargždaĩ, Klaipėdos r.) LKŽ I, 800; но лтш. *bļaũrs* 'sehr böse, grimmig, schrecklich, schlecht', чему, может быть, соответствует nom. sg. f. *bié=|uriii* DP 120_{33-34}].

[31] В Kudz. II, 441 ошибочно *wîreſniumṕ*.

3. **drą̃sesnis** 'смелее, храбрее' [1: gen. sg. m. *drą́ſeſnio* DP 51_{17}] ~ сравн. ст. от **drą̃sus**, f. **drąsì** 'śmiały, besppieczny' [2.а. п.: nom. sg. m. *drą́ſus* DP 79_{35}, чл. ф. *drą́ſuſis* DP 162_{6}; acc. pl. m. *drąſiús* DP 233_{10}; instr. pl. m. *drą́ſumis* DP 478_{40}; adv. *drą́ſei* DP 230_{26} и др.; совр. лит. *drąsùs* (4) 'смелый, храбрый, отважный, мужественный', но adv. *drą̃siai* 'смело, храбро, отважно, мужественно'; лит. диал. Tw.: *drũsus* 'śmiały' (Otręb. I: 257)].

4. **smařkesnis** 'суровее; резче' [1: nom. sg. m. *ſmârkeſnis* DP 271_{1}; gen. pl. m. *ſmárkę̃ſniu* DP 361_{16}; acc. pl. m. *ſmârkę̃ſnius* DP 161_{13}] ~ сравн. ст. от **smařkus**, f. **smarkì** 'srogi, okrutny, groźny' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ſmárkus* DP 435_{18}, *ſmárkuſs* DP 362_{10}, *ſmârkus* DP 83_{37} и др.; gen. sg. m. *ſmárkaus* DP 363_{19}, *ſmârkaus* DP 119_{13} и др.; gen. sg. f. *ſmárkios* DP 370_{35}, *ſmârkios* DP 527_{34} и др.; dat. sg. m. *ſmârkiam'* DP 361_{29}; acc. sg. m. *ſmárku̯* DP 359_{30} и др., *ſmârku̯* DP 82_{10} и др.; acc. sg. f. *ſmárkią* DP 154_{40}, *ſmârkią* DP 16_{12} и др.; instr. sg. m. *ſmárkumi* DP 174_{27}, 384_{51}, *ſmârkumi* DP 62_{47}, 168_{46}, 191_{48}, *ſmâr=|kumi* DP 361_{4-5}; gen. pl. m. чл. ф. *ſmárkiuiu̯* DP 324_{34}; gen. pl. f. *ſmârkiu̯* DP 52_{2}; acc. pl. f. *ſmarkiás* DP 128_{9}, 170_{20}, 173_{35}; instr. pl. f. *ſmârkiomis* DP 94_{39}; adv. *ſmárkei* DP 156_{28} и др.].

5. **suñkesnis** 'тяжелее; труднее' [1: nom. sg. m. *ſú̯keſnis* DP 392_{7}, *ſúkę=|ſnis* DP 437_{24-25}, *ſú̯kę̃ſnie* (опечатка, nom. sg. m.) DP 9_{28}; nom. sg. f. *ſú̯keſne* DP 146_{38}; gen. sg. m. *ſú̯kę̃ſnio* DP 361_{7}; acc. sg. m. *ſą́kę̃ſni* DK 152_{12}; acc. sg. f. *ſú̯keſnę* DP 174_{4}; nom. pl. f. *ſú̯keſnes* DP 174_{21}; acc. pl. m. *ſú̯keſnius* DP 296_{35}; loc. pl. f. *sú̯keſniûſe* DP 286_{42}] ~ сравн. ст. от **suñkus**, f. **sunkì** 'cięszki, nieznośny' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ſú̯kus* DP 234_{19} и др., *ſûkus* DP 324_{2}; nom. sg. f. *ſú̯kí* DP 153_{37}, 310_{25}; gen. sg. m. *ſú̯kaus* DP 80_{15}, 181_{40}, *sú̯kaus* DP 312_{7}; gen. sg. f. *ſú̯kios* DP 96_{24}, 356_{22}, *sûkios* DP 162_{36}; acc. sg. m. *ſú̯ku̯* DP 84_{9} и др., *ſûku̯* DP 169_{26}; acc. sg. f. *ſú̯kią* DP 152_{43} и др.; instr. sg. m. *súkumi* DP 191_{49}; instr. sg. f. *ſu̯kiá* DP 153_{2}; gen. pl. f. *ſú̯kiu̯* DP 170_{36}, 315_{17}; acc. pl. m. *ſu̯kiús* DP 487_{17}; acc. pl. f. *ſu̯kiás* DP 184_{1} и др.; instr. pl. f. *ſú̯kiomis* DP 316_{5}, *ſú̯kiomis* DP 478_{36}; adv. *ſúnkiai* DP 73_{19} и др.; лит. диал. Tw. *suñkus, suńkì* 'ciężki' (Otręb. I: 258)].

6. **šviẽsesnis** 'светлее' [1: gen. sg. m. *ßwiéſeſnio* DP 548_{26}] ~ сравн. ст. от **šviẽsus**, f. **šviesì** 'jasny, światły' [2-я а. п.: nom. sg. m. *Szwiéſus* DP 598_{45}, *ßwiéſus* DP 339_{32} и др., *ßwiêſus* DP 90_{1}; nom. sg. f. *ßwiesí* DP 92_{6}, 340_{22}; acc. sg. m. *ßwiéſu̯* DP 310_{2} и др.; acc. sg. f. *ßwiéſią* DP 315_{34}, *ſwiéſią* DP 362_{3}; instr. sg. m. *ßwiéſumi* DP 560_{39}; nom. pl. m. *ßwiéſus* DP 594_{10}; acc. pl. m. *ßwieſiús* DP 546_{4}, *ſwieſús* DP 15_{13}, 261_{32}, *ßwieſús* DP 139_{26}, 330_{29}, 518_{38}, *ßwie=|ſús* DP 233_{8-9}; adv. *ßwiéſiai* DP 450_{36} и др.; лит. диал. Tw. *šviẽsus, -i* 'widny, biały' (Otręb. I: 258)].

7. **leñgvesnis** 'легче' [1: adv. *łę́gwesñ* DP 347_{36}] ~ сравн. ст. от **leñgvas**, f. **-à** 'lekki; łagodny; układny; isz pocichu' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ne*

łę̃gwas DP 398_{16}; nom. sg. f. *łęgwá* DP 361_{48}, 437_{25}, *łęg=|wá* DP 346_{11-12}; gen. sg. m. *łę̃gwo* DP 254_{29}; acc. sg. m. *łę̃gwa* DP 540_{12}; instr. sg. f. *l[ǫ]gwá* DP 11_{26}; gen. pl. m. *łę̃gwų* DP 549_{15}; adv. *łę̃gwai* DP 90_{9} и др.].

8. ?***trum̃pesnis** 'короче; меньше' [1: nom. sg. f. *trumpeſné* DP 580_{4} (отмечено, по-видимому, ритмическое ударение, следовательно, основное ударение на корне) ~ сравн. ст. от **trum̃pas**, f. **-à** 'krotki; docześny; mały' [2-я а. п.(?): gen. pl. *trúmpų* DP 312_{38}; adv. *Trúmpái* DP 340_{27}; однако большинство форм показывает 4-ю а. п.].

Тип B

a) От акутированных прилагательных подвижной (3-й) акцентной парадигмы:

1. **saldèsnis** 'слаще' [2: nom. pl. m. *ſal|deſní* DP 289_{8-9}] ~ сравн. ст. от **saldùs**, acc. sg. **sáldų**, f. **saldì** 'słodki, wdzięczny' [3-я а. п.: nom. sg. m. *Saldús* DP 335_{42}, *ſałdús* DP 281_{42} и др., чл. ф. *ſałdúſis* DP 437_{25}; acc. sg. m. *ſáłdu* DP 5_{47}, *ſáłduii* DP 384_{51}; acc. sg. n. *ſáłdu* DP 560_{10}; nom. pl. f. *ſáłdʒios* DP 288_{33}; acc. pl. m. *ſáłdʒiųs* DP 383_{25}; instr. pl. f. *ſaldʒiomís* DP 28_{10}; ср. лтш. *salds* 'süss'].

2. **augštèsnis** 'выше' [2: nom. sg. f. *aukßtéſne* DP 458_{29}, *auk=|ßtéſne* DP 458_{24-25}, *augßtêſne* DP 88_{17}, 89_{50}, 601_{32}; gen. sg. m. *augßtéſnio* DP 601_{30}, *augßtêſnio* DP 406_{17}; acc. pl. m. *aukßteſniús* DP 438_{33}; instr. pl. m. *augßtêſneis* DP 425_{47}] ~ сравн. ст. от **áugštas**, f. **-à** [3-я а. п.: nom. sg. m. *áugßtas* DP 230_{37} и др.; nom. sg. f. *augßtá* DP 92_{7}, *aug=|ßtá* DP 88_{11-12}; gen. sg. m. *áukßto* DP 30_{23} и др., *âugßto* DP 154_{42} и др.; gen. sg. f. *augßtós* DP 90_{46}, 144_{24}; dat. sg. f. *áugßtaiei* DP 590_{21}; acc. sg. m. *áugßtą* DP 87_{42} и др.; acc. sg. f. *áugßtą* DP 135_{17}; nom. pl. f. *áugßtos* DP 30_{44}; gen. pl. f. *augßtų́* DP 262_{15}; acc. pl. m. *áugßtus* DP 134_{16}, 230_{39}, *áugßtů=|ſius* DP 230_{37-38}; acc. pl. f. *áu=|gßtas* DP 84_{6-7}; loc. pl. f. *augßtosé* DP 435_{14}; adv. *augßtái* DP 92_{20} и др.].

3. **jaunèsnis** 'моложе' [2: nom. sg. f. *iaunéſne* DP 474_{34}] ~ сравн. ст. от **jáunas**, f. **-à** [3-я а. п.: nom. sg. m. *iêunas* DP 255_{20}; nom. sg. f. *iauná* DP 52_{40}; acc. sg. m. *iáunąą* DP 420_{31}, 428_{41}; loc. sg. m. *Iaunamé* DP 180_{29}; nom. pl. m. *iauniéii* DP 239_{41}, 407_{9}; gen. pl. m. *ieunųiųi* DP 265_{19}; gen. pl. f. *iaunų́* DP 378_{46}, 425_{31}; dat. pl. *iaunô|mus* DK 3_{13-14}; acc. pl. m. *iáunus* DP 90_{48}, *iêunůšius* DP 232_{32}; acc. pl. f. *iáunas* DP 542_{33}].

4. **pilnèsnis** 'полнее' [2: instr. sg. m. *pilneſniú* DP 391_{18}] ~ сравн. ст. от **pílnas**, f. **-à** 'pełen, pilny, napełniony, zupełny' [3-я а. п.: nom. sg. m. *pîlnas* DP 159_{23} и др., *pílnas* DP 53_{5} и др.; nom. sg. f. *Pilná* DP 615_{16}, *pilná* DK 58_{11}, DP 36_{51} и др.; acc. sg. m. *pîlną* DP 64_{15}, *pílną* DP 24_{44} и др.; instr. sg. m. *pílnu* DP 178_{26}, bis, 590_{22}; instr. sg. f. *pílna* DP 599_{15}; nom. pl. m. *Pilní* DP 261_{48}, *pilní* DP 8_{13}, 99_{41} и др.; nom. pl. f. *pîlnos* DP 145_{19}, *Pílnos* DP 412_{2}, *pílnos* DP 351_{40}, gen. pl. m. *pilnų́* DP 278_{19}; dat. pl. m. *pilniémus* DP 353_{11}; acc. pl. m *pílnus* DP 32_{3} и др.; acc. pl. f. *pílnas* DP 380_{8}; instr. pl. m. *pilnáis* DP 595_{9}; adv. *pilnái* DP 18_{37} и др.; встречено несколько форм 1-й а. п.: nom. sg. f. *pîlna* DP 599_{17}, *pîlná* DP 215_{33} (с двумя знаками ударения); voc. sg. m. *pîlna|ſis* DP 165_{47-48}; voc. sg. f. *pîlna* DP 599_{14}; этим ограничивается отражение в текстах Даукши первичного неподвижного акцентного типа данного слова, вероятно, в большей степени он сохранялся в диалектах Прусской Литвы, ср. у Донелайтиса: instr. sg. *p□ilna* V. 516, instr. pl. *p□ilmoms* IX 576, см. Buch, S. 71].

b) От циркумфлектированных и краткостных прилагательных подвижной (4-й) акцентной парадигмы:

1. **gilèsnis** 'глубже' [2: nom. sg. m. *gilêſnis* DP 146_{41}] ~ сравн. ст. от **gilùs**, acc. sg. **gìlų**, f. **gilì** 'głęboki' [4-я а. п.: nom. sg. m. *giłús* DP 76_{33} и др.; gen. sg. m. *giłáus* DP 289_{14}; gen. sg. f. *gilós* DP 99_{34}, чл. ф. *gilóſios* DP 28_{39}; acc. sg. f. *gîlą* DP 622_{32}; acc. pl. m. чл. ф. *giłąſes* DP 517_{30}; adv. *giléi* DP 100_{6}, 625_{37} 'głęboko'].

2. **gražèsnis** 'красивее, прекраснее' [2: nom. sg. m. *graʒêſnis* DP 332_{44}, acc. sg. m. *graʒêſni* DP 396_{29}, 396_{36}] ~ сравн. ст. от **gražùs**, acc. sg. **grãžų**, f. **gražì** 'piękny, czysty, szczyry, ślachetny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *graʒús* DK 56_{13}, *graʒús* DK 57_{17}, *graʒús* DP 242_{4}, 624_{29}; nom. sg. f. *graʒí* DP 395_{20}, 395_{21}; gen. sg. m. *graʒáus* DP 379_{41}, 441_{50}; gen. sg. f. *graʒiós* DP 412_{13}; dat. sg. m. *gra=|ʒém'* DP 595_{34-35}; acc. sg. m. *gráʒų* DP 396_{27} и др.; acc. sg. f. *gráʒią* DP 186_{30} и др.; instr. sg. f. *graʒiá* DP 367_{35}, чл. ф. *graʒiáię* DK 168_{11}; gen. pl. m. *graʒių́* DP 30_{27}, 542_{16}; acc. pl. m. *graʒús* DP 30_{19}; instr. pl. m. *graʒumís* DK 57_{20}, DP 25_{6}; adv. *graʒéi* DP 36_{43} и др.].

3. **pigèsnis** 'легче' [2: nom. sg. m. *pigiáſnis* DP 482_{32}; gen. sg. m. *pigéſnio* DP 349_{43}; *pigêſnio* DP 242_{29}; adv. *pigiáſn'* DP 484_{11}] ~ сравн. ст. от **pigùs**, acc. sg. **pìgų**, f. **pigì** 'łacny, tani, snadny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *pigús* DP 67_{21}, 342_{25}, 415_{24}; nom. sg. f. *pigí* DP 580_{53}; acc. sg. m. *pígą* DP 309_{3}; *pigumí* DP 264_{35}, 455_{42}; nom. pl. m. *pígųs* DP 346_{11}; adv. *pigái* DK 4_{2} и др., DP 4_{41} и др.].

4. **platèsnis** 'шире' [2: acc. sg. f. *płatêſnę* DP 89_{46}; acc. pl. f. *płatéſnes* DP 176_{31}] ~ сравн. ст. от **platùs**, acc. sg. **plãtų**, f. **platì** 'szeroki, szczodrobliwy' [4-я а. п.: nom. sg. f. *płatí* DP 92_{6}; gen. sg. m. *płatáus* DP 272_{23}, 319_{14}; acc. sg. f. *płáczią* DP 229_{50}; instr. sg. m. *płatumí* DP 270_{5}, 274_{34}; nom. pl. m. *PŁâtus* DP 270_{1}; nom. pl. f. *płáczios* DP 290_{3}; gen. pl. m. *płaczų́* DP 30_{27}, *płaczůiųi* DP 400_{15}, *płaczůiųi* DP 626_{29}; acc. pl. m. *płaczús* DP 30_{19}; adv. *płaczéi* DP 84_{43} и др.; реликты 2-й а. п..: adv. *płáczіai* DP 557_{39}, *płáczéy* DP 69_{8}].

5. **stiprèsnis** 'сильнее, крепче' [2: nom. sg. m. *ſtiprêſnis* DP 371_9; *ſtiprêſnis* DP 542_3; nom. sg. f. *ſtiprêſne* DP 79_3; gen. sg. m. *ſtipriâſnio* DP 22_{31}] ~ сравн. ст. от **stiprùs**, acc. sg. **stìprų**, f. **stiprì** 'mocny, stały, gruntowny, stateczny, twardy, tęgi' [4-я а. п.: nom. sg. f. *ſtiprí* DP 596_{33}; gen. sg. f. *ſtipriós* DP 114_6, 115_{14}; instr. sg. m. *ſtíprumí* DP 277_{24}; instr. pl. m. *ſtiprumís* DP 447_{27}, *ſtipréis* DP 120_{32}; adv. *ſtipriái* DP 444_{20} и др.; отмечены реликты 2-й а. п.: instr. sg. m. *ſtíprumi* DP 31_{53}, 234_6, 350_8, 448_{33}, 607_2; adv. *ſtîprei* DP 117_{10}, *ſtíprei* DP 21_{11} и др.].

6. **aštrèsnis** 'острее' [2: nom. sg. m. *aßtrêſnis* DP 289_4] ~ сравн. ст. от **ãštras**, f. **-à** 'ostry' [4-я а. п.: nom. sg. m. *áßtras* DP 473_{14}; acc. sg. m. *âßtra* DP 426_4; acc. sg. f. *áßtrą* DP 28_{27}, *âßtrą* DP 525_{30}; instr. sg. m. *aßtrú* DP 177_{18}; instr. pl. m. *aßtráis* DP 155_{33}].

7. **gerèsnis** 'лучше' [2: nom. sg. m. *ge⸗|rêſnis* DP 152_{12-13}, *gęrêſnis* DP 130_{40}, *gęrêſ⸗|nis* DP 314_{3-4}; nom. sg. f. *gerêſne* DP 244_{11}, 304_{35}, *gęrêſne* DP 108_{26}, 112_{21}; gen. sg. m. *geréſnio* DP 277_{20}, *gęréſnio* DP 74_{36}, 434_{47}, *gerêſnio* DP 239_{14}, 550_{41}, 576_{13}, *gęrêſnio* DP 104_{15}, DP 104_{17}, 104_{22}, (нет 322_{49}?), 344_{45}, 406_{14}, 414_{41}, *gérêſnio* DP 244_{12}; gen. sg. f. *gerêſnes* DP 285_{32}, *gęrêſnes* DP 285_{50}; acc. sg. m. *gęréſni* DP 632_2, *gęrêſni* DP 291_{27}, 396_{36}, *gerêſni* DK 172_9; acc. sg. f. *gęréſnę* DP 444_{50}; instr. sg. m. *gereſniú* DP 429_{12} (в формах instr. sg. m. *gerêſniu* DP 286_{43} и *gerêſniu* DP 392_{32}, по-видимому, оттяжка с конечного краткостного слога); allat. sg. m. *gęrêſnioṗ* DP 356_{17}; nom. pl. m. *gęréſni* DP 456_{17} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); gen. pl. *gerêſniu* DP 285_{18}; instr. pl. m. *gerêſneis* DP 143_2] ~ сравн. ст. от **gẽras**, f. **-à** 'dobry, dobrotliwy' [4-я а. п.: nom. sg. m. *géras* DP 93_{14} и др., *gêras* DP 95_{32} и др.; nom. sg. f. *gerá* DP 102_{32} и др.; gen. sg. f. *gẽrós* DK 127_5, *gẽrós* DK 174_{2-3}, *gerós* DP 30_{17} и др.; loc. sg. m. *geramé* DP 217_{30}, 290_{45}, *gęramé* DP 320_{44}; loc. sg. f. *geroié* DP 97_{37}, nom. pl. m. *gẽrí* DK 72_4, 73_{11}, *gerí* DP 292_{37} и др.; gen. pl. *gẽrų́* DK 41_{10}, 72_9, DP 20_{35}, 24_{24}, *gerų́* DP 30_{47} и др.; dat. pl. m. *geriémus* DP 191_{38} и др.; acc. pl. m. *gẽrûs* DK 71_{20}, *ġẽrús* DK 90_{19}, *gerús* DP 50_{40} и др.; acc. pl. f. *gerás* DP 285_{18}, *gęrás* DP 84_6, чл. ф. *geráſes* DP 247_{24}; instr. pl. m. *geráis* DP 32_{43} и др., *gęráis* DP 33_{23} и др.; loc. pl. m. *gerůſé* DP 247_{26}; adv. *gerái* DP 27_{42} и др.; реликты 2-й а. п.: nom. sg. m. *giéraſis* DP 496_{28}, *gêraſis* DP 247_{23}; voc. sg. m. *gêraſis* DP 381_{13}, 386_{27}, *gê⸗|raſis* DP 390_{17-18}, *gêráſis* DP 224_{22}; gen. sg. f. *gêros* DP 453_9, gen. pl. *gêrúiu* DP 348_{30}; allat. pl. m. *gêrúmp* DP 65_4; adv. *gêrai* DP 522_{42}, *gérái* DP 250_{41}, 320_5, 352_{42}, *Gêrái* DP 322_6, *gêrái* DP 369_{39}, 381_{12}].

8. **lėtèsnis** 'проще' [2: nom. sg. m. *łetêſnis* DP 389_1] ~ сравн. ст. от **lẽtas**, f. **-à** 'prosty; prostak, prostaczek; pospolity; podły; nędzny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *łétas* DP 345_{38}, 349_{17}, *łêtas* DP 145_5 и др.; nom. sg. f. *łetá* DP 121_{18} и др.; dat. sg. m. *łetám* DP 518_{10}; acc. sg. m. *łétą* DP 597_4, *łêtų* DP 467_7; acc. sg. f. *łétą* DP 133_{38}, 143_7, *łêtą* DP 412_{12}; instr. sg. m. *łetú* DP 191_{19}, 435_{33}; instr. sg. f. *łetá* DP 264_{35}; nom. pl. m. *łetiéii* DP 141_9, 378_2; nom. pl. f. *łétos* DP 336_{44}, *łêtos* DP 374_{11}; gen. pl. m. *łetų́* DP 365_9, *łetú* DP 91_6, *łetų́iu* DP 22_{44}, *łetûiu* DP 278_{13}; dat. pl. m. *łetiémus* DP 142_{15}, *łetiémus* DP 378_{35}; acc. pl. m. *łetús* DP 377_{22} и др.; acc. pl. f. *łetás* DP 301_{13}, *łetąſes* DP 143_4; instr. pl. m. *łetáis* DP 377_{32}; adv. *łetái* DP 452_{45}, *łetái* DP 416_{12} 'poprostu; zgoła'].

9. **piktèsnis** [2: nom. sg. m. *piktêſnis* DP 180_{19}, 356_{42}, *piktê|ſnis* DP 106_{14-15}, *piktiáſnis* DP 496_{34}[32]; nom. sg. f. *piktêſne* DP 357_{15}; gen. sg. m. *piktéſnio* DP 244_{13}, 360_1, 414_{43}, *piktéſnio* DP 464_{23}, *piktêſnio* DP 104_{16}, 552_{25}, *piktê⸗|ſnio* DP 155_{47-48}; instr. sg. m. *piktęſniú* DP 147_1; nom. pl. m. *piktéſni* DP 558_{43} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); gen. pl. m. *piktéſniu* DP 361_{16}, *piktêſniu* DP 121_1, 129_{43}, 291_{24}; gen. pl. f. *piktêſniu* DP 118_9; instr. pl. m. *piktéſneis* DP 328_{46}, 513_{48}; allat. pl. f. *piktéſniumṗ* DP 188_{30}] ~ сравн. ст. от **pìktas**, f. **-à** 'zły, lichy; złośliwy' [4-я а. п.: nom. sg. m. *píktas* DP 39_{28} и др.; nom. sg. f. *piktá* DP 93_{13} и др.; gen. sg. m. *píkto* DK 43_3 и др., DP 8_{40} и др., *pîkto* DP 294_{31} и др.; gen. sg. f. *piktós* DK 85_{12}, DP 65_{49} и др.; dat. sg. m. *piktám'* DP 160_{26}, 194_{33}, *piktáṁ* DP 392_9; gen. pl. m. *piktų́* DK 81_9, DP 83_{45} и др.; dat. pl. m. *piktiémus* DP 2_{23} и др.; dat. pl. f. *piktômus* DP 560_{24}; acc. pl. m. *piktús* DP 7_{53} и др.; acc. pl. f. *piktás* DP 9_{30} и др.; instr. pl. m. *piktáis* DP 106_{11}, 208_{35} и др.; adv. *piktái* DP 15_{42} и др.].

10. **silpnèsnis** 'слабее' [2: nom. sg. m. *ſił⸗|pnéſnis* DP 349_{16-17}] ~ сравн. ст. от **sĩlpnas**, f. **-à** 'słaby, krewki, mdły, wątły, ułomny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *ſiłpnas* DP 149_5, *ſilpnas* DP 162_{12}, *síłpnas* DP 293_{40}, 303_{38}; dat. sg. m. *ſiłpnám* DP 518_{11}; nom. pl. m. *ſił⸗|pní* DP 320_{14-15}; gen. pl. m. *ſiłpnų́* DP 233_{10}, 518_{49}; instr. pl. m. *ſyłpnáis* DP 40_{44}; adv. *ſiłpnái* DP 193_{38}].

11. **tikrèsnis** 'вернее; вероятнее' [2: nom. sg. m. *tikriáſnis* DP 469_{12}; nom. sg. f. *tikriá⸗|ſnę* DP 478_{10-11}; gen. sg. m. *tikręſnio* DP 99_{53}; gen. sg. f. *tikrêſnes* DP 195_{46}, *tikrêſneś* DP 160_5; acc. sg. f. *tikréſnę* DP 444_{42}, 444_{50}; allat. sg. f. *tikréſneſp* DP 444_{35}] ~ сравн. ст. от **tìkras**, f. **-à** 'prawdziwy, prawy; szczyry; właściwy, własny; pewny, jawny, isty' [4-я а. п.: nom. sg. m. *tíkras* DK 12_8 и др., DP 88_{52} и др.; nom. sg. f. *tikrá* DP 69_{17} и др. ; gen. sg. m. *tíkro* DP 21_4 и др.; gen. sg. f. *tikrós* DP 94_{54} и др.; dat. sg. m. *tikrám'* DP 276_{37} и др.; loc. sg. m. *tikramé* DP 296_{39}, *tikromé* DP 414_2, *tikramêiime* DP 195_{35}; nom. pl. m. *tikrí* DP 22_{31} и др.; gen. pl. *tikrų́* DP 20_{34} и др.; dat. pl. m. *tikriémus* DP 128_5, *tikriêmuſiémus* DP 249_9; acc. pl. m. *tikrús* DP 85_{48} и др.; acc. pl. f. *tikrąſes* DP 192_{15}, 382_{46};

[32] В Kudz. I, 113, ошибочно, DP 494_{34}.

instr. pl. m. *tikráis* DK 151$_{10}$, DP 262$_{24}$ и др.; обнаруживается довольно большое количество вариантов 2-й а. п.].

Переход в современную норму:

От *-u*-основ 1-й а. п.

1. **brangèsnis** 'дороже' [2-я а. п.: nom. sg. m. *brągéſnis* DP 31$_{46}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **brangùs**, f. **-ì**: [формы 3-й а. п.: nom. sg. m. *brą=|gús* DP 541$_{47-48}$; gen. sg. m. *brągáus* DP 476$_{9}$, 526$_{50}$, 573$_{40}$; gen. pl. m. *brągiú* DP 341$_{26}$, чл. ф. *brągiûiu* DP 616$_{28}$, *brągiûiu* DP 622$_{16}$; gen. pl. f. *brągiú* DP 439$_{54}$; ср. совр. лит. *brangùs*, f. *-ì*, а. п. 3 'дорогой; милый'; лит. диал. (Šl.) *brángus*, f. *-gi*; *brángiai* 'drogi'; лтш. *brañgs*, *brañgs*², *bràngs*², *brę̃ngs* (in Livl.) 'prächtig, herrlich, vortrefflich, fett, korpulent', (in Kurland) 'ziemlich gut, angehend']

2. **dargèsnis** 'гаже, сквернее, непристойнее' [2-я а. п.: nom. sg. f. *dargêſne* DP 534$_{7}$; gen. sg. m. *dargêſnio* DP 104$_{16}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **dargùs**, f. **-ì**: [формы 3-й или 4-й а. п.: nom. sg. m. *dargús* DP 198$_{10}$, 425$_{19}$, чл. ф. *dargúſis* DP 52$_{48}$; nom. sg. f. *dargí* DP 104$_{18}$; gen. sg. f. *dargiós* DP 36$_{46}$[33]; gen. pl. m. *dargiú* DP 161$_{15}$; loc. pl. m. *dargiůsé* DP 344$_{39}$; ср. совр. лит. *dargùs* (4) 'ненастный; гадкий, скверный'; лит. диал. (Šl.) *dárgus, -gi, -giai* 'słotny', но: *dargùs, -gì* 'oszczerczy, potwarczy (клеветнический)', лит. *dérgti, -giu* 'schlackerig sein, schmutzig werden, sich besudeln, lästern, schmähen, verleumden']

3. **teisèsnis** 'правильнее, справедливее' [2-я а. п.: nom. sg. f. *teiſiáſne* DP 481$_{5}$; gen. sg. m. *teisêſnio* DP 434$_{47}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **teisùs**, f. **-ì**: формы 3-й а. п.: gen. sg. m. *teiſáus* DP 7$_{29}$, *teiſáus* (?) DP 8$_{14}$; gen. sg. f. *teiſiós* DP 566$_{41}$, *ne teiſiós* DP 586$_{4}$; voc. sg. f. *teisîi* DP 396$_{5}$; gen. pl. m. *teiſûiu* DP 279$_{14}$, *teisûiu* DP 385$_{43}$, *neteisûiu* DP 308$_{46}$; dat. pl. m. *teisíémus* DP 2$_{23}$; ср. также adv. *téiſiái* DP 371$_{17}$ с двумя знаками ударения; совр. лит. *teisùs* (4-я а. п.) 'правый'.

От *-u*-основ 2-й а. п.

4. **baisèsnis** 'страшнее, ужаснее' [2-я а. п.: gen. sg. m. *báiſêſnio* DP 106$_{26}$, *baisêſnio* DP 527$_{42}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **baisùs** (4): формы 4-й а. п.: nom. sg. m. *Baiſús* DP 132$_{24}$, *baiſús* DP 4$_{19}$, 35$_{11}$, 175$_{38}$, 285$_{33}$, 285$_{43}$, 435$_{17}$, 554$_{30}$, *baiſus* DP 394$_{37}$; gen. sg. m. *baiſáus* DP 6$_{31}$, 526a$_{30}$, *bai=|sáus* DP 390$_{11-12}$, *baiſiáus* DP 523$_{27}$, 524$_{14}$; gen. sg. f. *baiſiós* DP 145$_{44}$, 623$_{36}$, *baiſiôſios* DP 15$_{32}$; loc. sg. f. *baiſioiá* DP 32$_{6}$; allat. sg. *baiſiósp* DP 183$_{21}$; gen. pl. m. *baiſiú* DP 157$_{24}$, 518$_{45}$, *baiſiúiu* DP 435$_{15}$; acc. pl. m. *baiſiús* DP 337$_{3}$, *baiſús* DP 608$_{41}$; ср. также

[33] Указанное в Kudz. I, 144 gen. sg. m. *dargaús* DP 28$_{22}$ в соотв. месте текста отсутствует.

форму с двойным ударением: gen. sg. f. *bâiſiôs* DP 176$_{11}$; ср. совр. лит. *baisùs* (4-я а. п.), диал. *baĩsus*, f. *baisì* (2) Dr, Pln, Sd, Slnt, Varn, Užv (LKŽ I, 570) 'страшный; ужасный; чудовишный'; Šl.: *baisùs, -sì*, но *baĩsiai*; лтш. *baîss*² 'schrecklich, furctbar, Furcht erregend' (Bauske), *bàiss* (N.-Peb.), *bàiss*² (Erlaa).

5. **biaurèsnis** 'безобразнее, противнее' [2-я а. п.: gen. sg. m. *biauréſnio* DP 353$_{16}$, *bieuréſnio* DP 244$_{13}$; gen. pl. f. *biauréſniu* DP 291$_{26}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **biaurùs**, f. **-ì** (4): формы 3-й или 4-й а. п.: nom. sg. m. *biaurús* DP 373$_{35}$, *bieurús* DP 255$_{13}$, *biẽurús* DK 137$_{1}$, *bẽurús* DK 137$_{2}$; gen. pl. m. *biaurûiu* DP 304$_{37}$; ср. совр. лит. *biaurùs* (4) 'безобразный, уродливый; мерзкий, гадкий, поганый, противный'; лтш. *bļaũrs* 'sehr böse, grimmig, schrecklich, schlecht'.

6. **budrèsnis** 'бдительнее, зорче; бодрее' [2-я а. п.: nom. sg. m. *budrêſnis* DP 392$_{29}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **budrùs** (4): формы 4-й а. п.: gen. pl. m. *budriú* DP 552$_{32}$, *ne budriú* DP 552$_{32}$; ср. совр. лит. *budrùs* (4) 'бдительный; бодрый; чуткий' и диал. *bùdrus* (4) LKŽ I, 1127.

7. **lapèsnis** 'надменнее, спесивее' [2-я а. п.: nom. sg. m. *łapéſnis* DP 103$_{20}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **lapùs** (4): формы 4-й а. п.: gen. pl. m. *łapiúiu* DP 434$_{27}$, *ła=|piúiu* DP 434$_{40-41}$.

8. **smarkèsnis** 'суровее; резче' [2-я а. п.: gen. sg. m. *ſmarkêſnio* DP 106$_{27}$] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **smarkùs** (4): формы 4-й а. п.: gen. sg. m. *ſmárkáus* DP 242$_{7}$; gen. sg. f. *ſmarkiós* DP 623$_{36}$; gen. pl. m. *ſmarkiúiu* DP 161$_{2}$, *ſmarkîuiu* DP 362$_{20}$; ср. также формы с двумя ударениями: adv. *ſmârkéi* DP 314$_{42}$ и выше приведенные формы.

9. **sunkèsnis** 'тяжелее; труднее' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ſúkêſnis* DP 234$_{28}$; nom. sg. f. *ſukiâſne* DP 11$_{47}$, *ſunkêſne* DP 534$_{7}$; gen. sg. m. *ſukêſnio* DP 321$_{18}$; instr. sg. f. *ſukeſné* DP 394$_{50}$; gen. pl. m. *ſunkéſniu* DP 277$_{21}$, *ſukêſniu* DP 303$_{23}$; acc. pl. f. *ſun=|keſnés* DP 542$_{5-6}$, *ſukeſnés* DP 197$_{50}$, *ſukeſnés* DP 354$_{19}$ (в форме acc. pl. f. *ſukêſnes* DP 293$_{49}$ оттяжка ударения с конечного краткостного слога)] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **sunkùs** (4): формы 4-й а. п..: nom. sg. m. *ſúkús* DP 354$_{28}$; gen. sg. m. *ſunkáus* DP 542a$_{31}$; gen. sg. f. *ſukíós* DP 131$_{2}$; gen. pl. f. *ſukîuiu* DP 165$_{22}$; loc. pl. m. *ſúkioſé* DP 178$_{25}$; loc. pl. f. *ſukioſé* DP 354$_{21}$; allat. pl. *ſukíúmp* DP 183$_{21}$; ср. совр. лит. *sunkùs* (4) 'тяжёлый, тяжкий', но *suñkiai* 'тяжело, тяжко; трудно', лит. диал. (Twer.) *suŋkus, suŋkì* 'ciężki' (Otręb. I: 258).

10. **šviesèsnis** 'светлее' (2-я а. п.: nom. sg. m. *ßwieſêſnis* DP 261$_{21}$; nom. sg. f. *ßwiesêſne* DP 112$_{22}$; gen. sg. m. *ßwieſiáſnio* DP 453$_{48}$; acc. sg. m. *ßwieſêſni* DP 131$_{17}$) ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.:

šviesùs (4): формы 4-й а. п.: nom. sg. m. *Szwiefûs* DP 559_{17}, *ßwiefûs* DP 59_4, 137_{14}, 140_{53}, 196_{48}, 259_1, 468_{28}, 529_{10}, 544_{31}, 553_{48}, 556_{39}, 559_{38}, 560_{36}, *ßwie=|fûs* DP 67_{20-21}, 70_{13-14}, 272_{39-40}, *ßwiefûs* DP 591_{40}, *ßwiesûs* DP 339_{18}, *ßwiefûs* DP 556_{38}, *ßwiéfûs* DP 66_{43}; gen. sg. m. *ßwiefeus* DP 593_{33}; gen. sg. f. *ßwiefiós* DP 595_{35}; instr. sg. m. *ßwiefumí* DP 152_{33}; gen. pl. m. *ßwiesý* DP 345_{27}; dat. pl. m. *ßwiefûmus* DP 226_{26}, 403_{15}; instr. pl. m. *ßwieséis* DP 216_{51}; adv. *ßwiefiái* DP 108_{12}, 469_{17}, 478_{36}, 496_{11}, *ßwieséi* DP 130_{23}, 151_3, 166_{26}, 193_{30}, 205_{25}, 216_{23}, 224_{25}, 419_{51}, *ßwiefêi* DP 155_{36}, 220_{11}, 220_{17}, 243_{44}, 259_{19}, 276_{15}, 277_{44}, 317_2, 399_{48}, 401_{25}, 518_{19}, *ßwie=|fêi* DP 254_{17-18}, 329_{17-18}, *fwiesêi* DP 260_{33}, *ßwíeséi* DP 138_{26}, *ßwîefêi* (?, первая диакритика плохо пропечатана) DP 348_{39}; ср. совр. лит. *šviesùs* (4) 'светлый; ясный', но *šviẽsiai* 'светло́', лит. диал. (Twer.) *švíẽsus, -ì* 'widny, biały' (Otręb. I: 258).

От *-a*-основ 1-й а. п.

11. **grīnèsnis** [2-я а. п.: nom. sg. m. *grinêfnis* DP 388_{54}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **grĩnas**, f. **-à** (3): Формы 3-й а. п.: dat. sg. m. *gri|nám'* DK 155_{4-5}; allat. sg. f. *grinófp* DK 157_7; nom. pl. m. *griniéii* DP 19_2, *griniéii* DP 182_{34}, 378_2, 485_{46}, 578_{21}, *griníêii* DK 104_9; voc. pl. m. *griníeii* (?) DP 272_{18}; gen. pl. m. *grinýiy* DP 428_{42}, 533_9, *grinûiy* DP 543_{22}, *grinûiu* DK 108_2; dat. pl. *griniié=|mus* DP 459_{26-27}; ср. совр. лит. *grýnas* (3) 'чистый; пустой; голый'.

12. **kietèsnis** 'тверже' [2-я а. п.: instr. sg. m. *kietęfniú* DP 99_{49}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **kíetas**, f. **-à** (3): Формы 3-й а. п.: gen. sg. *kietós* DP 476_{37} (формы 1-й а. п. см. выше); ср. совр. лит. *kietas* (3) 'твёрдый; жёсткий', ср. лтш. *ciêts* 'твёрдый; жёсткий', но слав. **čĭtъ*, f. **čĭta* 'целый, невредимый; истинный': русск. диал. *чи́тый* 'трезвый', блр. диал. *чы́ты* 'трезвый'; схрв. *čît*, чл. ф. *čîtī* 'целый, сам'; ЭССЯ 4, 124–125.

13. **mielèsnis** 'милее' [2-я а. п.: nom. sg. m. *mieléfnis* DP 519_{39}; gen. sg. m. *mielêfnio* DP 244_{13}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **míelas**, f. **-à** (3): Формы 3-й а. п.: voc. pl. *mieliéii* DP 393_2; gen. pl. m. *miéłûiy* DP 550_{38} (с двумя знаками ударения, второй знак может указывать на 3-ю а. п.); adv. *miełái* DP 433_{24}, 464_{45}, 620_{10} (формы 1-й а. п. см. выше); ср. совр. лит. *míelas* (3) 'милый, любезный'; слав. **mĭlъ*, f. **mĭla* (схрв. *мȉо*, f. *мȉла*, n. *мȉло*).

14. **valnèsnis** 'свободнее' [2-я а. п.: nom. sg. m. *wałné=|fnis* DP 561_{23-24}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **válnas**, f. **-à** (4): Формы 4-й а. п.: nom. sg. f. *wałná* DP 431_{35}, voc. sg. f. *walná* DP 614_{12}; instr. sg. f. *wał=|ná* DP 614_{18-19}; adv. *wáł=|nái* DP 89_{32-33}[34] второй знак ударения может указывать на подвижный акцентный тип, т. е. 4-ю а. п.).

От *-a*-основ 2-й а. п.

15. **menkèsnis** 'хуже, слабее; скуднее; ничтожнее' [2-я а. п.: gen. sg. m. *mękêfnio* DP 406_{17}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 4-й а. п.: **meñkas**, f. **-à** (4): формы 4-й а. п.: gen. sg. f. *mękós* DP 374_{30}, 385_7, *mękôs* DP 293_{29}; gen. pl. m. *męký* DP 277_{50}, *mękûiy* DP 384_{36}; gen. pl. f. *męký* DP 87_{10}; allat. pl. *mękúmp* DP 151_{27}; adv. *mękái* DP 162_{28}, 340_{17}, 353_{30}, 382_{41} 'marnie, prozno'; ср. совр. лит. *meñkas* (4) 'плохой, слабый; ничтожный, жалкий, незначительный; скудный, бедный'.

Первичная система выбора и её деформация, обусловленная действием закона де Соссюра, показаны в табл. 14.

Таблица 14

Вид производных основ	Формы		А. п. производящих основ			
			Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
			Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
			1	2 (1)	3 (3^a)	4 (3^b)
До действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*míelĕsnīs* + + ∓	*suñkĕsnīs* + + ∓	*sal̂dĕ̀snīs* − + ∓	*gerĕ̀snīs* − + ∓
		f.	*míelĕsnē* + + +	*suñkĕsnē* + + +	*sal̂dĕ̀snē* − + +	*gerĕ̀snē* − + +
	Pl.	m.	*míelĕsnįiê* + + +	*suñkĕsnįiê* + + +	*sal̂dĕ̀snįiê* − + +	*gerĕ̀snįiê* − + +
		f.	*míelĕsnēs* + + −	*suñkĕsnēs* + + −	*sal̂dĕ̀snēs* − + −	*gerĕ̀snēs* − + −
	№ а. п.		1	1	*1	*1
После действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*míelĕsnīs* + + ∓	*suñkĕsnīs* + + ∓	*sal̂dĕ̀snīs* − + ∓	*gerĕ̀snīs* − + ∓
		f.	*míelĕsnē* + + +	*suñkĕsnē* + + +	*sal̂dĕ̀snē* − + +	*gerĕ̀snē* − + +
	Pl.	m.	*míelĕsnįiê* + + +	*suñkĕsnįiê* + + +	*sal̂dĕ̀snįíe* − + +	*gerĕ̀snįíe* − + +
		f.	*míelĕsnēs* + + −	*suñkĕsnēs* + + −	*sal̂dĕ̀snēs* − + −	*gerĕ̀snēs* − + −
	№ а. п.		1	1	2	2

[34] Эта форма отмечена в Kudz. II, 404 как форма без знаков ударения.

5. Суффикс *-um-a-* (D.)

Тип А

а) От акутированных прилагательных неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. **álkanumas** (1 → **alkanùmas** 2) 'пост' (совр.: 'голод, недоедание; жадность') [*áłkanumą* acc. sg. DK 157_9, *áłkinume* loc. sg. DP 535_{15}] ~ ***álkanas***, f. ***-a*** (1/3 → 3) 'голодный'.

2. **ámžinumas** (1 / **amžinùmas**, 2 → 2) 'вечность' [*ámžinumo* gen. sg. DP 47_8, 130_{28} (Sic! Kudz. –), 597_3, *ámžinu|mo* gen. sg. DP $526a_{47-48}$, *pirm' ámžinumo* gen. sg. DP 130_{28}, *ámžinumą* acc. sg. DP 304_{36} (Sic! Kudz. –), 383_6, 472_{25}, $542a_{40}$, 579_{44}, *ąmžinu|mą* acc. sg. DP 43_{16-17}, *pirmámžinumą* acc. sg. DP 130_{31}, *pirm'ámžinumą* acc. sg. DP 304_{36}, *ámžinu|mė̃* voc. sg. DP 11_{11-12}, *ąmžinumė̃* voc. sg. DP 11_{28}, bis, *ámžinume* loc. sg. DP 597_{16} (также вариант 2-й а. п.: *ąmžinúmė̃* voc. sg. DP 11_{12} и случаи с двойным ударением, отражающим колебание между 1-й и 2-й а. п.: *ámžinúmo* gen. sg. DP 48_9, *ámžinúmą* acc. sg. DP 583_{36}, *ámžinúmop* all. sg. DP 96_{53})] ~ **ámžinas** (1/3 → 3) 'вечный'.

(*ámžinumas* nom. sg. DP 218_{30}, по Скарджюсу, по-видимому, ошибка, в Тексте и у Kudz. ударения нет).

3. **brángumas** (1 → **brangùmas**, 2) 'важность, серьёзность; достойность, благородство; ценность; цена, стоимость' (совр.: 'дороговизна') [*brągumas* nom. sg. DP 241_{40}, 458_{14}, *brągumas* nom. sg. DK 146_{13}, *brągumo* gen. sg. DP 22_5, 429_3, 429_{14}, *brągumą* acc. sg. DP 136_{40}, 230_7, 331_{11}, *brągumai* nom. pl. DP 304_6] ~ **brángus**, f. **-i** (1/3 → 3) 'дорогой, ценный, благородный, почтенный, серьёзный, достойный, важный' (совр.: 'дорогой, драгоценный').

4. **dárgumas** (1 / **dargùmas**, 2 → 2) 'мерзость, непристойность, ничтожность, погань, нечисть' [*dárgumą* acc. sg. DP 610_5, DK 58_2 (19_4), *dárgumu* instr. sg. DP 400_{25} (с вариантом 2-й а. п.: *dargúmas* nom. sg. DP 118_{39}, *dargúmas* nom. sg. DP 146_1, *dargúmo* gen. sg. DP 213_{51}, 237_{11}, 582_{52}, *dargú=|mo* gen. sg. DP 422_{1-2}, *dargúmą* acc. sg. DP 312_{41}, *dargumú* instr. sg. DP 114_{21}, *dargúmais* instr. pl. DP 230_5)] ~ ***dárgus***, f. ***-i*** (1/3 → 4) 'безобразный, непристойный, развратный, нечистый' (совр.: ненастный; гадкий, скверный').

5. **dõsnumas** (1 → **dõsnùmas**, 2) 'щедрость' [*dóſnumas* nom. sg. DP 178_{35}, 295_{43}, 389_{49}, *dóſnumo* gen. sg. DP 183_{40}, 183_{45}, 184_{18}, 267_{23}, 268_{34}, 288_{21}, *dôſnu=|mo* gen. sg. DK 182_{17-18} (58_6), *dóſnumą* acc. sg. DP 274_{42}, 297_{33}, *dóſnumu* instr. sg. DP 177_{29} (наличие варианта 2-й а. п., по-видимому, отражено в форме с двойным ударением: *dósnúmą* acc. sg. DP 360_{48})] ~ ***dósnus***, f. ***-i*** (1 / 3 или 4 → 4) 'щедрый'.

6. **gáusumas** (1 → **gausùmas**, 2) 'обилие, изобилие; достаток' [*gáuſumas* nom. sg. DP 304_9, 389_{49}, *gáuſumo* gen. sg. DP 183_{45}, 489_{53}, *gáu=|ſumo* gen. sg. DP 390_{35-36}, *gáuſu=|mą* acc. sg. DP 287_{46-47}, *gáuſumę* loc. sg. DP 489_{51}, *gâuſumę* loc. sg. DP 270_{48}] ~ ***gáusus***, f. ***-i*** (1 → 4) 'обильный, богатый, щедрый'.

7. **grĩnumas** (1 / **grīnùmas**, 2 → 2) 'убожество, нищета, скудность; недостаток' (совр.: 'чистота') [*grînumas* nom. sg. DP 147_{15}, 423_{36}, 582_{41}, 614_{54}, *grî=|numas* nom. sg. DP 176_{43-44}, *grînumo* gen. sg. DP 20_{10}, 20_{11}, 46_{48}, 51_9, 62_9, 271_5, 425_{31}, DK 129_5 (41_{20}), *grînu=|mo* gen. sg. DP 428_{45-46}, *grînumą* acc. sg. DP 141_{42}, 178_2, 182_{32}, 243_{48}, 272_{15}, 419_{23}, 428_{43}, *grînumu* instr. sg. DP 62_{54}, 615_{50}, *grînume* loc. sg. DP 40_{14}, 229_{10}, 271_{36}, 525_{44}, 535_{13}, *grî=|nume* loc. sg. DP 111_{25-26}, *grînumę* loc. sg. DP 185_{17}, 414_{12} (с вариантом 2-й а. п.: *grinúmas* nom. sg. DP 194_{39}, — который, по-видимому, отражен и в формах с двойным ударением: *grínúmas* nom. sg. DP 176_{52}, *grînúmą* acc. sg. DP 79_{31}, *grînumé* loc. sg. DP 210_9)] ~ ***grýnas***, f. ***-a*** (1 / 3 или 4 → 3) 'убогий, бедный, скудный; простой; подлый, низкий, несостоятельный'.

8. **įžūlumas** (1 → **įžūlùmas**, 2) 'беззаконие, греховность' (совр.: 'наглость, нахальство, дерзость') [*ìžûłumas* nom. sg. DK 137_8 (44_{12}), *ìžúłumą* acc. sg. DP 122_7, *ìžûłumų* gen. pl. DK 137_{16} (Skardžius: acc. sg. DK 44_{15}) (наличие варианта 2-й а. п., по-видимому, отражено в форме с двойным ударением: *ìžúłúmo* gen. sg. DP 36_5)] ~ ***įžūlas***, f. ***-a*** (1 → 4) 'незаконный, бесчестный; злобный, злостный' (наглый, нахальный, дерзкий');

9. **kártumas** (1 / **kartùmas**, 2 → 2) 'горечь' [*inġ kártumą* acc. sg. DK 160_2 (50_{22}), *kârtumus* acc. pl. DP 542_{26} (с вариантом 2-й а. п.: *kartúmas* nom. sg. DP 296_{40}, *kartúmo* gen. sg. DP 183_{13}, *kartúmą* acc. sg. DP 151_5, 312_{10}, *kartumú* instr. sg. DP 122_{40}, 122_{43}, 145_{20}, 182_{43}, 238_5, *kartúmų* gen. pl. DP 177_{13})] ~ ***kártus***, f. ***-i*** (1 / 3 или 4 → 4) 'горький'.

10. **kūniškumas** (1 → 2) 'телесность, материальность' [*kûnißkumo* gen. sg. DP 114_{41}] ~ **kūniškas**, f. **-a** (1, см. выше тип с суфф. *-iškas*) 'телесный, плотский'.

11. **lĩgumas** (1 → **līgùmas**, 2) 'ровность, равенство' [*lîgumą* acc. sg. DP 435_{49}] ~ **lĩgus**, f. **-i** (1 / 3 или 4 → 3) 'ровный, гладкий; равный, подобный'.

12. **méilumas** (1 / **meilùmas**, 2 → 2) 'благодарность, признательность; прелесть, привлекательность, обаяние; ласковость' [*méyłumas* nom. sg. DP 57_{27}, *ne méyłumo* gen. sg. DP 51_7, *méiłumo* gen. sg. DP 74_{51}, *ne méiłumo* gen. sg. DP 352_{43}, *nemélumo* gen. sg. DP 347_{32}, *nemêiłumą* acc. sg. DP 275_1, *nemeiłumą* acc. sg. DP 351_{37}, *ne méiłumą* acc. sg. DP 275_{33}, 278_1 (с вариантом 2-й а. п.: *ne meiłúmo* gen. sg. DP 572_{38}, *meiłúmu* instr. sg. DP 572_{24}, — по-видимому, отражает диалектную ретракцию конечно-

го ударения) ~ ***méilus***, f. ***-i*** (1 → 4) 'благодарный, признательный; приятный, пленительный, привлекательный, обаятельный, ласковый';

13. **méilingumas** (1 → **meilingùmas**, 2) 'благодарность, признательность; прелесть, привлекательность, обаяние' [*ne mêilıgumas* nom. sg. DP 241_{13}, *ne méilingu=|mas* nom. sg. DP 241_{15-16}, *Ne méilingu=|mas* nom. sg. DP 409_{25-26}, *Neméilıgumas* nom. sg. DP 409_{23}, *méilingumo* gen. sg. DP 32_3, *ne méilingumo* gen. sg. DP 534_{50}, *neméilıgumo* gen. sg. DP 95_{42} (Kudz. –), 323_{36}, *ne méilıgumo* gen. sg. DP 114_{13}, 409_{21}, *ne méilıgumo* gen. sg. DP 410_{28}, *ne mêilıgumo* gen. sg. DP 114_{11}, 278_2, *ne mélingumo* gen. sg. DP 275_2, *méilıgumą* acc. sg. DP 76_{16}, 209_{47}, *ne méilingumą* acc. sg. DP 328_{38}, 409_{20}, *ne mêilingumą* acc. sg. DP 389_{38}, *ne mêilıgumą* acc. sg. DP 152_{46}, *méilıgumu* instr. sg. DP 221_{49}, *méi=|lıgumu* instr. sg. DP 428_{50-51}, *méilıgumu* instr. sg. DP 442_{30}, *nẽ méilingumu* instr. sg. DK 163_{17}] ~ **méilingas**, f. **-a** (1) 'благодарный, признательный; приятный, пленительный, привлекательный, обаятельный, ласковый';

14. **patõgumas** (1 / **patõgùmas**, 2 → 2) 'сходство; притча; погода' (совр.: 'удобство') [*patógumas* nom. sg. DP 59_{23}, 176_{19}, *patógu=|mas* nom. sg. DP 582_{11-12}, *patôgumas* nom. sg. DP 181_{19}, 554_8, 559_{21}, 581_{34}, *patóguto* gen. sg. DP 83_{13}, 253_{51}, *pa=|tóguto* gen. sg. DP 94_{11-12}, *patóguto* gen. sg. DK 27_5, *patôguto* gen. sg. DP 306_{51}, 528_{26}, 568_{23}, *patógutą* acc. sg. DP 607_{11}, *patôgutą* acc. sg. DP 186_{16}, 245_{13}, 259_{28}, 286_{32}, 559_{31}, 585_{27}, 603_{23}, DK 27_1 (9_{33}), *patógutu* instr. sg. DP 486_{35}, *patógutę* loc. sg. DP 489_{54}, *patôgutę* loc. sg. DP 351_{25}, *patôgutais* instr. pl. DP 554_{50} (наличие варианта 2-й а. п. отражено в форме *patogúto* gen. sg. DK 185_{13} и, по-видимому, в форме с двойным ударением: *patôgútu* instr. sg. DP 282_{12}, — последняя при этом отражает, вероятно, диалектную ретракцию конечного ударения)] ~ **patõgus**, f. **-i** (1 → 4) 'подобный, похожий; правильный, верный; пригодный, удобный, подходящий; достойный, приличный' (совр.: 'удобный').

15. **pílnumas** (1 / **pilnùmas**, 2 → 2) 'целость, полнота' [*pîlnumas* nom. sg. DP 251_{23}, *pîlnumù* instr. sg. DP 26_{31} (Kudz.: *-ú*) (с вариантом 2-й а. п.: *piłnúto* gen. sg. DP 152_2, 216_{30}, 600_4, 606_{42}, *pilnúto* gen. sg. DP 288_{21}, 393_{26}, *pilnútą* acc. sg. DP 604_{37}, *piłnutú* instr. sg. DP 601_{23}, *pilnutú* instr. sg. DP 24_{27}, 124_{29}, 289_{11}, 300_{11}, 325_{12}, *piłnutú* instr. sg. DK 128_{14}, *pił=|nutú* instr. sg. DK 80_{6-7}, *piłnútu* instr. sg. DP 624_{34}, 625_{16}, последние примеры, по-видимому, отражают диалектную ретракцию конечного ударения)] ~ **pílnas**, f. **-a** (1/3 → 3) 'полон, полный, наполненный, целый', лтш. *pîlns*, слав. **pъlnъ*.

16. **príešumas** (1 → 2) 'противоречие, противоположность' [*priéßutą* acc. sg. DP 393_{43}, *priéßutus* acc. pl. DP 448_1] ~ **príešus**, f. **-i** (1 / **priešùs**, f. **-ì**, 3 или 4 → 4) 'przeciwny' [nom. sg. m. *priéßus* DP 138_1, 315_{26}, 607_{30}, *prí|eßus* DP 39_{27-28}; gen. sg. m. *priéßaus* DP 178_{16}, *príéßaus* (с двумя знаками ударения) DP 304_{16}, *príeßaus* DP 81_{14}; acc. sg. m. *priéßų* DP 91_2; nom. pl. m. *priéßus* DP 422_{39}; nom. du. m. *priéßu* DP 331_3; nom. pl. f. *priéßios* DP 147_{37}; gen. pl. m. *príéßų* (с двумя знаками ударения) DP 137_5, *priéßų* DP 235_7; dat. pl. m. *priéßutus* DP 573_{34}; acc. pl. m. *priéßus* DP 235_5, 270_{39}, *príeßus* DP 211_{45}; loc. pl. m. *priéßůse* DP 192_4 || на вариант с 3-й или 4-й а. п., может быть, указывает форма с двойным ударением: gen. pl. m. *priéßú* DP 372_{36}; ср. также acc. pl. m. *prießús* DP 331_3, который может указывать на 4-ю или 2-ю а.п.]; совр. лит. *priešùs* (4) 'priešingas', 'противный, противоположный, обратный; не согласный', лтш. *prìekš* 'vor', *prìekša* 'Vorderes, Vorderteil, Vorderseite'.

17. **rõmumas** (1 → 2) 'cichość; pokój; skromność' [nom. sg. *rómumas* DP 9_{27}, 85_{46}, 174_6, 184_7, 612_{46}, *rômumas* DP 613_2; gen. sg. *rómuto* DP 19_{35}, 51_{11}, 104_{40}, 129_{37}, 131_{15}, 160_{29}, 183_{40}, 288_{21}, 365_{16}, 365_{22}, 403_{18}, 437_1, 440_{49}, 599_{17}, *ró=|muto* DP 364_{3-4}, *rômuto* DP 96_{40}, 184_{17}, *rômúto* DP 339_3; dat. sg. *rómutui* DP 4_{18}; acc. sg. *rómutą* DP 121_{13}, 167_{38}, 243_{48}, 299_8, 408_6, 488_{45}, 612_{44}, *rómnmą* (Sic!) DP 74_{40}, *rómunę* (Sic!) DP 167_{38}, *rómuta* DP 57_{30}, *rômutą* DP 128_{14}; instr. sg. *rómutu* DP 4_{30}, 147_2, 173_{26}; loc. sg. *rómute* DP 124_{28}, 210_7, 437_6, 525_{44}, *rómutę* DP 74_{19}, 437_{34}, *rômute* DP 535_{13}; (тенденцию к переходу во 2-ю а. п., вероятно, отражает: acc. sg. *romútą* DP 146_{23} и указаная выше форма gen. sg. с двумя знаками ударения)] ~ **rõmus**, f. **-i** (1 → 4) 'cichy; skromny' [nom. sg. m. *rómus* DP 4_{10}, 160_{38}, 408_3, 433_{44}, 613_1, *ró=|mus* DP 437_{15-16}, *rômus* DP 1_{15}, 2_{44}, 5_{40}, 5_{44}, 13_{17}, 209_{30}, 210_{11}, 289_{20}, 413_{26}, 533_{24}, 534_{48}, *rô=|mus* DP 413_{29-30}, *rômús* DP 3_{49}; ср. ст. nom. sg. m. *rômeſnis* DP 303_{34}; gen. sg. m. *rômaus* DP 602_{11}; instr. sg. m. *rómumi* DP 84_{24}, 398_{44}, 422_{13}, 424_{50}, *ſu ró=|mumi* DP 437_{23-24}; nom. pl. m. *rômus* DP 532_5, 533_{18}, DK 104_{12}, *rômų̃s* DP 533_{25}; instr. pl. m. *rómumis* DP 299_{15}, *ró=|mumis* DP 413_{34-35}, *rômumis* DP 243_{40}, 535_3, 624_3, *rômų̃mis* DP 209_{33}; adv. *rômieus* 'spokojniej' DP 289_{29}]; лтш. *rãms* 'still, kirre, zahm, fromm'.

18. **rũstumas** (1 → **rũstùmas**, 2) 'гнев, суровость, строгость' [*rúſtumas* nom. sg. DP 99_{53}, *rúſtumo* gen. sg. DP 96_9, 419_{50}, *rúſtumu* instr. sg. DP 4_{29}] ~ *rũstus*, f. **-i** (1 → 3) 'раздражительный, обидчивый'.

19. **skáistumas** (1 / **skaistùmas**, 2 → 2) 'красота, прелесть; блеск, великолепие; гладкость' (совр.: 'целомудренность, невинность, девственность; свежесть') [*ſkáiſtumas* nom. sg. DP 406_5, *ſkâiſtumas* nom. sg. DP 582_{32}, *ſkâiſtumo* gen. sg. DP 169_{50}, *ſkáiſtumą* acc. sg. DP 382_{33}, 458_{18}, 463_{50}, *ſkáiſtumu* instr. sg. DP 397_{34}, 460_{42} (с вариантом 2-й а. п.: *ſkaiſtúmo* gen. sg. DP 595_{15}, *ſkaiſtúmą* acc. sg. DP 472_{54})] ~ **skáistus**, f. **-i**; **-as**, f. **-a** (1 → 4) 'красивый, прелестный, великолепный; гладкий' (совр.: 'светлый; целомудренный, невинный, девственный; непорочный, чистый; свежий, яркий').

20. **támsumas** (1 / **tamsùmas**, 2 → 2) 'темнота, мрак' [*támſumo* gen. sg. DP 229_{15}, *támſumą* acc. sg. DP 244_{4}, *támſumu* instr. sg. DP 154_{33} (Kudz. –), 319_{21}, *támſume* loc. sg. DP 398_{49}, *támſumoiẽ* loc. sg. DP 40_{20}, *támſumai* nom. pl. DP 173_{4}, 244^{2}, *támſumų* gen. pl. DP 274_{38}, 279_{39}, *támſumu* gen. pl. DP 154_{33}, *támſumus* acc. pl. DP 156_{49} (Kudz. –), 243_{33}, 249_{40}, 280_{27}, 354_{15}, 387_{4}, 391_{39}, 392_{10}, 418_{42}, *támſumays* instr. pl. DP 44_{54}, *támſumais* instr. pl. DP 185_{48}, *tą́mſumůſia* loc. pl. DP 44_{52}, *támſumůſe* loc. pl. DP 286_{38}, 300_{22}, 430_{40}, *támſumůſę* loc. pl. DP 45_{10}, *tą́mſumůſe* loc. pl. DP 414_{3}, *tą́mſumůſia* loc. pl. DP 44_{52} (также вариант 2-й а. п.: *tamſũmo* gen. sg. DP 560_{35}, *tamſúmu* instr. sg. DP 559_{6}, с ретракцией ударения; *tamſúmais* instr. pl. DP 576_{34}; к этой же а. п., возможно, относится *tamſumůſiá* loc. pl. DP 510_{26}, с отмеченным ритмическим ударением) ~ **támsus**, f. **-i** (1 / 3 или 4 → 4) 'тёмный; наружный, внешний'.

[*támſumůſe* loc. pl. DP 248_{45} (вопреки Скарджюсу, в Тексте без ударения; Kudz. –)]

21. **tĕvainumas** (1 → 2) 'наследство' [*téwainumas* nom. sg. DP 190_{22}, *têwainumas* nom. sg. DP 333_{2}, *té|wainumo* gen. sg. DP 94_{53-54}, *téwainumo* gen. sg. DP 190_{20}, 393_{14}, DK 12_{3} (5_{9}), *téwáinumui* dat. sg. DP 398_{43}, *téwainumą* acc. sg. DP 190_{20}, 487_{20}, *têwainu=|mą* acc. sg. DK 96_{1-2}, *têwainumóp̀* allat. sg. DK 142_{17} (с ошибочным вторым знаком ударения)] ~ *tĕvainis* (1 → *tėváinis* 1, *tėvaĩnis* 2) 'наследник'.

22. **tõbūlumas** / **tōbū́lumas** (1 / **tōbūlùmas**, 2 → 2) 'совершенство, безупречность' [*tóbułumas* nom. sg. DP 145_{2}, 439_{51}, *tôbułumas* nom. sg. DP 611_{36}, *tóbułumo* gen. sg. DP 436_{3}, 611_{36}, *tóbulumo* gen. sg. DP 178_{18}, *tôbułumo* gen. sg. DP 291_{23}, 393_{25}, *tóbułumą* acc. sg. DP 393_{37}, *tôbułumą* acc. sg. DK 98_{6}, *tôbułumę* loc. sg. DK 147_{9}, *tóbułumop̀* allat. sg. DP 75_{28}, 517_{33}, *tôbułumop̀* allat. sg. DK 117_{6} (ср. также вариант: *tobúłumas* nom. sg. DP 528_{24}; на вариант 2-й а. п. указывают *tobulúmop* allat. sg. DP 57_{31} и форма с двумя ударениями: *tóbułúmo* gen. sg. DP 74_{18})] ~ **tõbūlas**, f. **-a** (1/3 → 3) 'совершенный, безупречный; полный, целый; достаточный'.

23. **tū́lumas** (1 → ?) 'множество, величина, разнообразие, сила' [*tûłumas* nom. sg. DP 251_{9}, 407_{8}, 523_{17}, 618_{19}, *tûłamas* nom. sg. DP 310_{50}, *tûłumo* gen. sg. DP 7_{36}, 257_{40}, $526a_{47}$, *tûłumą* acc. sg. DP 144_{20}, 527_{5}, 627_{18}, *túłumą* acc. sg. DP 152_{48}, 388_{7}, *túłumą́* acc. sg. DP 299_{50}] ~ ***tū́las***, f. ***-a*** (1/3 → 3) 'разнообразный, разный, различный, всевозможный, многочисленный, многократный, частый, много, излишний'.

24. **válnumas** (1 / **valnùmas**, 2 → 2) 'свобода, вольность, воля' [*wálnumas* nom. sg. DP 276_{29}, 410_{51}, *wálnumo* gen. sg. DP 292_{7}, 490_{47} (Kudz. исправляет: 489_{47}), *wálnumo* gen. sg. DP 436_{33}, *wálnumą* acc. sg. DP 181_{17}, 411_{2}, 487_{19}, *wálnumą* acc. sg. DP 67_{19} (на вариант 2-й а. п. указывает *wałnumú* instr. sg. DP 28_{10})] ~ ***válnas***, f. ***-a*** (1 / 3 или 4 → *válnas*, f. *-à* 3, *valĩnas*, f. *-à* 4) 'вольный, свободный; благородный; безопасный'.

[*wálnumą* acc. sg. DP 146_{22} (вопреки Скарджюсу, в Тексте без ударения; Kudz. –)]

25. **véikumas** (1 → **veikùmas**, 2) 'скорость', loc. sg. 'вскоре' [*wêikume* loc. sg. DP 582_{53}, *nẽwéikuma* acc. sg. DP 9_{29}] ~ ***véikus***, f. ***-i*** (1 → 3/1) 'скорый, быстрый, проворный, живой, бодрый'.

b) От циркумфлектированных и краткостных прилагательных неподвижной (2-й и 1-й) акцентной парадигмы:

1. **ãklumas** (1 / **aklùmas**, 2 → 2) 'слепота' [*ákłumas* nom. sg. DP 485_{11} (при варианте 2-й а. п.: *akłûmo* gen. sg. DP 560_{26}, *akłúmo* gen. sg. DP 609_{29}, *akłúmą* acc. sg. DP 106_{5}, *akłúmų* acc. sg. DP 348_{33})] ~ *ãklas*, f. *-à* (2/4 → 4) 'слепой; опрометчивый, безрассудный'.

2. **biaũrumas** (1 / **biaurùmas**, 2 → 2) 'непристойность, развратность, распутство, мерзость, погань, проказы, безобразие, безобразность' [*biéurumas* nom. sg. DP 183_{20}, *biêurumas* nom. sg. DP 146_{1}, *biéurumo* gen. sg. DP 95_{22} (но также и вариант 2-й а. п.: *biaurúmas* nom. sg. DP 33_{24}, *biaurúmo* gen. sg. DP 32_{21}, 55_{3}, 453_{9}, 614_{32}, *biaurúmui* dat. sg. DP 307_{19}, *bieurúmą* acc. sg. DP 144_{15}, *biaurúmą* acc. sg. DP 10_{21}, 312_{41}, DK 58_{2} (19_{4}), *biaurumú* instr. sg. DP 400_{25}, *bieurumús* acc. pl. DP 203_{54}, *bieurúmůſe* loc. pl. DP 95_{30})] ~ **biaũrus**, f. **-ì** (2/4 → 4) 'гадкий, мерзкий, безобразный, уродливый, омерзительный, непристойный, развратный, распутный, нечистый, скверный, отвратный, тщетный, никчемный'.

3. **bùdrumas** (1 → **budrùmas**, 2) 'бдительность, зоркость' [*búdrumą* acc. sg. DP 155_{16}] ~ ***bùdrus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4) 'бдительный, зоркий'.

4. **bùklumas** (1 / **buklùmas**, 2 → 2) 'измена, коварство, лукавство, уловка, нападение, хитрость, фокусы' [*búkłumas* nom. sg. DP 165_{19}, *búkłumo* gen. sg. DP 61_{38}, *búkłumą* acc. sg. DP 364_{11}, *búkłumu* instr. sg. DP 364_{44}, 419_{50}, *búkłumų* gen. pl. DP 301_{15}, *búkłumu* gen. pl. DP 343_{45}, *búkłumus* acc. pl. DP 253_{1} (также вариант 2-й а. п.: *bukłúmas* nom. sg. DP 625_{42}, *bukłúmų* gen. pl. DP 568_{13} (Kudz.: instr. sg., т. е. с ретракцией)] ~ ***bùklus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4) 'хитрый, лукавый, коварный'.

5. **čỹstumas** (1 / **čystùmas**, 2) 'чистота, опрятность' [*cʒíſtumas* nom. sg. DP 559_{49}, 624_{24}, 627_{15}, *necʒíſtumas* nom. sg. DP 559_{50}, *cʒíſtumą* acc. sg. DP 600_{41} *ne cʒíſtumą* acc. sg. DP 558_{48}, (также вариант 2-й а. п.: *cʒiſtúmas* nom. sg. DP 33_{24}, *necʒiſtúmas* nom. sg. DP 230_{21}, 394_{1}, *cʒiſtúmo* gen. sg. DP 203_{4}, 452_{34}, *ne cʒiſtúmui* dat. sg. DP 436_{38}, *cʒi|ſtúmą* acc. sg. DP 248_{7-8}, *cʒiſtumú* instr. sg. DP 396_{7}, *cʒiſtu=|mú* instr. sg. DK 120_{15-16}, *cʒi=|ſtumú* instr. sg. DK 123_{7-8}, *cʒiſtumé* loc. sg. DP 186_{54}, 414_{12})] ~ ***čỹstas***, f. ***-à*** (2/4) 'чистый, опрятный'.

6. **daĩlumas** (1 → *dailùmas*, 2) 'украшение, краса, искусство, тонкость (работы)' [*dáiłumo* gen. sg. DP 332_{34}, 332_{37}, *dâiłumu* instr. sg. DP 396_{27}, *dáiłumůſe* loc. pl. DP 332_{40}] ~ **daĩlus**, f. **-ì** (2 → 4) 'красивый, нарядный, тонкий, утонченный'.

7. **drą̃sumas** (1 → *drąsùmas*, 2) 'смелость, храбрость, безопасность; сердце' [*drą́ſumas* nom. sg. DP 238_{50}, *drą́ſumo* gen. sg. DP 147_{47}, *ne drą́ſymo* (Sic!) gen. sg. DP 250_4, *drą́ſumą* acc. sg. DP 84_{15}, 237_{23}, 239_4 (на наличие варианта 2-й а. п., возможно, указывает форма с двумя знаками ударения: *drą́ſumú* instr. sg. DK 167_{21})] ~ **drą̃sus**, f. **-ì** (2 → 4) 'смелый, храбрый; безопасный'.

8. **graũdumas** (1 / **graudùmas**, 2 → 2) 'раскаяние, сожаление' [*grâudumas* nom. sg. DP 165_{13}, 316_{25}, *gráyudumas* (Sic! У Kudz. переставлены *y* и *u*) nom. sg. DP 478_{46}, *grâudumo* gen. sg. DP 182_{41}, DK 120_8 (38_{29}), *gráudu=|mą* acc. sg. DP 12_{5-6}, *Grâudumą* acc. sg. DP 250_{17}, *grâudumą* acc. sg. DK 97_{12}, 139_{10} (30_{29}, 44_{31}), *gráu=|dumę* loc. sg. DK 147_{10-11} (47_6) (также вариант 2-й а. п.: *graudúmo* gen. sg. DP 477_7, *graudúmą* acc. sg. DP 29_{48}, 76_1, 134_{31}, *graudumú* instr. sg. DP 481_{53}, а также форма с двойным ударением *graúdúmo* gen. sg. DP 317_5)] ~ ***graũdus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4) 'порывистый, горячий, вспыльчивый, жалобный, печальный, сокрушенный, трогательный, чувствительный'.

9. **greĩtumas** (1 → *greitùmas*, 2) 'быстрота', instr. sg. 'бегом' [*gréitumą* acc. sg. DP 382_{33}, *grêitumu* instr. sg. DP 582_5] ~ ***greĩtus** (2, по adv. *greĩtai*, → 4) 'быстрый, скорый'.

10. **kañtrumas** (1 / **kantrùmas**, 2 → 2) 'терпеливость, терпение; прочность, постоянство, устойчивость' [*kántrumas* nom. sg. DP 146^{14} (Так Kudz. I, ?, очень плохо видно), 161_{32}, 174_6, 178_{20}, *kântrumas* nom. sg. DP 9_{26}, 184_8, 215_4, *kąntrumas* nom. sg. DP 9_{15}, 130_{40}, 146_{40}, 345_6, *kántrumo* gen. sg. DP 105_2, *kąntrumo* gen. sg. DP 95_{43}, 95_{45}, 96_7, 96_{41}, 101_{24}, 183_{40}, 223_{12}, 264_{10}, 271_{27}, 273_{53}, 364_4, 365_{22}, 403_{19}, *kąntrumo* gen. sg. DK 125_2, *kąntrymo* gen. sg. DP 436_{20}, *kântrumo* gen. sg. DP 131_{16}, *kántrumo* gen. sg. DP 178_{16}, *kántrumą* acc. sg. DP 167_{38}, 217_{14}, *kántrumą* acc. sg. DK 160_4, *kąntrumą* acc. sg. DP 40_{26}, 57_{30}, 243_{48}, 248_7, 264_{18}, 299_8, *kântrumą* acc. sg. DP 215_4, *kąntrumą* acc. sg. DP 270_{42}, *kąntru=|mu* instr. sg. DP 147_{2-3}, *kąn=|trumu* instr. sg. DP 209_{35-36}, *kąntrumu* instr. sg. DP 174_{50}, 178_{24}, 289_{38}, *kántrumu* instr. sg. DP 174_{41}, 354_8, *kąntrume* loc. sg. DP 75_{10}, 108_{25}, 129_{40}, 210_8, 214_{14}, *kántrumę* loc. sg. DP 489_{19}, *kąntrumę* loc. sg. DP 74_{19}, 95_{18}, 101_{20}, 101_{25}, bis, 101_{37}, 437_6, *kąntrume* loc. sg. DP 124_{28}, *ne kąntrume* loc. sg. DP 129_{41}, (также вариант 2-й а. п.: *ne kantrúmas* nom. sg. DP 490_{49}, *kąntrúmo* gen. sg. DP 528_{31}, *kuntrúmo* gen. sg. DP 591_{20}, *kantrúmą* acc. sg. DP 50_{14}, 74_{38}, *kąntrúmą* acc. sg. DP 74_{40}, *ne kąntrúmą* acc. sg. DP 192_4, а также формы с двойным ударением: *kąntrúmo*

gen. sg. DP 46_{46}, 160_{29}, *kántrúmą* acc. sg. DP 170_4, *kántrúmu* instr. sg. DP 173_{26}, в последнем примере второй акцент, возможно, отражает ретракцию конечного краткостного ударения; неясен случай *kantrumę*')] ~ ***kañtrus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4)'терпеливый, скромный'.

11. **lãpumas** (1 / **lapùmas**, 2) 'надменность, высокомерие, спесь; непокорность, непослушание' [*łâpumas* nom. sg. DP 71_{28}, *łápumas* nom. sg. DP 110_{34}, *łâpumo* gen. sg. DP 147_{16}, 147_{35}, *łápumo* gen. sg. DP 212_{18}, 289_{22}, 379_{32}, 398_4, 444_{13}, (Kudz. –), *łápu=|mo* gen. sg. DP 435_{9-10} (Sic! Kudz. –), *łâpumą* acc. sg. DP 40_{20}, 46_{44}, *łápumą* acc. sg. DP 205_{22}, 290_{30}, 482_{26}, 583_{26}, *łâpamą* acc. sg. DP 304_4, *łápumu* instr. sg. DP 442_1, *łâpumai* nom. pl. DP 14_{48}, *łápumus* acc. pl. DP 178_6 (также вариант 2-й а. п.: *łapúmas* nom. sg. DP 580_{12}, *łapúmo* gen. sg. DP 579_{14}, 586_{23}, *łapûmo* gen. sg. DP 41_{30}, *łapúmo* gen. sg. DP 32_{41}, *łapúmui* dat. sg. DP 14_{18}, 627_{17}, *łapúmą* acc. sg. DP 19_{36}, 40_{24}, а также формы с двумя ударениями: *łápúmo* gen. sg. DP 167_{37}, *łápúmą* acc. sg. DP 50_{15})] ~ **lãpus**, f. **-ì** (2 / **lapùs**, f. **-ì** 4 → 4) 'pyszny, hardy, nadęty' ('высокомерный, надменный, спесивый; непокорный, непослушный, надутый') [nom. sg. m. *łápus* DP 437_{14}; nom. sg. f. *łapîii* DP 380_{15}; instr. sg. m. *łápumi* DP 406_{33}; instr. sg. f. *łapiá* DP 529_{27}; nom. pl. m. *łápus* DP 344_{40}, *łápys* DP 304_1, *łâpus* DP 11_{18}, 20_5, *łâpys* DP 13^{35}_{36}; nom. pl. f. *łápios* DP 533_1; gen. pl. m. *łapiyiy* DP 434_{42} (по-видимому, ритмическое ударение, следовательно, основное ударение на корне); allat. pl. *łâpump* DP 626_{37} || формы 4 а. п.: gen. pl. m. *łapiýiy* DP 434_{27}, *ła=|piýiy* DP 434_{40-41}].

12. **leñgvumas** (1 → ***lengvùmas***, 2) 'гибкость; скромность' [*lę́gwumo* gen. sg. DP 594_{18}] ~ ***leñgvas** (2, по adv. *leñgvai* / 4 → 4) 'лёгкий, мягкий, кроткий, смирный, учтивый', gen. sg. 'тихо, тихонько, втихомолку'.

13. **meñkumas** (1 / **menkùmas**, 2 → 2) 'ничтожность, тщетность, бренность, суета, низость, мерзость' [*mę́kumas* nom. sg. DP 332_{39}, *mę́nkumo* gen. sg. DP 96_{29}, *mę́kumo* gen. sg. DP 346_7, 406_{12}, *mękumą* (Sic!) acc. sg. DP 200_{18} (также вариант 2-й а. п.: *mękúmo* gen. sg. DP 543_7, *mękúmą* acc. sg. DP 312_{38}, *mękúmu* gen. pl. DP 31_{27})] ~ ***meñkas***, f. ***-à*** (2 → 4) 'бренный, тщетный, пустой, бесполезный, никчемный, подлый, низкий, мерзкий, гадкий, слабый'.

14. **nõbažnumas** (1) 'богослужение, набожность, набожная жизнь', instr. sg. 'набожно' [*nóbaǰnumas* nom. sg. DP 159_{27}, 472_{14}, 572_{41}, 615_{29}, *nôbaǰnumas* nom. sg. DP 66_5, 185_{34}, *nôbaǰnumas* nom. sg. DK 123_{12}, *nóbaǰnumo* gen. sg. DP 76_{25}, 156_7, 247_{30}, 249_{18}, 268_{18}, 268_{36}, 288_{38}, 301_{13}, 301_{32}, 546_6, 561_{50}, 570_{14}, 572_{17}, *nóbaǰnumo* gen. sg. DP 64_{43}, *nôbaǰnumo* gen. sg. DP 19_{34}, 64_7, 106_{15}, 267_{11}, 281_{39}, 293_{40}, 561_{53}, 562_5, 623_{46}, 626_{19}, *nôbáǰnumo* (Sic!) gen. sg. DP 102_{39}, *nôbaǰnumui* dat. sg. DP 111_{48}, 268_8, *nóbaǰ-*

[35] В Kudz. I, 408, ошибочно, DP 13_{26}.

numą acc. sg. DP 61_{25}, 78_{15}, 338_{30}, 341_{36}, 425_{15}, 477_{24}, *nôbaʒnumą* acc. sg. DP 53_{9}, 121_{12}, 134_{50}, 280_{16}, *nóbaʒnumi* instr. sg. DP 55_{17}, 268_{20}, 466_{26}, 586_{46}, 621_{5}, *nóbaʒnumi* instr. sg. DP 369_{9}, *nôbaʒ́numi* instr. sg. DP 32_{34}, 216_{3}, 240_{11}, 541_{4}, 571_{35}, 617_{19}, *ſu nôbaʒnumi* instr. sg. DK 80_{6}, *nôbaʒ́numi* instr. sg. DK 99_{19}, 128_{14}, *nóbaʒ́numú* (Sic ?) instr. sg. DP 464_{33}, *nóbaʒ́nume* loc. sg. DP 251_{20}, 587_{1}, *nóbaʒ́numę* loc. sg. DP 302_{48}, *nôbaʒ́numę* loc. sg. DP 66_{2}, 321_{6}, *nôbaʒ́numé* (Sic ?) loc. sg. DP 210_{8}, *nóbaʒ́numop* allat. sg. DP 64_{21}, 147_{45}, 322_{32}, *nôbaʒ́numop* allat. sg. DP 102_{35}, *nôbaʒnumop* allat. sg. DP 65_{3} (ошибочная акцентовка: *nobaʒ́numóp* allat. sg. DP 479_{23}, ритмическое ударение ?), *nôbaʒ́numai* nom. pl. DP 368_{16}, *nóbaʒ́numus* acc. pl. DP 445_{40}, *nôbaʒ́numus* acc. pl. DP 89_{33}, 89_{37}] ~ **nõbažnas**, f. **-a** (1) 'nabożny'.

15. **paklùsnumas** (1 / **paklusnùmas**, 2 → 2) 'послушание' [*pakłúſnumas* nom. sg. DP 178_{35}, *pakłú|ſnumo* gen. sg. DP 428_{6-7} (второй знак ударения свален, если это знак ударения), *nepakłúſnumo* gen. sg. DP 470_{20}, *pakłúſnumą* acc. sg. DP 528_{37}, 533_{44}, ритмическое ударение, по-видимому отмечено в следующем случае: *pakłuſnumó* gen. sg. DP 512_{6} (также вариант 2-й а. п.: *pakłuſnúmas* nom. sg. DP 39_{31}, 147_{12}, 150_{41}, 178_{20}, 184_{8}, 278_{25}, 295_{34}, 380_{1}, *pakłuſnúmás* (второй знак для акцента слишком низко расположен) nom. sg. DP 146_{41}, *nepakłuſnúmas* nom. sg. DP 110_{34}, 311_{18}, *pakłuſnúmo* gen. sg. DP 13_{45}, 19_{40}, 96_{40}, 177_{41}, 178_{26}, 183_{40}, 264_{10}, 288_{23}, 365_{22}, 374_{4}, 377_{25}, *pakłuſnúmo* gen. sg. DK 167_{16}, 174_{7}, *pakluſnúmo* gen. sg. DP 66_{36}, *nepakłuſnúmo* gen. sg. DP 395_{12}, *pakłuſnúmui* dat. sg. DP 316_{19}, *pakłuſnúmą* acc. sg. DP 37_{23}, 40_{27}, 54_{51}, 150_{50}, 217_{14}, 243_{49}, 248_{8}, 264_{17}, 328_{40}, 367_{15}, 367_{16}, 367_{39}, 367_{41}, 377_{19}, 419_{6}, 419_{19}, 440_{27}, 442_{16}, *pakłuſnýmą* acc. sg. DP 405_{5}, *pakluſnýmą* acc. sg. DP 15_{52}, *nepakłuſnúmą* acc. sg. DP 393_{34}, 394_{8}, *ne pakluſnúmą* acc. sg. DP 440_{26}, *pakłuſnumú* instr. sg. DP 177_{44}, 178_{23}, 344_{31}, 364_{23}, 415_{40}, 436_{46}, 436_{48}, 442_{1}, *nepakłuſnumú* instr. sg. DP 441_{55}, *pakłuſnumé* loc. sg. DP 66_{4}, 210_{7}, *pakłuſnúmę* loc. sg. DP 489_{19}, *pakłuſnúmop* allat. sg. DP 276_{40}, 470_{22}, *pakłuſnúmai* nom. pl. DP 146_{12}, а также случаи с двумя знаками ударения: *pakłúſnúmo* (Sic!) gen. sg. DP 365_{48}, *pa|kłúſmumú* (Sic!) instr. sg. DP 173_{26-27}, *pákłuſnúmą* acc. sg. DP 177_{33})] ~ ***paklùsnus***, f. ***-ì*** (2 → 4) 'послушный, воздержанный, умеренный'.

16. **pavõjumas** (1 → *pavojùmas*, 2) 'опасность' [*pawôiumas* nom. sg. DP 206_{24}, *pawóiumo* gen. sg. DP 187_{1}, *pawôiumo* gen. sg. DP 209_{16}, *pawôiumai* nom. pl. DP 206_{23}, 221_{10}, *pawôiumái* nom. pl. DP 220_{27}] ~ **pavõjus** [D.: adj., subst. 2 / adj. ***pavõjùs**, 4 (adv. **pavõjù**: *pawoiú* DP 36_{32}) → adj. *pavojùs*, 4 / subst. *pavõjus*, 2] 'опасный', adv. 'опасно', subst. 'опасность'.

17. **pùtlumas** (1 / **putlùmas**, 2 → 2) 'надменность, высокомерие, спесь, важность, непокорность, непослушание, надутость, напыщенность' [*pútłumas* nom. sg. DP 77_{11}, *pútłumo* gen. sg. DP 176_{48}, 289_{22}, 434_{32}, 481_{7}, *pútłumą* acc. sg. DP 19_{35}, 290_{30} (также вариант 2-й а. п.: *putłúmo* gen. sg. DP 579_{14}, *putłúmą* acc. sg. DP 583_{26})] ~ ***pùtlus***, f. ***-ì*** (2 → 4) 'непокорный, непослушный, высокомерный, надменный, спесивый, чванный, напыщенный'.

18. **smařkumas** (1 / **smarkùmas**, 2 → 2) 'свирепость, жестокость' [*ſmárkumas* nom. sg. DP 420_{25}, 420_{28}, *Smârku|mas* nom. sg. DP 118^{4-5}, *ſmârkumas* nom. sg. DP 119_{6}, 183_{22}, 361_{15}, 420_{24}, *ſmárkumo* gen. sg. DP 352_{22}, *ſmârkumo* gen. sg. DP 173_{36}, 180_{30}, 419_{50}, *ſmárkumą* acc. sg. DP 19_{38}, 312_{40}, *ſmârkumą* acc. sg. DP 152_{41}, 169_{23}, *ſmárkumu* instr. sg. DP 361_{8}, *ſmârkumu* instr. sg. DK 126_{19}, *ſmârkumop* allat. sg. DP 420_{10}, *ſmárkumai* nom. pl. DP 740_{44}, *ſmárkumų* gen. pl. DP 354_{34} (с вариантом 2-й а. п.: *ſmarkúmo* gen. sg. DP 454_{37}, ср. также форму с двойным ударением: *ſmárkúmo* gen. sg. DP 312_{3})] ~ ***smařkus***, f. ***-ì*** (2 → 4) 'свирепый, жестокий; крепкий, сильный, могучий; грозный, опасный; неприятный, досадный; острый, ощутимый; страшный, ужасный, жуткий'.

19. **staĩgumas** (1 → *staigùmas*, 2) 'торопливость, спешка, поспешность' [*ſuſtáigumu* instr. sg. DP 471_{2}] ~ ***staĩgus***, f. ***-ì*** (2 → 4) 'скорый, быстрый, проворный; внезапный, неожиданный'.

20. **suñkumas** (1 / **sunkùmas**, 2 → 2) 'тяжесть, вес' [*ſiỵkumas* nom. sg. DP 75_{4}, 174_{22}, 183_{20}, *ſũnkumas* nom. sg. DP 151_{40}, *ſũkumas* nom. sg. DP 414_{39}, *ſiỵkumo* gen. sg. DP 152_{40}, 153_{33}, 161_{18}, 183_{12}, 394_{38}, 436_{19}, 437_{26}, *ſiỵkumą* acc. sg. DP 93_{9}, 107_{21}, 144_{13}, 144_{15}, 147_{26}, 151_{5}, 173_{42}, 312_{40}, *ſiỵkumą* acc. sg. DP 54_{49}, *ſiỵkuma* acc. sg. DP 153_{15}, *ſiỵkumu* instr. sg. DP 129_{26}, 174_{31}, 436_{21}, 437_{7}, *ſiỵkumai* nom. pl. DP 448_{42}, *ſiỵkumamus* dat. pl. DP 149_{32}, *ſiỵkumus* acc. pl. DP 146_{42}, *ſúkumus* acc. pl. DP 192_{10} (с вариантом 2-й а. п.: *ſiỵkúmo* gen. sg. DP 46_{2}, ср. также форму с двойным ударением: *ſiỵkúmų* gen. pl. DP 14_{50}) ~ ***suñkus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4) 'тяжёлый; грузный, неповоротливый; сильный, крепкий, плотный; свирепый, жестокий; страшный, ужасный, жуткий'.

21. **švelnumas** (1 → *švelnùmas*, 2) 'мягкость' [*ßwélnumu* instr. sg. DP 325_{1}] ~ ***švelnus***, f. ***-ì*** (2 / ***švelnùs***, f. ***-ì***, 4 → 4) и ***švelnas***, f. ***-à*** (2?/4 → 4) 'мягкий, нежный, ласковый, кроткий, смирный, милый, обаятельный; гладкий, ровный'.

22. **šviesumas** (1 / **šviesùmas**, 2 → 2) 'свет, сияние, освещение, ясность' [*ßwiéſumas* nom. sg. DP 458_{21}, *ßwiéſumo* gen. sg. DP 557_{38}, *ßwiéſumą* acc. sg. DP 559_{28}, и, по-видимому с отмеченным ритмическим ударением: *ßwieſumói'* loc. sg. DP 248_{45}, *ßwieſumói* loc. sg. DP 430_{31}, — если здесь не подвижная а. п., связанная с меной → *ā*-основу (с вариантом 2-й а. п.: *ßwieſúmas* nom. sg. DP 38_{2}, 41_{14}, 44_{52}, 243_{51}, 399_{19}, 400_{13}, 430_{41}, 526_{8}, 576_{29}, 593_{49}, 594_{37}, 595_{26}, *ßwieſỵmas* nom. sg. DP 43_{2}, *ßwieſúmo* gen. sg. DP 213_{28}, 280_{27}, 319_{21}, 354_{1}, 400_{19}, 543_{44}, 593_{50}, *ßwie[ſ]úmo* gen. sg. DP 594_{20}, *ßwieſúmą* acc. sg. DP 229_{15}, 243_{50}, 414_{3}, 418_{41}, 424_{7}, 449_{17}, 458_{18},

594_1, 594_7, 594_9, *ßwiefúma* acc. sg. DP 43_1, *ßwiefumú* instr. sg. DP 42_3, 42_{40}, 43_1, 44_{49}, 44_{50}, 45_2, 50_{24}, 63_4, 243_{46}, 251_9, 286_{38}, 394_{19}, 430_{23}, 430_{37}, *ßwiefumé* loc. sg. DP 134_{10}, *ßwiefúmop* all. sg. DP 241_9, 430_{39})] ~ **šviẽsus**, f. **-ì** (2/4 → 4) 'светлый, ясный, явный, очевидный, блистательный, прекрасный; чёткий, отчётливый; верный, надёжный'.

23. **tiẽsumas** (1 / **tiesùmas**, 2 → 2) 'простота, простодушие' [*ne tiéfumo* gen. sg. DP gen. sg. 576_{20} (с вариантом 2-й а. п.: *netiefúmo* gen. sg. DP 103_{20}, ср. также форму с двойным ударением: *tiéfúmą* acc. sg. DP 393_{32})] ~ ***tiẽsus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4) 'прямой, простой; честный, истинный; надёжный';

24. **trum̃pumas** (1 / **trumpùmas**, 2 → 2) 'краткость, непродолжительность' [*trúmpumo* gen. sg. DP 548_{42} (с вариантом 2-й а. п.: *trumpúmo* gen. sg. DP 580_{21})] ~ **trum̃pas**, f. **-à** (2/4 → 4) 'краткий, непродолжительный; бренный, временный, преходящий; маленький, малый'.

25. **vaŕgumas** (1 / **vargùmas**, 2) 'трудность, затруднение, препятствие, помеха' [*wârgumas* nom. sg. DP 256_{37}, *wârgumu* instr. sg. DP 64_{32}, 221_{39}, 342_{30}, *wárgumu* gen. pl. DP 298_{33}, *wârgumų* gen. pl. DP 140_{44}, 187_7, 581_{40}, *wârgu=|mų* gen. pl. DP 187_{14-15}, *wárgu=|mus* acc. pl. DP 38_{16-17}, *wârgumus* acc. pl. DP 39_{23}, 186_{11}, *wárgumáis* instr. pl. DP 339_{48}, в последнем случае, по-видимому, отмечено также ритмическое ударение (с вариантом 2-й а. п.: *wargúmu* instr. sg. DP 529_4, с диалектной ретракцией с конечного краткого; *wargúmų* gen. pl. DP 274_{35}, *war=|gúma- mus* dat. pl. DP 186_{15-16})] ~ ***vaŕgus***, f. ***-ì*** (2/4 → 4) 'жалкий, убогий; трудный, тяжёлый, затруднительный'.

Тип В
(как единственный зафиксированный
представлен лишь в производных от прилагательных,
зафиксированных у D. только в подвижной акцентной парадигме;
приводятся самые надёжные случаи)

1. **aštrùmas** (2) 'острота, резкость' [*aßtrúmo* gen. sg. DP 20_{35}, 40_{18}, *aßtrumú* instr. sg. DP 27_{42}, *aßtrumús* acc. sg. DP 27_{46}] ~ **ãštras**, f. **-à** (4) 'острый, резкий, крутой, обрывистый'.

2. **gerùmas** (2) 'доброта, доброкачественность, добротность, ласковость; добродетель' [*gerúmas* nom. sg. DP 95_{14}, 249_{19}, 333_{10}, *gerú=|mas* nom. sg. DP 332_{2-3}, *gęrúmas* nom. sg. DP 96_7, 335_{23}, *gerúmo* gen. sg. DP 95_{46}, 147_{23}, 242_{12}, 264_{48}, 360_{51}, 617_{42}, *gęrúmo* gen. sg. DP 94_{11}, 96_7, *gę=|rúmo* gen. sg. DP 339_{3-4}, *gerúmą* acc. sg. DP 94_{39}, 156_{16}, 186_{28}, 256_{30}, 390_{47}, *gerumú* instr. sg. DP 209_{35} (*gérumą* acc. sg. DP 337_9 — простая ошибка ?)] ~ **gẽras**, f. **-à** (4) 'добрый, добротный, ласковый, чистый, добродетельный'.

3. **gilùmas** (2) 'глубина' [*giłúmo* gen. sg. DP 423_5, *giłúmą* acc. sg. DP 14_{40}, 165_{22}, 287_{43}, 291_{48}, 329_{20}, 518_9, *giłú=|ma* acc. sg. DP 399_{18-19}, *giłúmą* acc. sg. DP 405_{21}, *giłúman'* illat. sg. DP 154_{42}, *giłúmų* gen. pl. DP 379_{39}, *giłumús* acc. pl. DP 242_8 (*gîłume* loc. sg. DP 400_{20} — ошибка или отражение ритмического ударения ?)] ~ **gilùs**, f. **-ì** (4) 'глубокий'.

4. **gražùmas** (2) 'красота; чистота, опрятность; украшение' [*grażúmas* nom. sg. DP $542a_{23}$, 624_{44}, *grażú=|mas* nom. sg. DP 406_{5-6}, *grażúmo* gen. sg. DP 412_8, 593_{34}, 596_{11}, 600_{27}, 615_{16}, *grażúmą* acc. sg. DP 197_{35}, *grażumú* instr. sg. DP 397_{34}, *grąžumú* instr. sg. DP 481_{16} (*grážumo* gen. sg. DP 169_{50} — описка ?)] ~ **gražùs**, f. **-ì** (4) 'красивый, прекрасный; чистый, опрятный; изящный, привлекательный, милый'.

5. **mažùmas** (2) 'мелочь, незначительность; недостаток; низость, подлость, мерзость' [*mażúmas* nom. sg. DP 82_6, *ma=|żúmo* gen. sg. DP 602_{2-3}, *mażumú* instr. sg. DP 88_{26}] ~ **mãžas**, f. **-à** (4) 'маленький, малый; простой, низкий, подлый; молодой; смиренный, кроткий, покорный'.

6. **nuogùmas** (2) 'нагота' [*nůgúmas* nom. sg. DP 18_{31}, 178_4, *můgúmą* acc. sg. DP 290_{28}] ~ ***núogas***, f. ***-à*** (3) 'нагой, голый, обнажённый'; лтш. *nuôgs*; слав. **nâgъ*.

7. **paklaidùmas** (2) 'лицемерие, притворство' [*pakłaidúmo* gen. sg. DP 365_{31}] ~ ***paklaidùs***, f. ***-ì*** (4) 'лицемерный, притворный' (у Kudz. II, 29: *pakłaidų* gen. pl. DP 344_{47} 'obłudny').

8. **pigùmas** (2) 'лёгкость, удобство; отдых' (совр.: 'дешевизна') [*pigúmo* gen. sg. DP 242_{18}, *pigumú* instr. sg. DP 221_{49}, *pigúmų* gen. pl. DP 222_{38}] ~ **pigùs**, f. **-ì** (4) 'лёгкий, не трудный, удобный; ловкий; дешёвый; худший (сорт), низший (о качестве)' (совр.: 'дешёвый').

9. **platùmas** (2) 'ширина' [*płatumú* instr. sg. DP 342_{30}] ~ **platùs**, f. **-ì** (4) 'широкий, просторный; щедрый'.

10. **pranarùmas** (2) 'лицемерие, притворство, двуличие, фальшь; старательность, тщательность, заботливость' (совр.: 'свилеватость [древесины]') [*pranorúmas* nom. sg. DP 421_{40}, *pranarúmo* gen. sg. DP 130_{21}, *pranarúmą* acc. sg. DP 344_{10}, 364_7, 366_3, *pranarumú* instr. sg. DP 366_5] ~ ***pranarùs***, f. ***-ì*** (4) 'двуличный, лицемерный, притворный; опрометчивый, необдуманный, неосторожный, безрассудный' (совр. 'свилеватый [о древесине]').

11. **saldùmas** (2) 'сладость' [*sałdúmo* gen. sg. DP 32_3, 267_{38}, 268_1, 424_{33}, 427_{11}, 594_{46}, *sałdúmo* gen. sg. DP 221_{31}, *sałdúmẽ* voc. sg. DK 62_{16}, *sał=|dúmę* voc. sg. DK 170_{13-14}, *sałdúmus* acc. pl. DP 596_{18}] ~ **saldùs**, f. **-ì** (3) 'сладкий; пленительный, обаятельный, привлекательный', лтш. *saĺds*, слав. **sôldъ*.

Таким образом, в этой группе существительных правило порождения акцентных типов производных было аналогичным установленному выше для прилагательных на *-išk(is)* и *-in(is)*. При этом, как и в двух предшествующих случаях, закон де Соссюра, меняя акцентную кривую имён с ударением на суффиксе, существенным образом не влиял на само правило выбора (см. табл. 15).

Таблица 15

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2; 1	3 (3[a])	4; (3[b],) 4
До действия закона де Соссюра	nom.	*brán*gumas + + −	*àklumas* + + −	*nuôgùmas* − + −	*gerùmas* − + −
	gen.	*brán*gumā̊ + + −	*àklumā̊* + + −	*nuôgùmā̊* − + −	*gerùmā̊* − + −
	acc.	*brán*gumą̄ + + −	*àklumą̄* + + −	*nuôgùmą̄* − + −	*gerùmą̄* − + −
	instr.	*brán*gumuô + + −	*àklumuô* + + −	*nuôgùmuô* − + −	*gerùmuô* − + −
	№ а. п.	1	1	*1	*1
После действия закона де Соссюра (*1 → 2)	nom.	*brán*gumas + + −	*àklumas* + + −	*nuôgùmas* − + −	*gerùmas* − + −
	gen.	*brán*gumā̊ + + −	*àklumā̊* + + −	*nuôgùmā̊* − + −	*gerùmā̊* − + −
	acc.	*brán*gumą̄ + + −	*àklumą̄* + + −	*nuôgùmą̄* − + −	*gerùmą̄* − + −
	instr.	*brán*gumuô + + −	*àklumuô* + + −	*nuôgumúo* − + −	*gerumúo* − + −
	№ а. п.	1	1	2	2

Падение же этого правила произошло из-за коренной ломки, которую претерпела система акцентных парадигм прилагательных, разрушившая саму основу правила порождения.

6. Суффикс *-at-a* (D.)

Тип А (сохранился в виде варианта у D.)

Образован от прилагательных неподвижной (1 и 2) а. п.:

1. **svéikata** (1 / **sveikatà**, 2 → 2) 'здоровье, любовь, милость' (совр.: 'здоровье') [*ſwêikata* nom. sg. DP 598_{19}, *ſwéikatos* gen. sg. DP 586_{31}, *ſwéikatoś* gen. sg. DP 177_{2} (значительно более частотен вариант 2-й а. п.: *ſweikatá* nom. sg. DP 122_{28}, 407_{39}, 489_{43}, *ſweikatą́* nom. sg. DP 370_{28}, *ſweikatâ* nom. sg. DP 306_{30}; *ſweikátos* gen. sg. DP 321_{10}, 321_{11}, 370_{29}, 478_{19}, 478_{20}, *ſweiká=|tos* gen. sg. DP 337_{8-9}, *ſweikâtos* gen. sg. DP 80_{40}, 80_{47}, 81_{1}, 81_{4}, 263_{45} (у Kudz. 265_{45}), 328_{10}, 370_{18}, 370_{22}, 521_{15}, 590_{30}, 596_{26} (у Kudz. во всех этих случаях ошибочно *swêikatos*), *ſweikâtos* gen. sg. DK 101_{6}, *ſweikâtai* dat. sg. DP 521_{40}, *ſweikątą* acc. sg. DP 357_{13}, 371_{1}, *ſweikâtą* acc. sg. DP 74_{29}, 74_{33}, 77_{43}, 96_{19}, 221_{36} (напечатано 220), 348_{1}, 349_{28}, 356_{38}, 382_{33}, 427_{36}, 543_{31}, 586_{41}, *ſweikâ=|tą* acc. sg. DP 337_{6-7}, 371_{39-40}, *ſweikâtą* acc. sg. DK 73_{6}, 92_{14}, *ſwei=|kâta* acc. sg. DP 523_{12-13}, *ſweikâtų* acc. sg. DP 348_{29}, *ſwei=|katá* instr. sg. DP 211_{19-20}, *ſweikátoie* loc. sg. DP 348_{50}, *ſweikâtoi* loc. sg. DK 186_{18}, *ſwei=|kâtos* nom. pl. DP 34_{11-12}, *ſweikâ=|tos* nom. pl. DP 590_{37-38}, *ſweikâtomus* dat. pl. DP 144_{23}, 257_{5})] ~ ***svéikas***, f. ***-a*** 'здоровый; очищенный; справедливый' (совр.: 'здоровый, целый') (1 / *sveĩkas*, f. *-à*, 4 → 4).

Аномальные случаи акцентовки: *ſweikâtós* gen. sg. DP 355_{31} (вариант 2-й а. п., возможно, с отражением ритмического ударения 1-й а. п.), *ſwêykątą* acc. sg. DP 66_{19} (совмещены оба варианта акцентовки). В одном случае поставлено три знака ударения: *ſwêikátá* nom. sg. DP 328_{48}, — предконечный знак ударения, возможно, отражает колебания, связанные с ретракцией акцента с конечного слога.

2. **čỹstata** (1 / **čystatà**, 2) 'чистота, опрятность' [*Czîſtatá* nom. sg. DK 105_{22} (с указанием ритмического ударения); *czîſtatos* gen. sg. DP 562_{31}, 562_{32}, 564_{1}, 565_{25}, 565_{35}, 599_{16}, *czî=|ſtatos* gen. sg. DP 534_{28-29}; *Czîſtatą* acc. sg. DP 34_{18}, *czîſtatą* acc. sg. DP 525_{46}, 565_{39}, 565_{43}, 566_{10}, 591_{15}; *czîſtatoie* loc. sg. DP 535_{17} (вариант 2-й а. п.: *czıſtatá* nom. sg. DP 601_{24}; *czıſtátos* gen. sg. DP 439_{34}, *czıſtátos* gen. sg. DP 441_{31}, 441_{37}, *czıſtâtos* gen. sg. DP 70_{25}, *czıſtâtos* gen. sg. DP 19_{31}, 52_{47}, 428_{24}, 564_{48}, 612_{22}, *czıſtâtos* gen. sg. DK 85_{18}, *czıſtâtas* gen. sg. DP 43_{19}; *czıſtâtai* dat. sg. DP 48_{14}; *czıſtątą* acc. sg. DP 442_{16}, 473_{1}, *czıſtątą* acc. sg. DP 291_{33}, *czıſtâtą* acc. sg. DP 141_{42}; *czıſtatá* instr. sg. DP 430_{46}; *czıſtátoie* loc. sg. DP 367_{3}, *czıſtá=|toie* loc. sg. DP 437_{21-22}, *czıſtâtoie* loc. sg. DP 68_{39}, 68_{42}, 142_{8}, 566_{35}, *czıſtâtoię* loc. sg. DP 69_{10}, *czıſtâtoia* loc. sg. DP 52_{48}; *czıſtâtomus* dat. pl. DP 28_{6}; *czıſtatás* acc. pl. DP 27_{46})] ~ *čỹstas*, f. *-à* (2/4) 'чистый, опрятный'. Несмотря на заимствованный характер последнего слова, акцентовка производного явно подчиняется литовским закономерностям.

Тип В

(зафиксирован как единственный у D. лишь в слове, образованном от акутированной основы с подвижным акцентом):

1. **gyvatà**, gen. sg. **-ātōs** (2) 'жизнь, житие; супружеская чета; добродетель' [*giwatá* nom. sg. DP 14_{46}, 36_{29}, 40_{50}, 42_{39}, 42_{40}, 44_{42}, 45_{9} (?), 47_{23}, 96_{52}, 98_{46}, 100_{45}, 112_{34}, 122_{49}, 128_{27}, 128_{28}, 128_{43}, 142_{17}, 148_{3}, 170_{47}, 188_{1}, 190_{28}, 195_{2}, 199_{44}, 199_{45}, 213_{29}, 214_{40}, 229_{20}, 230_{42}, 232_{42}, 251_{21}, 270_{35}, 273_{30} (плохо пропечатано), 321_{30}, 399_{25}, 405_{20}, 418_{25}, 418_{27}, 431_{24}, 447_{2}, 449_{7}, 449_{21}, 449_{28}, 464_{14}, 464_{20}, 472_{24}, 490_{2}, 542_{51},

553_{31}, 560_{30}, 560_{41}, 568_{40}, 578_{11}, 579_{37}, 579_{48}, 580_{3}, 580_{44}, 581_{3}, 581_{6}, 581_{10}, 581_{40}, 582_{10}, 584_{14}, 600_{19}, 604_{27}, 608_{51}, 632_{9}, *gi=|watá* nom. sg. DP 198_{43-44}, *Giwatá* nom. sg. DP 582_{34}, *giwatą́* nom. sg. DP 148_{2}, *giwatâ* nom. sg. DP 365_{31} (оттяжка ударения с конечного слога зафиксирована в следующих случаях: *giwá=|ta* nom. sg. DP 581_{33-34}, *giwáta* nom. sg. DP 582_{8}, *gi=|wâta* nom. sg. DP 625_{12-13}); *giwátos* gen. sg. DP 130_{14}, 160_{5}, 177_{37}, 182_{45}, 184_{22}, 273_{52}, 275_{43}, 276_{23}, 310_{37}, 332_{14}, 339_{31}, 358_{5}, 414_{4}, 434_{14}, 438_{32}, 453_{19}, 456_{43}, 457_{4}, 478_{16}, 486_{14}, 486_{19}, 486_{21} (?), 487_{41}, 487_{45} (?), 493_{32}, 588_{35}, *giwá=|tos* gen. sg. DP 364_{44-45}, *giwâtos* gen. sg. DP 5_{7}, 10_{11}, 15_{6}, 26_{34}, 26_{36}, 27_{42}, 28_{38} [отсутствуют указанные у Kudz. 28_{18} и 28_{27}], 29_{49}, 32_{22}, 39_{42}, 44_{43}, 47_{7}, 60_{45}, 79_{38}, 91_{1}, 95_{34}, 97_{35}, 111_{34}, 112_{15}, 124_{6}, 124_{18}, 130_{16}, 135_{21}, 138_{38}, 140_{47}, 140_{52}, 144_{27}, 161_{5}, 162_{50}, $168a_{11}$ [Kudz. 168_{11}], $168a_{12}$ [Kudz. 168_{12}], 177_{1}, 177_{27}, 177_{48}, 178_{42}, 182_{46}, 186_{31}, 187_{39}, 188_{5}, 198_{44}, 199_{18}, 199_{23}, 201_{5}, 205_{44}, 207_{7}, 207_{14}, 207_{24}, 210_{16}, 218_{20}, 219_{17}, 219_{54}, 242_{30}, 243_{47}, 252_{26}, 270_{10}, 273_{38}, 275_{46}, 280_{28}, 309_{4}, 312_{16}, 325_{44}, 326_{4}, 329_{34}, 353_{53}, 363_{1}, 364_{3} (плохо пропечатанный ˆ или ´?), 364_{14}, 364_{19}, 374_{38}, 375_{38}, 396_{37}, 406_{4}, 414_{32}, 416_{36}, 429_{6}, 432_{48}, 434_{5}, 436_{16}, 439_{12}, 448_{4}, 449_{17}, 454_{11}, 457_{33}, 478_{39}, $526a_{4}$, 529_{50}, 534_{2}, 542_{22}, 542_{37}, 542_{45}, $542a_{10}$, 543_{3} (?), 544_{13}, 545_{33}, 546_{37}, 548_{11}, 551_{35}, 552_{27}, 554_{36}, 554_{44}, 555_{17}, 557_{39}, 560_{19}, 561_{14}, 563_{6}, 564_{6}, 573_{42}, 579_{5}, 579_{8}, 579_{27}, 579_{31}, 579_{32}, 580_{21}, 580_{29}, 580_{32}, 580_{44}, 580_{45}, 580_{47}, 580_{48}, 580_{53}, 581_{2}, 581_{3}, 581_{5}, 581_{8}, 581_{9}, 581_{12}, 581_{16}, 581_{19}, 581_{20}, 581_{29}, 581_{39}, 582_{1}, 582_{4}, 582_{23}, 582_{45}, 583_{22}, 583_{31}, 583_{43}, 583_{44}, 583_{52}, 584_{14}, 584_{33}, 585_{6}, 588_{36}, 592_{12}, 592_{33}, 594_{46}, 596_{34}, 597_{21}, 600_{25}, 604_{40}, 606_{41}, 608_{32}, 610_{38}, 611_{5}, 614_{41}; *giwâ=|tos* gen. sg. DP 20_{35-36}, 157_{28-29}, 357_{9-10}, 526_{2-3}, 580_{2-3}, *gi=|wâtos* gen. sg. DP 39_{7-8}, 391_{6-7}, 533_{41-42}, 584_{6-7}, *giwâtos* gen. sg. DP 40_{6}, 50_{53}, *Giwâtos* gen. sg. DP 200_{34}, *giwâtoś* gen. sg. DP 170_{44}, 197_{34}, *giwâtas* gen. sg. DP 40_{3}, *giwâtos* gen. sg. DK 172_{7}, 174_{15}, 181_{2}, *giwâ=|tos* gen. sg. DK 6_{7-8}, 99_{11-12}, 121_{2-3}, *gi=|wâtos* gen. sg. DK 142_{17-18}, 162_{22-23}–163_{1}, 172_{8-9}, *Giwâtos* gen. sg. DK 44_{19}, *giwá=|tos* gen. sg. DK 96_{9-10}; *giwátai* dat. sg. DP 449_{32}, 487_{47}, *giwâtai* dat. sg. DP 548_{12}, 566_{42}, 579_{46}, 581_{31}; *giwátą* acc. sg. DP 4_{12}, 12_{7}, 94_{16} (?), 244_{48}, 282_{28}, 290_{8}, 337_{19}, 428_{45}, 439_{7}, 452_{10}, 454_{49} (?), 460_{51}, 462_{26}, 475_{49}, 478_{40}, 482_{9}, 485_{10}, 487_{20}, 487_{40}, 490_{33} (напечатано 491), 491_{16}, 500_{27}, 559_{20}, *gi=|wátą* acc. sg. DP 97_{9-10}, 487_{44-45}, *Giwátą* acc. sg. DP 200_{49}, *giwátą* acc. sg. DP 454_{19} (?), *giwâtą* acc. sg. DP 4_{12}, 15_{25}, 16_{23}, 21_{14}, 28_{18}, 28_{27}, 36_{26}, 44_{43}, 44_{44}, 74_{38}, 90_{11}, 91_{5}, 101_{13}, 104_{12}, 112_{4}, 112_{32}, 117_{25}, 121_{34}, 134_{22}, 143_{32}, 143_{36}, 144_{9}, 146_{25}, 146_{36}, 151_{4}, 151_{13}, 185_{26}, 186_{29}, 187_{24}, 188_{10}, 188_{18}, 188_{25}, 188_{45}, 198_{2}, 198_{6}, 198_{21}, 201_{1}, 202_{2}, 207_{28}, 210_{30}, 217_{39}, 220_{2} (напечатано 219), 221_{37} (напечатано 220), 233_{12}, 235_{20}, 240_{28}, 242_{20}, 242_{27}, 242_{32}, 242_{33}, 242_{34}, 243_{8}, 245_{19}, 249_{11}, 252_{13},

263_{20}, 265_{42}, 266_{28}, 267_{19}, 270_{3}, 270_{6}, 270_{7}, 271_{21} (Kudz. 271_{1}), 273_{53}, 290_{16}, 291_{39}, 292_{13}, 295_{53}, 298_{27}, 322_{2}, 323_{43}, 324_{9}, 325_{42}, bis, 327_{33}, 327_{35}, 328_{38}, 334_{11}, 337_{6}, 341_{37}, 352_{37}, 367_{2}, 383_{18}, 387_{43}, 389_{5}, 406_{7}, 414_{14}, 414_{32}, 416_{37}, 418_{42}, 420_{42}, 426_{8}, 435_{31}, 446_{31}, 531_{44}, 536_{2}, 544_{10}, 548_{7}, 548_{49}, 549_{46}, 550_{36}, 568_{29}, 570_{43}, 578_{33} (Kudz. 578_{35}), 578_{36}, 579_{47}, 580_{8}, 580_{9}, 583_{8}, 583_{32}, 583_{39}, 583_{51}, 584_{6}, 584_{7}, 584_{32}, 599_{51}, 602_{36}, 608_{51}, 621_{46}, *giwâ=|tą* acc. sg. DP 20_{44}, $526a_{45-46}$, *gi=|wâtą* acc. sg. DP 112_{16}, 138_{9-10}, 230_{9-10}, 241_{18-19}, 421_{11-12}, 433_{9-10}, 544_{8-9}, 584_{8-9}, 584_{9-10}, 606_{38-39}, 624_{27-28}, *giwâtą* acc. sg. DK 24_{6}, 145_{4}, 183_{8}, 183_{20}, 183_{21}, *giwâ=|tą* acc. sg. DK 67_{8-9}, *gi=|wâtą* acc. sg. DK 92_{14-15}, *giwâta* acc. sg. DP 135_{22}, *giwâtų* acc. sg. DP 199_{15} (конечные ударения в случаях: *giwátą́* acc. sg. DP 331_{39}, *giwâtą́* acc. sg. DP 296_{45} и *gi=|watá* acc. sg. DP 525_{29-30}, — по-видимому, результат гиперкоррекции, связанной с ретракцией конечного ударения); *giwatá* instr. sg. DP 52_{42}, 53_{12}, 123_{1}, 128_{23}, 148_{2} (?), 148_{3}, 177_{43}, 198_{42}, 212_{37}, 231_{11}, bis, 231_{12}, 275_{10}, 389_{27}, 449_{13}, 449_{18}, 455_{3}, *gi=|watá* instr. sg. DP 44_{48-49}, 557_{47-47a}–558_{1}, *giwatą́* instr. sg. DP 170_{47}; *giwátoie* loc. sg. DP 270_{12}, 384_{24}, 413_{22}, *Giwátoie* loc. sg. DP 413_{26}, *gi=|wátoie* loc. sg. DP 579_{28-29}, *giwâtoie* loc. sg. DP 123_{6}, 134_{47}, 140_{14}, 236_{49}, 248_{6}, 296_{44}, 365_{30}, 413_{25}, 414_{12}, 545_{36}, *giwâtoię* loc. sg. DP 38_{33}, 97_{9}, 134_{37}, *giwâto=|ie̊* loc. sg. DK 168_{20-21}, *giwátoi'* loc. sg. DP 142_{45}, 272_{10}, *giwá=|toi* loc. sg. DP 352_{31-32}, *giwâtoi'* loc. sg. DP 136_{34}, 199_{17}, 213_{13}, 269_{18}, *giwâtoi* loc. sg. DP 11_{15}, 32_{23}, 548_{48}, 597_{7}, *giwâtoy'* loc. sg. DP 91_{2}, 112_{5}; *giwâta* voc. sg. DK 62_{15}, 172_{3}; *giwátoſp̓* allat. sg. DP 181_{24}, 244_{41}, 282_{6}, 337_{43}, 337_{47}, 395_{48}, 464_{31}, 486_{23}, 487_{52}, *giwátosp̓* allat. sg. DP 337_{38}, 396_{42}, 488_{3}, *giwâtoſp'* allat. sg. DP 560_{21}, *giwâtoſp* allat. sg. DP 47_{14}, 50_{53}, 81_{32}, *giwâtoſp̓* allat. sg. DP 182_{16}, 385_{51}, 387_{8}, 560_{20}, 579_{38}, *giwâtoſṕ* allat. sg. DP 188_{26}, *Giwâtosp̓* allat. sg. DP 200_{51}, *Giwâ=|tosp̓* allat. sg. DP 200_{54-54}a-201_{1}, *giwâtosp̓* allat. sg. DP 207_{18}, 337_{37}, 371_{38}, *giwâtoſp̓* allat. sg. DK 36_{16}; *giwáton'* illat. sg. DP 181_{25}, 274_{1}, 337_{50}, *giwáton* illat. sg. DP 462_{34}, 465_{34}, *giwâton'* illat. sg. DP 131_{20}, 326_{15}, 346_{15}; *giwâtų* gen. pl. DP 523_{22})] ~ **gī́vas**, f. **-à** (3) 'живой, живущий, оживлённый; живое существо, животное'; лтш. *dzîvs*; слав. **žīvъ*.

Не дают оснований для восстановления варианта 1-й а. п. формы с двумя или тремя знаками ударения: *gíwátá* (?) nom. sg. DP 44_{47}, *gîwatá* nom. sg. DP 229_{45}. Единичный пример *gîwata* nom. sg. DP 560_{33}, по-видимому, следует считать простой ошибкой, связанной с сильным эмфатическим ударением на непосредственно предшествующим *wel*.

Ряд случаев, в которых при нормальном знаке ударения (над гласным суффикса и окончания) над начальным *-i-* также стоит диакритика, которую можно рассматривать как акут, она, вероятно, отражает долготу этого *-i-*: *giwatá* nom. sg. DP 249_{27}, *gi*[*w*]*atá* nom. sg. DP 198_{8},

giwátos gen. sg. DP 453_2, *gíwâtos* gen. sg. DP 87_{32}(?), 121_{11}(?), 135_8(?), 371_{40}(?), 583_{39}(?), *giwátǫ* acc. sg. DP 305_2(?), *giwâtǫ* acc. sg. DP 135_{30}, 322_{36}, 344_{29}, *giwâtǫ* acc. sg. DP 306_3(?), *giwátoia* loc. sg. DP 353_{39}.

Так как в системе, в которой сохранились следы противопоставления акцентных типов в этой группе имён, они зафиксированы лишь у имён с акутированным корнем, то непосредственно правило выбора устанавливается лишь для последних (см. табл. 16):

Таблица 16

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ	
		Неподвижная, **1** (акут)	Подвижная, **2** (акут)
		1	3 (3[a])
До действия закона де Соссюра	nom.	*svéikatů̊* + + +	*gîvàtů̊* − + +
	gen.	*svéikatů̊s* + + +	*gîvàtů̊s* − + +
	acc.	*svéikatą̄* + + −	*gîvàtą̄* − + −
	instr.	*svéikatą̂* + + −	*gîvàtą̂* − + −
	№ а. п.	1	*1
После действия закона де Соссюра (*1 → 2)	nom.	*svéikatů̊* + + +	*gîvatů̊* − + +
	gen.	*svéikatů̊s* + + +	*gîvàtů̊s* − + +
	acc.	*svéikatą̄* + + −	*gîvàtą̄* − + −
	instr.	*svéikatą̂* + + −	*gîvatą̂* − + −
	№ а. п.	1	2

Однако наличие в системе этих имён у D. акцентного типа с накоренным циркумфлексовым ударением и согласование вариантных акцентных типов с вариантными а. п. производящих (как и в предыдущем словообразовательном типе) делают экстраполяцию данного правила на циркумфлексовые и краткостные основы (на том же уровне, что и для акутовых основ) достаточно надёжной[36].

[36] По-видимому, следует отличать экстраполяцию правила порождения, предлагаемую в данном случае, равно как в случае основ на *-astis* (см. выше), от экстраполяции правила порождения на краткостные основы в случаях образований с конфиксами *pa-...-ė* и *pa-...-ys/is*.

7. Суффикс *-yst-ė* (Daukša)

Тип А

a) От акутированных имён неподвижной акцентной парадигмы (1):

1. **brǫ́līstė** 'братство' (1 → совр. *brolỹstė* 2) [*brôliſten'* illat. sg. DP 200_{54}] ~ ***brólis***, pl. ***-iai*** (1) 'брат, братия, ближний'.

2. **mǫ́terīstė** 'супружеская чета; брак, супружество, замужество' (1/2 → совр. *moterỹstė* 2) [*móterîſte* (Sic!) nom. sg. DP 69_{22}; *móteriſtes* gen. sg. DP 624_9 (вариант 2-й а. п.: *moterîſte* nom. sg. DP 69_1, 69_{12}, 69_{13}, 69_{18}, 69_{23}, 69_{26}, 70_{34}, *motęriſte* nom. sg. DP 69_5, 70_{18}, 351_{27}, *Motę̊riſte* nom. sg. DK 94_{17}, *moterîſtes* gen. sg. DP 38_{33}, 68_{30}, 70_{16}, 70_{37}, *motęrîſtes* gen. sg. DP 69_{32}, 112_{39}, 277_{22}, *motę̊riſtes* gen. sg. DK 101_{20}, *moterîſte* acc. sg. DP 68_{44}, *moteriſtė* instr. sg. DP 219_{11}, *moterîſtes* nom. pl. DP 71_{34}, *moterîſteſp* allat. sg. DP 69_{20}, *motęrîſteſp* allat. sg. DP 394_{13})] ~ ***mótė***, gen. ***móter(e)s*** (1) 'жена, супруга; женщина' (при наличии подвижного варианта, см. выше).

3. **pǫ́piežīstė** 'папство' (1) [*Pópieżiſte* nom. sg. DP 302_{31}, *Pópieżiſteie* loc. sg. DP 84_{19}] ~ ***pópiežius*** (1) 'папа (римский)'.

4. **bǐskupīstė** 'епископство' (1/2 → совр. *vyskupỹstė* 2) [*Bîſku⸗|piſtes* gen. sg. DP 612_{8-9} (ср. вариант 2-й а. п. **bīskupĩstė**, 2: *Biſkupîſtę* acc. sg. DP 383_{30}, *Biſkupîſtę* acc. sg. DP 588_{17}, *Biſkupîſte* acc. sg. DP 588_{25})] ~ ***býskupas*** (1/3 → совр. 3), ср. диал. *býskupas* 'Bischof' (Skardžius Lw. 42), *výskupas* (3[a]) 'епископ'.

5. **mǐelaširdīstė** 'милосердие, жалость, сострадание' (1/2 → совр. *mielaširdỹstė* 2) [*mîełaßirdiſtes* gen. sg. DK 189_{11} (60_{11}) (но также и вариант **mielaširdĩstė**, 2: *mieła̧ßyrdî⸗|ſtes* gen. sg. DP 19_{38-39}, *mieła|ßirdîſtes* gen. sg. DK 106_{1-2}, *mieła̧ßirdiſtę* acc. sg. DP 7_7, *mieła̧ßirdîſtesp* allat. sg. DP 363_{20}, *meiła̧ßirdîſteſp* allat. sg. DP 281_{48})] ~ ***mǐelaširdus***, f. ***-i*** (1 / ***mielaširdùs***, 3) 'милосердный, сострадательный'.

6. **jáunīstė** 'молодость, юность' (1/2 → совр. *jaunỹstė* 2) [*iáuniſtes* gen. sg. DP 64_{43} (вариант 2-й а. п. см. ниже)] ~ **jáunas**, f. **-a** (1-я а. п. как вариант у Даукши: *iáunos* gen. sg. f. DP 568_{20}, вопреки лтш. *jaûns*) 'молодой, юный; новый'.

b) От циркумфлектированных и краткостных имён неподвижной (1-й и 2-й) акцентной парадигмы.

1. **apãštalīstė** 'апостольство' (1) [*Apâßtaliſtes* gen. sg. DP 622_{31}, *Apâßta⸗|liſtes* gen. sg. DP 622_{37-38}] ~ ***apãštalas*** (1) 'апостол'.

2. **karãlīstė** 'королевство' (1/2 → *karalỹstė*, 2) [*karáliſte* nom. sg. DP 367_{44}, *karálîſte* nom. sg. DK 47_{3} (с двумя знаками ударения); *karáli=|ſtes* gen. sg. DP 236_{2-3}, *karâliſtes* gen. sg. DP 169_{38}; *karáliſtę* acc. sg. DP 32_{14}, *karálîſtę* acc. sg. DP 10_{36}; *ſu Karâ=|liſte* instr. sg. DP $168a_{38-39}$; *karâlifteie* loc. sg. DP 556_{25}, *karálîſteia* (Sic?) loc. sg. DP 484_{10}; *karálîſten'* (Sic?) illat. sg. DP 570_{36} (также вариант 2-й а. п.: *karalîſte* nom. sg. DP 4_{8}, 83_{14}, 83_{28}, 86_{35}, 86_{41}, 87_{16}, 87_{23}, 92_{34}, 117_{37}, 117_{39}, 117_{43}, 123_{9}, 229_{51}, 229_{52}, 272_{18}, 347_{30}, 350_{26}, 353_{12}, 358_{41}, 425_{1}, 484_{31}, 533_{6}, $542a_{47}$, 567_{2}, 590_{37}, 615_{3}, *karalîſte* nom. sg. DK 5_{4}, 45_{19}, 52_{11}, 104_{10}, 170_{5}, *karałîſte* nom. sg. DK 105_{7}, *karalîſtę̆* nom. sg. DP 2_{32}, *karalîſtę* nom. sg. DP 308_{39}, *kraĺîſte* (Sic!) nom. sg. DP 27_{14}, 82_{31}, 93_{38}; *ka=|ralîſtes* gen. sg. DK 42_{20-21}; *karalîſtę* acc. sg. DK 61_{18}; *karalîſtei* loc. ? sg. DP 520_{34}; *karalîſten* illat. sg. DK 7_{17}; *karalîſte=|mus* dat. pl. DK 183_{15-16})] ~ **karãlius**, gen. sg. **karãliaus** (2) 'król' [*karálus* nom. sg. DP 236_{7}, 241_{28}, 359_{35}, 438_{21}, 485_{35}, 490_{10}, 501_{27}, *Karâlus* nom. sg. DP 1_{15}, 2_{14}, 2_{31}, 2_{42}, 2_{44}, 2_{49}, 3_{1}, 3_{2}, 3_{3}, 3_{7}, 3_{9}, 3_{10}, 3_{12}, 3_{24}, 3_{28}, 5_{40}, 5_{41}, 5_{50}, 164_{4}, 167_{15}, 167_{16}, $167b_{14}$, 172_{6}, 172_{9}, 172_{27}, 236_{2}, 332_{42}, 351_{1}, 351_{26}, 353_{10}, 537_{53}, 581_{23}, 581_{30}, 581_{35}, 583_{41}, 586_{24}, 586_{26}, 586_{28}, 586_{42}, 591_{8}, 624_{41}, *Ka=|râlus* nom. sg. DP $583_{1\ 2}$, *Karâ=|lus* nom. sg. DP $3_{1\ 2}$, *karâlus* nom. sg. DP 17_{27}, 27_{14}, 30_{22}, 39_{15}, 60_{16}, 60_{25}, 60_{26}, 81_{35}, 108_{28}, 132_{6}, 172_{10}, 172_{31}, 218_{37}, bis, 224_{45}, 290_{10}, 350_{34}, 351_{43}, 351_{46}, 352_{36}, 383_{38}, 395_{23}, 424_{31}, *ka=|râlus* nom. sg. DP $424_{5\ 6}$, *karâlus* nom. sg. DP 99_{50}, *Karâłus* nom. sg. DP 3_{6}, 57_{45}; *Karálaus* gen. sg. DP 443_{46}, *karálaus* gen. sg. DP 273_{35}, 353_{33}, *Karâlaus* gen. sg. DP 3_{16}, 4_{35}, 59_{6}, 167_{17}, 167_{18}, 173_{30}, 352_{29}, 425_{13}, 582_{48}, 586_{33}, 627_{6}, *Karâ=|laus* gen. sg. DP 62_{15-16}, *karâlaus* gen. sg. DP 8_{9}, 8_{50}, 40_{40}, 47_{41}, 57_{42}, 58_{11}, 58_{39}, 59_{9}, 62_{10}, 80_{32}, 81_{43}, 91_{23}, $167b_{17}$, 169_{37}, 169_{43}, 302_{51}, 351_{27}, 351_{36}, 353_{27}, 356_{21}, 383_{39}, 397_{35}, 418_{45}, 425_{28}, 599_{10}, 617_{6}, *ka=|râlaus* gen. sg. DP $418_{43\ 44}$, и т. д. Большое количество словоформ 2-й а. п. Несколько словоформ имеют два знака ударения (дополнительный знак на первом слоге); совр. лит. *karãlius* (2) 'король'.

3. **nõbažnīstė** 'богослужение' (1) [*nóbaźniſtes* gen. sg. DP 304_{4}; *nôbaźniſteie* loc. sg. DP 292_{9}, *nôbaźniſteiı* loc. sg. DK 127_{15}; *nôba=|źniſteſp* allat. sg. DK $90_{8\ 9}$] ~ **nõbažnas**, f. **-a** (1-я а. п. у D.) 'набожный'.

4. **beñdrīstė** 'общение, знакомство, участие, общество' (1/2 → 2) [*bę́driſtes* gen. sg. DP 234_{20}, 251_{11}, *bédriſtes* gen. sg. DP 339_{37} (*e* смазано); *bę́driſtę* acc. sg. DP 349_{26}, *bę́driſtę̆* acc. sg. DK 41_{2} (13_{31}); *bę́driſtę* instr. sg. DP 453_{41} (при варианте **bendrĩstė**, 2 : *bęndrîſte* nom. sg. DP 348_{4}; *będrî=|ſtes* gen. sg. DP $371_{18\ 19}$, *będrîſtes* gen. sg. DP 605_{16}, 605_{36}, 607_{4}, 607_{28}, *bę=|drîſtes* gen. sg. DP 607_{6-7}; *bęndrîſtę* acc. sg. DP 225_{11}, *bę=|drîſtę* acc. sg. DP 573_{20-21}; *będrîſten'* illat. sg. DP 403_{2})] ~ **beñdras** 'общий, совместный; общественный' (2, D.: adv. *bę́drai* 321_{33}, ср. *beñdrumas*, 1-я а. п. у D., наряду с *bendrùmas*, что говорит о вар. с 4-й а. п.).

5. **žmõgīstė** 'człowieczeństwo' [(1): *źmógiſtes* gen. sg. DP 450_{24}, 604_{35}; *źmôgiſtę* acc. sg. DP 604_{25}, *źmôgiſte* acc. sg. DP 604_{38} (при варианте **žmõgĩstė** (2): *źmogîſte* nom. sg. DP 214_{24}, 418_{14}, 550_{7}, 604_{38}, 626_{42}, *źmogî=|ſte* nom. sg. DP 358_{21-22}, DK 30_{15-16}; *źmogîſtes* gen. sg. DP 150_{34}, 150_{44}, 182_{4}, 239_{46}, 263_{10}, 336_{45}, 336_{50}, 405_{37}, 422_{48}, 593_{33} (Sic! Kudz.: 593_{23}), 593_{36}, 595_{40}, 604_{32}, 604_{51}, 605_{8}; *źmogîſtei* dat. sg. DP 337_{1}; *źmogîſtę* acc. sg. DP 62_{15}, 128_{2}, 239_{45}, 324_{48}, 604_{33}, *źmogîſtę* acc. sg. DP 382_{16}, DK 157_{8}; *źmogiſté* instr. sg. DP 133_{26}; *źmogîſteie* loc. sg. DP 126_{49}, 131_{43}, 145_{8}, 232_{50}, 323_{13}, 323_{16}, 402_{41} (Kudz. ошибочно: 404_{41}), *źmogîſteię* loc. sg. DP 253_{41}, *źmogîſteie* loc. sg. DK 32_{14}, *Źmogîſtei* loc. sg. DK 34_{17}, *źmo=|gîſtei* loc. sg. DK 34_{15-16}] ~ D.: **žmõgus** (2) / ***žmogùs*** (4).

6. **valĩnīstė** 'wolność, swoboda' (1) [*wáln*[*i*]*ſtes* gen. sg. DP 366_{24}, *wálniſtes* gen. sg. DP 424_{45}; *wáłniſtę* acc. sg. DP 365_{43}; *wálniſte* instr. sg. DP 365_{53}; *wálniſtes* acc. pl. DP 276_{47}] ~ **valĩnas** 'вольный, свободный; благородный; безопасный'(2-я а. п.: *wałná* nom. sg. f. DP 431_{35}, *walná* nom./voc. sg. f. DP 614_{12}, *wałná* instr. sg. f. DP 614_{18}, *wálname* loc. sg. m. DP 84_{31}, *wáłnais* instr. pl. m. DP 84_{35}, 570_{16}, *wáłnays* instr. pl. m. DP 60_{6}; на неподвижный акц. тип указывает и форма *wálnesnio* compar. gen. sg. m. DP 478_{32}; по-видимому, ритмическое ударение отражено в форме *wałnuiú* gen. pl. DP 169_{6}; формы с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *wáłna* nom. sg. f. DP 123_{6}, 473_{43}, *wáłnu* instr. sg. m. DP 292_{40}, 470_{34}, *wâłnu* instr. sg. m. DP 549_{3}, *wálna* instr. sg. f. DP 26_{12}; на наличие варианта 4-й а. п. указывает форма *wałnésnis* compar. nom. sg. m. DP 561_{23}); для слоговой интонации ср. лит. диал. (Tv.) *vaĺnas* 'wolny, swobodny' (Otręb. III, 61).

Тип B

а) От акутированных имён подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **vienĩstė** 'единство' (2) [*wienîſteie* loc. sg. DP 288_{41}, *wienîſteſp* allat. sg. DP 276_{54}] ~ ***víenas***, f. ***-à*** (3) 'один, сам, единый'; лтш. *viêns*.

2. **vergĩstė** 'неволя, рабство, плен' (2) [*wergîſtes* gen. sg. DP 94_{40}, 418_{33}, 424_{45}, 428_{17}, *węrgîſtes* gen. sg. DP 2_{39}; *wer=|gîſtę* acc. sg. DP 395_{35-36}; *wergiſté* instr. sg. DP 395_{36}; *wergîſtęie* loc. sg. DP 94_{34}, *węrgîſteie* loc. sg. DP 114_{44}] ~ ***vérgas***, pl. ***-aĩ*** (3) 'невольник, раб'.

3. **jaunĩstė** 'молодость, юность' (2) [*iaunîſte* nom. sg. DP 358_{13}, *iaunî=|ſte* nom. sg. DK 4_{1-2}; *iau=|nîſtes* gen. sg. DK 5_{6-7}; *iaunîſtei* loc. sg. DP 555_{30}] ~ ***jáunas***, f. ***-à*** (3) 'молодой, юный; новый'; лтш. *jaûns*.

4. **bernĩstė** 'детство' (2) [*bérníſtes* gen. sg. DP 28_{35}, по-видимому, первый знак ударения поставлен наборщиком ошибочно] ~ ***bérnas***, pl. ***-aĩ*** (3) 'отрок, мальчик-слуга'.

b) От циркумфлектированных и краткостных имён подвижной (3^b-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. **kunigĩstė** 'священство; княжество' (2) [*Kunigîſte* nom. sg. DK 94_{16}, *kunigîſte* nom. sg. DP 75_{47}, *kunigî=|ſte* nom. sg. DP 324_{42-43}, *kunigîſtę* nom. sg. DP 27_{14}; *kunigîſtes* gen. sg. DP 75_{47}, *Kunigîſtes* gen. sg. DP 203_{49}, *kunigî=|ſtes* gen. sg. DP 203_{52-53}; *kunigîſtei* dat. sg. DP 27_{15}; *kuni=|gîſtes* nom. pl. DP 526_{28-29}; *ku=|nigîſtes* acc. pl. DP 187_{28-29}; *su Kunigîſtemis* instr. pl. DP $542a_{15}$] ~ ***kùnigas***, pl. ***-aĩ*** (3^b) 'священник, ксёндз'.

2. **pranašĩstė** 'пророчество' (2) [*pranaßîſtes* gen. sg. DP 20_{40}, *Pranaßîſtes* gen. sg. DP 22_5] ~ ***prãnašas***, pl. ***-aĩ*** 'пророк' (3^b).

3. **ubagĩstė** 'убожество, нищета, скудность' (2) [*vbagîſtes* gen. sg. DP 425_6] ~ ***ùbagas***, pl. ***-aĩ*** 'убогий, бедный, нищий, скудный'(3^b).

4. **viešpatĩstė** 'государство, держава' (2) [*Wießpatîſtes* gen. sg. DP 374_4, *wießpatîſtes* gen. sg. DP 586_{38}; *Wie=|ßpatîſtemis* instr. pl. DP $542a_{14-15}$] ~ **viešpatìs** (→ *viešpàts*), gen. sg. **-iẽs** (3^b → *viẽšpat(i)s*, gen. sg. *-ies*, 1; колебания в этом направлении наблюдаются уже у D.; также *viešpãtis*, 2), 'господин, государь, господь'.

5. **dievĩstė** 'божество' (2) [*Diewîſte* nom. sg. DP 45_5, 218_{29}, 259_{21}, 260_6, 261_{23}, 421_{32}, *diewîſte* nom. sg. DP 253_5, *Diewîſtę* nom. sg. DP 261_{27}, *Deiwîſte* nom. sg. DP 435_{25}, *deiwîſte* nom. sg. DK 37_{19}; *Diewîſtes* gen. sg. DP 130_{28}, 131_3, 253_{33}, 259_{23}, 260_{22}, 355_{14}, 398_{37}, 404_{31}, 422_{49}, 549_{12}, 593_{50}, 595_{10}, 599_{23}, 604_{25}, 604_{29}, 626_3, *Die=|wîſtes* gen. sg. DP 259_{39-40}, 267_{28-29}, DK 17_{3-4}, *Diewî=|ſtes* gen. sg. DP 259_{49-50}, *diewîſtes* gen. sg. DP 239_{47}, 453_{41}, *die=|wîſtes* gen. sg. DP 155_{10-11}, *deiwîſtes* gen. sg. DP 6_{20}, 38_{24}, 43_{17}, *deiwî=|ſtes* gen. sg. DP 24_{7-8}, *Deiwîſtes* gen. sg. DP 132_{48}, *Deiwî=|ſtes* gen. sg. DP 321_{32-33}, *Dewîſtes* gen. sg. DP 43_{30}; *Die=|wîſtey* dat. sg. DP 51_{21-22}, *Diewîſtei* dat. sg. DK 34_{18}, *Diewîſtei* dat. sg. DK 34_{15}; *Diewîſtę* acc. sg. DP 43_{28}, 44_2, 130_{31}, 130_{32}, 239_{45}, 254_{11}, 260_7, 260_8, 345_{13}, 349_{20}, 382_5, 401_{20}, 424_9, 611_{10}, *Die=|wîſtę* acc. sg. DP 323_{12-13}, *Deiwîſte* acc. sg. DK 176_8, *Deiwîſtę* acc. sg. DP 128_3, 260_{13}, 260_{26}, DK 148_4; *Diewi=|ſté* instr. sg. (?; Kudz.: nom. sg.) DP 51_{19-20}, *ſu Diewiſté* instr. sg. DP 230_3, 263_{38}, 266_{27}, 266_{39}, 319_{30}, *Deiwiſté* instr. sg. DP 48_{18}, *ſu Deiwiſté* instr. sg. DP 133_{25}, *ſu Deiwiſtéi* instr. sg. DP 370_5 (*ſu déiwiſtę* instr. sg. DK 98_{12} — ошибка, связанная с акцентом предлога?); *Diewîſteie* loc. sg. DP 253_{30}, 253_{37}, 253_{43}, 257_{45}, 259_{22}, 260_3, 406_{22}, 408_{17}, *Diewî=|ſteie* loc. sg. DP 257_{47-48}, *Diewîſtei'* loc. sg. DP 253_{21}, *Deiwîſtei* loc. sg. DP 257_{34}] ~ ***diẽvas***, pl. ***-aĩ*** (4) 'бог'.

6. **draugĩstė** 2 'общество, компания' [*draugîſtes* gen. sg.DP 71_5 (?), 280_{53}, 534_{34}, *draugîſtę* acc. sg. DP 214_{45}] ~ ***draũgas***, pl. ***-aĩ*** (4) 'товарищ'.

7. **mergĩstė** 'девичество, девственность' (2) [*mergîſte* nom. sg. DP 304_{35}, 406_{39}, 421_{32}, 565_{29}, 590_3, 598_{32}, 598_{39}, 599_2, *mer=|gîſte* nom. sg. DP 599_{1-2}, *mergîſta* nom. sg. DP 406_{38}, 542_{14}, *mer=|gîſtes* gen. sg. DP 47_{45-46}, 304_{11-12}, *mergîſtes* gen. sg. DP 49_{11}, 52_{29}, 397_{32}, 407_{18}, 422_{45}, 475_7, 542_{17}, 565_{25}, 565_{28}, 565_{35}, 598_{26}, 598_{37}, 599_{44}, 600_{50}, 614_{24}, 614_{29}, 624_{10}, 624_{29}, *mergî=|ſtes* gen. sg. DP 591_{15-16}, *Mergîſtes* gen. sg. DP 397_{28}, 598_{30}, *mirgîſtes* (Sic!) gen. sg. DP 407_{18} (второй знак ударения ошибочно в *mẹrgiſtés* gen. sg. DK 172_{17}); *mergîſtei* dat. sg. DP 51_{22}, *anái Mer=|gîſta* dat.(?) sg. DP 624_{24-25}; *mergîſtę* acc. sg. DP 406_{39}, 598_{27}, 598_{34}, 598_{38}, *mer=|gîſtę* acc. sg. DP 600_{40-41}, *mergîſte* acc. sg. DP 598_{50}, bis; *mergiſté* instr. sg. DP 601_{34}, *mergîſte* instr. sg. DP 598_{49} (оттяжка ударения с конечного краткостного слога); *mergîſteie* loc. sg. DP 68_{39}, 598_{41}, 599_8] ~ ***mergà***, gen. sg. ***-õs*** (4) 'дева, девушка'.

Таблица 17

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2; 1	3; 3^a	4; 3^b
До действия закона де Соссюра	nom.	*brãl(i)īstē* + ∓ +	*beñdrīstē* + ∓ +	*viēnĩstē* − ∓ +	*drāugĩstē* − ∓ +
	gen.	*brãl(i)īstēs* + ∓ +	*beñdrīstēs* + ∓ +	*viēnĩstēs* − ∓ +	*drāugĩstēs* − ∓ +
	acc.	*brãl(i)īstę̄* + ∓ −	*beñdrīstę̄* + ∓ −	*viēnĩstę̄* − ∓ −	*drāugĩstę̄* − ∓ −
	instr.	*brãl(i)īstę̂* + ∓ −	*beñdrīstę̂* + ∓ −	*viēnĩstę̂* − ∓ −	*drāugĩstę̂* − ∓ −
	№ а. п.	1	1	*1	*1
После действия закона де Соссюра (*1 → 2)	nom.	*brãl(i)īstē* + ∓ +	*beñdrīstē* + ∓ +	*viēnĩstē* − ∓ +	*drāugĩstē* − ∓ +
	gen.	*brãl(i)īstēs* + ∓ +	*beñdrīstēs* + ∓ +	*viēnĩstēs* − ∓ +	*drāugĩstēs* − ∓ +
	acc.	*brãl(i)īstę̄* + ∓ −	*beñdrīstę̄* + ∓ −	*viēnĩstę̄* − ∓ −	*drāugĩstę̄* − ∓ −
	instr.	*brãl(i)īstę̂* + ∓ −	*beñdrīstę̂* + ∓ −	*viēnīstę́* − ∓ −	*drāugīstę́* − ∓ −
	№ а. п.	1	1	2	2

8. **našlĩstė** 'вдовство' (2) [*naßlîftes* gen. sg. DP 68_{31}] ~ ***našlỹs*** 'вдовец', ***našlẽ*** (4) 'вдова'.

9. **vagĩstė** 'воровство, кража' (2) [*wagîftes* gen. sg. DP 55_{37}, 110_{8}; *perwagîftę* acc. sg. DP 307_{6}; *wagiftê* instr. sg. DP 270_{33}; *wagîftes* nom. pl. DP 125_{50}, 293_{35}; *wagîftemis* instr. pl. DP 126_{12}] ~ ***vagìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (4) 'вор'.

Реконструкция системы порождения акцентных типов этих имён может быть представлена следующим образом (см. табл. 17).

8. Суффикс *-inyk-a-* (Daukša)

Система выбора акцентных типов в этом словообразовательном типе в основном сохранилась)

Тип А

а) От акутированных имён неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. **áuksinīkas** (1) 'złotnik', сейчас 'золотильщик, золотых дел мастер' [*áukſini=|kas* nom. sg. DP 396_{26-27}, *áukſinikas* nom. sg. DP 396_{31}, *áukſinikų* gen. pl. DP 390_{10}] ~ ***áuksas*** (1) 'золото'.

2. **príešinīkas** (1) 'противник' [*priéßinikas* nom. sg. DP 118_{19}, 587_{9} (плохо отпечатано), *priéßiniko* gen. sg. DK 55_{18}, *priéßinikai* nom. pl. DP 337_{39}, *príéßinikai* nom. pl. DP 137_{11}, *priéſſinikai* nom. pl. DK 53_{11}, *priéßinikų* gen. pl. DP 418_{25}, *priéßinikų* gen. pl. DP 460_{16}, *priéßinikų* gen. pl. DK 34_{2}, *príéßini=|kų* gen. pl. DP 131_{1-2}, *priéßinikus* acc. pl. DP 57_{15}, 459_{21}, *priéßynikus* acc. pl. DK 96_{16}, *príéßnikus* (Sic!) acc. pl. DP 150_{28}] ~ ***príešas*** (1) 'неприятель, противник; преследователь', ср. также adv. *príešai*, instr. pl. *príešais* 'gegenüber, entgegen'; у Даукши также прилагательное ***príešus***, f. ***-i*** (1), см. выше.

3. **tárpinīkas** (1) 'посредник, заступник, ходатай, заступник, защитник' [*tárpinikas* nom. sg. DP 48_{13}, *Târpinikas* nom. sg. DP 250_{34}, *târpinikas* nom. sg. DP 534_{20}, 537_{12}; *tárpiniko* gen. sg. DP 395_{14}, *târpiniko* gen. sg. DP 43_{14}, *târpiniko* gen. sg. DP 546_{7}; *tárpinikę* acc. sg. DP 238_{48}, 280_{10}, 455_{8}, *târpinik*[*ę*] acc. sg. DP 51_{15} (последняя буква смазана), *târ=|pinikę* acc. sg. DP 626_{37-38}, *târpinikę* acc. sg. DP 535_{29}; *tárpiniku* instr. sg. DP 16_{31}, 224_{40} (напечатано 223), 337_{29}, 537_{21}, *tárpiniku* instr. sg. DP 430_{24}, *târpiniku* instr. sg. DP 223_{27} (напечатано 222); *târpinikai* nom. pl. DP 537_{20}; *tárpiniku* gen. pl. DP 225_{2}; *tárpinikamus* dat. pl. DK 65_{1}; *tárpinikus* acc. pl. DP 483_{19}, DK 67_{12}; так же **tárpinykė** (1): *tárpinike* nom. sg. DK 59_{18}; *tár=|pinikę* acc. sg. DP 615_{11-12}, *Tárpinîkę* acc. sg. DP 616_{28} (с отмеченным ритмическим ударением); *tárpinikẽ* voc. sg. DK 63_{3}, *târpinikia* voc. sg. DP 627_{20}] ~ ***tárpas*** (1) 'середина, промежуток'.

b) От циркумфлектированных и краткостных имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. **beñdrinīkas** (1) 'участник' [*bę́drinikas* nom. sg. DP 610_{8}, *bę́ndriniku* instr. sg. DP 134_{28}, *bę́driniku* instr. sg. DP 39_{4}, 136_{37}, 242_{23}, DK 156_{23}; *bę́drinikais* instr. pl. DP 6_{16}, 132_{44}, 138_{31}, 142_{18}, 197_{18}, 202_{15}, 240_{5}, 242_{30}, 267_{28}, *bę́drinikais* instr. pl. DP 26_{25}, *bę́dri=|nikais* instr. pl. DP 195_{7-8}, *bę́drinikais* instr. pl. DP 417_{24}, *bę́drinikays* instr. pl. DP 64_{19}, *bę́drinikais* instr. pl. DP 54_{15} (скорее *ê*), *bę́ndrinikais* instr. pl. DP 188_{44}, 454_{16}, *bę́ndriuikais* (Sic!) instr. pl. DP 138_{26} (при варианте 2-й а. п.: *bę́drinikú* instr. sg. DP 6_{20}, 26_{19}, *bę́drinîkų* instr. sg. DP 446_{25} [с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога]; *bę́drinîkais* instr. pl. DP $542a_{32}$, 616_{22})] ~ **beñdras** (2, subst., следы 2-й а. п. adj. приведены выше) 'соучастник'.

2. ***mẽtinīkas** (1) 'подёнщик, работник, батрак', 'roczny' [*mêtinikemis* instr. pl. DP 111_{41} (т. е. *mẽtinykė* 'поденщица')] ~ ***mẽtas***, pl. ***-ai*** (2) 'время, год'.

3. **šiñtinīkas** (1) 'сотник' [*ßîmtinikas* nom. sg. PD 77_{49}, *Sʒîmtinikas* nom. sg. PD 426_{1}, *Sʒîmtinikas* nom. sg. PD 426_{11} (возможно, *Sʒîmtiníkas*), *ßîmtinikas* nom. sg. PD 76_{50}, *ßîmtiniko* gen. sg. PD 76_{33}, *ßîmtinikę* (?) acc. sg. PD 356_{5}, *ſų ßîmtiniku* instr. sg. PD 358_{22}, *Sʒîmtinikę* voc. sg. DP 425_{52}] ~ ***šiñtas*** 'сто' (2, вар., см. Иллич-Свитыч 51).

4. **triūbinīkas** (1) 'трубач' [*triûbinikus* acc. pl. DP 371_{4}] ~ ***triūbà***, gen. sg. ***-ōs*** (2) 'труба'.

5. **vañzdinīkas** (1) 'дудочник, дударь' [*wámʒdinikus* acc. pl. DP 368_{13}, *wámʒdinikus* acc. pl. DP 371_{4}] ~ ***vañzdis*** (2) 'свирель, дудка'.

6. **viẽtinīkas** (1) 'наместник' [*wiétinikas* nom. sg. DK 39_{14}, *wîetinikas* nom. sg. DP 51_{31}; *wiétiniko* gen. sg. DP 247_{8}, 364_{24}, *wiétiniko* gen. sg. DP 443_{4}; *wiétinikui* (Sic!) dat. sg. DP 383_{44}; *wiétinikę* acc. sg. DP 99_{12} (или *wiétinikę*), *wiétinikę* acc. sg. DP 248_{11}; *wiétinikamus* dat. pl. DP 325_{6}, 470_{4}; *wiétinikus* acc. pl. DP 246_{27}, 558_{18}; *wiétinikump̀* allat. pl. DP 328_{17} (при варианте 2.а. п.: *wîetinikú* instr. sg. DP 26_{46}, *wietinikų́* instr. sg. DP 612_{13})] ~ ***vietà***, gen. sg. ***-ōs*** (2) 'место; город'.

7. **žvaĩzdinīkas** (1) 'звездочёт' [*ʒ́wâyʒdinikay* nom. pl. DP 60_{3}] ~ ***žvaĩzdė*** (2 / *žvaizdẽ* 4, о первичности 2-й а. п. см. Иллич-Свитыч 106) 'звезда'.

Тип В

а) От акутированных имён подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **darbinĩkas** (2) 'работник' [*darbinîkas* nom. sg. DP 96_{35}, *darbinîkai* nom. pl. DP 303_{5}, *dar=|binîkai* nom. pl. DP 553_{26-27}; *darbinîkų* gen. pl. DP 92_{35}, *dar=|binîkų* gen. pl. DP 622_{11-12}, *darbinîkų* gen. pl. DP 93_{3} (с ошибочной постановкой второго ударения), *darbinîkamus* dat. pl. DP 311_{15}, 353_{15}, DK 108_{3}, *darbinîkamus* dat. pl. DP 484_{37}; *darbinikús*

acc. pl. DP 94_{14}, 94_{41}, 94_{48}, *darbinikús* acc. pl. DP 94_{6}, *dár|binikús* acc. pl. DP 94_{23-24}, *dárbinikús* acc. pl. DP 94_{32} (первый знак в обоих случаях ошибочный); *darbi=|nîkais* instr. pl. DP 92_{36-37}, *darbinîkais* instr. pl. DP 379_{6} (напечатано *-i-*)] ~ ***dárbas***, pl. ***-aĩ*** (3) 'работа'.

2. **šarvinĩkas** (2) 'латник' [*ßarwinîkas* nom. sg. DP 118_{1}, *Sʒarwinîkas* nom. sg. DP 120_{3}, *ßarwinîkų* gen. pl. DP 155_{10}] ~ ***šárvas***, pl. ***-aĩ*** (3) 'броня, панцирь'.

b) От циркумфлектированных и краткостных имён подвижной (3^{b}-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. **barninĩkas** 'сварливый, бранчливый человек' (2) [*barninîkai* nom. pl. DP $526a_{36}$] ~ ***barnìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (4) 'свара, брань, ссора'.

2. **bursinĩkas** (2/*buřsinykas*, 1) 'товарищ' [*burſinîkas* nom. sg. DP 36_{49}, 359_{7}, *burſinîkaś* nom. sg. DP 156_{20}; *burſinîko* gen. sg. DP 359_{14}; *burſinîkui* dat. sg. DP 196_{47}, 361_{5}; *burſinîkǫ* acc. sg. DP 418_{53}; *burſinikú* instr. sg. DP 18_{35}, *burſinikū* (Sic!) instr. sg. DP 623_{8}, *burſinîku* instr. sg. DP 407_{3} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); *burſinîkai* DP nom. pl. 359_{10}; *burſinîkų* gen. pl. DP 247_{9}, 288_{1}, 291_{35}, 359_{5}; *burſinikús* acc. pl. DP 89_{18}, *ſu burſinîkais* instr. pl. DP 370_{37} (при варианте: *bûrſinikais* instr. pl. DP 520_{34}); так же **bursinĩkė** (2-я а. п.: *burſinîkes* gen. sg. DP 563_{1}, 563_{15}, 624_{6})] ~ ***bursà***, gen. sg. ***-õs*** 'товарищество, общество, компания' (D.: 4-я а. п.: *burſós* gen. sg. DP 28_{35}, 234_{23}, 343_{33}, 416_{28}; *búrſǫ* acc. sg. DP 120_{11}, *bûrſǫ* acc. sg. DP 563_{42}; *burſoiá* loc. sg. DP 473_{20}).

3. **dalinĩkas** (2) 'участник' [*dalinikú* instr. sg. DP 31_{35}, *dalin[î]kais* instr. pl. DP 30_{26} (знак ˆ сильно смазан), *dalinîkais* instr. pl. DP 35_{7}] ~ ***dalìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (4) 'часть, доля'.

4. **daržinĩkas** (2) 'огородник' [*darʒiníku* gen. pl. DP 603_{34}] ~ ***darẽžas***, pl. ***-aĩ*** (4) 'огород'.

5. **dešimtinĩkas** (2) 'десятник' [*deßimtinîkas* nom. sg. DP 179_{33}] ~ ***dešimtìs***, gen. sg. ***-iẽs*** (3^{b}) 'десять'.

6. **kieminĩkas** (2) 'селянин' [*kieminîkai* nom. pl. DP 278_{14}] ~ ***kiẽmas***, pl. ***-aĩ*** (4) 'село, деревня' (совр.: 'двор').

7. **samdinĩkas** (2) 'наёмник, батрак' [*ſǫmdinîkas* nom. sg. DP 208_{28}, 208_{44}, 209_{1}, 209_{2}, 209_{4}, *ſamdinîkas* nom. sg. DP 206_{7}, 206_{10}, *ſam=|dinîkas* nom. sg. DP 367_{8-9}; *Sǫmdi=|nîko* gen. sg. DP 210_{22-23}; *ſǫmdinîkǫ* acc. sg. DP 206_{35}, 210_{19}; *ſamdinikú* instr. sg. DP 247_{22}, *ſǫmdinikú* instr. sg. DP 208_{7}, *ſamdinîkú* instr. sg. DP 206_{10}, *ſǫmdi=|nîku* instr. sg. DP 208_{1-2} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); *ſamdinîkai* nom. pl. DP 96_{32}, 561_{21}; *ſamdinîkų* gen. pl. DP 15_{44}; *ſamdinîkús* acc. pl. DP 209_{17}, *Sǫmdinîkus* acc. pl. DP 210_{32} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); *ſǫmdinîkais* instr. pl. DP 208_{46}] ~ ***samdà***, gen. sg. ***-õs*** (4) 'наём'.

8. **skõlinĩkas** (2) 'должник' [*ſkolinîkǫ* acc. sg. DP 305_{18}, 360_{44}; *ſtolinikú* (Sic!) instr. sg. DP 481_{13}; *ſkolinikú* nom. du. DP 481_{10}; *ſkolnikú* (Sic!) acc. du. DP 476_{16}, *ſkolinîku* acc. du. DP 308_{10} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); *ſkolinikús* acc. pl. DP 109_{20} (неясные случаи: *ſkolinikás* nom. sg. DP 481_{30} (скорей всего гиперкоррекция в условиях начального этапа оттяжки с конечного краткостного слога); *ſkolinikáis* (над *a* точка) instr. pl. DP 481_{2})] ~ ***skolà***, gen. sg. ***skolõs*** (4) 'долг'.

9. **smarkinĩkas** (2) 'изверг, мучитель' [*ſmarkinîkas* nom. sg. DP 3_{6}] ~ ***smarkà*** (4) 'суровость, строгость'.

10. **žõlinĩkas** (2) 'чародей, колдун' (совр.: 'травник [человек]') [*ʒokinîkay* (Sic!) nom. pl. DP 59_{35}; *ʒolinîkais* instr. pl. DP 371_{23}] ~ ***žolẽ***, gen. sg. ***žolẽs*** (4) 'трава'.

11. **žuvinĩkas** (2) 'рыбак' [*ʒuwinîkas* nom. sg. DP 378_{14}; *ʒuwiníko* gen. sg. DP 378_{13}; *ʒuwinîkamus* (Sic!) dat. pl. DP 378_{35}] ~ ***žuvìs***, gen. sg. ***žuviẽs*** (4) 'рыба'.

12. **teisinĩkas** (2 → *téisininkas*, 1) 'справедливый человек' [*teiſinîkas* nom. sg. DP 3_{34}, 14_{25}, 181_{36}, 363_{29}, 365_{26}, 599_{19}, *teíſinîkas* nom. sg. DP 314_{4}, *teiſinî=|kas* nom. sg. DP 365_{3-4}, *Teiſinî=|kas* nom. sg. DP 79_{34-35}; *teiſinîko* gen. sg. DP 348_{31}, 537_{2}, 607_{49}; *teiſinikú* instr. sg. DP 479_{37}; *teiſinîkai* nom. pl. DP 187_{47}, $526a_{45}$, 570_{43}, 594_{15}, 605_{44}, 273_{2} (первое *î*), 314_{10} (конеч. *i*), 520_{11} (конеч. *i*), *teiſin[î]kai* nom. pl. DP 83_{25} (*î* сильно смазано), *tęiſinîkai* nom. pl. DP 404_{50}, *teyſinîkai* nom. pl. DP 16_{23}; *teiſinîkų* gen. pl. DP 341_{11}, 524_{33}, $542a_{33}$, *teiſinîku* gen. pl. DP 284_{13}, 287_{6}; *teiſinîkamus* dat. pl. DP 554_{29}; *teiſinikús* acc. pl. DP 3_{41}, 273_{2}; *teiſinîkais* instr. pl. DP 34_{5}, 270_{11}, 287_{7}, 293_{19}, 326_{39}, 343_{11} (конеч. *i*), *tei=|ſinîkais* instr. pl. DP 364_{37-38} (при неясном варианте: *teiſinikái* nom. pl. DP 462_{34} (точечная капля, или гиперкоррекция?)) ~ у D., вероятно, образовано от подвижного варианта прилагательного ***teisùs*** (3-й или 4-й) 'справедливый, правый; истинный'.

Один из наиболее ясных случаев парадигматического выбора акцента является в то же время наиболее информативным. Суф. *-inyk-* II класса может рассматриваться как состоящий из двух суффиксов: суф. I класса *-in-* + суф. II класса *-yk-*. В этом, собственно, заключён ответ на вопрос, почему в образованиях от имён подвижной а. п. ударение падает не на первый, а на второй слог суффикса (см. табл. 18), деталь, имеющая существенное значение для всех последующих рассуждений.

Таблица 18

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2 (1)	3 (3[a])	4; 3[b]
До действия закона де Соссюра	nom.	*áuksinīkas* + − + −	*viẽtinīkas* + − + −	*dâr̃binĩkas* − − + −	*dãržinĩkas* − − + −
	gen.	*áuksinīkǎ* + − + −	*viẽtinīkǎ* + − + −	*dâr̃binĩkǎ* − − + −	*dãržinĩkǎ* − − + −
	acc.	*áuksinīką̃* + − + −	*viẽtinīką̃* + − + −	*dâr̃binĩką̃* − − + −	*dãržinĩką̃* − − + −
	instr.	*áuksinīkuô* + − + −	*viẽtinīkuô* + − + −	*dâr̃binĩkuô* − − + −	*dãržinĩkuô* − − + −
	№ а. п.	1	1	*1	*1
После действия закона де Соссюра (*1 → 2)	nom.	*áuksinīkas* + − + −	*viẽtinīkas* + − + −	*dâr̃binĩkas* − − + −	*dãržinĩkas* − − + −
	gen.	*áuksinīkǎ* + − + −	*viẽtinīkǎ* + − + −	*dâr̃binĩkǎ* − − + −	*dãržinĩkǎ* − − + −
	acc.	*áuksinīką̃* + − + −	*viẽtinīką̃* + − + −	*dâr̃binĩką̃* − − + −	*dãržinĩką̃* − − + −
	instr.	*áuksinīkuô* + − + −	*viẽtinīkuô* + − + −	*dâr̃binĩkúo* − − + −	*dãržinĩkúo* − − + −
	№ а. п.	1	1	2	2

9. Суффикс *-yb-ė* (D.)

Тип А

а) От акутированных имён неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. **rū́stībė** (1 / **rūstī́bė**, 1 → *-ýbė*, 1) 'гнев, злоба' [*rúſtibe* nom. sg. DP 400_{23}, *rûſtibe* nom. sg. DP 114_{41}, *rûſtibė* nom. sg. DP 356_{50} (с ритмическим ударением); *rúſtibes* gen. sg. DP 8_{51}, 73_{1}, 131_{4}, 394_{41}, 441_{44}, *rúſti=|bes* gen. sg. DP 152_{41-42}, 464_{28-29}, *rúſtibeś* gen. sg. DP 169_{23}, *rûſtibes* gen. sg. DP 55_{48}, 100_{2}, 129_{47}, 143_{34}, 197_{46}, 255_{16}, 292_{41}, 294_{39}, 307_{49}, 327_{12}, 360_{19} (*i*), 363_{14}, 363_{18}, 379_{34}, 393_{13}, 395_{17}, 396_{13}, 517_{25}, 559_{16}, 566_{41}, 573_{3}, 623_{36}, *rûſti=|bes* gen. sg. DP 395_{13-14}, *rúſtibės* gen. sg. DP 477_{44}, *rûſtibės* gen. sg. DP 180_{30} (с ритмическим ударением); *rúſtibę* acc. sg. DP 131_{1}, 477_{44}, *rúſtibę* acc. sg. DP 107_{42}, 410_{45}, *rûſtibę* acc. sg. DP 94_{38}, 96_{9}, 130_{50}, 133_{15}, 165_{49}, 362_{38}, 550_{31}, 555_{40}, *rûſtibe* acc. sg. DP 586_{21}, *rûſtibė* acc. sg. DP 152_{45} (с ритмическим ударением); *rûſti=|bę* instr. sg. DP 94_{21-22}; *rúſtibeie* loc. sg. DP 575_{39} (*ū*), *rûſtibeie* loc. sg. DP 327_{17}, 328_{26}; *rûſtibesp* allat. sg. DP 296_{1}, *rûſtibesp* allat. sg. DP 313_{6}; *rûſtibes* nom. pl. DP 394_{2}; *rûſtibiu̧* gen. pl. DP 147_{36}, 531_{41}; *rûſtibes* acc. pl. DP 178_{8}; *rûſtibeſſe* loc. pl. DP 188_{32} (также **rūstĩbė**, 1: *Ruſtîbe* nom. sg. DK 91_{9})] ~ ***rū́stus*** (1 / mob. → 3) 'гневный, злобный'.

2. **támsībė** (1 / **tamsī́bė** → *-ýbė*, 1) 'темнота, мрак' [*támſibiu̧* gen. pl. DP 5_{3}; *támſibes* acc. pl. DP 418_{49} (*-í-*?), *támſibęs* acc. pl. DP 14_{11}, *támſibės* acc. pl. DP 352_{39} (с отмеченным ритмическим ударением), *támsîbes* acc. pl DP 244_{10}, 396_{24} (по-видимому, только ритмическое ударение отмечено в следующих случаях: *tamſibiu̧* gen. pl. DP 156_{49}, *tamſibês* acc. pl. DP 510_{8}), в большем количестве случаев представлен вариант с акутовым ударением на суффиксе: это отмеченные выше *támsîbes* gen. sg. DP 244_{10}, 396_{24}, с двумя знаками ударения; а также: *tamsîbe* acc. sg. DP 560_{9}; *tamsîbe* instr. sg. DP 560_{9}, 560_{29}, *tamsîbei* instr. sg. DP 560_{3}; *tamsîbeia* loc. sg. DP 559_{24}; *tamsîbes* nom. pl. DP 244_{11}, 244_{14}, 527_{7}, 626_{30}; *tamsîbiu̧* gen. pl. DP 5_{6}, 244_{2}, 244_{6}, 244_{7}, 244_{45}, 286_{3}, 353_{54} (плохо отпечатано), 392_{34}, 430_{38}, 560_{30}, 560_{31}, 569_{51}; *tamſibes* acc. pl. DP 73_{30}, *tamsîbes* acc. pl. DP 244_{15}, 352_{5}, 385_{44}, 557_{17}, 558_{3}; *tamsîbemis* instr. pl. DP 558_{20}, *tam=|sîbemis* instr. pl. DP 244_{5-6}; *tamsîbeſe* loc. pl. DP 538_{33}, 557_{18}, 557_{24}, *tamsîbeſſe* loc. pl. DP 558_{4}, *tamsî=|beſia* loc. sg. DP 559_{30-31}] ~ **támsus**, f. **-i** (1 / mob. → 4) 'тёмный'; ср. лит. диал. (Tw.) *túmsus*, f. *túmśi* 'ciemny' (Otręb. 1, 257).

3. **víenībė** (1 / **vienī́bė**, 1 → *-ýbė*, 1) 'единство' [*wiénibę* acc. sg. DP 278_{9}; *wiénibe* instr. sg. DP 573_{33}; *wiénibeia* loc. sg. DP 542_{35}; *wiénîbeſp* allat. sg. DP 282_{42}; *wiéniben* illat. sg. DP 207_{47}, отмечен также вариант с ударением на суффиксе: *wienîbe* nom. sg. DP 3_{15}, 67_{13}, 239_{15}, 406_{25}, 611_{35}; *wienîbes* gen. sg. DP 133_{17}, 136_{23}, 136_{25}, 142_{38}, 142_{53}, 143_{29}, 205_{31}, 276_{51}, 403_{38}, 406_{25}, 412_{10}, 531_{42}, 576_{1}, 611_{37}, *wie=|nîbes* gen. sg. DP 276_{47-48}, 277_{15-16}, *wienî=|bes* gen. sg. DP 142_{39-40} (или *-íe-*), *wienîbes* gen. sg. DP 259_{39}, 259_{49}; *wienîbę* acc. sg. DP 136_{42}, 142_{34}, 143_{26}, 203_{10}, 239_{23}, 304_{27}, 365_{12}, 534_{22}, 604_{40}, 611_{33}, *wienîbė̃* acc. sg. DK 102_{20}; *wienîbe* instr. sg. DP 406_{31}; *wienîbeie* loc. sg. DP 120_{31}, 591_{3}; *wienîbesp* allat. sg. DP 412_{16}, *wienî=|besp* allat. sg. DP 208_{41-42}; *wienîben'* illat. sg. DP 207_{52}, 208_{39}] ~ ***víenas***, f. ***-a*** (1 — т. е. от вторичного неподвижного варианта, см. Иллич-Свитыч ИА, 72 — /3) 'один, сам, единый'.

4. **vī́resnībė** (1 / **vīresnī́bė**, 1 → *-ýbė*, 1) 'старшинство' [*wîreſnibe* nom. sg. DP 609_{11}; *wîreſnibes* gen. sg. DP 147_{16}, 193_{54}, 596_{27}, 622_{49}, *wî=|-reſnibes* gen. sg. DP 366_{33-34}, *wîreſni=|bes* gen. sg. DP 388_{40-41}, *wîrę̃nibes* gen. sg. DP 344_{41}, *wîrę̃nibęs* gen. sg. DP 365_{48}, *wî=|rę̃ni- bes* gen. sg. DP 386_{1-2}; *wîreſnibei* dat. sg. DP 75_{42}, 364_{36}, *wî=|rę̃nibei* dat. sg. DP 284_{35-36}; *wîreſnibę* acc. sg. DP 204_{22}, 612_{4}, *wîre=|ſnibę* acc. sg. DP 586_{38-39}, *wîrę̃nibę* acc. sg. DP 388_{48}, 388_{51}, *wîrę̃nibę* acc. sg. DP 382_{7},

DP 191_{41}, *wîreſnibę* acc. sg. DP 391_{4}, *wîreſnîbę* acc. sg. DP 268_{45}, 291_{50}; *wîręſnibes* nom. pl. DP 382_{34}; *wîręſni=|beś* acc. pl. DP 50_{46-47}; отмечен также вариант с ударением на суффиксе: *wireſnîbes* gen. sg. DP 533_{44}, 542_{48}, 586_{40}, 610_{29}] ~ **vĩresnis** (1 / ***vyrèsnis***, 2 и 4) 'старший'.

b) От циркумфлектированных основ неподвижной (2-й) акцентной парадигмы (№: отсутствие деформации акцентного типа по закону де Соссюра, при акутированности суффикса *-yb-* в образованиях от слов подвижной а. п.).

1. **biaũrĩbė** (1 / **biaurĩbė** → *-ýbė*, 1) 'нечистота' [*biáuribes* nom. pl. DP 488_{21}; *biáuribiump̀* allat. pl. DP 206_{27}; отмечен также вариант с ударением на суффиксе (значительно более частотный): *Biaurîbe* nom. sg. DK 91_{8}, *bieurîbe* nom. sg. DP 118_{38}; *biaurîbes* gen. sg. DP 47_{23}, 47_{36}, 71_{12}, 71_{14}, 293_{19}, DK 87_{14}, *biaurî=|bes* gen. sg. DP 427_{41-42}, *biau=|rîbes* gen. sg. DP 428_{9-10}, *bieurîbes* gen. sg. DP 240_{10}, 573_{11}, *bieu=|rîbes* gen. sg. DP 230_{4-5}, *biaurîbę* acc. sg. DP 48_{33}, 117_{20}, 369_{15}, DK 93_{14}; *ſu bieurîbę* instr. sg. DP 104_{20}; *biaurîbiu̯* gen. pl. DP 341_{3}, *bieurîbiu̯* gen. pl. DP 241_{33}, 558_{1}, *biẽurîbiu̯* gen. pl. DK 84_{19}; *biaurîbes* acc. pl. DP 313_{8}, *bieurîbes* acc. pl. DP 527_{20}; *biaurîbeſe* loc. pl. DP 188_{31}, *biaurîbeſe* loc. pl. DP 427_{37}, *biaurîbeſſe* loc. pl. DP 370_{46}] ~ **biaũrus** (2/4 → 4) 'нечистый';

2. **drąsĩbė** (1 → **drąsĩbė**, 1) 'смелость' [*drąſsibę* acc. sg. DK 149_{22} (47_{29})] ~ ***drąsus*** (2 → 4) 'смелый'; ср. лит. диал. (Tw.) *drũsus* 'śmiały' (Otręb. I, 257).

3. **kañtrĩbė** (1) 'терпение' [*Kątribe* nom. sg. DK 105_{14} [33_{13}], *kąntrîbes* gen. sg. DK 174_{6} (и **kantrýbė**, 1: *kątrîbẽ* instr. sg. DP 9_{5}, ср. также второе ударение в предшествующем примере)] ~ *kañtrus* (2/4 → 4) 'терпеливый'; ср. лит. диал. (Tw.) ***kuñtrus, -ì*** 'cierpliwy' (Otręb. I, 258).

4. **suñkĩbė** (1 / **sunkĩbė**, 1 → *-ýbė*, 1) 'тяжесть' [*ſúnkîbes* acc. pl. DP 273_{40}; *ſu̯kibeſe* loc. pl. DP 416_{24} (скорее плохо пропечатанное *-î-*), *ſu̯kibeſſe* loc. pl. DK 167_{19} (52_{27}); отмечен также вариант с ударением на суффиксе: *ſu̯kîbę* acc. sg. DK 93_{12}; *ſu̯kîbẽ* instr. sg. DP 9_{29}; *ſunkîbes* nom. pl. DP 7_{29}, *ſu̯kîbes* nom. pl. DP 178_{36}, *ſu̯kíbes* (?) nom. pl. DK 57_{3}; *ſu̯kîbiu̯* gen. pl. DP 157_{15}; *ſunkîbes* acc. pl. DP 597_{27}, *ſu̯kîbęs* acc. pl. DP 183_{17}, *ſu̯kîbẽs* acc. pl. DK 93_{12}, *ſu̯|kibẽs* (?) acc. pl. DK 57_{4-5}] ~ *suñkus* (2 → 4) 'тяжёлый'; ср. лит. диал. (Tw.) *suñkus*, f. *suñkì* 'ciężki' (Otręb. I, 258).

5. **šviẽsĩbė** (1 / **šviesĩbė**, 1 → *-ýbė*, 1) 'светлость' [*ßwiéſi=|bę* acc. sg. DP 45_{24-25}, отмечен также значительно более частотный вариант с ударением на суффиксе: *ßwiesîbe* nom. sg. DP 240_{33}, 244_{10}, 430_{48}, 430_{49}, 545_{34}, 557_{41}, 558_{21}, 559_{48}, 560_{29}, 594_{5}, 594_{11}, 594_{12}, *Sȝwiesîbe* nom. sg. DP 557_{40}, *ßwiesîbę* nom. sg. DP 244_{13}, 553_{54}; *ßwieſîbes* gen. sg. DP 90_{42}, 90_{43}, *ßwiesîbes* gen. sg. DP 244_{17}, 303_{7}, 379_{39}, 430_{50}, 559_{37}, 569_{13}, 591_{13}, *ßwie=|sîbes* gen. sg. DP 430_{47-48}, *ßwiſîbes* (Sic!) gen. sg. DP 45_{8}; *ßwiesîbei*

dat. sg. DP 590_{21}; *ßwieſîbę* acc. sg. DP 244_{5}, *ßwiesîbę* acc. sg. DP 244_{10}, 244_{20}, 560_{9}, 593_{20}, *ßwiesî=|bę* acc. sg. DP 244_{15-16}, *ßwięsîbę* acc. sg. DP 396_{24}; *ßwiesîbe* instr. sg. DP 558_{8}, 558_{10}, 558_{19}, 576_{33}, *ßwiesębę* (Sic!) instr. sg. DP 45_{44}, *ßwiesîbę* instr. sg. DP 558_{9}, 558_{20}, bis, *ßwiesîbę* instr. sg. DP 558_{13}, 560_{9}, 593_{20}; *ßwiesîbeie* loc. sg. DP 244_{46}, 594_{22}, *ßwie|ſîbeię* loc. sg. DP 74_{11}; *ßwiesîbeſp̀* allat. sg. DP 240_{37}, *ßwiesîbeſp* allat. sg. DP 558_{6}; *ßwiesîben'* illat. sg. DP 244_{8} (вероятно, ритмическое ударение отмечено в случае *ßwieſîbeiá* loc. sg. DP 46_{38})] ~ *šviẽsus* (2/4 → 4) 'светлый'; ср. лит. диал. (Tw.) ***šviẽsus, -ì*** 'widny, biały' (Otręb. I, 258).

6. **vaĩnĩbė** (1 / **valnĩbė**, 1) 'вольность, свобода, воля' [*wálnibes* gen. sg. DP 331_{18}, 411_{19}; отмечен также вариант с ударением на суффиксе: *wal=|nîbe* nom. sg. DP 610_{32-33}; *walnîbes* gen. sg. DP 519_{22}] ~ **vaĩnas** 'вольный, свободный; благородный; безопасный'(2-я а. п.: *wałná* nom. sg. f. DP 431_{35}, *walná* nom./voc. sg. f. DP 614_{12}; *wałná* instr. sg. f. DP 614_{18}; *wálname* loc. sg. m. DP 84_{31}; *wálnais* instr. pl. m. DP 84_{35}, 570_{16}, *wálnays* instr. pl. m. DP 60_{6}; на неподвижный акц. тип указывает и форма *wálnesnio* compar. gen. sg. m. DP 478_{32}; по-видимому, ритмическое ударение отражено в форме *wałnuiú̯* gen. pl. DP 169_{6}; формы с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога: *wálna* nom. sg. f. DP 123_{6}, 473_{43}; *wálnu* instr. sg. m. DP 292_{40}, 470_{34}, *wâłnu̯* instr. sg. m. DP 549_{3}; *wálna* instr. sg. f. DP 26_{12}; на наличие варианта 4-я а. п. указывает форма *wałnésnis* compar. nom. sg. m. DP 561_{23}); для слоговой интонации ср. лит. диал. (Tw.) *vaĩ̃nas* 'wolny, swobodny' (Otręb. III, 61).

Тип B

a) От акутированных имён подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. **aukštĩbė** (1) 'высота' [*aug=|ßtîbe* nom. sg. DP 526_{29-30}; *augßtîbes* gen. sg. DP 88_{18}, 311_{22}, 595_{19}; *augßtîbe* acc. sg. DP 230_{34}, *auġßtîbe* acc. sg. DP 230_{34}; *augßtîbe* voc. sg. DP 242_{12}; *ąnt̀ augßtîbiu* gen. pl. DP 4_{38}, *ant'|augßtîbi[u̯]* gen. pl. DP 522_{14-15}; *augßtîbeſę* loc. pl. DP 82_{2}, *augßtîbeſsę* loc. pl. DP 38_{21}; имеется единичный пример накоренного ударения: *áugßtibeſe* loc. pl. DP 409_{10} (возможно, ошибка наборщика)] ~ **áukštas**, f. **-à** (3) 'высокий', лтш. *aûgsts*.

2. **girtĩbė** (1) 'пьянство' [*girtîbe* non. sg. DP 114_{42} (*-î-* плохо отпечатано); *girtîbes* gen. sg. DP 72_{40} (*-î-* смазано); *girtîbę* acc. sg. DP 294_{7}, 295_{18}; *girtîbę* instr. sg. DP 341_{31}, *girtîbe* instr. sg. DP 574_{9}; *girtîbiu* gen. pl. DP 30_{5}, *girtîbiu̯* gen. pl. DP 100_{42}, 273_{44}, *girtîbiu̯* gen. pl. DP 620_{19}] ~ ***gìrtas*** (3) 'пьяный'.

3. **jaunĩbė** (1) 'молодость' [*iaunîbe* nom. sg. DP 306_{30}; *iaunîbeię* loc. sg. DP 65_{9}, *iaunîbeia* loc. sg. DP 10_{27}] ~ **jáunas**, f. **-à** (3/1 → 3) 'молодой, юный'.

4. **saldĩbė** (1) 'сладость' [*fałdíbe* nom. sg. DK 160_{15}; *faldíbes* (?) gen. sg. DK 177_{7}; *fałdîbei* dat. sg. DK 155_{5}] ~ **saldùs**, f. **-ì** (3); ср. лит. диал. (Tw.) *saldùs*, acc. sg. *sáldū*, f. *sal'ʒì* 'słodki' (Otręb. I, 257); лтш. *salds*.

5. **sargĩbė** (1) 'стража' [*fargîbes* gen. sg. DP 521_{24}, 521_{29}, 524_{9}, 526_{33}, 555_{39}, 619_{46}, DK 127_{5}, *fargî=|bes* gen. sg. DP 440_{42-43}; *fargîbę* acc. sg. DP 206_{21}, 520_{36}, 552_{13}, 555_{27}, 555_{34}, *fargîbę* acc. sg. DP 48_{15}, *fargîbe* acc. sg. DP 555_{28}; *fargîbẽ* instr. sg. DK 70_{14}; *fargîboie* loc. sg. DP 313_{1}; *fargîbas* acc. pl. DP 38_{1} (формы loc. sg. и acc. pl. от основы **sargyba**, первичную подвижную а. п. этой основы, по-видимому, отражает ударение *fârgibe* acc. sg. DP 552_{13})] ~ ***sárgas*** (3) 'сторож'.

6. **pirmĩbė** (1) 'первенство' [*pirmîbe* instr. sg. DP 611_{17}] ~ **pírmas** 'первый' (3-я а. п.: *pirmá* nom. sg. f. DP 247_{5}, *pirmoié* loc. sg. f. DP 351_{7}, *pîrmąſes* acc. pl. f. DP 120_{50}, *pirmáiſeis* instr. pl. m. чл. ф. DP 281_{24}, *pirmomîſiomis* instr. pl. f. чл. ф. DP 188_{41} и др. / 1-я а. п.: *pírmaſis* nom. sg. m. чл. ф. DP 2_{17}, *pîrmoii* nom. sg. f. чл. ф. DK 46_{17} (15_{20}), *pîrmůśus* acc. pl. m. чл. ф. DP 149_{30}, и др., акцент производного выбран по подвижному варианту).

7. **pilnĩbė** (1) 'полнота' [*piłníbeiẽ* loc. sg. DK 127_{15}] ~ **pílnas** (3-я а. п.: *piłná* nom. sg. f. DK 58_{11}, *pilná* nom. sg. f. DK 59_{15} / 1-я а. п.: *pîlnaſis* nom. sg. m. чл. ф. DP 165_{47}, акцент производного выбран по подвижному варианту).

b) От циркумфлектированных и краткостных имён подвижной (3^{b}-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. **artimĩbė** (1) 'близость' [*artimíbe* nom. sg. DP 484_{50}; *artimîbes* gen. sg. DP 623_{2}, *artimîbés* gen. sg. DP 28_{35}; *artimíbę* acc. sg. DP 13_{30}] ~ ***ártimas***, f. ***-à*** (3^{b}) 'близкий'.

2. **gerĩbė** (1) 'добро, благо' [*gerîbe* nom. sg. DP 80_{1}, 184_{3}, 198_{39}, 242_{24}, 320_{29}, 405_{46}, 430_{25}, 542_{19}, *gerî=|be* nom. sg. DP 147_{27-28}, *Gerîbe* nom. sg. DP 409_{21}, 409_{24}, *gerîbę* nom. sg. DP 410_{33}, *gerîbę* nom. sg. DP 360_{43}, *geríbe* nom. sg. DP 147_{13}, 477_{28}, 555_{45} (?); *gerîbes* gen. sg. DP 6_{14}, 40_{38}, 72_{3}, 132_{9}, 146_{18}, 202_{15}, 221_{31} (напечатано 220), 242_{9}, 242_{23}, 243_{17}, 243_{18}, 256_{2} (напечатано 356), 275_{6}, 324_{31}, 328_{40}, 337_{13}, 358_{29}, 369_{42}, 421_{2}, 521_{3}, 541_{48}, 609_{29}, DK 162_{2}, 167_{5}, 185_{2}; *gerî=|bes* gen. sg. DP 265_{1-2}, 278_{2-3}, 360_{52-53}, *ge=|rîbes* gen. sg. DP 368_{28-29}, *geríbes* gen. sg. DP 37_{25}, *gerí=|bes* gen. sg. DP 616_{40-41}, *gęríbes* gen. sg. DP 35_{3}, 46_{36}; *gerîbei* dat. sg. DP 76_{38}, *gerî=|bei* dat. sg. DP 536_{14-15}, *gerîbei* dat. sg. DK 186_{22}, *geríbei* dat. sg. DP 81_{28}; *gerîbę* acc. sg. DP 74_{49}, 96_{28}, 132_{31}, 150_{2}, 274_{40}, 278_{6}, 306_{48}, 308_{11}, 326_{40}, 328_{43}, 329_{31}, 420_{39}, 524_{8}, DK 142_{9}, 144_{12}, 152_{15}, *gerîbẽ* acc. sg. DP 5_{25}, *gerîbę* acc. sg. DP 291_{29}, 306_{50}, 361_{4}, 420_{43}, *geríbę* acc. sg. DP 77_{24}, *gęríbę* acc. sg. DP 82_{16}, *gęríbe* acc. sg. DK 73_{7}; *gerîbę* instr. sg. DP 296_{31}; *gerîbeie* loc. sg. DP 406_{2}, *geríbeie* loc. sg. DP 408_{16},

gerîbei loc. sg. DK 153_{10}; *gerîbe* voc. sg. DP 529_{25}, *gerîbẽ* voc. sg. DK 144_{2}, *gęribę* (Sic!) voc. sg. DP 77_{29}; *gerîbeſp* allat. sg. DP 242_{20}; *gerîbes* nom. pl. DP 5_{39}, 155_{38}; *gerîbiu* gen. pl. DP 166_{3}, 244_{35}, 329_{9}, *gerîbiu* gen. pl. DP 116_{12}, *gerîbiu* gen. pl. DP 1_{34}, DK 163_{7}, *geríbiu* gen. pl. DP 472_{32}; *gerîbemus* dat. pl. DP 411_{25}; *gerîbes* acc. pl. DP 4_{36}, 147_{49}, 157_{26}, 190_{19}, 326_{12}, 362_{33}, *gerîbęs* acc. pl. DP 57_{28}, 131_{6}, 184_{11}, 410_{34}, *gęríbes* acc. pl. DP 416_{31}, *gerîbęs* acc. pl. DP 146_{27}, *vʒ̃ gerîbẽs* acc. pl. DK 124_{8}, *geríbes* acc. pl. DP 322_{34}, 475_{17}, *geríbęs* acc. pl. DP 463_{44}, *gęríbes* acc. pl. DP 463_{41}; *gerîbemis* instr. pl. DP 4_{29}, 609_{28}, *gerîbe|mis* (Sic!) instr. pl. DP 2_{11-12}, *geríbemis* instr. pl. DP 8_{5} (?), 79_{49}, 508_{24}] ~ **gẽras**, f. **-à** (4) 'хороший'; имеется три примера накоренного ударения: *gêri|bei* dat. sg. DP 521_{12-13}, *gêribes* nom. pl. DP 409_{19}, *vʒ̃ gêribẽs* acc. pl. DK 68_{10} (возможно, ошибка наборщика).

3. **linksmĩbė** (1) 'веселье' [*linxmîbe* nom. sg. DP 390_{35}, 390_{37}, 390_{44}, DK 160_{14}, *linkſmîbe* nom. sg. DP 555_{10}, 596_{54}, 597_{16}, 597_{18}, *linkſmîbe* nom. sg. DP 273_{12}, 543_{35}, 584_{14}, *likſmîbe* nom. sg. DP 188_{6}, 596_{3}, *likſmîbę* nom. sg. DP 281_{9}, *linxmíbe* nom. sg. DK 175_{5}; *linkſmîbes* gen. sg. DP 6_{14}, 38_{34}, 65_{32}, 570_{51}, 597_{13}, 597_{15}, 618_{1}, *linxmîbes* gen. sg. DP 262_{33}, 390_{46} (Kudz.: 290_{46}), 424_{30}, (Kudz.: 612_{22} отсутствует), *linkſmîbes* gen. sg. DP 584_{13}, *likſmîbes* gen. sg. DP 215_{8}, 543_{45}, *lingſmîbes* gen. sg. DP 34_{14}, *linkſmíbes* (?, или *-i-)* gen. sg. DP 237_{51} (Kudz. 237_{31}), *likſmíbes* gen. sg. DP 448_{35} (?), 449_{1}; *Linkſmîbei* dat. sg. DP 214_{8}, *likſmíbęi* dat. sg. DP 312_{16}; *linkſmîbę* acc. sg. DP 595_{1}, 616_{4}, *linxmîbę* acc. sg. DP 390_{34}, 390_{40} (?), *linxmîbę* acc. sg. DP 424_{40}, *linxmîbe* acc. sg. DP 390_{39}, *likſmîbę* acc. sg. DP 351_{24}, 384_{27}, 427_{12}, *likſmîbę* acc. sg. DP 383_{6}, *likſmîbe* acc. sg. DP 280_{46}, *linkſmíbę* acc. sg. DP 602_{37}, *likſmíbę* acc. sg. DP 213_{17}, *łikſmíbę* acc. sg. DP 449_{31}, *łinx|míbe* (? или *i*) acc. sg. DK 157_{14-15}; *linxmîbe* instr. sg. DP 390_{39}, *linxmîbe* instr. sg. DP 392_{36}, 541_{4} (или *-i-)*, *linkſmîbe* instr. sg. DP 571_{35} (*i*), *linkſ=|mîbe* instr. sg. DP 541_{45-46}, *linkſmîbe* instr. sg. DP 554_{20}, 595_{3}, *linkſmîbe* instr. sg. DP 57_{25}, 571_{30}, 572_{24}, 576_{37}, *linkſmî=|be* instr. sg. DP 575_{35-36}, *link=|ſmîbe* instr. sg. DP 577_{6-7}, *linkſmî=|bę* instr. sg. DP 275_{8-9}, *likſmîbe* instr. sg. DP 555_{3}, 572_{36}, 577_{20}, *likſmîbę* instr. sg. DP 57_{25}, 100_{5}, 101_{13}, *likſmîbę* instr. sg. DP 58_{22}, *likſmî=|bę* instr. sg. DP 229_{21-22}, *linxmíbe* instr. sg. DP 35_{9}; *linkſmîbeie* loc. sg. DP 596_{53}; *linkſmîbeſp* allat. sg. DP 283_{3}, *linxmîbeſp* allat. sg. DK 174_{21}; *linkſmîbes* nom. pl. DP 237_{50}; *linkſmîbes* acc. pl. DP 353_{25}, *likſmîbes* acc. pl. DP 238_{10}, *likſmîbes* acc. pl. DP 214_{51}; *linkſmîbe=|mis* instr. pl. DP 533_{37-38}, *linxmíbemis* instr. pl. DP 8_{5} (вариант с циркумфлексовой интонацией суффикса, возможно, представлен в случае *linkſmibés* acc. pl. DP 472_{25}) ~ **liñksmas**, f. **-à** (4, D.: adv. *linksmai*) 'весёлый'.

4. **piktĩbė** (1) 'зло' [*piktîbe* nom. sg. DP 165_{25}, 168_{4}, 329_{17}, DK 56_{1}; *piktîbes* gen. sg. DP 161_{46}, 181_{32}, 373_{17}, 391_{35}, 410_{7}, 410_{28}, *piktîbęs* gen. sg. DP 559_{11}, *piktíbes* gen. sg. DP 65_{22}; *piktîbę* acc. sg. DP 146_{18}, 222_{11}, 428_{35}, *piktîbe* acc. sg. DP 392_{4}, *piktîbė* acc. sg. DP 363_{32}; *piktîbes* nom. pl. DP 244_{7}, 560_{11}, *pi=|ktîbes* nom. pl. DP 590_{39-40}, *piktíbes* nom. pl. DP 84_{20}, *Piktíbes* nom. pl. DP 169_{18}; (*piktibes* nom. pl. DK 56_{19}?); *piktîbių* gen. pl. DP 109_{24}, 122_{13}, 155_{51}, 170_{37}, 242_{7}, 280_{33}, 293_{34}, 308_{51}, 349_{48}, 371_{27}, 382_{44}, 403_{29}, 581_{19}, (Kudz.:533_{4} отсутствует), *piktîbiu* gen. pl. DP 106_{13} (*i*), 116_{30}, *piktíbių* gen. pl. DP 8_{33}, *piktìbių* gen. pl. DP 170_{8}, 464_{20} (скорее плохо пропечатанные *piktîbių*), *piktibių* gen. pl. DP 65_{23}, 479_{33}; *piktî=|bemus* dat. pl. DP 277_{26-27}, *pik=|tîbes* acc. pl. DP 316_{17-18}, *piktîbęs* acc. pl. DP 170_{39}, 316_{9}, *pik=|tîbęs* acc. pl. DP 409_{38-39}, *piktîbęs* acc. pl. DP 151_{22}, *piktîbẽs* acc. pl. DK 132_{8}, *piktîbęs* acc. pl. DK 172_{5}, *piktíbes* acc. pl. DP 178_{34}, *piktíbẽs* acc. pl. DP 9_{36}; *piktîbemis* instr. pl. DP 354_{19}, 525_{42}, *piktibemis* instr. pl. DP 9_{26}; *piktîbefe* loc. pl. DP 99_{39}, 118_{39}, *piktîbeffe* loc. pl. DP 610_{34}, *piktîbęfę* loc. pl. DP 95_{17}, *piktî=|beffę* loc. pl. DK 158_{21-21a}–158_{1}; *piktibiump̀* allat. pl. DP 176_{49} (возможно, 3-я а. п. основы *piktyba* отражают формы: *piktibių* gen. pl. DP 36_{26}, 177_{1}, *piktîbiú* gen. pl. DK 139_{20}, — с контаминацией по основе на *-ybė*)] ~ **pìktas**, f. **-à** (4) 'злой'.

5. **sìlpnĩbė** (1) 'слабость': *fil=|pnîbę* acc. sg. DK 158_{19-20}, *filpnîbes* acc. pl. DP 151_{12} ~ **sĩlpnas**, f. **-à** (4) 'слабый'.

6. **šventĩbė** (1) 'святость' [*ßwęntîbes* gen. sg. DP 314_{7}, 396_{38}, *ßwętíbes* gen. sg. DP 20_{35}, *ßwę=|tíbes* gen. sg. DP 29_{31-32}; *ßwęntîbei* dat. sg. DP 436_{39}; *ßwęntıbę* acc. sg. DP 463_{23} (без знака ударения); *ßwęntı⊓be* instr. sg. DP 233_{49} (по-видимому, плохо пропечатанное *ßwęntîbe*), *ßwęntîbę* instr. sg. DP 358_{5}, 358_{7}; *ßwęntîbeie* loc. sg. DP 111_{33}, 121_{10}, 329_{33}, 354_{6}, *ßwętîbeie* loc. sg. DP 219_{54}, 553_{39}, *ßwę=|tîbeie* loc. sg. DP 566_{21-22}, *ßwentí=|beie* loc. sg. DP 170_{43-44}, *ßwęnt[i]beie* loc. sg. DP 157_{28}, *ßwęntîbei'* loc. sg. DP 188_{25}, *ßwentîbei'* loc. sg. DP 162_{50}, *ßwętîbei* loc. sg. DP 577_{31}, *ßwentíbei'* loc. sg. DP 184_{21}; *ßwęntîbesp* allat. sg. DP 108_{18}, *ßwęntîbesp̀* allat. sg. DP 322_{32} (с наличием варианта 2-й а. п., возможно, связано двойное ударение в следующем примере: *ßwę́ntîbes* gen. sg. DP 254_{16})] ~ **šveñtas**, f. **-à** (4, большинство примеров, но встречается вар. а. п. 2) 'святой'.

7. **teisĩbė** (1) 'правда, истина' [*Teisîbe* nom. sg. DP 293_{8}, DK 103_{16}, *teisîbe* nom. sg. DP 147_{29}, 217_{33}, 292_{21}, 293_{16}, 294_{2}, 294_{20}, 294_{29}, 295_{43}, 295_{51}, 296_{39}, 313_{35}, 608_{30}, 612_{36}, *tei=|sîbe* nom. sg. DP 608_{5-6}, *teifîbe* nom. sg. DP 184_{4}, *teisîbę* nom. sg. DP 293_{32}, *teisîbė* nom. sg. DP 293_{21}, *teisíbe* nom. sg. DP 33_{7}, *teifibe* nom. sg. DP 38_{42} (без знака ударения), *teisì-be* nom. sg. DP 293_{7} (по-видимому, плохо пропечатанное *teisîbe*), *teisîbe* nom. sg. DP 292_{34}; *teisîbes* gen. sg. DP 105_{4}, 112_{8}, 134_{2}, 215_{22}, 215_{23}, 215_{37}, 215_{38}, 216_{46}, 217_{3}, 217_{31}, 217_{35}, 219_{12}, 219_{13}, 219_{14}, 244_{46}, 271_{9}, 277_{47}, 294_{17}, 299_{46}, 300_{16}, 309_{2}, 319_{20}, 333_{22}, 334_{26}, 344_{34}, 352_{22}, 364_{5}, 394_{17}, 396_{6}, 531_{25}, 532_{7}, 532_{11}, 533_{39}, 534_{28}, 534_{30}, 534_{35}, 534_{50}, 535_{4}, 535_{15}, 535_{18}, 543_{12}, 543_{13}, 558_{6}, 570_{21}, 581_{12}, 586_{37}, 615_{13}, DK 104_{17}, *tei=|sîbes* gen. sg. DP 217_{12-13}, 330_{15-16}, 333_{32-33}, *teisî=|bes* gen. sg. DP 553_{34-35}, 586_{30-31}, DK 105_{6-7}, *teisîbes* gen. sg. DP 385_{8}, *teisîbeś* gen. sg. DP 330_{31}, *teifîbes* gen. sg. DP 96_{37}, 126_{21}, 147_{24}, 183_{44}, 244_{5}, *teyfîbes* gen. sg. DP 54_{9}, *tei[s]îbes* gen. sg. DP 145_{49}, *teisíbes* gen. sg. DP 3_{39}, 222_{22}, 385_{21}, *teisí=|bes* gen. sg. DP 15_{31-32}, *teisíbeś* gen. sg. DP 243_{36}, *teifîbes* gen. sg. DP 8_{51}; *teisîbei* dat. sg. DP 9_{42}, 436_{39}, *teifîbei* dat. sg. DP 117_{7}; *teisîbę* acc. sg. DP 2_{29}, 165_{49}, 217_{29}, 217_{40}, 293_{41}, 294_{12}, 311_{45}, 315_{40}, 315_{41}, 382_{32}, 395_{10}, 413_{40}, 435_{2}, 555_{51}, *tei=|sîbę* acc. sg. DP 217_{27-28}, *teisîbe* acc. sg. DP 160_{9}, 364_{9}, *teisîbę* acc. sg. DP 324_{35}, *teisîbė* acc. sg. DP 294_{23}, *teisîbę* acc. sg. DP 250_{47}, *teisîbe* acc. sg. DP 4_{32}, *teifîbe* acc. sg. DP 153_{14}, *teifib[e]* acc. sg. DP 217_{14} (плохо пропечатанное *teifîbę*?); *teisîbe* instr. sg. DP 217_{9}, 241_{48}, 586_{40}, *teisîbę* instr. sg. DP 395_{15}, *teisîbe* instr. sg. DP 4_{32}; *teisîbeię* loc. sg. DP 226_{49}, 314_{13}, 329_{33}, 533_{41}, 579_{20}, *teisî=|beie* loc. sg. DP 324_{30-31}, *teisîbeię* loc. sg. DP 162_{50}, *teisîbei* loc. sg. DP 592_{12}; *teisîbefp'* allat. sg. DP $542a_{5}$, *teisîbesp̀* allat. sg. DP 188_{19} (накоренное ударение в случае *Téifibe* nom. sg. DP 187^{6}, *teifibę* acc. sg. DP 450_{32} и двойное ударение в случаях *teifîbeie* loc. sg. DP 188_{25}; *téisîbefp̀* allat. sg. DP 309_{7} связаны, вероятно, с вариантом 2-й а. п. соответствующего прилагательного)] ~ **teisùs**, f. **-ì** (4/2) 'правый, справедливый' (образовано по варианту 4-й а. п.); ср. лит. диал. (Tv.) *ćiẽsus, -ì* 'prosty, niekrzywy' (Otręb. I, 258).

Особенностью этого образования является неясность интонационного статуса суффикса *-yb-*. В диалекте Куршата этот суффикс выступает с акутом в образованиях на *-yb-a*, тогда как в образованиях на *-yb-ė* он имеет циркумфлекс. Это предполагает первичную рецессивность суффикса *-yb-*. У Даукши под ударением в этом суффиксе следует предполагать акут, но образования от имён неподвижной а. п. показывают отсутствие следов передвижения ударения по закону де Соссюра, что, вероятно, является результатом выравнивания по образованиям на *-yb-a* и устранения метатонии, произошедшей в образованиях на *-yb-ė*.

По-видимому, наиболее вероятным в настоящее время будет предполагать первоначально циркумфлексовую интонацию суффикса, возникшую в результате метатонии в йотированных образованиях на *-yb-ė* из акута, который сохранялся в образованиях на *-yb-a*. Эта интонация и отразилась в отсутствии передвижения ударения на суффикс по закону де Соссюра. Позднее же в диалекте Даукши и подобных циркумфлекс

суффикса в ударных позициях был устранён и был восстановлен акут под влиянием образований на *-yb-a*. В этом случае первоначальная система выбора акцентных парадигм и её дальнейшая история могут быть схематически изображены следующим образом (см. табл. 19).

Таблица 19

Вид производных основ	Формы (sg.)	А. п. производящих основ			
		Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
		Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
		1	2 (1)	3 (3[a])	4; 3[b]
До действия закона де Соссюра	nom.	*tám*sīb*ē̃* + ∓ +	*bjaũ*rīb*ē̃* + ∓ +	*aûgš*tī̃b*ē̃* − ∓ +	*ger*ī̃b*ē̃* − ∓ +
	gen.	*tám*sīb*ẽs* + ∓ +	*bjaũ*rīb*ẽs* + ∓ +	*aûgš*tī̃b*ẽs* − ∓ +	*ger*ī̃b*ẽs* − ∓ +
	acc.	*tám*sīb*ę̃* + ∓ −	*bjaũ*rīb*ę̃* + ∓ −	*aûgš*tī̃b*ę̃* − ∓ −	*ger*ī̃b*ę̃* − ∓ −
	instr.	*tám*sīb*ę̂* + ∓ −	*bjaũ*rīb*ę̂* + ∓ −	*aûgš*tī̃b*ę̂* − ∓ −	*ger*ī̃b*ę̂* − ∓ −
	№ а. п.	1	1	*1	*1
После действия закона де Соссюра (*1 → 2)	nom.	*tám*sīb*ē̃* + ∓ +	*bjaũ*rīb*ē̃* + ∓ +	*aûgš*tī̃b*ē̃* − ∓ +	*ger*ī̃b*ē̃* − ∓ +
	gen.	*tám*sīb*ẽs* + ∓ +	*bjaũ*rīb*ẽs* + ∓ +	*aûgš*tī̃b*ẽs* − ∓ +	*ger*ī̃b*ẽs* − ∓ +
	acc.	*tám*sīb*ę̃* + ∓ −	*bjaũ*rīb*ę̃* + ∓ −	*aûgš*tī̃b*ę̃* − ∓ −	*ger*ī̃b*ę̃* − ∓ −
	instr.	*tám*sīb*ę̂* + ∓ −	*bjaũ*rīb*ę̂* + ∓ −	*aûgš*tīb*ę̂* − ∓ −	*ger*īb*ę̂* − ∓ −
	№ а. п.	1	1	2	2
После восстановления акута суффикса (2 → 1)	nom.	*tám*sy*b*ė	*bjaũ*ry*b*ė	*augš*tý*b*ė	*ger*ý*b*ė
	gen.	*tám*sy*b*ės	*bjaũ*ry*b*ės	*augš*tý*b*ės	*ger*ý*b*ės
	acc.	*tám*sy*b*ę	*bjaũ*ry*b*ę	*augš*tý*b*ę	*ger*ý*b*ę
	instr.	*tám*sy*b*e	*bjaũ*ry*b*e	*augš*tý*b*e	*ger*ý*b*e
	№ а. п.	1	1	1	1

10. Суффикс *-uot-a-* adj. (Tv.)

Тип А

а) От акутированных имён неподвижной (1-й) акцентной парадигмы.

1. ***mìltuotas*** (1 → *miltúotas*, 1) 'запылённый мукой' ~ ***mìltai*** *pl.* (1) 'мука'.

2. ***píenuotas*** (1 → *pienúotas*, 1) 'запачканный в молоке' ~ ***píenas*** (1) 'молоко'.

3. ***śvíestuotas*** (1 → *sviestúotas*, 1) 'в масле, масленый' ~ ***svíestas*** (1) 'масло (коровье)'.

4. ***šū́duotas*** (1) 'в дерьме' ~ ***šū́das*** (1) 'дерьмо', лтш. *sũds* 'дерьмо'.

5. ***mā̃l'uotas*** (1 → *moliúotas*, 1) 'покрытый, вымазанный глиной' ~ ***mólis*** (1) 'глина'.

6. ***dúonuotas*** (1 → *duonúotas*, 1) 'облепленный хлебом, хлебным тестом' ~ ***dúona*** (1) 'хлеб'.

7. ***plū́ksnuotas*** (1 → *plunksnõtas*, 1) 'оперённый, пернатый' ~ ***plū́ksna***, литер. *plùnksna* (1) 'перо'.

8. ***súojuotas*** (1 → *suodžiúotas*, 1) 'покрытый сажей, в саже' ~ ***súodys*** *pl.* (1) 'сажа'.

9. ***vė́juotas*** (1 → *vėjúotas*, 1) 'ветреный' ~ ***vė́jas*** (1) 'ветер'.

Тип А → тип В (по закону де Соссюра)

b) От циркумфлектированных и краткостных имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. ***dumblúotas*** (1) 'илистый' ~ ***dumblas*** (2) 'ил'.

2. ***raštúotas*** (1) 'узорчатый' ~ ***rãštas*** (2) 'письмо; узор'.

3. ***baćvíńúotas*** (1) 'увалянный в ботве' ~ ***baćvĩnei*** *pl.* (2) 'ботва' (заимствование из блр.).

4. ***spal'úotas*** (1) 'осыпанный костро́й' ~ ***spãliai*** *pl.* (2) 'костра, кострика'.

5. ***aguonúotas*** (1) 'осыпанный маком' или 'запачканный маковым молоком' ~ ***aguonà*** (2) 'мак'.

Тип В

а) От акутированных основ подвижной (3-й) акцентной парадигмы.

1. ***plåukúotas*** (1) 'в волосах' (литер.: 'волосатый') ~ ***pláukas***, pl. *-aĩ* (3) 'волос'.

2. ***tåukúotas*** (1) 'засаленный' ~ ***taukaĩ*** *pl.* (3) 'жир'.

b) От циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (3^b-й и 4-й) акцентной парадигмы.

1. ***mĩžalúotas*** (1) 'zaszczany, w szczynach' ~ ***myžalaĩ*** *pl.* (3^b) 'моча, urina'.

2. ***ragúotas*** (1) 'рогатый' ~ ***rãgas*** (4) 'рог'.

3. ***rầupúotas*** (1) 'оспенный, в оспе' ~ ***raũpas*** (4) 'оспина'.

4. ***krầujúotas*** (1) 'в крови' ~ ***kraũjas*** (4) 'кровь'.

5. ***snargl'úotas*** (1) 'сопливый' ~ ***snarglỹs*** (4) 'сопли'.

6. ***šeŕúotas*** (1) 'в щетине' ~ ***šeriaĩ*** *pl.* (4) 'щетина'.

7. ***víŕúotas*** (1) 'угреватый' (литер.: 'финнозный') ~ ***víreĩ*** (4 → литер. *vìris*, 2) 'угри' (литер.: 'финна').

8. ***medúotas*** (1) 'в меду, вымазанный мёдом' ~ ***medùs*** (4) 'мёд'.

Первичная система выбора и её деформация, обусловленная действием закона де Соссюра, показаны в табл. 20.

Таблица 20

Вид производных основ	Формы		А. п. производящих основ			
			Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
			Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
			1	2 (1)	3 (3^a)	4 (3^b)
До действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*míltuôtas* + + −	*dum̃bluôtas* + + −	*taûkúotas* − + −	*krãujúotas* − + −
		f.	*míltuôtầ* + + +	*dum̃bluôtầ* + + +	*taûkúotầ* − + +	*krãujúotầ* − + +
	Pl.	m.	*míltuôtiê* + + +	*dum̃bluôtiê* + + +	*taûkúotiê* − + +	*krãujúotiê* − + +
		f.	*míltuôtầs* + + −	*dum̃bluôtầs* + + −	*taûkúotầs* − + −	*krãujúotầs* − + −
	№ а. п.		1 [тип А]	1 [тип А]	1 [тип В]	1 [тип В]
После действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*míltuôtas* + + −	*dũmblúotas* + + −	*taûkúotas* − + −	*krãujúotas* − + −
		f.	*míltuôtầ* + + +	*dũmblúotầ* + + +	*taûkúotầ* − + +	*krãujúotầ* − + +
	Pl.	m.	*míltuôtiê* + + +	*dũmblúotiê* + + +	*taûkúotiê* − + +	*krãujúotiê* − + +
		f.	*míltuôtầs* + + −	*dũmblúotầs* + + −	*taûkúotầs* − + −	*krãujúotầs* − + −
	№ а. п.		1 [тип А]	1 [тип В]	1 [тип В]	1 [тип В]

11. Суффикс превосходной степени adj. *-jausj-a-* (D.)

Выбор акцентных типов превосходной степени

Тип А

а) От акутированных прилагательных неподвижной (1-й) акцентной парадигмы:

1. **brángiausias** 'самый дорогой' [1: nom. sg. m. *brą́geuſes* DP 147_{33}, 263_{46}; gen. sg. m. *brą́giauſio* DP 481_{17}, *brą́geuſio* DP 135_{11}, 152_{34}, 395_{48}; acc. sg. m. *brą́ngeuſią* DP 132_{33}, *brą́geuſią* DP 422_{25}; *brą́=|gieuſią* DP 153_{16-17}, *brą́geusi* DP 242_{44}, *brą́geuſiu* DP 370_5; acc. sg. f. *brą́giauſią* DP 443_8, *brą́geuſią* DP 428_{54}, 432_{16}, *brą́geuſiu* DP 374_5; instr. sg. m. *brą́giauſiu* DP 361_{20}, *brą́geſiůiu* (Sic!) DP 207_{19}[37]; instr. sg. f. *brą́geuſe* DP 147_{51}; adv. *brą́giaus* DP 36_{44}, *brą́geuſei* DP 340_{18}] ~ прев. ст. от **brángus**, f. **brángi** 'drogi; poważny, ważny; znamienity' [1-я а. п.: nom. sg. m. *brą́gus* DP 81_{30}, 109_{32}, 152_{48}, 191_{18}, 226_{47}, 348_{11}, 432_{18}, nom. sg. f. *brą́gi* DP 263_{29}, 321_1, 348_{10}, 380_{28}, 624_{33}; gen. sg. m. *brą́gaus* DP 56_{35}, 103_{49}, 140_{38}, 272_{47}, 447_{19}; gen. sg. f. *brą́gios* DP 275_{19}; instr. sg. m. *brą́gumi* DP 146_2, 182_{22}, 240_{14}, 429_{10}, 479_9, *brúgumi* DP 481_{27}; gen. pl. m. *brą́ngiu* DP 55_{37}, *brą́giu* DP 289_8, 542_{16}, 568_{48}; acc. pl. m. *brą́gus* DP 37_1, 102_{27}, *brą́gius* DP 30_2, 248_{10}, 487_{24}; acc. pl. f. *brą́gias* DP 34_1; instr. pl. m. *brą́geis* DP 21_{10}, 182_{41}, *brą́ngeis* DP 270_{14}; loc. pl. m. *brą́giůſę* DP 41_{38}; лит. диал. Šl.: *brángus, -gi*; *brángiai* 'drogi'; лтш. *brañgs*].

2. **dósniausias** 'щедрейший' [1: adv. *dóſneus* DP 525_{23}, *dôſneus* DP 144_{34}] ~ прев. ст. от **dósnus**, f. **-i** 'szczodry, -robliwy, hojny, obfity' [1-я а. п.: loc. sg. m. *dóſnumi* DP 84_{24}, *dôſnumi* DP 298_{21}; acc. pl. f. *dóſnias* DP 286_{17}, *dôſnes* DP 290_5; instr. pl. m. *dóſnumis* DP 286_{23}; adv. *dôſnęi* DP 126_{37}, *dóſne*[*i*] DP 126_{26} 'hojnie'].

3. **gáusiausias** [1: adv. *gáuſiaus* DP 36_{44}, *gáuſeus* DP 33_{36}, *gáu=|ſeus* DP 245_{19-20}, *gáuſęus* DP 144_{33}] ~ прев. ст. от **gáusus**, f. **-i** 'obfity, hojny', 'обильный, щедрый' [1-я а. п.: nom. sg. f. *gâuſi* DP 532_{15}, 534_{46}, 552_{32}, 561_{19}, *gáuſi* DP 293_4, 333_{42}, *gáusi* DP 284_{20}, *Gâuſi* DP 627_{17}; gen. sg. m. *gáuſaus* DP 173_{34}, *gâuſaus* DP 595_{31}; instr. sg. m. *gáuſumi* DP 147_{43}; acc. pl. f. *gáuſias* DP 472_{29}, 478_{47}, *gâuſes* DP 532_{27}; instr. pl. f. *gáuſiomis* DP 479_{14}; adv. *gáuſiai* DP 481_{27}, *gáuſei* DP 32_{20} и др.; лит. диал. Šl.: *gáusus, -si*; лтш. *gaũss*].

4. **patógiausias** [1: nom. sg. m. *patógiauſias* DP 27_6, 439_4; adv. *po=|tógiaus* DP 479_{51-52}, *patôgeus* DP 111_4, 214_{19}] ~ прев. ст. от **patógus**, f. **-i** 'podobny; słuszny; snadny; sposobny; godny; przyzmoity' [1-я а. п.:

[37] В Kudz. I, 113, ошибочно, *brą́geusiuoiu* DP 207_{19}.

nom. sg. m. *patógus* DK 4_5, DP 469_{16} и др.; nom. sg. f. *Patógi* DP 350_{25}, *patógi* DP 86_{35} и др.; gen. sg. m. *patógaus* DP 483_{41}, *patôgaus* DP 521_{31}; gen. sg. f. *patôgios* DP 239_{23}; instr. sg. m. *patógumi* DP 2_{52}, 467_{34}, 478_{39}, 482_{30}, 489_{48}, *pátôgumi* DP 362_{34}; gen. pl. m. *patógiu̧* DP 483_{40}, *pa=|tôgiu̧* DP 329_{7-8}; gen. pl. f. *patógiu̧* DP 470_{34}; instr. pl. m. *patógumıs* DP 67_1, *patógumis* DP 340_7, 425_{45}, *patôgumis* DP 554_3, 554_7; adv. *patógiai* DP 8_{16} и др.].

5. **skáisčiausias** 'самый светлый' [1: acc. sg. f. *ſkáiſceuſęii* DP 161_9] ~ прев. ст. от **skáistus**, f. **skáisti**, и **skáistas**, f. **-a** 'śliczny, świetny, gładki' [1-я а. п.: instr. sg. m. *ſkáiſtumi* DP 332_{42}; nom. sg. f. *ſkâiſta* DP 615_{42}; nom. pl. m. *ſkâiſti* DP 558_{39}; лит. диал. *skáistus*, 1-я а. п.: Vėžaičiai (Klaipėdos r.), Griškabūdis (Šakių r.), LKŽ XII, 668].

6. **tánkiausias** 'самый частый' [1: adv. *tąkeus* DP 268_{26}] ~ прев. ст. от **tánkus**, f. **tánki** 'gęsty; pilny; częsty' [1-я а. п.: gen. sg. m. *tąkaus* DP 313_{33}; instr. sg. m. *tąkumi* DP 367_{28}; instr. pl. m. *tąkumis* DP 9_{11}; adv. *tąkiai* DP 286_7 и др.; лит.диал. Šl. *tánkus,-ki* 'gęsty'].

7. **téisiausias** 'справедливейший' [1: voc. sg. m. *teîſiáu=|ſiaſiś* DP 15_{47-48}[38]; adv. *téiſeúſiei* DP 160_{22}, где первый знак ударения соответствует 1-й а. п.] ~ прев. ст. от **téisus**, f. **téisi** 'sprawiedliwy, prawdziwy, straszliwy' [1-я а. п.: nom. sg. m. *téiſus* DP 3_{34}, 122_5 и др.; gen. sg. m. *téiſaus* DP 96_{10} и др., *têiſaus* DP 42_{18} и др.; instr. sg. m. *téiſumi* DP 84_{37}, 120_{40}, 348_{23}, 352_{38}, 371_{27}, 393_{24}, 424_{51}, 434_8, *têiſumi* DP 171_5, *ne têiſumi* DP 168_{46}; instr. pl. m. *téiſumis* DP 3_{36}, 192_{36}; adv. *téiſei* DP 3_{38} и др.].

8. **véikiausias** [1: adv. *wéikeus* DP 574_{24}, *wêikeus* DP 533_{19}, 537_{38}; ср. также форму с двумя знаками ударения adv. *wéikiéus* DP 296_4] ~ прев. ст. от **véikus**, f. **-i** 'prędki; spory; ochotny' [1-я а. п.: nom. sg. m. *wéikus* DP 30_{32}, *wêikus* DP 74_{46}, 582_4; nom. sg. f. *wéiki* DP 358_3, *wêiki* DP 149_5, 478_{29}; gen. sg. m. *wéikaus* DP 212_2; instr. sg. m. *wéikumi* DP 3_{19}, 237_{14}; adv. *wêikiai* DP 358_4 и др.; совр. лит. *veikùs* (3) и *véikus* (1) 'быстрый, скорый' (так по DLKŽ); лит. диал. Šl.: *véikus, -ki*, и *véikiai* 'prędki, bystry, skory; łatwy'].

9. **míeliausias** 'милейший' [1-я а. п.: nom. sg. m. *miéłauſes* DP 149_{36}, *miélauſes* DP 164_{38}, 263_{46}, 432_{17}, *mié=|lauſęs* DP 426_{23-24}; voc. sg. m. *miélauſes* DP 183_{50}, 364_{18}, 370_{43}, 431_{16}, *miélauſis* DP 410_{48}, 430_{15}, *miêlauſęs* DP 116_9, *Míéleuſis* DP 130_{13}, *miélauſeſis* DP 421_{29}, 436_{32}, *miéleuſeſis* DP 160_{36}; gen. sg. m. *miélauſio* DP 103_{31}, 273_{45}, 392_{20}, 435_2, *miélauśio* DP 114_{17}, *miéleuſio* DP 152_{18}, *miélauſioio* DP 378_3, *miéleuſioio* DP 157_{29}, *miéleuſioio* DP 161_{31}; gen. sg. f. *miélau=|ſios* DP 397_{13-14}; dat. sg. m. *miéleuſem* DP 102_{30}; dat. sg. f. *miéleuſei* DP 202_{26}; acc. sg. m. *miélauſiu̧* DP 175_{35}, *miélauſi* DP 43_{44}, *mié=|lauſiii* DP 242_{9-10}, *miélauſii* DP 242_{41},

[38] В Kudz. II, 327, ошибочно, *têisiausiasiś*.

miéleuſiii DP 145_{50}; instr. sg. m. *miéleuſiu* DP 174_{25}; loc. sg. m. *miélau=|ſimę* DP 94_{46-47}; nom. pl. m. *miélauſieii* DP 284_4; voc. pl. m. *miélauſi* DP 283_{32}, *miéłauſieii* DP 29_{46}, 339_{21}, *miéłauſieii* DP 242_{38}, *miélauſieii* DP 11_{54}, 31_{37}, 127_{31}, 130_{35}, 135_{23}, 162_{31}, 182_{37}, 197_{45}, 225_{12}, 230_{16}, 240_4, 244_{34}, 249_{16}, 273_{30}, 274_{28}, 282_{50}, 292_9, 296_{38}, 298_{35}, 304_{46}[39], 326_{11}, 333_{30}, 337_{20}, 337_{45}, 342_{25}, 346_6, 351_5, 367_{38}, 377_{17}, 380_{31}, 388_{48}, 405_1, 419_{32}, 434_4, 437_{31}, 442_{27}, 446_{19}, 451_{17}, 456_{37}, 470_{38}, 471_{26}, 485_{51}, 490_{30}[40], 541_{45}, *miél[a]uſieii* DP 225_{39}, *miélauſieii* DP 96_{28}, 131_{28}, 300_{12}, *miélau=|ſieii* DP 269_{30-31}, *miélauſieii* DP 354_{11}, *miélauſiei* DP 287_{15}, 442_{10}, *miélauſiei* DP 121_8, *miêlauſieii* DP 317_{10}, 426_{15}, *miê=|lauſieii* DP 381_{29-30}, *miêlauſieii* DP 481_{49}, *miéleuſieii* DP 145_{46}, 165_6, 186_{14}, 205_{37}, 252_{17}, 256_1, 591_{12}, 608_{38}, *Miéláuſieii* DP 336_{14} (в нескольких случаях отмечено, по-видимому, ритмическое ударение: voc. pl. m. *mielauſiéii* DP 475_{39}, 584_{45}, *mieleuſiéii* DP 531_{40}, 556_{16}, 562_3, 620_{15}); adv. *miélaus* DP 235_5, *miéleus* DP 90_{39}] ~ прев. ст. от **míelas**, f. **-a** 'miły; wdzięczny' [1-я а. п.: nom. sg. m. *miéłas* DP 44_1 и др., nom. sg. f. *miéłoii* DP 432_{49}, *miéłoii* DP 411_{28}, *miéloii* DP 100_{42}, *miéłoi* DP 1_{26}; gen. sg. f. *miéłos* DP 177_3, 337_{30}, 370_{26}, 490_5, *miéłoſios* DP 153_{10}; dat. sg. m. *miéłam'* DP 105_5, *miéłam* DP 186_8; nom. pl. m. *miélieii* DP 354_7; voc. pl. m. *miélieii* DP 131_{12} и др.; loc. pl. m. *miéłůſę* DP 380_2; adv. *miéłai* DP 160_4 и др.].

10. Сюда же входит и **víriausias** 'przełożony, zwierzchni; starszy, stary; główny' [1: nom.sg. m. *wîręu=|ſias* DP 22_{20-21}, *wîreu=|ſias* DP 68_{13}; gen. sg. m. *wîreuſio* DP 303_{21}; dat. sg. m. *wîręuſiam* DP 72_{50}, *wí=|riauſiam* (?) DP 68_{10-11}; acc. sg. m. *wîreuſiu̧* DP 310_{49}; loc. sg. m. *wîriau|ſiame* DP 59_{41-42}, *wîriauſiamę* DP 466_{32}; instr. pl. m. *Wîreuſeis* DP 172_{25}; тенденция перехода на современную норму обнаруживается лишь в nom. sg. f. *wîréuſę* DP 459_{46} (с двумя знаками ударения!)] ~ **výras**, pl. **-ai** (1) 'мужчина, муж'.

Тип А → тип В (по закону де Соссюра)

b) От циркумфлектированных и краткостных имён неподвижной (2-й) акцентной парадигмы.

1. **baisiáusias** [1: nom. pl. f. *baiſéuśios* DP 144_{35}; но ср. adv. *bâiseus* DP 98_{28}[41]] ~ прев. ст. от **baĩsus**, f. **baisì** 'straszny, straszliwy, srogi, okrutny, okrutnik' [2-я а. п.: nom. sg. m. *báiſus* DP 391_9, *bái=|ſus* DP 234^6, *bâi-*

[39] В Kudz. I, 447, ошибочно, 304_{26}.

[40] В Kudz. I, 447, ошибочно, 491_{30}.

[41] Подобным образом накорсннос ударснис сохраняется и в adv. от adj. *drąsus*: *dráſiaus* DP 28_{36}, 477_4, *dráſeus* DP 43_{25}, 161_{10}, 250_5, 364_{48}, *dráſiáus* DP 466_{29} (с двумя знаками ударения).

ſus DP 11_{13}, 126_{6}, 263_{32}; nom. sg. f. *Baiſî* DP 8_{28}; gen. sg. m. *báîſaus* DP 94_{25}, *báiſaus* DP 307_{49}, 380_{17}, 392_{34}, *báiſauś* DP 285_{33}, *bâiſaus* DP 180_{35}, 286_{27}, *bâi=|ſaus* DP 552_{23-24}, *bây=|ſaus* DP 16_{28-29}; gen. sg. f. *bâiſios* DP 174_{33}; instr. sg. m. *báiſumi* DP 3_{19}, 10_{40}, 94_{21}, 165_{31}, 384_{52}, 424_{51}, 477_{47}; *bâiſumi* DP 169_{28}; adv. *báiſei* DP 122_{37} и др., *bâiſei* DK 142_{7}, DP 36_{50} и др.; лит. диал. *baĩsus*, f. *baisì* (2) Dr, Pln, Sd, Slnt, Varn, Užv (LKŽ I, 570) 'страшный; ужасный; чудовишный'; Šl.: *baisùs, -sì*, но *baĩsiai*].

2. **biauriáusias** [1: nom. sg. f. *biauréuſia* DP 369_{49}; acc. pl. m. *biaurêuſius* DP 311_{2}] ~ прев. ст. от **biaūrus**, f. **biaurì** 'plugawy, szpetny, mierzony, omierzły, nieczysty' [2-я а. п.: nom. sg. m. *bîęurus* DK 148_{8}; instr. sg. m. *bíaurumi* DK 56_{8}; instr. pl. m. *biáu=|rumis* DP 54_{29-30}, *biâurumis* DP 428_{11}, ср. лит. диал. *biaūrus*, adv. *biaūriai* (Gargždaĩ, Klaipėdos r.) LKŽ I, 800; но лтш. *bļaũrs* 'sehr böse, grimmig, schrecklich, schlecht', чему, может быть, соответствует nom. sg. f. *bié=|uriii* DP 120_{33-34}].

3. **lōbiáusias** 'самый богатый, богатейший' [1: nom. sg. m. *łobíaúſęs* DP 332_{29}] ~ прев. ст. от **lōbus**, f. **lōbì** 'bogaty' [2.а. п.: instr. sg. m. *łóbumi* DP 355_{29}].

4. **smarkiáusias** [1: gen. sg. m. *ſmarkêuſio* DP 104_{10}; instr. sg. m. *ſmarkéuſiu* DP 47_{19}; но ср. adv. *ſmârkeus* DP 107_{42}] ~ прев. ст. от **smarkus**, f. **smarkì** 'srogi, okrutny, groźny' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ſmárkus* DP 435_{18} и др.; gen. sg. m. *ſmárkaus* DP 363_{19}, *ſmârkaus* DP 119_{13}, 171_{20}, 310_{16}; gen. sg. f. *ſmárkios* DP 370_{35}, *ſmârkios* DP 527_{34}, *ſmâr|kios* DP 2_{38-39}; dat. sg. m. *ſmârkiam'* DP 361_{29}; instr. sg. m. *ſmárkumi* DP 174_{27}, 384_{51}, *ſmârkumi* DP 62_{47}, 168_{46}, 191_{48}, *ſmâr=|kumi* DP 361_{4-5}; instr. sg. f. *ſmarkîęiẽ* DK 185_{17}; gen. pl. m. *ſmárkiuiu* DP 324_{34}; gen. pl. f. *ſmârkiu* DP 52_{2}; acc. pl. f. *ſmarkiás* DP 128_{9}, 170_{20}, 173_{35}; instr. pl. f. *ſmârkiomis* DP 94_{39}; adv. *ſmárkei* DP 156_{28} и др.);

5. **sunkiáusias** [1: nom. sg. m. *ſukéuſes* DP 234_{28}, 391_{38}; nom. sg. f. *ſukêuſia* DP 176_{24}; gen. sg. m. *ſunkéuſio* DP 311_{11}; nom. pl. f. *ſukéuśios* DP 144_{35}; *ſukeûſios* DP 144_{28}; gen. pl. m. *ſukéuſiu* DP 414_{38}; acc. pl. m. *ſukiéuſius* DP 436_{20}; adv. *ſukêuſei* DP 229_{26}, 311_{47}; но ср. adv. *ſúkiaus* DP 37_{10}, *ſúkeus* DP 114_{37}, 120_{40}, 155_{1}, *súkeus* DP 150_{17}; от подвижного варианта, вероятно, adv. *ſukéus* DP 119_{20}, 244_{26}, с двумя знаками ударения *ſúkéus* DP 162_{25}] ~ прев. ст. от **suñkus**, f. **sunkì** 'cięszki, nieznośny' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ſúkus* DP 234_{19} и др., *ſûkus* DP 324_{2}; nom. sg. f. *ſúkí* DP 153_{37}, 310_{25}; gen. sg. m. *ſúkaus* DP 80_{15}, 181_{40}, *súkaus* DP 312_{7}; gen. sg. f. *ſúkios* DP 96_{24}, 356_{22}, *sûkios* DP 162_{36}; instr. sg. m. *súkumi* DP 191_{49}; instr. sg. f. *ſukiá* DP 153_{2}; gen. pl. f. *ſúkiu* DP 170_{36}, 315_{17}; acc. pl. m. *ſukiús* DP 487_{17}; acc. pl. f. *ſukiás* DP 184_{1} и др.;

instr. pl. f. *ſúkiomis* DP 316_{5}, *ſúkiomis* DP 478_{36}; adv. *ſúnkiai* DP 73_{19} и др.; лит. диал. Tw. *suñkus, suñkì* 'ciężki' (Otręb. I, 258)].

6. **šviesiáusias** [1: nom. sg. f. *ßwieſiáuſiá* DP 400_{15}, *ßwieſiáuſia* DP 458_{32}; adv. *ßwieſéuſei* DP 400_{2} (но adv. *ßwieſiáus* DP 439_{20}, 444_{3}, 512_{42}, 608_{20}, 615_{33}, *ßwie=|ſiáus* DP $542a_{16-17}$, *ßwieſéus* DP 259_{44}, 347_{1}, 400_{1}, 404_{31}, 423_{11}, *ßwieséus* DP 135_{4}, 146_{39}, 399_{8}, *ßwieśéus* DP 255_{9}, *ßwieſeús* DP 226_{36}, по-видимому, от подвижного варианта)] ~ прев. ст. от **šviẽsus**, f. **šviesì** 'jasny, światły' [2-я а. п.: nom. sg. m. *ßwiéſus* DP 339_{32} и др.; nom. sg. f. *ßwiesí* DP 92_{6}, 340_{22}; instr. sg. m. *ßwiéſumi* DP 560_{39}; acc. pl. m. *ßwieſiús* DP 546_{4}, *ſwieſús* DP 15_{13}, 261_{32}, *ßwieſûs* DP 139_{26},330_{29}, 518_{38}, *ßwie=|ſûs* DP 233_{8-9}; adv. *ßwiéſiai* DP 450_{36} и др.; лит. диал. Tv.: *šviẽsus, -ì* 'widny, biały' (Otręb. I, 258)]

7. **tiesiáusias** [1: nom. sg. m. *tieſéuſias* DP 80_{28}, *tieśéuſes* DP 83_{44}] ~ прев. ст. от **tiẽsus**, f. **tiesì** 'prosty, prawy, prawdziwy, pewny' [2-я а. п.: nom. sg. f. *tiesí* DP 556_{35}; instr. sg. m. *tiéſumi* DP 483_{22}; acc. pl. m. *tieſiús* DP 30_{16}, *tieſûs* DP 30_{19}; ср. лит. диал. Tw. *ćiẽsus, -ì* 'prosty, niekrzywy' (Otręb. I, 258)].

8. ***lengviáusias** 'легчайший' [adv. *łągwieus* DP 235_{5}, в наречиях из-за метатонии суффикса сдвижка по закону Соссюра отсутствует] ~ прев. ст. от **leñgvas**, f. **-à** 'lekki; łagodny; układny' [2-я а. п.: nom. sg. f. *łęgwá* DP 361_{48}, 437_{25}, *łęg=|wá* DP 346_{11-12}; instr. sg. f. *ł[ą]gwá* DP 11_{26}; gen. pl. m. *łęgwu* DP 549_{15}; adv. *łęgwai* DP 90_{9} и др.].

9. **čỹsčiáusias** 'чистейший' [1: nom. sg. m. *cʒiſcéuſes* DP 427_{42}; nom. sg. f. *cʒiſcʒéuſe* DP 432_{9}; acc. sg. m. *cʒiſciéuſiu* DP 393_{14}; nom. pl. m. *cʒiſcéuſi* DP 428_{10}] ~ прев. ст. от **čỹstas**, f. **-à** 'czysty' [2-я а. п.: gen. sg. f. *cʒîſtos* DP 532_{9}, 534_{9}, 559_{47}, bis; instr. sg. m. *cʒiſtú* DP 84_{24}, 122_{35}, *cʒi=|ſtú* DP 122_{33-34}; nom. pl. m. *cʒiſti* DP 136_{11}; acc. pl. m. *cʒiſtús* DP 110_{27}; instr. pl. m. *cʒîſtais* DP 603_{7}].

10. **seniáusias** 'старейший; древнейший' [1: nom. sg. f. *ſe=|nêuſia* DP 88_{32-33}; nom. pl. m. *ſe=|néuſi* DP 233_{33-34}; gen. pl. m. *ſeniêúſiu* DP 265_{15}; allat. pl. f. *ſeniáuſiump* DP 588_{41}] ~ прев. ст. от **sẽnas**, f. **-à** 'stary, dawny, starożytny, starodawny' [2-я а. п.: nom. sg. m. чл. ф. *ſénaſis* DP 398_{19}, *sênaſis* DP 403_{48}; nom. sg. f. *ſęnóii* DP 13_{41}; instr. sg. m. *ſenú* DP 233_{49} и др.; nom. pl. m. *ſeniéii* DP 90_{20} и др.; gen. pl. m. *ſénu* DP 519_{48}, acc. pl. m. *ſenús* DP 524_{38}, *ſę=|nús* DP 90_{47-48}; acc. pl. f. *ſenás* DP 66_{53}, *ſenąſęs* DP 254_{8}; adv. *ſénęi* DP 44_{8}].

11. **trumpiáusias** 'кратчайший; малейший' [1: instr. sg. m. *trumpiáuſiu* DP 30_{21}[42]; adv. *trumpiáuſei* DP 368_{37}, *trumpiáuſęi* DP 79_{5}, *trumpiéuſei*

[42] Вопреки Kudz. II, 357–358 формы nom. pl. m. *trumpiáuſi* DP 30_{27}, на указанном месте нет, имеется форма nom. pl. m. *trumpiaſi* DP 30_{27} с опечаткой и без акцента.

535_{31}, *trumpíeuſei* DP 137_{3}, 265_{1}] ~ прев. ст. от **trumpas**, f. **-à** 'krotki; doczesny; mały' [2-я а. п.: nom. sg. m. *trúmpas* DP 342_{26} и др.; nom. sg. f. *trumpá* DP 228_{43}, 293_{38}, 310_{9}, 312_{52}, 361_{47}, 472_{24}, *trumpóii* DP 273_{30}; gen. pl. *trúmpų* DP 312_{38}].

Тип B

a) От акутированных прилагательных подвижной (3-й) акцентной парадигмы:

1. **saldžiáusias** 'сладчайший' [1: gen. sg. m. *ſaldžiâuſio* DP 618_{1}; voc. sg. m. *ſaldžéuśias* DP 153_{16}; acc. pl. m. *ſaldžiáuſius* DP 603_{42}] ~ прев. ст. от **saldùs**, acc. sg. **sáldų**, f. **saldì** 'słodki, wdzięczny' [3-я а. п.: nom. sg. m. *Sałdús* DP 335_{42}, *ſałdús* DP 281_{42}, 434_{2}, 437_{8}, 437_{28}, 574_{23}, *ſałdúſis* DP 437_{25}; acc. pl. m. *ſáłdžiųs* DP 383_{25}; instr. pl. f. *ſaldžiomís* DP 28_{10}].

2. **augščiáusias** 'высший' [1: nom. sg. m. *aukßczíáuſias* DP 438_{29}, 438_{34}, *augßczíáuſias* DP 9_{25}, 176_{52}, *augßczíáuſias* DP 27_{1}, *augßczíáuſés* DP 611_{16}, *augßczéuſes* DP 176_{43}, 178_{34}, 301_{7}, 348_{27}, 396_{34}, 573_{17}, *augßczéu=|ſes* DP 248_{14-15}, *augßczéuſes* DP 176_{50}, *augßczéuſęs* DP 176_{44}, 330_{19}, *augßczêuſes* DP 100_{31}, 176_{43}, *augßczêu=|ſes* DP 218_{5-6}, *augßczéuſeſis* DP 248_{1}; nom. sg. f. *aukſczíáuſia* DP 469_{54}, *Augßczéuſioii* DP 406_{27}; gen. sg. m. *augßczéuſio* DP 206_{21}, 209_{40}, 210_{28}, 284_{21}, 400_{5}, 583_{35}, 596_{45}, *aug=|ßczéuſio* DP 597_{13-14}, *augßczéuſio* DP 158_{40}, *augßczêuſio* DP 520_{40}, *aukßczíéuſio* DP 158_{6}, *aukßczíáuſioio* DP 490_{28}, *augßczíáuſioio* DP 617_{14}, *auk=|ſczíáuſioio* DP 472_{15-16}, *aukßczéuſioio* DP 154_{41}, *augßczéuſioio* DP 396_{39}, 397_{42}, *augßczéuſioio* DP 151_{50}, *auk=|ſczíáuſióio* DP 467_{24-25}] ~ прев. ст. от **áugštas**, f. **-à** 'wysoki, górny, z wierzchu; wysokość; powyższony; zwierzchni; vystawny; hardy; na górze' [3-я а. п.: nom. sg. m. *áugßtas* DP 230_{37} и др.; nom. sg. f. *augßtá* DP 92_{7}, *aug=|ßtá* DP 88_{11-12}; gen. sg. f. *augßtós* DP 90_{46}, 144_{24}; gen. pl. f. *augßtų* DP 262_{15}; acc. pl. m. *áugßtus* DP 134_{16}, 230_{39}, *áugßtů=|ſius* DP 230_{37-38}; acc. pl. f. *áu=|gßtas* DP 84_{6-7}; loc. pl. f. *augßtosé* DP 435_{14}; adv. *augßtái* DP 92_{20} и др.].

3. **karčiáusias** 'горчайший' [1: instr. sg. m. *karczíáuſioiu* DP 438_{31}] ~ **kartùs**, f. **-ì** (3) [nom. sg. m. чл. ф. *kartúſsis* DP 178_{6}; nom. sg. f. чл. ф. *kartîii* DP 170_{42}; gen. sg. m. *kartáus* DP 182_{39}; adv. *karczéi* DP 162_{35}, *karczéi* DP 122_{42}, 159_{16}; ср. совр. лит. *kartùs* (3-я а. п.) 'горький'; Šl.: *kartùs, -tì, karčiaĩ* 'gorzki']

4. **pilniáusias** 'полнейший' [1: voc. sg. f. *pilnêuſioii* DP 396_{6}; adv. *pilniáuſei* DP 559_{19}] ~ прев. ст. от **pílnas**, f. **-à** 'pełen, pilny, napełniony, zupełny' [3-я а. п.: nom. sg. m. *pîlnas* DP 159_{23} и др., *pílnas* DP 53_{5} и др.; nom. sg. f. *piłná* DK 58_{11}, DP 36_{51} и др.; instr. sg. m. *pílnu* DP 178_{26}, bis, 590_{22}; instr. sg. f. *pílna* DP 599_{15}; nom. pl. m. *pilní* DP 8_{13}, 99_{41}, и др.;

gen. pl. m. *piłnų* DP 278_{19}; dat. pl. m. *pilniémus* DP 353_{11}; acc. pl. m *pílnus* DP 32_{3} и др.; acc. pl. f. *pílnas* DP 380_{8}; instr. pl. m. *piłnáis* DP 595_{9}; adv. *piłnái* DP 18_{37} и др.[43]].

b) От циркумфлектированных и краткостных прилагательных подвижной (4-й) акцентной парадигмы:

1. **gražiáusias** [1: loc. sg. m. *grażéuſeme* DP 146_{44}; adv. *grażéus* DP 303_{44}] ~ прев. ст. от **gražùs**, acc. sg. **grãžų**, f. **gražì** 'piękny, czysty, szczyry, ślachetny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *grażús* DK 56_{13}, *grażús* DK 57_{17}, *grażús* DP 242_{4}, 624_{29}; nom. sg. f. *grażí* DP 395_{20}, 395_{21}; gen. sg. m. *grażáus* DP 379_{41}, 441_{50}; gen. sg. f. *grażiós* DP 412_{13}; dat. sg. m. *gra=|żém'* DP 595_{34-35}; acc. sg. m. *grážų* DP 396_{27} и др.; acc. sg. f. *grážią* DP 186_{30} и др.; instr. sg. f. *grażiá* DP 367_{35}; gen. pl. m. *grażių* DP 30_{27}, 542_{16}; acc. pl. m. *grażús* DP 30_{19}; instr. pl. m. *grażumís* DK 57_{20}, DP 25_{6}; adv. *grażéi* DP 36_{43} и др.].

2. **pigiáusias** [1: nom. sg. m. *pigéauſias* DP 27_{19}; adv. *pigiáus* DP 603_{22}, *pigéus* DP 136_{21}, 188_{41}, 291_{22}, 346_{28}, 366_{6}, 389_{43}, *pi=|géus* DP 364_{40-41}, *pígéus* DP 98_{33}] ~ прев. ст. от **pigùs**, acc. sg. **pigų**, f. **pigì** 'łacny, tani, snadny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *pigús* DP 67_{21}, 342_{25}, 415_{24}; nom. sg. f. *pigí* DP 580_{53}; acc. sg. m. *pígą* DP 309_{3}; *pigumí* DP 264_{35}, 455_{42}; nom. pl. m. *pígųs* DP 346_{11}; adv. *pigái* DK 4_{2} и др., DP 4_{41} и др.].

3. **stipriáusias** [1: nom. sg. m. *ſtipréuſes* DP 552_{20}; nom. sg. f. *ſtipréuſia* DP 162_{16}; adv. *ſtipriáus* DP 449_{5}, *ſtipréus* DP 111_{47}, 229_{35}, *ſtipreús* DP 318_{6}] ~ прев. ст. от **stiprùs**, acc. sg. **stìprų**, f. **stiprì** 'mocny, stały, gruntowny, stateczny, twardy, tęgi' [4-я а. п.: nom. sg. f. *ſtiprí* DP 596_{33}; gen. sg. f. *ſtipriós* DP 114_{6}, 115_{14}; instr. sg. f. *ſtipré* DP 94_{40}; instr. pl. m. *ſtiprumís* DP 447_{27}; adv. *ſtipriái* DP 444_{20} и др.; в тексте DP представлены и формы 2-й а. п., от которых выбирается тот же акцентный тип суперлатива].

4. **dažniáusias** 'самый частый, чаще всего' [1: adv. *dażniáus* DP 624_{50}, 624_{51}, *dażnéus* DP 99_{48}, 325_{37}] ~ прев. ст. от **dãžnas**, f. **-à** 'częsty; ustawiczny; pospolity' [4-я а. п.: dat. sg. m. *dażnám'* DK 142_{21}; instr. sg. m. *dażnú* DP 9_{10}, 555_{40}; gen. pl. f. *dażnų* DP 220_{35}; instr. pl. m. *dażnáis* DP 65_{45}, 308_{49}, 314_{45}; adv. *dażnái* DP 2_{9}, 2_{33}, 9_{31} и др.].

---

[43] Встретилось несколько форм, которые можно отнести к 1. а. п.: nom. sg. f. *pílna* DP 599_{17}, *piłná* DP 215_{33} (с двумя знаками ударения); voc. sg. m. *pílna|ſis* DP 165_{47-48}; voc. sg. f. *pílna* DP 599_{14}; этим ограничиваются формы, которые в текстах Даукши отражают первичный неподвижный акцентный тип данного слова, но 1. а. п. его, вероятно, в бóльшей степени сохранялась в диалектах Прусской Литвы, ср. у Донелайтиса: instr. sg. *p'ilna* V. 516, instr. pl. *p'ilmoms* IX 576 (Buch, S. 71).

5. **geriáusias** 'найлучший, самый хороший' [1: nom. sg. m. *geriáuſias* DP 577_{38}, 619_{40}, *geriáuſes* DP 624_{8}, *geréuſes* DP 631_{93}, *gęréuſes* DP 121_{21}; voc. sg. m. *geréuſes* DP 249_{7}; acc. sg. m. *geréuſią* DP 85_{8}; acc. sg. f. *gęriáuſią* DP 491_{42} (по-видимому, опечатки в nom. sg. m. *geriauſiás* DP 31_{18} и acc. sg. f. *gériauſia* DP 491_{5}); nom. pl. m. *geréuſieii* DP 616_{35}; acc. pl. m. *geréuſius* DP 285_{30}, *gęréuſius* DP 281_{38}, 339_{22}, 428_{28}, *gęrêſius* (Sic!) DP 285_{13}; acc. pl. f. *geréuſes* DP 285_{20}] ~ прев. ст. от **gẽras**, f. **-à** 'dobry, dobrotliwy' [4-я а. п.: nom. sg. m. *géras* DP 93_{14} и др., *gêras* DP 95_{32} и др.; nom. sg. f. *gerá* DP 102_{32} и др.; gen. sg. f. *gẽrós* DK 127_{5}, *gerós* DP 30_{17} и др.; dat. sg. m. *gęrám* DP 42_{22}; instr. sg. m. *gerú* DP 186_{36} и др.; instr. sg. f. *gerá* DP 102_{41} и др.; loc. sg. m. *geramé* DP 217_{30}, 290_{45}, *gęramé* DP 320_{44}; loc. sg. f. *geroié* DP 97_{37}; nom. pl. m. *gẽrí* DK 72_{4}, 73_{11}, *gerí* DP 292_{37} и др.; gen. pl. *gẽrų* DK 41_{10} и др., *gerų* DP 30_{47} и др.; dat. pl. m. *geriémus* DP 191_{38} и др.; acc. pl. m. *gẽrûs* DK 71_{20}, *ġẽrús* DK 90_{19}, *gerús* DP 50_{40} и др.; instr. pl. m. *geráis* DP 32_{43} и др.; loc. pl. m. *gerûſé* DP 247_{26}; adv. *geráí* DP 27_{42} и др.].

6. **lèčiáusias** 'простейший' [1: nom. sg. m. *łeczíáuſias* DP 1_{32}, *łeczêuſes* DP 352_{11}] ~ прев. ст. от **lẽtas**, f. **-à** 'prosty; prostak, prostaczek; pospolity; podły; nędzny' [4-я а. п.: nom. sg. f. *łetá* DP 121_{18} и др.; dat. sg. m. *łetám* DP 518_{10}; nom. pl. m. *łetiéii* DP 141_{9}, 378_{2}; gen. pl. m. *łetų* DP 365_{9}, *łetú* DP 91_{6}, *łetųiu* DP 22_{44}, *łetûiu* DP 278_{13}; dat. pl. m. *letiémus* DP 142_{15}, *łetiémus* DP 378_{35}; acc. pl. m. *łetús* DP 377_{22} и др.; acc. pl. f. *łetás* DP 301_{13}, *łetąſes* DP 143_{4}; instr. pl. m. *łetáis* DP 377_{32}; adv. *letái* DP 452_{45}, *łetái* DP 416_{12} 'poprostu; zgoła'].

7. **pikčiáusias** 'злейший' [1: acc. sg. m. *pikczêuſią* DP 231_{37}; instr. sg. m. *pikczêuſiu* DP 273_{39}, *pikczêuſiûiu* DP 146_{4}; nom. pl. f. *pikczéuſios* DP 418_{36}; gen. pl. m. *pikczéuſiuiu* DP 176_{38}; gen. pl. f. *pikczéuſiu* DP 285_{20}; acc. pl. m. *pikczéuſius* DP 402_{5}; instr. pl. m. *pikczéuſęis* DP 281_{43}; loc. pl. m. *pikczéuſiûſe* DP 118_{40}; illat. pl. m. *pikczéuſiûſn'* DP 339_{22}] ~ прев. ст. от **pìktas**, f. **-à** 'zły, lichy; złośliwy' [4-я а. п.: nom. sg. m. *píktas* DP 39_{28} и др.; nom. sg. f. *piktá* DP 93_{13} и др.; gen. sg. f. *piktós* DK 85_{12}, DP 65_{49} и др.; dat. sg. m. *piktám'* DP 160_{26} и др.; nom. pl. m. *piktí* DP 202_{46} и др.; gen. pl. m. *piktų* DK 81_{9}, DP 83_{45} и др.; dat. pl. m. *piktiémus* DP 2_{23} и др.; dat. pl. f. *piktômus* DP 560_{24}; acc. pl. m. *piktús* DP 7_{53} и др.; acc. pl. f. *piktás* DP 9_{30} и др.; instr. pl. m. *piktáis* DP 106_{11} и др.; adv. *piktái* DP 15_{42} и др.].

8. **plačiáusias** 'широчайший' [1: adv. *płaczíáuſei* DP 334_{28}; *płaczíáus* DP 444_{2}, 453_{13}, 466_{25}, 482_{41}, *pła=|czíáus* DP 557_{11-12}, *płaczéus* DP 228_{34}, *płaczéus* DP 137_{18}, 211_{30}, 220_{34}, 241_{16}, 245_{35}, 253_{7}, 257_{43}, 310_{6}, 327_{6}, 330_{31}, 434_{18}, 518_{33}, 528_{32}, 573_{13}, *płaczeús* DP 603_{28}, *Płaczéus* DP 102_{44}, *płaczéus* DP 216_{2}, *płaczêus* DP 145_{6}, *płáczéus* DP 305_{39}] ~ прев. ст. от

platùs, f. **-ì** (4) 'широкий', 'szeroki; szczodrobliwy' [4-я а. п.: nom. sg. f. *płatí* DP 92_{6}; gen. sg. m. *płatáus* DP 272_{23}, 319_{14}; instr. sg. m. *płatumí* DP 270_{5}, 274_{34}; gen. pl. m. *płaczíų* DP 30_{27} и др.; acc. pl. m. *płaczíús* DP 30_{19}; adv. *płaczéi* DP 84_{43} и др.].

9. **silpniáusias** 'слабейший' [1: dat. pl. m. *silpniáuſiemus* DP 581_{10}] ~ прев. ст. от **sĩlpnas**, f. **-à** 'słaby, krewki, mdły, wątły, ułomny' [4-я а. п.: nom. sg. m. *ſílpnas* DP 149_{5} и др.; dat. sg. m. *ſílpnám* DP 518_{11}; nom. pl. m. *ſíl=|pní* DP 320_{14-15}; gen. pl. m. *ſílpnų* DP 233_{10}, 518_{49}; instr. pl. m. *ſylpnáis* DP 40_{44}; adv. *ſílpnái* DP 193_{38}].

10. **tikriáusias** 'вернейший; вероятнейший' [1: nom. sg. m. *tikriáuſias* DP 447_{37}, 448_{11}, *tikrêuſes* DP 151_{26}, 197_{6}, *tikréuſés* DP 383_{13}; nom. sg. f. *Tikréuſia* DP 344_{48}] ~ прев. ст. от **tìkras**, f. **-à** 'prawdziwy, prawy; szczyry; właściwy, własny; pewny, jawny, isty' [4.а. п.: nom. sg. m. *tíkras* DK 12_{8} и др., DP 88_{52} и др.; nom. sg. f. *tikrá* DP 69_{17} и др.; gen. sg. f. *tikrós* DP 94_{54} и др.; dat. sg. m. *tikrám'* DP 276_{37} и др.; loc. sg. m. *tikramé* DP 296_{39} и др.; nom. pl. m. *tikrí* DP 22_{31} и др.; gen. pl. *tikrų* DP 20_{34} и др.; dat. pl. m. *tikriémus* DP 128_{5} и др.; acc. pl. m. *tikrús* DP 85_{48} и др.; instr. pl. m. *tikráis* DK 151_{10} и др.].

Переход в современную норму:

От *-u*-основ 1-й а. п.

1. **brangiáusias** 'самый дорогой' [1: nom. sg. m. *brągiáu=|ſias* DP $615_{8\ 9}$; acc. sg. f. *brągéuſią* DP 432_{35}, 604_{4}; instr. sg. m. *brągéuſsiu* DP 573_{19}; instr. sg. f. *brągéuſia* DP 578_{24}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **brangùs**, f. **-ì** [формы 3-й а. п.: nom. sg. m. *brą=|gús* DP $541_{47\ 48}$; gen. sg. m. *brągáus* DP 476_{9}, 526_{50}, 573_{40}; gen. pl. m. *brągių* DP 341_{26}, чл. ф. *brągiûiu* DP 616_{28}, *brągiûiu* DP 622_{16}; gen. pl. f. *brągių* DP 439_{54}; ср. совр. лит. *brangùs*, f. *-ì*, а. п. 3 'дорогой; милый'; но Šl.: *brángus, -gi*; *brángiai* 'drogi'; лтш. *brañgs*, *brañgs²*, *bràngs²*, *brę̃ngs* (in Livl.) 'prächtig, herrlich, vortrefflich, fett, korpulent', (in Kurland) 'ziemlich gut, angehend'].

2. **patõgiáusias** [1: nom. sg. m. *patogiáuſias* DP 27_{13}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **patõgùs**, f. **-ì** [формы 3-й или 4-й а. п.: instr. sg. m. *patogúmi* DP 407_{8} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); ср. совр. лит. *patogùs* (4-я а. п.) 'удобный'; Šl.: *patogùs, -gì* 'wygodny, nadobny, hoży'; лтш. *patãgs* 'handlich, bequem' (интонация не зафиксирована)].

3. **teisiáusias** [1: nom. pl. m. *teyſáúſieii* DP 16_{29}; adv. *teiſiaús* DP 9_{14}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **teisùs**, f. **-ì** [формы 3-й а. п.: gen. sg. m. *teiſáus* DP 7_{29}, *teiſáus* (?) DP 8_{14}; gen. sg. f. *teiſiós* DP 566_{41}, *ne teiſiós* DP 586_{4}; voc. sg. f. *teisîii* DP 396_{5}; gen. pl. m. *teiſûiu* DP 279_{14}, *teisûiu* DP 385_{43}, *neteisûiu* DP 308_{46}; dat. pl. m. *teisiémus*

DP 2_{23}; ср. также adv. *téifiái* DP 371_{17} с двумя знаками ударения; ср. совр. лит. *teisùs* (4-я а. п.) 'правый'].

4. **veikiáusias** [1: adv. *Weikéus* DP 162_{32}, *weikéus* DP 114_{50}, 116_{47}, 130_{18}, 131_{39}, 165_{29}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **veikùs**, f. **-ì** [формы 3-й а. п.: adv. *wei=|kéi* DP 448_{50-51}; ср. совр. лит. *veikùs* (3-я а. п.) и *véikus* (1-я а. п.) 'быстрый, скорый' (так по DLKŽ, у Либериса *véikus*, 3-я а. п.); Šl.: *véikus, -ki*, и *véikiai* 'prędki, bystry, skory; łatwy'].

5. **grīniáusias** [1: instr. sg. m. *griniaúsiůiu* DP 39_{44}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **grī́nas**, f. **-à** [Формы 3-й а. п.: dat. sg. m. *gri|nám'* DK 155_{4-5}; allat. sg. f. *grinósp* DK 157_7; nom. pl. m. *griniéií* DP 19_2, *griniéii* DP 182_{34}, 378_2, 485_{46}, 578_{21}, *griniêii* DK 104_9; voc. pl. m. *grinìeii* (?) DP 272_{18}; gen. pl. m. *grinýiu* DP 428_{42}, 533_9, *grinûiu* DP 543_{22}, *grinûiu* DK 108_2; dat. pl. m. *griniés=|mus* DP 459_{26-27}].

Таблица 21

Вид производных основ	Формы		А. п. производящих основ			
			Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
			Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
			1	2 (1)	3 (3^a)	4 (3^b)
До действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*míeljaûsjas* + + −	*senjaûsjas* + + −	*salĵdjáusjas* − + −	*gerjáusjas* − + −
		f.	*míeljaûsjå* + + +	*senjaûsjå* + + +	*salĵdjáusjå* − + +	*gerjáusjå* − + +
	Pl.	m.	*míeljaûsjiê* + + +	*senjaûsjiê* + + +	*salĵdjáusjiê* − + +	*gerjáusjiê* − + +
		f.	*míeljaûsjås* + + −	*senjaûsjås* + + −	*salĵdjáusjås* − + −	*gerjáusjås* − + −
	№ а. п.		1 [тип А]	1 [тип А]	1 [тип В]	1 [тип В]
После действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*míeljaûsjas* + + −	*senjáusjas* + + −	*salĵdjáusjas* − + −	*gerjáusjas* − + −
		f.	*míeljaûsjå* + + +	*senjáusjå* + + +	*salĵdjáusjå* − + +	*gerjáusjå* − + +
	Pl.	m.	*míeljaûsjiê* + + +	*senjáusjiê* + + +	*salĵdjáusjiê* − + +	*gerjáusjiê* − + +
		f.	*míeljaûsjås* + + −	*senjáusjås* + + −	*salĵdjáusjås* − + −	*gerjáusjås* − + −
	№ а. п.		1 [тип А]	1 [тип В]	1 [тип В]	1 [тип В]

6. **mieláusias** [1: nom. sg. m. *mieláusias* DP 612_{41}, (с двумя знаками ударения: *míeláusias* DP 46_{42}); neutr. *mieláusia* DP 596_{52}; voc. sg. m. *mieláuses* DP 170_{41}, *mieláu=|ses* DP 555_{11-12}, *mieléuses* DP 545_{35}, 546_{29}, *mieléu=|ses* DP 555_{14-15}, *mieléusies* DP 546_{26}; gen. sg. m. *mieláusio* DP 361_{21}; dat. sg. m. *míeláusiam'* DP 170_{30} (с двумя знаками ударения); acc. sg. f. *mieláusią* DP 177_{30}; loc. sg. f. *mieláusioio* DP 614_{26}; voc. pl. m. *mieléusi* DP 535_{45}, *mieláusieii* DP 19_{15}, 32_{33}, 543_{18}, 543_{41}, 583_{49}, 584_{21}, 584_{29}, *mieláusiei* DP 21_7, 21_{37}, *Mieléusieii* DP 579_{24}, *mieléusieii* DP 535_{31}, 542_{15}, $542a_{33}$, 566_{37}, 575_{11}, 587_7, 596_{49}, 597_{20}, *mieléu=|sieii* DP 541_{31-32}, 571_{22-23}, 578_{19-20}, *mielêusieii* DP 570_{44}] ~ при наличии у адъектива уже варианта 3-й а. п.: **míelas**, f. **-à** [Формы 3-й а. п.: voc. pl. *mieliéii* DP 393_2; gen. pl. m. *miélůiu* DP 550_{38} (с двумя знаками ударения, второй знак может указывать на 3-ю а. п.); adv. *mielái* DP 433_{24}, 464_{45}, 620_{10}].

Первичная система выбора и её деформация, обусловленная действием закона де Соссюра, показаны в табл. 21.

Рассмотренный материал, по-видимому, достаточно наглядно показывает, как широко был представлен парадигматический принцип выбора акцента производными в пралитовском и сколь интенсивны были процессы, приведшие к замене этого принципа у большинства словообразовательных типов категориальным принципом организации акцентовки. Естественно думать, что и у словообразовательных типов, здесь не рассмотренных, происходила подобная же замена.

В реконструкции этого фрагмента системы выбора акцентных типов производных обнаруживается, что все суффиксы делились на два класса: I. класс рецессивных суффиксов, при которых производные от имен подвижного акцентного типа получали подвижную акцентную парадигму; II. класс доминантных суффиксов, при которых производные от имен подвижного акцентного типа получали неподвижную акцентную парадигму с ударением на суффиксе. При этом класс доминантных суффиксов делился, по-видимому, на два подкласса: a) первично доминантные суффиксы (вероятно таковыми были *-uot-*, *-um-)* и b) вторично доминантные суффиксы, доминантность которых возникла в результате тонального ассимиляторного процесса, подробно разобранного мною в Дыбо 1997: 159–184, который приводил к переводу производных первично подвижного акцентного типа в неподвижный акцентный тип с ударением на суффиксе:

$$*b\acute{e}rn\text{-}i\check{s}k\text{-}a\text{-}s \sim \text{f. } *be\hat{r}n\text{-}i\check{s}k\text{-}\tilde{\tilde{\bar{a}}} \;\|\; *b\acute{e}rn\text{-}i\check{s}k\text{-}(\bar{i})\underline{i}\text{-}a\text{-}s \Rightarrow *be\hat{r}n\text{-}\underline{\grave{i}\check{s}k}\text{-}\underline{\tilde{i}\tilde{\bar{a}}}\text{-}s$$

В тех случаях, когда рецессивный суффикс был акутированным, он приобретая вторично доминантный характер, становился циркумфлектированным:

$$\text{acc. } *g\acute{\tilde{i}}v\text{-}\hat{i}b\text{-}\bar{\underline{a}} \sim \text{nom. } *g\hat{i}v\text{-}\hat{i}b\text{-}\tilde{\tilde{\bar{a}}} \;\|\; *g\acute{\tilde{i}}v\text{-}\hat{i}b\text{-}(\bar{i})\underline{i}\text{-}\tilde{\bar{a}} \Rightarrow *g\hat{i}v\text{-}\underline{\tilde{\tilde{i}}\underline{b}}\text{-}\underline{\tilde{i}\tilde{\bar{a}}}$$

Эти результаты имеют важное значение для реконструкции первоначального состояния в ряде случаев, когда позднейшее развитие привело к значительной перестройке системы. Так, уже в Дыбо 1981b: 259 я обратил внимание на балтославянский суффикс *-*âk*-, который, будучи адъективным, являлся рецессивным, а в составе существительных приобретал доминантность и балтославянский циркумфлекс (подробнее Дыбо 1997: 172–174):

I — неподвижный акцентный тип.

1. слав. **ínakъ*, f. **ínaka*, n. **ínako* (от **ínъ*, **ína*, **íno* — а. п. *a*)

2. слав. **vьsę́kъ*, f.**vьsę́ka*, n.**vьsę́ko* (от **vьsь*,**vьsę́*,**vьse* — а. п. *b*)

II — подвижный акцентный тип.

1. слав. **jâkъ*, f. **jaká*, n. **jâko* (от **jь*, f. **já*, n. **jě* — а. п. *c*)

2. слав. **tâkъ*, f. **taká*, n. **tâko* (от **tъ*, f. **tá*, n. **tô* — а. п. *c*)

3. слав. **kâkъ*, f. **kaká*, n. **kâko* (от **kъto*, **čьto* — а. п. *c*)

В славянском суффикс *-ak-* образует прилагательные только от местоимений[44], при этом он рецессивный и акутированный. При образовании существительных он доминантный и показывает балтославянский циркумфлекс (славянский «новый акут»[45]): **durãkъ*, gen. sg. **durãka* > **duraká*; **prostãkъ*, gen. sg. **prostãka* > **prostaká*; **mǫdrãkъ*, gen. sg. **mǫdrãka* > **mǫdraká* и под. (насуффиксальное ударение генерализовано).

В литовском нормативном эти прилагательные имеют 1-ю а. п. с неподвижным акутовым ударением на гласном *-ō-* суффикса. В диалекте Zíetela наряду с этим акцентным типом наблюдается 3-я а. п. с акутовым ударением на гласном *-ō-* суффикса в одних формах и ударением на окончании в других соответствующих формах. Как было показано Ф. де Соссюром, этот акцентный тип обязан своим возникновением преобразованию подвижного акцентного типа в результате действия закона де Соссюра:

nom. sg. m. **rètā̊kas*, nom. sg. f. **retā̊kā̊* >
– – – – – +

nom. sg. m. **retā̊kas*, nom. sg. f. **retā̊kā̊*.
– – – – – +

Естественно, что такие имена, как *šaltókas*, f. *šaltoká* (3) 'холодноватый' (Ziet. 653) получили этот акцентный тип вторично; первично

[44] Ряд случаев образования прилагательных с этим суффиксом от числительных не дают достаточного материала для установления отношения их акцентного типа к акцентовке производящих, поэтому здесь не рассматриваются.

[45] Терминологическая путаница, созданная «классической» акцентологией.

они должны были иметь акцентовку nom. sg. m. **šáltā̊kas*, nom. sg. f. **šaltā̊kā̊*.

Распределение между 1-й а. п. и 3-й а. п. не прослежено достаточно надежно, тем не менее большинство случаев с отмеченной исключительной 1-й а. п. образованы от прилагательных с реликтами и вариантами в древнелитовских памятниках неподвижного акцентного типа:

Прилагательные с суффиксом *-ok-a-* в диалекте Zíetela

BARYTONA

1. лит. диал. (Zt.) ***ilgókas***, f. *ilgóka* (1) 'длинноватый; довольно долгий, долговатый', adv. *ilgókai* 'довольно долго' (Ziet. 232) ~ др.-лит. **íl-gas** [1-я а. п.: реликты 1-й а. п. сохранили тексты Н. Даукши: nom. sg. f. *ne iłga* DP 272_{25}, dat. pl. f. *po iłgomus* DP 564_{11}, 564_{20}; adv. *iłgai* DP 563_{16}, 586_{36}, *ne iłgai* DP 583_{35}, 590_{34}; *ílgiaus* (?) DP 600_{50}] .

2. лит. диал. (Zt.) ***gerókai*** adv. 'nemaža' (Ziet. 202) ~ др.-лит. **gẽras**, f. **-à** (4) : памятники Прусской Литвы, возможно, еще сохраняют остатки 2-й а. п. (см. Иллич-Свитыч ИА, с. 56), но тексты Даукши достаточно регулярно проводят 4-ю а. п.

3. лит. диал. (Zt.) ***mažókas***, f. *mažóka* (1) 'маловатый' (Ziet. 287) ~ др.-лит. **mãžas**, f. **-à** [2-я а. п. ?: очень скудные реликты 2.а. п. сохранили тексты Н. Даукши: dat. pl. m. *mãžiémus* DP 321_2; adv. comp. *mãžeus* DK 4_{11}].

4. лит. диал. (Zt.) ***jaunókas***, f. *jaunóka* (1) 'apyjaunis' (Ziet. 246) ~ др.-лит. **jáunas**, f. **-à** (3/1) 'młody; nowy' [nom. sg. f. *iauná* DP 52_{40}; gen. sg. *iaunós* DK 4_9[46]; loc. sg. m. *Iaunamé* DP 180_{29}; loc. sg. f. *iaunóie* DP 417_{19} (с оттяжкой ударения с конечного краткостного слога); nom. pl. m. *iauniéii* DP 239_{41}, 407_9; gen. pl. m. *ieunųjų* DP 265_{19}; gen. pl. f. *iaunų* DP 378_{46}, 425_{31}; dat. pl. *iaunô|mus* DK 3_{13-14}; acc. pl. m. *iáunus* DP 90_{48}, *iêunůšius* DP 232_{32}; acc. pl. f. *iáunas* DP 542_{33} || форма 1-й а. п.: gen. sg. f. *iáunos* DP 568_{20}]; лтш. *jaûns* 'юный'.

[46] В Указателе к фототипическому изданию DK эта форма истолкована как nom. pl., ср. однако текст: teip wel nęi| wiênas ámžis nê est| téip patógus ąnt aptu|ręiimo .../kaip wai›|kelų iaunós wáſsaros/| su nẽ kaltibe ſu iųktos: (DK 4_{3-10}), то есть kaip [*ámžis*] wai›|kelų iaunós wáſsaros. Естественно, что при таком понимании форму ſu iųktos следует понимать не как nom. pl. f. страд. прич. пр. времени (так в Указателе), а как gen. sg. f., что акцентологически для времени Н. Даукши допустимо. Форма iaunós является единственным критерием для понимания этого фрагмента текста и, очевидно, что именно так его понимал человек, ставивший акцентные знаки. О проблеме авторства акцентовки см. соответствующий раздел Введения.

5. лит. диал. (Zt.) ***ankštókas***, f. *ankštóka* (1) 'тесноватый' (Ziet. 54) ~ др.-лит. **áukštas**, f. **-à** (3) 'wysoki, górny, z wierzchu; wysokość; powyższony; zwierzchni; vystawny; hardy; na górze' [nom. sg. f. *augßtá* DP 92_{7}, *aug=|ßtá* DP 88_{11-12}; gen. sg. f. *augßtós* DP 90_{46}, 144_{24}; gen. pl. f. *augßtų́* DP 262_{15}; acc. pl. m. *áugßtus* DP 134_{16}, 230_{39}, *áugßtů=|ſius* DP 230_{37-38}; acc. pl. f. *áu=|gßtas* DP 84_{6-7}; loc. pl. f. *augßtosé* DP 435_{14}; adv. *augßtái* DP 92_{20}, 230_{32}, *nê augßtái* DP 600_{36}].

6. лит. диал. (Zt.) ***dvajókas***, f. *dvajóka* (1) и *dvejókas*, f. *dvejóka* (1) 'dvejopas' (Ziet. 170, 171) ~ лит. ***dveji*** pl., f. *dvẽjos* (4) 'двое'; др.-инд. *dvayá-* adj. 'zweifach, doppelt'; греч. *δοιός*.

7. лит. диал. (Zt.) ***dužókas***, f. *dužóka* (1) 'stiprokas' (Ziet. 170) ~ лит. диал. (Zt.) ***dùžas***, f. *-à* 'stripras, twirtas'.

Mobilia

1. лит. диал. (Zt.) ***kartókas***, f. *kartokà* (3) 'горьковатый' (Ziet. 273), при варианте *kartókas*, f. *-a* (1) ~ др.-лит. **kartùs**, f. **-ì** (3/?) 'gorzki' [nom. sg. чл. ф. *kartúſsis* DP 178_{6}; nom. sg. f. чл. ф. *kartîii*; gen. sg. m. *kartáus* DP 182_{39}; instr. sg. m. *kártumí* DP 285_{29}; superl. instr. sg. m. *karcʒiáuſioiu* DP 438_{31}; adv. *karcʒéi* DP 162_{35}, *karcʒéi* DP 122_{42}, 159_{16} (две формы могут указывать на неподвижный акцентный тип (1-й или 2-й): приведенная выше форма instr. sg. m. с двумя знаками ударения и *kârcʒiy̨* gen. pl. f. DP $526a_{9}$)]; лит. диал. (Tw.) *kartùs* (acc. sg. *kártū*) 'gorzki' (Otręb. I, 257); нормат. лит. *kartùs* (3, диал. также 4) 'горький'; др.-инд. *kaṭú-* 'scharf, beißend'.

2. лит. диал. (Zt.) ***šaltókas***, f. *šaltokà* (3) 'холодноватый' (Ziet. 653), при варианте *šaltókas*, f. *-a* (1) ~ лит. ***šáltas***, f. ***-à*** (3) 'холодный'; лтш. *salʦ* 'kalt, bloß, nackt'.

3. лит. диал. (Zt.) ***retókas***, f. *retokà* (3) 'редковатый', pl. *ratokì l'inaĩ*; adv. *retokaĩ* 'редковато': *retokaĩ pas'éjau* (Ziet. 545) ~ др.-лит. **rẽtas**, f. **-à** (4) 'rzadki' [*retí* nom. pl. DP 525_{26}, *rętí* nom. pl. DP 74_{12}; adv. *retái* DP 277_{40}, 584_{10}, *rętái* DP 277_{33}, 356_{51}, 448_{17} (в двух случаях отмечена оттяжка ударения с конечного краткостного слога: *riáta* nom. sg. f. DP 497_{48}, *rétí* nom. pl. DP 270_{4})]

4. лит. диал. (Zt.) ***trumpókas***, f. *trumpokà* (3) 'коротковатый' и *trumpókas*, f. *trumpóka* (1): kæ̃l'in'ės trumpókos, reĩka dadúrt (Ziet. 713) ~ др.-лит. **trum̃pas**, f. **-à** (4) 'krotki; doczesny; mały' [gen. sg. f. *trumpós* DP 35_{40}, 487_{45}, 542_{22}, 555_{17}, 583_{30}, 583_{39}; dat. sg. m. *trumpám'* DP 214_{42}; loc. sg. f. *trumpói* DP 434_{4}; instr. pl. *trumpáis* DP 71_{47}, 232_{15}, 421_{19}, *trumpáys* DP 59_{1}; loc. pl. m. *trumpůsé* DP 390_{34}; adv. *Trumpái* DP 293_{15}, *trumpái* DP 23_{15}, 34_{12}, 38_{38}, 114_{29}, 144_{23}, 207_{28}, 214_{34}, 221_{39}, 224_{16}, 252_{35}, 252_{37}, 269_{38}, 270_{8}, 277_{48}, 296_{35}, 297_{40}, 327_{1}, 342_{29}, 351_{17}, 351_{25}, 352_{11}, 413_{13}, 435_{17}, 490_{33}, 571_{38}, 606_{34}, *trumpáy* DP 144_{5}; adv. *Trúmpái* DP 340_{27} (с двумя знаками ударения) (одна форма указывает на неподвижный акцентный тип: gen. pl. *trúmpy̨* DP 312_{38}, ср. также выше adv. с двумя знаками ударения)].

5. лит. диал. (Zt.) ***žaliókas***, f. *žaliokà* и ***žalókas***, f. *žalokà* (3) 'зеленоватый; сыроватый' (Ziet. 797, 798), при варианте *žaliókas*, f. *-a* (1) ~ лит. ***žãlias***, f. ***-à*** (4) 'зеленый; сырой'.

6. лит. диал. (Zt.) ***šlapiókas***, f. *šlapiokà* (3) 'довольно мокрый, мокроватый' (Ziet. 667), при варианте *šlapiókas*, f. *-a* (1) ~ лит. ***šlãpias***, f. ***-à*** (4).

7. лит. диал. (Zt.) ***senókas***, f. *senokà* (3) 'не совсем старый, староватый' (Ziet. 584) ~ др.-лит. *sẽnas* 'старый' (2-я а. п. в памятниках Прусской Литвы, см. Иллич-Свитыч ИА, с. 56–57); др.-лит. (в текстах Н. Даукши) **sẽnas**, f. **-à** (4) 'stary, dawny, starożytny, starodawny' [gen. sg. f. *ſęnós* DP 33_{44}, *ſenóſios* DP 421_{44}, *ſęnôſios* DP 139_{29}; dat. sg. m. *ſenám'* DP 118_{23}, 188_{33}; loc. sg. m. *ſenamé* DP 258_{7}, 258_{20}, 259_{26}, 301_{36}, *ſęnamé* DP 182_{9}, 195_{27}, 302_{53}, 463_{34}, *ſenamôiime* DP 253_{27}; gen. pl. m. *ſenų́* DP 304_{25}, 348_{46}, 539_{8}, 544_{35}, *ſe=|nų́* DP 411_{44-45}, *ſęnų́* DP 77_{6}, 420_{45}, 460_{39}, *ſę=|nų́* DP 56_{4-5}, *ſęnų́* DP 59_{27}, *ſęnú* DP 19_{13}, *S*[*e*]*|nų́* DK 19_{4-5}, *ſianų́* DP 461_{40}, *ſenûiy̨* DP 248_{42}, *ſenų́iy̨* DP 133_{32}, 219_{25}, *ſeuúiy̨* (опечатка) DP 265_{19}, *ſenúiy̨* DP 293_{41}, 463_{24}, 541_{26}, *ſęnų́iy̨* DP 85_{41}, *ſęnú=|iy̨* DP 456_{44-45}, *ſenûiy̨* DP 138_{19}, 375_{36}, 379_{21}, 415_{42}, 540_{37}, 545_{42}, 547_{34}, 547_{39}, 548_{44}, 587_{5}, *ſęnûiy̨* DP 13_{42}, 193_{28}, 379_{20}; gen. pl. f. *ſenų́* DP 164_{28}; dat. pl. m. *ſeniémus* DP 292_{23}, 399_{3}, 463_{27}, *ſęniémús* DP 294_{33}; instr. pl. m. *ſęnáiſeis* DP 33_{23}; loc. pl. m. *ſianůséiůſe* DP 304_{40}; ad. pl. *ſęnůſiąmp̓* DP 369_{34}; adv. *ſenéi* DP 27_{38}, 27_{53}, 88_{51}, 139_{31}, 161_{5}, 164_{27}, 168_{14}, 187_{34}, 196_{28}, 196_{31}, 208_{7}, 219_{26}, 234_{11}, 235_{6}, 238_{42}, 239_{43}, 241_{35}, 246_{43}, 254_{27}, 260_{52}, 265_{17}, 265_{37}, 302_{39}, 310_{37}, 360_{19}, 365_{1}, 367_{17}, 374_{3}, 403_{28}, 457_{7}, $526a_{36}$, 533_{5}, 535_{44}, 564_{4}, 590_{3}, 597_{43}, *ſe=|néi* DP 334_{44-45}, *ſęnéi* DP 14_{12}, 27_{13}, 72_{44}, 99_{19}, 149_{41}, 156_{44}, 171_{4}, 276_{23}, 284_{46}, 302_{38}, 347_{35}, 443_{5}, 444_{46}, *ſęnéy* DP 24_{8}, *ſęnę́y* DP 59_{21}]; и реликтово **sẽnas**, f. **-à** (2) [nom. sg. m. *ſénaſis* DP 398_{19}, *sênaſis* DP 403_{48}; gen. pl. m. *ſénų* DP 519_{48}, *ſénú* DP 455_{34} (с двумя знаками ударения); adv. *ſénęi* DP 44_{8}, *ſénéi* DP 304_{39} (с двумя знаками ударения)].

Если исходить из того, что в распределении 1-й а. п. и 3-й а. п. у данных образований в диалекте Zietela отразилась древность, можно предложить следующую реконструкцию первоначального состояния и процессов, приведших к его перестройке (см. Табл. 22):

Таблица 22

Вид производных основ	Формы		А. п. производящих основ			
			Неподвижная, **1**		Подвижная, **2**	
			Акут	Циркумфл., краткость	Акут	Циркумфл., краткость
			1	2 (1)	3 (3^a)	4 (3^b)
До действия закона де Соссюра	Sg.	m.	*ílgā̊kas* + – –	*màžā̊kas* + – –	*šáltā̊kas* – – –	*rètā̊kas* – – –
		f.	*ílgā̊kā̊* + – +	*màžā̊kā̊* + – +	*šaltā̊kā̆* – – +	*retā̊kā̆* – – +
	Pl.	m.	*ílgā̊kiê* + – +	*màžā̊kiê* + – +	*šaltā̊kíe* – – +	*retā̊kíe* – – +
		f.	*ílgā̊kā̊s* + – –	*màžā̊kā̊s* + – –	*šáltā̊kā̊s* – – –	*rètā̊kā̊s* – – –
	№ а. п.		1 [тип А]	1 [тип А]	3^a (3^{4a})	$*3^b$ (3^{4b})
После действия закона де Соссюра (1 [тип А] → → 1 [тип В]; $*3^b$ → 3)	Sg.	m.	*ílgā̊kas* + – –	*mažā̆kas* + – –	*šáltā̊kas* – – –	*retā̆kas* – – –
		f.	*ílgā̊kā̊* + – +	*mažā̆kā̊* + – +	*šaltā̊kā̆* – – +	*retā̊kā̆* – – +
	Pl.	m.	*ílgā̊kiê* + – +	*mažā̆kiê* + – +	*šaltā̊kíe* – – +	*retā̊kíe* – – +
		f.	*ílgā̊kā̊s* + – –	*mažā̆kā̊s* + – –	*šáltā̊kā̊s* – – –	*retā̆kā̊s* – – –
	№ а. п.		1 [тип А]	1 [тип В]	3^a (3^{4a})	3 (3^{4b})

Эта реконструкция проведена с традиционным представлением о действии закона де Соссюра; но так как предшествующее рассмотрение аналогичных случаев с рецессивными акутированными суффиксами показало отсутствие сдвижки по закону де Соссюра, процесс изображенный в столбце № 2 можно рассматривать как морфонологический.

В латышском языке при помощи суффикса *-āk-* образуется сравнительная степень; прерывистая интонация гласного суффикса регулярно отражает балто-славянский рецессивный акут.

1. от прилагательных с плавной интонацией: лтш. *mīlāks* 'lieber' (Gr. 352); *ilgâki* 'länger' (Gr. 353); *vaīrâk* 'mehr' (Gr. 353); *liēlâks* 'größer' (Gr. 353); *sūrâks* (Ērg. 3: 460).

2. от прилагательных с прерывистой интонацией: лтш. *aûgstâku* 'höher' (Gr. 353); *jaûnâkus* (Ērg. 2: 14); *jaûnâkās ziņas* (Ērg. 2: 15); *ciêtâkus* (Ērg. 1: 216), *ciêtâku* (Ērg. 1: 216), *ciêtâka* (Ērg. 1: 217), *ciêtâks* (Ērg. 1: 217); *mîkstâka zeme* (Ērg. 2: 316), *mîkstâki* (Ērg. 2: 316), *mîkstâka* (Ērg. 2: 317), *mîkstâks* (Ērg. 2: 317); *plânâki zùobi* (Ērg. 3: 98), *plânâkā ķemmē* (Ērg. 3: 98).

Очевидно, что латышское отражение совершенно точно соответствует реконструированному состоянию[47]. И конечно, оно не требует объяснений посредством оттяжки иктуса.

Здесь важно также то, что при образовании существительных этот суффикс получает в латышском нисходящую интонацию, т. е. балто-славянский циркумфлекс. О балто-славянской метатонии и о её отражении в суффиксах см. Дыбо 1981b: 259, Дыбо 1997: 163–184.

Так как парадигматический принцип организации акцента фрагментарно представлен также в литовском глаголе и отглагольном словообразовании (см. работы Ф. де Соссюра, Я. Эндзелина и К. Буги), то следует принять, что этот принцип проводился через всю систему языка, подобно тому, как это восстанавливается для праславянского[48].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Дыбо 1981b — *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Дыбо 1997 — *Дыбо В. А.* Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология. // Studia linguarum, M., 1997.

Дыбо 2005b — *Дыбо В. А.* Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентологии. // Аспекты компаративистики, I. РГГУ, М., 2005, 177–213.

Изв XVII (Буга) — *К. Буга.* Lituanica. 1. К вопросу о хронологии литовских заимствований с русского. 2. Литовско-латышские *uo* и *ie* в заимствованных с русского словах на месте ожидаемых *ū* и *ī*. 3. Этимологии. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, XVII, 1. 1912, с. 1–49. Переиздано в Būga RR I, p. 339–383.

[47] О моем отношении к предлагаемому Эндзелином объяснению возникновения различия между прерывистой и плавной латышскими интонациями см. Дыбо 2005b: 207–210.

[48] См.: *Дыбо В.А.* Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. 1. Балто-славянский прототип славянской акцентной системы. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980; *Он же.* Акцентология и словообразование в славянском. — Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968; *Он же.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис, т. 1. М., 2000.

Иллич-Свитыч ИА — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

Куршат — примеры из диалекта Фр. Куршата.

Соссюр — *Фердинанд де Соссюр.* Труды по языкознанию. М., 1977.

Шмидт 1899 — *П. Шмидт.* Троякая долгота в латышском языке. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Том LXVII, № 2. Санктпетербург, 1899.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1 — ??? . М., 1974-.

Юшк. — примеры из словаря: *Юшкевич А.* Литовский словарь, вып. I-III. СПб., 1904–1922.

ApD — Apaštalų darbai (biblija) (сокращение LKŽ).

Aps — (диал.) Ãpsas, Baltarusijos TSR, Breslaujos r. (сокращение LKŽ).

Bt (su teksto nurodymais) — S. Bythner. Naujas Testamentas .... Karaliaučiuj', Métu, MDCCI. (сокращение LKŽ).

Buch — *Tamara Buch.* Die Akzentuierung des Christian Donelaitis. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

Būga 1924a — *K. Būga* [рецензия на книгу] *N. van Wijk*, Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. // Tauta ir žodis, II, 1924, p. 478–480; перепечатано в Būga RR III, p. 717–719.

Būga 1924b — *K. Būga*, Kirčio ir priegaidės mokslas. // *K. Būga*, Lietuvių kalbos žodynas, I sąsiuvinis. Kaunas, 1924 m., p. XIX-LII; перепечатано в Būga RR, III t., Vilnius, 1961, p. 19–84.

Būga RR — *Būga K.* Rinktiniai raštai, t. I-III. Vilnius, 1958–1961 (указатели: *Būga K.* Rinktiniai raštai, rodyklės. Vilnius, 1962).

DB — Budą Senowes-Lëtuwiû Kalnienû ir Zamajtiû iszrasze Pagal Senowes Rasztû Jokub's Łaukys. Petropilije, 1845. (сокращение Skardžius ŽD).

Dglš — (диал.) Daugėliškis, Ignalinos r. (сокращение LKŽ).

Dk — Н. Даукша

DK — Mikalojaus Daukšos 1595 metų katekizmas. Vilnius, 1995 [буква K (вместо № строки) указывает на колонтитул].

DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas / Red. J. Balčiconis. Vilnius, 1954.

DP — материал из «Постилы Н. Даукши» цитируется по изданию: Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.

Dr — (диал.) Darbėnai, Kretingos r. (сокращение LKŽ).

Dsn — (диал.) Dysnà, Ignalinos r. (сокращение LKŽ).

Ērģ. — *E. Kagaine, S. Raģe.* Ērģemes izloksnes vārdnīca. T. 1–3. Rīga, 1977–1983.

Endz.-Haus. — *J. Endzelīns* un *E. Hauzenberga.* Papildinājumi un labojumi K. Mühlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. Sējumi I–II. Rīgā / *J. Endzelin* und *E. Hausenberg.* Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch. Bd. I–II. Riga, 1934–1946.

Fr. — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, II. Göttingen, 1962, 1966.

Gs — (диал.) Geistaraĩ (Didvyžiaĩ), Vilkaviškio r. (сокращение LKŽ).

Ign — (диал.) Ignalinà (сокращение LKŽ).

J = Юшк. (сокращение LKŽ).

JbL — K. Jablonskis. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje. I dalis. Tekstai. Kaunas, 1941. (сокращение LKŽ).

Jd — (диал.) Juodáičiai, Jurbarko r. (сокращение LKŽ).

JR — *Jan Rozwadowski.* Litewska gwara okolic Zdzięcioła na Nowogródczyźnie. Kraków, 1995.

Jž. = Юшк. (сокращение Skardžius ŽD).

K — Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Hale 1883. (сокращение LKŽ).

K. — *Kurschat F.* Grammatik der Littauischen Sprache. Halle, 1876.

Kal — (диал.) Kalnãlis, Kretingos r. (сокращение LKŽ).

KB — *Fr. Kurschat.* Beiträge zur Kunde der littauschen Sprache. Zweites Heft. Laut- und Tonlehre der littauischen Sprache. Königsberg, 1849. (сокращение LKŽ).

Kl. — (диал.) Kuliaĩ, Plungės r. (сокращение LKŽ).

Klp. — (диал.) Klaĩpėda (сокращение LKŽ).

Kos — Litvanica czyli Wiadomośći o Litwie zebrane przez ... Ambrżego Kossarzewskiego. (Rankraštis. Autorius gyveno 1820–1880 m. Skaitmens rodo puslapius.) (сокращение LKŽ).

Kudz. — *Czesław Kudzinowski.* Indeks-słownik do «Daukšos Postilė». T. I (A–N), T. II (O–Ž). Poznań, 1977. Помета (Kudz. –) означает, что соответствующее явление в тексте Kudz. не отмечено.

Kzt — (диал.) Kazìtiškis, Ignalinos r. (сокращение LKŽ).

KŽ — (сокращение LKŽ).

L — Lietuviškos ir angliškos kalbų žodynas. Sutaisė Antanas Lalis. Chicago, 1915. (сокращение LKŽ).

LKK — Lietuvių kalbotyros klausimai. I — , 1957 — .

Lkm — (диал.) Liñkmenys, Ignalinos r. (сокращение LKŽ).

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas (Antras leidimas). T. I-XIV. Vilnius, 1968–1986.

LL — Lenkų ir lietuvių kalbos žodynas. Surengė Antanas Lalis. Vilniuje, 1922. (Skaitmens rodo puslapius.) (сокращение LKŽ).

LsB — *August Leskien.* Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891. (Skaitmens rodo puslapius.) (сокращение LKŽ).

M — *M. Miežinis.* Lietuviszkai-latviszkai-lenkiszkai-rusiszkas žodynas. Tilžėje, 1894. (сокращение LKŽ).

Mühl.-Endz. — *K. Mülenbachs.* Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Sējumi I–IV. Rīgā / *K. Mühlenbachs.* Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. I–IV. Riga, 1923 — 1932.

MŽ — Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörter-Buch, worinn das vom Pfarrer Ruhig zu Walterkehmen ehemals herausg.egebene zwar zum Grunde gelegt, aber mit sehr vielen Wörtern, Redens-Arten und Sprüchwörtern zur Hälfte vermehret und verbessert worden von Christian Gottlieb Mielcke... Königsberg, 1800. (сокращение LKŽ).

N — *G. H. F. Nesselmann.* Wörterbuch der Littauischen Sprache. Königsberg, 1851. (сокращение LKŽ).

NdŽ — Lietuvių rašomosios kalbos žodynas. Lietuviškai-vokiška dalis. I — IV tm. Sudarė M. Niedermann'as, A. Senn'as, F. Brender'is ir A. Salys. Heidelberg, 1932 — 1963.

N.-Peb. = Neu-Pebalg, *Jaun-Piēbalga.*

OG = Otręb. I (сокращение LKŽ).

Otręb. I, III — *Otrębski J.* Wschodniolitewskie narzecze twereckie, I, III. Kraków, 1934, 1932.

Petrauskas-Vidugiris 1985 — *J. Petrauskas, A. Vidugiris.* Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985.

Pln — (диал.) Plùngė (сокращение LKŽ).

Q — Buv. Karaliaučiaus archyvo rankraštinis (vadinamas Krauzės) vokiškai lietuviškas žodynas, Msc. 83. Autorius nežinomas. (Skaitmens rodo puslapius.) (сокращение LKŽ).

R — Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon, Worinnen ein hinlänglicher Vorrath an Wörtern und Redensarten, welche sowol in der H. Schrift, als in allerley Handlungen und Verkehr der menschlichen Gesellschaften vorkommen, befindlich ist: Nebst einer historischen Betrachtung der Littauischen Sprache; Wie auch einer gründlichen und erweiterten Grammatick, mit möglichster Sorgfalt, vieljährigem Fleiss, und Beyhülfe der erfahrensten Kenner Sprache gesammelt von Philipp Ruhig ... Königsberg, 1737. (сокращение LKŽ).

Rtr — Lietuviškai-latviškas žodynas. Sudarė J. Ryteris. Ryga, 1929. (сокращение LKŽ).

Sd — (диал.) Sedà, Mažeikių r. (сокращение LKŽ).

Seržants 2003 — *Ilja Seržants.* Die Intonationen der suffixalen und Endsilben im Lettischen. Synchronie und Diachronie. // Baltu filoloģija. XII (1). Rīga, 2003.

Skardžius DA — *Skardžius Pr.* Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.

Skardžius Lw. — *Skardžius P.* Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1935.

Skardžius ŽD — *Skardžius Pr.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

SkŽD = Skardžius ŽD

Slnt — (диал.) Salantaĩ, Kretingos r. (сокращение LKŽ).

Snt — (диал.) Sintautaĩ, Šakių r. (сокращение LKŽ).

Sut — Žodininkas Letuwiszkay-Lotiniszkay-Lenkiszkas... Par Kuniga Dominika Sutkiewicze Dominikona tikra Letuwnika su didelu wargu Isztaysitas (1848). (Rankraštis.) (сокращение LKŽ).

Š — Lietuvių ir rusų kalbų žodynas. Sudarė J. Šlapelis. Vilnius, 1921. (сокращение LKŽ).

Šl. — *Šlapelis J.* Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Antroji laida. Vilnius, 1940.

Šts. — (диал.) Šãtės, Skuodo r. (сокращение LKŽ).

Tg. — (диал.) Tauragė̃ (сокращение Skardžius ŽD).

Tvr — (диал.) Tverẽčius, Ignalinos r. (сокращение LKŽ).

Tw. — материал из диалекта Тверечюс, приводится по работе: *Otrębski J.* Wschodniolitewskie narzecze twereckie, I, III. Kraków, 1934, 1932.

Užv — (диал.) Ùžventis, Kelmės r. (сокращение LKŽ).

Varn — (диал.) Vaŕniai, Telšių r. (сокращение LKŽ).

Ziet. — *Aloyzas Vidugiris.* Zietelos šnektos žodynas. Vilnius, 1998.

$Ziet_1$. — *Aloyzas Vidugiris.* Zietelos Lietuvių šnekta. Vilnius, 2004.

П. М. АРКАДЬЕВ

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ПЕРВИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ. ФОРМАЛЬНЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ

Посвящается памяти Владимира Николаевича Топорова

0. Постановка задачи

Система парадигматических классов глаголов в литовском языке отличается своей сложностью, которая заключается, во-первых, в обилии разнообразных словоизменительных средств и, во-вторых, в ничем, как может подчас показаться, не мотивированном выборе этих средств, лексически закрепленных за каждым глаголом. В особенности это касается весьма многочисленного класса так называемых «первичных глаголов» (Senn 1966, 255; Амбразас 1985, 254 и сл.), у которых исходная форма (инфинитив) имеет структуру корень + *ti*, из-за чего противопоставления типов основ, наблюдаемые в финитных формах, нейтрализуются. Этот факт дал основание некоторым авторитетным исследователям литовской глагольной морфологии, например, Т. В. Булыгиной (Булыгина 1970, 49–50; Булыгина 1977, 244) говорить о том, что форма инфинитива имеет «наименьшую прогностическую силу», т. е. в наименьшей степени содержит информацию о словоизменении глагола. Это утверждение, как будет показано ниже, верно лишь до тех пор, пока исследователь не принимает во внимание семантику глагольной лексемы.

Известные мне описания литовского спряжения не предлагают классификации и адекватного (в частности, экономного и имеющего предсказательную силу) описания словоизменительных типов первичных глаголов литовского языка. Процитированная выше грамматика (Амбразас 1985) дает лишь таблицу (257–258), в которой приводятся типы чередований основ, однако ни адекватной классификации этих типов, ни серьезной попытки указать их распределение там нет (авторы пытаются связать словоизменительные типы глаголов с фонетической структурой корня, но практически к каждому выделенному ими подтипу имеется большое количество никак не объясняемых исключений). Грамматика (Senn 1966) также приводит лишь подробно расклассифицированные по типам основ списки глаголов (Там же, 258–279). Подробная и сопровождающаяся описанием наиболее общих семантических свойств глаголов («действие», «состояние» и т. п.) классификация в Академической грамматике (Ulvydas 1971, 219–235) не может быть признана достаточно точной ни в морфологическом, ни в семантическом отношении, хотя она, несомненно, дает весьма полное представление о формальном и смысловом разнообразии (правда, без каких-либо обобщений) литовских первичных глаголов. «Динамическое описание литовского спряжения» в работе Т. В. Булыгиной (Булыгина 1977, 238–269; см. также Булыгина 1970, 38–70) также не решает проблемы парадигматических классов, более того, эта задача в работе даже не ставится. Разработанная Т. В. Булыгиной модель литовского спряжения обладает большой предсказательной силой и содержит немало интересных обобщений, однако у нее есть один недостаток: морфологические и морфонологические правила, общие для всех глаголов, применяются к абстрактной основе, но сама эта основа принимается как некая данность и проблема ее «вычисления» на основании реальных форм (а такая задача стоит, в частности, перед ребенком, усваивающим систему литовского спряжения) даже не ставится. То же можно сказать и о подробном очерке порождающей фонологии литовского языка (Heeschen 1968, 190–282)[1].

Что же касается словарей литовского языка (Lyberis 1962; DLKŽ 2000; MLKŽ 2000), то в них морфологическая информация о словоизменении глагола дается в виде трех основных форм — инфинитива, 3 л. настоящего времени и 3 л. прошедшего однократного времени; знание этих трех форм и правил образования остальных в совокупности позволяет построить парадигму подавляющего большинства литовских глаголов. Однако, как мне представляется, классификация парадигматических классов литовских глаголов наподобие той, которая проделана для русского языка в Грамматическом словаре А. А. Зализняка (Зализняк 2003/1977, и возможна, и необходима — она не только позволила бы сделать важные обобщения и по-новому взглянуть на кажущиеся необъяснимыми и разрозненными факты, но и сэкономить в словарях место, нужное, например, для указания модели управления глагола (эта необхо-

Я благодарю А. В. Андронова, А. В. Дыбо, А. А. Зализняка, И. Б. Иткина, В. А. Плунгяна и В. Н. Топорова, которые прочли данную работу или ее фрагменты в рукописи и чьи ценные замечания я постарался учесть при подготовке окончательного варианта текста.

[1] Единственная известная мне полная классификация парадигматических классов литовских глаголов, в некоторых аспектах отличающаяся от предлагаемой в данной работе, содержится в неопубликованном приложении к типологической работе (Dressler et al. 2004).

димая информация полностью отсутствует, например, в DLKŽ 2000; представляется, что эти сведения, во-первых, не менее важны, а во-вторых, вряд ли менее лексикализованы, чем тип спряжения, исправно и неэкономно указываемый в этом словаре при каждой лексеме).

В данной работе, во-первых, предлагается классификация морфологических типов первичных глаголов с основами на согласный (т. е. из рассмотрения исключаются такие глаголы, как *lyti* 'лить', *gauti* 'получать' и т. д. — их словоизменительный тип предсказать относительно легко, кроме того, они подчиняются закономерностям, во многом отличающимся от тех, которые я выявляю в данной работе) и, во-вторых, формулируются основанные на семантике глаголов правила распределения некоторых из выделенных типов.

Материалом работы служит список глаголов, включенных в словарь Lyberis 1962 и составляющий порядка семисот непроизводных (бесприставочных и невозвратных) глагольных лексем в традиционной орфографической акцентуированной записи.

1. Классификация парадигматических классов первичных глаголов

1.0. Предварительные замечания. Как уже было сказано выше, для того, чтобы, имея правила образования форм, построить полную парадигму литовского глагола, в общем случае достаточно знать лишь три формы — инфинитив, 3 л. настоящего времени и 3 л. прошедшего однократного времени. Поэтому в настоящей работе меня будут интересовать лишь типы образования этих трех форм, точнее, соотношение основ настоящего и прошедшего однократного времен с основой инфинитива, принимаемой в качестве исходной.

1.1. Основа инфинитива. Основа инфинитива получается из формы инфинитива отделением суффикса *-ti* и применением следующих чередований:

(1) KS → SK, где K — велярный (*k*, *g*), а S — дентальный или палатальный спирант (*s*, *z*, *š*, *ž*): *drìksti* 'рваться' → *drìsk-* (*drìsko* 'рвался'), *brėkšti* 'светать' → *brėšk-* (*brėško* 'светало'), *mėgzti* 'вязать' → *mėzg-* (*mėzgė* 'вязал'); глаголы с кластером *gž* в моем материале не представлены, но в принципе имеются, ср. *džeřgžti* 'трещать' → *džeřžg-* (DLKŽ 2000, 144); наличие или отсутствие данного чередования должно отмечаться при всех глаголах с инфинитивом на *-KSti*;

(2) *s* → *t*, *d*; данное чередование происходит только у глаголов с основой прошедшего времени, оканчивающейся на *t* или *d*, и его наличие или отсутствие должно фиксироваться при каждом глаголе с инфинитивом на *-sti*: *sėsti* 'садиться' → *sėd-* (*sėdo* 'садился'), *mėsti* 'бросать' → *mėt-* (*mėtė* 'бросал'), но *lėsti* 'клеветать' → *lės-* (*lėsė* 'клеветал'); данному чередованию может сопутствовать также следующее изменение: V^n → Vn, где V^n — так называемый «носовой гласный» (фонологически — долгий) *ą*, *ę*, *į*, *ų*: *galąsti* 'точить' → *galand-*, *grįsti* 'мостить улицу' → *griňd-*, *kęsti* 'терпеть' → *keňt-*, *skųsti* 'жаловаться' → *skùnd-*;

(3) ∅ → *t*, *d*; данное чередование происходит только у глаголов с основой прошедшего времени на ST, где T — дентальный смычный (*t*, *d*), и опять-таки должно отмечаться при всех глаголах с инфинитивом на *-Sti*: *brùzti* 'взбудораживаться' → *brùzd-* (*brùzdo* 'взбудораживался'), *beřgžti* 'яловеть' → *beřgžd-* (*beřgždė* 'яловел'), *drumsti* 'мутить' → *drumst-* (*drumstė* 'мутил'), *pruňkšti* 'фыркать'→ *pruňkšt-* (*pruňkštė* 'фыркал').

Разумеется, запись чередований, предложенная только что, не вполне корректна, так как на самом деле именно перед суффиксом инфинитива *-ti* происходит метатеза SK → KS, диссимиляция T → *s*, выпадение T → ∅ и т. д.

Нужно также отметить, что информацию, необходимую для того, чтобы установить, имеет ли место при образовании основы инфинитива то или иное чередование, легко получить, сравнив форму инфинитива с формой прошедшего времени.

1.2. Основа настоящего времени. Основа настоящего времени получается из формы 3 л. настоящего времени отсечением окончания *-a* (для целей данной работы удобнее считать, что *-a* здесь не относится к основе; обычно считается, что *-a* — либо показатель настоящего времени, либо тематический гласный, ср. Булыгина 1977, 241–243, 251–252 и др.; Амбразас 1985, 263; Valeckienė 1998, 361–363; Андронов 1999, 9–11; Andronov 2000) и применением следующего преобразования:

(4) C*i*- → C*j*- в конце основы, где C — любой согласный, кроме *č*, *dž*, которые преобразуются в *t*, *d*: *gvelbia* 'крадет' → *gvelbj-*, *kóšia* 'цедит' → *kóšj-*, *kniečia* 'заботит' → *kniętj-*, *léidžia* 'пускает' → *léidj-*.

1.3. Основа прошедшего времени. Основа прошедшего времени получается из формы 3 л. прошедшего однократного времени отсечением окончания *-o* или *-ė*. В последнем случае проводится следующее преобразование:

(5) ∅ → *j*: *kraňkė* 'каркал' → *kraňkj-*, *kléidė* 'расточал' → *kléidj-*.

1.4. Классификация типов образования основ. Выделенные три основы могут различаться по довольно большому числу признаков, перечисленных ниже.

1.4.1. Наличие или отсутствие форманта -j-. Формант *-j-* может присутствовать только в основах настоящего и прошедшего времени, причем возможны все виды комбинаций:

	Основа наст. вр.	Основа прош. вр.	Примеры
(1)	∅	∅	*bė́gti — bė́g-, bė́g-* 'бежать'
(2)	∅	*j*	*gulĩti — gùl-, gùlj-* 'ложиться'
(3)	*j*	∅	*léisti — léidj-, léid-* 'пускать'
(4)	*j*	*j*	*veřkti — veřkj-, veřkj-* 'плакать'

Необходимо отметить, что для первичных глаголов чрезвычайно нехарактерен тип (3), широко представленный в производных лексемах (см. ниже, п. **1.5**).

1.4.2. Наличие назального инфикса. Назальный инфикс может характеризовать только основу настоящего времени. Он вставляется непосредственно после корневого гласного, и может претерпевать, в зависимости от типа следующего согласного, такие изменения:

(6) *n* → *m*/_P (где P — лабиальный смычный *p, b*): *drìbti* 'падать' → *drim̃b-*; *klùpti* 'спотыкаться' → *klum̃p-*.

Разумеется, в фонологических терминах корректнее говорить о том, что инфикс неспецифицирован по признаку «место образования» и приобретает его от следующего согласного.

(7) V*n* → V^{n}/_S, R (где R — плавный *r, l*); иными словами, при вставлении инфикса в основы с такими фонологическими характеристиками происходит удлинение гласного корня: *a* → *ą, e* → *ę, i* → *y, u* — *ū*: *biùrti* 'портиться' → *biū̃r-*, *brìgzti* 'обтрепываться' → *brỹzg-*, *gèsti* 'гаснуть' → *gę̃s-*, *sálti* 'делаться сладким' → *są̃l-*.

Важно отметить, что если в основе настоящего времени есть назальный инфикс, то в ней уже не может быть форманта *-j-*, и наоборот. Таким образом, назальный инфикс возможен только в типах (1) и (2).

1.4.3. Наличие суффикса -st-. Суффикс *-st-* возможен только в основе настоящего времени. При его присоединении происходят следующие преобразования:

(8) T → ∅/_*s*: *brę̃sti* 'зреть' → основа инфинитива *breñd-*, основа настоящего времени *brę̃st-* (сочетание Vn преобразуется по правилу (7));

(9) *s* → ∅/_S: *blỹkšti* 'бледнеть' → *blỹkšt-*;

(10) SK → KS/_*s*: *drìksti* 'рваться' → основа инфинитива *drìsk-*, основа настоящего времени (также с назальным инфиксом) *drỹkst-* (< *drỹks-st-* < *driñsk-st-*).

Следует также отметить, что перед суффиксом *-st-* **не** происходит чередование (7): *sénti* 'стареть' → основа инфинитива *sén-*, основа настоящего времени *sénst-* (а не **sę́st-*). Ср., однако, глагол *pažìnti* 'знать', 'быть знакомым' → основа настоящего времени *pažį́st-* (а не **pažínst-*).

Как и в случае с назальным инфиксом, наличие в основе настоящего времени суффикса *-st-* требует, чтобы в ней не было форманта *-j-*, и наоборот. При этом суффикс *-st-* может сочетаться с инфиксом (см. подробнее ниже, разд. *2.2.5*).

Необходимо отметить, что назальный инфикс и суффикс *-st-* фактически представляют собой одно словоизменительное средство, а не два, так как употребление каждого из них обусловлено морфонологическими свойствами основы (разумеется, эта обусловленность имеет место лишь в пределах того множества глаголов, которые вообще образуют основу настоящего времени с помощью одного из этих средств). Класс лексем, имеющих в основе презенса инфикс или суффикс *-st-*, распадается на три подкласса: глаголы, образующие основу настоящего времени с помощью инфикса *-n-*, с помощью суффикса *-st-* и с помощью обоих средств одновременно (об этом см. Stang 1942, 132–133). Распределение этих типов указано в таблице; V — гласный корня, C_1 — согласный, следующий непосредственно за V, C_2 — согласный, следующий за C_1. Скобки обозначают факультативность заключенного в них элемента.

V	C_1	C_2	Тип	Пример
краткий	смычный	(шумный)	*-n-*	*àkti — añka* 'слепнуть'
долгий или дифтонг	любой		*-st-*	*nỹkti — nỹksta* 'пропадать', *tõlti — tõlsta* 'отдаляться'
любой	носовой	(шумный)	*-st-*	*liñkti — liñksta* 'гнуться'
краткий	спирант	–	*-n-* + *-st-*	*mìšti — mỹšta* 'смешиваться'
краткий	плавный	–	*-n-*, *-st-* (реже)	*sálti — są̃la, sálsta* 'быть сладким'
любой	плавный	шумный	*-st-*	*miřkti — miřksta* 'мокнуть'

Исключения из данного распределения единичны:

drìksti 'рваться' — *drỹksta*, вместо ожидаемого **drỹska*;

miřti 'умирать' — *mìršta*, вместо ожидаемого **mỹra* или **miřsta*.

Глаголы с корнями, содержащими краткий гласный и оканчивающимися на плавный, в подавляющем большинстве случаев образуют ос-

нову настоящего времени с инфиксом, однако имеются случаи вариативности, ср. уже упомянутый глагол *sálti* 'становиться сладким', а также

plérti 'расшатываться' — *plérsta*, *plẽro*.

Очевидно, что подобное распределение показателей связано с имеющимися в литовском языке ограничениями на структуру слога: инфикс, превращающий краткий слог в долгий, не может вставляться в основы, уже содержащие долгий слог.

1.4.4. Наличие чередования i → e. Чередование *i* → *e* возможно только в основе настоящего времени и только перед сонантами *r, l, n, m* (в том числе и перед назальным инфиксом): *brìsti* 'брести' → *breñd-*, *giñti* 'гнать' → *gẽn-*, *mìlžti* 'доить' → *mèlž-*, *pirkti* 'покупать' → *perk-*, *kimšti* 'запихивать' → *kemš-*. Чередование *i* → *e* не встречается в основах настоящего времени с формантом *-j-* (за единственным исключением: *mìlžti* 'доить' — основа настоящего времени *mélžj-*; правда, возможно, что это результат контаминации с синонимичным глаголом *mélžti* — *mélžj-*, см. также Fraenkel 1962, 434).

1.4.5. Сокращение корневого гласного. Сокращение корневого гласного встречается опять-таки только в основе настоящего времени. Оно выражается в следующих чередованиях:

(3) *o* → *a*, *ė* → *e*, *ū* → *u*: *võgti* 'воровать' → *vãgj-*, *lẽkti* 'мчаться' → *lẽkj-*, *pũsti* 'дуть' — *pùtj-*; теоретически возможное чередование **y* → *i* не засвидетельствовано.

Необходимо отметить, что сокращение гласного в основе настоящего времени отмечено только у глаголов типа (4), т. е. с формантом *-j-* и в настоящем, и прошедшем времени. Характерно также, что сокращение гласного возможно только в тех корнях, где после этого гласного идет одиночный шумный (ср. разд. *1.4.7*).

1.4.6. Удлинение корневого гласного. Удлинение корневого гласного возможно только в основе прошедшего времени и только в корнях, оканчивающихся на одиночный сонант. Это следующие чередования:

(4) *a* → *o*, *e* → *ė*, *i* → *y*, *u* → *ū*: *kárti* 'вешать' → *kórj-*, *kélti* 'поднимать' → *kélj-*, *gìrti* 'хвалить' → *gýrj-*, *dùmti* 'дуть' → *dūmj-*.

Удлинение гласного возможно только в том случае, если основа прошедшего времени содержит формант *-j-*, т. е. в типах (2) и (4).

1.4.7. Замечание о сокращениях и удлинениях гласных. Как было отмечено в п. 1.4.5 и 1.4.6, сокращение корневого гласного в основе настоящего времени и удлинение корневого гласного в основе прошедшего времени дополнительно распределены по типам основ:

Конечный согласный корня	Основа инфинитива	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени
шумный	*o, ė, ū*	*a, e, u*	*o, ė, ū*
сонант	*a, e, u, i*	*a, e, u, i*	*o, ė, ū, y*

Можно отметить также, что ни одно из этих чередований не возможно в корнях, кончающихся на сочетание сонант + шумный. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что на самом деле здесь представлены не два различных чередования, а одно: либо (a) фонетически немотивированное сокращение гласного в основе настоящего времени, либо (b) опять-таки фонетически немотивированное удлинение краткого гласного в основах прошедшего времени и инфинитива (в последней также имеет место фонетически обусловленное сокращение долгого гласного перед кластером конечный сонант корня + *t* инфинитивного суффикса). Каждая из указанных трактовок имеет право на существование, причем, если с синхронной точки зрения, по-видимому, предпочтительнее (a), допускающая морфонологическое чередование только в одной из трех основ, то исторически приемлемой является как раз (b), согласующаяся с представлением об удлинении кратких гласных в основе прошедшего времени (а инфинитив первичных глаголов образован от основы прошедшего времени, что проявляется и на синхронном уровне; см.: Stang 1942, 191–194, 211; Stang 1966, 389–391). Для целей моего исследования выбор именно одной из указанных трактовок необязателен; мне было важно показать лишь, что удлинение и сокращение корневого гласного — по сути дела, одно, а не два явления, причем, как и выбор между назальным инфиксом и суффиксом *-st-*, обусловленное ограничениями на слоговую структуру.

Из правила о сокращении долгого гласного перед кластером сонант + шумный есть небольшое число исключений, ср. *šẽlti* 'беситься' с основой настоящего времени *šẽlst-*, *stẽrti* 'цепенеть' с основой настоящего времени *stẽrst-* и некоторые другие. С другой стороны, имеются и иные примеры сокращения гласного в таком контексте: *pùlti* 'падать' → основа настоящего времени *púol-*, основа прошедшего времени *púolj-* с сокращением *uo* → *u*/_*lt*. По-видимому, данное правило было фонетическим в более ранний период истории литовского языка, а затем морфонологизовалось (см. Амбразас 1985, 26, 51–52; Stang 1966, 77).

1.4.8. Единичные преобразования. Имеется также очень небольшое число глаголов, образующих основы настоящего и прошедшего времен с помощью уникальных средств.

imti 'брать' → основа настоящего времени *im-*, основа прошедшего времени *ẽmj-* с уникальным чередованием *i* → *ė*;

lìkti 'оставаться' → основа настоящего времени *liẽk-* с уникальным чередованием *i* → *ie*, основа прошедшего времени *lìk-*;

miřti 'умирать' → основа настоящего времени *mìršt-* с уникальным чередованием *s* → *š* в суффиксе *-st-* (или, быть может, просто с уникальным суффиксом), основа прошедшего времени *mìrj-*;

vìrti 'кипеть' → основа настоящего времени *vérd-* с уникальным формантом *-d-*, основа прошедшего времени *vìrj-*.

Сюда же можно отнести и глагол *pùlti* с уникальным, хотя и морфонологически обусловленным чередованием (см. выше разд. *1.4.7*).

Таким образом, подавляющее большинство первичных глаголов с основой инфинитива на согласный образуют основы настоящего и прошедшего времен по регулярным моделям, в то время как подлинно «неправильных» глаголов имеются лишь единицы.

1.5. Парадигматические классы первичных глаголов. Как уже было отмечено в предыдущем разделе, не все средства, с помощью которых образуются основы настоящего и прошедшего времен литовских первичных глаголов, сочетаются друг с другом. Возможные сочетания этих средств приведены в таблице:

	(1)	(2)	(3)	(4)	*-n-*	*-st-*	*i* → *e*	сокр.	удл.
-n-	+	–	–	–		+	+	–	–
-st-	+	+	–	–	+		–	–	–
i → e	+	+	+	–	+	–		–	–
сокр.	–	–	–	+	–	–	–		–
удл.	–	+	–	+	–	–	–	–	

Примеры возможных типов (дается условное обозначение, форма инфинитива и три основы — инфинитива, настоящего времени и прошедшего времени):

1: *áugti* 'расти' — *áug-*, *áug-*, *áug-*;

1*n*: *àkti* 'слепнуть' — *àk-*, *añk-*, *ãk-*; *bjùrti* 'портиться' — *bjùr-*, *bjũr-*, *bjùr-*;

1*st*: *blañkti* 'бледнеть' — *blañk-*, *blañkst-*, *blañk-*;

1*i*→*e*: *piršti* 'сватать' — *piršˇ-*, *peřš-*, *piřš-*;

1*n*, *st*: *tìžti* 'размякать' — *tìž-*, *tỹžt-*, *tìž-*;

1*n*, *i*→*e*: *skrìsti* 'лететь' — *skrìd-*, *skreñd-*, *skrìd-*;

2*st*: *gìmti* 'рождаться' — *gìmsta*, *gìmė*;

2*i*→*e*: *miñti* 'помнить' — *miñ-*, *mẽn-*, *mìnj-*;

2удл.: *pìnti* 'плести' — *pìn-*, *pìn-*, *pýnj-*;

3: *léisti* 'пускать' — *léid-*, *léidj-*, *léid-*;

3*i*→*e*: *mìlžti* 'доить' — *mìlž-*, *mélžj-*, *mìlž-*;

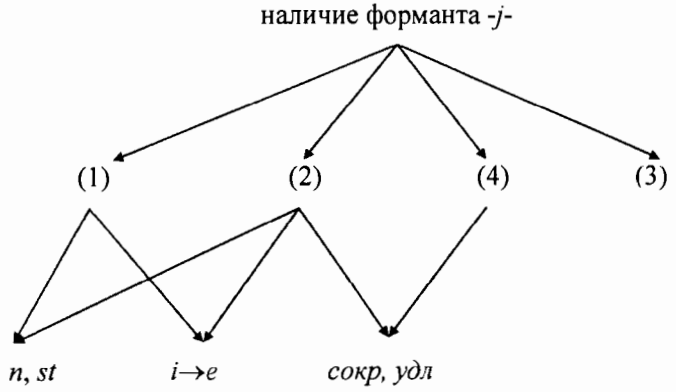
4: *bárti* 'бранить' — *bár-*, *bãrj-*, *bãrj-*;

4сокр.: *pũsti* 'дуть' — *pũt-*, *pùtj-*, *pũtj-*;

4удл.: *vémti* 'тошнить' — *vém-*, *vẽmj-*, *vémj-*.

Итак, всего имеется четырнадцать парадигматических классов первичных глаголов с основой на согласный. Замечу, что они существенно различаются по количеству представленных в них глаголов: если классы (4), 1*n*, 1*st* содержат весьма большое количество лексем, то остальные подтипы довольно немногочисленны, а типы 2*st*, (3) и 3*i*→*e* вообще представлены каждый только одной-двумя лексемами (подробнее см. п. 2.6).

Выделенные парадигматические классы, по-видимому, неравноправны и в другом отношении: одни из них могут считаться подклассами других из-за того, что признаки, их выделяющие, образуют иерархическую структуру такого вида:



Тем самым, можно выделить три основных класса первичных глаголов: (1), (2) и (4) (класс (3), как уже было сказано выше, явно маргинален), которые далее делятся на более дробные подклассы. Тем не менее, надо отметить, что подобная иерархическая структура ни в коей мере не предполагает, что внутри крупных классов глаголы распределяются по подклассам на основании каких-либо простых правил.

1.6. Заключение. В данном разделе были рассмотрены словоизменительные средства, с помощью которых образуются основы настояще-

го и прошедшего времен литовских первичных глаголов, а сами глаголы были расклассифицированы на основании того, какие из этих средств и в каких комбинациях они используют. Приведенные морфонологические правила и информация о словоизменительном типе лексемы позволяют правильно построить основы, от которых затем по общим правилам образуются все формы глаголов.

В следующем разделе будут рассмотрены семантические основания формальных противопоставлений, наблюдаемых в системе парадигматических классов первичных глаголов литовского языка.

2. Семантическая мотивация парадигматических классов первичных глаголов в литовском языке

2.0. Предварительные замечания. Как уже было сказано выше, синхронные грамматики литовского языка либо не ставят вопроса о мотивации (под мотивацией я имею в виду некоторую совокупность формальных или семантических признаков, на основании которых можно с разумной вероятностью предсказать, к какому из словоизменительных классов относится данная лексема) парадигматических классов глаголов, либо не дают на него приемлемого ответа. Попытку предложить распределение словоизменительных типов первичных глаголов на сугубо формальных основаниях, предпринятую в Грамматике (Амбразас 1985, 259–262), нельзя признать удачной — из предлагаемых правил слишком много исключений, а сами правила апеллируют то к фонетическому облику корня, то к изменениям, которые последний может претерпевать (а последние относятся к тем явлениям, которые должны быть предсказаны, поэтому правила распределения не могут на нее ссылаться).

О распределении основных парадигматических классов литовских (и, шире, балтийских) первичных глаголов пишет Хр. Станг (Stang 1942, 118, 131–132; Stang 1966, 338–344, 356): глаголы с формантом *-j-* в основе настоящего времени (т. е. те, что относятся к типу (4) и его подтипам) в своем большинстве переходные, а глаголы с назальным инфиксом или с суффиксом *-st-* (типы 1*n*, 1*st*) — напротив, непереходные, причем обозначают так называемые «пассивные» (в терминологии А. Зенна (Senn 1966, 266) «непереходно-инхоативные») состояния и процессы. То же пишет и Я. Эндзелин (Endzelīns 1948, 188, 192). Однако указания такого рода не могут считаться вполне удовлетворительными по двум причинам: во-первых, к закономерностям, сформулированным Стангом и другими исследователями, имеется довольно большое количество нетривиальных исключений, во-вторых, ни Станг, ни Эндзелин ничего не говорят о возможной мотивации других парадигматических классов балтийских глаголов. Такого рода информация в довольно фрагментарном виде

представлена в соответствующих разделах Академической грамматики (Ulvydas 1971, 219–235), однако там не постулируется никаких корреляций между формальными и семантическими свойствами лексем.

В данном разделе я попытаюсь показать, что словоизменительный тип литовского первичного глагола во многих случаях может быть предсказан исходя из семантики глагола. Разумеется, предлагаемое мною распределение ни в коей мере не является абсолютным, однако статистические корреляции, приводимые в п. 2.5, представляются удовлетворительными.

Применяемая здесь семантическая классификация глаголов основывается на работах (Булыгина 1982; Lazard 1985; Testelec 1998), хотя не повторяет в точности ни одну из них. Основным признаком используемой мною классификации является так называемая «семантическая переходность» предиката, располагающая все глаголы на непрерывной шкале от «семантических пассивов», например, ‘умирать’ (единственный участник ситуации — Пациенс, не контролирующий ситуацию, но в значительной степени затронутый ею) до «канонических переходных глаголов», например, ‘убивать’, (имеются два центральных участника, один из которых — Агенс — контролирует ситуацию, но не затронут ею, а другой — Пациенс — не контролирует ситуацию, но затронут ею в наибольшей степени), ср. известную статью (Hopper, Thompson 1980). Среди промежуточных классов наиболее важным является класс непереходных агентивных глаголов, например, ‘идти’, единственный актант которых контролирует ситуацию. Каждый из «полярных» типов глаголов составляет в литовском языке ядро одного из обширных парадигматических классов: переходные глаголы — класса (4), пациентивные непереходные глаголы — класса, образующего основу настоящего времени с инфиксом или с суффиксом *-st-*. Что же касается агентивных непереходных глаголов, то они входят в разные парадигматические классы, причем большинство их попадают в тип (4), т. е. трактуются языком так же, как переходные глаголы (сходная ситуация наблюдается в большом количестве неродственных друг другу языков, ср.: Lazard 1985; Shibatani 1998).

Ниже приводятся все вошедшие в выборку первичные глаголы, с делением на парадигматические (рассматриваются не все возможные типы, а лишь наиболее крупные — (4), (2), (1), (n/st)) и семантические классы.

2.1. Глаголы типа (4). Вопреки утверждению Хр. Станга о том, что почти все глаголы данного класса являются переходными, имеется довольно большой и, по-видимому, открытый (я не учитываю диалектные данные, однако анализ даже небольшой части материала, содержащегося, например, в этимологическом словаре Fraenkel 1962,

показывает, что таких глаголов существует несколько сот) список непереходных глаголов данного типа. Они, так же как и переходные глаголы, группируются в несколько более или менее четко очерченных семантических зон. Рассмотрим переходные и непереходные глаголы данного класса по порядку.

2.1.1. Переходные глаголы.

2.1.1.1. Глаголы создания и уничтожения. Сюда я отношу не только те глаголы, Пациенс которых в действительности создается или уничтожается Агенсом, но и те, в семантике которых можно усмотреть метафорические реализации данного значения, например, 'заканчивать', 'заглушать', 'размножать', равно как и глаголы потребления ('есть', 'пить' и т.д.).

áusti 'ткать' — *áudžia, áudė*;

baĩgti 'заканчивать'— *baĩgia, baĩgė*;

braũkti 'вычеркивать', 'вытирать (слезы)' — *braũkia, braũkė*;

drumsti 'мутить', 'нарушать (покой)' — *drumsčia, drumstė*;

gérti 'пить' — *gẽria, gẽrė*;

gõžti 'заглушать (растения)' — *gõžia, gõžė*;

gurkti 'глотать' — *gurkia, gurkė*;

kléisti 'расточать', 'растрачивать' — *kléidžia, kléidė*;

kùrti 'разводить (огонь)', 'создавать', 'основывать' — *kùria, kū́rė*;

neršti 'метать (икру)' — *neršia, neršė*;

siurbti 'сосать', 'поглощать', 'впитывать' — *siurbia, siurbė*;

skeřsti 'резать (скот)' — *skeřdžia, skeřdė*;

smáugti 'душить', 'угнетать' — *smáugia, smáugė*;

smelkti 'заглушать (о растениях)' — *smelkia, smelkė*;

spelgti 'заглушать' — *spelgia, spelgė*;

spę́sti 'устраивать (западню)' — *spéndžia, spéndė*;

steĩgti 'учреждать', 'основывать' — *steĩgia, steĩgė*;

stelbti 'заглушать' — *stelbia, stelbė*;

tuõkti 'сочетать браком' — *tuõkia, tuõkė*;

veřpti 'прясть' — *veřpia, veřpė*;

žiaũbti 'есть, широко охватывая пастью' — *žiaũbia, žiaũbė*;

žiẽsti 'лепить из глины' — *žiẽdžia, žiẽdė*;

žlembti 'жрать'; 'хныкать' — *žlembia, žlembė*;

žliaũbti 'хныкать'; 'жрать' — *žliaũbia, žliaũbė*;

žluõbti 'жрать' — *žluõbia, žluõbė*.

2.1.1.2. Глаголы активного физического воздействия. Этот класс очень обширен; он включает глаголы деформации, обработки и т. п.

árti 'пахать' — *ãria, ãrė*;

blę̃sti 'замешивать (муку)' — *bleñdžia, bleñdė*;

brė́žti 'чертить', 'царапать' — *brė́žia, brė́žė*;

briaũkšti 'рвать' — *briaũškia, briaũškė*;

čiáupti 'сжимать (губы)' — *čiáupia, čiáupė*;

čiulpti 'сосать' — *čiulpia, čiulpė*;

čiúopti 'щупать' — *čiúopia, čiúopė*;

čýžti 'стегать' — *čýžia, čýžė*;

daũbti 'выдалбливать' — *daũbia, daũbė*;

daũžti 'бить' — *daũžia, daũžė*;

dérgti 'гадить', 'осквернять' — *dérgia, dérgė*;

díegti 'сажать (растения)', 'колоть (о боли)', 'насаждать' — *díegia, díegė*;

dìrti 'сдирать', 'сечь' — *dìria, dýrė*;

dýžti 'пороть', 'бичевать'; 'быстро идти', 'спешить' — *dýžia, dýžė*;

dóbti 'бить' — *dóbia, dóbė*;

drẽksti 'царапать', 'рвать' — *drẽskia, drẽskė*;

drembti 'топтать' — *drembia, drembė*;

dréngti 'изнашивать' — *dréngia, dréngė*;

dróžti 'строгать', 'вырезать', 'ударять', 'бить'; 'быстро идти' — *dróžia, dróžė*;

duõbti 'выдалбливать' — *duõbia, duõbė*;

glaũsti 'прижимать (к груди)' — *glaũdžia, glaũdė*;

glemžti 'хватать', 'жрать' — *glemžia, glemžė*;

gnýbti 'щипать' — *gnýbia, gnýbė*;

gráužti 'грызть' — *gráužia, gráužė*;

grė́bti 'сгребать' — *grė́bia, grė́bė*;

grémžti 'скрести' — *grémžia, grémžė*;

grę́sti 'скоблить' — *gréndžia, gréndė*;

grę̃žti 'сверлить', 'вертеть', 'выжимать' — *grę̃žia, grę̃žė*;

jaũkti 'смешивать' — *jaũkia, jaũkė*;

kaĩsti 'греть' — *kaĩčia, kaĩtė*;

káišti 'скоблить', 'чистить' — *káišia, káišė*;

karšti 'чесать' — *karšia, karšė*;

kaũšti ‘долбить’ — *kaũšia, kaũšė*;

keĩsti ‘менять’, ‘обменивать’ — *keĩčia, keĩtė*;

keřgti ‘соединять’, ‘случать (животных)’ — *keřgia, keřgė*;

kleĩpti ‘стаптывать (обувь)’, ‘искривлять’ — *kleĩpia, kleĩpė*;

kóšti ‘цедить’ — *kóšia, kóšė*;

kùlti ‘молотить’, ‘бить’ — *kùlia, kū́lė*;

kuõpti ‘чистить (колодец)’— *kuõpia, kuõpė*;

láužti ‘ломать’, ‘взводить (курок)’ — *láužia, láužė*;

leñkti ‘гнуть’, ‘обходить’, ‘мотать (нитки)’, ‘уважать’, ‘обгонять’ — *leñkia, leñkė*;

liẽsti ‘трогать’ — *liẽčia, liẽtė*;

liẽžti ‘лизать’ — *liẽžia, liẽžė*;

maũkti ‘лупить’, ‘пить (вино)’ — *maũkia, maũkė*;

meřkti ‘мочить’ — *meřkia, meřkė*;

mérkti ‘жмурить (глаза)’ — *mérkia, mérkė*;

mę̃sti ‘замешивать’ — *meñčia, meñtė*;

mė́žti ‘унавоживать’ — *mė́žia, mė́žė*;

miẽšti ‘разбавлять’ — *miẽšia, miẽšė*;

nérti ‘вязать’, ‘плести’, ‘набрасывать’, ‘накидывать’, ‘лупить’; ‘нырять’, ‘мчаться’ — *nẽria, nė́rė*;

niõkti ‘разрывать’, ‘мять’ — *niõkia, niõkė*;

paũkšti ‘грызть’ — *paũškia, paũškė*;

peřti ‘парить (в бане)’, ‘лупить’ — *pẽria, pẽrė*;

pláusti ‘полоскать’, ‘промывать’ — *pláudžia, pláudė*;

plė́šti ‘рвать’, ‘грабить’, — *plė́šia, plė́šė*;

plíekti ‘бичевать’; ‘быстро идти’ — *plíekia, plíekė*;

plū̃kti ‘бить’, ‘тромбовать’, ‘трепать (лен)’ — *plū̃kia, plū̃kė*;

praũsti ‘мыть’ — *praũsia, praũsė*;

ráugti ‘квасить’, ‘солить’, ‘дубить’ — *ráugia, ráugė*;

raũkti ‘морщить’, ‘хмурить’, ‘затягивать’ — *raũkia, raũkė*;

raũsti ‘рыть’ — *raũsia, raũsė*;

rẽkšti ‘срывать’ — *rẽškia, rẽškė*;

rę̃sti ‘надрубать’, ‘рубить’, ‘строить (из бревен)’ — *reñčia, reñtė*;

rė́žti ‘резать’, ‘ударять’ — *rė́žia, rė́žė*;

riẽkti ‘резать’ — *riẽkia, riẽkė*;

riẽsti ‘гнуть’, ‘сводить (руки)’, ‘мотать (ткань)’, ‘врать’ — *riẽčia, riẽtė*;

ruõpti ‘ковырять’, ‘долбить’ — *ruõpia, ruõpė*;

skalbti ‘стирать (белье)’ — *skalbia, skalbė*;

skélti ‘колоть’, ‘свистеть’ — *skẽlia, skė́lė*;

skíesti ‘разбавлять’, ‘разжижать’ — *skíedžia, skíedė*;

sklem̃bti ‘обтесывать’, ‘скашивать’ — *sklem̃bia, sklem̃bė*;

skõbti ‘долбить’, ‘рвать (траву)’ — *skõbia, skõbė*;

skrósti ‘потрошить’, ‘разрезать’ — *skródžia, skródė*;

slẽgti ‘давить’, ‘жать’, ‘угнетать’ — *slẽgia, slẽgė*;

smaũkti ‘напяливать (шапку)’, ‘засучивать (рукава)’ — *smaũkia, smaũkė*;

smeĩgti ‘вонзать’, ‘втыкать’ — *smeĩgia, smeĩgė*;

smõgti ‘бить’ — *smõgia, smõgė*;

spáusti ‘жать’, ‘давить’, ‘теснить’, ‘угнетать’ — *spáudžia, spáudė*;

spìrti ‘лягнуть’, ‘подпирать’, ‘заставлять’, ‘настаивать’ — *spìria, spýrė*;

spráusti ‘впихивать’ — *spráudžia, spráudė*;

spreñgti ‘втискивать’ — *spreñgia, spreñgė*;

sríegti ‘ввинчивать’ — *sríegia, sríegė*;

stùmti ‘толкать’ — *stùmia, stū́mė*;

stvérti ‘хватать’ — *stvẽria, stvė́rė*;

suñkti ‘цедить’, ‘выжимать’ — *suñkia, suñkė*;

šiáušti ‘взъерошивать (волосы)’ — *šiáušia, šiáušė*;

šveĩsti ‘лощить’, ‘лупить’, ‘жрать’ — *šveĩčia, šveĩtė*;

švirkšti ‘впрыскивать’ — *švirkščia, švirkštė*;

telžti ‘мочить’, ‘бросать’, ‘ударять’ — *telžia, telžė*;

tem̃pti ‘тянуть’, ‘натягивать’ — *tem̃pia, tem̃pė*;

térpti ‘вставлять’ — *térpia, térpė*;

tiẽsti ‘протягивать’, ‘выпрямлять’, ‘расстилать’ — *tiẽsia, tiẽsė*;

tráukti ‘тянуть’, ‘рвать’, ‘дуть’, ‘поглощать’, ‘притягивать’; ‘направляться’, ‘двигаться’ — *tráukia, tráukė*;

trẽkšti ‘расплющивать’ — *trẽškia, trẽškė*;

trem̃pti ‘топтать’ — *trem̃pia, trem̃pė*;

trę̃šti ‘удобрять’, ‘унавоживать’ — *trę̃šia, trę̃šė*;

triaũkšti ‘грызть с треском’ — *triaũškia, triaũškė*;

trỹpti 'топтать' — *trỹpia, trỹpė*;

tveñkti 'запруживать' — *tveñkia, tveñkė*;

uřbti 'бурить', 'долбить' — *uřbia, uřbė*;

vélti 'валять (валенки)', 'мять (одежду)' — *vẽlia, vélė*;

veřsti 'переворачивать', 'опрокидывать', 'превращать', 'заставлять' — *veřčia, veřtė*;

veřžti 'стягивать', 'жать' — *veřžia, veřžė*;

žeĩsti 'ранить' — *žeĩdžia, žeĩdė*;

žiẽbti 'зажигать (свечу)', 'ударять' — *žiẽbia, žiẽbė*;

žlẽgti 'отбивать (мясо)', 'кидать' — *žlẽgia, žlẽgė*;

žnýbti 'щипать' — *znýbia, žnýbė*.

2.1.1.3. Глаголы, обозначающие каузацию движения или изменения положения в пространстве.

beřti 'сыпать' — *bẽria, bẽrė*;

blõkšti 'бросать' — *blõškia, blõškė*;

delbti 'потуплять (глаза)' — *delbia, delbė*;

drẽbti 'бросать' — *drẽbia, drẽbė*;

griẽbti 'хватать' — *griẽbia, griẽbė*;

gróbti 'хватать', 'похищать' — *gróbia, gróbė*;

gvelbti 'тащить', 'красть' — *gvelbia, gvelbė*;

kárti 'вешать' — *kãria, kórė*;

kélti 'поднимать', 'предъявлять', 'будить', 'открывать', 'закрывать', 'переправлять', 'перемещать' 'выселять', 'устраивать', 'возбуждать' — *kẽlia, kélė*;

kẽsti 'раздвигать', 'расширять', 'растопыривать' — *kẽčia, kẽtė*;

kreĩkti 'труси́ть', 'стлать' — *kreĩkia, kreĩkė*;

kreĩpti 'направлять', 'кривить' — *kreĩpia, kreĩpė*;

plẽsti 'расширять', 'распространять' — *plẽčia, plẽtė*;

siųsti 'посылать' — *siuñčia, siuñtė*;

skìrti 'отделять', 'различать', 'назначать' — *skìria, skýrė*;

skleĩsti 'распространять', 'развертывать' — *skleĩdžia, skleĩdė*;

spríegti 'бросать', 'пинать' — *spríegia, spríegė*;

svíesti 'швырять' — *svíedžia, svíedė*;

šlẽkti 'брызгать' — *šlẽkia, šlẽkė*;

tẽkšti 'плескать', 'брызгать', 'бросать', 'ударять' — *tẽškia, tẽškė*;

treñti 'изгонять' — *trẽmia, trẽmė*;

žeřgti 'растопыривать (ноги)', 'садиться верхом' — *žeřgia, žeřgė*;

žeřti 'сыпать', 'загребать' — *žẽria, žẽrė*.

Сюда же, видимо, примыкают и глаголы

slẽpti 'прятать', 'скрывать', 'таить' — *slẽpia, slẽpė*;

võgti 'красть' — *vãgia, võgė*.

2.1.1.4. Глаголы, обозначающие отрицательное физическое или эмоциональное воздействие на Пациенса.

baũsti 'наказывать', 'штрафовать', 'заставлять' — *baũdžia, baũdė*;

éngti 'угнетать' — *éngia, éngė*;

grẽsti 'грозить' (в этом значении принимает дополнение в дативе), 'отучивать' — *grẽsia, grẽsė*;

kniẽsti 'заботить' — *kniẽčia, kniẽtė*;

níekti (диал.) 'пренебрегать', 'браковать' — *níekia, níekė*;

skaũsti 'обижать', 'оскорблять' — *skaũdžia, skaũdė*;

skriaũsti 'обижать' — *skriaũdžia, skriaũdė*;

smeřkti 'осуждать' — *smeřkia, smeřkė*;

šleñšti 'засорять' — *šleñščia, šleñštė*;

šmeĩžti 'клеветать' — *šmeĩžia, šmeĩžė*;

teršti 'загрязнять', 'осквернять', 'бесчестить' — *teršia, teršė*;

trẽkti 'портить', 'тратить', 'расточать' — *trẽkia, trẽkė*.

2.1.1.5. Глаголы речи и речевого воздействия.

gìrti 'хвалить' — *gìria, gýrė*;

gúosti 'утешать' — *gúodžia, gúodė*;

kéikti 'ругать', 'проклинать' — *kéikia, kéikė*;

kláusti 'спрашивать' — *kláusia, kláusė*;

kviẽsti 'приглашать' — *kviẽčia, kviẽtė*;

kvõsti 'расспрашивать' — *kvõčia, kvõtė*;

liẽpti 'велеть', 'предписывать' — *liẽpia, liẽpė*;

melsti 'умолять' — *meldžia, meldė*;

niũkti 'гонять', 'утомлять'; 'ныть', 'тихо беседовать' — *niũkia, niũkė*;

peĩkti 'порицать' — *peĩkia, peĩkė*;

skélbti 'объявлять', 'проповедовать' — *skélbia, skélbė*;

skąsti 'жаловаться', 'доносить' — *skùndžia, skùndė*;

tarti 'произносить', 'предполагать', 'считать' — *tãria, tãrė*;

teĩgti 'утверждать' — *teĩgia, teĩgė*.

2.1.1.6. Экспериенциальные глаголы.

geĩsti 'страстно желать' — *geĩdžia, geĩdė*;

griaũsti 'тосковать', 'сожалеть' (управляет дополнением в генитиве) — *griaũdžia, griaũdė*;

jaũsti 'чувствовать', 'ощущать' — *jaũčia, jaũtė*;

kęsti 'терпеть' — *keñčia, keñtė*;

láukti 'ждать', 'ожидать' (управляет генитивом) — *láukia, láukė*;

úosti 'нюхать', 'чуять' — *úodžia, úodė*;

suvókti 'понять' — *suvókia, suvókė*;

žvelgti 'смотреть', 'глядеть' — *žvelgia, žvelgė*.

2.1.1.7. Глаголы, описывающие каузацию изменения состояния Пациенса при помощи изменения его «ситуативного окружения».

bùrti 'объединять' — *bùria, bū́rė*;

deñgti 'покрывать', 'накрывать' — *deñgia, deñgė*;

gaũbti 'покрывать', 'закутывать', 'гнуть' — *gaũbia, gaũbė*;

glébti 'охватывать' — *glébia, glébė*;

glóbti 'окутывать', 'обнимать' — *glóbia, glóbė*;

góbti 'окутывать', 'покрывать' — *góbia, góbė*;

jùngti 'соединять', 'сочетать' — *jùngia, jùngė*;

júosti 'опоясывать' — *júosia, júosė*;

puõšti 'украшать', 'наряжать' — *puõšia, puõšė*;

reñgti 'готовить', 'устраивать', 'одевать' — *reñgia, reñgė*;

répti 'охватывать' — *répia, répė*;

ruõšti 'готовить', 'убирать (дом)', 'собирать' — *ruõšia, ruõšė*;

siaũsti 'окружать', 'окутывать'; 'бушевать', 'шалить' — *siaũčia, siaũtė*;

skliaũsti 'делать свод', 'заключать в скобки' — *skliaũčia, skliaũtė*;

speĩsti 'тесно окружать', 'принуждать' — *speĩčia, speĩtė*;

stíegti 'крыть (крышу)' — *stíegia, stíegė*;

vóžti 'закрывать', 'ударять' — *vóžia, vóžė*.

2.1.1.8. Глаголы, обозначающие процессы, осуществление которых сопровождается звуком.

klũkti 'клянчить' — *klũkia, klũkė*;

plempti 'жадно пить'; 'болтать' — *plempia, plempė*;

pliaũpti 'хлебать'; 'литься струей', 'болтать' — *pliaũpia, pliaũpė*;

pliurpti 'звучно хлебать'; 'болтать' — *pliurpia, pliurpė*;

srẽbti 'хлебать' — *srẽbia, srẽbė*;

sriuõbti 'хлебать' — *sriuõbia, sriuõbė*;

šniaũkšti 'нюхать (табак)' — *šniaũkščia, šniaũkštė*;

šniaũkti 'нюхать (табак)' — *šniaũkia, šniaũkė*;

šnirpšti 'сморкать' — *šnirpščia, šnirpštė*;

šniurkšti 'сморкать' — *šniurkščia, šniurkštė*.

2.1.1.9. Прочие переходные глаголы.

delsti 'медлить' (управляет инфинитивной конструкцией) — *delsia, delsė*;

draũsti 'запрещать', 'страховать' — *draũdžia, draũdė*;

gerbti 'уважать', 'убирать', 'чистить' — *gerbia, gerbė*;

griõzti 'обшаривать' — *griõzdžia, griõzdė*;

grįsti 'мостить (улицу)', 'обосновывать' — *griñdžia, griñdė*;

kvẽpti 'вдыхать', 'вселять', 'внушать' — *kvẽpia, kvẽpė*;

lémti 'решать', 'определять', 'судить' — *lẽmia, lémė*;

liuõbti 'кормить (животных)' — *liuõbia, liuõbė*;

mélžti 'доить' — *mélžia, mélžė*;

piẽšti 'рисовать', 'описывать' — *piẽšia, piẽšė*;

pūsti 'дуть', 'надувать', 'выпучивать', 'играть (на духовом инструменте)' — *pùčia, pūtė*;

réikšti 'значить', 'высказывать', 'выражать' — *réiškia, réiškė*;

remti 'подпирать', 'поддерживать' — *rẽmia, rẽmė*;

sémti 'черпать', 'наполнять' — *sẽmia, sémė*;

siekti 'достигать', 'доставать' — *síekia, síekė*;

sprę́sti 'решать', 'судить'; 'мчаться' — *spréndžia, spréndė*;

šelpti 'помогать деньгами' — *šelpia, šelpė*;

šérti 'кормить (животных)', 'бить' — *šẽria, šérė*;

švęsti 'праздновать' — *šveñčia, šveñtė*;

teĩkti 'давать', 'доставлять (удовольствие)' — *teĩkia, teĩkė*;

teĩsti 'судить' — *teĩsia, teĩsė*;

teĩkti 'набирать', 'сосредоточивать' — *teĩkia, teĩkė*;

tę̃sti 'продолжать', 'тянуть' — *tę̃sia, tę̃sė*;

tiẽkti 'снабжать', 'готовить', 'питать' — *tiẽkia, tiẽkė*;

tìrti 'исследовать', 'изучать' — *tìria, týrė*;

tvérti 'огораживать', 'перевязывать (рану)', 'вставлять', 'хватать', 'терпеть'; 'сохраняться' — *tvẽria, tvérė*;

tviẽksti 'ярко освещать', 'сверкать' — *tviẽskia, tviẽskė*;

veĩsti 'плодить', 'разводить (животных)' — *veĩsia, veĩsė*;

véngti 'избегать' — *véngia, véngė*.

2.1.2. Непереходные глаголы.

2.1.2.1. Глаголы звука. Это в большинстве своем ономатопоэтические глаголы; они отличаются от близких им глаголов типа *2.1.1.8.* тем, что, как правило, одновалентны. Субъектом таких глаголов может быть человек или животное, реже — объект неживой природы (как правило, лишь обладающие большей автономностью и склонные к антропоморфному одушевлению природные стихии, а также машины и механизмы; характерно, что в этот класс не входят глаголы со значениями 'шелестеть (о листьях)', 'журчать' и т. п.).

baũbti 'реветь', 'мычать' — *baũbia, baũbė*;

biñbti 'жужжать', 'хныкать' — *biñbia, biñbė*;

biřbti 'жужжать', 'гудеть', 'хныкать' — *biřbia, biřbė*;

biřgzti 'жужжать', 'гудеть' — *biřzgia, biřzgė*;

bleřbti 'гудеть', 'болтать', 'нести вздор', 'реветь' — *bleřbia, bleřbė*;

brũgzti 'гудеть', 'жужжать' — *brũzgia, brũzgė*;

buřbti 'жужжать' — *buřbia, buřbė*;

buřgzti 'жужжать', 'гудеть' — *buřzgia, buřzgė*;

cỹpti 'пищать', 'визжать' — *cỹpia, cỹpė*;

čeřkšti 'стрекотать' — *čeřškia, čeřškė*;

čiaũkšti 'чавкать', 'болтать', 'пустословить' — *čiaũškia, čiaũškė*;

čỹpti 'пищать', 'визжать' — *čỹpia, čỹpė*;

čiřkšti 'щебетать', 'чирикать'; 'шипеть (на сковородке)', 'хлестать (о воде)' — *čiřškia, čiřškė*;

čiřpti 'верещать' — *čiřpia, čiřpė*;

dũgzti 'жужжать', 'гудеть' — *dũzgia, dũzgė*;

gařgti 'хрипеть', 'сипеть' — *gařgia, gařgė*;

gaũsti 'гудеть' — *gaũdžia, gaũdė*;

geřgžti 'хрипеть', 'сипеть' — *geřgždžia, geřgždė*;

griáusti 'греметь' — *griáudžia, griáudė*;

iñgzti 'скулить', 'визжать' — *iñzgia, inzgė*;

iñkšti 'скулить', 'визжать' — *iñkščia, iñkštė*;

kařkti 'клохтать' — *kařkia, kařkė*;

kaũkti 'выть', 'гудеть' — *kaũkia, kaũkė*;

kiřkti 'кричать высоким голосом' — *kiřkia, kiřkė*;

kliẽgti 'визжать', 'кричать' — *kliẽgia, kliẽgė*;

klỹkti 'кричать' — *klỹkia, klỹkė*;

knařkti 'храпеть' — *knařkia, knařkė*;

kniaũkti 'мяукать' — *kniaũkia, kniaũkė*;

kniřkti 'хныкать', 'пищать' — *kniřkia, kniřkė*;

kraňkšti 'харкать' — *kraňkščia, kraňkštė*;

kraňkti 'каркать' — *kraňkia, kraňkė*;

krỹkšti 'весело кричать' — *krỹkščia, krỹkštė*;

krỹkti 'крякать' — *krỹkia, krỹkė*;

kriõkti 'хрипеть', 'храпеть', 'реветь', 'мычать' — *kriõkia, kriõkė*;

kriũkti 'хрюкать' — *kriũkia, kriũkė*;

kuřkti 'квакать' — *kuřkia, kuřkė*;

kvařkti 'квакать', 'крякать' — *kvařkia, kvařkė*;

kvỹkti 'визжать (о свиньях)' — *kvỹkia, kvỹkė*;

miaũkti 'мяукать' — *miaũkia, miaũkė*;

mỹkti 'мычать' — *mỹkia, mỹkė*;

mũkti 'мычать' — *mũkia, mũkė*;

muřkti 'мурлыкать' — *muřkia, muřkė*;

niaũgzti 'мяукать' — *niaũzgia, niaũzgė*;

niuřgzti 'ворчать', 'брюзжать' — *niuřzgia, niuřzgė*;

õšti 'шуметь', 'гудеть (о лесе, море)' — *õšia, õšė*;

piẽpti 'пищать' — *piẽpia, piẽpė*;

pỹpti 'пищать' — *pỹpia, pỹpė*;

piřpti 'жужжать', 'гудеть' — *piřpia, piřpė*;

pleřkšti 'трещать' — *pleřškia, pleřškė*;

pleřpti 'трещать', 'гудеть', 'звучно хлебать' — *pleřpia, pleřpė*;

pliaũkšti 'болтать глупости', 'сквернословить' — *pliaũškia, pliaũškė*;

pliuřpti 'звучно хлебать', 'болтать' — *pliuřpia, pliuřpti*;

pruñkšti 'фыркать' — *pruñkščia, pruñkštė*;

pũkšti 'пыхтеть', 'тяжело дышать' — *pũškia, pũškė*;

rẽkti 'кричать' — *rẽkia, rẽkė*;

speñgti 'звенеть', 'шуметь (в ушах)' — *speñgia, speñgė*;

stáugti 'выть' — *stáugia, stáugė*;

suõkti 'петь', 'щелкать (о птицах)' — *suõkia, suõkė*;

suõpti 'кричать', 'бредить' — *suõpia, suõpė*;

sviřpti 'стрекотать' — *sviřpia, sviřpė*;

šaũkti 'кричать', 'звать' (в последнем значении глагол переходный) — *šaũkia, šaũkė*;

šnařpšti 'сопеть', 'храпеть' — *šnařpščia, šnařpštė*;

šneřkšti 'сопеть' — *šneřkščia, šneřkštė*;

šniõkšti 'шуметь (о ветре, воде)', 'пыхтеть' — *šniõkščia, šniõkštė*;

šnỹpšti 'шипеть', 'сморкать' (в последнем значении переходный) — *šnỹpščia, šnỹpštė*;

švañkšti 'тяжело дышать', 'сопеть', 'пыхтеть' — *švañkščia, švañkštė*;

švařkšti 'сипеть', 'сипло говорить' — *švařkščia, švařkštė*;

šviĩpti 'свистеть' — *šviĩpia, šviĩpė*;

švõkšti 'шуметь', 'хрипеть', 'сопеть' — *švõkščia, švõkštė*;

taũkšti 'болтать', 'пустозвонить' — *taũškia, taũškė*;

teřkšti 'трещать', 'греметь' — *teřškia, teřškė*;

tuřkšti 'плескаться (об утках)' — *tuřškia, tuřškė*;

tuřkti 'плескаться (об утках)' — *tuřkia, tuřkė*;

ũkti 'гудеть', 'звучать', 'кричать' — *ũkia, ũkė*;

uñkšti 'визжать', 'скулить' — *uñkščia, uñkštė*;

uřgzti 'урчать', 'ворчать' — *uřzgia, uřzgė*;

ũžti 'шуметь (о лесе)', 'браниться'; 'гулять', 'кутить' — *ũžia, ũžė*;

veřkti 'плакать' — *veřkia, veřkė*;

zaũkti 'всхлипывать' — *zaũkia, zaũkė*;

zirzti 'жужжать', 'брюзжать' — *zirzia, zirzė*;

zỹzti 'жужжать', 'брюзжать' — *zỹzia, zỹzė*;

zveñbti 'жужжать' — *zveñbia, zveñbė*;

zviñbti 'жужжать' — *zviñbia, zviñbė*;

žliuñbti 'хныкать' — *žliuñbia, žliuñbė*;

žvéngti 'ржать', 'хохотать' — *žvéngia, žvéngė*;

žviẽgti 'визжать' — *žviẽgia, žviẽgė*.

2.1.2.2. Глаголы движения. В эту группу входят по преимуществу глаголы, обозначающие либо интенсивное быстрое движение ('нестись', 'лететь'), либо движение, тем или иным образом охарактеризованное ('бодро идти', 'тащиться'), т. е., в терминологии работы Levin, Rappoport Hovav 1990, глаголы способа движения (*manner of motion verbs*), во многих языках ведущие себя подобно переходным.

čiaũžti 'скользить' — *čiaũžia, čiaũžė*;

čiuõžti 'скользить', 'бегать на коньках' — *čiuõžia, čiuõžė*;

déngti 'быстро бежать', 'нестись' — *déngia, déngė*;

kópti 'подниматься', 'лезть', 'вынимать (мед у пчел)' (в последнем значении переходный) — *kópia, kópė*;

kuĩsti 'быстро бежать', 'мчаться' — *kuĩčia, kuĩtė*;

lẽkti 'лететь', 'бежать', 'мчаться', 'падать' — *lẽkia, lẽkė*;

plaũkti 'плыть' — *plaũkia, plaũkė*;

pluñpti 'тащиться' — *pluñpia, pluñpė*;

plúošti 'шагать', 'бодро идти' — *plúošia, plúošė*;

sklę̃sti 'парить', 'лететь', 'скользить'; 'закрывать (двери)' (в последнем употреблении переходный) — *skleñdžia, skleñdė*;

sliuõgti 'ползти', 'лезть' — *sliuõgia, sliuõgė*;

šliaũžti 'ползти', 'скользить' — *šliaũžia, šliaũžė*;

žeñgti 'шагать', 'ступать', 'продвигаться' — *žeñgia, žeñgė*.

2.1.2.3. Глаголы, обозначающие движение жидкости или природные явления. Характерно, что многие глаголы данной группы обозначают особо интенсивные процессы ('хлестать', 'бить ключом').

bliaũkti 'течь', 'струиться' — *bliaũkia, bliaũkė*;

čiuřkšti 'бить ключом', 'хлестать' — *čiuřškia, čiuřškė*;

dreñgti 'идти (о дожде со снегом)' — *dreñgia, dreñgė*;

druõkti 'моросить' — *druõkia, druõkė*;

dùmti 'дуть', 'мчаться' — *dùmia, dũmė*;

dveĩkti 'дуть', 'веять' — *dveĩkia, dveĩkė*;

kliaũkti 'литься', 'хлестать (о воде)'; 'жадно пить', 'хлебать' (в двух последних значениях переходный) — *kliaũkia, kliaũkė*;

kliõkti 'хлестать'; 'выливать' (в последнем значении переходный) — *kliõkia, kliõkė*;

žliaũgti 'литься струей' — *žliaũgia, žliaũgė*.

Видимо, сюда же можно отнести и следующие глаголы:

pliẽksti 'ярко светить' — *pliẽskia, pliẽskė*;

pliẽkti 'полыхать', 'пылать' — *pliẽkia, pliẽkė*;

siaũbti 'бушевать'; 'опустошать' (в последнем значении переходный) — *siaũbia, siaũbė*.

2.1.2.4. Глаголы, обозначающие отрицательное физическое или эмоциональное состояние.

gélti 'болеть'; 'жалить (об осах)' (в последнем значении переходный) — *gẽlia, gélė*;

giẽžti 'першить', 'щекотать (в горле)' — *giẽžia, giẽžė*;

maũsti 'ныть (о боли)' — *maũdžia, maũdė*;

smélkti 'колоть (о боли)' — *smélkia, smélkė*;

tvõksti 'болеть', 'зудеть'; 'лить', 'наливать' (в последних значениях переходный) — *tvõskia, tvõskė*;

vémti 'тошнить', 'рвать' — *vẽmia, vémė*.

2.1.2.5. Глаголы, обозначающие деятельность человека. Некоторые глаголы этого класса могут сочетаться также и с субъектами-машинами.

brũzti 'трудиться', 'хлопотать' — *brũzdžia, brũzdė*;

bùrti 'гадать', 'колдовать' — *bùria, bũrė*;

knỹpti 'возиться', 'кропотливо работать' — *knỹpia, knỹpė*;

lõšti 'играть (в карты или в лотерею)' — *lõšia, lõšė*;

veĩkti 'делать', 'функционировать', 'работать' — *veĩkia, veĩkė*;

žaĩsti 'играть' — *žaĩdžia, žaĩdė*.

2.1.2.6. Глаголы, обозначающие изменение состояния или положения в пространстве.

beřgžti 'зреть'; 'тратить' (в последнем значении переходный) — *beřgždžia, beřgždė*;

dvẽsti 'околевать' — *dvẽsia, dvẽsė*;

klaũpti 'становиться на колени' — *klaũpia, klaũpė*;

tũpti 'садиться (о птицах)', 'приседать (о людях)', 'спускаться (о самолете)' — *tũpia, tũpė*.

2.1.2.7. Прочие непереходные глаголы.

dvõkti 'вонять' — *dvõkia, dvõkė*;

pláukti 'колоситься' — *pláukia, pláukė*;

reĩkti 'быть нужным', 'требоваться' — *reĩkia, reĩkė*;

snáusti 'дремать' — *snáudžia, snáudė*;

spiẽsti 'роиться (о пчелах)'; 'сосредоточивать' (в последнем значении переходный) — *spiẽčia, spiẽtė*;

šviẽsti 'светить'; 'просвещать' (в последнем значении переходный) — *šviẽčia, šviẽtė*;

žélti 'расти' — *žẽlia, žélė*.

2.1.3. Анализ приведенного материала. Глаголы данного словоизменительного типа распадаются на два больших семантико-синтаксических класса: переходные и непереходные. Ниже я попытаюсь показать, что значительная часть непереходных глаголов, входящих в рассматриваемый тип, обладают рядом свойств, характерных для переходных глаголов (отмечу, что вопрос о наличии в литовском языке противопоставления так называемых «неаккузативных» и «неэргативных» глаголов (Perlmutter 1978; Levin, Rappaport Hovav 1995; Сибатани 1999), которое отчасти коррелирует с делением непереходных предикатов, соответственно, на пациентивные и агентивные, в данной работе не ставится и требует отдельного исследования; ср. Timberlake 1982).

Некоторые из приведенных выше глаголов обладают такими особенностями синтаксического поведения, которые свойственны также и «каноническим» переходным глаголам, в частности, способностью управлять прямым дополнением в аккузативе (примеры взяты из словаря DLKŽ 2000):

(i) глаголы звука:

blerbti niekus 'болтать чепуху'

paršai čiauškia grūdus 'поросята, чавкая, поедают зерна'

kurkia nei šį, nei tą 'бормочет ни то, ни се'

kažką niurzgia panosėj 'он что-то ворчит себе под нос'

(ii) некоторые глаголы отрицательного физического или эмоционального состояния обычно выступают в безличной конструкции с дополнением в аккузативе:

dantį maudžia 'ноет зуб'

gerklę giežia 'першит в горле'

Глаголы данной группы допускают и непереходное употребление:

galvą (Acc.) // *galva* (Nom.) *gelia* 'голова болит'

Кроме того, значительная часть рассматриваемых глаголов обозначает «активные» процессы, контролируемые Субъектом (глаголы движения, деятельности, многие глаголы звука), либо интенсивные явления природы, что также приближает их к переходным глаголам.

Таким образом, можно выделить семантическую доминанту данного парадигматического класса — агентивность; глаголы, входящие в тип (4), либо переходны, либо обозначают потенциально переходные ситуации (например, глаголы звука, описывающие создание некоторого объекта, хотя и нематериального, но доступного органам чувств; сюда же можно отнести и прочие глаголы с субъектом-«эмитентом», такие как *dvõkti* 'вонять' и *šviẽsti* 'светить'; такие глаголы регулярно ведут себя подобно переходным во многих языках, ср. Lazard 1985; Levin, Rappaport Hovav 1995, 138–142), либо обозначают агентивные ситуации, либо ведут себя как синтаксические переходные глаголы (многие глаголы отрицательного физического состояния оформляют Пациенс как прямое дополнение, а не как подлежащее).

Несмотря на сказанное, среди приведенного материала есть незначительное количество типичных непереходных глаголов, единственный актант которых — Пациенс, выступающий в синтаксической роли подлежащего: *dvẽsti* 'дохнуть', 'издыхать', 'околевать', *pláukti* 'колоситься', *snáusti* 'дремать'.

Следует также отметить, что непереходные глаголы данного типа обладают некоторыми общими формальными особенностями: все они имеют в корне либо долгий гласный, либо дифтонг, либо сочетание гласный + сонант (такая морфонологическая структура характерна и для переходных глаголов), и кроме того, за редкими исключениями, циркумфлексную интонацию на корне (т. е. подвижное ударение в настоящем и прошедшем времени). Этот морфонологический признак, однако, не является для них характеризующим, поскольку он встречается и в других парадигматических классах.

2.2. Глаголы с назальным инфиксом и с суффиксом *-st-*. Данный тип весьма многочислен и делится на несколько семантических классов, включающих почти исключительно непереходные глаголы.

2.2.1. Пациентивные непереходные глаголы, обозначающие неконтролируемые состояния и процессы.

àkti 'слепнуть', 'зарастать (об озере, пруде)' — *añka*, *ãko*;

álkti 'голодать' — *álksta*, *álko*;

aĩpti 'лишаться чувств' — *aĩpsta*, *aĩpo*;

áušti 'остывать', 'охлаждаться' — *áušta*, *áušo*;

aũšti 'светать' — *aũšta*, *aũšo*;

bálti 'белеть', 'бледнеть' — *bą̃la*, *bãlo*;

bañbti 'вздуваться', 'разбухать', 'околевать' — *bañbsta*, *bañbo*;

biñgti 'укореняться', 'застаревать (о болезни)', 'шуметь' — *biñgsta*, *biñgo*;

bìrti 'сыпаться' — *bỹra*, *bìro*;

bjùrti 'портиться' — *bjũra*, *bjùro*;

blañkti 'бледнеть', 'гаснуть' — *blañksta*, *blañko*;

blė́sti 'гаснуть', 'потухать', 'догорать' — *blė́sta*, *blė́so*;

blỹkšti 'бледнеть' — *blỹkšta*, *blỹško*;

blįsti 'смеркаться', 'истрепываться' — *blįsta*, *bliñdo*;

bliū́kšti 'сплющиваться' — *bliū́kšta*, *bliū́ško*;

blõgti 'худеть', 'ухудшаться' — *blõgsta*, *blõgo*;

blùkti 'выцветать', 'линять' — *bluñka*, *blùko*;

brángti 'дорожать' — *brángsta*, *brángo*;

brė́kšti 'рассветать', 'смеркаться' — *brė́kšta*, *brė́ško*;

brę́sti 'зреть', 'спеть', 'назревать (о событиях)' — *brę́sta*, *brė́ndo*;

brę̃sti 'гнить (о дереве)' — *brę̃sta*, *breñto*;

brìgzti 'трепаться', — *brỹzga*, *brìzgo*;

brìnkti 'набухать', 'засыхать' — *brìnksta*, *brìnko*;

bùkti 'затупляться' — *buñka*, *bùko*;

bùsti 'пробуждаться', 'просыпаться' — *buñda*, *bùdo*;

čiùrti 'пачкаться' — *čiũra*, *čiùro*;

dýgti 'произрастать', 'всходить' — *dýgsta*, *dýgo*;

dỹkti 'избаловываться' — *dỹksta*, *dỹko*;

dìlti 'истираться', 'медлить' — *dỹla*, *dìlo*;

diñgti 'исчезать' — *diñgsta*, *diñgo*;

diržti 'твердеть', 'черстветь' — *diržta*, *diržo*;

drė́kti 'сыреть', 'увлажняться' — *drė́ksta*, *drė́ko*;

drìbti 'падать', 'разваливаться', 'размякать' — *driñba*, *drìbo*;

drìksti 'рваться' — *drỹksta*, *drìsko*;

druñgti 'теплеть' — *druñgsta*, *druñgo*;

dùbti 'вваливаться', 'оседать' — *duñba*, *dùbo*;

dũkti 'беситься' — *dũksta*, *dũko*;

dùlkti ‘пылиться’ — *dùlksta, dùlko*;
dùlti ‘тлеть’, ‘трухляветь’ — *dũla, dùlo*;
dùsti ‘задыхаться’ — *dũsta, dùso*;
dùžti ‘разбиваться’ — *dũžta, dùžo*;
dvìsti ‘протухать’ — *dvỹsta, dvìso*;
geĩbti ‘чахнуть’, ‘хиреть’ — *geĩbsta, geĩbo*;
gelĩsti ‘желтеть’ — *gelĩsta, gelĩto*;
gèsti 1 ‘портиться’ — *geñda, gẽdo*;
gèsti 2 ‘гаснуть’, ‘тухнуть’, — *gę̃sta, gẽso*;
gilbti ‘выздоравливать’ — *gilbsta, gilbo*;
gìmti ‘рождаться’ — *gìmsta, gìmė*;
gižti ‘киснуть’, ‘прокисать’ — *gỹžta, gižo*;
glèbti ‘дрябнуть’, ‘вянуть’ — *gleñba, glẽbo*;
glérti ‘расшатываться’ — *glę̃ra, glẽro*;
glèžti ‘вянуть’ — *glę̃žta, glẽžo*;
glìsti ‘покрываться слизью’, ‘становиться липким’ — *gliñta, glìto*;
grùbti ‘коченеть’, ‘грубеть’ — *gruñba, grùbo*;
grùzti ‘тлеть’, ‘подгорать’ — *grũzda, grùzdo*;
gùbti ‘гнуться’ — *guñba, gùbo*;
gursti ‘хиреть’, ‘медлить’ — *gursta, gurdo*;
gùrti ‘крошиться’ — *gũra, gùro*;
gùsti ‘привыкать’ — *guñda, gùdo*;
gvaĩbti ‘падать в обморок’ — *gvaĩbsta, gvaĩbo*;
gvérti ‘расшатываться’ — *gvę̃ra, gvẽro*;
ìžti ‘трескаться’ — *ỹžta, ìžo*;
juõsti ‘чернеть’ — *juõsta, juõdo*;
kaĩsti ‘нагреваться’, ‘потеть’, ‘краснеть’, ‘тлеть’ — *kaĩsta, kaĩto*;
karsti ‘горкнуть’ — *karsta, karto*;
kárští ‘дряхлеть’ — *kárští, kárštо*;
kaũšti ‘пьянеть’, ‘хмелеть’ — *kaũšta, kaũšo*;
keĩpti ‘чахнуть’, ‘хиреть’ — *keĩpsta, keĩpo*;
kérti ‘отделяться (о коре)’ — *kę̃ra, kẽro*;
kìmti ‘хрипнуть’ — *kìmsta, kìmo*;
kiùrti ‘продырявливаться’ — *kiũra, kiùro*;

kiùžti ‘разбиваться’, ‘трескаться (о яйцах)’ — *kiũžta, kiùžo*;
klaĩkti ‘шалеть’, ‘дуреть’ — *klaĩksta, klaĩko*;
klèbti ‘расшатываться’ — *kleñba, klèbo*;
klérti ‘расшатываться’ — *klę̃ra, klẽro*;
klìbti ‘шататься’, ‘расшатываться’ — *kliñba, klìbo*;
kliñpti ‘вязнуть’ — *kliñpsta, kliñpo*;
klỹpti ‘искривляться’, ‘стаптываться’ — *klỹpsta, klỹpo*;
klìrti ‘расшатываться’ — *klỹra, klìro*;
klýsti ‘ошибаться’ — *klýsta, klýdo*;
klìšti ‘становиться кривоногим’, ‘искривляться (о ногах)’ — *klỹšta, klìšo*;
klùpti ‘спотыкаться’, ‘запинаться’ — *kluñpa, klùpo*;
kniùbti ‘падать на колени’, ‘склоняться’ — *kniuñba, kniùbo*;
knùpti ‘спотыкаться’ — *knuñpa, knùpo*;
krìkti ‘рассеиваться’, ‘рассыпаться’ — *kriñka, krìko*;
kriõšti ‘дряхлеть’ — *kriõšta, kriõšo*;
krỹpti ‘клониться’, ‘поворачиваться’ — *krỹpsta, krỹpo*;
krìsti ‘падать’, ‘дохнуть’ — *kriñta, krìto*;
kuñpti ‘кривиться’, ‘изгибаться’ — *kuñpsta, kuñpo*;
kuřsti ‘глохнуть’ — *kuřsta, kuřto*;
kvaĩsti ‘дуреть’, ‘кружиться (о голове)’ — *kvaĩsta, kvaĩto*;
kvaĩšti ‘дуреть’, ‘глупеть’, ‘кружиться (о голове)’ — *kvaĩšta, kvaĩšo*;
leĩpti ‘млеть’ — *leĩpsta, leĩpo*;
lèpti ‘изнеживаться’ — *leñpa, lẽpo*;
lẽpti ‘вянуть’, ‘отвисать’ — *lẽpsta, lẽpo*;
lýgti ‘выравниваться’ — *lýgsta, lýgo*;
lìmti ‘ломаться’ — *lìmsta, lìmo*;
liñkti ‘гнуться’ — *liñksta, liñko*;
lìpti ‘липнуть’ — *liñpa, lìpo*;
lýsti ‘тощать’ — *lýsta, lýso*;
liũsti ‘опечаливаться’ — *liũsta, liũdo*;
lũžti ‘ломаться’ — *lũžta, lũžo*;
mařgti ‘пестреть’ — *mařgsta, mařgo*;
màžti ‘уменьшаться’ — *mą̃žta, mãžo*;
mẽlti ‘синеть’ — *mẽlsta, mẽlo*;

meñkti ‘слабеть’ — *meñksta, meñko*;

mìgti ‘засыпать’ — *miñga, mìgo*;

miřkti ‘мокнуть’ — *miřksta, miřko*;

mìšti ‘смешиваться’, ‘сходить с ума’ — *mỹšta, mìšo*;

mùkti ‘вылезать (о волосах)’, ‘слезать (о коже)’, ‘вязнуть’, ‘бежать’ — *muñka, mùko*;

nìgzti ‘вывихиваться’ — *nỹzga, nìzgo*;

nỹkti ‘исчезать’, ‘чахнуть’ — *nỹksta, nỹko*;

niřsti ‘ожесточаться’, ‘приходить в ярость’ — *niřsta, nìro*;

niršti ‘ожесточаться’, ‘приходить в ярость’ — *niršta, niršo*;

niùkti ‘хмуриться’, ‘становиться пасмурным’ — *niuñka, niùko*;

niùrti ‘хмуриться’, ‘мрачнеть (о настроении)’ — *niũra, niùro*;

nókti ‘созревать’, ‘зреть’ — *nóksta, nóko*;

paĩkti ‘глупеть’ — *paĩksta, paĩko*;

pam̃pti ‘разбухать’; ‘пучить’ (в последнем употреблении переходный) — *pam̃psta, pam̃po*;

pìgti ‘дешеветь’ — *piñga, pìgo*;

plėkti ‘плесневеть’ — *plėksta, plėko*;

plérti ‘расшатываться’ — *plérsta, plẽro*;

plìkti ‘лысеть’, ‘обнажаться’ — *pliñka, plìko*;

plìsti ‘распространяться (о запахе, новостях и т. п.)’ — *pliñta, plìto*;

plýšti ‘трескаться’, ‘лопаться’, ‘рваться’ — *plýšta, plýšo*;

pliùkšti ‘опадать (о нарыве)’, ‘спадать’ — *pliũška, pliùško*;

pliùpti ‘литься струей’ — *pliumpa, pliùpo*;

plũsti ‘литься’, ‘разливаться’, ‘валить (о толпе)’; ‘ругать’ — *plũsta, plũdo*;

pràsti ‘привыкать’ — *prañta, prãto*;

pùsti ‘вздуваться’, ‘пухнуть’ — *puñta, pùto*;

raĩbti ‘пестреть’, ‘рябить’ — *raĩbsta, raĩbo*;

ráišti ‘хрометь’ — *ráišta, ráišo*;

ràkti ‘закупориваться’ — *rañka, rãko*;

raũsti ‘краснеть’ — *raũsta, raũdo*;

rìgzti ‘путаться’, ‘переплетаться’, ‘приставать’ — *rỹzga, rìzgo*;

rýkšti ‘трепаться (об одежде)’, ‘проявляться’ — *rýkšta, rýško*;

rìkti ‘ошибаться’ — *riñka, rìko*;

rìmti ‘утихать’, ‘переставать’, ‘успокаиваться’ — *rìmsta, rìmo*;

rũgti ‘киснуть’, ‘бродить (о напитках)’ — *rũgsta, rũgo*;

rũkti ‘дымиться’, ‘коптеть’, ‘мчаться’ — *rũksta, rũko*;

rùsti ‘буреть’ — *ruñda, rùdo*;

sálti ‘делаться сладким’ — *są̃la* // *sálsta, sãlo*;

saũsti ‘высыхать’ — *saũsta, saũso*;

sèkti ‘убывать’, ‘иссякать’, ‘истощаться’ — *señka, sẽko*;

sénti ‘стареть’ — *sénsta, sẽno*;

silpti ‘слабеть’ — *silpsta, silpo*;

siřpti ‘спеть’, ‘созревать (о ягодах)’ — *siřpsta, siřpo*;

siùsti ‘бесноваться’ — *siuñta, siùto*;

skárti ‘обтрепываться’, ‘трепаться’ — *ską̃ra, skãro*;

skę̃sti ‘тонуть’ — *skę̃sta, skeñdo*;

skìlti ‘раскалываться’, ‘трескаться’ — *skỹla, skìlo*;

skiřsti ‘трескаться’, ‘лопаться’ — *skiřsta, skiřdo*;

sklìsti ‘распространяться’ — *skliñda, sklìdo*;

sklýsti ‘растекаться’ — *sklýsta, sklýdo*;

skóbti ‘киснуть’ — *skóbsta, skóbo*;

skrèsti ‘покрываться грязью’ — *skreñta, skrèto*;

skrùsti ‘подгорать’, ‘подрумяниваться’ — *skruñda, skrùdo*;

skuřsti ‘нуждаться’, ‘бедствовать’ — *skuřsta, skuřdo*;

skùrti ‘обдираться’, ‘обтрепываться’ — *skũra, skùro*;

slýsti ‘скользить’ — *slýsta, slýdo*;

slópti ‘задыхаться’, ‘затухать’ — *slópsta, slópo*;

slũgti ‘падать’, ‘понижаться (о воде)’ — *slũgsta, slũgo*;

smègti ‘проваливаться’, ‘оседать’ — *smeñga, smẽgo*;

smìgti ‘вонзаться’ — *smiñgo, smìgo*;

smilkti ‘тлеть’, ‘дымиться’ — *smilksta, smilko*;

smùkti ‘сползать’, ‘оседать’, ‘падать’, ‘разоряться’, ‘понижаться’, ‘вылезать (о волосах)’ — *smuñka, smùko*;

smùlkti ‘мельчать’ — *smùlksta, smùlko*;

snìgti ‘идти (о снеге)’ — *sniñga, snìgo*;

snũsti ‘задремать’ — *snũsta, snũdo*;

spañgti ‘слепнуть’ — *spañgsta, spañgo*;

spįsti ‘сиять’, ‘светиться’ — *spįsta, spìndo*;

spriñgti ‘давиться’, ‘захлебываться’ — *spriñgsta*, *spriñgo*;

sprógti ‘взрываться’, ‘лопаться’, ‘распускаться (о почках, листьях)’, ‘издыхать (о животных)’; ‘жрать’ (в последнем употреблении переходный) — *sprógsta*, *sprógo*;

sprū́sti ‘выскальзывать’ — *sprū́sta*, *sprū́do*;

spùrti ‘обтрепываться’ — *spū̃ra*, *spùro*;

staĩbti ‘выдыхаться (о пиве)’ — *staĩbsta*, *staĩbo*;

stẽrti ‘цепенеть’ — *stẽrsta*, *stẽro*;

stìgti ‘недоставать’, ‘нуждаться’ — *stiñga*, *stìgo*;

stìngti ‘стынуть’, ‘коченеть’ — *stìngsta*, *stìngo*;

stìpti ‘околевать’, ‘коченеть’ — *stiñpa*, *stìpo*;

stìrti ‘коченеть’, ‘мерзнуть’ — *stỹra*, *stìro*;

strìgti ‘застревать (в горле)’ — *striñga*, *strìgo*;

stulĩbti ‘поражаться’, ‘столбенеть’ — *stulĩbsta*, *stulĩbo*;

suñkti ‘тяжелеть’ — *suñksta*, *suñko*;

sùsti ‘паршиветь’, ‘сохнуть (о растениях)’, ‘нищать’ — *sū̃sta*, *sùso*;

svaĩgti ‘пьянеть’, ‘кружиться (о голове)’ — *svaĩgsta*, *svaĩgo*;

sveĩkti ‘выздоравливать’ — *sveĩksta*, *sveĩko*;

svìrti ‘наклоняться’ — *svỹra*, *svìro*;

šálti ‘мерзнуть’, ‘морозить (о погоде)’ — *šą̃la*, *šālo*;

šàšti ‘паршиветь’ — *šą̃šta*, *šāšo*;

šèpti ‘обрастать (волосами)’ — *šeñpa*, *šẽpo*;

šìlti ‘теплеть’, ‘нагреваться’ — *šỹla*, *šìlo*;

šìpti ‘притупляться’ — *šiñpa*, *šìpo*;

šiùrti ‘ерошиться’, ‘истрепываться’ — *šiū̃ra*, *šiùro*;

šlàpti ‘мокнуть’ — *šlañpa*, *šlàpo*;

šùsti ‘преть’ — *šuñta*, *šùto*;

švìnkti ‘протухать’ — *švìnksta*, *švìnko*;

švìsti ‘светать’ — *šviñta*, *švìto*;

tèkti ‘доставаться’, ‘падать’ — *teñka*, *tẽko*;

témti ‘темнеть’, ‘вечереть’ — *témsta*, *tẽmo*;

tìkšti ‘брызгать’ — *tỹška*, *tìško*;

tìkti ‘годиться’, ‘нравиться’, ‘соглашаться’ (требует дополнения в дательном падеже) — *tiñka*, *tìko*;

tỹkti ‘утихать’, ‘умолкать’ — *tỹksta*, *tỹko*;

tìlkti ‘утихать’ — *tìlksta*, *tìlko*;

tilĩpti ‘помещаться’ — *tilĩpsta*, *tilĩpo*;

tìlti ‘замолкать’, ‘стихать’ — *tỹla*, *tìlo*;

tilĩžti ‘мокнуть’, ‘размякать’ — *tilĩžta*, *tilĩžo*;

tìnti ‘пухнуть’ — *tìnsta*, *tìno*;

tirpti ‘таять’, ‘растворяться’, ‘плавиться’, ‘неметь (о конечностях)’ — *tirpsta*, *tirpo*;

tįsti ‘тянуться’, ‘удлиняться’ — *tįsta*, *tįso*;

tìžti ‘размякать’, ‘становиться вялым’, ‘расплываться’ — *tỹžta*, *tìžo*;

tõlti ‘удаляться’ — *tõlsta*, *tõlo*;

trèšti ‘гнить’, ‘преть’ — *trę̃šta*, *trẽšo*;

trýkšti ‘хлестать (о жидкости)’, ‘брызгать’ — *trýkšta*, *trýško*;

trìkti ‘нарушаться’, ‘смешиваться’ — *triñka*, *trìko*;

trókšti ‘хотеть пить’, ‘задыхаться’, ‘жаждать’ — *trókšta*, *tróško*;

trùkti ‘продолжаться’, ‘длиться’ — *truñka*, *trùko*;

trū́kti ‘недоставать’, ‘лопаться’, ‘рваться’ — *trū́ksta*, *trū́ko*;

tùkti ‘жиреть’ — *tuñka*, *tùko*;

tulžti ‘мокнуть’ — *tulžta*, *tulžo*;

tvìlkti ‘обвариваться’, ‘преть’ — *tvìlksta*, *tvìlko*;

tviñkti ‘нарывать’, ‘набухать’ — *tviñksta*, *tviñko*;

tvìnti ‘выходить из берегов’, ‘прибывать (о воде)’ — *tvìnsta*, *tvìno*;

tvìrkti ‘развращаться’, ‘избаловываться’ — *tvìrksta*, *tvìrko*;

vaĩgti ‘бедствовать’, ‘мучиться’ — *vaĩgsta*, *vaĩgo*;

vẽpti ‘выпячиваться (о губах)’ — *vẽpsta*, *vẽpo*;

vésti ‘остывать’, ‘охлаждаться’ — *vésta*, *véso*;

virsti ‘опрокидываться’, ‘валить (о дыме, толпе и т. п.)’, ‘превращаться’ — *virsta*, *virto*;

výsti ‘вянуть’ — *výsta*, *výto*;

žabálti ‘слепнуть’ — *žabą̃la*, *žabālo*;

žilĩpti ‘темнеть в глазах’, ‘рябить’ — *žilĩpsta*, *žilĩpo*;

žìlti ‘седеть’ — *žỹla*, *žìlo*;

žlìbti ‘слепнуть’ — *žliñba*, *žlìbo*;

žliùgti ‘мокнуть’ — *žliuñga*, *žliùgo*;

žlùgti 'проваливаться', 'гибнуть' — *žluñga, žlùgo*;

žvařbti 'мерзнуть' — *žvařbsta, žvařbo*;

žvìlti 'клониться' — *žvỹla, žvìlo*.

Сюда же, видимо, относится и глагол

miřti 'умирать' — *mìršta, mìrė*.

2.2.2. Непереходные глаголы, обозначающие состояния и процессы, нейтральные по отношению к признаку контролируемости.

gaĩšti 'медлить', 'околевать' — *gaĩšta, gaĩšo*;

grùsti 'растрогаться', 'сокрушаться' — *gruñda, grùdo*;

kìlti 'подниматься', 'вставать', 'возникать', 'происходить', 'продвигаться' — *kỹla, kìlo*;

kìsti 'меняться' — *kiñta, kìto*;

pỹkti 'сердиться', 'злиться' — *pỹksta, pỹko*;

prùsti 'просвещаться', 'развиваться' — *prũsta, prùto*;

šẽlti 'беситься', 'бушевать', 'буйствовать' — *šẽlsta, šẽlo*;

sušùkti 'вскрикнуть' — *sušuñka, sušùko*;

šiřsti 'досадовать', 'негодовать', 'злиться' — *šiřsta, šiřdo*;

štìkti 'успевать' — *štiñka, štìko*;

tàpti 'сделаться', 'стать', 'становиться' — *tam̃pa, tãpo*;

tràkti 'беситься' — *traňka, trãko*;

tū́žti 'злиться', 'свирепствовать' — *tū́žta, tū́žo*.

Сюда же, видимо, примыкают и глаголы

kìbti 'цепляться', 'клевать (о рыбе)', 'прилипать (о болезни)', 'придираться' — *kim̃ba, kìbo*;

vìsti 'размножаться', 'разводиться (о насекомых)' — *vỹsta, vìso*.

2.2.3. Агентивные непереходные глаголы, обозначающие контролируемые действия.

brìsti 'брести' — *breñda, brìdo*;

kàkti 'отправляться' — *kaňka, kãko*;

mìsti 'питаться' — *miñta, mìto*;

plùšti 'трудиться', 'суетиться' — *plũšta, plùšo*;

skrìsti 'лететь' — *skreñda, skrìdo*;

sprùkti 'удрать', 'сбежать' — *spruňka, sprùko*;

vỹkti 'направляться', 'следовать', 'удаваться', 'происходить' — *vỹksta, vỹko*.

2.2.4. Переходные глаголы.

čiùpti 'хватать' — *čium̃pa, čiùpo*;

drįsti 'сметь', 'дерзать' (управляет инфинитивной конструкцией) — *drįsta, drįso*;

jùsti 'ощущать', 'чувствовать' — *juñta, jùto*;

mė́gti 'любить (делать что-либо)' — *mė́gsta, mė́go*;

nū́sti 'сильно желать', 'скучать' (управляет дополнением в генитиве) — *nū́sta, nū́do*;

pažìnti 'знать', 'быть знакомым', 'узнавать', 'познавать' — *pažįsta, pažìno*;

ràsti 'находить', 'обнаруживать' — *rañda, rãdo*;

žlùgti 'замачивать (белье)' — *žluňga, žlùgo*.

2.2.5. Анализ приведенного материала. Как видно, подавляющее большинство глаголов данного типа обозначают неконтролируемые ситуации с единственным участником — Пациенсом. Замечу, что некоторые переходные глаголы данного парадигматического класса также обозначают состояния, не контролируемые Субъектом (*jùsti* 'ощущать', *mė́gti* 'любить'), либо нейтральные по отношению к признаку контролируемости (например, *pažìnti* 'знать'). Другое важное свойство этого класса, проявляющееся у большой части входящих в него лексем, — предельность. Именно этот признак отличает многие глаголы с инфиксом или суффиксом *-st-* от, казалось бы, относящихся к тому же семантическому классу глаголов типа (4): *pliẽksti* 'ярко светить' (4) vs. *švìsti* 'светать' (n), *dė́ngti* 'быстро бежать', 'нестись' (4) vs. *sprùkti* 'удрать', 'сбежать' и т.п. Есть, разумеется, и исключения: *plùšti* 'трудиться', 'суетиться', *tràkti* 'беситься' и др. Таким образом, несмотря на немногочисленные исключения, можно выделить семантическую доминанту глаголов данного типа — неконтролируемое изменение состояния (семантическая пассивность).

2.3. Глаголы типа (1) без инфикса или суффикса *-st-* в основе настоящего времени. Глаголов данного типа относительно немного; среди них есть и переходные, и непереходные. Они образуют следующие семантические группы:

2.3.1. Глаголы движения и изменения положения в пространстве. В отличие от аналогичных лексем класса (4), глаголы этой небольшой группы могут обозначать как способ, так и направление движения, т. е. быть как предельными, так и непредельными.

bégti 'бежать' — *béga, bégo*;

lìpti 'лезть', 'взбираться' — *lìpa, lìpo*;

lįsti 'лезть', 'влезать' — *leñda, liñdo*;

sésti 'садиться' — *séda, sédo*;

sliñkti 'двигаться', 'ползти', 'течь (о времени)', 'выпадать (о волосах)' — *sleñka, sliñko*;

šókti 'прыгать', 'скакать', 'танцевать', 'бросаться (на что-то)' — *šóka, šóko*.

2.3.2. Прочие непереходные глаголы. Как легко заметить, приводящиеся ниже лексемы не образуют никакого семантического единства.

áugti 'расти' — *áuga, áugo*;

dìrbti 'работать', 'трудиться', 'заниматься'; 'делать', 'обрабатывать' (в последних употреблениях переходный) — *dìrba, dìrbo*;

lìkti 'оставаться', 'становиться' — *liẽka, lìko*;

siřgti 'болеть' — *seřga, siřgo*.

2.3.3. Глаголы каузации движения или изменения положения в пространстве.

brùkti 'засовывать', 'навязывать', 'трепать' — *brùka, brùko*;

grūsti 'пихать', 'толкать', 'толочь' — *grūda, grūdo*;

kiñšti 'запихивать', 'жрать' — *keñša, kiñšo*;

kìšti 'совать' — *kìša, kìšo*;

rìsti 'катить', 'катать' — *rìta, rìto*;

sùkti 'крутить', 'вертеть', 'вращать', 'вить', 'обманывать' — *sùka, sùko*;

sùpti 'качать', 'окружать', 'окутывать' — *sùpa, sùpo*;

viĩkti 'тащить', 'тянуть', 'одевать' — *veĩka, viĩko*.

2.3.4. Глаголы деформации.

galąsti 'точить' — *galánda, galándo*;

kąsti 'кусать', 'есть' — *kánda, kándo*;

kiřpti 'резать', 'стричь' — *keřpa, kiřpo*;

kiřsti 'рубить', 'жать (посевы)', 'жалить (о змеях)', 'ударять', 'клевать', 'пересекать (дорогу)' — *keřta, kiřto*;

knìsti 'рыть' — *knìsa, knìso*;

kriñsti 'грызть' — *kreñta, kriñto*;

lùpti 'сдирать (шкуру, кожуру и т. п.)', 'бить', 'колотить' — *lùpa, lùpo*;

mýgti 'жать', 'давить', 'нажимать' — *mýga, mýgo*;

skùsti 'брить', 'скрести'; 'мчаться' — *skùta, skùto*.

2.3.5. Прочие переходные глаголы.

piřkti 'покупать' — *peřka, piřko*;

piřšti 'сватать', 'предлагать', 'навязывать' — *peřša, piřšo*;

riñkti 'собирать', 'выбирать' — *reñka, riñko*;

rìšti 'вязать', 'привязывать', 'переплетать' — *rìša, rìšo*;

triñkti 'мыть (волосы)' — *treñka, triñko*.

2.3.6. Анализ приведенного материала. Относящиеся к рассматриваемому типу глаголы движения и изменения положения в пространстве характеризуются тем, что обозначаемая ими ситуация имеет в качестве основного участника Агенса, а не Пациенса, как подавляющее большинство глаголов с инфиксом или суффиксом *-st-*. Отмечу, что среди последних глаголов движения практически нет — исключение составляют глаголы:

skrìsti 'лететь' — *skreñda, skrìdo*;

slýsti 'скользить' — *slýsta, slýdo*

и некоторые другие (см. п. *2.2.3.*). Отмечу также, что глаголы движения, относящиеся к классу (1), хотя и являются по большей части глаголами способа движения, не обозначают, в отличие от многих аналогичных глаголов класса (4), движения повышенной интенсивности. Таким образом, можно сказать, что данные глаголы «недостаточно» пациентивны, чтобы иметь суффикс *-st-* или инфикс, но и «недостаточно» агентивны, чтобы получить формант *-j-* и полностью уподобиться переходным глаголам.

Что касается переходных глаголов данного типа, то глаголы со схожей семантикой имеются и в типе (4):

blõkšti 'бросать', 'швырять' — *blõškia, blõškė*;

daũbti 'выдалбливать' — *daũbia, daũbė*;

dróžti 'строгать' — *dróžia, dróžė*; и т. д.

Следует, однако, обратить внимание и на формальные особенности глаголов данного класса. Среди них много лексем с чередованием *i* → *e* в основе настоящего времени, причем как переходных, так и непереходных. Как уже было отмечено в разделе *1.4.4.*, данное чередо-

вание несовместимо с формантом *-j-* (за одним исключением). Таким образом, в данном случае морфонологические характеристики глаголов оказываются сильнее семантических — переходные глаголы с чередованием не могут получить формант *-j-*. Что же касается самого чередования *i* → *e*, то его наличие или отсутствие, по-видимому, не может быть предсказано (условие «перед сонантом» — необходимое, но не достаточное, так же, как и акцентное условие — циркумфлектированный корень, ср. *gilbti* 'выздоравливать' — *gilbsta, gilbo*, а не **gelba*).

Тем самым, наличие в типе (1) переходных глаголов не может быть мотивировано, по крайней мере, на данном уровне синхронного анализа.

2.4. Глаголы типа (2). Данный класс также делится на несколько групп.

2.4.1. Лабильные глаголы. Лабильными (точнее, «субъектно-лабильными») называются полисемичные глаголы, одно из значений которых непереходно и обозначает пациентивное состояние или процесс, например 'разбиться', 'гореть', а другое переходно и обозначает агентивное действие, каузирующее это состояние или процесс, например, 'разбить', 'жечь' (см. Haspelmath 1993).

dègti 'гореть'; 'жечь', 'зажигать' — *dẽga, dẽgė*;

kèpti 'печься', 'жариться'; 'печь', 'жарить' — *kẽpa, kẽpė*;

vìrti 'кипеть', 'вариться'; 'кипятить', 'варить' — *vérda, vìrė*.

К этой группе примыкает глагол

pùlti 'падать'; 'нападать', 'набрасываться', 'напускаться', 'наступать', 'вести наступление' (управляет дополнением в аккузативе) — *púola, púolė*.

2.4.2. Глаголы каузации перемещения.

giñti 'гнать' — *gẽna, gìnė*;

mèsti 'бросать', 'оставлять', 'покидать' — *mẽta, mẽtė*;

nẽšti 'нести' — *nẽša, nẽšė*;

pìlti 'лить', 'сыпать', 'бить' — *pìla, pýlė*;

vèsti 'вести', 'заведовать', 'жениться', 'приносить потомство', 'приносить плоды' — *vẽda, vẽdė*.

2.4.3. Прочие переходные глаголы.

bárti 'бранить', 'ругать' — *bãra, bãrė*;

bèsti 'втыкать', 'вонзать' — *bẽda, bẽdė*;

ėsti 'есть (о животных)', 'жрать', 'разъедать (о дыме, кислоте)' — *ėda, ėdė*;

gìnti 'защищать', 'запрещать' — *gìna, gýnė*;

imti 'брать', 'начинать' — *ìma, ẽmė*;

kálti 'ковать', 'чеканить', 'долбить' — *kãla, kãlė*;

kàsti 'копать', 'рыть' — *kãsa, kãsė*;

làkti 'лакать' — *lãka, lãkė*;

lèsti 'клевать' — *lẽsa, lẽsė*;

málti 'молоть' — *mãla, mãlė*;

mègzti 'завязывать', 'вязать' — *mẽzga, mẽzgė*;

miñti 'помнить', 'загадывать', 'отгадывать' — *mẽna, mìnė*;

mìnti 'топтать', 'мять' — *mìna, mýnė*;

pẽšti 'драть', 'дергать', 'выигрывать', 'добиваться' — *pẽša, pẽšė*;

pìnti 'плести', 'спутывать' — *pìna, pýnė*;

plàkti 'сечь', 'бичевать', 'взбалтывать', 'взбивать'; 'колотиться (о сердце)' — *plãka, plãkė*;

ràkti 'колоть', 'копать', 'рыть' — *rãka, rãkė*;

rėgzti 'плести', 'вязать', 'болтать' — *rẽzga, rẽzgė*;

sègti 'застегивать', 'прикалывать' — *sẽga, sẽgė*;

sèkti 'следить', 'подражать', 'рассказывать' — *sẽka, sẽkė*;

skìnti 'рвать (цветы)', 'щипать (траву)', 'рубить' — *skìna, skýnė*;

tèpti 'мазать', 'смазывать' — *tẽpa, tẽpė*;

tìnti 'отбивать', 'точить', 'бить' — *tìna, týnė*;

trìnti 'тереть' — *trìna, trýnė*.

2.4.4. Непереходные глаголы.

gìmti 'рождаться' — *gìmsta, gìmė*;

gulti 'ложиться', 'падать (о тени)' — *gùla, gùlė*;

miřti 'умирать' — *mìršta, mìrė*.

2.4.5. Анализ приведенного материала. С данным словоизменительным типом глаголов, по всей видимости, не может быть связан никакой естественный семантический класс. Лишь первичные лабильные глаголы, в литовском языке довольно немногочисленные, все относятся к типу (2) (исключения мне неизвестны, но, возможно, они все же есть). Данный факт весьма примечателен, так как здесь мы имеем дело с иконичностью морфологического выражения значения:

типичные переходные глаголы имеют формант *-j-* в обеих основах, типичные непереходные не имеют его ни в одной основе, а лабильные глаголы, как будто в соответствии со своей семантико-синтаксической «двойственностью», не имеют *-j-* в основе настоящего времени и принимают его в основе прошедшего времени.

Характерно, что немногочисленные непереходные глаголы, относящиеся к данному типу, образуют основу настоящего времени в соответствии с уже указанным (см. п. **2.0**) противопоставлением — пациентивные глаголы *gimti* и *mirti* принимают суффикс *-st-*, а агентивный *gulti* ведет себя подобно другим глаголам направленного движения, т. е. не имеет в этой основе никакого форманта.

С точки зрения морфонологической структуры корня, большинство глаголов данного типа либо имеют в корне краткий гласный *-e-* или *-a-*, либо сочетания *-im-*, *-in-*, *-ir-*, *-il-*, *-ul-*, восходящие к нулевой ступени корня (Stang 1966, 77–87), без следующего за ними согласного. Однако и в это не может считаться признаком, обусловливающим выбор форманта *-j-* в качестве показателя прошедшего времени — существует некоторое количество глаголов с той же морфонологической структурой, но принадлежащих к другому типу, и даже минимальные пары:

ràkti 'колоть' — *rãka*, *rãkė*;

ràkti 'закупориваться' — *rañka*, *ràko*;

sèkti 'следить' — *sẽka*, *sẽkė*;

sèkti 'убывать', 'истощаться' — *señka*, *seko*.

Что же касается переходных глаголов *giñti* 'гнать' и *miñti* 'помнить', то отсутствие у них *-j-* в основе настоящего времени можно объяснить тем, что эти глаголы имеют чередование *i* → *e*, «запрещающее» *-j-*.

2.5. Семантическое распределение парадигматических классов глаголов. Этот раздел посвящен обобщению приведенного выше материала и обнаружению корреляции между парадигматическими и семантическими классами первичных глаголов литовского языка. С этой целью я выясняю процентное соотношение числа глаголов различных семантических типов в каждом из основных парадигматических классов, рассмотренных выше, и наоборот — соотношение глаголов разных парадигматических классов, принадлежащих к данному семантическому типу. Результаты представлены в таблицах А и В.

Таблица А

Парадигматический класс	Всего глаголов	Семантический класс	Всего глаголов
(1)	32 (4,4%)	Агентивные непереходные	7 (2,2%)
		Пациентивные непереходные	2 (6,3%)
		Нейтральные непереходные	1 (3,1%)
		Переходные	22 (68,8%)
(1n/st)	267 (37,3%)	Пациентивные непереходные	237 (88,8%)
		Нейтральные непереходные	15 (5,6%)
		Агентивные непереходные	7 (2,6%)
		Переходные	8 (3%)
(2)	35 (4,9%)	Пациентивные непереходные	2 (5,7%)
		Лабильные	4 (11,4%)
		Переходные	29 (82,9%)
(4)	381 (53,3%)	Пациентивные непереходные	7 (1,8%)
		Нейтральные непереходные	6 (1, 6%)
		Агентивные непереходные	121 (31,8%)
		Переходные	247 (64,8%)
Всего:	715		

Таблица В

Семантический класс	Всего глаголов	Парадигматический класс	Всего глаголов
Пациентивные непереходные	248 (34, 7%)	(1n/st)	237 (95,6%)
		(1)	2 (0,8%)
		(2)	2 (0,8%)
		(4)	7 (2,8%)
Нейтральные непереходные	22 (3,1%)	(1n/st)	15 (68%)
		(1)	1 (4,5%)
		(4)	6 (27,3%)
Агентивные непереходные	135 (18,9%)	(1)	7 (5,2%)
		(1n/st)	7 (5,2%)
		(4)	121 (89,6%)
Лабильные	4 (0,6%)	(2)	4 (100%)
Переходные	306 (42,8%)	(1)	22 (7,2%)
		(1n/st)	8 (2,6%)
		(2)	29 (9,5%)
		(4)	247 (80,7%)
Всего:	715		

Таблицы А и В позволяют сделать следующие выводы:

(i) имеется статистически надежная корреляция между семантическими признаками «агентивность» и «пациентивность» и парадигматическими классами (4) и (1n/st), соответственно;

(ii) в словоизменительных типах, образующих основу прошедшего времени с помощью суффикса *-j-*, т. е. (2) и (4), преобладают переходные глаголы (в сумме 280 (67,3%) vs. 136); что же касается доли в этих классах агентивных (и нейтральных) vs. пациентивных глаголов, то она еще выше (в сумме 407 (97,8%) vs. 9); это свидетельствует о том, что формант *-j-* в форме прошедшего времени является косвенным показателем агентивности глагола; напротив, в типах, образующих основу прошедшего времени без форманта *-j-*, преобладают пациентивные глаголы (239 (79,9%) vs. 60);

(iii) парадигматический класс первичного глагола можно с довольно большой уверенностью предсказать, исходя из его семантики: 90,2% переходных глаголов образуют основу прошедшего времени с суффиксом *-j-*; 80,7% переходных глаголов образуют с помощью суффикса *-j-* также и основу настоящего времени; 96,4% пациентивных непереходных глаголов образуют основу прошедшего времени без суффикса *-j-*; 95,6% пациентивных глаголов образуют основу настоящего времени с помощью назального инфикса или суффикса *-st-*; все лабильные глаголы попадают в тип (2).

3. Заключение

Итак, анализ значительной по объему выборки первичных глаголов литовского языка показывает, что представление о «непредсказуемости», «немотивированности» словоизменительного типа семантическими характеристиками глагола нельзя считать обоснованным. Оказывается, что такие важные морфологические параметры глагольной лексемы, как наличие/отсутствие форманта *-j-* в настоящем или прошедшем времени, наличие/отсутствие назального инфикса или суффикса *-st-* в настоящем времени, коррелируют с важнейшим семантическим противопоставлением предикатов, обозначающих агентивные, контролируемые ситуации, и предикатов, обозначающих пациентивные, неконтролируемые ситуации. Тем самым, можно сделать вывод о том, что система парадигматических классов глаголов в литовском языке в значительной степени мотивирована семантикой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Амбразас 1985 — Грамматика литовского языка / Ред. В. Амбразас. Вильнюс, 1985.

Андронов 1999 — *Андронов А. В.* Сопоставительная грамматика литовского и латышского языков. Словоизменение. АКД. СПб., 1999.

Булыгина 1970 — *Булыгина Т. В.* Морфологическая структура слова в современном литовском языке (в его письменной форме) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках / Ред. В.М.Жирмунский, Н.Д.Арутюнова. М., 1970.

Булыгина 1977 — *Булыгина Т. В.* Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Ред. О.Н.Селиверстова. М., 1982.

Зализняк 2003/1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: словоизменение. 4-е изд. М., 2003.

Сибатани 1999 — *Сибатани М.* Переходность и залог в свете фактов японского языка // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е.Кибрика / Ред. Е.В.Рахилина, Я.Г.Тестелец. М., 1999.

Andronov 2000 — *Andronov A. V.* Some remarks on the system of Lithuanian and Latvian conjugation // Linguistica Baltica. 2000. 8.

DLKŽ 2000 — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas / Red. S. Keinys. IV leid. Vilnius, 2000.

Dressler et al. 2004 — *Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Pestal L., Gagarina N., Pöchträger M.* On the typology of inflection class systems // 11th International Morphology Meeting, Vienna, February 2004. Abstracts. Vienna University, 2004.

Endzelīns 1948 — *Endzelīns J.* Baltu valodu skaņas un formas. Rīga, 1948.

Fraenkel 1962 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962. Bd. I–II.

Haspelmath 1993 — *Haspelmath M.* More on the typology of inchoative/causative verb alternations // Causatives and Transitivity / Eds. B. Comrie, M. Polinsky. Amsterdam; Philadelphia, 1993.

Heeschen 1968 — *Heeschen C. F. E.* Einführung in die Grundprobleme der generative Phonologie mit besondere Berücksichtigung der litauischen Phonologie. Bonn, 1968.

Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. 56/2.

Kulikov, Vater 1998 — Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday / Eds. L. I. Kulikov, H. Vater. Tübingen, 1998.

Lazard 1985 — *Lazard G.* Anti-impersonal verbs, transitivity continuum and the notion of transitivity // Language Invariants and Mental Operations / Eds. H. Seiler, G. Brettschneider. Tübingen, 1985.

Levin, Rappaport Hovav 1990 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* The lexical semantics of verbs of motion: The perspective from unaccusativity // Thematic Structure: Its Role in Grammar / Ed. I. M. Roca. Berlin; New York, 1990.

Levin, Rappaport Hovav 1995 — *Levin B., Rappaport Hovav M.* Unaccusativity: At the Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge (Mass.), 1995.

Lyberis 1962 — *Lyberis A.* Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1962.

MLKŽ 2000 — *Norkaitienė M., Šepetytė R., Šimenaitė Z.* Mokomasis lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 2000.

Perlmutter 1978 — *Perlmutter D.* Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1978.

Senn 1966 — *Senn A.* Handbuch der lithauischen Sprache. Bd. I: Grammatik. Heidelberg, 1966.

Shibatani 1998 — *Shibatani M.* Voice parameters // Kulikov, Vater 1998.

Stang 1942 — *Stang Chr. S.* Das slavische und baltische Verbum // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. 1942. I.

Stang 1966 — *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsö, 1966.

Testelec 1998 — *Testelec Y. G.* On two parameters of transitivity // Kulikov, Vater 1998.

Timberlake 1982 — *Timberlake A.* The impersonal passive in Lithuanian // Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 1982.

Ulvydas 1971 — Lietuvių kalbos gramatika. II tomas: Morfologija / Red. K. Ulvydas. Vilnius, 1971.

Valeckienė 1998 — *Valeckienė A.* Funkcinė lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1998.

Д. РАЗАУСКАС

СИМВОЛИКА РЫБЫ, СВЯЗАННАЯ С НИЖНИМ МИРОМ И СМЕРТЬЮ, В БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Посвящаю памяти Владимира Николаевича Топорова

Владыка вод во многих традициях имеет вид рыбы. Например, «среди божеств дакота высшим духом их колдовства и религии считается Ункхахе, бог воды в виде рыбы» (Тайлор 1989, 405). В виде рыбы выступает морской дух и хозяин рыб камчатских ительменов Митг, или Митгк (МНМ II, 275; Тайлор 1989, 89, 406). В русской народной традиции водяной также не только царствует над рыбой, пасет ее, но и, собственно, представляет собой рыбу. «Рыба — традиционный облик водяного, хотя чаще всего он то рыба, то человек; и рыба и человек или ездит на рыбе. <...> Водяной может быть *щукой без наросного пера* (Вятская губ.), может *напоминать налима* (Вологодская обл.), быть просто *громадной рыбой* (Вологодская обл.) или рыбой, ведущей себя необычно: „Один мельник ловил рыбу ночью. Вдруг к нему в лодку вскочила большая рыбина. Мельник догадался, что это водяной, и быстро надел на рыбу крест. Рыба жалобно стала просить мельника отпустить ее... Наконец он сжалился над водяным, но взял с него слово никогда не размывать мельницу весною“ (Новгородская обл.); „Днем он рыба (сом), а ночью — старик с длинной зеленоватой бородой и сосновой плесой (Тамбовская обл.) или же водяной — одетая моховым покровом щука, которая держит морду по воде“ (Новгородская обл.)» (РС 2000, 95, 97)[1]. Таким образом, «по утверждению рассказчиков, водяной может выглядеть, как рыба (превращаться в нее или казаться ею). Наиболее часто водяного видят в облике щуки, культ которой был распространен и у славянских, и у финно-угорских народов» (Криничная 2001, 453). «У лужичан известны рассказы рыбаков о водяном, принимающем облик чудовищной, сильной щуки. Иногда у такой щуки телячьи глаза, она прыгает на спину рыбаку, исчезает в виде черного облака или улетает уткой. В виде щуки часто представляют водяного и на Русском Севере: такая щука отличается от обычной огромными размерами» и т. п. (Гура 1997, 753). Тем самым «щука воспринимается как нечистое существо. Ей приписывается близкое знакомство с нечистой силой» (Там же, 752). Ср. быличку:

[1] См. еще: ЭС 1998, 71; СД I, 397; СМ 2002, 82.

«Водяной — так это водяная сила. У нас тут тоже потонул мужик, а жена поехала тело разыскивать. Там, в Данилове живет Ольга Васильевна Якимова, у нее мужик потонул, она и поехала вместе со свекром. Вот та баба, которая умела вызывать лешего, вот она и водяного вызывала. Вызывала водяного, и она этой Ольге Васильевне написала записочку — так и так, чтобы тело найти. Вот они в лодку сели и поехали. Как только выехали, она эти слова, что ей написали, три раза прочитала, и вот щука такая большиханская нырнула под лодку, и надо было им за этой щукой плыть, она бы их привела к утопленнику. Они испугались и вернулись. Да нет, тут уж не щука была. Она вызвала водяного, это водяной щукой показался. Да уж в леща или в налима он не превратится, а щука — рыба хищная. В щуку может превратиться нечистая сила» (Левкиевская 2002, 344–345)[2].

Вспомним, что очень похожим образом «большая рыба» вела корабль Ману. Обратим также внимание на то, что рыба, спасшая Ману, была рогатой: «Тут всплыла к нему рыба, и к ее рогу он привязал корабельную веревку» (Элиаде 1998, 149–150). «В Агнипуране отмечается, что Варуну в храме должны изображать сидящим на рогатой акуле с арканом в руке. В индуистской иконографии Южной Индии Варуна представлен в облике могучего человека, верхом на рыбе, макаре или крокодиле» (Волчок 1986, 84). Русский водяной, как только что упоминалось, тоже ездит на рыбе. В свою очередь, у него, по словам Е. Левкиевской, может быть «рыбий или коровий хвост, гусиные лапы с перепонками или коровьи копыта, кожа как у налима,

[2] (Разрядка, если не указано иначе, везде моя. — *Д. Р.*) К образу «шуки под лодкой» ср. также «Калевалу» XL.83–126 и далее, в частности:

Старый, верный Вяйнямёйнен
Правит дальше через волны,
Меж подводными скалами,
Через пену с диким ревом.
Там челнок не зацепился,
Лодка мудрого не стала.
Но когда она уж вышла
На открытое теченье,
Вдруг свой бег остановила;
Быстрый челн вперед не мчится,
На одном застрял он месте,
Он подвинуться не может.
Сам кователь Ильмаринен,
С ним веселый Лемминкяйнен
Весла в море упирают,
Жердь еловую в теченье,
Напрягают все усилья,
Чтобы дать свободу лодке.
Лодка сдвинуться не может,
Челн не стронулся дощатый. <…>
Сам веселый Лемминкяйнен
Посмотреть туда нагнулся,
Смотрит вниз под лодку быстро,
Говорит слова такие:
«Не на пне сидит челнок наш,
Не на пне и не на камне:
На плече сидит он щуки…»

(Калевала 1985, 308 и сл.)

рог на голове» (Левкиевская 2002, 341) или два рога (см. РС 2000, 96, 97; ЭС 1998, 71). И ведет он себя так дружелюбно, как в вышеприведенной быличке, далеко не всегда. В севернорусских житиях святых, например, рассказывается: «Ехали через Мезень реку в лодке Нисогородской волости Фока с братьею Петровы дети на пашню свою и плавили лошадь, и выехали до полуреки, и найде на них дух нечистый водный и нача лошадь топити; они же лошадь держаху, а нечистый дух яве хождаше аки рыба велика волнами и нападаше на лошадь и за лодку хваташе, потопить хотя…» (Криничная 2001, 502; ср. Левкиевская 2002, 345).

Вообще чаще всего «водяной злобен и враждебен людям. Из всех духов-„хозяев“ он ближе всех стоит к черту, а во многих местах Полесья считают, что черт и водяной — одно и то же» (Левкиевская 2002, 344)[3]. Иногда он представляется просто как «черное, обросшее волосами человекоподобное существо с рогами, хвостом и когтистыми лапами» (Романов 1912, 289, цит. по: Криничная 2001, 457). «Обитатели дома водяного — чертенята (Вятская губ.), у хаты водяного множество детей-чертенят, шумно, играет музыка (Тульская обл.)» (РС 2000, 98). «Отношение к водяному как к представителю „левого“ мира и нечистой силы выражено в следующих номинациях: *цертышко-перевертышко* (рус. арханг.), *водяный черт* (волын.)» и т. п. (СД I, 396). Связь водяного с определенной породой рыб отражается и в поверье, «согласно которому у него есть своя рыба, называемая „лежная“, или „чертова рыба“, т. е. рыба водяного, который в данном случае представлен уже в качестве нечистой силы. Имеются в виду, например, голые рыбы: налимы, угри. <…> Иная рыба, например сом, используется им вместо лошади в поездках под водой. Это „чертов конь“» (Криничная 2001, 454). Приведем еще пример щучьих проявлений водяного, записанный в Полесье и явно раскрывающий его «чертову» природу: «Одын чоловик на Благовишчэне кажэ: пойду заколю пару рыб и пойду в цэркву. Ну, и пушов вин на тое озэро. И появилася тая шчука. И вона ёго водыла всё врэмне, пока людэ з цэрквы нэ выйшлы. Вин тылько ее хочэ сколоты, а вона уходыть. И вот вона ёго водыла-водыла и доводыла почты до обэдни. Всю обэдню проводыла, и наврэшты тогды плюнув, и вона засмиялася в води. И вин пэрэхрэсьтывся и пошов до дому» (Гура 1997, 752–753; см. Левкиевская 2002, 346).

Подобные связи наблюдаются и в литовском фольклоре. В литовской быличке озерный «господин», приходящий за своей рыбой-«свиньей», прямо назван чертом, *velnias* (BLP I, 72, № III.9). Водяным духам, проявляющим себя непосредственно в облике рыбы, в литовском фольклоре тоже, по словам Л. Бугене, «свойственны черты, позво-

[3] См. еще: РС 2000, 97; СД I, 396, 398.

ляющие непосредственно связать их с вяльнясом, например, пойманные во время обедни рыбы превращаются в пни (LTR 1608/141), у щуки вырастают рога, крылья и хвост, щука превращается в собаку (LTR 1289/134) и т. п. Такие метаморфозы — характерное свойство вяльняса» (Būgienė 1999, 42; см. Velius 1987, 42–43). Ср., например:

Pasakojo vienas senas žmogus, kad sykį vienas žmogus šventą dieną nuėjęs į ežerą maudytis. Nusirengęs pradėjo plaukioti, pamatė atplaukiant baisią žuvį. Jis kai tik tokią nepaprastą žuvį pamatė, dar netoli nuo krašto buvo, tai jis pasiskubino laukan bėgt ant kranto. Toji žuvis jį vyti, bet pavyt nepasisekė. Tik paskui išgirdo balsą iš vandens: «Tavo laimė, mano nelaimė, — tau būtų daugiau nereikėję šventą dieną eit mėgint vandenų».

Рассказывал один старый человек, что однажды один человек на праздник пошел на озеро купаться. Разделся, стал плавать и увидел, что к нему приближается страшная рыба. Он, как только такую необыкновенную рыбу увидел, еще недалеко от берега был, так сразу же поспешил бегом на берег. А эта рыба бросилась в погоню, но догнать его не удалось. Только потом услышал он голос из воды: «Твое счастье, мое несчастье, — тебе больше не пришлось бы на праздник идти воду пробовать».

(Būgienė 1999, 42; Balys III, 486, № 728A;
варианты: Balys III, 486, № 728B; 487, № 732)

По словам Бугене, «последняя фраза — „Твое счастье, мое несчастье“ — любимое выражение в быличках многих мифологических существ: вяльняса, лауме, мертвецов и др.» (Būgienė 1999, 42).

В другой литовской быличке у щуки на голове вырастают рога, и она превращается в чертоподобное чудище:

Per Sekmines 1875 m., sako, vienas iš Vidgirių krūmų prūsas nuėjęs per mišias į Dotamų ažerą žuvauti. Ne už ilgo jis pajutęs, kad į meškerę įsikabinus žuvis. Pradės jau jis dabar iš vandens traukti, ale teip sunkiai eina!.. Vos ne vos ištraukęs, žiūrįs — ant meškerės baisiai didelė lydeka. Insikišęs tą lydeką į žaką, tas prūsas nutimpinęs ją namon.

— Na, muterke, — sakąs savo pačiai, — virk ir kepk mano pelną!

— Ale kaip ją virsi su vėdarais — reik išdarinėti.

Teip ta žmona, paėmus peilį, jau ištrauks tą lydeką iš maišo, ale žiūri — o čion iš galvos žuvies pradeda ragai augti, sparnai, o paskui ir uodega. Ir pavirto lydeka į tokią baidyklą, net baisu žiūrėt! Tik plumpt į žemę, pliaukšt pliaukšt ir palindus po kakaliu!.. O nuo to laiko butelyje tame nė gyvent negalėję: baisiai vaidinosi! Paskui, sako, viesula ir tą triobą nuvertusi.

В 1875 г., на Троицу, говорят, один прусс из рода Видгиряй пошел во время обедни на озеро Дотамай рыбу ловить. Вскоре почувствовал он, что в удочку вцепилась рыба. Начал уже из воды тащить, но так тяжело идет!.. Еле-еле вытащил, смотрит — на удочке страшно большая щука. Тот прусс сунул эту щуку в мешок и приволок домой.

— Ну, матушка, — говорит своей жене, — вари и пеки мою наживу!

— Как же ее варить-то с потрохами — надо выпотрошить.

Так эта жена взяла нож и уже тащит щуку из мешка, только смотрит — а из рыбьей головы рога стали вырастать, крылья, а потом и хвост. И превратилась щука в такое страшилище, что страшно смотреть! Только шлеп наземь, хлоп-хлоп и залезла под печку!.. А с того времени в этой хате и жить не могли: страшные привидения показывались! Потом, говорят, вихрь и саму хату снес.

(BLP I, 72–73, № III.10)

Ср. также литовское название рыбы *ragys* ‘Myoxocephalus quadricornis’ (Urbutis 1981, 158) и прозвище черта (вяльняса) *ràgius*, *rãgius* (LKŽ XI, 35), все слова буквально означают ‘рогатый’. В одной быличке того же типа пойманная рыба так и названа — *velns* ‘черт’:

Ven švent dien er vens kerds nuej į pakarnol <...> Jerod, kap kunigs mišs skait, į tą laik anam užkand bais didel žuv. Kap tik ans norėj traukt lauk, atsirados ans pats į vedur karnol. Tenas ans su ta «žuv» grūmės, volojos klykdams, lyg du šun pasotus. Dar giluks, kad į tą laik atjoj viens berns ir pamats, kad bėsoks (velns) yr kerd įtrauks į vanden, persižegnoj, išok į vanden er ištrauk tą kerd. Nu to laik nėks nebet par mišs meškeriot.

Один раз на праздник один пастух пошел к канаве <...> Как раз в то время, когда священник служил обедню, на удочку ему попалась страшно большая рыба. Как только он захотел [ее] вытащить, сам очутился посередине канавы. Там он с этой «рыбой» боролся, валялись визжа, словно два бешеных пса. Еще счастье, что в это время прискакал один парень и, увидев, что бес (черт) втянул пастуха в воду, перекрестился, прыгнул в воду и вытащил пастуха. С того времени никто больше не ходит в обедню за рыбой.

(KLT 1940, 122, № 228)

Обращает на себя внимание настойчиво повторяющееся указание на время обедни, что еще раз подчеркивает «нечистую» сущность рыбы: человек, не исполняющий церковных обрядов, становится жертвой противоположных сил. Ср. в этом отношении еще одну короткую былички:

Vinciukas Spiecius pagava Erzveta ežeri žuvį ne žuvį, greiciausiai velnių, kataras citei žebuoja. Kad nenumetįs i nepersižegnojįs, piauniai būtų prarijįs.

Винцас Спецюс поймал на озере Эржветас рыбу–не рыбу, скорее всего черта, который иначе разевает пасть. Если бы он не бросил ее прочь и не перекрестился, наверняка тот проглотил бы его.

(Vaitkevičiai 1996, 200)

По данным Н. Велюса, имеется 11 литовских быличек, в которых вяльняс представлен в облике рыбы, причем в большинстве из них (6) — в облике щуки (Velius 1987, 42). Например, в одной быличке человек

возле озера косил траву и вдруг услышал голос: «Время пришло, а человека нет!», и в воде увидел большую щуку.

Žmogelis pagalvojo: «Reikia tą žuvį nukirsti». Kaip tarė, taip ir padarė. Bet kai jis ėmė nuo pečių dalgį — užsimos lydeką kirsti — beimdamas sau galvą nukirto. Iš to matome, kad žuvis buvo velnias, kuris pranašavo žmogui mirtį.

Человек подумал: «Надо эту рыбу зарубить». Как сказано, так и сделано. Но только он снял с плеча косу — замахнулся щуку рубить — так себе голову и отрезал. Отсюда (мы) видим, что (эта) рыба была чертом, который предрекал человеку смерть.

(LD 1979, 167)[4]

[4] Ср. в этом отношении прямое отождествление косы с рыбой, в частности именно со шукой в литовской традиции: в прямом сравнении *Ir dalgelė kaip žuvelė po lankelę švytruoja* 'И коса как рыбочка в поле поблескивает'; тем более в загадках («коса»): *Žuvis be grobų girią išgriovė* 'Рыба без рёбер лес повалила' (LKŽ XX, 1011); *Plieno ungurys kai maina, visą girią pargriauna* 'Стальной угорь как пройдет, весь лес согнет'; *Po girelę švykšt žuvelė, nuo žuvelės vinkst girelė* 'По роще рыбка блеснула, вся роша от рыбки согнулась'; *Juoda lydeka nėrė, žalią girią pakėlė* 'Черная шука нырнула, зеленый лес подняла' (MS 2002, 30–31) и т. п. То же в русских загадках, например: *Щука прянет, трава вянет*; *Щука ныряет, трава прилегает*; *Щука ныряет, весь лес подымает*; *Щука ныряет, лес погибает*; *Рыбина белужина по лесу ходила, лес ломала, лес свял, город стал*; *Рыбина белужина берега окружила и леса приклонила* (Загадки 1968, 77, № 2173, 2174, 2176, 2177, 2180, 2191–2193, 2195; см. Даль IV, 116). «Метафорический язык загадок называет щукою, — объясняет А. Н. Афанасьев, — блестящее лезвие косы и серпа, под взмахом которых падают травы и колосья», например, в соответствующей русской загадке: «*щука-белуга* (вар. *рыба-белужина*) *хвостом мигнула* (т.е. блестящая = белая коса сверкнула), *леса* (= травы) *пали, горы* (= копны и стога́) *встали*»; «*щука* (= серп) *прянет, весь лес* (= нива) *вянет*» (Афанасьев II, 83). Или еще: *Ишла щука з Кременьчука, куды гляне, трава въяне* (Потебня 2000, 255). То же самое в отношении серпа: *Щука прянет, весь лес вянет* (Загадки 1968, 75, № 2112). Ср. также в этом отношении такие названия рыб, как рус. *коса́рь* 'чехонь' (букв. 'кривой нож', 'большой нож для щепления лучины', нередко делается из обломка косы), болг. *костур* 'вид рыбы' (букв. 'кривой нож'), с.-хорв. *косац*, *косач*, *косир*, *косијер* 'чехонь' ('большой садовый нож'); рус. *лизейка* 'маленькая щука' (*лезейка* 'нож'), *ножо́вка* 'мелкая щука' (*ножовка* 'маленькая пила'), также с.-хорв. *нож* 'чехонь'; укр. *соки́рка* 'горчак', пол. *siekierka* 'горчак', 'быстрянка' (букв. 'маленький топор'), также *siekasz* 'горчак' (букв. 'тяпка', 'резак', 'большой нож'), *cioska* 'чехонь' (букв. 'маленький плотничий топорик'), *kozik* 'чехонь' (букв. 'нож с деревянной ручкой'), *toporek* 'горчак', 'усач'; слвц. *kresačka* 'лещ' (букв. 'плотничий топор'); рус. *сабля* 'чехонь', 'уклейка', 'щиповка', блр. *сабля*, укр. *са́бля*, пол. *szabla*, слвц. *šabl'a*, с.-хорв. *сабра* 'чехонь' и др.; ср. также нем. *Schwertfisch* 'чехонь' (*Schwert* 'меч'), *Sichelfisch*, *Sichling* 'чехонь' (*Sichel* 'серп') и т. п. (Усачева 2003, 136–137, 155–156).

Однако в балто-славянской традиции уподобление рыбы черту идет еще дальше, вплоть до мотивов, явно отсылающих к «основному мифу»[5]. В России, «по одним поверьям, водяной боится грозы и посылаемых в него пророком Ильей молний, по другим — напротив, празднует Ильин день (Архангельская обл., Сибирь)» (РС 2000, 104). В других случаях грому противопоставляется непосредственно рыба: например, «рыбопромышленники Русского Севера полагали, что улов будет неудачен, если на судне есть у кого-нибудь белемнит [т.е. громовая стрела], которого рыба боится» (СД I, 562). Может быть, здесь стоит вспомнить и выражение *громить рыбу*, например, *громить красную рыбу* 'подымать ее стуком и шумом подо льдом, где ложится она на зиму, и подстерегая, вытаскивать баграми', по определению В. Даля; «есть и осенняя *громка*: ночью, с огнем, стуком и шумом загоняют рыбу, на лодках, в расставленные сети» (Даль I, 397). Более явно мотивы «основного мифа» в связи с рыбой выражены в балтийской традиции: *Kai griausmas užgriaudžia, lydekos ir vėžiai pasidaro bailūs* 'Когда гром гремит, щуки и раки становятся пугливыми' (Balys I, 80, № 948b). В следующей литовской быличке щупак выступает буквально в роли черта — противника громовержца Перкунаса:

Kitą kartą labai griaustinis griovęs. Mergelė ėjus per lauką, sijono padalkas atsikaišius, o žaibai taip pliekę jai į akis, taip pliekę. Išgirdus balsą: «Pasileisk sijoną!» Ta mergelė pasileidus ir iškritęs lydeks. Paėjus kelis žingsnius, tuoj taukšt Perkūns į tą lydeką, ir gana.

Один раз очень сильно гремел гром. Девушка шла по полю, приподняв подол юбки, а молнии вовсю хлестали ей в глаза, вовсю хлестали. Услышала

[5] Ср. известное противостояние черта (вяльняса, вялнса) и громовержца (Перкунаса, Перкуонса), ставшее одним из источников реконструкции «основного мифа», при том, что черт спасается от преследования громовержцем, как правило, именно в воде (в первую очередь см. Иванов, Топоров 1974, 4–103 и сл.). Надо сказать, что уже в древнеегипетской мифологии в контекстах, близких индоевропейскому «основному мифу», рыба выступает в соответствующей роли; например, в записях мистерий, совершавшихся в храме Гора и названных «Победа Гора» (сцена 6), о нем говорится: «Вот ты — птица хебес, пронзающая рыбу в воде!» (Матье 1996, 288). Мотив борьбы громовой птицы с подводными существами широко распространен в мифологиях американских индейцев (FW 1949, 1112).

голос: «Опусти подол!» Девушка опустила, и выпал щупак. Прошла несколько шагов, тотчас ударил Перкунас в этого щупака, и все.

(Balys IV, 137, № 4)

В латышских поверьях *Pa pērkona laiku zivis nenāk uz ķeselēm* 'После грозы рыба не идет в сачок', но *Priekš pērkona zivis ķeras uz makšķeri* 'Перед громом рыба идет на крючок' (Ltt 1940, 2155, № 35669, 35670); непосредственно же о латышском противнике громовержца Перкуонса — Вялнсе говорится, что *Pērkona laikā viņš pārvēršas par melnu kaķi un slēpjas pie cilvēka. Akās viņš dažreiz pārvēršas par zivi* 'Во время грозы он превращается в черную кошку и прячется у человека. В колодцах он иногда превращается в рыбу' (Ltt 1940, 1944, № 32411). Больше всего латышский *Velns* любит принимать щучий облик (см. Straubergs 1939–1941, 512), видимо, поэтому щуку иногда бьет гром: *Ja līdaku nārsta laikā aizrūc pērkons, tad vasaru nebūs laba zveja* 'Если во время нереста щуку ударит гром, то летом не пойдет рыба' (Ltt 1940, 1093, № 17745). Наконец, *Zvejnieki mēdz apskatīt visas tās zivis, kuŗas izzvejo, un ja atrod kādu ar sarkanām acīm, tad sviež to atpakaļ ezerā, domādami, ka tas esot velns* 'У рыбаков есть привычка осматривать всех тех рыб, которых (они) поймали, и если находят какую-нибудь с красными глазами, бросают обратно в озеро, поскольку думают, что это черт' (Ltt 1940, 2202, № 36425). Прозвище сома в латышском — *vels*, несмотря на то, что оно, вероятно, является заимствованием из немецкого *Wels* 'сом', все же, по словам Я. Курсите, «по меньшей мере в народной этимологии, если не более, связано с фонетически похожим *velns/vells* 'черт'» (Kursīte 1996, 366). Ср. также такие славянские названия рыб, как рус. *чертýг* 'вьюн', укр. *чорт* 'вид рыбы, похожей на щиповку, с шипом-иглой на голове', пол. *czarciuch* 'трехиглая колючка', *diabełek*, *piekielnica* 'быстрянка', с.-хорв. *bauk* 'ёрш', *d'avolče* 'подкаменщик' (у подкаменщика, по словам Л.П. Сабанеева, «огромная широкая голова, вооруженная с каждой стороны загнутым шипом, тело голое, глаза красного цвета, обращены кверху» и т. п.) (Усачева 2003, 159).

В Белоруссии, как и в Латвии, опытные рыболовы «ни за что не оставят себе пойманную во время грозы рыбину, у которой слишком красные глаза, — это несомненно черт, спрятавшийся в рыбу» (Виноградова 1998, 138). Существует даже соответствующее «белорусское поверье о ее происхождении: в рыб превращаются те черти, которые во время грозы прячутся в воду, они имеют красные глаза, и рыбаки избегают употреблять таких рыб в пищу» (Дучыц, Санько 2004, 439). В одной белорусской быличке (которую Йонас Балис приводит только в переводе на литовский язык) «человек в лесу драл лыко. Началась гроза, он спрятался под деревом и в дупле заметил двух рыб. Он

отошел в сторону, а гроза разбила дерево. Было бы много чертей, если бы Перун их не преследовал» (Balys I, 180)[6].

[6] Ссылка на: Романов 1891, 7–8. Кстати, интересно, что сами названия некоторых рыб ставят их в прямую связь с определенными деревьями. По словам В.В. Усачевой, «ихтионимы, которые мотивируются названиями растений, не всегда обнаруживают ассоциативные связи, легшие в основу наименования. Их нельзя истолковать однозначно. Так, в названиях гольяна и горчака отразилась связь с ольхой. Подобные ихтионимы известны всем славянским языкам, но объясняются исследователями, как лингвистами, так и ихтиологами, по-разному. В. Махек мотивирует возникновение чешского термина *olšovka* тем, что рыбка живет в горных реках, берега которых поросли ольхой, следовательно, название отражает место обитания. О. Ферианц считает, что в названии отразилась привычка гольяна прятаться под корнями ольхи, в тени ольховых зарослей, склоненных над водой. Я. Карлович полагает, что название *olszanka* дано гольяну по цвету — брюшко рыбки напоминает цвет моченой древесины ольхи. Польский ихтиолог А. Валецкий этот же термин объясняет привычкой рыбки сосать корень этого дерева. Ср. названия гольяна в других языках: рус. *ёлшанка* (диал. *елха* 'ольха'), *ольшанка* (*ольшаный* 'к ольхе относящийся'), укр. *вільхівка*, *ольховец*, *ольшанка*, блр. *ольшаник*, *ольшанка* („так как зарывается под корнями ольхи от хищников" — А.И. Сапунов), пол. *olszówka*, слвц. *jelšinka*, *lieška*, *jalšovka*, *lejšovka*, с.-хорв. *jòшавка*, словен. *jélševka*, болг. *лешанка*, *лешинка*, (*е*)*лешка*, *елешница*, ср. нем. *Erlitze* (*Erle* 'ольха'), эст. диал. *leppkala*, *leppikala* (*lepp* 'ольха'), венг. *egri* (*éger* 'ольха')». В свою очередь, «подобные названия горчака — рус., укр. *ольшанка*, блр. *ольховка*, пол. *olszanka*, *olszavka*, *olszówka*, по мнению специалистов, возникли из-за его вкуса: мясо горчака так же горько, как древесина ольхи». «Кроме того, ихтионимы, в которых есть связь с *+olcha*, иногда употребляются для обозначения еще одной рыбки — верховки: рус. *ольшанка*, пол. *olszanka*, слвц. *jalšovka*, *lajcha*. Название дано по месту обитания — рыбка, живущая под корнями прибрежной ольхи». А вот «какова мотивация русского наименования *ольховик* 'линь-недомерок' и сербохорватского *јовача* 'подуст' (*јова* 'ольха'), сказать трудно» (Усачева 2003, 71). Между тем ольха в славянской (и не только славянской) народной традиции тесно связана с дьяволом, чертом, нечистой силой (СМ 2002, 343–344), причем «связь ольхи с нечистой силой объясняет популярный запрет прятаться под ней во время грозы, так как молния бьет в ольху», «в Польше на Троицу ветками ольхи украшали дома, чтобы отвернуть грозу и град» и т. п. (Там же).

«Ряд ихтионимов мотивирован названиями других деревьев, растущих по берегам водоемов, — ивы, вербы, лозы. Номинация возникла по месту обитания, по привычке рыбок прятаться под корнями ивы (вербы), в ее тени: укр. *верблянник* 'елец', *вербівка*, *верблянка* 'гольян', *лозіўка* 'маленькая

Ср. литовскую быличку, в которой объясняется «нечистая» сущность рыбы:

Žuvims ir vėžiui buvo paskirta atgaila. Atgailavo jie medy. Kai pasibaigė atgaila, Dievas juos paleido vandenin. Gera žuvelei vandeny — ir plaukia sau. Iš to didelio džiaugsmo pasakė:

— Aš galiu ir be Dievo gyvent!

Dievas užpyko ant žuvies už tokį pasakymą ir paleido žveją, kad ją pagautų.

Рыбам и раку было назначено покаяние. Каялись они на дереве [!]. Когда покаяние было закончено, Бог отпустил их в воду. Хорошо рыбке в воде — и плывет себе. От этой большой радости она сказала:

— Я могу и без Бога жить!

Бог рассердился на рыбу за такие слова и пустил рыбака, чтобы тот ее поймал.

(KAŽ 1986, 79, № 144)

Здесь, как видно, рыба сама отрекается от Бога. Иногда даже прямо говорится, что *Žuvis yra priešinga Dievui* 'Рыба противоположна Богу' (KAŽ 1986, 77, № 137; LT IV, 447, № 385). Или же: *Meškeriotojai nemėgsta, kad bemeškeriojant jiems kas nors pasakytų «padėk Dieve», nes mano, kad, taip atsitikus, žuvies nepagaus* 'Рыбаки не любят, если во время рыбалки кто-нибудь скажет «Бог в помощь», так как верят, что в таком случае они не поймают рыбы' (Elisonas 1932, 50, № 428). И русский «водяной не любит шумных людей, не переносит, когда у воды поминают зайца, медведя, попа, дьяка, Господа Бога и вообще много и без дела болтают: „Около зимника есть заездок. Дядя Степан говорил, что в этом месте много попадает рыбы, только не надо ничего говорить. У меня из рук три раза верши вышибал. Я как увижу рыбу, каждый раз и скажу: „Ну Слава Богу, много рыбы!" И каждый раз как треснет по верши, так всю рыбу и отпустит"» (Новгородская обл.,

рыбка', пол. *wierzbówka* 'гольян', слвц. *verbinačka* 'уклейка', *vrbniček* 'горчак'» (Усачева 2003, 72). Тем не менее влияние соответствующих мифологических воззрений в данном случае тоже не исключено, так как «ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, использовались для защиты от грома, грозы и бури»; «По представлениям белорусов, на вербе с Крещения до Вербного воскресенья сидит черт (до этого он обитает в воде <...>). Словаки полагали, что водяной часто сидит на самой высокой вербе и высматривает свою жертву (Рачице), а болгары думали, что самодивы живут на вербе и других деревьях. По белорусским верованиям, черти весной отогреваются на вербе, а после того как вербу „засвецюць", т. е. освятят в Вербное воскресенье, они падают в воду» и т. п. (СД I, 334–335).

Белозерский уезд) (РС 2000, 101). На Британских островах тоже, например, «встретить священника по дороге на рыбалку — не к добру», а «поминать имя Господа всуе, находясь в море, — к несчастью» (ЭС 1998, 392, 393).

* * *

Рыба противоположна Богу и громовержцу по самому месту своего обитания — (под)водному царству, расположенному внизу, на нижнем конце оси вертикальной модели мира. Так, например, герой литовской сказки в поисках чудесного замка по очереди приходит к царю зверей, царю рыб и царю птиц (LT III, 254–260, № 107; AT 437 + 518); в другой сказке, которая так и названа *Žuvų, žvėrių ir paukščių karaliai* 'Рыбный, звериный и птичий короли', трех сестер героя похищает колдун и отдает в жены трем названным королям, которых герой поочередно обращает в своих союзников, получив от них по волшебному предмету: клочок шерсти, перо и чешую (LT III 348–353, № 134; AT 552A). По словам Н. Велюса, «не случайно в сказке „Благодарные животные" первое задание помогают выполнить рыбы, которые в мифологических представлениях литовцев и других балтов, как правило, связываются с водной, подземной сферой, хтоническими мифическими существами, второе — муравьи, связываемые с землей, и третье — пчелы, птицы, которые связываются с небесной сферой и божествами неба» (Velius 1983, 192). По мнению Я. Курсите, «такое членение особенно акцентировано в инициационных сказках, в которых дурачок приобретает сверхъестественную способность превращаться в рыбу, птицу, животное, что позволяет ему успешно пройти испытания на трех уровнях, или частях, мира — верхнем (птица), среднем (животное) и нижнем (рыба)» (Kursīte 1996, 350). Ср. похожие трансформации в русской былине «Вольга и Микула»: «Похотелося Вольге да много мудростей — / Щукой-рыбою ходить ему во синих морях, / Птичкой соколом летать да над оболоки, / Рыскать волком во чистых полях» (РНПЭ 1984, 115). Ср. также белорусскую колядку, в которой рыба «ассоциируется с корнями Мирового дерева: «Ой па-над морам, па-над глыбокім, / Там явар стаяў тонкі, высокі. / На тым явары саколік сядзіць, / Саколік сядзіць да ў мора глядзіць, / У мора глядзіць, з рыбай гаварыць: / — Ой, рыба, рыба, як ты глыбока, / Як ты глыбока, так я высока»; в свою очередь, «совместное погребение в жертвенных ямах собак, птиц и рыб символизирует принесение в жертву обитателей трех стихий — земли, неба и воды» (Дучыц, Санько 2004, 439). Непосредственно с нижним уровнем, собственно, с «под-уровнем» рыба связывается в русских загадках, например: «В подполье, подполье лежит пирог с

морковью, хочется есть, да не хочется лезть. — *Рыба*» (Загадки 1968, 31, № 559). В.Н. Топоров обобщает: «В общих трехчленных (по вертикали) мифологических схемах вселенной рыбы служат основным зооморфным классификатором нижней космической зоны и противопоставлены птицам как классификатору верхней зоны и (менее отчетливо) крупным животным (часто копытным), символизирующим среднюю космическую зону» (Топоров 1982, 391).

С этим, с одной стороны, видимо, связано и морально-оценочное значение «низкий», приписываемое рыбе, и нередко отрицательное отношение к ней. Уже в древнем Египте «рыбу в общем считали нечистым животным. Таким почитаемым персонажам, как царь, жрецы и „блаженные мертвые", подавать ее в пищу воспрещалось. С распространением поверий, связанных с Осирисом, рыбу стали отождествлять со зловещим Сетом» (Lurker 1995, 51)[7]. Например, во время ритуального празднества в честь победы Ра над Сетом рыбу топтали ногами (Spence 1998, 100–101). Вообще в древнем Египте «для обозначения слова „отвращение" служил знак рыбы» (Нойманн 1998, 125). В свою очередь, «слово „рыбак" в нововавилонском Уруке даже стало означать „грубиян, необузданный человек"» (Оппенхейм 1990, 38). Современное английское *fishy* наряду с прямым значением 'рыбный, рыбий' имеет вторичное 'тусклый (о взгляде); подозрительный, сомнительный'. Ср. в этом духе имевшую место этимологию слова *рыба* на основе *рыхлый*, высказанную С. Младеновым (см. Фасмер III, 526). Отрицательное значение при гадании рыба имела в Латвии (Straubergs 1944, 472). Ср. также литовское сравнение: *Graibo bėdas kaip iš eketės žuvis* 'Ловит беды, как из проруби рыбу' (LKPŽ 1985, 343).

С другой стороны, с нижней частью вертикальной оси связывается понятие основы мироздания — как в плане микро-, так и макрокосмическом, и эту функцию тоже повсеместно выполняет рыба. В случае микрокосмоса ср. хотя бы известную систему расположения знаков Зодиака относительно человеческого тела, в которой знаку Рыб отводится именно самое нижнее место — ступни (МНМ II, 145) (каждой из двух рыб этого знака, соответственно, по ступне). Рыбы, как известно, изображались на ступнях или подошвах Будды (Chandra 1996, 71; Тресиддер 1999, 317). Причем определенную связь рыбы с ногой можно обнаружить и в литовском фольклоре:

[7] Уже приводилась цитата Юнга о том, что «египетским жрецам запрещалось есть рыбу, поскольку рыба считалась столь же нечистой, как и Тифоново море. „Все они воздерживаются от употребления в пищу морской рыбы", — замечает Плутарх» (Юнг 1997, 140).

Vienas žmogus kartą ėjo į Ilgio ežerą meškerioti. Prisiartinęs prie ežero, pamatė didelę žuvį. Toji žuvis buvo labai didelė. Jos akis buvo kaip rėtis. Tas žmogus labai nusigando ir ėmė meškere durti į tą žuvies akį. Bedurdamas pajuto sopulį. Paskiau žuvis išnyko, o jis pamatė, kad iš jo kojų teka kraujas. Jis labai persidūrė sau koją. Išsigandęs grįžo į namus.

Один человек как-то шел к озеру Илгис на рыбалку. Подойдя к озеру, он увидел большую рыбу. Рыба эта была очень большой. Глаз ее был как решето. Человек очень испугался и стал удочкой колоть в этот рыбий глаз. При этом сам почувствовал боль. Потом рыба исчезла, а он увидел, что из его ног течет кровь. Он сильно проколол себе ногу. Перепугавшись, вернулся домой.

(LD 1979, 33)

Ср. также такие названия рыб, как пол. *podeszwa* 'лещ', с.-хорв. *по(т)платар* 'быстрянка' (*поплат* — 'подошва') (Усачева 2003, 159, 160). Соотношение со ступней, ногой, помимо всего прочего, объясняет связь рыбы с топтанием, ходьбой, движением, быстротой: ср. упомянутое выше древнеегипетское ритуальное празднество, во время которого рыбу топтали ногами. По латышским поверьям (поздним, вызванным, видимо, астрологией), люди, родившиеся «под знаком Рыб, быстры в ходьбе и работе» (*zivju dienā izveicīgi iešanā un darbos*), или: *Kas zivju dienā dzimis, tas ir žigls, liels pasaules gājējs* 'Кто родился под знаком Рыб, тот — быстрый, большой ходок по миру' (Ltt 1940, 151, № 2441; 2154, № 35658). Ср., кстати, имевшую место этимологию латинского *piscis* на основе и.-е. **ei-* 'идти' или **eis-* 'быстро двигаться', предложенную Форстером (Walde, Hofmann II, 310).

Тем самым еще более выраженной становится мифическая роль рыбы в качестве основы всего мироздания, макрокосмоса. Вообще «демиургическая функция рыбы проявляется в двух вариантах — активном, когда рыба приносит со дна первозданного океана ил, из которого и создается земля, и пассивном, когда рыба (кит, три кита, дельфин и т. п.) является опорой земли. Согласно бурятским представлениям, резкое движение рыбы-опоры, плавающей в океане, приводит к землетрясению. У алтайцев землю, созданную Ульгенем, поддерживают три рыбы; когда одна рыба опускает голову, начинается наводнение. Более или менее сходные варианты зафиксированы у айнов, японцев и других народов Евразии» (Топоров 1982, 392). Например, по представлениям бирманских чинов, «в океане плавает рыба Нгазалон и носит на себе плоскую скалу — поверхность земли, где живут люди» (МНМ II, 91); полинезийский культурный герой Мауи в начале времен «извлекает с морского дна рыбу-остров. На этом острове поселяются люди» (МНМ II, 123)[8]; в мор-

[8] По словам Ф.П. Кренделева и А.М. Кондратова, «имя Мауи известно на островах, разбросанных на площади свыше 20 миллионов квадратных кило-

довской мифологии высший бог Нишке «пустил в мировой океан трех рыб, на которых держится земля» (МНМ II, 224) и т. п. «Для пригималайской и восточной зон Тибета вселенная представляется в виде материка, плавающего на спине огромной рыбы или черепахи, придавленной для большей устойчивости горой <...>, у основания которой находится змей Бегша. В Кхаме, расположенном, по преданию, над головой рыбы, часты землетрясения, оттого что, устав держать землю, рыба вертит головой» (МС 1991, 472). В Закавказье тоже обнаруживаются «следы представлений о рыбе как опоре земли (кахетинцы верили, что землетрясения, происходящие от пошатывания огромной чудовищной рыбы, сулят хороший урожай)»; «ср. также иранский мотив гигантской рыбы, плавающей в океане преисподней и несущей на себе быка как опору мира» (Топоров 1982, 392). В этом отношении интерес вызывает сопоставление (см.: Pokorny 1959, 417; Frisk 1960, 746) и.-е. корней **ǵhðū-* 'рыба' (> лит. *žuvìs*, др.-гр. *ichthýs*, армянск. *jukn* и др.) и **ǵhðem-/ *ǵhðom-* (метатеза **dhǵhom-*) 'земля' (> лит. *žẽmė*, рус. *земля*, др.-гр. *chthṓn* и др.). По мнению Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, «такие древние мифологические представления о 'рыбе' как о животном 'Нижнего или Подземного мира' дают основание связать название 'рыбы' с названием 'Земли'», и слово, обозначающее рыбу, «возводится,

метров. Редко какой другой фольклорный персонаж может похвастаться такой популярностью! <...> Одно из самых замечательных дел Мауи — это ловля островов с помощью чудесного крючка. Причем почти все большие острова Полинезии, согласно мифам, обязаны своим происхождением Мауи и его волшебному ужению. Так рассказывают тонганские мифы. В Центральной Полинезии, согласно преданиям, Мауи насадил на крючок красные перья, атрибут верховных вождей и жрецов. На приманку эту клюнула не обычная рыба, а целый остров. С веселой песней тащил ее со дна великий Мауи и, вынимая удочку из воды, пропел последний куплет:

Моя рыбка попалась на крючок,
Она поднимается в мир света.
Наконец моя рыбка
Показалась над волнами,
Это — Таити.

„Те Ика-а-Мауи" — „Рыба Мауи", — так называют коренные жители Новой Зеландии, маори, Северный остров. Причем отдельные особенности рельефа объясняются историей поимки чудесной рыбы. Братья Мауи, не послушав совета волшебного рыболова, захотели разделить добычу. Дремавшая на поверхности океана рыба-остров проснулась, задрожала и ее тело покрылось складками. Так появились на Северном острове Новой Зеландии горы, скалы и долины» (Кренделев, Кондратов 1990, 77–78; см. Тайлор 1989, 165) и т. п.

таким образом, к производному на **-ū-* от общеиндоевропейской основы **dheǵh-* со значением 'земля': **dhǵhū-* (буквально: 'подземная')» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 535–536)[9]. Вяч. Вс. Иванов обнаруживает соответствующее отношение даже между угаритскими (семитскими) *dǵ* 'рыба' и *dǵn* 'бог Даган', у других западно-семитских народов — 'божество подземного мира', распространяя это отношение, таким образом, на ностратический уровень (Иванов 1979, 9–10).

В русской традиции, согласно А. В. Гуре, «книжное происхождение имеют представления об огромной чудовищной рыбе ките. Эту мифическую рыбу мы встречаем в духовных стихах, в частности в „Голубиной книге": „А Кит рыба всем рыбам мати: <...> А на чем же у нас основалася мати сыра земля? / Основалася на трех на рыбицах, / На трех китах на рыбинах, / На трех рыбинах на китёнышах; <...> Что на Ките рыбе основан весь белый свет, / Утверждена мать сыра земля, / Мать сыра земля, вся подсолнечна; / Стоит Кит рыба — не своpохнется; / Когда ж Кит рыба потронется, / Тогда мать-земля вся поворотится, / Тогда белый свет наш покончится; / Ах, Кит рыбина разыграитца, / Всё синё море восколыхнитца, / Сыра мать земля вся вздрогонитца, / Увесь мир-народ приужаснитца, / Тады будя время опоследняя"». Имеются и другие апокрифические источники происхождения этого образа. По поверьям, бытующим в народной среде, на огнеродном ките или змие, живущем в огненной реке или в огненном море, держится вся земля. Когда кит-рыба под землей дрожит, на другой бок переваливается или ударяет хвостом, происходит землетрясение[10]. Согласно другим поверьям, земля стоит на двух больших рыбах (украинское Закарпатье), на двух рыбах, лежащих крест-накрест, или на трех китах (Киевская губ., также совр. Винницкая обл.)» и т. п. (Гура 1997, 757)[11]. В русской традиции, по словам Е. Левкиевской, считается, что «сотворив землю, Бог укрепил ее на одной или двух рыбах, которые плавают в море. Каждые семь лет рыба то опускается, то поднимается, в результате чего одни годы бывают дождливыми, другие засушливыми. Когда рыба шевелится, переворачиваясь на другой бок, случаются землетрясения. В некоторых областях считают, что рыба, держащая на себе землю, лежит, свернувшись кольцом,

[9] С целью сохранить единообразие форм записи, реконструируемые и.-е. морфемы приводятся по системе, используемой в «Индоевропейском этимологическом словаре» Ю. Покорного (Pokorny 1959) и в большинстве существующих других.

[10] Выражения *Кит-рыба под землей дрожит* или *на другой бок переваливается* буквально означают землетрясение (Даль IV, 116).

[11] Ср. Афанасьев II, 84–86.

и сжимает зубами свой хвост, а землетрясения бывают тогда, когда она выпускает хвост изо рта» (Левкиевская 2002, 81). «Упоминания об огромной рыбе, на которой стоит наш мир, встречаются в различных письменных источниках. В одном из древнерусских апокрифических сочинений говорится, что „в огненном море или в огненной реке живет плутоническое или вулканическое чудовище — великорыбие, огнеродный кит или змий елеафам". Кит этот, хоть и пребывает в море-океане, но из уст его исходят „громы пламенного огня". Этот кит сам держится огненной рекой и держит на себе землю. Когда он зашевелится, на землю потечет огненная река и настанет конец мира» (Там же, 471)[12]. В свою очередь, в армянской мифологии Лекеон, или Левиатан, по словам С.Б. Арутюняна, — это «огромная рыба, обвившая землю, плавающая в мировом океане. Лекеон тщетно пытается откусить свой хвост, полагая, что это часть чужого тела; если бы ему удалось поймать свой хвост, произошло бы крушение мира. От движений Лекеона происходят землетрясения» (МС 1991, 314). На библейском Левиафане, морском чудовище, побежденном Богом (ср. «основной миф», особенно северогерманский его вариант, где Тор выуживает в море Змея Мидгарда) и отождествляемом как с «большой рыбой» — китом, проглотившим Иону, так и с самим Дьяволом, мы здесь останавливаться не будем, упомянув только, что в апокрифах (в кн. Еноха, 4-й книге Ездры, «Апокалипсисе Баруха») и в агаде говорится о том, что «дневной пищей Левиафана служит рыба с рогами на голове, длиной в 300 миль» (МНМ II, 43) (ср. выше «большую рыбу», спасшую Ману, и соответствующий облик русского водяного).

Белорусы также верили, что «мир стоит на большой рыбе (позже было воспринято и представление о трех или четырех китах), и когда эта рыба шевелится, происходят землетрясения», а «если же по какой-то причине рыба перевернется на другой бок, то мир опрокинется вверх ногами, и настанет конец света» (Дучыц, Санько 2004, 439). Ср. у поляков:

Bóg światła wziął dwa wieloryby, złożył je na krzyż i na nie rzucił kruszynę jakby ziarnko piasku, z którego na ich grzbietach rosła, coraz w górę wzrastała ziemia, taka Europa miękka gdyby ciasto, biała gdyby kréda.

Бог света взял двух китов, сложил их крест-накрест и бросил на них песчинку словно зернышко, из которого на их спинах стала расти, постепенно вверх вырастала земля, такая Европа, мягкая как тесто, белая как мел.

(SSS 1999, 39)

В Литве на эту тему в первой половине XX в. записаны следующие сказания:

[12] Ссылка на: Щапов 1906, 111.

Ką sakydavo žmonės apie žemę seniau? Seniau žmonės manydavo, kad žemė stovi ant vandens, o ją laiko didelė, didelė žuvis Velioriba apsirietus apsukui žemę, uodegą įsikandus į dantis. Ir per daug metų žuvis pasens ir mirs, uodega išlys iš dantų ir bus sūdna diena.

Что говорили люди о земле раньше? Раньше люди думали, что земля стоит на воде, а держит ее большая, большая рыба Велёриба, обернувшись вокруг земли, закусив хвост в зубах. И спустя много лет рыба состарится и помрет, хвост выскользнет из зубов и настанет судный день.

(LTR 1170/351/)

Sūdna diena ateis. Aplink visą svietą yra apsirietusi didžiausia žuvis Vilioriba. Jos uodega yra įkąsta į dantis. (Kaip baranka.) Ir kai Vilioriba versis ant kito šono, ištvins jūrų vandenys, apsems visą žemę ir bus sūdna diena.

Настанет судный день. Вокруг всего света лежит обернувшись большущая рыба Вилёриба. Хвост она держит в зубах. (Как баранка.) И когда Вилёриба перевернется на другой бок, разольются воды морей, затопят всю землю, и настанет судный день.

(LTR 1977/25/)

Само название *Velioriba*, *Vilioriba* указывает на польское влияние, но в любом случае, по словам Н. Лауринкене (которую благодарю за предоставленные мне записи указанных сказаний), «мотив рыбы, опоясывающей землю в первозданном океане, можно было бы сопоставить с ролью змеи, выполняющей в некоторых традициях ту же функцию: в древнеиндийской (Шеша), скандинавской (Змей Мидгарда), египетской (Мехента)» (Laurinkienė 2002, 10)[13].

* * *

Словом, та же доминирующая хтоническая символика, которая определяет принадлежность рыбы к потустороннему миру, обнаруживает себя в «космологических представлениях о мифической рыбе (ките, щуке) как основании, на котором покоится вся земля. Все это говорит о том, что в народном сознании рыбы ближе всего стоят к гадам» (Гура 1997, 752), в частности, к змеям — главному воплощению противника громовержца в «основном мифе». Или же «'рыба' как водяное животное соотносится в древних представлениях с 'Нижним миром', в котором помещаются и другие водяные животные, а также 'змеи'» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 535). Действительно, по словам Юнга, «змея является самым распространенным символом темного, хтонического мира инстинкта. Она — как это часто и случа-

[13] Ср. Dundulienė 1996, 9.

ется — может заменяться равноценным холоднокровным животным, таким как дракон, крокодил или рыба» (Юнг 1997, 271). Ср. хотя бы алб. *bullar* 'полоз, уж', рум. *balaur* 'дракон' в связи с др.-гр. *phállē*, *phálaina* 'кит, мифическое чудовище', ср.-в.-нем. *bullich*, *bolch* 'большая рыба' и др. (Цымбурский 1987, 129–130). По словам В.Н. Топорова, «изображения рыбы в палеолитических памятниках Западной Европы в известном отношении близки к змеиным образам», а «вкратце судьба палеолитических заготовок в искусстве эпохи „мирового дерева" может быть описана следующим образом. Неясные отношения между изображениями копытных, птиц и змей-рыб преобразуются в четкую трехчленную, вертикально проецируемую систему: птицы — копытные — змеи-рыбы (шире — класс хтонических животных), причем птицы связываются с верхом композиции, с небом, копытные — со средней частью, с землей, змеи-рыбы — с низом, с подземным царством. Эти ассоциации были настолько устойчивыми, что периферийные элементы вертикальной структуры стали символами неба (птицы) и подземного царства (змеи-рыбы), сохранявшими свое значение независимо от места их изображения в живописном пространстве» (Топоров 1972, 92, 93).

Ср. в этом отношении хуритские «Песни о Кумарби», в которых о мифическом чудовище Хедамму, в частности, говорится:

Но змей — этих рыб земных —
И выдр — как собак речных —
Он тысячами глотал, —
Они ему сладки как мед.

(ЛУН 1977, 150)[14]

Змея здесь прямо определяется как «земная рыба». Ср. такие древнескандинавские кеннинги змеи, как *lyngfiskr*, буквально 'рыба вереска' (Стеблин-Каменский 1979, 40), или *grundar hvalr*, буквально 'кит земли' (Елизаренкова, Топоров 1984, 39). Согласно одному финскому сказанию. «прежде змея тоже жила в воде. Как-то раз побились змея с щукой об заклад: кто из них быстрее вплавь доберется до суши, тому и жить всегда на суше»; змея победила, поэтому «и до сих пор змея живет на суше» (ВПИ 2000, 180). Обращает на себя внимание в этой связи латышское сказание следующего содержания:

[14] Кстати, заслуживает внимания и выдра как «речная собака», или «собака воды», «ср. из более далеких типологических параллелей кит. *шуй-гоу* 'выдра' = 'собака воды'» (Иванов 1977, 162). Ближе к балто-славянскому ареалу ср. «Калевалу» (XL.120, 126, 164), где «морской собакой» последовательно называется щука (та же, кстати, на которую села лодка Вяйнямёйнена, см. выше) (Калевала 1985, 308–309) — ср. выше рыбу, преимущественно имéнно щуку, в роли домашнего животного водяного или Морского царя.

Vienreiz [gājuši] pa ceļam Dievs un velns. Iedami viņi atraduši striķi. Tad viņi paņēmuši striķīšam viens aiz viena gala, otrs aiz otra un sākuši vilkties. Velkoties viņiem striķītis pārtrūcis, un viens gals palicis Dievam, bet otrs velnam. Tad Dievs savu striķīša [galu] sviedis atpakaļ ūdenī, un tā radušās zivis. Bet velns savu striķīša galu sviedis uz priekšu krūmos un tā radušās čūskas.

Как-то раз шли по дороге Бог и черт и нашли веревку. Тогда один взялся за один конец веревки, а другой — за другой, и стали перетягивать. Наконец веревка у них порвалась, и один конец остался у Бога, а другой у черта. Тогда Бог свой конец веревки кинул назад в воду, и так произошли рыбы. А черт свой конец веревки бросил вперед в кусты, и так произошли змеи.

(TPD 1929, 76, № 97; см. Kursīte 1996, 363)

Таким образом, рыба и змея происходят буквально «из одной веревки» и отличаются лишь тем, что один конец ее попал в воду, а другой — на землю. Следовательно, и здесь змею можно определить как «земную рыбу» и, наоборот, рыбу — как «водяную змею». В этом же ключе, видимо, надо понимать и лечение от укуса змеи при помощи щучьего зуба (см. Straubergs 1939–1941, 693).

В литовской традиции рыбный король «представляется в виде большой рыбы с короной. Оба этих признака связывают его с намного более известным змеиным королем, также изображаемым как чрезвычайно большая змея с короной <...>. Оба этих образа — змеи и рыбы — очень тесно связаны (известна также „водяная змея", LTR 3235/198/)» (Būgienė 1999, 50). «В литовском фольклоре и в живой речи люди также путают разные виды змей, в том числе и ужей, — змеями называют не только ядовитых змей, близких их родственников ужей или медяниц, но и некоторых рыб, которые по своему системному положению очень далеки от змей» (Slaviūnas 1997, 319), например, рыбу вьюна (Dundulienė 1996, 11).

И в русской традиции, по словам Б.А. Успенского, «рыбы в народной мифологии рассматриваются как разновидность змея» (Успенский 1982, 146). Здесь также «отдельные поверья существуют о рыбе-вьюне, которого не едят, полагая, что он родом из гадюк» (Левкиевская 2002, 131). Ср. также такие названия рыб, как *змéярыба* 'Ophidium barbatum', *змейка* 'рыба из рода бычков, Gobius ophiocephalus' (Даль I, 686); названия миноги рус. *змея-рыба*, *червяга*, укр. *hадупа*, *вуж*, блр. *вужака*, пол. *wąż*, *żmija*, с.-хорв. *змијица*, *змијурица* / *zmijuljica* и др. (Усачева 2003, 52, 157, 158); рус. *водяная змея* 'щиповка' (Там же, 158), с.-хорв. *zmijavac*, *zmijarka* 'голец', *zmijeniса* 'щиповка', *змиуран* 'вьюн', болг. *змионка*, *змиорка*, *змиорче*, *змьорча*, *зъмина*, *зъмурка* 'вьюн', *змиорка*, *змиорче*, *змиурка*, *змиурче* 'щиповка', макед. *змијарка* 'щиповка' и др. (Там же, 94). В свою очередь, «щучьи зубы собирают и носят при себе, чтобы летом не укусила ни одна змея» (Гура 1997, 753). «Согласно болгарской легенде, св. Николай плыл однажды по морю в лодке. Поднялась буря, и

волны пробили дно. Св. Николай опустил руку в воду, схватил карпа и заткнул им пробоину. Благодаря карпу святой и его спутники были спасены. С тех пор существует обычай жертвовать св. Николаю карпа в Николин день. Роль карпа в этой легенде аналогична роли змеи в народных легендах о Ноевом ковчеге. Связь карпа с гадами обнаруживается и в мифологических представлениях южных славян: как и сорокалетняя змея, сорокалетний (по восточносербским поверьям) или столетний (по западноболгарским) карп превращается в летающего змея[15]. Целиком причисляют к гадам змеевидных рыб — угря, вьюна и миногу, которых считают нечистыми» (Там же, 757; ср. СМ 2002, 418).

Действительно, «нередко этих рыб принимают за ядовитых змей (например, у украинцев под Черновцами и близ Галича), за ужей (в Могилевской обл.) или считают „погаными" (в Пермской губ.), „нечистыми" (на Урале), родственными змеям: псков. *змеев брат* 'вьюн' (Островский р-н, Гривы), „гадючей" породы — о вьюне в Харьковской губ. Лужичане, как и немцы, верят, что угри спариваются со змеями. В туровском, ровенском и волынском Полесье вьюна считают змеей в двенадцатом, а в Хорватии — в девятом поколении. Такими представлениями объясняется часто встречающийся запрет употреблять этих рыб в пищу. У русских, кроме того, „голые" рыбы связываются с нечистой силой: угрей и налимов считают любимым блюдом водяного и никогда не едят, а если поймают, то сразу же отпускают обратно в воду» (Там же, 369–370; см. СМ 2002, 418), о чем уже вскользь было сказано выше. Так, по словам М. Забылина, «угорь — поганая рыба, змея. Простой народ не уважает угря, признавая в нем р е ч н у ю з м е ю, как по наружным ее признакам, так и по тому, что будучи разрезан на куски, угорь обнаруживает движение в каждой отрезанной части, точно так же, как змея» (Забылин 1992, 278). А по словам В.Ф. Демича, «в Новгородской губ. крестьяне... угря считают хитрой, злобной в о д я н о й з м е е й, которая за какие-то грехи лишена способности жалить людей. Поэтому избегают употреблять угря в пищу» и т. п. (ЭС 1998, 452)[16].

Как уже отчасти было показано выше, «сходство со змеей отражено в целом ряде названий угря, вьюна и миноги: пол. *żmij* 'угорь' (Вармия и Мазуры); болг. *змиюрка* 'угорь', *змионка* 'вьюн', *змиорка* 'угорь', 'вьюн'; серб.-хорв. *zmijica*, *zmijuljica*, *zmijara*, *gujavica*; словац. *hadná ryba*, укр. *гадина сьліпа* (р. Прут), *гадє сліпе* (гуцульщина), *вуж*, белор. *вужака* (Могилевская обл., Славгородский р-н), пол. *wąż* 'минога'

[15] «По восточносербским представлениям, *Змај* 'мифологический змей, дракон' происходит из рыбы *шаран*, у которой в сорок лет вырастают ноги и крылья» (Невская 1986б, 89).

[16] Ссылка на: Демич 1912, 42.

(Галиция); укр. *веретильниця* 'минога', 'вьюн' (Карпаты)» (Гура 1997, 369). Наконец, само балто-славянское название угря **angurĩas/*angarĩas/ *angerĩas* (> балт. **angurīs* > др.-прус. *angurgis* [**angurīs*], лит. *ungurỹs*; праслав. **ǫgorь* [**ǫgъrь*?] > рус. *угорь*, пол. *węgorz* и др.) означает буквально 'змееобразный' и непосредственно образовано от б.-сл. **angis* 'змея, уж' (> балт. **angis* > др.-прус. *angis*, лит. *angis*, лтш. *odze* 'змея'; праслав. **ǫžь* > рус. *уж*, пол. *wąż* и др.); на индоевропейском уровне ср. еще родственные лат. *anguis* 'змея' и *anguilla* 'угорь' (ср. также др.-гр. *échis* 'гадюка' и *énchelys* 'угорь'), сложное ср.-ирл. *esc-ung*, род.п. *esc-ongan* 'угорь', буквально 'в о д я н а я з м е я' (*esc* — 'вода'); типологически ср. тур. *jylan* 'змея' — *jylan balyγγ* 'угорь' и т. п.[17].

В литовской народной традиции угорь и происходит от змеи. Например, *Kai žydai Jėžų mūčijo, tai anie sau tada pasidėjo valgyt žuvų, o Jėzui — gyvatę. Tada Jėzus paėmė ir apvertė gyvatę unguriu — gardžiausia žuvimi* 'Когда евреи мучили Иисуса, то они положили себе для еды рыб, а Иисусу — змею. Тогда Иисус взял и превратил змею в угря — самую вкусную рыбу' (Balys III, 331, № 287).

Еще литовцы «верят», что *Ungurys eina per rasą labai toli valgyti pavasario žolių, iš kurių labiausiai mėgsta žirnius* 'Угорь ходит по росе очень далеко есть весенние травы, из которых больше всего любит горох' (Elisonas 1932, 51, № 452) (ср. в этом отношении такие славянские наименования угря, как рус. *травник*, с.-хорв. *travarica*, *travarka* (Усачева 2003, 72)). Соответствующее литовскому поверье знают и латыши: *Kad jaunie zirņi sāk rasties, tad zuši nāk no upēm zirņos* 'Когда появляется молодой горох, угри приходят из рек в горох' (Ltt 1940, 2151, № 35594; см. Šmits 1926, 123).

В свою очередь, латышское *zutis* 'угорь', согласно Я. Эндзелину, имеет тот же корень, что и лтш. *zivs*, *zuvs*, лит. *žuvìs* 'рыба' (первоначально деминутив **zu(v)-tis* 'рыбочка')[18]. Но в народной традиции он своим происхождением опять-таки связан со змеей:

[17] Топоров 1975, 88–89; Фасмер IV, 146, 150–151; Черных II, 282–283, 285; Būga II, 509–511; Fraenkel 1965, 10, 1163; Frisk 1960, 439–440; Mažiulis I, 77, 79–80; Pokorny 1959, 43–44; Walde, Hofmann I, 48. В свете сказанного выше следует иметь в виду, что указанное балто-славянское название змеи и ужа **angis* < и.-е. **ang^{u}(h)i-* выступает именно в качестве названия противника Громовержца в реконструированных индоевропейских формулах «Основного мифа» **g^{u}enti ṇg^{u}(h)im perunt*, **perperti ṇg^{u}(h)im Perunt* '(Громовержец) поражает/ударяет змея в отношении скалы' (см.: Иванов, Топоров 1974, 101; МНМ I, 530).

[18] См.: Fraenkel 1965, 1323; Frenkelis 1969, 42, 43; Karulis 1992, 569; Pokorny 1959, 416; другую этимологию (заимствование из шведского) высказала Б. Лаумане, см.: Топоров 1975, 89; Karulis 1992, 569.

Reiz Dievs un Velns gājuši gar upes malu pastaigāties. Tur viņi atraduši vecu zirga pinekli, ko Dievs paņēmis un gribējis iemest upē, bet Velns arī piesteidzies, saķēris pinekli aiz otra gala un pārrāvis uz pusēm. Dievs tomēr savu pinekļa pusi iemetis upē, kurš palicis par zuti. Bet Velns savu pusi nometis uz sausumu, un no šā izcēlušies čūska. Par to vēl tagad mēdz teikt, ka zutis ar čūsku esot tuvu rada.

Как-то раз Бог и Черт вышли у реки погулять. Там они нашли старые путы от лошади, которые Бог взял и хотел бросить в реку, но тут подоспел Черт, схватил путы за другой конец и порвал пополам. Бог свою половину пут все-таки бросил в реку, где та превратилась в угря. А Черт свою половину закинул на сушу, и из этой половины произошла змея. Об этом еще сейчас говорят, что угорь со змеей состоят в близком родстве.

(LTT 1991, 407; см. Šmits 1926, 123)

Zvejnieks piezvejojis zušus, uzkūris uguni un sācis tos cept. Pienācis Velns un jautājis: «Ko tu te cep?» «Zušus», atbild zvejnieks. Velns prasījis, lai dodot viņam arī kādu zuti, bet zvejnieks atbildējis: «Ej paķer, tur kārklu malā ir». Velns gājis ar'. Kārklu malā Velns ieraudzījis čūsku, noturējis to par zuti un gribējis noķert, bet čūska ieskrējusi kārklu krūmā. Velns, sava zuša meklēdams, izlauzījis kārklu krūmu. No tā laika kārklu krūmi augot izlauzīti.

Рыбак наловил угрей, разжег костер и начал их жарить. Подошел Черт и спросил: «Что ты тут жаришь?» «Угрей», ответил рыбак. Черт попросил, чтобы тот дал и ему какого-нибудь угря, но рыбак ответил: «Иди, возьми вон там, под ивняком». Черт и пошел. Под ивняком Черт увидел змею, принял ее за угря и хотел схватить, но змея скользнула в ивовый кустарник. Черт в поисках своего угря изломал весь кустарник. С тех пор ивовые кусты растут изломанные.

(LTT 1991, 464)

На основе латышских данных можно было бы даже реконструировать определение змеи как «чертова угря» или, шире, как «чертовой рыбы» (ср. выше о происхождении вообще рыбы и змеи из одной веревки). Причем славянской, в частности сербской традиции тоже свойственно соответствующее «противоположение змеи рыбе: Бог сотворил рыбу *jéгуља* 'угорь', а дьявол — змею» (Невская 1986б, 89).

По словам Л.Г. Невской, «многосложно связанные в народном сознании, иногда вплоть до полного отождествления, змея и рыба как классификаторы нижнего мира часто и в языковой номинации обладают одинаковой внутренней формой и оказываются сближенными или даже омонимичными: в параллель к уже отмечавшимся в своем месте с.-хорв. *šaran* 'карп' и 'ядовитая змея' и др. можно указать также такие литовские названия рыбы, как *rainė̃*, *margė̃* 'рыба из породы карповых' (субстантивированное прилагательное) при *rainóji*, *margìnė*, *margùlė* 'змея'; *marguõlis* 'окунь' при *marguõlė* 'змея'. Пестрота — постоянный эпитет щуки и других рыб, в фольклорных текстах предстающих как посмертное воплощение души: *Ši margoji lydekėlė būt man buvus motinėlė... Šis margasis ešeriukas būt buvusis man broliukas* 'Эта пестрая щучка была бы мне матушкой... Этот пестрый окунек был бы мне братцем'; *su raibaisiais lydekėliais* 'с пестрыми окунями' и т. д. Признак пестроты мотивирует внутреннюю форму таких ихтиологических имен, как лит. *dryžonytė* = *rainė* 'карп', польск. *pstrąg* 'рыба лососевых пород' и др. И, наконец, собственно противник Громовержца — черт именуется пестрым, рябым — *rainàsis*: *ką čia šioks toks rainasis, juodasis, nia — i pavarė arklius* 'тут такой-сякой, пестрый, черный, ну и погнал коней' (негативная семиотическая значимость пестрого подтверждается здесь синонимическим использованием двух эвфемистических наименований черта — 'пестрый' и 'черный'; ср. *rainãpilkis* — еще одно переносное обозначение черта, букв. 'пестросерый'» (Невская 1986а, 152)[19]. Соответственно в румынской традиции «отрицательность пестроты обоснована, в частности, тем, что это — признак дьявола, ср. одно из его имен — *Pistruetul*» (Цивьян 1984, 50).

М. Завьялова по этому поводу обращает внимание на этимологию самого русского названия *рыба* (высказанную В.Н. Топоровым): по ее словам, «связь змеи с рыбой, отраженная в последнем названии, может быть неслучайной. Помимо их общего отношения к воде и нижнему миру возможна связь через эпитет: русское название *рыба* этимологически связано с *рябой*, то есть 'пестрый', что является постоянным эпитетом змеи в русских и литовских заговорах. Эпитет 'пестрый' связан с оппозицией свет/тьма и соотносится с мраком (лит. *margas* — рус. *мрак*) и с мерцающим, сверкающим огнем — молнией (*моргавко* 'зарница')» (Завьялова 1998, 204).

---

[19] Другими словами, с одной стороны, «пестрота змеи в литовской традиции закреплена в многочисленных ее названиях, в основе внутренней формы которых лежит именно этот мотивационный признак: *margùlė* 'маленькая ядовитая змея', *marguõlė* 'гадюка', *margìnė*. В постоянном эпитете змеи обращает на себя внимание местоименная форма прилагательного: *margoji gyvatė*» и т. п., а с другой, «атрибутом *margas* наделяется также рыба, в народном сознании ассоциирующаяся со змеей. В рыбу, спасаясь от Перкунаса, превращается черт в латышской легенде (см. выше). В литовском фольклоре особенно популярен образ пестрой щуки: *Ten aš būč buvus, ten aš būč nardžius margąja lydekėle* 'там (в глубоком озере) я была бы, туда я нырнула бы пестрой щучкой'. См. также фрагмент литовского плача, в котором отношения родства переданы через „ихтиологический код" так, что матери соответствует пестрая щука, брату — пестрый окунь», см. выше, и т. п. (Невская 1984а, 132). См.: еще Невская 1986б, 86; а также Nevskaja 1999, 340, 341–342. Змея часто наделяется эпитетом «пестрая» и в латышской традиции (см. Kursīte 1996, 93).

К указанной этимологии слова *рыба* мы еще вернемся в другой работе, а теперь речь пойдет, по вышеприведенным словам Л.Г. Невской, о «рыбах, в фольклорных текстах предстающих как посмертное воплощение души», в первую очередь — о щуке как воплощении умершей матери.

* * *

Так, по словам Л.Г. Невской, «в „ихтиологическом" коде, возможно, наблюдается большая свобода в соотношении термина родства и породы рыбы. Однако выбор щуки как соответствия умершей матери (в других случаях — шире — умершей или осиротевшей женщины) представляется не случайным, в частности из-за сравнительно высокой частоты употребления в погребальном фольклоре (и далее в смежных жанрах вплоть до щуки-волшебной помощницы в сказках типа „По щучьему веленью"):

Velyk būtum	Лучше бы
Nunešusi,	Унесла,
Į dunojų	В дунай
Įmetusi:	Бросила:
Būč beplaukius	Плавала бы я
Su žuvelėmis,	С рыбками,
Su margosioms	С пестрыми
Lydekėlėms!	Щучками!
Ši margoji	Эта пестрая
Lydekėlė	Щучка
Būt man buvus	Была бы мне
Motinėlė.	Матушкой.
Šisai šamas,	Этот сом,
Šis didysis,	Этот большущий,
Būt buvusis	Был бы
Man tėtužis.	Моим батюшкой.
Šis margasis	Этот пестрый
Ešeriukas	Окунек
Būt buvusis	Был бы мне
Man broliukas.	Браток.
Šiji baltoji	Эта белая
Aukšliukė	Уклейка
Būt man buvusi	Была бы
Sesiukė.	Мне сестрица.
Būt benardžius	Я ныряла бы
Vandenėly,	В водице,
Ne siratos	То не слезы
Ašarėlės!	Сиротицы!

В приведенном пространном тексте ассоциированы мать и пестрая щука, сом и отец, окунь и брат, уклейка и сестра» (Невская 1983, 201–202)[20]. Но здесь мы находим и кое-что большее, а именно отождествление смерти, конкретно — утопления «в дунае» с превращением в рыбу. И это далеко не случайность. По словам Н. Лауринкене, «метаморфоза человека в воде — это, как правило, превращение его в рыбу», и «формулы такого рода особенно часты в плачах» (Laurinkienė 1990, 49). Вот еще один пример такого рода:

Buvo nunešti,	(Надо) было отнести,
Buvo įmesti	(Надо) было бросить
Į skraudų vandenelį.	В тяжкую водицу.
Aš būčiau buvusi	Я была бы
Šauni žuvaitė,	Лихая рыбица,
Žalioji lydekaitė.	Зеленая щучка.

(DŽT 1983, 215, № 199)

Нередко в литовских народных песнях не говорится прямо о превращении утонувшего в рыбу, а его смерть в воде представляется как свадьба с рыбой, например, *Buvo mergelė / Marių kuojelė* 'Была невестка / Морская плотва' и *Buvo pajaunėliai / Marių ešerėliai* 'Были дружки / Морские окуни' (LT II, 155, № 116) или же невестка у него — *Marių lydekėlė* 'Морская щучка' (LT II, 301, № 330) и т. п. (см. Laurinkienė 1990, 48–49). Однако само представление смерти в качестве свадьбы в литовской (и не только в литовской) народной традиции типично[21]. В другом случае утопленница превращается в рыбу и сама становится невестой рыбаков:

Kad taip nekenti manęs, motuže,	Раз так меня ненавидишь, матушка,
buvo mažą n'auginti:	(надо) было (меня) маленькую не растить:
buvo nunešti, buvo įmesti	надо было отнести, надо было бросить
į gilų ežerėlį.	в глубокое озеро.
Ten būčiau buvusi paskenduolėlė,	Там была бы я утопленницей,

[20] Текст литовского плача приводится по: Juška 1963. Перевод мой. — *Д. Р.* См. еще: Nevskaja 1995, 42; а также: Невская 1984б, 147.

[21] Учитывая это, можно полагать, что и Вяйнямёйнен в «Калевале», не сумевший в пойманной рыбке узнать своей желанной «девы Велламо» и таким образом упустивший свою возможность взять ее в жены (V.127–133: «Ты меня искал так долго / И желал в теченье жизни. / Ох, старик ты неумелый, / Вяйнямёйнен безрассудный! / Не сумел меня поймать ты, / Деву Велламо, русалку, / Дочь единственную Ахто»), в действительности — избежал смерти. В случае русского Садко это еще более очевидно: жениться на дочери Морского короля значило бы навсегда остаться на дне моря.

Žuvelių draugalėlė.
Ten būt žuvavę žvejų žmoneliai
su šilkiniu tinkleliu:
ten būt sužvieję, ten būt sugrieję
už margą lydekėlę.
Tai būč buvusi žvejų mergelė,
pajūriškių martelė.

рыбачьей подружкой.
Там бы рыбачьи люди рыбу ловили
шелковым неводом:
там поймали бы, там словили бы
(меня) как пеструю щучку.
Вот была бы рыбачьей невестушкой,
рыбачьей снохой.

(SDŽ 1954, 41, № 9; Jucewicz 1846, 35–37)

То же в сказках. Так, Элените в литовском варианте сказки «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» (AT 450), *įstumta vandenin, ne prigėrė, bet pavirto aukso kuoja* 'сброшенная в воду, не утонула, а превратилась в золотую плотву' (LT III, 464–466, № 160). В другой сказке утопленница *išlindo iš ažaro pusė žuvies, o pusė mergelės* 'вылезла из воды наполовину рыбой, а наполовину девушкой' (VKLT 1938, 222, № 516), да и наполовину девушка она, вероятно, лишь потому, что вылезла из воды. Иногда именно смертью, утоплением человека объясняется вообще наличие рыбы в воде. Так, в одной сказке река спрашивает, когда в ней появится рыба, а герой, осведомившись об этом в потустороннем мире, отвечает: *Tuomet turėsi žuvų, kai paskandinsi žmogų* 'Тогда у тебя будет рыба, когда утопишь человека' (LT III, 545, № 188; AT 460A). Ср. известный фольклорный мотив о жертве водоему или живущему в нем водяному.

Иногда утонувший сам превращается в водяного, который, в свою очередь, как мы уже видели, нередко предстает в облике (большой) рыбы. «Представления о том, что водяные происходят из душ утопленников, широко распространены у западных славян и встречаются в западных областях Украины и Белоруссии. У поляков водяной так и называется — *topielec*, т.е. 'утопленник', а у западных украинцев — *топельник*» (Левкиевская 2002, 500), ср. еще словац. *topielec*, полес. *топленик* и т. п. (СД I, 396, см. 397)[22]. Но у поляков «водяной, которым становится некрещеный утопленник, иногда принимает облик осетра» (Гура 1997, 755), т.е. рыбы. Таким образом, и в славянской традиции сохранились

[22] Об архаичности и архетипичности подобных представлений свидетельствуют, например, древнеегипетские «Тексты пирамид», где, по словам М.Э. Матье, некие мифические «Муу изображали умерших царей, которые встречали вновь пришедшего потомка и вели его к себе в загробный мир. Интересно само название Муу. Оно явно связано со словом *mw* — 'вода'. Не случайно в сцене перехода солнца с ладьи в воды Нуна присутствуют мумиеобразные существа, названные *mwiw nwnw* — 'находящиеся в водах Нуна'. Думается, что в образах этих „муу", „в о д я н ы х", отразились представления о том, что это были у т о п л е н н ы е правители Буто» (Матье 1996, 128–129).

представления о превращении утопленника в рыбу. Например, в России об утонувшем говорили: *Ушел в ершеву слободу* (Даль I, 522).

За пределами балто-славянской традиции в первую очередь следует иметь в виду уже упоминавшуюся 5-ю руну «Калевалы», в которой речь идет «О красавице погибшей, / О девице утонувшей / В волнах вод широкошумных» (V.9–11) — она-то, собственно, и предстает перед Вяйнямёйненом в образе выуженной им говорящей рыбки, которая признается, что она «дева Велламо» (Калевала 1985, 65–66). Само это несчастье подробно описывается в четвертой руне «Калевалы» (IV.319–370):

Но едва туда ступила,
Отдохнуть присесть хотела
На растрескавшемся камне,
На скале, блестевшей в море,
Как упал вдруг в воду камень,
Та скала на дно морское,
А с тем камнем и девица,
С той огромной глыбой Айно.
Так та курочка упала,
Так погибла та бедняжка
И сказала умирая,
С белым светом расставаясь:
«К морю я пошла купаться,
На волне морской качаться.
Вот я, курочка, упала.
Птичка бедная, погибла.
Никогда, отец мой милый,
Никогда в теченье жизни
Не лови в волнах здесь р ы б ы
На пространстве вод широких!
<...>
Ведь все волны в этом море –
Только кровь из жил девицы;
Ведь все р ы б ы в этом море –
Т е л о девушки п о г и б ш е й;
Здесь по берегу кустарник –
Это косточки девицы;
А прибрежные здесь травы
Из моих волос все будут.

(Калевала 1985, 60–61)

Мотив превращения в рыбу утопившейся от горькой жизни девушки известен и в оригинальном финском фольклоре:

Плакать мой отец не станет,
Братец горевать не будет,
Хоть бы я скатилась в воду,
Рыбкой бы упала в реку,
Очи мне сиги умоют,
Щуки волосы причешут.

(ВПИ 2000, 96)

Упомянем также австралийское предание о туземных «Ромео и Джульетте», в конце которого Магги говорит: «Я войду в море и стану рыбой. Я не хочу больше жить на земле», а «затем он взял Инмуру на руки и вошел с нею в воду. Магги превратился в рыбу баррамунди — гигантского окуня. Инмура же охотно разделила участь любимого» (Кудиновы 1987, 76–77, № 49). «В одной из китайских версий потопа Гунь принимает после гибели облик рыбы» (Топоров 1982, 392) (причем само имя Гунь означает 'огромная рыба' (МНМ I, 341)). Юнг напоминает историю «Афродиты и ее сына, прыгнувших, спасаясь от преследования, в Евфрат, где они были превращены в рыб»

(Юнг 1997, 122). М. Элиаде пересказывает «орфический миф» северо-американских йокутов телумни: «Один человек теряет жену. Он решает пойти за ней и сторожит у гроба. На вторую ночь она поднимается и идет, словно спящая, направляясь в Типикиниц — страну умерших, расположенную на западе (или северо-западе). Ее муж следует за ней вплоть до реки, над которой находится постоянно трясущийся и колышущийся мост. Жена оборачивается к мужу и говорит: „Что же ты делаешь, ты живой, ты не сможешь пройти через мост. Ты просто упадешь и станешь рыбой“» (Элиаде 2000, 291; ср. Элиаде 1998, 370–372, № 185). Здесь река представляет собой повсеместно известную мифическую водную преграду на пути в страну мертвых. Но, по словам Н. Лауринкене, «водоем — это и путь, по которому умерший может попасть в мир иной. Для того, чтобы достичь зоны потустороннего, человек сначала должен превратиться в такое существо, которое в состоянии жить в этой непривычной для него среде — воде» (Laurinkienė 1990, 49). В этом отношении приводится опять же отрывок из литовского плача:

Tai gal aš pavirstau	Так может я превратилась бы
Marga lydekėle,	В пеструю щучку,
Tai aš gal nuplauktau	Так может доплыла бы я
Į aukštą kalnelį,	До высокой горочки,
Tai gal aš rastau	Так может нашла бы я
Radnąją motulę	Родную матушку
Ir tikrą tėvulį,	И честного батюшку
Ir tikras sesules.	И честных сестриц.

(LT II, 525, № 567 (LTR 3432/6/))

По словам Т.В. Цивьян, «погружение в воду (утопление) представляет достаточно интересное ответвление мотива *река = путь* в иной мир, обозначая путь по вертикали. Оно может быть сопоставлено с известным сказочным сюжетом о герое, падающем в колодец = попадающем в *иной* мир. С одной стороны, вода как бы не принимается во внимание, будучи не более чем обозначением „водного способа“, необходимого условия для достижения *иного* мира. С другой стороны, эта *мифологическая вода* может стать проводником / чудесным помощником, а не вредителем, обеспечивая благополучное возвращение героя из опасного путешествия и подтверждая тем самым архетипическую схему посещения живыми царства мертвых (Одиссей, Эней и т. д.)» (Цивьян 1999, 181).

Представления о водном пространстве (реке, озере, болоте, море), лежащем на пути в царство мертвых, слишком хорошо известны, чтобы здесь их подробно обсуждать. Приведем лишь четверостишие показательной латышской дайны (имеется 5 вариантов):

Strauji tek Daugaviņa,	Быстро течет Двинушка,
Strauji dienu, strauji nakti.	Быстро днем, быстро ночью.
Kā ta strauji netecēs,	Как же она не потечет быстро,
Pilna dārgu dvēselišu.	Полная дорогих душ.

(BDS, № 30710-5; см. Kursīte 1996, 57)

В латышской традиции, в частности в песенной, таким образом, тоже «проявляется связь рыбы с миром мертвых и самим усопшим. Мир мертвых в таких песнях изображается как черные морские воды» (Kursīte 1996, 360). Так, например, и «среди археологических ископаемых под озером Буртниеку, в могильнике Звейниеку, где захоронения производились долгое время (с позднего мезолита до позднего неолита, т.е. с V по II тыс. до н.э.), наряду с костями бобра, лося, вепря, птиц и куницы найдены также рыбьи кости. Сопоставив это с инициационными сказками, где животные, птицы и рыба часто выступают в качестве помощников посвящаемого при исполнении определенных задач, в том числе при переправе из этого мира на тот свет и обратно, можно заключить, что похожими представлениями руководствовался и человек древнего каменного века, клавший в могилу рыбу, лося, бобра и т. п. Последние (возможно, тотемы) должны были помочь умершему переправиться на тот свет» (Там же, 360).

* * *

Заслуживает нескольких слов в этом отношении образ моря. Уже в вавилонском эпосе о Гильгамеше говорится:

Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, переправившись морем, —
Вод смерти достигнув, — ты будешь делать?

(Элиаде 1998, 321)

В славянской традиции «в плане соотнесенности Волоса с загробным миром особенно показательно старочешское выражение *k Velesu za moře*, относящееся к смерти и означающее, собственно, „на тот свет“» (Успенский 1982, 56). «Связь моря с отрицательным началом, в частности со смертью, подтверждается также представлениями, отраженными главным образом в сказках, согласно которым море служит дорогой на тот свет (ср. Афанасьев, № 216 [НРС 1958, № 216. — *Д. Р.*]: *море расступилося, дорога открылася, дурак ступил раз-другой и очутился... на том свете*)» (Иванов, Топоров 1965, 115)[23]. Соответ-

[23] См. еще: Иванов, Топоров 1974, 66.

ственно в литовских сказках, например: *Nieko nereikalauju, kad tik perneštum mane per šitas mares in aną svietą* 'Ничего не требую, перенеси только меня через это море на тот свет' (RSPS 1981, 47, № 16). По наблюдению В.Н. Топорова, одним из образов смерти и «в латышских дайнах с участием *Veļu māte* оказывается вода в разных ее видах, включая и слякоть, болото, море, влагу и т. п. Ср., в частности, мотив моря: *Dar', Dieviņi, zelta sētu / Visgarāmi jūras malas, / Lai nevar Veļa māte / Visu zemi zēģelēt* 'Сделай, Боже, золотую загородь / Вдоль всего морского берега, / Чтобы Мать Веля не смогла / По всей земле носиться' (№ 27683 в собрании К. Баруонса). Судя по этому фрагменту, *Veļa māte* находится за морем (ср. также лтш. *Velna māte*)», и в этом случае «латышский мифологический мотив (*Vel-* на море) до деталей совпадает со старочешским свидетельством о такой же локализации Велеса (ср. проклятие-отсылку XV в.: *někam k Velesu za moře*; *někam k Velesu pryč na moře*, подобно отсылке за море лихорадок, болезней и т. п. в русских заговорах). Мотив моря актуален и для ведийского Варуны (< **Vel-un-*), который, собственно, и воплощает собою Мировой океан, лежащий на периферии Вселенной и образующий ее рамку» (Топоров 1986, 55). Касательно латышской традиции в этом отношении можно добавить, что, согласно народным поверьям, вообще *elle esot jūrā* 'преисподняя находится в море', где и *velns dzīvo* 'вялнс живет', у которого *jūras dibenā* 'на дне моря' находится *liela pils* 'большой замок' *ar lieliem dzelzs vārtiem* 'с большими железными воротами' и т. п. (Straubergs 1939–1941, 556, 637, см. 558). Здесь, как мы видим, море уже само выступает в качестве места пребывания мертвых и их владыки, т.е. само как бы представляет пространство смерти. Сходным образом в русской традиции «Тридесятое царство» «может находиться под водой: „А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит: и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет" (Афанасьев, № 222 [НРС 1958, № 222. — *Д.Р.*]). Иногда упоминаются города, провалившиеся в озеро, как в сказании о граде Китеже» (Пропп 1998, 360–361). Ср. только что кратко описанные владения Морского царя с признанием ирландского Владыки моря: «Бран и его спутники думают, что это море, но для меня из колесницы все это — цветущий луг. Моя страна — под морем», где «испокон веков под волнами живут счастливые мои люди» (Demeter 1993, 181–182). Во всяком случае, по словам М. Элиаде, «многие народы, живущие у воды, считают, что потусторонний мир находится в морских глубинах» (Элиаде 2000, 222, см. 330). В литовских народных песнях утопший называется «морским зятем» (*marių žentelis*) или «морской снохой» (*marių martelė*) (LT I, 157, № 166; Vaitkevičienė 2001, 101; Vėlius 1987, 191), в чем тоже очевидно прямое соотношение моря и смерти, причем и на фонетическом уровне: ср. лит. *mãrios*, *mãrės*, *marià*, *mãrė* 'море' и *mara*, *mãras* 'смерть, умирание, мор', *marė́ti* 'вымирать', *marìnti* 'морить, умерщвлять' (LKŽ

рание, мор', *marė́ti* 'вымирать', *marìnti* 'морить, умерщвлять' (LKŽ VII, 846–849, 858–860 и далее)[24]; соответственно в русском (*море* и *мор*) и во многих других индоевропейских языках. Высказано даже предположение о том, что корни и.-е. **mŏr-* 'море, стоячая вода'[25] и **mer-* 'умирать; смерть' (Pokorny 1959, 748 и 735 соответственно) являются родственными, т.е. связанными генетически, этимологически (Казанскене 1985, 43–44).

Сходные представления касаются озера, болота и т. п.[26], и даже воды в быту: «Например, общеславянский характер имеет обычай выливать всю имеющуюся воду в доме, где кто-то скончался, так как душа человека после смерти „погружается" или „воплощается" в воде, находящейся в доме, и тем оскверняет ее» (Виноградова 1999, 152).

Таким образом, поскольку водоем, в частности море, в мифологическом мировосприятии представляет путь в мир мертвых или же сам мир мертвых, то утопление является метонимией смерти вообще. По словам Элиаде, «в воде все „растворяется", всякая „форма" разрушается, всякое прошлое упраздняется; ничто из того, что прежде существовало, не сохраняется после погружения в воду — никакое очертание, никакой „знак", никакое „событие". В человеческом плане погружение эквивалентно смерти, а в космическом — катастрофе, потопу, периодически растворяющему мир в водах первобытного Океана», поэтому «погребальное употребление воды объясняется теми же ее свойствами, что и космогонические, магические и терапевтические; воды „удовлетворяют жажду умершего", они его растворяют, связывают с семенами вещей; вода „убивает мертвого", окончательно лишая его человеческого состояния, чтобы в аду он пребывал в состоянии свернутом, как бы личиночном, с защитной способностью переносить страдания. Ни в одной из различных концепций смерти человек не умирает полностью; он лишь переходит в некую элементарную форму существования; это регрессия, а не окончательное исчезнове-

[24] *Martelė*, *marti* 'сноха' вносит сюда лишь дополнительную ассоциацию об известной связи смерти со свадьбой.

[25] По заключению Т.В. Цивьян, именно «„стоячая" вода немого подземного мира, мира мертвых <...> противопоставлена проточной воде говорливых, бегущих потоков звучащего верхнего мира, мира человека» (Цивьян 1999, 327). К соответствующему осмыслению «стоячей воды» в народной традиции ср. укр. (соответственно польск. и полесск.) *нетéча* 'стоячая вода, болото', но и непосредственно 'черт' (Толстой 1974, 30).

[26] См., например: Vėlius 1987, 53–54, 62; Straubergs 1939–1941, 558, 637 и др.; в славянской традиции см. о водяных, русалках, вообще «заложных покойниках» и т. п.

ние» (Элиаде 1999, 188–189, 191–192)[27]. Ср. в этом отношении такое литовское название преисподней, как *pãskandos* (LKŽ IX, 479), от глагола (*pa*)*skęsti* '(у)тонуть, погрузиться', и т. п.[28].

Следовательно, превращение утопленника в рыбу отсылает к представлениям о рыбе как об облике души умершего в потустороннем мире.

* * *

Действительно, например, «в ряде африканских традиций рыба — воплощение души умершего человека» (Топоров 1982, 393). Также североамериканские «индейцы оттава верили, что души умерших вселяются в рыб» (FW 1949, 392). «В Северном Калабаре, неподалеку от Экета, расположено священное озеро, в котором строго-настрого запрещено ловить рыбу, потому что местным жителям кажется, что в ней находятся их души и вслед за каждой пойманной рыбой угасает человеческая жизнь» (Фрэзер 1998, 717). Ср. также «рыбалку за душами»: согласно Фрэзеру, «на острове Целебес к носу, пупку и ногам больного иногда прицепляют рыболовные крючки, чтобы душа его при попытке бегства попадала на крючок и осталась с человеком. Один член племени турик с реки Барам (остров Борнео) не желал расстаться с крючковидными камнями, так как, по его утверждению, они прицепляли его душу к телу и таким образом не давали духовной его части отделиться от телесной. Приморские даяки считают, что пальцы колдуна или шамана должны быть снабжены рыболовными крючками, которыми он в момент отлета души будет захватывать и возвращать ее в тело больного» (Там же, 195). «Карстен, специально исследовавший художественные украшения в Южной Америке, приходит к заключению, что преобладание в этих украшениях рыбы вызвано тем, что эти украшения „стоят в связи с верой, будто души умерших превращаются в рыб". Племя Collas в Перу „рассматривает рыб как своих братьев, потому что их предки якобы произошли из той же реки"» (Пропп 1976, 228). «В Буине некогда существовал обычай бросать кости

[27] «Это представление удержалось также и в философском умозрении. „Душам смерть — воды рожденье", — говорил Гераклит (фр. 66). „Вот почему сухая душа — мудрейшая и наилучшая" (фр. 68). Боязнь, что влага „растворит" души, покинувшие свои тела, вызовет их рост и вновь включит в круговорот низших форм жизни, была распространена в греческой сотериологии. В одном из орфических фрагментов (Климент Александрийский, „Строматы" VI.2.17.1) говорится, что „вода — смерть душе"» и т. п. — Примечание Элиаде, там же.

[28] Шире об этом см.: Vėlius 1987, 59; Beresnevičius 1990, 108; Vaitkevičienė 2001, 143, 149, 155; Топоров 1975, 170–171.

сожженных трупов рыбам. На Гималайских горах есть пруд Сараевата, в котором находятся священные рыбы, называемые Mrikunda, „при кормлении которых приносятся жертвы манам умерших родственников" (Шефтеловиц). <...> Все эти материалы показывают, что рыба — это умерший, и что такое представление было широко распространено. <...> Птица есть представительница воздушного царства мертвых, рыба — подводного. Эти представления стоят в связи с образованием представлений о воздушном далеком царстве мертвых, куда улетают, и о царстве мертвых, находящемся под землей или под водой» (Там же, 230). И в Древнем Египте рыба «рассматривалась в качестве символа души, насколько можно заключить из росписи на одном из позднеэллинистических саркофагов. Мумия здесь возлежит на носилках в форме льва; под носилками находятся четыре сосуда — канопа, крышки которых изображают четырех сыновей Гора. Три из них имеют головы животных, четвертый — голову человека. Над мумией парит рыба вместо обычной птицы — души» (Юнг 1997, 140). Вспомним, что в иудейской традиции верные после смерти, по словам Юнга, «облачаются в одеяния рыб» (Там же, 129). «Иудейская „чаша благословения" иногда украшалась изображениями рыб, поскольку рыбы служат пищей блаженных в Раю. Чашу клали покойнику в могилу как погребальный дар. Рыбы получили широкое распространение в качестве надмогильных символов. Христианская рыба чаще всего встречается именно в такой связи» (Там же, 131).

В славянской традиции «связь рыб с душами умерших, находящихся на том свете, отражена в белорусской загадке о рыбе: *На тым свете живый, а на гетым мяртвый* (Могилевская губ.). Русины-украинцы Буковины представляют царство мертвых как страну блаженных *рахманов* — наполовину людей, а наполовину рыб. Ср. рус. дон. *рахманки* 'внутренности рыбы'. Иногда предвестьем смерти является и сон о рыбе (Ровненская обл., Дубровский р-н, Сварицевичи). Не случайно также и в обрядовой традиции рыба используется в качестве поминального блюда (например: Киевская губ.)» (Гура 1997, 748–749; см. Дучыц, Санько 2004, 441; СМ 2002, 417). Водяного, особенно в виде получеловека-полурыбы, согласно среднерусской (смоленской) традиции, «называют „навной" (по-видимому, от *навь*, *навъ*, *навье* 'покойник'), что является указанием на связь духа водной стихии с культом умерших, с представлениями о потустороннем мире» (Криничная 2001, 455). Отражаются в мифологическом образе рыбы и представления о водной преграде на пути в потусторонний мир или водном пути туда: например, «в русской сказке о Марке Богатом герой совершает переход на тот свет по киту-рыбе (Нижегородская губ., Лукояновский у., Гаврилово) или по огромной щуке-рыбе, протянувшейся по всему морю» (Гура 1997, 758).

Далее, о щуке «существует русская примета, что если она плеснет хвостом перед рыбаком, то он вскоре умрет, по белорусской примете — не проживет более трех лет» (Там же, 752). Сходные поверья бытуют у латышей: *Ja zivis kuģim seko, tad no kuģa ļaudīm kāds mirs vai slīks* 'Если рыба следует за лодкой, так кто-нибудь из людей в лодке помрет или утонет' (Ltt 1940, 2154, № 35663; Straubergs 1944, 233).

Выраженная рыбья немота тоже, в конечном счете, осмысляется связью ее с миром мертвых. В литовском поверье, например, *Jei mažam vaikui duosi žuvies, jis nekalbės* (*nebylys taps*) 'Если маленькому ребенку дашь рыбу [есть], он не будет говорить (станет немым)' (BE 1925, 351). То же у славян: «представления о немоте рыб определяют некоторые запреты, бытующие в народной традиции. Так, детям, пока они не начнут говорить, не дают есть ни рыбы, ни ухи, иначе они долго будут немы, как рыба, не научатся говорить (Витебская губ., Дриссенский у., Борковичи; Минская губ., Слуцкий у.; Македония, Лужица). В Сербии по тем же причинам запрещено есть рыбу и беременной женщине. Это свойство рыбы как ее мифологический признак играет определенную роль и в представлениях о рыбах как душах: беззвучность, немота — признак, соотнесенный с миром мертвых, сближающий рыбу и душу человека, отошедшего в мир иной, или ребенка, еще не появившегося на этот свет» (Гура 1997, 747). Другими словами того же автора, «немота как признак мира мертвых играет существенную роль в представлениях о рыбах как душах» (СМ 2002, 417).

В литовском связь рыбы с миром мертвых и смертью явно отражается на внешней, фонетической форме соответствующих слов и корней. Ср. *1 žū́sti* (*žū́sta; žùvo*) '(по)гибнуть' и *2 žū́sti* (*žū́sta; žùvo*) 'ловить рыбу, рыбачить'; *1 žū́ti* (*žū̃va, žū́sta, žū̃na; žùvo*) '(по)гибнуть; умереть; пропасть, исчезнуть' и *2 žū́ti* (*žū́sta, žū̃va, žū̃via, žū̃na, žū̃ja; žùvo, žùjo*) 'ловить рыбу, рыбачить' (ср. *1 pra-žū́ti* 'погибнуть; пропасть' и *2 pra-žū́ti* 'некоторое время ловить рыбу, провести за рыбалкой'); *1 žūtìs* 'гибель' и *2 žūtìs* 'рыбалка'; *1 žuvéti* 'ловить рыбу, рыбачить' и *2 žuvéti* 'пропадать'; *1 žuvìmas* 'гибель' (*pra-žuvìmas* 'пропажа, пропадание') и *2 žuvìmas* 'рыбная ловля'; *1 žuvinéti* 'погибать' и *2 žuvinéti* 'ловить рыбу, находиться на рыбалке'; *žuvìnis* 'рыбный, рыбий' и *žuvinỹs* 'пропавшее животное или вещь'; *1 žùvinti* 'запускать мальков в безрыбный водоем' и *2 žùvinti* 'убивать, губить' (LKŽ XX, 989–1008). К связи значения 'пропасть, исчезнуть' именно с водой ср. рус. *как в воду кануть* и лит. *kaip į vandenį* (*vandenin, vandeny*) с соответствующей семантикой: *Dingo kirvis kaip į vandenį* 'Пропал топор, как в воду канул'; *Visi dingo kaip vandeny* 'Все исчезли, как в воду канули'; *Pražuvo kaip į vandenį mūsų kumelė* 'Пропала наша кобыла, как в воду канула'; *Iki nūdienai jokio girslo — pražuvo vaikiščias kaip vandeny* 'Доныне ни слуху, ни духу — пропало детище, как в воду кануло' и т. п. (LKPŽ 1985, 304). Таким образом, в словах (fem.) *žuvẽ, žuvìs* непосредственно слышен отголосок значения гибели, смерти (ср. еще fem. *pra-žuvà, pra-žuvė*, masc. *pra-žuvis* 'погибель' (LKZ X, 595)), что полностью отвечает вышеуказанным мифологическим представлениям о рыбе[29]. Причем созвучие сохраняется и в фонетических вариантах обоих корней: *1 žiū́ti* (*žiū́sta; žùvo*) и *2 žiū́ti* (*žiū́sta; žùvo*), *žiuvẽ, žiuvìs* (LKŽ XX, 819–820). Ср. в быличке: *Nuo to laiko tam ežere žuvų niekas nepagauna, mat, žuvus žuvų karaliui, žuvo ir jos* 'С тех пор в этом озере рыбу никто не может поймать, потому что с гибелью рыбного короля погибла и вся рыба' (LD 1979, 30; SV 1987, 29). Во всяком случае, лит. *žùvęs* 'погибший, гиблый' на уровне звукописи невольно вызывает ассоциацию 'превратившийся в рыбу'.

Этимологически лит. *žuvìs*, лтш. *zivs* (диал. *zuvs, zuve*), др.-прус. *suckis* (**zu(vi)-kis, *zu(vi)-kas*) 'рыба' (также др.-прус. *sweikis* < **z(u)veikis* 'треска') за пределами балтийских языков, не считая реконструируемого праславянского **zъvь*[30], связываются лишь с др.-гр. *ichthýs* и армянск. *jukn* 'то же' и вместе с последними сводятся к праформе и.-е. **ǵhðū-* 'рыба'[31]. Однако происхождение самой этой праформы, как правило, далее не оговаривается. Правда, Ю. Покорный под вопросительным знаком выдвигает вариант **ǵhi̯ū-*, при помощи которого с большой осторожностью предлагает включить сюда же такие германские названия рыб, как ст.-швед. *gius*, швед. *gös* 'окунь/судак (Perca Lucioperca)' и нововерхненем. диал. *giesen* 'род карпа (Cyprinus ce-

[29] Вероятно, речь должна идти не о нейтральной смерти, а именно о погибели, «плохой» смерти, которой как раз соответствует нижний, подводный мир мертвых, в противопоставлении «благой» смерти (собственно *смерти*, ср. др.-инд. *su-mṛtyu-*, буквально 'благая смерть', и т. п., см. Фасмер III, 685–686 и др.) и верхнему, небесному миру мертвых. По словам Й. Басанавичюса, *Apie myrį sakyta: «Dieve duok mirt, o ne pražūt!» Toks visiškas prapuolimas, išnykimas vadinosi «pražuva»* 'О смерти говорили: «Дай Бог умереть, а не сгинуть!» Такая полная погибель, исчезновение называлось *pražuva*' (BV 1998, 62; см. Beresnevičius 1990, 22). Здесь можно вспомнить литовскую сказку «Юрате и Каститис», в которой рыбак Каститис во время рыбной ловли (*2 žū́ti* и т. п.) привлекает к себе внимание морской царевны Юрате, буквально «Морюшки» или «Моревны», которая соблазняет его на любовную связь, за что громовержец Перкунас навеки забирает его в плен на дно моря (*1 pra-žū́ti* и т. п.) (см. Jucewicz 1846, 103–109).

[30] См.: Топоров 1960, 5; Фасмер III, 526.

[31] Buck 1949, 184; Fraenkel 1965, 1323; Frisk 1960, 745–746; Karulis 1992, 565; Mažiulis IV, 167, 172–173; Pokorny 1959, 416; см. Гамкрелидзе, Иванов 1984, 536.

phalus)' (Pokorny 1959, 417). К. Карулис, однако, идет еще дальше и не только высказывает предположение о том, что первичной формой корня было *ǵheu-, а различные расширения ее (др.-гр. на -th-, герм. на -i-) имеют вторичный характер, но и предлагает сопоставить этот и.-е. *ǵheu- как с и.-е. *ǵheu- 'лить (gießen)', во-первых, так и, во-вторых, с и.-е. *ǵhēu-/*ǵhəu- 'разевать рот, зевать, зиять (gähnen, klaffen)' (Ibid., 565; см. Pokorny 1959, 447–448 и 419–420, 449 соответственно).

В данном случае особый интерес представляет первое сопоставление. Дело в том, что лит. *žūti* '(по)гибнуть; умереть; пропасть, исчезнуть', а также *žudýti* 'убивать, губить', лтш. *zust* (*zūdu, zudu*) 'пропасть, исчезнуть', *zaudēt* '(по)терять, утратить, лиши(а)ться', наряду с ср.-ирл. *gūass, guss* 'опасность, тревога', кимр. *gwst* 'зло, худо, болезнь' и англосакс. *gietan, ā-gietan* 'ранить, уби(ва)ть', возводятся к и.-е. корню *ǵheu-/*ǵheu-d- 'пропасть, исчезнуть, погибнуть (verschwinden, umkommen)' (Pokorny 1959, 448)[32], который К. Карулис далее связывает именно с *ǵheu- 'лить' (Karulis 1992, 550, 568)[33]. В таком случае лит. *1 žūti* '(по)гибнуть; умереть; пропасть, исчезнуть' и *2 žūti* 'ловить рыбу, рыбачить', *žuvìs* 'рыба', а также все другие вышеприведенные литовские слова, связанные с обоими гнездами, как и латышские их соответствия, в конечном счете оказались бы родственными, тем самым на уровне этимологии подтверждая и углубляя мифологическую связь рыбы с миром мертвых. По соображениям Карулиса, «может быть, разнообразие форм (данного названия рыбы в указанных и.-е. языках) и вставление расширителя имеют табуистический характер, так как вода и ее жители в воззрениях древнего человека были тесно связаны с магическими представлениями о подземном царстве мертвых» (Karulis 1992, 565). Те же представления могли повлиять на форму слова и положительным образом, усиливая ассоциацию.

[32] Сюда же, видимо, рус. *жудá* 'ужас, бедствие', *жудкий* (*жуткий*) и др. (Фасмер II, 63, 68; Черных I, 310), если только это не заимствование из литовского: семантика слов, вопреки сомнениям Фасмера, этому не противоречит, см.: Zinkevičius 1984, 274, а также LKŽ XX, 974–983.

[33] Ср. лтш. диал. *žaut* 'лить' и лтш. *zvetēt* 'бить, стегать, хлестать, парить', которое Карулис возводит к тому же *ǵheu- 'лить' и объясняет через диал. *zvetēt* 'лить воду в бане на камни, дать пару' → 'парить(ся)' → 'бить' (Karulis 1992, 572). К отношению значений 'лить' и 'бить' вообще ср. лит. *líeti* 'лить, выливать', но и 'ударить, хлестнуть' (ср. *Kai perliesiu pančiu, tai žinosi* 'Как хлестну [букв.: 'перелью'] путами, будешь знать' и т. п.) (см. LKŽ VII, 438–444); *pìlti* 'лить, наливать', но опять же и 'бить, ударить, «вмазать»' (*Aš jam kai pyliau ausin, tai tuoj atsisėdo!* 'Я ему как вмазал [букв.: 'влил'] в ухо, сразу присел!' и т. п.), *pìlti* [*i*] *kailį* 'надирать шкуру', *pylà* 'сильный дождь', но и 'побои, битье' и др. (см. LKŽ IX, 975, 1004–1008 и далее). Значение 'погибать, исчезать' со значением 'лить' можно связать и другим образом — через значение 'завораживать' (см. ниже). Во всяком случае, ср. производное от того же и.-е. корня др.-гр. *chéō* 'лить, проливать, разливать, распространять и т. п.', при помощи которого Гомер описывает именно смерть: *amphì dé hoi thánatos chýto* 'смерть объяла его' (ДГРС 1958, 1773).

Далее, лит. *žūti* '(по)гибнуть; умереть; пропасть, исчезнуть', лтш. *zust* 'пропасть, исчезнуть' и др. этимологически связано с лит. *2 žavéti, 2 žavìnti* 'убивать, губить' (LKŽ XX, 218, 220–221)[34]. С другой стороны, ср. *1 žavéti, 1 žãvinti* 'очаровывать, завораживать' (и вообще 'чаровать, ворожить'), устар. 'заговаривать, заклинать' и т. п. (LKŽ XX, 215–218, 220), лтш. *zavēt* 'колдовать, чаровать'. Однозначного мнения в отношении этимологии последних тоже не существует, они связываются либо непосредственно с *2 žavéti, 2 žavìnti* 'убивать, губить', *žūti* '(по)гибнуть и т. п.', либо с рус. *звать, зов*, др.-инд. *hávate* 'зовет, призывает', *hava-* 'зов', авест. *zavaiti* 'заклинает' и др. Например, по убеждению К. Буги, лит. «*žavéti* и лтш. (соб. куронское) *zavēt* 'колдовать, чаровать' не имеют ничего общего с авест. *zavaiti* 'зовет, кличет' и слав. *zovetъ*, так как основным значением литовско-латышского слова было не 'звать', а 'портить, губить'», поэтому оно «принадлежит к той же этимологической группе, что и лит. *žavinù, žavinti* 'убивать, умерщвлять'» (Būga II, 680; см. III, 682). Того же мнения придерживается П. Скарджюс (Skardžius 1996, 543). А вот М. Фасмер уверен в том, что указанные литовские слова, наоборот, именно родственны русскому *звать* (*зову*), др.-инд. *hávate* 'зовет, призывает', авест. *zavaiti* 'заклинает' и др. (Фасмер II, 85). Э. Френкель не решается встать ни на одну из сторон и ограничивается заключением: Etymologie umstritten (Fraenkel 1965, 1293)[35]. К. Карулис же приходит к компромиссу и высказывает предположение о том, что в лтш. *zavēt* 'колдовать, чаровать', лит. *žavéti* 'очаровывать, завораживать и т. п.' «слились рефлексы двух и.-е. корней» (Karulis 1992, 550). Первый из них — это и.-е. *ǵheu- 'лить', с которым, согласно пересказанным выше предположениям Карулиса, связано как лит. *žūti* '(по)гибнуть', лтш. *zust* 'пропасть, исчезнуть' и др., так и лит. *žuvìs*, лтш. *zivs* и др. 'рыба'. Второй — это и.-е. *ǵhau-/*ǵhau̯ə- 'кричать, звать, призывать (rufen, anrufen)', к которому, как уже говорилось, восходят др.-инд. *hávate* 'зовет, призывает', *hava-* 'зов', авест. *zavaiti* 'заклинает', рус.

[34] Būga II, 456; III, 682; Fraenkel 1965, 1323; Фасмер II, 63.

[35] Здесь же литература вопроса, которую дополнительно см. в: Karulis 1992, 550–551.

рус. *звать*, *зов* и др., среди которых, например, и гот. *guþ*, др.-исл. *goð*, *guð*, англ. *god*, нем. *Gott* 'бог' (< **ǵhŭ-to-* 'призываемый') (Pokorny 1959, 413–414; см. Mayrhofer III, 585–586).

Однако, по словам О.Н. Трубачева, «наблюдения помогли установить определенную закономерность, с которой глагольные основы, обладающие древними значениями 'поить, совершать возлияния', образуют затем термины 'петь', 'звать, взывать (первоначально к божеству)'. Так, слав. **pojǫ*, **pěti* этимологизируется как древний каузатив ('давать пить') от глагола **piti* <...>. Аналогичная связь объединяет и.-е. **ǵheu̯ā-* 'призывать, обращаться' (др.-инд. *hávate*, слав. *zъvatí*) — **ǵheu̯-* 'лить' (др.-инд. *juhóti*, греч. *chéō*)» (Трубачев 1964, 104)[36].

Таким образом, лит. *1 žavéti* 'очаровывать, завораживать; заговаривать, заклинать', *2 žavéti* 'убивать, губить', слав. **zъvati* 'звать', **zъvъ* 'зов' и, с другой стороны, слав. **zъvь* 'рыба', лит. *žuvìs* и др. могли бы оказаться исконно родственными словами — ср. завораживающее и тем самым приводящее к гибели пение рыбоподобных сирен, русалок и просто рыб.

* * *

Все эти рассуждения, однако, как было указано, опираются на предложенное К. Карулисом сопоставление корня и.-е. **ǵheu-* (>**ǵhðū-*) 'рыба' с корнем и.-е. **ǵheu-* 'лить'. Но Карулис, как мы видели, предложил и возможное другое не менее интересное сопоставление, а именно с корнем и.-е. **ǵhēu-/*ǵhəu-* 'разевать рот, зевать, зиять (gähnen, klaffen)', который является вариантом (расширением) более общего и.-е. **ǵhē-/*ǵhə-* с тем же значением (Pokorny 1959, 419–421 и сл., 449) и к которому восходят такие слова, как лат. *hio,-āre* 'разевать рот, пасть; разверзаться, зиять' (например, *humus hiat* (ЛРС 1949, 411)); др.-гр. *chaínō* 'раскрываться, разверзаться, зиять', *chauli-ódōn* 'с выдающимися клыками', *chaũnos* 'рыхлый, пористый, губчатый' и *cháos* 'хаос'; др.-исл. *gapa* 'раскрытая, зияющая пасть', *gap* 'отверстие; бездна, пропасть' и первичная бездна хаоса *Ginnunga-gap* (и.-е. **ǵhē-p-*; сюда же англ. *gap* 'щель, ущелье; отверстие' и др.); рус. *зиять*, *разевать*; лит. *žióti(s)* 'разевать, раскрывать рот', но и 'разверзаться, расступаться (о земле)', *žiótys* 'пасть; устье; горловина', с расширителем *-p-* также *žiópčioti*, *žiopsėti* 'раскрывать и закрывать пасть' (то же с *-b-*: *žióbauti*, *žióbčioti*, *žiobúoti*, также, видимо, *ap-žeboti* 'охватить ртом

[36] См. также дополнение О.Н. Трубачева к статье *пою, петь* словаря Фасмера (Фасмер III, 350). Указанной форме и.-е. **ǵheu̯ā-* совершенно точно отвечает, например, лит. *ževóti* 'громко кричать, реветь' (LKŽ XX, 422).

[ap-žioti]' и т. п.), *žiõptai* 'пасть', но и 'жабры' и др.[37]. Ср.: *Gerklė žuvies vadinas žioptai* 'Рыбья глотка называется *žioptai*' (LKŽ XX, 681, 689, 693); *Žiobuoja kaip žuvis iš vandenio ištraukta* 'Разевает рот, как рыба, вытащенная из воды' (LKŽ XX, 670); *Ko čia žiobauji kai lydekaitis kašelėj!* 'Чего зеваешь, словно щупак в сумке!'; *Ko tu čia žiopsi lyg žuvis?!* 'Чего зеваешь, как рыба?!'; *Žiopčioja kaip žuvis be vandens* 'Разевает рот, как рыба без воды'; *Ko žiopčioji, kaip žuvis ore?!* 'Чего зеваешь, как рыба на воздухе?!' (LKPŽ 1985, 147, 343, 344) и т. п. Ср. в этом отношении лит. *žióbris*, *žiobrỹs* 'рыбец, сырть (Vimba vimba)', например: *Ko žiopsi kaip žiobris* 'Чего зеваешь (глазеешь), как рыбец' и т. п. (LKŽ XX, 669)[38]. Ср. также приводившуюся выше литовскую быличку, в которой *Vinciukas Spiecius pagava Erzveta ežeri žuvį ne žuvį, greiciausiai velnių, kataras citei žebuoja. Kad nenumetįs i nepersižegnojįs, piauniai būtų prarijis* 'Винцас Спецюс поймал на озере Ержветас рыбу — не рыбу, скорее всего черта, который иначе разевает пасть. Если бы не бросил прочь и не перекрестился, наверняка тот его проглотил бы' (Vaitkevičiai 1996, 200).

Сопоставление корня и.-е. **ǵheu-* (>**ǵhðū-*) 'рыба' с корнем и.-е. **ǵhēu-/*ǵhəu-* < и.-е. **ǵhē-/*ǵhə-* 'разевать рот, зевать, зиять', таким

[37] Фасмер II, 98; Черных I, 325; Fraenkel 1965, 1312–1313; Vries 1962, 156, 167; а также Pokorny 1959, 419–422, 449, но и 382: и.-е. ** ǵep(h)-/ǵeb(h)-* 'челюсть, жабра, пасть', с выделением которого в отдельный корень балтийский материал не позволяет согласиться, и наличие или отсутствие аспираты в анлауте реконструируемого корня этому не может препятствовать (сюда же рус. *жабра*, *зобать* и т. п. (Фасмер II, 31–32, 102; Черных I, 289–290, 328)). Очень соблазнительно в этом ряду было бы видеть и лит. *žiáunos*, лтш. *žaunas* 'жабры', которые принято связывать с рус. *жевать* и др. и возводить к и.-е. **ǵ(i)eu-* 'жевать, кусать' (Фасмер II, 39–40; Черных I, 294; Būga III, 659; Fraenkel 1965, 1302–1303; Karulis 1992, 575; Pokorny 1959, 400). Поэтому, видимо, Карулис имел смелость заключить, что сам этот «и.-е. корень является родственным с и.-е. **ǵhē-* 'зевать, разевать рот, пасть'» (Karulis 1992, 575), что, однако, немного подозрительно с фонетической точки зрения. Тем не менее ср. лит. *žiáuti* 'разевать, раскрывать рот (= *žióti*)' (LKŽ XX, 438).

[38] То есть различие лишь в расширителе *-p-* или *-b-*. Однако принятая этимология основывается на вторичной семантике пестроты: ср. лит. *žẽbras* 'пёстрый', точнее 'у кого крапчатая, усыпанная крупинками морда' < *žẽbėti* 'зобать, подбирать мелкую пищу губами' (Fraenkel 1965, 1311; Mažiulis IV, 88–89; см. Būga II, 676–677; Urbutis 1981, 175; Фасмер II, 31–32), но и — 'žiopčioti'! (LKŽ XX, 229, см. 233–234). В любом случае, первичный этимологический источник слова тот же (см. еще: Fraenkel 1965, 1294–1295; Karulis 1992, 551; Pokorny 1959, 382; Фасмер II, 102; Черных I, 289–290, 328).

образом, отразило бы связь рыбы с пучиной хаоса, который часто представляется в виде именно водной бездны, первичного океана, моря[39]. По словам А. Ф. Лосева, «хаос поэтому означает прежде всего 'зев', 'зевание', 'зияние', 'разверстое пространство'», а «у схолиастов хаос мыслится <...> как вода (с фантастической этимологией от *chéō* 'лью, разливаю')» и в то же самое время «он — мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто» (МНМ II, 579, 581). Явно выраженное представление о хаосе как о зияющей пасти при этом создает хорошо известный образ морского чудовища — большой рыбы, разверзнувшей глотку (ср. хотя бы «Сон Филиппа II» Эль Греко (МНМ II, 43)).

Вообще всепожирающая хищность рыбы хорошо известна и вошла в поговорку. Ср.: (*Kaip*) *žuvis žuvį ryja* '(Как) рыба рыбу пожирает'; *Žuvis žuvį ryja, o žmogus — žmogų* 'Рыба рыбу пожирает, а человек — человека'; *Žmogus žmogų kaip žuvis žuvį ryja* 'Человек человека как рыба рыбу пожирает'; *Большая рыба маленькую целиком глотает*; *Wielkie ryby pożerają małe* и соответственно во многих европейских языках вплоть до *Piscem vorat maior minorem* (Grigas 1987, 559, № 602)[40]. Ср. в этом отношении такие славянские названия рыб, как рус. *обжора* 'белуга голодная весной' (Усачева 2003, 151), «с.-хорв. *proždеruša* 'щука' (*proždèrati* 'сожрать, проглотить'); ср. составные наименования с этой же мотивацией, которые могут употребляться по отношению к любой рыбе, характеризующейся этим признаком: с.-хорв. *grabèžljiva riba, grabežna riba, grabljiva riba* 'прожорливая рыба'» (Там же, 77). «Джеремиас упоминает изображение рыб на раннехристианском светильнике, где одна рыба поедает другую. Название самой яркой звезды созвездия Южной Рыбы — Фомальхаут, „рыбий рот" — может интерпретироваться именно в таком смысле» (Юнг 1997, 129). Уже в древнеиндийском сказании о Ману пойманная им рыбка, прося о том, чтобы тот ее вырастил сначала в кувшине, а потом в пруду, говорит: «Пока мы мальки, нас подстерегает великая напасть: рыбы пожирают рыб» (Элиаде 1998, 150). В искусстве времен Реформации, в свою очередь, «изображения гигантской рыбы, пожирающей рыбную мелочь, трактуются как иносказание о неумолимости и верховной мощи Природы» (МНМ II, 393), собственно, о неумолимой темной ее стороне, грозящей смертью.

Во всяком случае, по словам В. Я. Проппа, «смерть-пожирательница древнее других видов смерти», поэтому «быть проглоченным

[39] См., например: МНМ II, 579–582; Иванов, Топоров 1965, 113 и др.

[40] Литовские варианты еще см. в LKPŽ 1985, 344; TŽ V, 624, № 1211 (*Žuvis žuvį gaudo ir rija* 'Рыба рыбу ловит и пожирает') и др.

было первым условием приобщения к иному царству», а «вход в царство идет через пасть животных. Эта пасть все время закрывается и открывается. *Царство его отворяетца на время; когда змей полоз раздвинетца, тогда отворяются и вороты*» (Пропп 1998, 332, 345, 367). В древнеегипетских «Поучениях Аменемопе» говорится: «Земля разверзла уста: „Пусть он войдет, / чтобы быть проглоченным", / Они погружаются в преисподнюю» (Элиаде 1998, 535; см. Матье 1996, 194, 206). Ср. в гностическом сочинении «Пистис Софиа» (54), построенном как интерпретация псалмов Давида: «Да не поглотит меня пучина; да не пожрет меня преисподняя; да не схватит меня колодезь пастью своею» (Трофимова 1991, 102). «Понятие об Аиде как о чудовище, поглощающем умерших, в действительности не было чуждо и христианской мысли. Приведем два примера из различных периодов. В апокрифическом евангелии Никодима описывается сошествие в Ад, причем этот последний, говоря от своего собственного лица, жалуется на то, что чрево его страдает, когда Спаситель нисходит туда и освобождает святых, содержавшихся в нем от начала мира. А в одном из средневековых изображений этого освобождения Христос стоит у открытой пасти огромного рыбоподобного чудовища, из которого выходят первые представители человечества — Адам и Ева. В скандинавской саге об Эйриксе мифическое значение этого человекопожирающего чудовища проявляется с еще большей определенностью. Эйрикс, предприняв путешествие в Рай, пришел к каменному мосту, охраняемому драконом. Войдя в пасть чудовища, он увидел себя достигшим мира блаженства» (Тайлор 1989, 163). «Скандинавы говорили также, что открытая пасть богини смерти Гелы похожа на пасть брата ее Фенрира, волка, пожирающего луну; а в одной старогерманской поэме описывается зияющая от неба до земли пасть Гелы. Изваяния на соборах до сих пор еще изображают для устрашения порочных людей ужасные челюсти Смерти или готовую поглотить свои жертвы широко раскрытую пасть Гелы» (Там же, 167). Также «на древнерусских иконах о Страшном суде ад — это раскрытая пасть огромного извивающегося змея» (Левкиевская 2002, 194). В латышской традиции в этой связи существует интересная быличка, в которой один смельчак *nocirtis Velnam galvu. Galva atplētusi muti un nokritusi zemē, izsisdama dziļu bedri, bet pati novēlusies bedres malā. Galva drīz pārvērtusies par zemi. Un tagadējā Velnala esot bijušā Velna mute* 'отрубил черту голову. Голова разинула рот и упала на землю, выбив при этом глубокую яму, но сама откатилась на край ямы. Голова в скором времени превратилась в землю. А современная Чертова пещера — это бывший чертов рот' (LTT 1991, 130). Интерес в данном случае представляет и следующее литовское сказание, записанное Й. Басанавичюсом:

Kiti sako, rojus ėsąs rytų šalyje, ant viršaus tokio stiklo kalno, o jau tas kalnas riogsąs aukščiaus debesų. O jau to kalno statumas (skardumas) ir slidumas — neišpasakytas! Užliptie ant jo galį tik teisingiejai, o dūšelės nusidėjėlių nuslįsta nog to stiklo ir žemyn nukrinta, kur jų laukia išsižiojęs baisusis Pukys (baisus smakas) ir, apačioje kalno gulėdamas, jais nupuolusias praryja...

Иные говорят, [что] рай находится на восточной стороне, на верху такой стеклянной горы, а гора эта торчит выше облаков. А уж крутизна и скользкость этой горы — несказанная! Залезть на нее могут лишь праведники, а души грешников соскальзывают с этого стекла и падают вниз, где их ждет, разинув пасть, страшный Пукис (страшный змей), лежащий у подножья горы, и их, падших, заглатывает...

(BV 1998, 115, № II.6)

С одной стороны, среди разных возможных ассоциаций имени змея *Pukys* (ср. лтш. *puķis* 'летучий змей', лит. *pūkỹs* 'пушистое существо' и др.) особого внимания заслуживает название рыбы лит. *pūkỹs* 'ёрш (Acerina cernua)' или 'керчак (Cottus scorpius)' (LKŽ X, 861). С другой стороны, разинутая пасть или глотка (чудовища) — обычный образ преисподней в литовской традиции. Ср. литовскую поговорку *Akys — marios, gerklė — pekla* 'Глаза — море, глотка — пекло' (PP 1958, 87). Наконец, само литовское название преисподней или ада *prãgaras*, которое также имеет значения 'пропасть, бездна' и, собственно, 'обжора' (LKŽ X, 499–500), связывается с лит. *gérti* 'пить', устар. 'жрать', *gerklẽ* 'горло' и, далее, рус. *жрать*, *горло*, др.-инд. *-gará-* 'проглатывающий', *gará-* 'питье', др.-гр. *borós* 'прожорливый', лат. *voro, -āre* 'пожирать, поглощать' и др. (и.-е. **gu̯er-* 'пожирать, с жадностью глотать')[41]. Сюда же восходят др.-рус. *жерело* 'горло, жерло', рус. *жерело* 'отверстие, устье, пасть', укр. *жерело* 'источник', *жорло* 'русло', болг. *жрело*, *ждрело* 'ущелье, узкое русло быстрой реки, источник, родник', чеш. *zřidlo*, пол. *źródło* 'источник, ключ, родник' и др., также др.-гр. *bárathron* 'яма, пропасть' и 'трясина', лат. *gurges* 'водоворот, омут, пучина, бездна', а поэтически — и вообще 'воды, море'[42], что в нашем случае особенно показательно. Сюда же, согласно ранее принятому мнению, восходит и др.-инд. *gárgara-* 'водоворот'[43], появляющееся, например, в «Атхарваведе» (IV.15.11–12), в заговоре на дождь вместе с Варуной: «Сюда иди вместе с этим громом, / Изливая воды, Асура, наш отец! / Пусть шипят вихри вод, о Варуна!»[44]. В другом заговоре-молитве (IX.4.4), исполнявшемся при жертвоприношении быка, последний описывается как «отец телят, хозяин неприкосновенных [коров], а также отец великих пучин (*gárgara-*)» (Atharva Veda II, 529). Интересно, что др.-инд. *gárgara-* известно и именно в качестве названия породы рыб (Pimelodus gagora)[45]. В связи с этим внимание привлекает латышская сказка «О водовороте и Большой рыбе» (*Pār vērputi un Lielo zivi*), в которой, по пересказу Я. Курсите, «большая рыба втягивает мореплавателей в водоворот и тогда пожирает утопленников» (Kursīte 1996, 364). Во всяком случае, это нас возвращает к тому же образу водной бездны, пучины в виде большой рыбы, разверзнувшей пасть.

«Был у мужика (повествует русская сказка) мальчик-семилеток — такой силач, какого нигде не видано и не слыхано! Послал его отец дрова рубить; он повалил целые деревья, взял их словно вязанку дров и понес домой. Стал через мост переправляться, увидала его морская рыба-кит (по другому списку: рыба-щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всем как есть — и с топором, и с деревьями. Мальчик и там не унывает, взял топор, нарубил дров, достал из кармана кремень и огниво, высек огня и зажег костер. Невмоготу пришлось рыбе: жжет

[41] Būga I, 495; II, 129, 683; III, 922; Fraenkel 1965, 148–149, 643; Mayrhofer I, 325; Mažiulis I, 426; Pokorny 1959, 474–475; Sabaliauskas 1990, 217; также см.: Фасмер I, 441–442; II, 62; Черных I, 205, 306; Frisk 1960, 251; Walde, Hofmann II, 836. По словам Э. Нойманна, «даже сегодня язык не может преодолеть этих первичных образов. Поедание, пожирание, голод, смерть и пасть — все они сочетаются: и мы до сих пор говорим, как и первобытные, о „пасти смерти", о „пожирающей войне", о „поедающей болезни". „Быть проглоченным и съеденным" является архетипом, который встречается не только во всех средневековых картинах ада и дьявола; мы сами выражаем проглатывание чего-то маленького чем-то большим теми же образами, когда говорим, что человек „поглощен" своей работой, движением или мыслью, или что его „съедает" ревность» (Нойманн 1998, 43).

[42] Топоров 1979, 349; Фасмер II, 48; Черных I, 300; Frisk 1960, 219; Walde, Hofmann I, 627–628; см. также литературу в предыдущей сноске. Значение латинского слова приводится по ЛРС 1949, 401.

[43] Вопреки Майрхоферу (Mayrhofer I, 326), см.: Fraenkel 1965, 136; Pokorny 1959, 475; Walde, Hofmann I, 628 и др.

[44] Атхарваведа 1989, 213; см.: Atharva Veda I, 174–175; Monier-Williams 1899 (1999), 349.

[45] Monier-Williams 1899 (1999), 349. Майрхофер решительно отделяет название рыбы *gargara-* от *gárgara-* 'водоворот' (Mayrhofer I, 327). Тем не менее, к мотиву песен и музыки водяных жителей (учитывая, в частности, гусли Вяйнямёйнена, изготовленные из щучьей головы) ср. «Ригведу» VIII.69.9, где упоминается неизвестный музыкальный инструмент *gárgara-*: «Пусть зазвучит гаргара, / Пусть зазвенит кругом годха, / Пусть запляшет пинга — / К Индре вознесено священное слово!» (Ригведа V–VIII, 403, см. 715).

и палит ей нутро страшным пламенем! Стала она бегать по синю морю, во все стороны так и кидается, из пасти дым столбом — точно из печи валит; поднялись на море высокие волны и много потопили кораблей и барок, много потопили товаров и грешного люду торгового; наконец прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берег да тут и издохла. Четверо суток работал мальчик топором, пока прорубил у ней в боку отверстие и вылез на вольный белый свет» (Афанасьев II, 79).

Мотив этот очень распространен. В. Я. Пропп в качестве примера пересказывает одну сказку из собраний Л. Фробениуса: «Отец дает мальчику некое поручение. Но он непослушен, бежит к воде и вместе с товарищами выезжает в море на лодке. Вдруг лодку начинает качать и трясти. Непослушный мальчик падает в воду, и его сейчас же проглатывает большая рыба. Пролежав там некоторое время, он испытывает голод. Он оглядывается кругом и видит, что над ним висит печень рыбы. Эту печень он начинает отрезать раковинкой. Рыбе становится больно, и она его выхаркивает» (Пропп 1998, 316). По традиции североамериканских алгонкинов, «однажды Манабозо, этот солнечный герой, стараясь выудить царя рыб, был проглочен с лодкой и прочим. Тогда он начал поражать сердце чудовища своей палицей, так что чуть не был выброшен им прямо в озеро, но герой поставил лодку поперек горла рыбы и кончил тем, что убил ее. Когда мертвое чудовище было выброшено на берег, чайки проклевали в нем отверстие, в которое вышел Манабозо. Этот рассказ знаком из введения к поэме о Гайавате. Другой вариант этой сказки оказывается у племени оджибве, в котором маленький Монедо <...> был проглочен большой рыбой, из которой его вытащила его сестра» (Тайлор 1989, 162). В другом случае «герой в рыбе видит своих умерших родителей. Это показывает, что он уже в рыбе попал в обитель мертвых. В рыбе герой вообще иногда встречает много мертвых и живых, проглоченных до него, и выводит их» (Пропп 1998, 317), т. е., собственно, спасает от «вечной погибели», точно так же, как в свою очередь поступил Спаситель Христос — притом, может быть, от погибели именно в облике рыбоподобного чудовища, «большой рыбы», как в одном упомянутом выше средневековом изображении.

По мнению Проппа, и «мотив переноса в лодке или бочке произошел от мотива переноса в рыбе. В американских сказаниях юноша переносится в чреве рыбы, которая его проглотила. Он себя вырезает. Переход от рыбы к лодке и бочке, от вырезания из рыбы к выбиванию дна бочки может быть показан на материале очень точно. Нам важно отметить здесь лишь то, что в исторической перспективе этот мотив восходит к поглощению рыбой» (Пропп 1976, 275; см. Пропп 1998, 324–325)[46]. «Вероятно сюда восходит и Ной, также входящий в большую лодку, или ковчег, закрывающий себя в нем и выходящий из него родоначальником людей», наконец, «с этой точки зрения интересно пересмотреть пребывание в плавающей корзине Моисея (который затем становится вождем и спасителем своего народа)» (Пропп 1998, 326). К такому же заключению приходит Рене Генон, вспоминая при этом и Ману, спасенного «большой рыбой» от потопа: «Если мы теперь сравним с этим историю Ионы, увидим, что кит, вместо того, чтобы просто вести ковчег, на самом деле с этим ковчегом отождествляется. Действительно, Иона находится в теле кита так же, как Сатьяврата [Ману] и Ной — в ковчеге» (Guénon 1995, 110).

Действительно, «к этому же циклу относится пророк Иона, проглоченный и извергнутый китом. Не потому ли он пророк, что он побывал в ките?» — задается вопросом В. Я. Пропп (Пропп 1998, 311). Во всяком случае, по агадической традиции, рыба, проглотившая Иону, «открыла ему многие тайны, скрытые от взора человека» (МНМ I, 555). Будучи проглоченным «большой рыбой», волшебное знание получил и герой литовской сказки[47]. Вяйнямёйнен, выйдя из чрева Ви-

[46] Возникает соблазн предположить, что корабль как таковой в мифологическом сознании вообще изначально воспринимался в качестве водяного чудовища, в частности, именно «большой рыбы», тем более что само плавание, особенно морское путешествие, как уже говорилось, представляет собой «архетипическую схему посещения живыми царства мертвых (Одиссей, Эней и т. д.)» (Цивьян 1999, 181). В этом отношении, например, очень показательны представления об инициации мастера по изготовлению лодок племени варрау устья Ориноко. Во время инициации юношу проглатывает и вновь извергает чудовище, а «в это время он ощупывает бока чудовища и тем самым получает представление, каковы должны быть размеры и пропорции лодок, которые он будет делать» (Березкин 1984, 14). На универсальность таких архаичных представлений указывает и XVII руна «Калевалы», в которой Вяйнямёйнен, будучи «в утробе» великана Випунена (он там разводит огонь, ест печень и т. п.), узнает от него «три слова» заклинания, необходимые для изготовления лодки (Калевала 1985, 143–151). Наряду с лат. *piscis* 'рыба' ср. также *pistris*, *pistrix* 'морское чудовище (кит, акула, пила-рыба)', но и 'небольшое быстроходное военное судно; судно с эмблемой кита' (ЛРС 1949, 672).

[47] Герой сказки по наставлению отца каждый день крошил в море хлеб, но со временем устал и стал бросать уже только несколько крошек. «Разозлилась за это большая рыбина, взяла да проглотила его и отнесла к рыбному королю. „За что же ты его проглотила? — спросил рыбный король. — Он тебе добро делал, а ты ему злом отплатила! Так нельзя делать. Научи этого человека и отпусти". Короля надобно слушаться: взяла рыбина того человека к

пунена, тоже признается («Калевала», XVII.617–620): «Ста словам я научился, / Тысячу узнал заклятий, / Вынес скрытые заклятья / И слова из тайной глуби» (Калевала 1985, 150). Все это непосредственно указывает на инициацию.

На самом деле, «в мифическом проглатывании тотемным животным и обратном извержении юноши состоял обряд. Фикция такого поглощения воспринималась как смерть, возвращение — как воскрешение к жизни», таким образом, «герой, отправляемый на пожирание к зверю, попадает в обстановку, известную нам в качестве обряда инициации» (Пропп 1976, 276). Другими словами, «предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это — так называемая временная смерть. Смерть и воскресение вызывались действиями, изображавшими поглощение, пожирание мальчика чудовищным животным. Он как бы проглатывался этим животным и, пробыв некоторое время в желудке чудовища, возвращался, т.е. выхаркивался или извергался» (Там же, 150). Например, по словам Р. Паркинсона, «в культе Кват на острове Банка на уединенном месте делается своего рода загон (enclosure) посредством забора из тростника, два конца которого нависают и образуют вход. Это называется пастью акулы» (Там же, 157, см. 308–309). «Боас в своей книге о социальной организации племени квакиутл показал, какое большое распространение имеет рыба в качестве тотемного животного; фасады многих домов расписаны огромными рыбами, так что вступающий в дом как бы вступает в рыбу» (Пропп 1976, 228)[48]. Н. Велюс обращает внимание на литовскую загадку, в которой рыба уподобляется дому: *maža maža klėtelė, skatikėliais dengta* 'малюсенькая клеть, деньжатами покрыта' (Vėlius 1983, 197). «Представления о том, что во время инициации юношей проглатывает, а затем изрыгает чудовище, распространены у разных народов мира, в том числе и у южноамериканских индейцев. Связь с этими представлениями некоторых мифов совершенно очевидна. В Южной Америке эпизод проглатывания включается в разные мифологические сюжеты. Однако во всех случаях проглоченный герой приобретает после освобождения необычный облик (как правило, становится лысым[49]) и магические способности», а «памятники доколумбового изобразительного искусства

себе, научила его птичьему и звериному языку, а потом вынесла и выплюнула на берег» (LT III, 563, № 198; AT 670). Больше примеров такого рода см. в Пропп 1998, 312–313.

[48] Целый ряд примеров строений инициационного назначения в форме мифического чудовища приводит, например, Фрэзер 1998, 725–728.

[49] Некоторые примеры см. в: Пропп 1998, 317–318, 323.

позволяют предполагать, что сходные представления об инициации шамана или жреца существовали в Мезоамерике и в Перу. Например, на сосудах с южного побережья Мексики, изготовленных приблизительно на рубеже нашей эры, показан рыбообразный монстр, заглатывающий человеческую фигурку. Учитывая в целом данные о репертуаре изображений этих культур, можно считать вполне вероятным, что речь идет о посвящении человека, специфически связанного с культом и магической практикой» (Березкин 1984, 12, 14).

Элиаде тоже подчеркивает, что «в некоторых регионах обряды инициации при наступлении половой зрелости включают вхождение в фигуру, напоминающую водное животное (крокодила, кита или большую рыбу)» (Элиаде 1996, 256). Например, «считается, что шаманы Лапландии во время своих трансов входят в кишечник большой рыбы или кита. Легенда повествует нам, что сын шамана разбудил своего отца, который спал три года, словами: „Отец! Проснись и выйди из внутренностей рыбы; выйди из третьей петли ее кишечника!“», а фино-карельскому кузнецу Ильмаринену, по некоторым вариантам сказания, «молодая женщина поставила условие — поймать большую рыбу. Эта рыба проглатывает Ильмаринена. Но, попав в ее брюхо, он начинает метаться и вертеться, пока рыба не просит его выйти через заднее отверстие. „Я этим путем не пойду“, — отвечает кузнец: „Подумай о том, как меня станут называть люди!“ Тогда рыба предлагает ему выйти через рот, но Ильмаринен отвечает: „Я не сделаю этого, потому что люди будут называть меня блевотиной“. И он продолжает неистовствовать, пока рыба, наконец, не разрывается. История повторяется со многими вариациями. Лукиан из Самосаты повествует в своих „Правдивых историях“ о том, как морское чудовище проглотило целый корабль со всей командой. Мужчины разожгли огромный костер, который убил чудовище. Чтобы выбраться наружу, они разжали его челюсти шестами. Аналогичный рассказ распространен в Полинезии: какой-то кит проглатывает лодку героя Нганаоа, но герой берет мачту и сует ее в рот киту, чтобы открыть его. Затем он спускается чудовищу в желудок, где находит своих родителей, которые все еще живы. Герой Нганаоа зажигает костер, убивает чудовище и выходит через его рот. Эта тема широко распространена в фольклоре Океании»; наконец, вторит Элиаде уже сказанному нами выше, «не может быть никакого сомнения, что рыба, которая проглатывает Иону и других мифических героев, символизирует смерть; ее брюхо представляет Преисподнюю. В средневековых представлениях Преисподняя часто рисовалась как огромное морское чудовище, которое, вероятно, имело своим прототипом библейского Левиафана. Поэтому быть проглоченным им равнозначно смерти,

спуску в Преисподнюю — переживанию, которое явно подразумевается всеми примитивными обрядами инициации» (Элиаде 1996, 259–260).

Наконец, здесь нужно вспомнить слова Евангелия от Матфея 12.40, где пребыванию Ионы во чреве большой рыбы уподобляется смерть и воскрешение самого Спасителя Иисуса Христа: «Ибо, как был Иона во чреве кита три дня и три ночи, так будет Сын Человеческий в сердце земли три дня и три ночи». По словам Юнга, «вполне возможно, что „знамение Ионы пророка“ восходит к более древней традиции, повествовавшей о героическом ночном путешествии и победе над смертью, когда герой оказывался проглочен рыбой („китом-драконом“), а затем возрождался. Имя спасителя Иешуа, Иегошуа [„Яхве есть спасение“] (греч. Иисус) связано с рыбой: Иешуа — сын Нуна, а „Нун“ означает „рыба“. Иошуа бен Нун из легенды о Хадире водил дружбу с рыбой, которая должна была быть съедена, но была возрождена к жизни каплей воды из источника жизни» (Юнг 1997, 128). С одной стороны, таким образом, библейский Иона — а вместе с ним и все его мифические «коллеги», проглоченные и изрыгнутые «большой рыбой», — непосредственно подразумевают Спасителя; с другой же, гробница Иисуса Христа — а вместе с тем и могилы всех усопших до и после Него, которых Он Своим воскресением спас из пасти вечной погибели, — приравниваются к чреву «большой рыбы», представляющей собой смерть (ср. выше лит. *pra-žuvà*, *pra-žuvė*, *pra-žuvis* ‘погибель’ и *žuvẽ*, *žuvìs* ‘рыба’ и т. п.). И сопоставление это далеко не случайно. По словам Проппа, «гроб, это, конечно, позднейшее явление. Но возникновение и эволюция гроба вообще могут быть прослежены. Предшественниками гроба являются деревянные хранилища животной формы. Такие хранилища засвидетельствованы во многих местах. Шурц, например, сообщает о домах с деревянными изображениями акул, внутри которых хранились трупы вождей. Это — древнейшая форма гроба. Такая форма, в свою очередь, отражает более ранние представления о превращении человека при смерти в животное или о съедении его животным. В дальнейшем гроб теряет свои животные атрибуты. Так, в египетской „Книге мертвых“ можно видеть изображения саркофагов или постаментов, на которых лежит мумия. Они имеют ножки животного и голову и хвост животного. В дальнейшем животные атрибуты совсем отпадают, и гроб принимает известные нам формы» (Пропп 1998, 218). Тем более что саркофаг, др.-гр. *sarko-phágos*, буквально означает ‘плото-ядный’ и непосредственно указывает на сопоставление гроба, могилы с чудовищем, проглотившим плоть умершего. Поэтому действительно, по словам Дж. Кэмпбелла, «саркофаг или гроб являются вариациями чрева кита» (Кэмпбелл 1997а, 302). Найденный в Пипрахве каменный сосуд с останками Гаутамы Будды тоже, кстати, имеет форму рыбы (Chandra 1996, 73).

Таким образом, Спаситель, принявший и победивший смерть, воплощает собой образ того же древнего мифического героя, проглоченного «большой рыбой», но сумевшего выбраться оттуда, с которым отождествлялся при соответствующем архаичном обряде инициации неофит. Только образ этот получил определенное развитие, широко известное, впрочем, и в дохристианской мифологии. По словам Проппа, «если прежде героем был тот, кто был проглочен, то теперь героем становится тот, кто уничтожил поглотителя. Если в предыдущих случаях поглотитель вскрывался, потому что он проглотил героя, то здесь дело происходит уже наоборот: чтобы убить поглотителя, герой входит в него. Если в обряде героем был тот, кто был проглочен и извергнут и становился героем в силу только этого факта, то в данном мифе героем является тот, кто убил этого поглотителя», тем более что иногда, как уже говорилось, «в брюхе поглотителя герой встречает умерших. Распростертые в чудовище мертвецы, трупы, наличие костей и прочие атрибуты смерти внутри поглотителя или в хижине смерти — эта картина знакома нам из характеристики обряда. Не хватает только, чтобы герой их оживил, — мы имели бы типичную картину временной смерти» (Пропп 1998, 319). Словом, «можно наблюдать, что перенос центра тяжести создает новое лицо. Миф строится на двух лицах: одно проглатывается, другое его освобождает. Героем становится не тот, кто проглатывается, а тот, кто освобождает проглоченного» (Там же, 320), т.е. спасает его.

Дж. Кэмпбелл напоминает нам о том, как «возвращаясь домой с поясом царицы амазонок, греческий герой Геракл остановился в Трое и обнаружил, что весь город встревожен появлением чудовища, посланного морским богом Посейдоном. Зверь выбирался на берег и пожирал проходящих мимо людей. Прекрасная Гесиона, дочь местного царя, была прикована к скале в качестве искупительной жертвы, и посетивший город великий герой согласился спасти ее за определенное вознаграждение. В надлежащее время чудовище показалось на поверхности воды и разверзло свою огромную пасть. Геракл нырнул в его глотку, вспорол ему живот и покинул умирающего монстра. Этот популярный мотив особо подчеркивает урок о том, что пересечение порога является формой самоуничтожения. Очевидно его сходство с легендой о Симплегадах, но в данном случае вместо того, чтобы пройти вовне, за пределы известного мира, герой отправляется внутрь, чтобы родиться заново. Это исчезновение соответствует входу поклоняющегося в храм, где ему предстоит оживотвориться воспоминаниями о том, кто он и что он, — а именно, ощутить себя прахом и пеплом, чтобы достичь бессмертия. Внутренняя часть храма, чрево кита и небесная страна за границами, над пределами и под поверхностью мира

представляют собой одно и то же», а «герой, чья привязанность к эго уже уничтожена, пересекает вперед и назад горизонты мира, входит внутрь дракона и выбирается наружу <...>. И в этом кроется его способность спасать, ибо его переход и возвращение показывают, что во всех противоположностях феноменальности остается Несотворенное-Непреходящее, и нет ничего, чего можно было бы бояться» (Кэмпбелл 1997а, 73, 74; см. Пропп 1998, 323).

Наконец, по мнению Проппа, исторически «поглощение животным заменяется поглощением водой, купаньем в пруду, где водятся змеи, или даже через „поглощение морем" и выбрасывание им» (Пропп 1998, 311). В самой равнозначности образов, как мы уже видели выше (см. о *жерело*, др.-инд. *gárgara-* и др.), сомневаться нельзя, несколько натянутой здесь может показаться лишь историческая, эволюционистская, так сказать, интерпретация этого символического тождества, в котором скорее можно видеть равноправные варианты одного и того же архетипа. Во всяком случае, с этим же архетипом связано и крещение водой: по словам Элиаде, продолжающим одну уже приводившуюся цитату, «в человеческом плане погружение эквивалентно смерти, а в космическом — катастрофе, потопу, периодически растворяющему мир в водах первобытного Океана. Разрушающая всякую форму и упраздняющая всякое прошлое вода обладает способностью очищения, восстановления и возрождения, поскольку погружаемый в нее „умирает" и, восставая из воды, подобен безгрешному, не имеющему прошлого младенцу, способному воспринять новое Откровение и начать новую, „подлинную" жизнь. Как писал Иезекииль (Иезек. 36.25): „И окроплю вас чистою водою, — и вы очиститесь от всех скверн ваших". А пророку Захарии было явлено в духе, что „в тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты"»; «В христианстве крещение [водой] становится главным инструментом духовного возрождения, поскольку погружение в крестильную воду равнозначно погребению с Христом»; «Дряхлый человек умирает с погружением в воду, давая жизнь новому, возрожденному существу. Этот символизм замечательно выражен Иоанном Златоустом, который, говоря о символической многозначности крещения, пишет („Беседы на евангелиста Иоанна" 25.2): „Оно являет нам смерть и погребение, жизнь и воскресение... Когда мы погружаем нашу главу в воду, как в могилу, ветхий человек погружается, полностью погребается; когда мы выходим из воды, сей же миг является новый человек". Во всю свою „предысторию" крещение имело один и тот же смысл — смерти и воскресения, хотя и на иных религиозных уровнях, чем тот, что был задан ему христианством. Здесь не может быть речи о „влияниях" или „заимствовании", поскольку такие символы архетипичны и универсальны» (Элиаде 1999, 189, 190, 191, см. 204). В нашем случае будет достаточно добавить, вместе с Дж. Кэмпбеллом, что в раннем христианстве «во время крещения неофита вынимали из воды, как и рыбу», и «одежда неофита напоминала по своему виду рыбу; как считалось, она так выглядела для того, чтобы родиться во второй раз» (Кэмпбелл 1997б, 19, 20)[50].

Если же мы к этому вспомним, что сам Христос есть рыба, то возвратимся к образу большой рыбы, пожирающей маленькую, о котором говорилось выше. И спасение для «маленькой рыбки» от этой «большой рыбы» состоит не в том, чтобы избежать ее (про)пасти, что противоестественно и в сущности невозможно, а в том — на что указывает данный архетип, — чтобы не позволить ей себя переварить, а заставить ее себя выносить и родить заново. Ибо «спуск в брюхо чудовища, — согласно Элиаде, — означает также возвращение в доформенное, зародышевое состояние существования. Как мы уже говорили, темнота, царящая внутри чудовища, соответствует космической ночи, Хаосу, предшествующему сотворению. Другими словами, здесь мы имеем дело с двойным символизмом: символизмом смерти, а именно: завершением мирского существования, а следовательно, и концом времени; и символизмом возврата к зародышевой форме существования, которая предшествует всем остальным формам и любому мирскому существованию» (Элиаде 1996, 260–261). Этот же двойной символизм, наконец, проявляет себя и в астрологическом знаке Рыб; по замечанию Юнга, «как двенадцатый знак Зодиака, Рыбы обозначают конец астрологического года, но также и новое начало» (Юнг 1997, 130). И символ рыбы поэтому указывает уже не только на смерть, но и на грядущее за смертью воскресение, возрождение, оживание, триумф жизни над смертью, вечную жизнь, словом, само средоточие идеи жизни — что, собственно, и располагает к превращению мифологического образа рыбы в символ Спасителя.

---

[50] Например, в России «наряду с мифологическими рассказами о людях, ушедших в „тот" мир навсегда, известны и бывальщины о временных утопленниках, возвращающихся обратно через определенное время. В одной из них пошедшего ко дну мальчика встретил седой старик с рогами и сказал, чтобы тот посидел здесь, пока он сходит в свою избу. В его отсутствие жители подводного мира закричали, что теперь мальчик принадлежит им. Однако водяной, вернувшись, возразил: этому мальчику „не должно быть утопленником". Действительно, родителям удалось вытащить его из воды и откачать. Архетипом данной уже переосмысленной коллизии служит модель: неофит временно пребывает у тотемного предка (здесь — сменившего его духа-„хозяина"), а затем возвращается в свой род» (Криничная 2001, 503).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Атхарваведа 1989 — Атхарваведа: Избранное / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989.

Афанасьев I–III — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1995. Т. 1–3.

Березкин 1984 — *Березкин Ю. Е.* Мифы южноамериканских индейцев на сюжет обряда инициации // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1984.

Виноградова 1998 — *Виноградова Л. Н.* Духи, вселяющиеся в человека // Studia mythologica Slavica. Ljubljana; Pisa, 1998. 1.

Виноградова 1999 — *Виноградова Л. Н.* Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

Волчок 1986 — *Волчок Б. Я.* Протоиндийский бог разлива // Этническая семиотика: Древние системы письма. М., 1986.

ВПИ 2000 — Высек пламя Илмаринен: Антология финского фольклора. М., 2000.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль I–IV — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981–1982. Т. 1–4.

ДГРС 1958 — Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958.

Демич 1912 — *Демич В. Ф.* О змее в русской народной медицине // Живая старина. 1912. Вып. 1.

Дучыц, Санько 2004 — *Дучыц Л., Санько С.* Рыба // Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004.

Елизаренкова, Топоров 1984 — *Елизаренкова Т. Я, Топоров В. Н.* О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремиологические исследования. М., 1984.

Забылин 1992 — *Забылин М.* Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880 (репринтное воспроизведение: Симферополь, 1992).

Завьялова 1998 — *Завьялова М. В.* Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.

Загадки 1968 — Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968.

Иванов 1977 — *Иванов Вяч. Вс.* К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* О внешних параллелях гомер. *ichthýs* и *chthōn* // Balcano-balto-slavica: Симпозиум по структуре текста. М., 1979.

Иванов, Топоров 1965 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Казанскене 1985 — *Казанскене В. П.* «Стоячая вода» и «смерть» в индоевропейской традиции // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд (Тезисы докладов). М., 1985.

Калевала 1985 — Калевала / Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985.

Кренделев, Кондратов 1990 — *Кренделев Ф. П., Кондратов А. М.* Безмолвные стражи тайн: Загадки острова Пасхи. Новосибирск, 1990.

Криничная 2001 — *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001.

Кудиновы 1987 — *Кудинов В. М., Кудинова М. В.* Сумка кенгуру: Мифы и легенды Австралии. М., 1987.

Кэмпбелл 1997а — *Кэмпбелл Дж.* Герой с тысячью лицами. Киев, 1997.

Кэмпбелл 1997б — *Кэмпбелл Дж.* Маски Бога: Созидательная мифология. Т. I. Книга первая. М., 1997.

Левкиевская 2002 — *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2002.

ЛРС 1949 — Латино-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. М., 1949.

ЛУН 1977 — Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии / Пер. с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. Иванова. М., 1977.

Матье 1996 — *Матье М. Э.* Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996.

МНМ I, II — Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1980. Т. I; М., 1982. Т. II.

МС 1991 — Мифологический словарь / Глав. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991.

Невская 1983 — *Невская Л. Г. Мать* в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.

Невская 1984а — *Невская Л. Г.* Лит. *margas* (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

Невская 1984б — *Невская Л. Г.* Терминология родства в фольклорном тексте: *сын, брат* // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.

Нéвская 1986а — *Невская Л. Г.* К семантике пестрого в балто-славянском // Этимология 1984. М., 1986.

Невская 1986б — *Невская Л. Г.* К типологии пестрого в балто-славянском // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии, категория посессивности. М., 1986.

Нойманн 1998 — *Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. М., Киев, 1998.

НРС 1958 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М., 1958.

Оппенхейм 1990 — *Оппенхейм А.* Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1990.

Потебня 2000 — *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре: Собрание трудов. М., 2000.

Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.

Пропп 1998 — *Пропп В. Я.* Собрание трудов: Морфология (волшебной) сказки [С. 5–111]; Исторические корни волшебной сказки [С. 112–436]. М., 1998.

Ригведа V–VIII — Ригведа. Мандалы V–VIII / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М., 1995.

РНПЭ 1984 — Русская народная поэзия: Эпическая поэзия / Сост., подгот. текста и др. В. Путилова. Л., 1984.

Романов 1891 — *Романов Е. Г.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. V.

Романов 1912 — *Романов Е. Г.* Белорусский сборник. Вильна, 1912. Вып. VII.

РС 2000 — *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 2000.

СД 1 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1.

СМ 2002 — Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2002.

Стеблин-Каменский 1979 — *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. М., 1979.

Тайлор 1989 — *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989.

Толстой 1974 — *Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии: 1. Откуда дьяволы разные? // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). Тарту, 1974.

Топоров 1960 — *Топоров В. Н.* Из праславянской этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1960. Вып. 1.

Топоров 1972 — *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов: Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М., 1972.

Топоров 1975 — *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь A–D. М., 1975.

Топоров 1979 — *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь E–H. М., 1979.

Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Рыба // МНМ II. С. 391–393.

Топоров 1986 — *Топоров В. Н.* К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете «Latvju dainas» (К 150-летию со дня рождения Кр. Барона) // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986.

Тресиддер 1999 — *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М., 1999.

Трофимова 1991 — *Трофимова М. К.* Два варианта толкования гностического текста // Балканские древности: Балканские чтения — I (Материалы по итогам симпозиума, Март 1990 года, Москва). М., 1991.

Трубачев 1964 — *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять»: О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964.

Усачева 2003 — *Усачева В. В.* Славянская ихтиологическая терминология: Принципы и способы номинации. М., 2003.

Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. I–IV.

Фрэзер 1998 — *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1998.

Цивьян 1984 — *Цивьян Т. В.* Змея ≡ птица: К истолкованию тождества // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. М., 1984.

Цивьян 1999 — *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира: Исследования по структуре текста. М., 1999.

Цымбурский 1987 — *Цымбурский В. Л.* Беллерофонт и Беллер (Реминисценция древнебалканского мифа в греческой традиции) // Античная балканистика. М., 1987.

Черных I–II — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка, т. I–II. М., 1999.

Щапов 1906 — *Щапов А. П.* Собрание сочинений. СПб., 1906. Т. I.

Элиаде 1996 — *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М.; Киев, 1996.

Элиаде 1998 — *Элиаде М.* Священные тексты народов мира. М., 1998.

Элиаде 1999 — *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.,1999.

Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев; М., 2000.

ЭС 1998 — Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М. А. Рэдфорд (английские суеверия); Е. Миненок (русские суеверия). М., 1998.

Юнг 1997 — *Юнг К. Г. Aion*: Исследование феноменологии самости. М.; Киев, 1997.

Atharva Veda I–II — Atharva-Veda-Saṃhitā / Translated into English etc. by William Dwight Whitney, revised and edited by Charles Rockwell Lanman. Books I–II. Cambridge, 1905; Delhi, 1996.

Balys I–III — *Balys J.* Raštai. Vilnius, 1998–2002. T. I–III.

BDS — Krišjāņa Barona Dainu skapis // <http//www. dainuskapis. lv>.

BE 1925 — Burtai, Panevėžio apsk. J. Elisono surinkti // Tauta ir žodis. Kaunas, 1925. T. III.

Beresnevičius 1990 — *Beresnevičius G.* Dausos: Pomirtinio gyvenimo samprata senojoje lietuvių pasaulėžiūroje. Vilnius, 1990.

BLP I — Lietuviškos pasakos / Surinko J. Basanavičius. Vilnius, 2001. T. I.

Buck 1949 — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. The University of Chicago Press, 1949.

Būga I–III — *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958–1962. T. I–III.

Būgienė 1999 — *Būgienė L.* Mitinis vandens įprasminimas lietuvių sakmėse, padavimuose ir tikėjimuose // Tautosakos darbai. Vilnius, 1999. T. XI (XVIII).

BV 1998 — Iš gyvenimo vėlių bei velnių / Surinko J. Basanavičius. Vilnius, 1998.
Chandra 1996 — *Chandra R. G.* Indian Symbolism: Symbols as Sources of Our Customs and Beliefs. New Delhi, 1996.
Demeter 1993 — *Demeter T.* Germanų ir keltų sakmės bei legendos. Vilnius, 1993.
Dundulienė 1996 — *Dundulienė P.* Žalčiai lietuvių pasaulėjautoje ir dailėje. Vilnius, 1996.
DŽT 1983 — *Daukantas S.* Žemaičių tautosaka. T. I: Dainos / Parengė V. Jurgutis, B. Kazlauskienė. Vilnius, 1983.
Elisonas 1932 — *Elisonas J.* Mūsų krašto fauna lietuvių tautosakoje // Mūsų tautosaka / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius. Kaunas, 1932. T. V.
Fraenkel 1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbucn. Heidelberg, Göttingen, 1962–1965.
Frenkelis 1969 — *Frenkelis E.* Baltų kalbos: jų tarpusavio santykiai ir santykiai su kitomis indoeuropiečių kalbomis (Baltų kalbotyros įvadas). Vilnius, 1969.
Frisk 1960 — *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. I.
FW 1949 — Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend / Ed. Maria Leach. New York, 1949.
Grigas 1987 — *Grigas K.* Patarlių paralelės. Vilnius, 1987.
Guénon 1995 — *Guénon R.* Fundamental Symbols: The Universal Language of Sacred Science. Oxford; Northampton, 1995.
Jucewicz 1846 — Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów, określona przez Ludwika z Pokiewia. Wilno, 1846.
Juška 1963 — Lietuviškos dainos / Užrašė A. Juška. (Казань, 1882) Vilnius, 1963. T. III.
Karulis 1992 — *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Sēj. II. Rīga, 1992.
KAŽ 1986 — Kaip atsirado žemė: Lietuvių etologinės sakmės / Sudarė ir parengė N. Vėlius. Vilnius, 1986.
KLT 1940 — Klaipėdiškių lietuvių tautosaka / Red. J. Balys // Tautosakos darbai. Kaunas, 1940. T. VII.
Kursīte 1996 — *Kursīte J.* Latviešu folklora mītu spogulī. Rīga, 1996.
Laurinkienė 1990 — *Laurinkienė N.* Mito atšvaitai lietuvių kalendorinėse dainose. Vilnius, 1990.
Laurinkienė 2002 — *Laurinkienė N.* Pasaulio kūrimo motyvai lietuvių pasakojamojoje tautosakoje // Liaudies kultūra. 2002. № 5.
LD 1979 — Laumių dovanos: Lietuvių mitologinės sakmės / Parengė N. Vėlius. Vilnius, 1979.
LKPŽ 1985 — Lietuvių kalbos palyginimų žodynas / Sudarė K. B. Vosylytė. Vilnius, 1985.
LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1956–2002. T. I–XX.
LT II — Lietuvių tautosaka. T. II: Dainos, raudos / Parengė V. Barauskienė, B. Kazlauskienė, B. Uginčius. Vilnius, 1964.

LT III — Lietuvių tautosaka. T. III: Pasakos / Parengė L. Sauka, A. Seselskytė. Vilnius, 1965.
LT IV — Lietuvių tautosaka, T. IV: Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos / Parengė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis. Vilnius, 1967.
LTD — Latvju tautas daiņas / Red. prof. J. Endzelīns, sakart. R. Klaustiņš. Sēj. 1–12. Rīga, 1928–1932.
LTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
Ltt 1940 — Latviešu tautas ticējumi / Sakrājis un sakārtojis prof. P. Šmits. Rīgā, 1940.
LTT 1991 — Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / Sast. A. Ancelāne. Rīga, 1991.
Lurker 1995 — *Lurker M.* An Illustrated Dictionary of the Gods and Symbols of Ancient Egypt. London, 1995.
Mayrhofer I–III — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary. Heidelberg, 1956–1976. Bde. I–III.
Mažiulis I–IV — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988–1997. T. I–IV.
Monier-Williams 1899 (1999) — A Sanskrit-English Dictionary, etymologically and philologically arranged, with special reference to cognate Indo-European languages by Sir. Monier Monier-Williams / New edition, greatly enlarged and improved with the collaboration of professor E. Leumann, professor C. Cappeller, and other scholars. Oxford University Press, 1899; Delhi, 1999.
MS 2002 — Mįslių skrynelė: 3000 lietuvių mįslių ir minklių / Sudarė S. Lipskis. Vilnius, 2002.
Nevskaja 1995 — *Nevskaja L. G.* Motinos sąvoka laidotuvių folklore // Liaudies kultūra, 1995. № 2.
Nevskaja 1999 — *Nevskaja L.* Margumas — chtoniškų gyvūnų atributas // Senovės baltų kultūra 4: Augalų ir gyvūnų simboliai. Vilnius, 1999.
Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd. I.
PP 1958 — Patarlės ir priežodžiai / Rinkinį parengė K. Grigas. Vilnius, 1958.
RSPS 1981 — Lietuvių rašytojų surinktos pasakos ir sakmės / Parengė B. Kerbelytė. Vilnius, 1981.
Sabaliauskas 1990 — *Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.
SDŽ 1954 — *Stanevičius S.* Dainos žemaičių. Vilnius, 1954.
Skardžius 1996 — *Skardžius P.* Raštai. T. I: Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1996.
Slaviūnas 1997 — *Slaviūnas Z.* Liaudies papročiai ir mitiniai įvaizdžiai Mažvydo raštuose // Tautosakos darbai. Vilnius, 1997. T. VI–VII (XIII–XIV).
Spence 1998 — *Spence L.* Myths and Legends of Egypt. London, (1915) 1998.
SSS 1999 — Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński. T. 1: Kosmos; Cz. 2: Ziemia, woda, podziemie. Lublin, 1999.

Straubergs 1939–1941 — *Straubergs K.* Latviešu buramie vārdi, I–II. Rīgā, 1939–1941.
Straubergs 1944 — *Straubergs K.* Latviešu tautas paražas. Rīgā, 1944.
SV 1987 — Sužeistas vėjas: Lietuvių liaudies mitologinės sakmės / Sudarė N. Vėlius. Vilnius, 1987.
Šmits 1926 — *Šmits P.* Latviešu Mītoloģija / Otrs pārstrādāts izdevums. Rīgā, 1926.
TPD 1929 — Teikas par Dievu: Izlase. Rīga, 1929.
TŽ V — Tauta ir žodis / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius. Kaunas, 1928. T. V.
Urbutis 1981 — *Urbutis V.* Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
Vaitkevičiai 1996 — *Vaitkevičienė D., Vaitkevičius V.* Naujojo Daugėliškio padavimai // Tautosakos darbai. Vilnius, 1996. T. V (XII).
Vaitkevičienė 2001 — *Vaitkevičienė D.* Ugnies metaforos: lietuvių ir latvių mitologijos studija. Vilnius, 2001.
Vėlius 1983 — *Vėlius N.* Senovės baltų pasaulėžiūra: Struktūros bruožai. Vilnius, 1983.
Vėlius 1987 — *Vėlius N.* Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis. Vilnius, 1987.
VKLT 1938 — Vilniaus krašto lietuvių tautosaka / Parengė dr. J. Balys // Tautosakos darbai. Kaunas, 1938. T. IV.
Vries 1962 — *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
Walde, Hofmann I–II — Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3. neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938–1954. Bde. I–II.
Zinkevičius 1984 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. T. I: Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984.

Е. КОНИЦКАЯ, Б. ЯСЮНАЙТЕ

ЖАВОРОНКОВ СНЕГ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ СНЕГА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ)

§1. Некоторое время назад в статье о метафорах снега в литовском и некоторых славянских (в частности, русском, польском, словенском) языках мы пришли к выводу, что они выразительно демонстрируют сходства и различия, присущие мировосприятию этих народов. При анализе материала мы выделили три крупные семантические группы метафорических выражений. К первой группе мы отнесли те, которые обозначают снег, находящийся в воздухе, ко второй — фразеологизмы и метафоры, связанные со снежным покровом. Но все-таки для этнолингвиста, пожалуй, самыми интересными являются примеры третьей семантической группы. К ней, как уже упоминалось в нашей статье (см.: Jasiūnaitė, Konickaja 2004), относятся метафорические выражения со своеобразным «этиологическим» оттенком, наивным объяснением происхождения снега. По нашему мнению, примеры из этой группы теснее всего связаны с традиционным крестьянским мировоззрением и мифологическими образами. В связи со спецификой выражений «этиологического» характера мы намеревались посвятить им отдельную статью и выполняем это обещание.

§2. В разных литовских говорах и фольклорных текстах[1] нами было зафиксировано 46 примеров «этиологического» характера. Предполагаемой причиной появления снега, судя по ним, может быть следующее: 1) птицы и их различные действия; 2) мифологические существа; 3) части тела мифологических существ; 4) олицетворенные явления природы; 5) неназванный, но легко определяемый субъект действия. Ниже рассмотрим каждый случай отдельно, при этом связывая факты литовской фразеологии и паремии различного рода (загадки, пословицы и поговорки, метеорологические паремии) с более широким этнологическим контекстом, особенно с данными славянской (русской, белорусской, словенской и др.) традиционной культуры.

[1] Шире об источниках материала литовского и разных славянских языков см. в нашей работе (Jasiūnaitė, Konickaja 2004). Фактический материал по традиционной культуре славян, в частности белорусов, был дополнен из известных работ А. Ермолова (Ермолов 1901) и Н. Никифоровского (Никифоровский 1897; Никифоровский 1907).

§3. Довольно часто причина появления снега в литовской фразеологии объясняется определенными действиями птиц. Иногда подобным же образом объясняется и быстрое, внезапное таяние осенью или весной. В различных источниках обнаружено 14 примеров такого рода, напр.: *Balandis kėpį kepa* 'Голубь[2] печет лепешку' (LKŽ V, 583); *Gegužė kėpį kepa* 'Кукушка печет лепешку' (LKŽ V, 583) — о похолодании, снегопаде в апреле или мае[3]; *Kad balandžio mėnesį sniega, tai karvelis purtos* 'Если в апреле идет снег, это голубь крыльями встряхивает' (LKŽ X, 981); *Iškrito vyturiuko sniegas, vyturiukas padvės be maisto* 'Выпал жаворонков снег, жаворонок умрет без пищи' (LKŽ XIII, 251); *Dabar jau voversių pusnys, nebe velnių* 'Теперь уже сугробы жаворонков, не чертей' (LKŽ XIX, 968) — о том, что с прилетом жаворонков сугробы перестают быть большими; *An vieversiuko sninga* 'На жаворонка идет снег' (LKŽ XIII, 251) — о выпадении снега после прилета жаворонка; *gandro sniegas* 'снег аиста' (Там же) — о снеге, выпавшем после прилета аиста; *šarkos sniegas* 'сорочий снег' (Там же) — о снеге, выпавшем после прилета сорок; *Šiąnakt iškrito garnio sniegas* 'Сегодня ночью выпал снег аиста' (Там же); *Šiandie pempės sniegas sniegti* 'Сегодня падает снег чибиса' (Там же); *Pempėms perlėkus — pempių kėpis — parlėks ir kiti paukščiai* 'После прилета чибисов — лепешка чибисов — прилетят и другие птицы' (MČ 1992, 117); *Gegužės kėpis — pirmą kartą gegužei užkukavus į trečią dieną atšąla* 'Лепешка кукушки — на третий день после того, как кукушка первый раз прокукует, похолодает' (Там же, 117); *Jei sniegas sninga balandžio pabaigoje, sakom, tas sniegas nesilaikys — žvirbliai sules* 'Если снег выпадает в конце апреля, мы говорим, что этот снег не будет держаться — воробьи склюют' (LRD 1990, 264); *Žvirbliai [pirmą] sniegą sulesė, už mėnesio bus kitas* 'Воробьи [первый] снег склевали, через месяц выпадет другой' (LKŽ XX, 1137).

§4. С давних времен существовало представление о том, что птицы, которых М. Гимбутене называет самыми динамичными посредниками между небом и землей (Gimbutienė 1994, 40), обладают способностями к пророчеству, могут предсказывать события человеческой жизни. По их поведению особенно часто можно предсказать перемену погоды[4]. Закономерное появление птиц в определенное время года, совпадающее с определенными атмосферными явлениями, способствовало возникновению представления о том, что они приносят тепло, весну, способствуют таянию снега и льда, ускоряют ледоход на реках, напр.: *Paukščiai parlėkdami parneša šaltuką* 'Прилетающие птицы приносят морозец' (LKŽ XIV, 489); *Gandras parveda pavasarį, blezdinga — šilumą* 'Аист приводит весну, ласточка — тепло' (LKŽ I, 740); *Pempė sniegą nu kęso krapšto, kielė ledą spir[ia]* 'Чибис отщипывает снег от кочки, синичка разбивает лед' (LKŽ IX, 778); *Busilas, grįždamas Lietuvon, parsineša sniego. Todėl, kad ir vėlai sugrįžta, vis tiek jam sugrįžus turi dar snigti* 'Возвращаясь в Литву, аист приносит с собой снег. Поэтому, даже если он возвращается поздно, после его возвращения еще должен идти снег' (MTt I, 63); *Pavasarį, kiekvienam paukščiui parlėkus, būna sniego* 'Весной, после возвращения каждой птицы, бывает снег' (Šliavas 1996, 157); *Kiek vieversys sniego užgiedos (pradėdamas giedoti ras), tiek jo dar pridės* 'Сколько жаворонок снега запоет (найдет после того, как начнет петь), столько он еще его добавит' (LT V, 383); *Kai ledspira upių ledą nuspirs, tai jau tikrai bus pavasaris* 'Когда трясогузка разобьет лед на реке, тогда уж на самом деле наступит весна' (LKŽ VII, 227); *Paukštis, kurs pavasarį pirmiausiai atlekia bi ledą spirti, vadinas ledspirė* 'Птица, которая раньше всех прилетает весной, чтоб разбивать лед, называется трясогузка' (Там же)[5]. Последний пример хорошо объясняет мотивацию жемайтийского названия трясогузки *ledspira, ledspirė*[6] и мог бы быть убедительным доказательством близости

[2] В литовском языке названия двух месяцев омонимичны названиям птиц: *balandis*$_1$ 'апрель' и *balandis*$_2$ 'голубь', *gegužė*$_1$ 'май', *gegužė*$_2$ 'кукушка'.

[3] Жемайтийское *kėpis* имеет прямое значение 'лепешка, выпечка из простой, не самой лучшей муки', в переносном значении 'выделения, кал животного или птицы', напр.: *Įėjo višta į preimenę, tujau i padėjo porą kėpių* 'Зашла курица в сени, так и положила пару лепешек' (LKŽ V, 582). В приведенных выражениях представлено именно последнее значение; снег здесь понимается как выделения птиц.

[4] Таких предсказаний погоды по птичьим голосам и их имитации очень много. Упомянем только некоторые из тех, которые связаны со снегом и его предвестником — снегирем: *O žiemos laike jau pamato — sniegena parejo ir sako: jau sniego būs* 'А зимой на дворе уже заметили — снегирь пришел и говорит: уже будет снег'; *Deg deg, sniegs sniegs — taip gieda sniegena* 'Гори, гори, снег, снег — так поет снегирь'; *Sniegenos gieda — bus sniego* 'Снегири поют — к снегу' (все примеры из LKŽ XIII, 252). С этой функцией снегиря связано и его наименование. Производимые птицами звуки в разных языках семантизируются различным образом: болгары, например, считают, что если снегирь кричит: *Пичу! Пичу! Пичу!*, то будет тепло, а если кричит: *Сипи! Сипи! Сипи!* — будет снег (Ермолов 1905, 84).

[5] Название трясогузки в литовском языке имеет прозрачную внутреннюю форму: это сложное слово, первая часть которого представляет собой корень существительного *ledas* 'лед', вторая — корень глагола *spirti* 'пихать, толкать'.

[6] Ср. насмешливое передразнивание песни трясогузки: *Mano koja kai piestas, kai piestas, paspyriau ledą kai nieką, kai nieką* 'Моя нога как пест, как

языка и народной традиции. То, что трясогузка разбивает лед, известно и в Сибири: *синочка* (*синичка, трясогузка*) прилетает лед долбить (Ермолов 1901, 297). Не во всех славянских странах известно соответствие широко распространенному в Литве традиционному представлению о том, что аист приносит на хвосте или на крыльях именно трясогузку [7]. Подобная функция часто приписывается в славянских странах ласточке: улетая в теплые края, большие птицы уносят ее с собой. Болгары считают, что аисты уносят ласточек на спине, а у русских существует традиционное представление, что журавли переносят ласточек под крыльями (Ермолов 1901, 398) [8]. В польском Полесье бытует поверье, что аисты приносят ласточек на хвостах весной, на Благовещение (Толстая, Толстой 1998, 663). Для литовцев ласточка, как видно по приведенным выше примерам, — предвестница тепла, а не снега: она появляется сравнительно поздно, уже после возвращения с юга «противников» снега и льда: жаворонка, чибиса, трясогузки, аиста.

§5. По-видимому, традиционные крестьянские поверья были со временем приурочены к определенным христианским календарным датам. Так появились представления о весенних днях — сроках возвращения самых распространенных птиц: аиста, журавля, чибиса, трясогузки, жаворонка, ласточки, кукушки [9]. В Литве первый день прилета птиц — день св. Матвея (24 февраля): в этот день прилетает жаворонок (Лякечяй, Жеймялис). В других местах дата его прилета переносится примерно на неделю позже — на день св. Казимира (Расейняй, Йонишкис, Кяльме, Киетавишкес, Синтаутай). В некоторых местах в этот день (4 марта) прилетают чибисы (Жеймялис). Другая важная дата этого календаря — день св. Иосифа (19 марта), когда с

пест, разбить лед мне ничего не стоит' (LKŽ IX, 925); известно, что трясогузка — маленькая, хрупкая птичка, отличающаяся особенно тонкими ножками.

[7] Указание о том, что аисты улетают и прилетают не только вместе с ласточками (полес., в.-пол., болг.) под крылом, на крыльях, на спине или на хвосте, но и с трясогузками (полес., з.-укр.), есть в СД 1, 98.

[8] По представлениям литовцев, ласточка никуда не улетает, а зимует в озере или в тростнике; тростник, сгибаясь, погружается в воду, и ласточка остается там неживой до весны (LD 1979, 272). Украинцы также считают, что ласточки зимуют на дне озер, рек, источников и водоемов, даже на дне моря, обхватив лапками друг друга (Ермолов 1901, 558). У латышей такой птичкой, не улетающей в жаркие края, является жаворонок: зимой он прячется под снегом между кочками и камнями (Šmitas 2004, 187).

[9] Подробнее об этих днях и связанных с ними обычаях в традиционной литовской культуре см., напр., Marcinkevičienė 1998, 94–96; Lopeta 1996, 328–329.

юга прилетают журавли (Валькининкай, Варена, Мяркине), чибисы (Варена, Киетавишкес, Синтаутай), трясогузки (Мяркине). На праздник Благовещения (25 марта) в Литву прилетает аист (Лейпалингис, Рудамина, Варена, Бабтай, Жеймялис, Анталепте). В некоторых местностях к этому календарю относится также день св. Георгия (23 апреля), когда прилетает кукушка (Мяркине) или ласточка (Лишкява, Жемайчю Калвария), и день Воздвижения креста (3 мая), который считается днем прилета ласточек (Синтаутай).

§6. Эти даты в различных местностях Литвы отмечены в текстах малых жанров фольклора: пословицах, метеорологических паремиях и под., напр.: *Nuog švento Juozapo lydeka narštan, o gervė raistan* 'После св. Иосифа щука (идет) на нерест, а журавль в болото' (LKŽ VIII, 561); *Ant Blovieščių garnys atvyksta, o nuo Bartlamiejaus išnyksta* 'На Благовещение аист прилетает, а после св. Варфоломея исчезает' (KrvP I, 67); *Per Blovieščių gandras atneša ant sparnų kielę ir pavakarę* 'На Благовещение аист приносит на крыльях трясогузку и полдник' (LKŽ I, 772). Похожие тексты можно обнаружить и у соседей литовцев — поляков: их поговорки и пословицы кратки, емки, часто рифмованы, напр.: *Na Świętego Kazimierza — czajka przybieża* 'На св. Казимира чибис прилетает'; *Na Święty Józef bocian przyleci, to resztki śniegu z pól zmieci* 'На св. Иосифа аист прилетит, остатки снега с полей сметет' [10]; *Na Zwiastowanie przybywaj, bocianie* 'На Благовещение прилетай, аист'; *Jeśli Święta Agnieszka wypędzi skowronka z pod kamuszka, to już zima długo nie pomieszka* 'Если св. Агнешка (2 марта) выгонит жаворонка из-под камешка, то зима уже недолго проживет' (Ермолов 1901, 158, 168, 173, 45) [11], *Na gromnicy wyleci skowronek z kamienicy* 'На Громничную Божью матерь (2 февраля) вылетит жаворонок из каменного укрытия' (СД 2, 191).

§7. В связи с датами прилета птиц стоит упомянуть и народные названия таких дней — хрононимы. Н. Марцинкявичене в книге о Пава-

[10] По представлениям белорусов, аист ведет себя не столь решительно. Если, прилетев в свой день, на Благовещение, он находит свое гнездо под снегом, то поворачивается и улетает назад, на юг (Ермолов 1901, 173). Схожее представление известно и на Виленщине: если земля еще покрыта снегом, аисты поворачивают на юг (Толстой, Толстая 1998, 663). Еще одна белорусская примета гласит, что после 25 марта выпадает еще столько же снега, сколько его нашел прилетевший аист (Никифоровский 1897, 189).

[11] Подобные примеры можно привести и из других славянских стран, находящихся в зоне более теплого климата. Так, у чехов потепление наступает уже после 2 февраля: в этот день жаворонок должен хотя бы немного почирикать, даже если ему потом придется замерзнуть (КОО 1973, 221).

ренисе пишет, что Казимир — это «vieversė» (Marcinkevičienė 1998, 94). Жаль, автор никак не комментирует этого названия. Это слово, между прочим, не фиксирует и LKŽ. Слово *vieversė* — производное от *vieversys* 'жаворонок'. К таким хрононимам относится *gandrinė* (< *gandras* 'аист') (LKŽ III, 99) — 25 марта. В некоторых местностях хрононимы представляют собой составное наименование: слово *šventė* 'праздник' и название птицы в форме род. п., напр., в Синтаутай: *vieversių šventė* 'праздник жаворонков' — 4 марта[12], *pempės šventė* 'праздник чибиса' — 19 марта, *garnio šventė* 'праздник аиста' — 25 марта; известное в Паваренисе: *busilo šventė* 'праздник аиста'. В других местностях праздник Благовещения называется *gandro diena* 'день аиста' (LKŽ III, 99), *garnių šventė* 'праздник аистов' (LKŽ I, 766), *paukščių diena*[13] 'день птиц'. В Литве широко распространено и (восточно)славянское название Благовещения, ср. приводимые в LKŽ формы *Blovieščius*, *Blovieščiai*, *Blovieščios* (LKŽ I, 771), а также *Blogavieščios*, *Blogavieščius* (LKŽ I, 766). На юге Литвы (Варена) можно встретить и *Zviestavonė* (из польск. *Zwiastowanie*) — название, отсутствующее в LKŽ. Представление о том, что в этот день прилетают аисты, известно в Польше (см. §6), распространено также в белорусском Полесье (Толстая 1984, 186)[14]. У славян этот день вообще связывается с пробуждением земли, наступлением весны, когда после зимы оживают не только птицы, но и звери, пресмыкающиеся, насекомые и различные злые духи (Виноградова 2000, 103; Агапкина 2002, 117–122). Восточнославянские народы связывают прилет птиц также с днем 40 мучеников, который в народе называют Сороки: *На Сорок мучеников прилет жаворонков; сколько проталинок, столько жаворонков* (Ермолов 1901, 161). По мнению белорусов, в этот день должно прилететь 40 птиц разных ви-

[12] С днем Казимира связывают появление жаворонка и украинцы: *На святого Казимира вийде жайворонок з пір'я* 'На св. Казимира выйдет жаворонок из вырея' (Прислів'я та приказки 1989, 388).

[13] Хрононимы, подобные литовским, известны и в традиционной румынской культуре. Здесь 1 марта называется *Baba Dochia*. После этого бывает еще 9–12 «бабских дней», каждый из которых называется именем какой-нибудь птицы — дрозда, аиста, кукушки и др. В этот день, по представлениям румын, прилетают названные птицы (КОО 1973, 301).

[14] В других странах праздник Благовещения связывается с другими птицами. По представлениям шведов, норвежцев, датчан в этот день прилетает журавль (КОО 1973, 115), по мнению болгар — кукушка, приносящая весну (Там же, 284). В Греции дети ходят в этот день по домам с фигурками ласточек и при этом поют песню о том, что эти ласточки принесли весну (Там же, 329).

дов: жаворонки, грачи и др. (Никифоровский 1897, 240). По православному календарю этот праздник празднуется 9 марта, а по католическому — на день позже[15].

§8. Эти факты из народного календаря и связанные с ними явления традиционной культуры рассматриваются так подробно, поскольку приведенные в §3 фразеологизмы *garnio sniegas* 'снег аиста', *pempės sniegas* 'снег чибиса', *vyturiuko sniegas* 'снег жаворонка' и под. отчетливо мотивированы так называемым культурным контекстом: снег падает для того, чтобы птицы, прилетевшие в «свои дни», провозвестники и символы весны, замерзали и погибали[16]. Нетрудно заметить, что хрононимы, названия ритуальной пищи и названия атмосферных явлений могут быть образованы по одному и тому же принципу: *garnio šventė* 'праздник аиста', *garnio pyragai* 'пирог аиста', *garnio sniegas* 'снег аиста'; *pempės šventė* 'праздник чибиса', *pempės sniegas* 'снег чибиса'. Возможно, что по крайней мере некоторые из них использовались до введения христианского календаря, а другие образованы позже по аналогии со старыми фразеологизмами. Если обратиться к некоторым жемайтийским словосочетаниям, можно предположить, что, вероятнее всего, самыми архаичными являются словосочетания *pempių kėpis* 'лепешка чибиса', *gegužės kėpis* 'лепешка кукушки' (ср. также: *blezdingų šaltis* 'мороз ласточек' (LKŽ XIV, 490) — о позднем похолодании после прилета ласточек), которые связываются с тем, что после прилета птиц воздух свежеет и погода ухудшается. Позже их связали с названиями месяцев, которые, как известно, появи-

[15] В России, на Украине, в Белоруссии распространен обычай на день 40 мучеников или на Благовещение печь печенье (или лепешки) в форме птиц, которое носит «птичье» название: на Украине это *жайворонки* или *голубци*, в различных местах России их называют *тетерки* (арханг.), *ластовочки*, *снегирки* (брянск.), *воробушки* (Нижний Новг.) (Соколова 1979, 92). В Белоруссии не только ритуальные пирожки, но и день после Благовещения называется *буськовы лапы* (Толстая 1984, 187). В Литве нам известны только так называемые *аистиные пироги* (*garnio pyragai*), выпеченные на праздник аиста из муки — смеси зерновых. В LKŽ это словосочетание попало из сочинений В. Кудирки.

[16] В малых жанрах фольклора можно обнаружить много выражений подобного рода, не обязательно связанных со снегом, напр.: *Juozupas piemniai šaldys pempę* 'Иосиф, наверное, будет морозить чибиса' (LKŽ XIV, 435), — о том, что в день св. Иосифа чибисы еще могут замерзнуть; *Pempę* (*vyturį*) *dergia* 'Снег идет на чибиса (жаворонка)' (LKŽ II, 416) — о плохой погоде после прилета этой птицы; *Jei vyturys pirm savo dienos giedoti pradeda, tai šaltis jam nasrelius uždaro* 'Если жаворонок до своих дней начинает петь, мороз закрывает ему клювик' (LKŽ XIX, 838).

лись и закрепились в литовском языке сравнительно недавно: о снеге, выпавшем в мае, говорится *gegužė kėpį kepa* 'кукушка печет лепешку', об апрельском снеге — *karvelis purtosi* 'голубок отряхивается'. Как видно из вышеприведенных жемайтийских фразеологизмов, для определения невовремя выпавшего, быстро тающего весеннего снега используется метафора «снег — птичий кал», хорошо коррелирующая с выражением *šlapdriba — mėšlas pasėliams* 'снег с водой — навоз для посевов' (LKŽ XIV, 1014). Последнее представление, как уже отмечалось в нашей предыдущей работе (Jasiūnaitė, Konickaja 2004), распространено не только в России, но и в некоторых странах Западной Европы, например, во Франции. Таким образом, причиной несвоевременного атмосферного явления (выпадения снега весной) может быть живое существо.

§9. В литовской фразеологии появление снега может связываться со сверхъестественными явлениями, мифологическими существами. До сих пор зафиксировано только 4 выражения такого характера, напр.: *Sniegelė pasnigdinėja, Dievulis raguitinį [kelią] daro* 'Снежочек сыпется, Боженька санный путь прокладывает' (LKŽ XIII, 251); *Barbora grindžia, Mykola prikala, o Marija važiuoja (apie žiemos kelią)* 'Варвара стелет, Микола прикалывает, а Мария едет (о санном пути)' (Dv 1995, 221); *Kad Jurgis parjoja širmu žirgu, sako, bus geri metai* 'Если Юргис приезжает на сивом коне, говорят, год будет хорошим'; *Sniegs — tai šv. Jurgio arklys: kad šv. Jurgio dienose snigt liubėdavo, tai sakydavo, kad šv. Jurgis ant šimelio parjojęs* 'Снег — это конь св. Юргиса: если на день св. Юргиса выпадал снег, то говорили, что св. Юргис на сивом коне приехал' (два последних примера взяты из известной публикации Й. Балиса (Balys 1993, 165–166))[17].

§10. Как видно из приведенных примеров, распоряжаться атмосферными явлениями могут не только птицы, но и Господь, а также святые. Надо сразу сказать, что подобные персонажи, появившиеся в результате контаминации традиционной и христианской культур, характерны и для других народов Европы[18]. О. Черепанова (Черепанова

[17] Примечателен также комментарий ко второму примеру: *Mūsų tėvai ale ir liubėdavo apie tokius čėsus papasakoti, kad švents Jurgis su šimeliais parjot liubėdavęs; tai esti ant šv. Jurgio dar taip šalta, kad kitą metą Jurgio dienoj per Kuršiškąsias marias su šlajėmis pervažiavę* 'Наши родители часто рассказывали про такие времена, когда будто бы св. Юргис на сивых конях часто появлялся; на св. Юргиса бывало еще так холодно, что иной раз в день Юргиса можно было переехать Куршский залив на санях' (Balys 1993, 166)).

[18] Так, немцы и фламандцы говорят, что св. Катерина (25 ноября) приходит в белых одеждах (КОО 1973, 71, 139). По мнению итальянцев, эта святая носит мешок муки: *santa Katarina la porto el sac de la farina* (Ермолов 1901, 544). У швейцарцев снег насыпает св. Симон (КОО 1973, 180) — его день

1983, 63) называет их мифологическими персонажами-протекторами. Христианский святой становится протектором, когда ему приписываются специальные функции, связанные с архаическим мировоззрением. В нашем случае конкретные явления природы (выпадение снега, появление наста) являются результатом деятельности Бога или святых, играющих роль определенного «культурного героя» (Агапкина 2002, 107). По примерам можно заметить, что для святых характерна трудовая деятельность: они рубят, настилают санный путь, ездят на санях, ездят верхом. Тем не менее, редкость таких мотивов в литовском фольклоре, а в особенности их географическое распространение (Радунь в Белоруссии, Девянишкес на границе с Белоруссией, Приекуле в быв. Вост. Пруссии и Куляй на ее границе) позволяют высказать предположение, что упомянутые выше выражения могут иметь характер заимствований.

§11. В традиционной культуре русских, а также других славянских народов такого рода данные весьма многочисленны. Можно условно распределить всех связанных со снегом святых на две большие группы: 1) тех, кто снег сыплет; 2) тех, кто снег уничтожает, растопляет. Тех, кто сыплет снег, гораздо больше[19]. Они действуют примерно так же, как это представлено в литовской традиционной культуре. Чуть ли не основной святой, настилающий санный путь у русских, — св. Прокопий (22 октября): *Прокоп по снегу ступает — дорогу копает*; *Пришел Прокоп, разрыл сугроб*; *Где прокопал Прокоп, там мужику и зимний путь*; *Прокоп дорожку прокопает, а Екатерина укатает* (Ермолов 1901, 542). Эти метеорологические паремии — очевидный пример народной этимологии: фонетическое сходство связывает имя святого со словом *прокопать*, ср. (Толстой 1995, 320–321). Несколько позже, в начале декабря, наст стелют и другие святые, ср. русские паремии: *Варвара* (4 декабря) *мостит, Савва* (5 декабря) *стелет; Савва дорогу сапит; Егорий* (26 ноября) *мостит, Никола* (6 декабря) *гвоздит* (Ермолов 1901, 576–577); белорусские: *Варвара заварыть, а Микола потвердыть, а Танки забьють санки и поедуть катацца по снегови, по ледови* (Толстая 1984, 188); украинские: *Варвара зава-*

празднуется 28 октября. Ср. еще австрийское выражение *St. Gallen läst der Schnee fallen* 'Св. Галлий (16 октября) велит идти снегу' (Там же, 164).

[19] Пожалуй, самые «трудолюбивые» — 40 мучеников (9 марта), которые, по украинской паремии, *сорок лопат снігу вкинуть* (Прислів'я та приказки 1989, 388). В украинском же фольклоре находим и паремии о раннем выпадении снега, высыпаемого персонифицированным праздником: *Покрова накриває траву листям, землю — снігом, воду — льодом, а дівчат — шлюбним вінцем* (1 октября) (Прислів'я та приказки 1989, 386).

рить, Савва закалить, а Никола закуе; Варвара заварить, а Савва засолить, а Микола поставить кола (Прислів'я та приказки 1989, 399)[20]. Некоторые из приведенных паремий являются близкими соответствиями приведенного в §9 литовского выражения. Другие святые (или непосредственно персонифицированные праздники) любят ездить на санках, например: *Катерина* (24 ноября) *на санях катит к зимнему Егорью* (26 ноября) *в гости*; *По Сочельникову мосту едет Коляда из Новагорода* (Ермолов 1901, 643, 592)[21]. Св. Иосиф, как традиционно считают поляки, иногда ведет себя противоречиво: *Święty Józef czasem trawy, a czasem śniegu przywiezie wózek* 'Святой Иосиф привозит телегу иногда травы, а иногда снега' (Ермолов 1901, 167) — так предсказывается переменчивая, непостоянная погода в этот весенний день.

§12. И все же, с позиций этнолингвиста, наибольший интерес представляют славянские соответствия метеорологической паремии «Юргис приезжает на сивом коне» — о выпадающем в день св. Георгия снеге. Оказывается, целый отряд святых может красоваться на белом коне, но далеко не все они связываются с атмосферными явлениями. Так, в традиционной культуре украинцев и немцев начало снегопадов, зимы символизируют едущие на белых конях святые, день почитания которых приходится на ноябрь — св. Михаил (8 ноября) и св. Мартин (11 ноября), напр.: *Як у листопаді Мартин на білім коні приїде, то гостру зиму нам приведе* (Прислів'я та приказки 1989, 397), *Михайло приїхав на білом коні*; *Der heilige Martin kommt auf seinem Schimmel an* (*Boemen*) (Ермолов 1901, 523, 535). Эти выражения можно, по-видимому, связать с приведенными в §9 литовскими примерами и фактами: нигде, за исключением бывшей Восточной Пруссии и границы с ней, такие примеры не обнаружены[22]. Примечательно, что в традиционной культуре многих народов фигура святого на белом коне не связывается ни со снегом, ни с другими атмосферными явлениями, у них совершенно иные функции. Так, русский св. Георгий (Егорий) на белом коне управляет лесными жителями: *На Юрья святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздает зверям наказы* (Даль 1988, 346). В белорусских заговорах можно найти много всадников на белом коне, сражающихся со злыми силами: *святой Юрій и Ягорый на белом кони, Сус Христос на белым коню, Господ Бог на белом коню*. В сербских заговорах так ведет себя св. Никола, св. Юван (Иоанн) (Раденкович 1989, 126–128). У словенцев защитник и опекун коней — не Георгий, как у литовцев или русских[23], а св. Штефан на белом коне, день которого отмечается сразу после Рождества (26 декабря) (Kropej 1998, 156–157). Приведенные факты и рассуждения позволяют с известной степенью осторожности допустить, что метафора «снег — святой на белом коне», возможно, вторична и распространилась сравнительно недавно. Вполне вероятно, что она появилась не без влияния христианской иконографии и свойственна не только литовцам или славянам, но и общей европейской традиции.

§13. Идея связи масти животного с определенным атмосферным явлением (белый, бурый или гнедой — солнце, ясный, светлый день, весна; черный или пестрый — дождь, слякоть, плохая погода), опирающаяся на магию подобия, скорее всего, старше христианской традиции, поскольку основана на данных не только фольклора, этнической культуры, но и языка. Это уже давно заметила Л.Г. Невская (Невская 1984, 131), исследовавшая лексическую валентность и семантические связи литовского прилагательного *margas* 'пестрый' с помощью многих интересных данных традиционной культуры и их интерпретаций. Она цитирует записанную в Твярячюсе, расположенном на границе Литвы и Белоруссии, литовскую метеорологическую паремию: *Jeigu*

[20] Такого типа выражения характерны и для других славянских народов, ср. словенское: *Sv. Klemen zaklene, sv. Katarina gružta, sv. Andrej pa* (*s snegom*) *pokriva* 'Св. Клемен (23 ноября) запирает, св. Катерина закрепляет, св. Андрей (снегом) покрывает' (Kuret 1998, knj. 2, 124).

[21] Мотив прибывающих на санях Коляд очень популярен в литовских календарных песнях, напр.: *Vai atvažiuoja šventos Kalėdos, lelium kalėda, da kalėdiene, geležies ratais, šilkų botagais, lelium kalėda da kalėdiene* 'Ой, едут святые Коляды, лелюм, коляда, да и колядова жена, на железных колесах, с шелковыми батогами, лелюм коляда и его жена' (LKŽ XVIII, 432). Ср. также жемайтийское выражение: *Berneliai parvažiavo* 'Пареньки приехали' — имеется в виду отправляемая во время Рождества служба; *Trys karaliai pareis dabar* 'Трое волхвов сейчас придут' (LKŽ XVIII, 447) — о празднике трех волхвов 6 января.

[22] Сходная ситуация складывается и с так называемыми «плясками сивого коня» — обычаем, который приурочен к колядкам и распространен в Сувалкии, главным образом в современном Вилкавишском районе. Коня изображают один или двое парней, которые накрываются белым покрывалом и прилаживают на себя лошадиную голову и хвост. В процессии участвуют и другие маски: черт, солдат, цыган. Обычай известен также в Малой Литве и в северной Германии. О похожем обычае при праздновании словенского адвента и Рождества на территориях, где известно немецкое культурное влияние, см.: Kropej 1998, 155–156.

[23] По нашему мнению, довольно опрометчиво связывать всадника на белом коне, одетого в белые одежды, с конкретным языческим богом Белобогом, ср. Черепанова 1983, 40. В белые одежды, как мы видели, наряжается и св. Николай, и даже Иисус Христос. Другие авторы отождествляют с тем же св. Георгием Весника или Ярилу, связанных с приходом весны, см. Kropej 1998, 159.

balta karvė keltavas namo veda, tai ryt bus graži diena, jeigu margumuota — paliūtė 'Если белая корова стадо домой ведет, то утром будет хороший день, если пестрая — будет дождь' (LKŽ VII, 857)[24]. Ср. также русскую и белорусскую примету, связанную с погодой: *Когда впереди возвращающегося с пастьбы домой стада идет черная или пестрая (рыжая) корова, — к ведру, а черная или пестрая — к ненастью* (Ермолов 1905, 48); *Когда летом, при вечернем возвращении «статка» с поля, впереди идет «чарноха», на другой день следует ожидать ненастья, «бялоха» — ясной, ведренной погоды, «рябоха» и вообще «пялесая» корова — пасмурной и переменной* (Никифоровский 1897, 151). Точно так же у болгар св. Тодор на красном коне приводит лето — теплое, красивое время года (Агапкина 2002, 107). Не столь разборчивые русские св. Гурий (15 ноября) и св. Григорий (17 ноября) довольствуются пестрой кобылкой, с которой в традиционной культуре связаны различные негативные коннотации[25]; последний ее любезно уступает зиме[26]: *Св. Гурий на пегой кобыле землю объезжает*; *На Григория приехала зима на пегой кобыле* (Ермолов 1901, 539–540)[27]. Пестрая масть животного здесь убедительно символизирует пестрящую в начале зимы снежными заплатами землю. Характерная для ноября пе-

[24] Вообще, надо сказать, что в традиционных метеорологических паремиях с дождем связывается любое мельтешение, быстрое движение вверх-вниз, напр.: *Uodai čiulkinį grūdžia, bus lietaus* 'Комары кашу толкут, будет дождь'; *Bus lietaus, uodai čiulkynę grūda* 'Будет дождь, комары кашу толкут'; ср. *čiulkinys — grūsta košė su kanapėmis, žirniais, šiupinys, kiulkinys* 'чюлькинис — толокняная каша с коноплей, горохом' (все примеры из LKŽ II, 150).

[25] Пестрый или пегий конь может ассоциироваться с непостоянством жизни, различными неприятностями. Это отчетливо прослеживается в литовской фразеологии, напр.: *Dar čia viskas stovi ant margo arklio* 'Здесь еще все стоит на пестром коне' (FŽ 2001, 67) — о чем-то с неясным, неопределенным исходом; *Priežadai (pažadai) keršu žirgu joja* 'Обещания ездят на пегом коне', т. е. 'обещаниям не стоит верить'; *Sėdi, vaikeli, ant keršo žirgo* 'Ты, деточка, сидишь на пегом коне' — говорится девушке, собирающейся выйти замуж, если ей это может не удаться (примеры из LKŽ XX, 716).

[26] У других восточных славян — украинцев — на пестром животном ездит не зима, а осень, ср.: *Осінь на рябому (строкатому) їздить; Осінь на сорокатій кобылі їздить* (Прислів'я та приказки 1989, 83).

[27] Ездить на пестром коне ниже достоинства разных мифологических существ. К такому коню плохо относится белорусский *хлевник*. Разозлившись, он въезжает в хлев на пестром коне и досаждает всем животным. Ему не нравится и пестрая птица — сорока, если она повешена в хлеве или сидит на крыше (Никифоровский 1907, 55).

ременчивая погода — слякоть, смешанный с грязью снег — усиливается и другими коннотациями: зима еще не совсем установилась, поэтому положение святого на пестром коне весьма неустойчиво, вызывает сомнение, может быть даже несколько комично[28].

§14. Иногда случается, что распространенные в диалектном языке метафоры «снег — крупа», «снег — белые одежды» в традиционных метеорологических паремиях трансформируются путем введения своеобразного субъекта действия: «снег — рассыпаемая святым крупа», «снег — полы одеяния святого», ср. рус. *Коли Яков, брат Господень* (23 октября), *крупицу пошлет, то с Матрены* (9 ноября) *зима станет на ноги*; польск. *Zazwyczaj tak bywa, że święty Marcin okrywa swego płaszcza połą oziminę gołą* 'Обычно так бывает, что св. Мартин покрывает полой своего плаща голые озимые' (Ермолов 1901, 511, 534). А по представлениям болгар, первый снег сыпется прямо из белой бороды святого Димитрия (*дядо Димитър*) (СД 1, 93).

§15. Следует отметить, что католические и православные святые, о которых говорилось выше, — не единственно возможные «рассыпатели» снега. Нельзя не упомянуть еще один интересный факт: русским известен антропоморфный образ вьюги (метелицы), ср.: *Помело метлой на маслену — приедет сударыня метельная* (Даль 1989, 339). По мнению чехов, если идет снег, то это *bila pani* (белая госпожа) вместе с ангелами стелет постель (Ермолов 1905, 315). Словенцы считают, что снег (*babje pšeno* — 'бабье пшено', *babja kaša* — 'бабья каша') приготовляется *Пехтрой-бабой*[29]– женским божеством, некрасивой, косматой женщиной с вилами в руках; ее время — вечер перед празд-

[28] Интересно, что масть животного в литовских преданиях связывается с заклятым (заколдованным) кладом: белое животное символизирует серебро, бурое — золото, пестрое — смешанные деньги, напр.: *Žmonės sako, kad jei prisduoda (vaidenasi) balta karvė, tai reiškia sidabrą, žala — auksą, marga — maišytus pinigus* 'Люди говорят, что если привидится белая корова, то это значит серебро, бурая — золото, пестрая — смешанные деньги' (Balys 2003, 110). В записанном в Швянченеляй предании на том месте, где закопаны серебряные деньги, появляется белый конь, блещущий серебром (Там же). Здесь обнаруживается тот же принцип, что и в метеорологических паремиях.

[29] Обычно словенская *Пехтра* связывается с немецким влиянием; однако Д. Овсец в своей монографии о славянской мифологии приводит аналоги женского зимнего божества — итальянское (*Befana*) и французское (*tante Airie*), а также упоминает среднеазиатские божества, появляющиеся в середине зимы (Ovsec 1991, 476), и на этом основании приходит к выводу об индоевропейском, если не евразийском характере женского зимнего мифологического персонажа.

нованием прихода трех волхвов (5 января). Эти женские персонажи напоминают фрау Холле (*Frau Holle*) из сказок братьев Гримм, которую переводчики на литовский язык называют то Королевой вьюг (пер. Ю. Бальчикониса), то Снежной матушкой (пер. А. Друктейниса); на русский язык ее имя традиционно переводится как Госпожа Метелица или Бабушка Метелица. На самом деле слово *Holle* значит 'старинный женский головной убор' или 'птичий хохолок'. *Frau Holle* — страшная старуха с большими зубами, в ее власти — атмосферные явления: стеля ей постель, нужно было так сильно взбивать перину, чтобы перья летели во все стороны, и в это время во всем свете идет снег (BG 1999, 141; БГ 1959, 114). Интересно, что и в русском фольклоре лето изображается как красивая девушка, а зима — как страшная старуха с железными зубами (Левкиевская 2000, 91–92)[30]. В Литве в окрестностях Пасвалиса, если с вечера холодает, говорят: *Gal bus šalna, ateis viešnia žilelė* 'Наверное, будут заморозки, придет седая гостья' (LRD 1990, 216). Иначе говоря, и здесь заморозки[31] предстают антропоморфно, в образе седой женщины[32]. Вероятнее всего, такие «госпожи» и «бабы» отражают дохристианские воззрения, а позже их функции могли перейти к христианским святым.

§16. После изложения данных, связанных с «рассыпателями» снега, следует несколько слов сказать об «уничтожителях» снега. Эту функцию в славянской, в частности, русской и белорусской традиционной культуре выполняют святые, чьи дни празднуются ранней весной, напр.:

[30] Здесь можно упомянуть литовские поговорки: *Žiemos dantys ilgi* 'У зимы длинные зубы'; *Žiemos dantys aštrūs* 'У зимы острые зубы' (LKŽ XX, 542). Сходные образы переходят в профессиональную поэзию, напр.: *Jau ruduo dantis galanda, jau šalna žolelę kanda* 'Осень уже точит зубы, заморозки уже кусают травку' (Саломея Нерис; цит. по: LKŽ XI, 879).

[31] В литовском языке слово *šalna* 'заморозки' — женского рода, выступает в единственном числе.

[32] У других народов снегом распоряжаются не только женские персонажи. Так, в финском эпосе о Калевале снега просят у бога Укко: «Ты насыпь мне снега, Укко, намети пороши тонкой, чтоб мои скользили сани, Чтобы пошевни катились!» (18 песня, 421–424) (Калевала 1998). Как нас информировала доцент кафедры балтистики и общего языкознания Вильнюсского университета Регина Венцкуте, само финское слово *ukko* значит 'старик, предок, старший'; это, видимо, эвфемизм настоящего имени божества. У эскимосов мороз, вьюгу и снег насылает дух мороза Тыкывак (ЭСМ 1988, 268). В другом эскимосском мифе говорится, что божество неба женится на вылепленной из снега девушке, она рожает ребенка, и это становится причиной выпадения снега (Там же, 144).

Прокоп — перезимний, Прокоп — дорогорушитель (21 февраля); *Авдотья-плющиха — снег плющит* (1 марта); *Алексей — из каждого сугроба кувшин пролей* (17 марта); *Марьи — зажги снега, заиграй овражки* (1 апреля); *св. Руфь снег рушит* (8 апреля); *св. Пуд снег пугнет* (известно и в белорусских метеорологических паремиях) (Ермолов 1901, 96, 152, 165, 211, 215, 218); *Пуд снег пудзиць* (Агапкина 2002, 116). В этих паремиях обнаруживаются элементы народного этимологизирования, ср.: *Руф рушит, Пуд пудзиць*. У литовцев, как говорилось ранее (см. §3–4), снег склевывают или поджигают разные птицы.

§17. В литовском языке, особенно в восточных говорах, можно найти своеобразные фразеологизмы, связанные с метафорой «снег, блестящий на солнце (месяце) — части тела мифологического существа». Зафиксировано 10 таких выражений[33]: *bobos kaulai* (*pelenai*) 'бабьи кости (бабий пепел)' (FŽ 2001, 107), *raganos kaulai* 'ведьмины кости' (LKŽ XI, 18), *močekos raganos kaulai* 'кости мачехи-ведьмы' (TDr IV, 231), *viedmos raganos kaulai* 'кости ведьмы-раганы' (TDr IV, 222), *kaulai viedmos* 'кости ведьмы' (Mit IV, 180), *laumės kauleliai* 'косточки лаумы' (TDr IV, 217), *laumių taukai* 'жир лаум' (TDr IV, 202), *raganos taukai* 'жир ведьмы' (LKŽ XI, 18), *raganos smegenys* 'мозги ведьмы' (LKŽ XIII, 140). Все эти выражения явно связаны с фольклорным источником: в восточной и западной Литве и литовских островных говорах на территории Белоруссии широко известна сказка, в конце которой ведьма за свои пакости несет смертное наказание[34]. В восточной Литве этот сюжет записан в Девянишкес, Дукштасе, Цейкиняй, Твярячюсе, Даугелишкисе, Парингисе, Шальчиникай; в южной Литве — в Бартнинкай,

[33] После просмотра всех 20 томов LKŽ можно с уверенностью сказать, что фразеологизмов, в которых так или иначе упоминаются части тела мифологических персонажей (черта, Бога, лаумы, ведьмы-раганы, домового), в литовских говорах и фольклоре зафиксировано примерно полторы сотни. Упомянем некоторые из них, в которых фигурируют важные для нас женские персонажи: *laumės galva* 'голова лаумы' (LKŽ VII, 190) — 'звуки от ударов валька при стирке', *laumės kaulas* 'кость лаумы' (LKŽ VII, 190) — 'твердый нарост, опухоль', *raganos papas* 'грудь ведьмы' (LKŽ XI, 18) — 'минерал белемнит', *raganos ašaros* 'слезы ведьмы' (LKŽ XI, 18) — 'водка', *raganos spjaudulas* 'плевок ведьмы' (LKŽ XIII, 460) — 'гриб-паразит'.

[34] До сегодняшнего дня даже сравнительно молодые информанты хорошо чувствуют эту связь; так, в 2004 г. в д. Анталепте записано замечание З. Каваляускайте-Илене (1938 г. рожд.): *Raganos kaulai blizga* [*sniege*], *kai išnešiojo su arkliu* 'Кости ведьмы блестят на снегу, это ее разорвали кони' (Jasiūnaitė 2001, 74). О некоторых аспектах этой темы более обстоятельно написано в указанной статье Б. Ясюнайте.

Валькининкай, Швянтяжярисе; из литовских местностей Белоруссии следует назвать Гярвечяй, Радунь (Rodūnia), Пялясу (Pelesa), Ошмяны (Ašmena), Дятлово (Zietela). Особенно примечателен записанный Й. Довидайтисом (Dovydaitis 1957, 157) в Пялясе вариант, в котором разные части тела ведьмы превращаются не только в снег, но и в элементы рельефа — камни разного цвета: *Žukinkė porą arklių geležinėsna akėčiosna ir ištąsė po visus laukus, ir kaulus išbarstė. Ir dabar žiemą tų viedmų riebalai blizga ant sniego. Ir kur dabar yra raudonas akmuva, tai ten viedmos ragenos kraujai, o kur mėlynas akmuva — tai tos viedmos ragenos mėsos, o kur baltas — tai viedmos ragenos kaulai* 'Пара лошадей растащили ее железной бороной по полям и косточки разметали. И с тех пор зимой жир этих ведьм блестит на солнце. И где сейчас красный камень, так это кровь ведьмы-раганы, а где синий камень — там мясо этой ведьмы-раганы, а где белый — это кости ведьмы-раганы'. Здесь ведьма — переустроительница рельефа, от нее зависит появление важных природных объектов. Тем самым она определяется как весьма могущественное существо, наравне с великанами, чертями, лаумами — наиболее характерными персонажами литовских этиологических преданий, см.: Kerbelytė 2004, 264–265. Определенные параллели можно найти в объяснениях индейцами-пенобскотами штата США Мейн происхождения важнейших географических объектов территории своего племени скитаниями культурного героя или другими мифическими происшествиями: скала — это лодка героя, жила из белых камней — внутренности оленя, которого он добыл на охоте, гора — котел, который он опрокинул на костер, и т. д. (Lévi-Strauss 1997, 190).

§18. Сравнительно часто субъектом выпадения снега может выступать персонифицированное явление природы. Нами зафиксировано 9 таких литовских паремий, напр.: *Sninga, žiema patalą kloja* 'Снег идет, зима перину расстилает' (LKŽ XIII, 256); *Vasaris vasnoja, t.y. džiovina su vėju, kovelis dargelis, t.y. sninga su vėju* 'Февраль машет крыльями, т.е. сушит ветром, март — месяц непогожий, то есть снежит с ветром' (LKŽ XVIII, 371); *Ruduo jau pradėjo sniegelį birinti* 'Осень уже начала сыпать снежочек' (LKŽ I, 844); *Šviežias sniegas senąjį suėda* 'Новый снег старый съедает' (LKŽ II 1162); *Kukorius išverda be ugnies, ponai suvalgo be burnų* (*šaltis, sniegas, saulė*) 'Повар варит без огня, господа съедают безо рта (мороз, снег, солнце)' (LKŽ XIX, 651); *Senė pikta pūkus iš maišo paleido* 'Злая старуха снег из мешка рассыпала' (LKŽ XII, 392). В этих примерах явлениям неживой природы (зиме, осени, ветру, февралю) приписываются свойства человека. Персонифицированные явления природы здесь словно замещают зооморфный или мифологический персонаж. Интересны и антропоморфные образы загадок: мороз — повар, солнце — пирующие

господа, зима — злая старуха (ср. с упоминавшимися в §15 женскими мифологическими персонажами из культур разных народов). Фразеологизмы, пословицы, загадки и др. паремии этой группы, видимо, более новые по сравнению с рассмотренными выше.

§19. В аналогичных русских выражениях можно встретить грязнулю-октябрь, не желающего наряжаться в белые одежды, или красующуюся в медвежьей шубе зиму[35], например: *Коли на Евлампия* (10 октября) *грязь да слякоть — октябрь-грязник до Казанской* (22 октября) *снегом не умоется, в белый кафтан не нарядится; Со Спиридонова дня* (12 декабря) *зима ходит в медвежьей шкуре; Если зима ходит в Спиридонов день по полю, то за ней вереницами идут метели* (Ермолов 1901, 501, 584). По представлениям белорусов, *На Мацея* (24 марта) *зіма пацее* 'На Матвея зима потеет': так метафорически изображается таяние снега с приходом весны.

§20. Иногда субъект выпадения снега вовсе не называется, а только угадывается по употребленным в высказываниях глаголам. Зафиксировано 5 таких случаев, напр.: *Sniegti, gal padarys*[36] *rogių kelią* 'Снежит, может, санный путь установит' (LKŽ XI, 812); *Truputį snaigo — kelią taiso* 'Немножко снежит — дорогу прокладывает'(LKŽ XIII, 234); *Padarys gerą rogiakelį* 'Установит хороший санный путь' (LKŽ XI, 812); *Trąšus pila* (*sakoma, kai pavasarį sninga*) 'Удобрения рассыпает (говорят, когда весной выпадает снег)' (LKŽ XVI, 584); *Ir vėto, ir mėto, visus kampus primėto* (*sniegas*) 'И веет, и бросает, все углы засыпает (снег)' (LKŽ XIX, 6). В §3 уже указывалось, что удобрения весной рассыпают птицы, в §9–11 — что санный путь устанавливает Бог или святые и под. Следовательно, вышеприведенные фразы можно считать своеобразными эллиптическими конструкциями, недостающее звено которых говорящий заполняет сам с опорой на хорошо ему известный этнологический контекст.

§21. Приведенные в статье данные и их анализ приводят к выводу, что как в литовской, так и в славянской традиционной культуре снег не считается самостоятельным природным явлением. Это атмосферное явление вызывается причинами, связывающими его либо со свое-

---

[35] Ту же метафору «заморозок — одеяние из шкурки горностая» можно найти в русской профессиональной поэзии, ср. пример из поэзии И. Бунина (Бунин 1995, 58): *И в горностаевом шугае, умывши бледное лицо, последний день в лесу встречая, выходит Осень на крыльцо*. Горностай связан со снегом и в русском фольклоре: мотки нитей, которые горностай прядет из своей серебристой шерсти, позже превращаются в сугробы снега (СД 1, 522).

[36] В литовском языке глагольная форма 3 лица может быть отнесена как к единственному, так и к множественному числу.

образно интерпретируемыми объектами самой природы (птицами, зимой, осенью, ветром и т. д.), либо с деятельностью сверхъестественных существ (Бога, святых, других мифологических персонажей). Такая трактовка снега довольно ясно раскрывается как на языковом уровне, в богатой диалектной фразеологии, так и в текстах малых жанров фольклора, в особенности в метеорологических паремиях и загадках. В славянском материале такого рода более ярко проявляются элементы христианской культуры, новые функции католических и православных святых, что характерно и для общеевропейской традиции. Литовцы в этом отношении более консервативны, чем их ближайшие соседи: в Литве еще сравнительно недавно совершались обряды вождения козла вокруг березы, основная цель которых — вызывание снега. Анализ этого обряда — тема для отдельной статьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

БГ 1959 — *Братья Гримм.* Сказки. М., 1959.

Бунин 1995 — *Бунин И. А.* Свет незакатный. М., 1995.

Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Даль 1988 — Пословицы русского народа. М., 1988. Т. 1.

Даль 1989 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1989. Т. 2.

Ермолов 1901 — *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. III. Всенародный месяцеслов. СПб, 1901.

Ермолов 1905 — Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. IV. Всенародный месяцеслов. СПб., 1905.

Калевала 1998 — Калевала / Пер. Э. Киуру и А. Мишина // (8.11.2005) http://kalevala.ru/songs/song18a.shtml.

КОО 1973 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX — нач. XX в. Зимние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1973.

Левкиевская 2000 — *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000.

Невская 1984 — *Невская Л. Г.* Лит. «margas» (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание. М., 1984.

Никифоровский 1897 — *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

Никифоровский 1907 — *Никифоровский Н. Я.* Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907.

Прислів'я та приказки 1989 — Прислів'я та приказки. Природа, господарська діяльність, людини. Київ, 1989.

Раденкович 1989 — *Раденкович Л.* Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.

СД 1, 2 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2.

Соколова 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Толстая 1984 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А–Т) // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Народная этимология и этимологическая магия // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Толстой, Толстая 1998 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Благовещение в славянских народных обычаях и верованиях // Введение в храм. М., 1998.

Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград, 1983.

ЭСМ 1988 — Эскимосские сказки и мифы / Сост. Т. А. Меновщиков. М., 1988.

Balys 1993 — *Balys J.* Lietuvių kalendorinės šventės. Vilnius, 1993.

Balys 2003 — *Balys J.* Užburti lobiai // *Balys J.* Raštai. Vilnius, 2003. T. 4.

BG 1999 — *Broliai Grimai.* Vaikų ir namų pasakos. Vilnius, 1999.

Dovydaitis 1957 — Lietuvių liaudies pasakos su dainuojamaisiais intarpais / Užrašė ir paruošė J. Dovydaitis. Vilnius, 1957.

Dv 1995 — Dieveniškės / Sud. V. Mačiekus. Vilnius, 1995.

FŽ 2001 — Frazeologijos žodynas / Red. J. Paulauskienė. Vilnius, 2001.

Gimbutienė 1994 — *Gimbutienė M.* Senovinė simbolika lietuvių liaudies mene. Vilnius, 1994.

Jasiūnaitė 2001 — *Jasiūnaitė B.* Dėl vienos keiksmo formulės kilmės // Tautosakos darbai. 2001. T. XV (XXII).

Jasiūnaitė, Konickaja 2004 — *Jasiūnaitė B., Konickaja J.* «Atlėkė paukštis be sparnų» (Atmosferos reiškiniai frazeologijoje: sniegas) // Kalbotyra. 2004. LII (1).

Kerbelytė 2004 — *Kerbelytė B.* Sakmės ir padavimai apie pasaulio kilmę // Lietuvių mitologija. Vilnius, 2004. T. 3.

Kropej 1998 — *Kropej M.* The Horse as a Cosmological Creature in the Slovene Mithopoetic Heritage // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1998. I.

KrvP I–II — *Krėvė-Mickevičius V.* Patarlės ir priežodžiai. I–II d. Kaunas, 1934–1945.

Kuret 1998 — *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Ljubljana, 1998. Knj. 1–2.

LD 1979 — Laumių dovanos: lietuvių mitologinės sakmės / Sudarė N. Velius. Vilnius, 1979.

Lévi-Strauss 1997 — *Levi-Strauss C.* Laukinis mąstymas. Vilnius, 1997.

LKŽ I–XX — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002. T. I–XX.

Lopeta 1996 — *Lopeta V.* Liaudies astronomija ir chronologija. Sintautai. Vilnius, 1996.

LRD 1990 — Linelius roviau, dainavau. Onos Bluzmienės tautosakos ir atsiminimų rinktinė. Vilnius, 1990.
LT I–V — Lietuvių tauta. Lietuvių mokslo draugijos raštai. Vilnius, 1907–1936. Kn. I–V.
Marcinkevičienė 1998 — *Marcinkevičienė N.* Pavarėnis. Vilnius, 1998.
MČ 1992 — *Čilvinaitė M.* Oro, sėjos bei darbų laiko spėjimai Upynos apylinkėse (Šilalės raj.) // Mūsų kraštas. 1992. № 1.
Mit I–VI — Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Bd. I–VI. Heidelberg, 1883–1912.
MTt I–X — Mūsų tautosaka. Hum. m. fak. Tautosakos komisijos leidinys. Kaunas, 1930–1935. Kn. I–X.
Ovsec 1991 — *Ovsec D.* Slovanska mitologija in verovanja. Ljubljana, 1991.
Šliavas 1996 — *Šliavas J.* Žiemgalių pėdsakais. Vilnius, 1996.
Šmitas 2004 — *Šmitas P.* Latvių mitologija. Vilnius, 2004.
TDr I–VII — Tautosakos darbai. Lietuvių tautosakos archyvo leidinys. Kaunas, 1935–1940. T. I–VII.

И. ВИТОЛА

НАЗВАНИЯ МЕСТ С КЛАДАМИ В ЛАТЫШСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ

В исследованиях латышского историко-культурного ландшафта до сих пор мало внимания уделялось объектам, обозначаемым как «места кладов» (или «места спрятанного добра», «богатства»: *Mantas vietas*) — местам, в названии которых присутствуют слова *manta* 'вещи', *nauda* 'деньги', *zelts* 'золото', *sudrabs* 'серебро' [1].

Данная работа ставит целью выявить происхождение названий этих мест: *Zelta kalns* 'Золотая гора', *Naudas akmens* 'Денежный камень' и других, а также ареал их распространения на территории Латвии. В исследовании использованы главным образом следующие источники: латышские народные предания из фондов Архива латышского фольклора Института литературы, фольклора и искусства (далее в тексте — LFK), а также материалы Центра документации памятников Государственной инспекции по охране культурных памятников (далее в тексте — PDC) [2].

---

[1] «Места кладов» здесь и далее — общее обозначение, используемое автором для всех известных мест, в названиях которых есть слова: *manta* 'клад, имущество' — *Mantas akmens* 'Кладовой камень', *Mantu kalniņš* 'Кладовая горка, холм', *Mantas kalns* 'Кладовая гора', *Mantu bedres* 'Кладовая яма'; *nauda* 'деньги' — *Naudas kalni* 'Денежные горы', *Naudas bedres* 'Денежные ямы', *Naudas dobes* 'Денежные гряды', *Naudas akmeņi* 'Денежные камни', *Naudas avoti* 'Денежные источники', *Naudas lāmas* 'Денежные ложбины', *Naudas purvi* 'Денежные болота', *Naudas ezeri* 'Денежные озера', *Naudas dīķi* и *Naudas mārki* 'Денежные пруды', *Naudas līči* 'Денежные заводи', *Naudas gravas* 'Денежные канавы', *Naudas atvari* 'Денежные омуты', *Naudas koki* 'Денежные деревья', *Naudas pļavas* 'Денежные луга', *Naudas salas* 'Денежные острова', *Naudas birstiņa* 'Денежная насыпь'; *zelts* 'золото' — *Zelta kalns* 'Золотая гора', *Zeltlejas* 'Золотые долины', *Zelta upīte* 'Золотая речка', *Zelta akmens* 'Золотой камень', *Zelta bedres* 'Золотые ямы'; *sudrabs* 'серебро' — *Sudrabkalns* 'Серебряная гора', *Sudrabezers* 'Серебряное озеро', *Sudraba dīķis* 'Серебряный пруд', *Sudraba avotiņš* 'Серебряный источник'. В исследование не включены названия поселений (например, *Naudīte, Zeltiņi, Sudrabe* и т. д.), отдельно стоящих дворов (*Zeltakalni, Sidrabiņi* и т. д.).

[2] Выбор этих источников не случаен и обусловлен тем, что они дают информацию о всей территории Латвии, а также дополняют друг друга — в ла-

Учитывая значительное количество латышских народных преданий, мы ограничимся теми текстами, в которых рассказывается о зарытых кладах, особое внимание уделяя тем текстам, в которых указывается конкретное место, где находится богатство — гора, пруд, камень и др. На местонахождение клада в преданиях указывают топонимы со словами *manta* 'вещи', *nauda* 'деньги', *zelts* 'золото', *sudrabs* 'серебро'. Подобный отбор — определенное условие исследования, поскольку эти названия показывают уникальность данного места в существовавшем ранее или существующем по сей день культурно-историческом ландшафте.

Обычно существует от 1 до 3 вариантов преданий об одном и том же месте с кладом.

В текстах латышских народных преданий о местах с кладами обычно говорится, что спрятанные деньги хранятся в некотором ящике, бочке, сундуке, мешке, гробе, горшке, кувшине, бутылке или другой посуде, зарыты в некой горе, на поле, около дерева, камня, бани, утоплены в колодце, озере, болоте или роднике.

Только в редких случаях в преданиях рассказывается о причине захоронения клада и об обстоятельствах, сопровождавших это событие — по большей части это деньги и предметы, которые во время войны или перед смертью прячет человек, скопивший богатство: седовласый старец, богатый господин, а также солдаты, спасавшиеся бегством от врагов.

Относительно много говорится о поисках клада и его обнаружении, что сопряжено с большими трудностями и нередко не увенчивается успехом.

Обычно сокрытый клад можно добыть, следуя определенным предписаниям. Нужно идти копать клад в полночь, в полдень, в Янов день, при этом следует приносить жертвы, например, продать Велнсу (Черту) белого, пестрого или лучшего бычка, козу, корову, самого красивого теленка.

Во многих вариантах преданий хранители денег просят принести в жертву жену или ребенка того человека, который ищет клад. В момент, когда деньги поднимаются из глубины земли наверх, копателей отпугивают или сидящие на кладе хранители денег: дракон (крылатый змей) — «пукис» (*pūķis*), черный пес; или выбежавший из леса волк, или вдруг подъехавшие господа, которые затем мгновенно исчезают. Искатели клада от испуга забывают предписание хранить молчание, они кричат и пугают этим только что появившуюся посудину с деньгами, которая со звоном скрывается обратно в земле, воде, трясине. Обычно денег никто не получает, и нередко происходит так, что клад еще раз появляется и произносит: *Simts gadus gulēju, vēl tikpat gulēšu* 'Сто лет лежал, еще столько же пролежу'.

тышских народных преданиях содержится в большей степени описание мест, напротив, в материалах PDC — информация фактологического характера (точное место нахождения объекта, произведенные измерения, фотоснимки).

Иногда зарытый клад появляется перед людьми звеня, танцуя, приговаривая, иногда — как огонь над родником или как бык с мешком денег на рогах. В некоторых латышских народных преданиях о местах с кладами упоминаются «бродячие деньги» (*apkārtstaigājošā nauda*), что, видимо, аналогично упоминающимся в преданиях «старым деньгам» (*vecā nauda*) — деньгам, у которых нет хозяина, владельца и которые бродят по свету в образе животного, человека или появляются в виде пламени и ищут себе хозяина.

В большей части текстов преданий деньги, странствующие в облике тени, девушки, женщины, старушки, просят, чтобы к ним прикоснулись или вытерли о них нос, но обычно человек, к которому они обращаются, пугается, не делает того, о чем его просят, и не получает денег. Видимо, эти старые, бродящие по свету деньги и есть тайком захороненные клады.

Места с кладами можно разделить на четыре группы: «Кладовые горы (холмы)», «Кладовые воды» [3], «Кладовые ямы», «Кладовые камни». Далее мы обратимся к каждой из этих групп и предложим возможные варианты происхождения названий объектов, основываясь на анализе текстов преданий и материалов архива PDC.

Кладовые горы (*Mantas kalni*)

Возможно, названия «Кладовые горы» могут свидетельствовать о реальных местах захоронения кладов, так как во многих преданиях рассказывается о том, как во время войны местные жители (владелец замка, помещик, хозяин, беженцы) закапывали свои деньги и драгоценности в горах, и отсюда те получили свое название (LFK 528, 112; LFK 1980, 2464):

Mēra — Smiltenes lielceļa malā, netālu no Mēra muižas un Šķirbu mājām, meža vidū atrodas kalns, kuru no seniem laikiem sauc par Naudas kalnu. Ne

[3] *Mantas ūdeņi* ('Воды с кладами') — общее название, выбранное автором для мест кладов (*Mantas vietas*), которые связаны с водоемами, водохранилищами: Денежные источники, Денежные болота, Денежные пруды, Денежные озера, Денежные омуты, Денежные канавы, Денежные ложбины с водой, Денежные заводи, Золотая речка, Серебряное озеро, Серебряный пруд.

visai tālu no tagadējās Mēru muižas atradusies Gaujienas pils, kuras drupas vēl tagad redzamas. Zviedru laikos pilī dzīvojis bagāts pilskungs. Krievi tajā laikā gribējuši atņemt zviedriem Vidzemi. Tie nākuši Vidzemē ar lielu karaspēku un, ieņemdami vienu pili pēc otras, tuvojušies arī Gaujienai. Gaujienas bagātais pilskungs redzēdams, ka pili nevarēs aizsargāt pret krievu pārspēku, gribējis paglābt savu bagātību. Viņš licis piekraut vairākas ores ar dažādām mantām, zelta, sudraba un citām vērtslietām un naudu, domājis paglābties pie Smiltenes pilskunga, jo iedomājies, ka Smilteni ienaidnieki neieņems. Kad nobraucis pie tagadējās Mēru muižas, saņēmis ziņu, ka arī Smiltene jau aplenkta. Baidīdamies zaudēt vērtslietas, pilskungs nedrīkstējis vairs tālāk braukt, tāpēc iebraucis tuvējā mežā un apracis visas vērtslietas Naudas kalnā. Daudzi tur izmeklējušies, izrakušies, bet neko nav atraduši.

В Мере, по дороге на Смилтене, недалеко от мызы Мера и хутора Шкирбу, посреди леса находится гора, которую издревле называют Денежной. Недалеко от усадьбы Меру находится замок Гауйена, развалины которого видны до сих пор. В шведские времена в замке жил богатый хозяин. Русские в то время хотели отнять у шведов Видземе. Они пришли в Видземе с большим войском и, занимая один замок за другим, приближались к Гауйене. Богатый хозяин Гауйены, видя, что замок не может выстоять против силы русских, решил захоронить свое богатство. Он велел наполнить несколько фур разными вещами, золотом, серебром, другими драгоценностями и деньгами и решил спрятаться у владельца замка в Смилтене, думая, что Смилтене врагам не занять. Когда он доехал до сегодняшней усадьбы Меру, получил весть, что уже и Смилтене окружена. Опасаясь потерять драгоценности, господин не осмелился двигаться дальше, свернул в ближайший лес и закопал все в Денежной горе. Многие там искали, копали, но ничего не нашли'[4].

(LFK 1980, 784)

Довольно часто в преданиях говорится, что в холмах свои деньги и драгоценности закапывали шведские, французские, русские воины, обычно спасаясь бегством от противника:

Biržu pagastā «Mīkolu» māju kalniņā esot noglabāts daudz zelta, ko franču armija Napoleona laikā esot šeit noglabājusi, bēgdama no krievu vajātājiem. Tāpēc arī šo kalniņu nosauca par zelta kalnu.

В волости Биржу, в горке на хуторе «Миколу» закопано много золота, которое спрятали французские войска Наполеона, отступая под натиском русских. Поэтому эту горку назвали Золотой горой.

(LFK 1655, 3633)

[4] Этот и другие тексты преданий, включенные в публикацию, скопированы с оригиналов, которые хранятся в архиве Хранилища латышского фольклора.

Предание о Денежной горе в волости Друвиена (округ Мадоны) повествует о торговцах, которые, стремясь спасти свое богатство от грабителей, закопали на вершине холма бочонок с деньгами (LFK 891, 5730).

В латышских народных преданиях рассказывается о закапывании денег не только во время войны, но и перед смертью. Эта традиция упомянута также в латышских народных верованиях[5] и имела сакральное значение: закопать деньги перед смертью для потребностей на том свете означало перевести их в потустороннее имущество[6]:

Vīpes pagastā atrodas Naudas kalns. Ap šo kalnu esot dzīvojuši skaudīgi un skopi ļaudis. Īpaši vecie tēvi, kas mirstot naudu nav atstājuši dēliem, bet aprakuši kalnā. Lai gan slepenībā, bieži vien nauda vēlāk atrasta.

В волости Випес находится Денежная гора. Вокруг когда-то жили завистливые и жадные люди. Особенно старики, которые, умирая, не оставляли денег сыновьям, а закапывали их в горе. Хотя это делали тайно, часто позже деньги находили.

(LFK 1705, 18016)

Kuldīgas Rendā Mantas kalnos mēra laikos aprakta nauda, drēbes, labība. Ļaudis cerēja, ka šī manta viņiem noderēs pēc nāves. Citi slēpa no frančiem. Tā cēlās nosaukums «Mantas kalns».

В Кладовых горах в Ренде, недалеко от Кулдиги, во время чумы закопали деньги, ткани, зерно. Люди верили, что это добро пригодится им после смерти. Другие прятали это от французов. Так возникло название — «Кладовая гора».

(LFK 1925, 1970)

Эти два латышские народные предания о спрятанном добре на самом деле могут указывать на места погребений с кладами.

Многие из «Кладовых гор» в Латвии — это места древних могильников. Семь из них — это археологические памятники, охраняемые государством[7], другие объекты были также исследованы археолога-

[5] *Kas priekš miršanas savu naudu kādam neatvēl jeb nenorok, tas nevar nomirt* 'Кто перед смертью кому-нибудь свои деньги не завещал или не закопал, тот не может умереть' (LTT 21549).

[6] Об этом подробнее см.: Tāle 2000.

[7] *Mantas kalniņš* 'Кладовая горка' — могильник Крустыни в волости Дзербене Цесисского района; *Mantas kalniņš* 'Кладовая горка' / *Naudas kalniņš* 'Денежная горка' / *Lazdu kalniņš* 'Ореховая горка' — могильник Мазкуди в волости Яунпиебалга Цесисского района; *Zelta kalniņš* 'Золотая горка' / *Dolgaja Luka* — могильник Гравери II, в волости Гравери Краславского рай-

ми: *Naudas kalns* 'Денежная гора' в волости Мардзене Лудзенского района, *Naudas kalns* 'Денежная гора' в волости Пелечу Прейлиского района, *Naudas kalniņi* 'Денежные горки' в волости Аулейя Краславского района, *Zelta kalniņš* 'Золотая горка' в волости Райскумс Цесисского района, *Zelta kalns* 'Золотая гора' в волости Ниграндес Салдусского района и *Naudas kalniņš* 'Денежная горка' в волости Колки Вентспилсского района — они считаются средневековыми или более древними захоронениями.

Во многих преданиях о местах кладов указывается, что на холме находились старинные могилы, крест:

Usaiķos uz kāda kalna atradušies seni kapi. Veci ļaudis sacījuši, ka šai kalnā slēpjoties liela bagātība. Tas barons, kuram šis kalns piederēja, to par dārgu naudu pārdeva zviedru zemes pētniekiem. Tie sākuši to kalnu rakt, kad ģenerālis Ohenbergs aizsūtījis uz Pēterburgu ziņu, vai ir brīv to kalnu rakt. Valdība to neļāva darīt, un tas kalns vēl stāvot šo dienu, un viņa lielo bagātību dēl to nosaukuši par Sudraba kalnu.

В Усайках на одной горе находились старые могилы. Старые люди говорили, что в этой горе скрыто большое богатство. Барон, которому эта гора принадлежала, за большие деньги продал шведскую землю старателям. Те начали копать ту гору, а генерал Охенберг отправил в Петербург запрос, можно ли тут копать. Власти этого не разрешили делать, и гора по сей день стоит, и назвали ее из-за его богатства Серебряной.

(LFK 1798, 6121)

Все это указывает на то, что Кладовые горы были могильными холмами, ведь существовала народная традиция класть вместе с покойным в могилу деньги, которые понадобятся ему на том свете [8]:

Nomira muižkungs. Viņu apraka kalnā. Bedri aizberot, pēc katras lāpstas zemē meta gabalu zelta. Tāpēc šo kalnu nosauca par Naudas kalnu.

она; *Naudas kalniņš* 'Денежная горка' / *Ubagu kalniņš* 'Горка нищих' — могильник Леяс Крумпани в волости Краслава Краславского района; *Sudrabkalniņš* 'Серебряная горка' — могильник Мунея в волости Дибули Талсинского района; *Zelta kalniņš* 'Золотая горка' — могильник Илбаты в волости Стразде Талсинского района; *Zelta kalniņš* 'Золотая горка' — могильник Креслини в волости Бломе Валкского района.

[8] «В древнейших описаниях обычаев упомянуто, что с умершим клали в могилу орудия труда, продукты питания, некоторые вещи, которые использовались при жизни, иначе, если этого не сделать, дух усопшего не даст покоя живым. В Новое время покойнику в гроб клали деньги, веря, что на том свете они обязательно пригодятся» (LFK 34111, Малиена).

Умер господин. Похоронили его в горе. Засыпая могилу, после каждой лопаты земли бросали золотой. Поэтому эту гору назвали Денежной.

(LFK 1472,1521)

Вероятно, этот обычай мог сформировать представление о богатстве, скрытом в недрах земли. Возможно, в основе названия гор: *Naudas* («Денежные») лежит традиция захоронения [9]. С мифологической точки зрения не будет ошибочным предположение, что упоминаемые в преданиях сторожи денег (пес, змея и другие) — это персонажи, в образе которых мертвые являются живым. Мерцание денежных искорок также имеет параллели в культе мертвых — оно ассоциируется с горящими свечами на кладбищах, а жертва, которую следует отдать хранителям денег, может быть отзвуком древней традиции приносить жертвы покойным (Schatz: HDA 1936, 1014).

Часто встречающееся в названиях «Кладовых гор» упоминание серебра (*sudrabs*) может указывать на тот свет (*Viņsauli*) (Kursīte 1996, 80). «Тот свет» в латышских народных песнях нередко изображается как серебряная гора, в которой находится умерший [10].

Возможно, некоторые из «Кладовых гор» когда-то были обжитыми местами или хозяйственными угодьями. Два из таких холмов — это городища: *Sudrabkalns* 'Серебряная гора' (городище Пормалю в волости Серпилс Екабпилсского района) и *Zelta kalns* 'Золотая гора' (городище Дивкшу в волости Нирзас Лудзенского района). Пока неизвестны рассказы, в которых упоминалось бы о зарытых на этих городищах деньгах или кладах, что объяснило бы возникновение в их названиях слов «деньги», «золотой» или «серебряный», однако можно предположить, что происхождение этих названий связано с другими рассказами о сокрытом в холмах богатстве, широко известными в народе [11].

---

[9] Монеты, положенные в могилы, известны уже в памятниках позднего железного века, важное место они занимают в инвентаре средневековых погребений. О погребальных традициях и поверьях см. Ruša 2000.

[10]

Arājs, mans arājiņš	Пахарь, мой пахаречек
Ar sudraba kalniņā	С серебром в горке.
Cel, Dieviņi, zelta trepes	Возведи, Господь, золотую лестницу,
Lai es nesu launadziņu	Чтоб я в полдничек принес.

(LD 20 284)

[11] *Pēc pilskalna apslēptās mantas daudzreiz rakājušies. Reiz atraduši akmens trepes, bet nākamā naktī zeme izrakumā sabrukusi — darbs neveicies. Gan sarunājuši ir pa naktīm rakt; bet lūk, nu gadījušies vilki, aprīdami šiem zirgus. Tā darbam bijis jāpaliek nepadarītam. Zemāk, kalna iedobumā (ielejā) atrada vara jeb dzelzs vārtus. Viens Raģu mājas kalps divi gadi atpakaļ (1864.) trīsreiz*

Есть и названия метафорического характера. Например, название горы *Naudas / Zalta* 'Денежная / Золотая' в волости Эзерниеки Краславского района произошло от возгласа удивления старосты: *Ak, kas par zelta kalnu te ir!* 'Ах, что за золотая гора!'. Это он сказал своему родственнику, который в начале 1930-х годов построил на пустом холме дом и обработал землю, на которой росла колосившаяся рожь (Kovaļevska 1999, 115). Также и название *Naudas kalniņš* 'Денежная горка' в волости Рендас Кулдигского района, по словам информанта, связано с тем, что это было красивое, плодородное место (Goba 1994, 89).

Однако существует немало преданий о «Кладовых горах», в которых рассказывается, что название места возникло после того, как некто (пастух, заночевавший человек) просто нашел там деньги:

Jasmuižas pogostā reiz vīns gojejs iraudzeja vacu naudu. Tū vītu nusauca par Zalta kalnu. Viņš tamā vītā atradis zalta kotlu naudas. Kad viņs iraudzeaja mažā cylvāku, viņš sāka saukt paleigā. Viņam acumirklī pazuda nauda.

В волости Ясмуйжа однажды один прохожий нашел старые деньги. Это место назвали Золотой горой. Он нашел на этом месте золотой чугунок с деньгами. Как увидел в лесу человека, стал звать на помощь. В тот же миг деньги пропали.

(LFK 325, 542)

В волости Вецсаулес Баусского района есть «Золотая гора», где, как гласит предание, когда-то было найдено немного золота. Также название «Денежная гора» в волости Дунавас Екабпилсского района возникло после того, как во время Первой мировой войны там были найдены деньги.

Очень часто «Кладовые горы» получали свое название благодаря кладоискателям.

Во многих латышских народных преданиях описывается кладоискательство и его последствия — ямы:

---

sapņojis, lai ejot Spārnu kalnā rakt, būšot atrast norimušās pils atslēgu un palikšot bagāts. Nabaga kalps tomēr nav varējis aiztikt, jo katru dienu bijis jāstrādā saimniekam 'Спрятанные за городищем клады много раз раскапывали. Однажды нашли каменную лестницу, но в следующую ночь земля в раскопанном месте обвалилась — работа не заладилась. Уже договорились копать по ночам, тут, глядь, появились волки, скормили им лошадей. Так что работу пришлось бросить не закончив. Ниже, у подножья горы (в долине) нашли медные или железные ворота. Один работник с хутора Радю за два года до того (в 1864 г.) три раза видел во сне, будто бы он ходил копать гору Спарну, нашел потерянный от зáмка ключ и разбогател. Бедняга, однако, не мог туда попасть, так как каждый день должен был работать на хозяина' (LFK 1084, 13).

Lielceļā malā, kas ved no Alūksnes uz Zeltiņu (senlaikos šis ceļš bijis galvenais satiksmei starp Rīgu un Alūksni, vēlāk Rīgu un Pleskavu) silā ir «Naudas kalns», kurā ļoti daudz vecu bedru — daudzo naudas racēju darbu liecinieku. Vēl manos bērnības laikos gadījās redzēt pa svaigai bedrei — vēl toreiz bij cilvēki, kas ticēja un meklēja šo naudu. Bet, izņemot nosaukumu «naudas kalns», nekādu nostāstu par tur aprakto naudu nava, nedz arī ticējumu, kā šo naudu atrast. Tikai ievērojot necaurejamo staigno purvu ar akačiem, var pielaist, ka šis ir bijis pilskalns. Kādi gan visā apkārtnē nava uzzīmēti, jo neviens tos nava meklējis.

На краю большака, который ведет из Алуксне в Зелтиню (в старые времена это был главный путь из Риги в Алуксне, позднее — из Риги в Псков) в бору есть «Денежная гора», на которой очень много старых ям — свидетелей трудов множества кладоискателей. Еще во времена моего детства случалось видеть свежевырытые ямы — еще и тогда были люди, которые верили и искали те деньги. Но, кроме названия «денежная гора», нет никаких рассказов о захороненных там деньгах, нет и поверий о том, как эти деньги добыть. Только принимая во внимание наличие непроходимого болота с топями, можно допустить, что там было городище. Хотя они в этой округе неизвестны, так как никто их не искал.

(LFK 41, 605)

Кладовые воды (*Mantas ūdeņi*)

Во многих латышских народных преданиях о местах кладов упоминаются «Денежный родник» (*Naudas avots*), «Денежный омут» (*Naudas atvars*) или, чаще всего, «Денежный пруд» (*Naudas dīķis*) как места экономических кладов, в которых хозяин, богатый господин или воины прятали свое богатство (LFK 10, 536; LFK 1276, 7188):

Vecpils pilī kādreiz dzīvojis pilskungs Mārcis, viņš bijis ļoti bagāts, savu naudu viņš glabājis zārkā. Uznākuši kara laiki, pils bija jau ieņemta, pilskungs paņēmis naudas zārku uz pleca un skrējis uz tuvējo baznīcu, lai tur to atstātu un vēlāk aiznestu pa zemes apakšu uz saviem mantu kambariem. Kad viņš iegājis baznīcā, viņa priekšā nostājies balts eņģelis un teicis, lai viņš naudas zārku nes atpakaļ uz pili un bēg uz rietumiem. Pilskungs paklausījis un bēdzis ar naudu pa pilskalnu uz leju. Viņam aizķērusies kāja un viņš kritis avotā, un sācis grimt. Vēl tik daudz viņš dabūjis iesaukties: «To lādi nedabūs ne Dievs, ne velns, ne arī cilvēks, un šo avotu, lai sauc par Naudas avotu».

В замке Вецпилс когда-то жил господин Марцис, он был очень богат, свои деньги он хранил в гробу. Когда наступили военные времена и замок был уже занят, господин взял гроб с деньгами на плечи и побежал в

ближайшую церковь, чтобы там его оставить, а позднее отнести по подземному ходу в свои подземные кладовые. Когда он вошел в церковь, перед ним появился белый ангел и сказал, чтобы этот гроб с деньгами он нес назад в замок и бежал на запад. Господин послушался и побежал с деньгами по городищу вниз. Зацепился ногой и упал в родник, стал тонуть. Смог только воскликнуть: «Этот сундук не получат ни Бог, ни черт, ни человек, а этот источник пусть называют Денежным».

(LFK 13, 1252)

Возможно, «Кладовые воды» — это одно из мест таких захоронений; может быть, по аналогии с землей возникло представление о том, что в родниках, омутах, озерах и других водоемах, так же как и в недрах земли, концентрируется материальное богатство, которое сторожат силы хтонического мира и которое, как говорят предания, невозможно добыть без правильного выполнения различных ритуальных действий (Tāle 1998).

Большинство из всех известных преданий рассказывают о богатом кузнеце с хутора Скуенес Скродери, который перед смертью утопил все свои деньги в пруду (LFK 828, 11350; LFK 313, 436). Эти варианты преданий, возможно, свидетельствуют том, что Денежные пруды были местами кладов, спрятанных при погребении:

Skujenes Skroderos vēl tagad vienu dīķi sauc par Naudas dīķi. Vecos laikos tur dzīvojis viens bagāts kalējs, kuram bijis pūķis, kas sanesis tam lielas bagātības. Kalējs sakrājis lielu kasti naudas, un kad bijis tuvu miršanai, to kasti aizvilcis uz dīķi un noslīcinājis, un novēlējis: kas nodos tur baltu bulli ar melnu galvu, tikai tas to naudu dabūs. To noklausījies viens mazs bērns. Viņš stāstījis to lieliem cilvēkiem, bet tie to nav ticējuši. Bet tās valodas tāpat gājušas ļaužu mutē no paaudzes uz paaudzi. Vēlākos laikos divi gani ganījuši lopus pie tā dīķa, un viņiem bijis balts bullis ar melnu galvu. Gani to teiku par naudas lādi bijuši jau dzirdējuši un lēkājuši ap dīķi un saukuši: «Nāc, naudīna, nāc, naudīna, mēs tev dosim baltu bulli ar melnu galvu!» Te uzreiz dīķis sācis vārīties un uz ūdens parādījusies naudas kaste, bet divi vilki no meža laukā un pie buļļa klāt. Bērni sabijušies un sākuši kliegt un brēkt, un tā vilki mežā iekšā, un naudas lāde vārīdamās dīķī atpakaļ. No tā laika to dīķi vēl tagad sauc par Naudas dīķi.

В Скуенес Скродери до сих пор один пруд называется Денежным. В старые времена там жил один богатый кузнец, у которого был дракон, приносящий ему большое богатство. Кузнец скопил большой ящик денег, а когда приблизилась смерть, этот ящик затащил в пруд и утопил, и завещал: кто приведет туда белого быка с черной головой, только тот получит эти деньги. Это услышал один маленький ребенок. Он рассказал об

этом взрослым, но они не поверили. Но слухи об этом люди передавали из поколения в поколение. В более поздние времена как-то два пастуха пасли скот у этого пруда, и у одного был белый бык с черной головой. Пастухи это предание о денежном ларце уже слышали и прыгали вокруг пруда и кричали: «Придите, денежки, придите, денежки, мы вам дадим белого быка с черной головой!». Тут вдруг пруд начал бурлить и на воде показался ящик с деньгами, а из леса вдруг выскочили два волка — и к быку. Дети испугались и начали кричать и реветь, волки из-за этого в лес вернулись, а сундук с деньгами в бурлящем пруду опять исчез. С того времени пруд стали называть Денежным и сейчас так зовут.

(LFK 313, 436)

Возможно, воды с кладами, особенно «Денежные источники», были древними культовыми местами или входили в культовые комплексы[12], поскольку такие места (священные рощи, горы, деревья и т. п.) обычно находились у водоемов — рек, озер, ручьев, родников (Adamovičs 1937, 24). Может быть, название «Денежные родники (источники)» произошло от обычая жертвовать деньги высшим силам во время ритуала, таким образом, родники и водоемы вообще рассматривались как своего рода связующее звено между этим и потусторонним миром (Tholin 1997, 13). Вышесказанное дополняет латышские народные предания о том, что деньги нельзя извлекать из родника и брать себе, иначе тот, кто взял деньги, может стать слепым, больным или несчастным. Таким образом, эти деньги имеют сакральное значение, они принадлежат потустороннему миру, *возвращать* деньги в наш мир может только тот, кто знает ритуалы и способен их правильно исполнить. Очевидно, названия и других мест кладов, связанных с водой, происходят от денег, например, серебряных или золотых монет, пожертвований.

У «Кладовых вод» люди тоже искали либо спрятанные в земле, либо, возможно, утопленные в водоеме богатства. Об этом свидетельствуют несколько латышских народных сказаний:

Ilzenes pagastā Mellupē atrodas «Naudas atvars». Par to veci ļaudis stāsta, ka tur zviedru kara kungi ziemā veduši pāri naudas lādi. Bet tā kā šis atvars neaizsalst pat visaukstākā laikā, tad pajūgs ar visu naudas lādi nogrimis dzelmē. Kādā vasaras naktī divi dūšīgi puiši gribējuši lādi izzvejot. Vienam jau ķeksis aizķēries aiz kaut kā, bet te kāds no atvara tiem teicis:» Lāde mana, nauda mana, kas man kalpos, tas to izvilks!» Puiši tā pārbijušies, ka viens zaudējis valodu, bet

[12] Эпитетами «серебряный» и «золотой» в латышском фольклоре наделяются сакральные воды — реки, родники, озера, это в равной мере могут быть и поверхностные, и подземные воды. См. Kursīte 1996.

otram piemeties dilonis un drīz vien nomiris. No tā laika neviens vairs nav uzdrošinājies zvejot naudu minētā atvarā. Reizēm tā esot redzama tuvējā Bērzu purvā, uz ciņiem žāvējoties. Atvars esot ļoti dziļš un pilns siekstām, bet veci ļaudis saka, ka tās neesot siekstas, bet zviedru kamanas ar ilksīm un skaidrā laikā varot saredzēt arī pajūgu.

В Меллупе, в волости Илзене находится «Денежный омут». О нем старики рассказывают, что шведские военачальники зимой везли через него ларец с деньгами. Но так как этот омут не замерзал даже в самый сильный мороз, то подвода вместе с сундуком с деньгами погрузилась в глубину. В одну летнюю ночь два крепких парня хотели сундук выловить. У одного багор уже что-то зацепил, но тут им из омута кто-то сказал: «Сундук мой, деньги мои, кто мне служить будет, тот его и вытащит!». Парни так перепугались, что один потерял дар речи, а на второго напала чахотка и вскоре он умер. С того времени никто больше не осмеливался ловить деньги в этом омуте. Однажды якобы видели, что деньги сушились на кочках в соседнем пруду Берзе. Омут вроде бы был очень глубокий и там полно было коряг, но старые люди говорили, что это вроде бы были не кочки, а шведские сани с оглоблями, и в ясное время можно видеть также и подводу.

(LFK 929, 25 593)

Возможно, находкам кладов в водных источниках способствовали проводимые там строительные работы с целью хранения и использования питьевой воды. Эти водоемы, по мнению археолога Ю. Уртанса, в преданиях образно определяются как денежные бочки, сундуки (Urtanas 2002). Так, в Лиепайском районе «Денежный источник» городища Вецпилс был испорчен, когда летом 1922 г. местные крестьяне, побуждаемые нуждой, собрались вместе и несколько дней совместными усилиями рыли канаву, чтобы понизить в источнике уровень воды. Однако вместо ожидаемого, часто упоминаемого в народных рассказах денежного ларя нашли большой угловатый камень. Некоторое время спустя, обследуя Вецпилское городище, Э. Брастыньш обнаружил на месте испорченного источника постройку из дуба, которая, по мнению исследователя древней истории, была когда-то входом в городище сквозь земляной вал (Brastiņš 1923, 135). Ю. Уртанс опроверг вывод Э. Брастыньша, полагая, что, более вероятно, это новые хозяева откопали место, где жители Вецпилсского городища в древности брали или хранили воду. Чтобы внести какую-то ясность в представление о функциональном назначении этой деревянной конструкции, ей уготовили примерно ту же судьбу, что и Вецпилсскому «Денежному источнику», ибо упомянутый в предании звук, якобы исходивший от источника, если в него бросить камень и потыкать деревом (LFK 1713, 949; LFK 9, 8641), в человеческом сознании, очевидно, каким-то образом ассоциировался с возможным присутствием там богатства.

В свою очередь, «Денежный источник» около Цесиса появился после того, как печник вместе с женой пытался вырыть горшок с деньгами, но неудачно, так как жена заговорила и деньги утонули.

...Otrā rītā ceplinieks aizgāš apskatīt bedri. Atradis bedres malā vienu zelta dukātu. Bet no pašas bedres tecēš avots, kuru ceplinieks nosaucis par Naudas avotu. Tas avots stāvot vēl šodien, ja neesot aizsērējis...

...На другое утро печник пошел посмотреть яму. Нашел на краю ямы один золотой дукат. А из самой ямы течет родник, который печник назвал Денежным источником. Этот родник существует до сих пор, так как не засорился...

(LFK 1216, 1)

Кладовые ямы (*Mantas bedres*)

Судя по тому, о чем рассказывают многие латышские народные предания, некоторые «Кладовые ямы», возможно, также были местами захоронения сбережений:

Zviedru kara laikā zviedru kara vīriem bija daudz naudas. Zviedri naudu ieraka zemē tur, kur tagad ir grantsbedres. Lai vietu vēlāk varētu atrast, zviedri tuvākā priedē iedzinuši vara tapu. Kara darbība aizvirzījušies tālāk, un apkārtējie ļaudis par aprakto naudu nav neko zinājuši. Reiz leiši aizbraukuši mežā pēc malkas un nocirtuši priedi ar vara tapu. Mājās leiši nevarējuši tikt gudri, kā priedē vara tapa gadījusies. Kādu dienu atbraucis zviedru virsnieks un meklējis priedi ar vara tapu, bet nevarējis to atrast. Tagad ļaudis sapratuši, ka viņreiz nocirstā priede bijusi īstā. Kurā vietā priede bija nocirsta, neviens nevarējis atcerēties. Visi sākuši rakt zemi un meklēt zelta naudu, bet līdz šim nevienam nav izdevies to atrast. Ļaudis sākuši tai vietā rakt granti un bedres nosaukuši par «Zelta bedrēm», jo gan jau kādam laimēšoties zelta naudu atrast. «Zelta bedres» atrodas 4 km no Reņģes stacijas.

Во время Шведской войны у шведских солдат было много денег. Шведы закапывали деньги в землю там, где теперь ямы с гравием. Чтобы место позже можно было найти, шведы в ближайшую сосну вбивали медный штырь. Но фронт ушел вперед, а окрестные жители ничего не знали о закопанных деньгах. Однажды литовцы приехали в лес за дровами и срубили сосну с медным штырем. Дома литовцы не могли понять, как в сосне оказался медный штырь. Как-то приехал шведский командир и искал сосну с медным штырем, но не мог найти. Тогда люди сообразили, чем на самом деле была срубленная тогда сосна. Никто не мог вспом-

нить, в каком месте сосна была срублена. Все начали рыть землю и искать золотые монеты, но до сих пор никому не удалось их найти. Люди начали в том месте рыть гравий, а ямы называли «Золотыми ямами», ведь кому-то может и посчастливится найти золотые монеты. «Золотые ямы» находятся в 4 км от станции Реньге.

(LFK 935, 32 26)

Gatartas pagastā, divi kilometri no Kaldavām, mājām, agrāk atradies liels mežs. Šai mežā bijušas lielas bedres. Ļaudis šīs bedres saukuši par mantu bedrēm. Šais bedrēs ļaudis Ziemeļkara laikā glabājuši mantas. Tagad šis mežs nocirsts un apbūvēts ar jaunsaimniecībām.

В волости Гатарта, в двух километрах от Калдавы, от хутора раньше был большой лес. В том лесу были большие ямы. Люди эти ямы называли кладовыми. В этих ямах во время Северной войны люди хранили свое добро. Теперь этот лес вырубили и застроили новыми хозяйствами.

(LFK 67, 3852)

Более правдоподобно, однако, что название «Кладовые ямы» появилось под влиянием народных сказаний. Люди, стремящиеся к богатству и искавшие закопанные деньги, перелопачивали места, упоминавшиеся в рассказах, вырывая в земле ямы, которые, подобно добытчикам кладов, называли «денежными ямами», «золотыми ямами», «кладовыми ямами». Вероятно, «Денежные ямы» — это синоним тех ям кладокопателей, которые в Латвии встречаются на многих археологически значимых объектах, чаще всего на городищах и могильниках.

Создается впечатление, что ямы с кладами на территории Латвии расположены достаточно стихийно. Они являются плодом человеческого воображения, в основе которого могла быть, хоть и опутанная рассказами о чудесах, но все же реальная информация о хранении в земле материальных богатств.

Кладовые камни (*Mantas akmeņi*)

Название *Mantas akmeņi* 'Кладовые камни', вероятно, придумано теми, кто зарывал клады. Обычно люди закапывали свои богатства в приметных местах: у деревьев, камней, чтобы позже можно было их легко найти, а также, возможно, заручиться поддержкой хтонических духов, охраняющих их от грабителей. Многие обнаруженные клады находят также у или под большими камнями, поскольку при изменении ландшафта большие камни чаще всего остаются на своих прежних местах (Urtāns 1990, 17). Привычка прятать деньги у камней, как

важных ориентиров, вероятно, рождала рассказы о закопанном кладе; отсюда появилось и название «Денежные камни»:

Netāļu no Ereļiem (tās ir Ungurmuižas pagasta gandrīz ievērojamākās mājas) ir viens liels akmens — Naudas akmens. Stāsta, ka zem viņa esot nauda aprakta. Tas esot noticis tad, kad Napoleons gājis ar sprančū kara pulkiem pāri uz Krieviju. Muižas lielskungs nezinājis, kur noglabāt savu naudu un esot to apracis zem šī akmeņa. Domājis, kad pāriešot kari — gan atkal dabūšot. Bet gadījies, ka viņu karā nošāvuši, un tā nauda palikusi neizrakta. Neviens negribot viņu rakt, jo tā esot asins nauda.

Недалеко от Эрели (это едва ли не самый достопримечательный хутор в волости Унгурмуйжа) есть один камень — Денежный камень. Рассказывают, что под ним зарыты деньги. Это случилось тогда, когда Наполеон прошел здесь с французской армией, направляясь в Россию. Помещик — хозяин мызы не знал, где спрятать свои деньги, и якобы закопал их под этим камнем. Наверное, когда война отсюда ушла, он снова бы их достал. Но случилось так, что его убили на войне и деньги остались невыкопанными. Никто не хотел их выкапывать, так как это были кровавые деньги.

(LFK 618, 14)

Также, например, об одном из «Денежных камней» в волости Билска Валкского района предание рассказывает, что там спрятаны деньги шведской военной кассы (LFK 989, 6; LFK 891, 5716). И в наше время хватает жадных до добычи кладоискателей. В результате их действий «Денежный камень» глубоко ушел в землю. Вырытая земля обнажила значительные размеры камня — около 2 метров в высоту и около 5 метров в ширину [13].

Возможно также, что слова *nauda* 'деньги', *zelts* 'золото', *manta* 'клад' в названии камней являются реминисценцией тех времен, когда у валунов люди совершали различные культовые действия, принося в жертву духам или божествам, которым они поклонялись, не только продукты питания, но и деньги [14]. Среди упомянутых выше «Денеж-

[13] Исследователь Г. Эньньш полагает, что если этот камень откопать (бóльшая часть камня находится под землей), он может оказаться одним из самых больших валунов в Латвии. См.: Eniņš 1992.

[14] «Божества земли обитали в пещерах, под большими камнями, в деревьях, холмах и охотно принимали жертвы, которые человек им приносил. Приносившим здесь жертвы людям воздавалось всеми земными благами, наполнялись их клети и лари, жеребцы, коровки, овечки им подчинялись. Люди это знали, и отец детям и глава семьи домочадцам твердо наказывали от все-

ных камней», привлекающих кладоискателей, в волости Билска Валкского района встречаются еще два названия — «Золотой камень» и «Жертвенный камень». Последнее название наводит на мысль, что камень когда-то, возможно, был свидетелем сакрального ритуала, хотя латышские народные предания также рассказывают, что под этим камнем зарыты богатства шведских солдат.

В латышских народных преданиях говорится, что деньги искали у «Кладовых камней» и тогда, когда в народной памяти уже не сохранились данные о том, кто закопал клад под камнем или рядом с ним:

Necik tālu no šī atvara dienvidrietumu virzienā atrodas Naudas akmens. Šis akmens atrodas kalna nogāzes pašā lejā. Senāk gan šis akmens bijis drusku augstāk kalnā. Teika par šo akmeni stāsta, ka zem viņa atrodoties tik pat daudz zelta, cik viņš pats liels (akmens ir ļoti liels). Kādreiz tuvējās mājas kalps izgājis ap pusnakti ārā un redzējis, ka uz akmens kurējusies uguntiņa Viņš gājis skatīties. Tikko bija piegājis jau gandrīz klāt, tā uguntiņa nozudusi, bet uz akmens tikai gulējis gluži balts suns ar milzīgi zvērojošām acīm. Suns pavisam nekustējies. Kalpam palicis bail. Viņš bēdzis uz mājām. Vēlāk viņam citi pārmetuši vieglprātīgo izturēšanos, ka baltais suns esot bijusi nauda, un, ja viņš būtu kaut ar mazo pirkstiņu piedūries sunim, tad visa nauda, kas paslēpta zem akmens, piederētu viņam. Kalps palicis uz sevi tiešām dusmīgs, ka palaidis garām tādu laimi. Arī sieva viņu bārusi. Viņš nodomājis naudu zem akmens izdabūt rokot. Tā arī sācis rakt. Racis, racis, bet no naudas vēl nekā nedabūjis, kad akmens sācis velties un novēlies tagadējā vietā. Kalps nosplāvies un atmetis domas par naudas izrakšanu uz visiem laikiem.

Не очень далеко к юго-западу от этого омута находится Денежный камень. Этот камень расположен у подножья горы, в низине. А прежде этот камень лежал немного выше, на горе. Предание об этом камне рассказывает, что под ним находится столько же золота, сколь велик сам камень (камень очень большой). Однажды работник с ближайшего хутора вышел около полуночи на двор и увидел, что на камне горит огонек. Он пошел посмотреть. Только подошел уже достаточно близко, как огонек пропал, а на камне лежала только белая собака с огромными сверкающими глазами. Собака совсем не двигалась. Работнику стало страшно. Он убежал домой. Позже другие люди упрекали его в легкомыслии:

го первого, от первых плодов, от первой похлебки отдавать богам их долю. Если кто-то, кто ранее кормил богов, от этого отлынивал, то боги сердились. Таким они отказывали в покровительстве и часто насылали всякие несчастья. Кто не мог все время кормить богов, тому лучше было совсем не начинать. Люди волости хорошо знали, кто кормил богов, хотя сами кормящие никогда об этом не распространялись, но приносили жертвы тайно» (LPT XIII, 252).

будто бы белая собака — это деньги, и, если он хотя бы мизинцем прикоснулся к собаке, то все деньги, которые спрятаны под камнем, принадлежали бы ему. Работник сам на себя злился, что упустил такое счастье. И жена его бранила. Он задумал добыть деньги, выкопав их из-под камня. И начал копать. Копал, копал, но никаких денег не добыл, а камень начал катиться и докатился до теперешнего места. Работник плюнул и на все времена отбросил мысли о том, чтобы выкопать деньги.

(LFK 280, 947)

При обработке информации могут появляться различные версии происхождения названий «мест кладов» (см. таблицу), но без более широкого их исследования и обследования таких мест нельзя адекватно и однозначно определить статус этих историко-культурных объектов — для этого в дальнейшем должна быть проведена последовательная, обстоятельная и качественная работа.

Названия мест кладов	**Места кладов**		**Места жертвоприношений**		**Места поисков кладов**	**Населенные, обработанные места**
	Экономические	Погребальные	Пожертвования	Погребальные		
Кладовые горы	x	x		x	x	x
Кладовые воды	x	x	x		x	
Кладовые ямы	x				x	
Кладовые камни	x		x		x	

Перевод с латышского С. И. Рыжаковой и Е. Л. Назаровой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Adamovičs 1937 — *Adamovičs L.* Senlatviešu reliģija vēlajā dzelzs laikmetā. Rīga, 1937.

Brastiņš 1923 — *Brastiņš E.* Latvijas pilskalni: I. Kuršu zeme. Rīga, 1923.

Eniņš 1992 — *Eniņš G.* Zem naudas akmeņiem esot paslēpti naudas podi // Diena. 29.10.1992.

Goba 1994 — *Goba Z.* Kuldīgas rajons. Dabas objektu nosaukumu vārdnīca. Rīga, 1994.

HDA 1936 — Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Band VII. / Hrsg. von E. Hoffmann–Krayer. Berlin; Leipzig, 1936.

Kovaļevska 1999 — *Kovaļevska O.* Krāslavas rajons: Ģeogrāfisko nosaukumu vārdnīca. Rīga, 1999.

Kursīte 1996 — *Kursīte J.* Krāsas un skaitļi // Latviešu folklora mītu spogulī. Rīga, 1996.

LD — Latvju dainas (Латышские дайны), с указанием номера дайны.

LFK — LU Literatūras, folkloras un māksla institūta Latviešu folkloras krātuves fondi (Фонды хранилища латышского фольклора Института литературы, фольклора и искусства при Латвийском университете).

LPT — Latviešu tautas pasakas un teikas / Sakārt. P. Šmits. XIII–XV sēj. Rīga, 1936–1937.

LTT — Latviešu tautas ticējumi (Собрание латышских народных поверий), с указанием номера.

PDC — Valsts Kultūras pieminekļu aizsardzības inspekcijas Pieminekļu Dokumentācijas centra arhīva materiāli (Материалы архива Центра документации памятников при Государственной Инспекции по охране памятников культуры).

Ruša 2000 — *Ruša M.* Silavu viduslaiku kapsēta // Arheoloģiskie pieminekļi, arheoloģiskās vietas / Red. A. Šnē, J. Urtāna. Rīga, 2000.

Tāle 1998 — *Tāle I.* Paslēptā nauda // Kultūras krustpunktu meklējumi. Rīga, 1998.

Tāle 2000 — *Tāle I.* Paslēptā nauda: Naudas racēja pārbaudījums // Letonica. Humanitāro zinātņu žurnāls. Rīga, 2000.

Tholin 1997 — *Tholin J.* Källkult — väsentlig i förkristen? Stockholms Universitet / Högskolan Gotland. 1997.

Urtanas 2002 — *Urtanas J.* Latviškų padavimų motyvas — pinigų statinė šaltinyje prie piliakalnio // Senovės baltų kultūra. Nuo kulto iki simbolio. 6. Vilnius, 2002.

Urtāns 1990 — *Urtāns J.* Pēdakmeņi, robežakmeņi, muldakmeņi. Rīga, 1990.

Рис. 1. *Sudrabkalns* ‘Серебряная гора’
(городище Пормалю в волости Екабпилсского района)

Рис. 2. *Naudas avots* ‘Денежный источник’ в Банужи в волости Таурене Цесисского района

Рис. 3. *Naudas akmens* ‘Денежный камень’ в волости Билска Валкского района

Г. ЗЕМИТИС

ПОГРЕБЕНИЯ СО СПЕЦИАЛЬНО ПОВРЕЖДЕННЫМ МОГИЛЬНЫМ ИНВЕНТАРЕМ

Появление и распространение могильников с трупосожжениями со специально поврежденным инвентарем. Погребения со специально поврежденным могильным инвентарем в Латвии главным образом распространены на территории, где жили курши, упоминаемые в письменных источниках с IX до начала XV в. На территории куршей трупосожжения были распространены с IX в.; с X в. кремация становится единственным видом погребения. В таких погребениях традиционно встречается поврежденный могильный инвентарь. Э. Штурмс отметил, что в то же время в куршских могильниках обнаруживаются в большом (ранее невиданном) количестве предметы, привезенные из Скандинавии: мечи, копья, подковы, предметы конской упряжи (Šturms 1934, 180–181). Нет сомнений, что вкладываемые в могильники вещи повреждались специально, ломались, хотя часть их расплавлялась в пламени. В начале XV в. погребальный обряд был описан Гильбером де Ланнуа, но, по словам Э. Штурмса, он ничего не знал об обычае куршей ломать, гнуть или каким-либо иным образом повреждать предметы, которые сопровождали покойного. Г. де Ланнуа также не было известно, что друзья и близкие покойного жертвовали ему различные предметы, бросая их в могилу, — обычай, который нашел подтверждение в ходе анализа могильного инвентаря одного куршского памятника (Šturms 1938, 94).

Может показаться, что на этом проблема исчерпывается, — ясно, что для куршей характерны погребения с трупосожжениями, а их инвентарь специально повреждался. До сих пор исследователи ограничивались простой констатацией этих фактов. Однако на деле вопрос должен быть поставлен гораздо шире и, очевидно, требует дополнительного рассмотрения. Древняя традиция повреждать предметы не ограничивается только территорией куршей, но распространяется гораздо более широко — как во временном, так и в пространственном отношении (см. рис. 1). Она охватывает также территории ливов в нижнем течении Даугавы и бассейне Гауи; в ряде случаев встречается и за пределами этих земель.

Традиции обряда погребения не изменяются спонтанно, это всегда связано или с переменами в этническом составе населения, или

с изменениями в идеологии. Что побуждало куршей, и не только куршей, повреждать могильный инвентарь? Делалось ли это из практических соображений, чтобы богатый могильный инвентарь не стал источником наживы для грабителей могил, или в основе обряда лежали идеологические представления? Следует ли искать истоки этой традиции в среде куршей или вовне, и наконец, является ли это чисто куршским культурным явлением, распространившимся затем среди ливов, а в некоторых случаях и у латгалов? Ответы на эти вопросы могут быть получены в ходе размышлений над проблемой возможного переселения ливов из Курземе в низовья Даугавы и бассейн Гауи (эта проблема одна из старейших в историографии Латвии и до сих пор еще не получила своего окончательного разрешения). Безусловно, углубленное изучение вопроса о специально поврежденном могильном инвентаре поможет понять духовный мир куршей и других народов, некоторые нюансы их религиозных представлений.

Первые сознательно поврежденные предметы могильного инвентаря обнаружены на территории Латвии в Курземе, в районе Гробини. Как известно, в VII–IX вв. скандинавские поселенцы оставили здесь много могильных памятников — это и грунтовые могильники (трупосожжения, 650–850 гг.) в Гробиняс Смукумах, Дурбес Сауслауках, и курганные могильники (650–800 гг.) в Гробине в бывшей усадьбе или в Приедиенс и в Порайнах, а также в Ташу Ячах. Как в грунтовых, так и в курганных могильниках умерших сжигали вне могилы; предметы погребального инвентаря обычно поломаны, обожжены, представлены во фрагментах. Могильные ямы и в первом, и во втором случае неглубокие. В грунтовых могильниках — около погребения или на нем — имеются камни (Urtāns 1970, 79–81).

Согласно исследованиям Б. Нермана и других ученых, грунтовые могильники принадлежали готландцам, курганы — шведам центральной Швеции.

Куршские трупосожжения бывают двух видов: 1) фрагменты инвентаря вместе с кальцинированными костями, углем и золой закопаны в довольно большой могильной яме. На основании этого можно предположить, что покойного сжигали на месте погребения; 2) в небольшой могильной ямке сложены остатки костра, а также предметы и кальцинированные кости, которые помещены в ларцы или завернуты в ткань. Это свидетельствует о том, что кремацию всех погребенных здесь совершали за пределами могильника в одном месте (Riekstiņš 1935, 57). Подобную практику подтверждают и письменные источники, а также захоронения около озера Вилкумуйжа в г. Талсы.

Контакты куршей со скандинавами, очевидно, не прекращались и после того, как около 800 г. перестало существовать поселение в Гро-

бине. В эпоху викингов в IX–XI вв. поселение скандинавов, а видимо, и места захоронений находились в Злеку Приедниеках (Šturms 1949, 213, 214; Mugurēvičs 2000, 74–87).

В период перехода к обряду трупосожжения в куршских могильниках появляются предметы импорта из Скандинавии: мечи, копья, оковки, предметы конского снаряжения и др. — те же предметы, которые тогда же ввозились и на территорию видземских ливов. Э. Штурмс считает, что эти факты взаимосвязаны, то есть переход к трупосожжению происходил под влиянием скандинавов (Šturms 1934, 180, 181).

Контакты скандинавов и куршей прослеживаются в кладбище Сауслауки, где первоначально находился скандинаво-куршский могильник, расположенный в 13 км на восток-северо-восток от Гробини. Некоторые найденные там предметы имеют скандинавское происхождение: коробочковидная фибула (KPM 2019, 2), которую Б. Нерман датирует VIII в. (Nerman 1929, fig. 44), браслет (KPM 2019, 4), пряжка (KPM 2019, 3), другие же предметы — куршские, например, подковообразная фибула с расширяющимися концами (KPM 2016, 4). Здесь встречаются и специально поврежденные предметы: например, мечи, у одного из которых искривлено лезвие (KPM 2023, 1; 2019, 11). Э. Штурмс полагает, что там, без сомнения, находился могильник готландцев такого же типа, как и в Гробиняс Смукумах (Šturms 1949, 211). Х. Риекстиньш считает этот могильник древнейшим куршским могильником с трупосожжением, в инвентаре которого прослеживается скандинавское влияние (Riekstiņš 1935, 57). Имеющиеся в нашем распоряжении куршские предметы из могильника в Сауслауках датируются более поздним временем, чем скандинавские. Происхождение мечей трудно определить. Один из них (KPM 2023, 1) относится к типу B по Петерсену и датируется началом эпохи викингов (Nerman 1929, 64). Другой (искривленный) меч (KPM 2019, 11), по мнению Б. Нермана, имеет местную форму, которая развилась из скандинавской и относится ко времени около 800 г. или к началу IX в. (Nerman 1929, 69, fig. 58). Возможно, здесь также отразилось заимствование скандинавской традиции в среде куршей, а могильник в Сауслауках — один из тех, где прослеживается смена скандинавских погребений куршскими. В целом традиция повреждать могильный инвентарь сохранялась среди куршей на протяжении всего времени существования погребений с трупосожжением.

В Земгале, где в рассматриваемый период в погребениях доминируют трупоположения, специально поврежденный могильный инвентарь встречается редко, но все же фиксируются отдельные случаи. Специально поврежденные предметы найдены в погребении № 51 могильника Баляс-Шкерстайни, которое датируется временем около 1000 г.

Захороненный здесь мужчина ориентирован головой на север–северо-восток. Вместе с умершим положено тонкое ланцетовидное втульчатое копье, узколезвийный топор, бронзовое спиралевидное кольцо, две большие бронзовые подковообразные фибулы с гранеными концами. Слева у пояса лежит традиционная для земгальских мужских погребений бронзовая кистевидная привеска из семи спиральных цепочек, на концах которых граненые оковки. Топор специально поврежден: на нем имеются следы огня, лезвие отбито и поврежден обух (Atgāzis 1982, 38, 5. att. 3). Ориентация мужского погребения головой на север, как отмечает М. Атгазис, является ливским признаком. Он отмечает также и то, что на куршское или ливское влияние указывает обнаруженное рядом с погребением № 50 (обычное трупоположение в яме) скопление кальцинированных костей с фрагментами оплавленной шейной гривны и цепочки. М. Атгазис признает, что хотя инвентарь могильника характерен для земгалов, в погребальном обряде — особенно начиная с X в. — заметно влияние куршей и ливов (Ibid., 39).

Специально поврежденной может быть и роскошная бронзовая подковообразная фибула с гранеными концами и серебряными пластинками на них (A, 10672, 1; Zemītis, Rozenberga 1991, обл. 1), обнаруженная как отдельная находка в Яунсвирлаукас Клабатенах, а именно в могильнике Миклас кална в Кауказенах. Фибула не была в огне, но на ее основной части (подкове) имеется множество косых надрезов. Датируется фибула X–XI вв. Надрезы, безусловно, сделаны специально, но это единственный испорченный предмет в сравнительно хорошо исследованном могильнике.

Возможно, под влиянием куршей и литовцев в отдельных приграничных земгальских могильниках XII–XIII вв. более широко распространилась кремация, а вместе с ней и обычай повреждения инвентаря. Обожженные и поврежденные предметы найдены в могильнике Шукони в Пакройском районе Литвы, который можно связать с земгалами (Vasiļausks 2000, 61–67). Два погребения с трупосожжениями найдены в земгальском могильнике Яунсаулес Силини (Caune 1987, 45–54), но положенные в них предметы не повреждены.

В бассейне Даугавы специально поврежденные предметы появляются в погребениях позднего железного века X–XI вв. В это же время распространяются также характерные для скандинавов украшения и оружие. А отдельные погребения в могильнике Саласпилс Лаукскола и, возможно, также в могильниках Вампениеши I на о. Доле и Икшкилес Зевальде можно считать скандинавскими. Погребения со специально поврежденным могильным инвентарем обнаружены в погребении № 22 могильника Вампениеши I. По мнению Э. Шноре, здесь похоронен погибший в бою воин. Как пишет Э. Шноре, на это

указывают лежащий над правой рукой разломанный на две части наконечник втульчатого копья с тонким пером и широколезвийный топор в районе правого плеча. Одежда покойного скреплялась тремя подковообразными фибулами; самая маленькая, находящаяся ближе всего к голове, — с закрученными концами. В могилу положена круглая янтарная бусина, пальцы покойного украшали спиралевидные кольца. Принадлежавший покойному деревянный щит (очень редко встречающийся в археологических находках, это — вторая находка в могильниках на о. Доле) был положен в районе колен, по-видимому, на гроб. От него сохранился железный умбон в форме полушара и прикрепленные к нему заклепки (Šnore 1996, 115, 116).

Надо полагать, как считает Э. Шноре, что поврежденные предметы указывают на то, что воин погиб. Но этому предположению противоречит то, что в погребении-кенотафе № 73 в могильнике Вампениеши I поврежденных предметов нет.

Сильно поломаны предметы погребения с трупосожжением № 23 могильника Вампениеши I: это гирьки весов, возможно, игральные кости, обоюдоострое лезвие меча, кубовидный ключ, бронзовая пряжка для пояса, фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге, фрагменты одностороннего костяного гребня.

Грунтовый могильник Вампениеши I приблизительно на 50 лет древнее курганного могильника Вампениеши II, и его можно связать с новым населением, которое появилось на о. Доле приблизительно в X в. (Ibid., 116, 124). Выясняя возможное происхождение этих пришельцев, Э. Шноре замечает, что обнаруженные в погребениях могильника Вампениеши I украшения из цепочек с булавками могут указывать на жителей ливского ареала Курземского побережья (Ibid., 127). В нарушенном погребении с трупоположением девочки (№ 93) могильника Вампениеши II найден сломанный железный топор Салтовского типа. Салтовские топоры использовались в X–XI вв. (Atgāzis 1998, 12). Однако в целом погребение датируется концом XI в. — первой половиной XII в.

Поврежденные предметы были найдены среди погребального инвентаря также и на противоположном берегу Даугавы — в древнем могильнике Даугмале (рис. 4). Из всех предметов, обнаруженных в погребении № 3, в огне побывали и повреждены только два — копье согнуто характерным образом, а браслет оплавлен. Фибула и нож не были в огне и не повреждены. В свою очередь, на лезвии топора (A, 12601, 1), найденного в погребении № 1 (трупосожжение), сделаны зарубки. Погребения датируются XI в.

Более ранние погребения с трупосожжением бассейна Даугавы с поврежденным инвентарем и предметами, характерными для скандинавов, относятся главным образом к концу X — первой половине XI в.

Такие трупосожжения были открыты около Даугавы, в могильнике Саласпилс Лаукскола. Погребение (мужское трупосожжение) № 395 из этого могильника датируется первой половиной XI в. (1000–1050 гг.). Это могильная яма площадью 0,6 × 1,0 м, глубиной 40 см, с темной землей, перемешанной с углями, обгоревшими костями и древними предметами. Ее северо-западный конец отмечен двумя небольшими кусками доломита. Инвентарь вместе с большей частью сожженных костей помещен в середине могилы: вдоль могильной ямы поверх других предметов положены рядом деформированные (согнутые) однолезвийный и обюдоострый мечи. Над ними — узколезвийный топор, под мечами — два втульчатых наконечника копья, под оружием — бронзовый ключ. Около рукояти обоюдоострого меча найдены три шарообразные гирьки и два браслета с сомкнутыми концами — один бронзовый, с нанизанными на него бронзовыми колечками, второй серебряный, там же — бронзовое спиралевидное кольцо (перстень). По всей могильной яме разбросаны обгоревшие кости и фрагменты вещей — оковок ножен меча, цепочек и др.

На расстоянии 20 см к СЗ от погребения находится относящееся к тому же времени и связанное с погребальным ритуалом место кострища диаметром приблизительно в 1 метр. Оно представляет собой слой земли толщиной до 30 см, перемешанной с углем, обгорелыми костями и обломками древних вещей. Погребение датируется концом X в., но, как признает А. Зариня (Zariņa 1992, 174, 175), топор из погребения № 359 относится по классификации М. Атгазиса к 1 группе узколезвийных топоров, а его наибольшие параметры соответствуют форме XI в. (Atgāzis 1964, 108, 109). Сходным образом можно датировать и меч, который по Петерсену соответствует типу H, а наконечники копий относятся к X–XI вв.

Одно из ранних погребений, в котором, возможно, захоронена женщина скандинавского происхождения, — это трупоположение № 6 в могильнике Вампениеши I (Šnore 1996, 7. att.). Ссылаясь на П. Паулсена, Э. Шноре датирует скандинавские черепахообразные фибулы с зооморфным орнаментом из погребения № 6 второй половиной X — первой половиной XI в. (Ibid., 125).

На связи со скандинавами в X в. указывает также обнаруженная в разграбленном женском погребении (№ 25) из Рауши на о. Доле характерная для Готланда фибула с четырехугольной головкой-щитком и ажурной треугольной ножкой с рельефом в виде птичьих голов. Фибула украшена гранатовыми камнями и датируется IX–X вв. (Ibid.).

Возможно, скандинавским погребением является обнаруженное в летней усадьбе Зевалды в Икшкиле. В погребении B найден согнутый однолезвийный меч (V, № 9731, 1). Верхняя часть навершия меча за-

круглена. В могиле находится втульчатый наконечник копья, относящийся к типу G по Петерсону (V, № 9731, 2), браслет древней формы с зооморфными концами и дужка от обруча ведра или скандинавская железная шейная гривна. М. Атгазис датирует погребение XI в. (Atgāzis 1998a, 256).

Распространение традиции повреждать предметы постепенно сокращается по мере продвижения вверх по Даугаве. Ее еще можно зафиксировать в Айзкраукле, где в XIX в. были найдены предметы с отчетливыми следами повреждения, например, топоры с пилообразными выбоинами на лезвии (RDM I 3178, RDM I 3169 и др.). Наконечник копья со сломанным пером опубликован в работе Фридриха Крузе «Necrolivonica» (Kruse 1859, Taf. 8). Поврежденные топоры относятся главным образом к XI в., но некоторые (RDM I 3178), возможно, и к XII в.

Об активности скандинавов в нижнем течении Даугавы включая Айзкраукле свидетельствуют и лингвистические данные. Думается, что Лиелварде — слово скандинавского происхождения. В «Хронике Ливонии» Генриха это название выглядит как *Lenewarde*, в документах XIII в. — как *Lennewarde*. Этому соответствует древнескандинавское *lenda*, в сложных словах также — *lenna* 'земельная собственность'. Айзкраукле в Хронике Генриха известно в форме Ашрат, Асрад, Ашраде (*Aschrath, Ascrad, As(s)crade*), что соответствует древнескандинавскому *askr* 'ясень', а также 'барка, ладья'; так что *Ascrad* могло означать 'ясеневый' или 'ладейная пристань' (Karulis 1991, 153–155). Распространение в бассейне Даугавы топонимов, имеющих скандинавское происхождение, в целом совпадает и с ливской территорией, а также с зоной, в которой находят предметы импорта, связываемые с торговой активностью скандинавов (например, арабские дирхемы (Мугуревич 1965, рис.1)) и с территорией, на которой встречаются специально поврежденные предметы. Ареал, где зафиксирован этот обряд, включает и территорию латгалов: два топора с выбоинами на лезвиях найдены в трупоположении № 32 могильника Радзес Плявини (VI, № 117: 175).

Размышляя о том, возникла ли традиция специально повреждать предметы в бассейне Даугавы благодаря переселенцам из Курземе, или она сложилась в результате прямых контактов ливов со скандинавами, важно проследить распространение, или, точнее говоря, нераспространение этой традиции в Видземе.

Бассейн Гауи. О схожести курземских и гауйских курганных погребений писал Э. Штурмс (Šturms 1934, 10–13). Появление курганов в бассейне Гауи относят к 1000 г. Как в Курземе, так и в нижнем течении Даугавы покойные, похороненные в курганах, по большей части не сжигались. Некоторые трупосожжения в этих могильниках считаются погребениями воинов, погибших на чужбине, которых кремировали, чтобы переправить прах на родину (Ibid., 11). Курганные могильники на Гауе хронологически более поздние, чем в бассейне Даугавы. Во всяком случае, традиция повреждения предметов здесь, в отличие от низовьев Даугавы, не распространена. В Таурупе найдена половина сломанного бронзового браслета латгальского воина (RDM, № 3334). Браслет был сломан в наиболее узком месте, в средней части предмета. Браслет сломался при сдвигании его концов. Это был обычный способ надевать и снимать браслет. Так как браслет не был в огне, трудно сказать, сломали ли его, когда надевали или снимали, или это было сделано специально. Во время формирования культуры гауйских ливов активность скандинавов здесь уменьшалась. Во всяком случае, тут не встречаются погребения, которые можно было бы считать скандинавскими.

На **территории латгалов** в бассейне Гауи поврежденные предметы зафиксированы в погребении с трупосожжением № 95 грунтового могильника Драбешу Лиепини (IX–XII вв.), где обнаружены кальцинированные кости взрослого, сильного человека и отдельные кости ребенка. Это наводит на мысль, что тут находилось двойное погребение. Обнаружены обоюдоострый меч с характерным двойным изломом лезвия, воинский браслет, фрагменты разломанной шейной гривны, втульчатый наконечник копья с согнутым острием и другое. Погребение датируется XI в. (Apals, Apala 1972, 8–10, 1. att.). Поврежденный наконечник копья найден и в погребении № 109 — в западной части погребальной камеры 2,3 м в длину и 0,6 в ширину (Ibid., 8).

Тип погребения и его инвентарь указывают на то, что здесь похоронены латгалы. В могильнике найдены отдельные предметы, свидетельствующие о связях со скандинавами: в погребении № 85 — ажурный цепедержатель, который характерен для женских украшений Готланда IX в., но к нему прикреплены семь бронзовых цепочек с типичными для латгалов трапециевидными подвесками (Apals, Apala 1992, 12. Abb. 3, 4: 1). Характерный для Готланда наконечник копья, изготовленного около 1000 г., найден в погребении № 11 (Ibid., 4, Abb. 2). Я. Апалс и З. Апала отмечают, что хотя Гауя играла определенную роль в контактах латгалов со скандинавами, колоний последних здесь, однако, не было, а скандинавские предметы попадали сюда преимущественно в результате торговых связей, к тому же местные мастера нередко их видоизменяли согласно вкусам и традициям местных жителей (Ibid., 16). Нужно отметить, что обычай повреждать предметы латгалам не был чужд. Это относится к глиняной посуде, так как черепки разбитых горшков находят уже в погребениях VII–IX вв., например, в могильниках Кокнесес Калниеши и Айзелкшню (Urtāns 1962,

22). Очевидно, контакты со скандинавами способствовали возникновению здесь обычая повреждать предметы. Размышляя над вопросом, перенята ли эта традиция от скандинавов или ее все же следует связать с переселенцами из Курземе (возможно, вендами, которые, как свидетельствует Хроника Генриха, были изгнаны из бассейна Венты, жили на Древней горе у Риги и позднее бежали к латгалам (Indriķa hronika 1993, X, 14)), следует отметить, что поврежденные предметы датируются в основном XI в., то есть временем, когда деятельность скандинавов в бассейне Даугавы и, очевидно, в бассейне Гауи была наиболее активной. В то же время в могильнике вендов в Цесисе (Kiwull 1911, 1–29), погребения в котором датируются XI–XIII вв. (Mugurēvičs 1993, 368), покойных по большей части хоронили не сжигая (обнаружено только одно трупосожжение) и не было обычая ломать и повреждать погребальные предметы.

Характерные виды повреждений. Анализируя полученный в могильнике Дурбес Дири археологический материал, П. Степиньш обратил внимание на наиболее типичные виды и способы повреждений обнаруженных предметов.

В северном и южном концах могильных ям коллективных захоронений найдены хорошо заметные остатки кострищ — обугленные поленья, что свидетельствует о том, что дрова были уложены в горизонтальном (В-З) направлении в яме глубиной 40 см. Покойных клали в костер в полном облачении. Кремация проводилась основательно, так как осколки кальцинированных костей найдены в совсем небольшом количестве. Весь инвентарь поврежден. Меч и коса, найденные в разных скоплениях артефактов (Stepiņš 1967, 13), были согнуты об один и тот же предмет; это свидетельствует о том, что покойные похоронены в одно время. Предметы согнуты и сломаны после кремации покойных.

Во всех трех богатых инвентарем погребениях найдены обоюдоострые мечи, которые положены разломанными на несколько частей, и боевые топоры, типичные для куршских трупосожжений XIII в., наконечники копий для ближнего боя, дротики, конские удила, а в одном погребении также стремена, косы и по одной шпоре (Ibid., 16). Рабочая часть секир обычно пригнута к обуху (рис. 3: 3). Иногда в процессе сгибания секира ломалась. Мечи, похожие на найденные в скандинавских погребениях, скручены. Конечно, во время таких действий оружие часто ломалось. На лезвии меча, как и на другом оружии, часто высечены зарубки. Скручены и косы; их концы много раз старались обкрутить вокруг острия (рис. 3: 4). Шейные гривны и браслеты обычно разломаны на мелкие части (рис. 2: 1) (Ibid., 5, 6, 7 att.). Гривна из погребения № 5 могильника Айзвикю Тылтыни сначала была обожжена, затем ее надели на деревянную палку и сжигали дальше (рис. 3: 2) (Ibid., 16). Фибулы обычно расплавлялись в огне, но иногда кольцо фибулы распрямлено (рис. 2: 3) или наоборот — концы фибул загнуты друг за друга (рис. 2: 2), словно их связывали. Сгибали и декоративные булавки (рис. 2: 4).

Острие копья обычно отгибали в сторону, иногда на нем делали надрезы. Как можно судить по наконечникам копий с косыми надрезами у острия из погребения № 5 в Тылтынях, предмет раскаляли и повреждали еще до того, как клали в костер вместе с покойным. Этот тип повреждений характерен для куршских погребений (рис. 3: 1). Иногда довольствовались этим и затем предмет сразу клали в могилу, иногда же его еще помещали в погребальный костер. Чтобы сделать надрезы на наконечнике копья, нужно было иметь еще и древко. Первым раскаляли наконечник, вынутый из древка, и затем клали в костер само древко. Характерные повреждения лезвия топора, видимо, возникали из-за того, что им стучали по камню. Эта традиция была распространена по Даугаве, и она фиксируется также в погребениях с трупоположениями. Отчетливое механическое повреждение лезвия топора наблюдается в Айзкраукле, где технически оно сходно с высечением надрезов на острие наконечника копья. Топор раскалялся, затем на его лезвии высекали несколько надрезов.

Причины повреждений. Намеренное повреждение вещей — древняя традиция. Подобно многим проявлениям, фиксируемым археологией, и это символическое «уничтожение», «умерщвление» предмета периодически переживает свой всплеск в той или иной археологической культуре, чтобы затем через какое-то время исчезнуть. Специально поврежденные предметы — фигурки мелкой глиняной пластики — зафиксированы в неолитическом поселении Гипка А (Северная Курземе) (Loze 2000, 61–72).

Традиция повреждать предметы, очевидно, была общей для всех индоевропейских народов, и особенно она проявилась в эпоху раннего железного века. Кельты целенаправленно повреждали оружие в IV в. до н.э. Э. Штурмс объяснял обычай повреждения вещей следующим образом: это, как и кремация умершего, помогает душе попасть на «тот свет». Чтобы души вещей могли следовать за душой владельца, их также следовало уничтожить, и поэтому их ломали еще до того, как положить в погребальный костер (Šturms 1935, 13).

Размышляя о том, заимствована ли куршская традиция повреждения предметов у скандинавов или она коренится в западнобалтской культуре, следует рассмотреть погребальный обряд пруссов в IX–XI вв. У пруссов преобладали трупосожжения (Седов 1987, 401), однако предметы не были в огне и не повреждены.

Существует мнение, что сожженные или положенные в землю предметы переходят в распоряжение покойного. Также и после поминальной трапезы в огонь бросали черепки разбитой посуды, чтобы покойному было что поесть на том свете (Straubergs 1956, 99, 100).

О связи со скандинавскими традициями. В куршском обществе IX–XII вв. заметно сходство со скандинавами. Это проявлялось и в социальной организации, и в религии, и в культе. Так, например, распространенные в Курземе «Идоловы горы» (*Elku kalni*) и по устройству, и функционально сходны с полями тингов в Швеции (Šturms 1936, 91). В свою очередь, религия, культ и судопроизводство были тесно взаимосвязаны. В Скандинавии уничтожение предметов имело древнюю традицию. Сознательно поврежденный могильный инвентарь встречается в доримский период железного века (400 г. до н.э. — нач. н.э.), когда уничтожали оружие. Способ повреждения традиционен — копья согнуты, острие отогнуто в сторону, а мечи согнуты в виде буквы S. Это объясняют как осознанное действие, не имевшее практического назначения, как специальное «умерщвление» предмета (Stenberger 1977, 246, Abb. 153, 157).

По мнению А.С. Граслунд (Gräslund), часто встречающееся в языческих погребениях Скандинавии повреждение оружия можно объяснить двояко: во-первых, это делалось, чтобы отделить его «дух», который затем последует на «тот свет», во-вторых, чтобы дух покойного не вернулся и не стал вредить живым (Gräslund 2000, 63, fig. 3.9, 3.10).

Сохранение традиции. Традиция класть в погребение поврежденные предметы в некоторых местах сохранялась и в Средние века и прослеживается вплоть до Нового времени. В исследованном Т. Бергой погребении № 71 кладбища Слутишки в Науйене (Berga 1988, 40–44; Berga 1996, 57–68) найдена монета — ревельский шиллинг (1538–1549) магистра Ливонского ордена Германа фон Брюггеней; возможно, она согнута о какой-то ребристый предмет (VI, № 277: 158).

На кладбище Слутишки открыты также два погребения с трупосожжениями (№ 31 и № 115), в которых видят литовское влияние (Berga 1996, 66, 68). В свою очередь, в погребении № 25 согнутый железный нож с бронзовыми заклепками найден под голенями ног. Около тазовой кости был найден еще один нож с деревянным черенком, около правого локтя — железная пряжка от пояса. В мужском погребении в яме (№ 119) много угольков, топор с отколотой частью обуха, нож, огниво с куском кремня, кожаный мешочек с оловянными украшениями, пряжка пояса. В погребении № 126 около левой ступни покойного найден шиллинг Рижского архиепископа Вильгельма фон Бранденбурга (1539–1563) (VI, № 277: 272). Монета, безусловно, согнута о какой-то граненый предмет.

Своеобразное отражение этой традиции прослеживается в Курземе еще в конце XIX — начале XX в.: «В Злеках был обычай ставить умершему под гроб в ночь похорон горшочек с кашей, бутылку водки и класть гвоздь от подковы. Когда покойного позднее уносили на кладбище, кашу вываливали на землю, *бутылку водки разбивали* (выделено мной. — *Г.З.*), а гвоздь забивали в порог дома» (Šmits 1932, 772, 773). Традиция разбивать глиняную посуду на похоронах сохранялась на протяжении всего Средневековья, вплоть до Нового времени. В среднем железном веке в земгальских грунтовых могильниках с трупоположениями повреждение предметов не было характерно, но находят черепки глиняной посуды. Традиция разбивать глиняную посуду прослеживается на средневековых кладбищах (Urtāns 1962, 22), об этом свидетельствуют и народные поверья, что покойному на том свете понадобится только разбитая посуда (LD, III daļa, 876).

То, что сохранялись древние традиции, хотя и в трансформированном виде, мы видим, например, в обычае наблюдать за дымом от погасшего пламени свечей на похоронах: «Когда гроб выносили, то задували свечи и смотрели, в какую сторону идет дым. Если дым шел в сторону двери вслед за покойным, то полагали, что скоро в этом доме будет еще один покойник» (Šmits 1932, 775–776). Это созвучно сообщениям Гильбера де Ланнуа о куршах: «У упомянутых куршей, которые ведь обращены в христианство силой, имеется некая секта, которая сжигает своих умерших одетыми и с лучшими украшениями на месте погребения в ближайшей роще или в лесу, сооружая костер из чистых дубовых дров; и они думают, что если дым прямо возносится в небо, то душа спасена, но если его относит в сторону, то душа пропала» (Guillebert de Lannoy. Voyages et ambassades, цит. по: Šturms 1938, 93).

Специально поврежденные вещи характерны в основном для мужских погребений. В женских же погребениях отмечены предметы, которые были в костре, но специально не повреждены. Такова, например, оплавленная черепаховидная фибула из могильника Икшкилес Зарини.

Следует полагать, что специальное повреждение погребального инвентаря — это древняя индоевропейская традиция, глубоко укоренившаяся в народном сознании. Этот обычай, как и многие явления в древности, мог проявляться в ритуальных действиях — сознательное повреждение предметов разными способами, разбивание глиняной посуды или бутылок на похоронах. В определенные исторические периоды эти действия могли быть более активными. В Латвии активизация данного ритуала происходила в регионах, которые подверглись влиянию скандинавской культуры: это была вся куршская территория, за исключением крайнего севера Курземе, где, видимо, жили куронизированные ливы. В ареал скандинавского влияния вошли земли

даугавских ливов, и постепенно это влияние распространялось вверх по Даугаве, которая также была контактной балто-скандинавской зоной. На территории латгалов эта традиция встречается только в северо-западной части, также являвшейся контактной зоной. По-видимому, не стоит сомневаться, что земгалы восприняли эту традицию от соседей — куршей, хотя, как свидетельствуют глиняные черепки в земгальских могильниках, она совпадала и с идеологическими представлениями земгалов.

Перевод с латышского С. И. Рыжаковой и Е. Л. Назаровой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Мугуревич 1965 — *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

Седов 1987 — *Седов В. В.* Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987.

A — Latvijas Vēstures muzeja Arheoloģijas nodaļa (Отдел археологии Национального Музея истории Латвии).

AE — Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga.

Apals, Apala 1972 — *Apals J., Apala Z.* Āraišu arheoloģiskās ekspedīcijas izrakumi 1972. gadā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1972. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1973.

Apals, Apala 1992 — *Apala Z., Apals J.* Die Kontakte der Lettgallen des Gauja-Raumes mit Skandinavien // Die Kontaktezwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Stockholm, 1992.

Atgāzis 1964 — *Atgāzis M.* Latgaļu 9.–12. gs. cirvji // AE, 1964. 6. laid.

Atgāzis 1982 — *Atgāzis M.* Izrakumi Dobeles Bāļu–Šķērstaiņu un Ošu senvietās // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1980. un 81. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1982.

Atgāzis 1998 — *Atgāzis M.* Tuvcīņas ieroči senajā Latvijā 10.–13. gadsimtā: Promocijas darba kopsavilkums. Rīga, 1998.

Atgāzis 1998a — *Atgāzis M.* Tuvcīņas ieroči senajā Latvijā 10.–13. gadsimtā: Doktordarbs. Rīga, 1998.

Berga 1988 — *Berga T.* Slutišķu viduslaiku kapsēta un apmetne // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1986. un 1987. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1988.

Berga 1996 — *Berga T.* Daugavas augšteces 14.–17. gadsimta senkapi // Daugavas raksti. No Koškovciem līdz Daugavpilij. Rīga, 1996.

Caune 1987 — *Caune A.* Jaunsaules Siliņu kapulauks // AE, 1987. 15. laid.

Gräslund 2000 — *Gräslund A. S.* Religion, Art and Runes // Vikings. The North Atlantic Saga. Washington; London, 2000.

Indriķa hronika 1993 — Indriķa hronika / Ā. Feldhūna tulkojums; Ē. Mugurēviča Komentāri. Rīga, 1993.

Karulis 1991 — *Karulis K.* Daugavas un Piedaugavas vietvārdi // Daugavas raksti. No Aizkraukles līdz Rīgai. Rīga, 1991.

Kiwull 1911 — *Kiwull E.* Gewandreste und Bronzefunde aus einem lettischen Gräberfelde der jüngeren Eisenzeit bei Wenden // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1911.

KPM — Kurzemes Provinces muzeja inventāra № (Инвентарный № музея Провинции Курземе).

Kruse 1859 — *Kruse F.* Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands. Leipzig, 1859.

LD — Latvju dainas / Kr. Barona kopojumā. Rīga, 1922. III sēj.

Loze 2000 — *Loze I.* Ģipkas A neolīta apmetne Rīgas līča ziemeļrietumu piekrastē // AE, 2000. 20. laid.

Mugurēvičs 1993 — Mugurēviča Ē. Komentāri // Indriķa hronika 1993.

Mugurēvičs 2000 — *Mugurēvičs Ē.* Arheoloģiskie pētījumi Ventas lejteces apgabala dzelzs laikmeta un viduslaiku pieminekļos. Izrakumi Zlēkās // AE, 2000. 20. laid.

Nerman 1929 — *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.

RDM — Rīgas Doma muzejs (Рижский Домский музей).

Riekstiņš 1935 — *Riekstiņš H.* Latviešu cilšu kapu tipi un apbedīšanas parašas dzelzs laikmetā. Rīga, 1935.

Stenberger 1977 — *Stenberger M.* Vorgeschichte Scwedens. Berlin, 1977.

Stepiņš 1967 — *Stepiņš P.* Durbes kauja. Rīga, 1967.

Straubergs 1956 — *Straubergs K.* Pie mūžības vārtiem // Latviešu tautas dziesmas. Kopenhāgena, 1956.

Šmits 1932 — *Šmits P.* Miršana un bēres // Latvju tautas daiņas / J. Endzelīna red., sakārtojis R. Klaustiņš. Rīga, 1932. X sēj.

Šnore 1996 — *Šnore E.* Daugavas lībieši Doles salā // AE, 1996, 18. laid.

Šturms 1934 — *Šturms E.* Kursas aizvēstures problēmas // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1934. № 9.

Šturms 1935 — *Šturms E.* Die vorgeschichtlichen Probleme des Kurenlandes// Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1934. Riga, 1935.

Šturms 1936 — *Šturms E.* Elka kalni un pilskalni Kursā // Pagātne un tagadne. Rīga, 1936. 1.

Šturms 1938 — *Šturms Ed.* Chroniku un senrakstu ziņas par baltu tautu bēŗu parašām 13. un 14. g. s. // Tautas vēsturei / Veltījums prof. Arvedam Švābem. Rīga, 1938.

Šturms 1949 — *Šturms Ed.* Schwedische Kolonien in Lettland // Fornvännen Meddelanden Från K. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien. 1949. Häfte 4.

Urtāns 1962 — *Urtāns V.* Vīnakalna kapulauks pie Stukmaņiem (13.–17. gs.) // AE, 1962. 4. laid.

Urtāns 1970 — *Urtāns V.* Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5.–9. gs. // AE, 1970. 9. laid.

V — Latvijas Vēstures muzeja Arheoloģijas nodaļa (Отдел археологии Национального Музея истории Латвии).

VI — LU Latvijas vēstures institūta Arheoloģijas nodaļas inventāra № (Инвентарный № отдела Археологии Института истории Латвии Латвийского Университета).

Vasiļausks 2000 — *Vasiļausks E.* 12.–13. gadsimta zemgaļu apbedījumi Lietuvā // Cauri gadsimtiem. Rakstu krājums veltīts Valdemāram Ģinteram (1899–1979). Rīga, 2000 (Latvijas Vēstures muzeja raksti. № 7).

Zariņa 1992 — *Zariņa A.* Die Kontakte der Liven mit skandinavischen Ländern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10.–13. Jh. zu Salaspils Laukskola // Acta Universitas Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmensia. Stockholm, 1992. 9.

Zemītis, Rozenberga 1991 — *Zemītis G., Rozenberga V.* Senču raksti. Rīga, 1991.

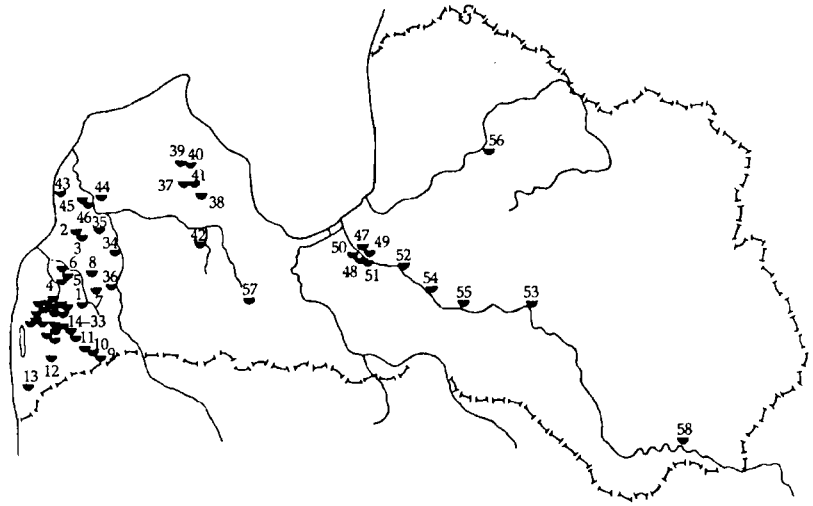


Рис. 1. Погребения со специально поврежденным могильным инвентарем

1. Гравийный карьер около г. Айзпуте; 2. Айпутес Алшванга; 3. Алсунгас Калныни; 4. Циравас Вецвагари; 5. Дзервес Саулайни; 6. Дзервес Грабетес Зунди; 7. Каздангас Рони; 8. Каздангас Апариняс; 9. Айзвикю Тылтыни; 10. Грамздас Дарзниеки; 11. Прискулес Белтени; 12. Кладбище Барты; 13. Руцавас Леяс; 14. Айстерес Юмтниеки; 15. Айстерес Аплоки; 16. Усадьба Бунка (гравийный карьер Бунка); 17. Кладбище Тадайкю Бренчи; 18. Дурбес Пурмали; 19. Озеро Дурбе; 20. Дурбес Сауслаукас; 21. Гавиезес Тяупи; 22. Гавиезес Липшни; 23. Ташу Калненски; 24. Гробиняс Калненски; 25. Гробиняс Смукуми; 26. Гробиняя Придулайи; 27. Медзес Калнмали; 28. Медзес Капседе; 29. Медзес Страутыни; 30. Гравийный карьер Медзес Тосмаре; 31. Вергалес Арайи; 32. Равас Абрами; 33. Ташу Озолини; 34. Кулдига; 35. Ивандес Лисливандс; 36. Ранькю Капенски; 37. Озеро Вилкумуйжа в г. Талсы; 38. Либагу Сараи; 39. Арлавас Кални; 40. Арлавас Дижниски; 41. г. Талсы, ул. Эзера 6–8; 42. Кладбище Маткуле; 43. Ужавас Силмалциемс; 44. Зледу Приедниски; 45. Пасилциемс; 46. Пасилциема Вецпели; 47. Саласпилс Вейстури; 48. Долес Вампениеши II; 49. Саласпилс Лаукскола; 50. Долес Вампениеши I; 51. Могильник Даугмалс; 52. Летняя усадьба Икшкилес Зевалдс; 53. Плявиню Радзес; 54. Переправа Лиелварде; 55. Могильник Айзкраукле; 56. Драбешу Лиепиняс; 57. Баляс-Шкерстайни; 58. Кладбище Слутишки.

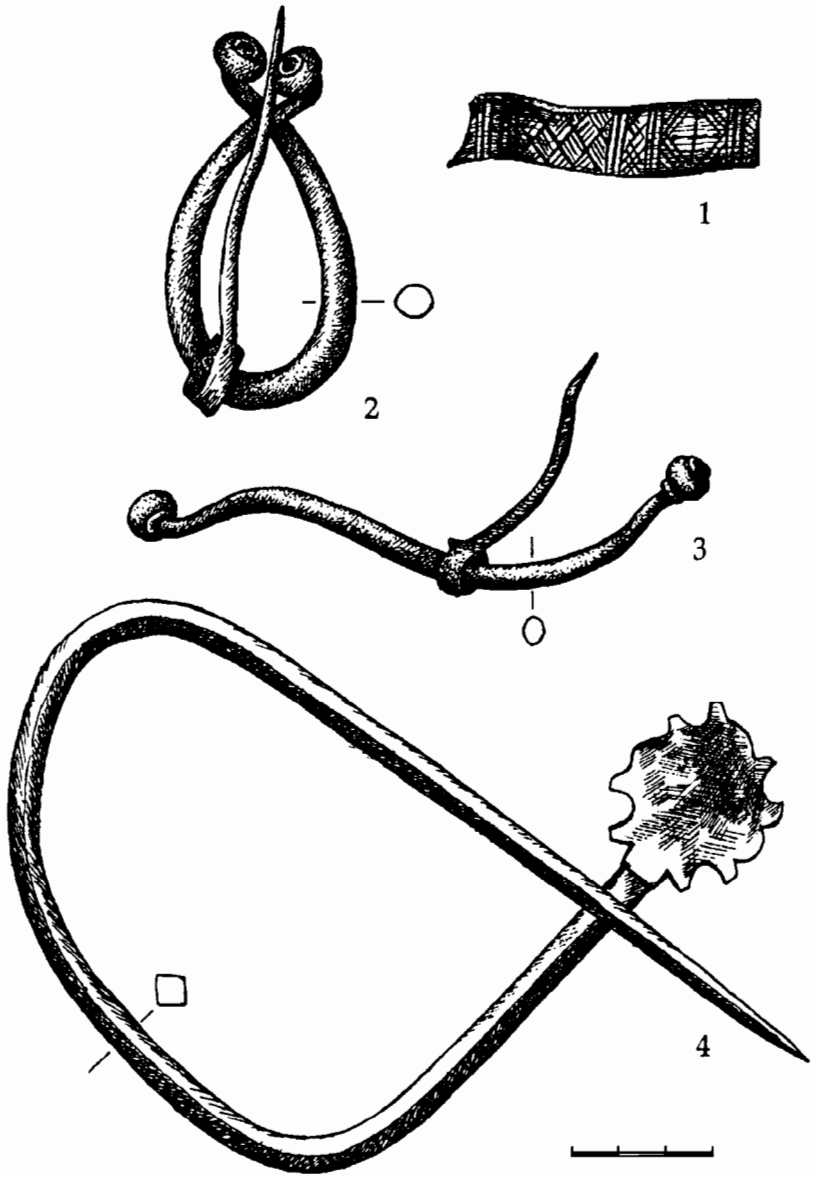


Рис. 2. Бронзовые украшения с характерными видами повреждения

1. Браслет, озеро Вилкумуйжас, Талси (А 8571: 243); 2. Сакта, уезд Рава (А 1896); 3. Сакта, Рава (А 1897); 4. Декоративная булавка, гравийный могильник Капседес Медзе (А 8433: 11).

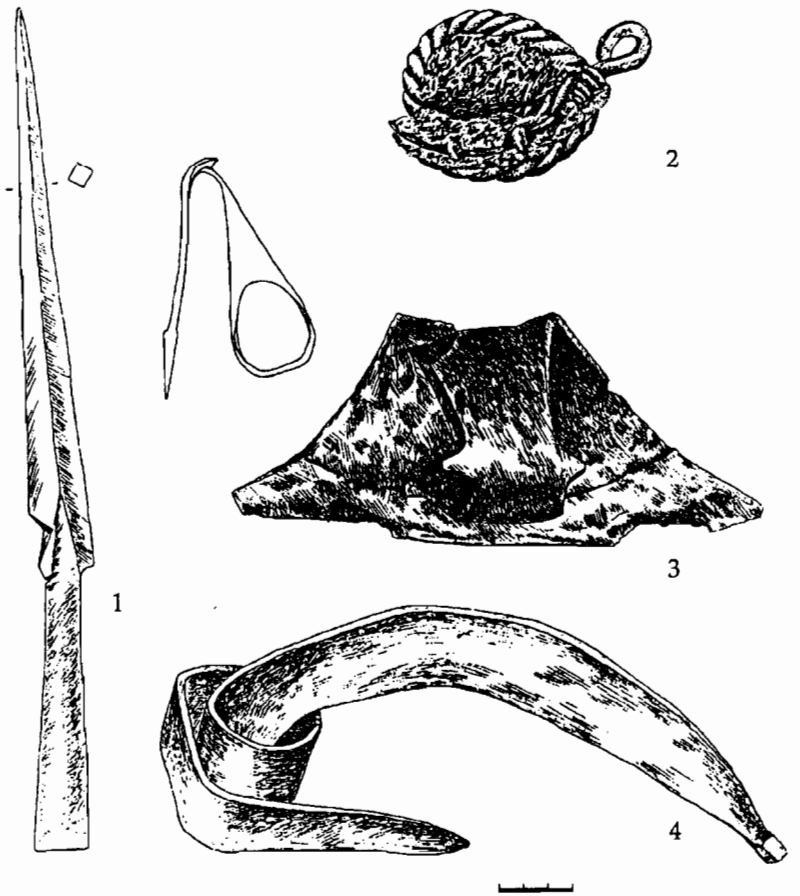


Рис. 3. Могильный инвентарь с характерными видами повреждения

1. Железный втульчатый наконечник копья, могильник Либагу Сараи, погребение № 12 (А12816: 152); 2. Бронзовая шейная гривна, Айзвикю Тылтыни, погребение № 5 (А 10466: 39); 3. Железный топор-секира, гравийный карьер Тосмаре (А 10788: 37); 4. Железная коса, Алсунгас Калныни, погребение № 26 (А 11728: 3).

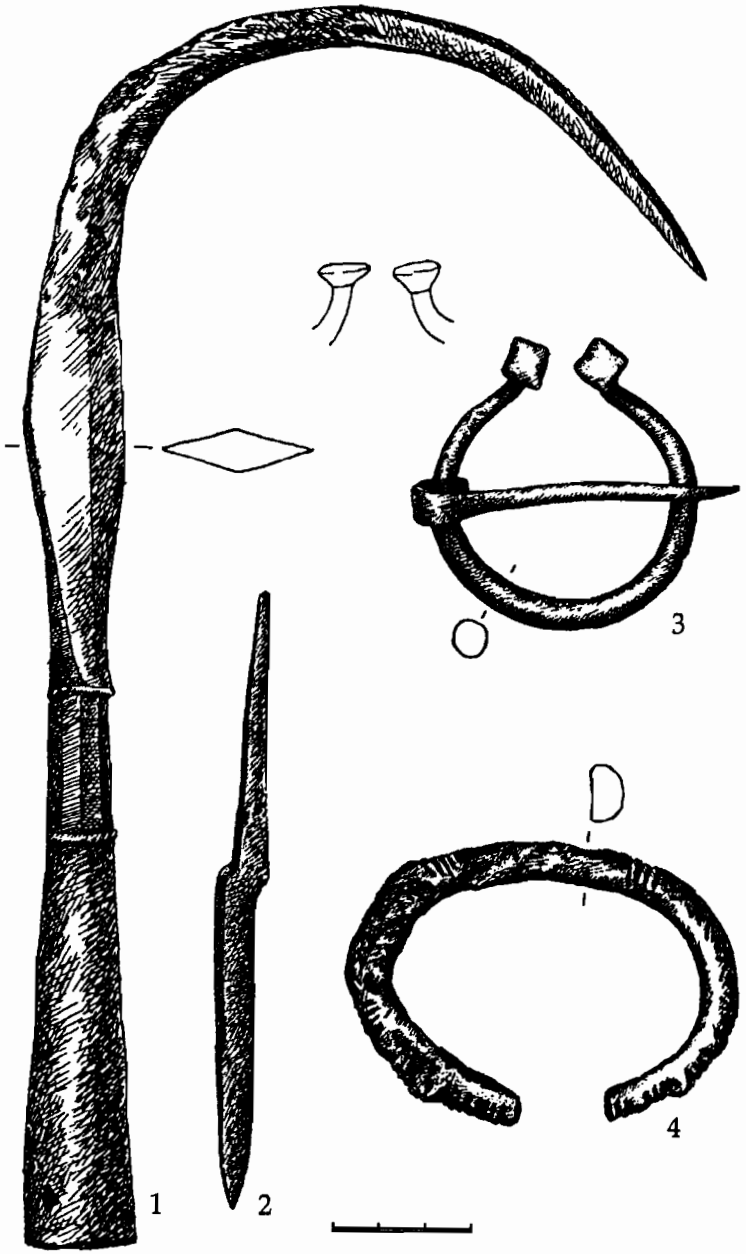


Рис. 4. Могильник Даугмале, погребение № 3

1. Железный наконечник копья (А 12440: 15), 2. Железный нож (А 12440: 16), 3. Бронзовая подковообразная фибула (А 12440: 13), 4. Бронзовый браслет (А 12440: 14).

В. И. КУЛАКОВ

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ВИКИНГОВ КАУП. 1956–2004 гг.

Уникальный для Балтии (рис. 1, А) и всех раннесредневековых европейских древностей археологический комплекс Кауп включает открытое торгово-ремесленное поселение, курганно-грунтовой могильник нач. IX — нач. XI в. (Кулаков 1989, 95–98). С ними соседствуют грунтовые могильники V–VI (?) (Bujack 1885, 37, 38) и XI вв. (Engel 1932, 140).

Интересующий нас комплексный археологический памятник расположен в историческом лесном урочище Кауп (букв. «Торжище»), находящемся в 3 км к югу от г. Зеленоградска, на северо-западной окраине пос. Моховое (бывш. *Wiskiauten, Kr. Samland*) (рис. 1). В 1932 г. в ходе немецко-шведского проекта был снят план могильника и проведен подсчет курганных насыпей, которых оказалось 215 (Nerman 1942, 94). На 1980 г., время съемки современного топографического плана Каупа (рис. 1), в пределах этого лесного урочища насчитывалось 203 курганных насыпи. Количество грунтовых погребений на могильнике учету не поддается ввиду отсутствия у них наружных признаков. Размеры поселения, частично перекрытого курганно-грунтовым могильником, достигают параметров не менее 400 × 250 м. Размеры некоторых старейших лиственных деревьев в этом лесном урочище таковы, что можно предполагать их возраст в пределах не менее 500 лет. Именно полтысячелетия тому назад началось интенсивное сельскохозяйственное освоение земель, под распашку очищались от деревьев все новые и новые участки, но лес Кауп не подвергся вырубке. Очевидно, что даже в орденскую эпоху местные жители помнили о расположенных здесь курганах, скрывавших останки купцов и воинов эпохи викингов. Данная часть северной Самбии, не исключено, была сакральной для аборигенов и, соответственно, являлась запретной для освоения.

История открытия археологического комплекса Кауп забыта в странах Запада и неизвестна восточноевропейским коллегам. Премьер-лейтенант Вульфф, проходивший службу во 2-м Восточнопрусском гренадерском полку, в ходе учений, проводившихся в районе пос. *Mühlsen* (*Kr. Fischhausen/Samland*, ныне — пос. Охотное Зеленоградского района) в августе 1865 г., в свободное от занятий время

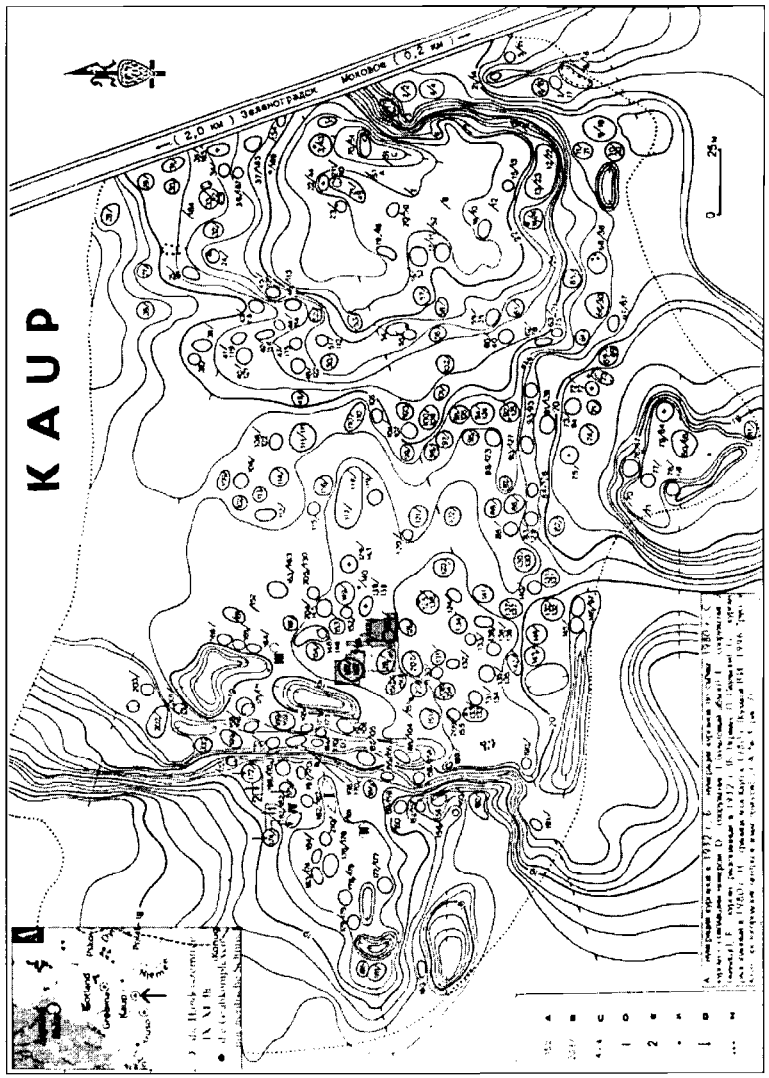


Рис. 1. Расположение Каупа на карте Европы (А) и план курганного могильника в лесном урочище Кауп

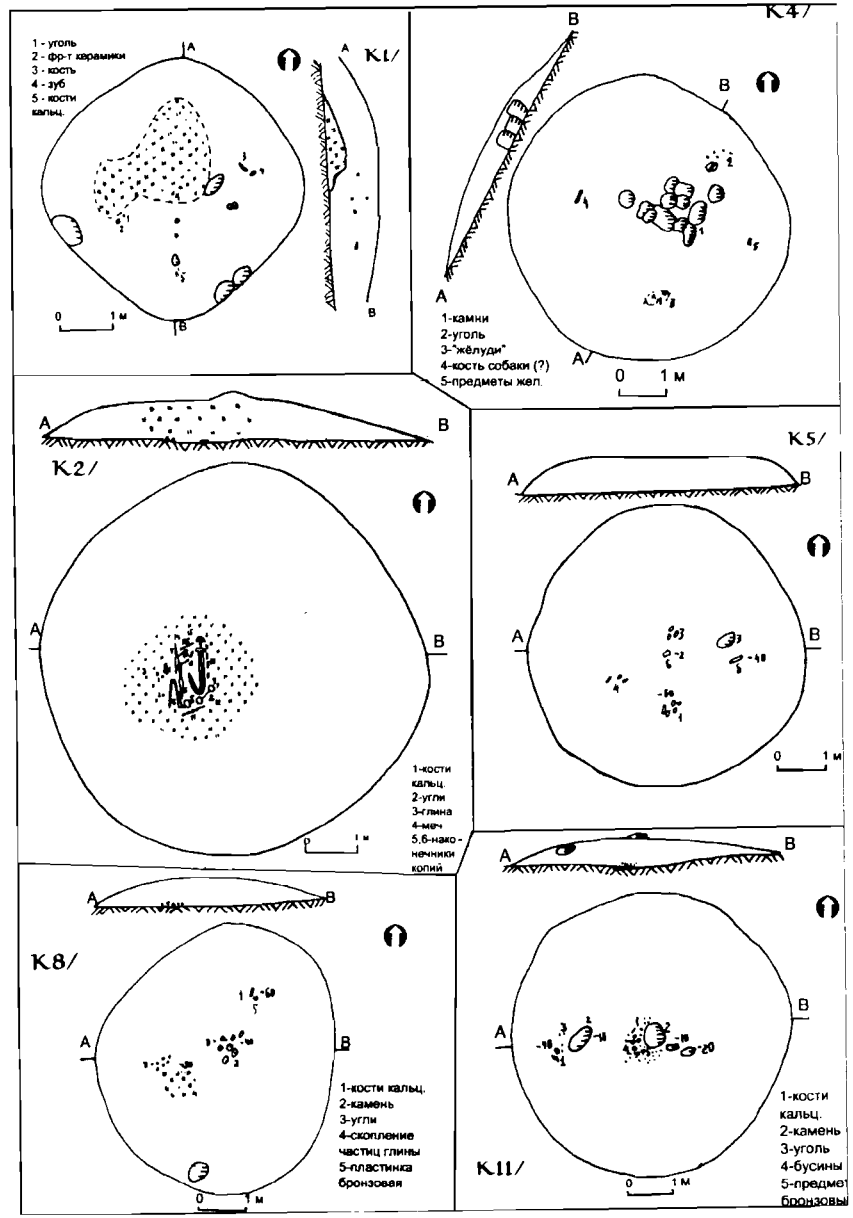


Рис. 2. Планы курганов, раскопанных на Каупе Ф. Д. Гуревич

изучал окрестности района дислокации своего полка и проводил опрос местного населения относительно находок древних раритетов. В частности, в имении *Wiskiauten* премьер-лейтенант Вульфф установил факт находок крестьянами в соседнем с имением лесу Кауп человеческих и конских костей, копий, ножниц, причем один из найденных там топоров лейтенант приспособил к работе. 3 августа 1865 г. в послеобеденное время Вульфф вместе с несколькими солдатами в центре леса Кауп начал раскопки кургана, в котором было сделано множество находок эпохи викингов (Wulff 1865, 641–646). Открытие любознательного гренадерского офицера привлекло к археологическому комплексу Кауп внимание кенигсбергских археологов и на протяжении 1873–1937 гг. на могильнике было раскопано не менее 86 курганов (Mühlen 1975; Кулаков 1996, 140).

В послевоенное время, после вхождения северной части Восточной Пруссии в состав РСФСР Кауп долгое время не привлекал внимание советских археологов. С 1947 г. впервые в истории советской (да, впрочем, и русской) археологии были начаты работы по изучению древностей пруссов. Они проводились Калининградским отрядом Прибалтийской экспедиции под руководством Фриды Давидовны Гуревич (г. Ленинград). Долгие годы она исследовала памятники прусской археологии. Лишь в 1956 г. ленинградская коллега изменила круг своих научных интересов и начала раскопки Каупа. Не исключено, что перед Ф.Д. Гуревич в духе того времени была поставлена задача найти в курганах Каупа свидетельства присутствия славянских или балтских культурно-этнических элементов. Работы проводились Ф.Д. Гуревич и в сезоне 1958 г. Ниже предлагается свод информации о комплексах, изученных упомянутой коллегой на могильнике Кауп. Нумерация этих комплексов закодирована по принципу, предложенному для погребальных комплексов Восточной Пруссии Генрихом Кемке (Tischler, Kemke 1902). При этом слева от косой скобки показан номер кургана по данным подсчетов 1956, 1958 и 1980 гг., в правой части индекса — по старой нумерации, использованной в каталоге Бернта фон цур Мюлен (Mühlen 1975).

Каталог комплексов, раскопанных на Каупе в 1956 и 1958 гг.

Курган 1/ (рис. 2, К1/) имеет насыпь планиграфически подквадратную, размерами 6 × 6 м, высотой 1 м. Насыпь состоит из супеси, в ней рассеяны фрагменты круговых сосудов с отогнутым венчиком. В северном секторе насыпи, на материке выявлено скопление частиц древесного угля неправильных очертаний. В центре кургана найдены фрагменты гвоздя и заклепки. Граница насыпи маркирована несколькими валунами (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1956). Курган является кенотафом и, судя по наличию в нем фрагментов круговой посуды, относится к концу X — началу XI в.

Курган II/ (рис. 8, К II/) имеет планиграфически подтреугольную насыпь размерами 7 × 7 м, высотой 0,7 м. В центре насыпи стоял камень-*Malstein*. В насыпи обнаружена прослойка песка и мелкие камни, в северной половине насыпи на глубине 0,25 м — углистая прослойка, там же — глиняная обожженная (?) «платформа» мощностью 0,25 м, перекрывавшая разрозненные обломки кальцинированных костей. В центре кургана группой обнаружены железный умбон щита и нож (рис. 6, К II/) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1956). Курган содержит останки мужчины-воина, датировка погребения не ясна.

Курган III/ имеет округлую (?) насыпь диаметром 12 м, высотой 1,25 м. В восточной половине насыпи найдены кости животных, в насыпи на разной глубине встречены обломки круговой керамики. На материке расчищено небольшое скопление обожженной глины (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1956). Курган является кенотафом и, судя по наличию в нем фрагментов круговой посуды, относится к концу X — началу XI в.

Курган 1/ имеет насыпь диаметром 6 м, высотой 0,6 м. В северо-восточном секторе насыпи на материке выявлены остатки сожжения на стороне — золисто-углистое пятно диаметром 0,3 м. Судя по сохранившимся in situ древесным волокнам, остатки сожжения были принесены с костра на место будущего кургана в деревянных носилках. Среди остатков сожжения обнаружены предметы со следами пребывания на костре: фрагменты пары бронзовых овальных фибул типа J.P. 55 с обрывками бронзовых цепочек, серебряный перстень, фрагмент бронзовой пряжки, семь стеклянных бусин (рис. 3) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). По фибулам это женское захоронение датируется временем около 1000 г. (Кулаков 1989, 90).

Курган 2/ (рис. 2, К2/) имеет насыпь округлой формы, диаметром 6 м, высотой около 0,6 м. В насыпи, содержавшей много мелких камней, на глубине 0,25 м выявлен слой глины, под которым было обнаружено округлое скопление мелких кусков древесного угля диаметром 2,5 м и толщиной 0,2 м. В этом скоплении были рассеяны редкие обломки кальцинированных костей, среди которых обнаружены: согнутый меч типа J.P. V с серебряной плакировкой навершия рукояти и перекрестия (рис. 4), с клеймом ULFBERHT на клинке (расчищен в 1980 г. А.В. Григорьевым — рис. 5), два ланцетовидных наконечника копья (один погнут) с врезным пламевидным орнаментом на втулках, нож, три брускообразных наконечника стрел, кольчатые удила с двучастным витым трензелем, обломки одночастного костяного гребня,

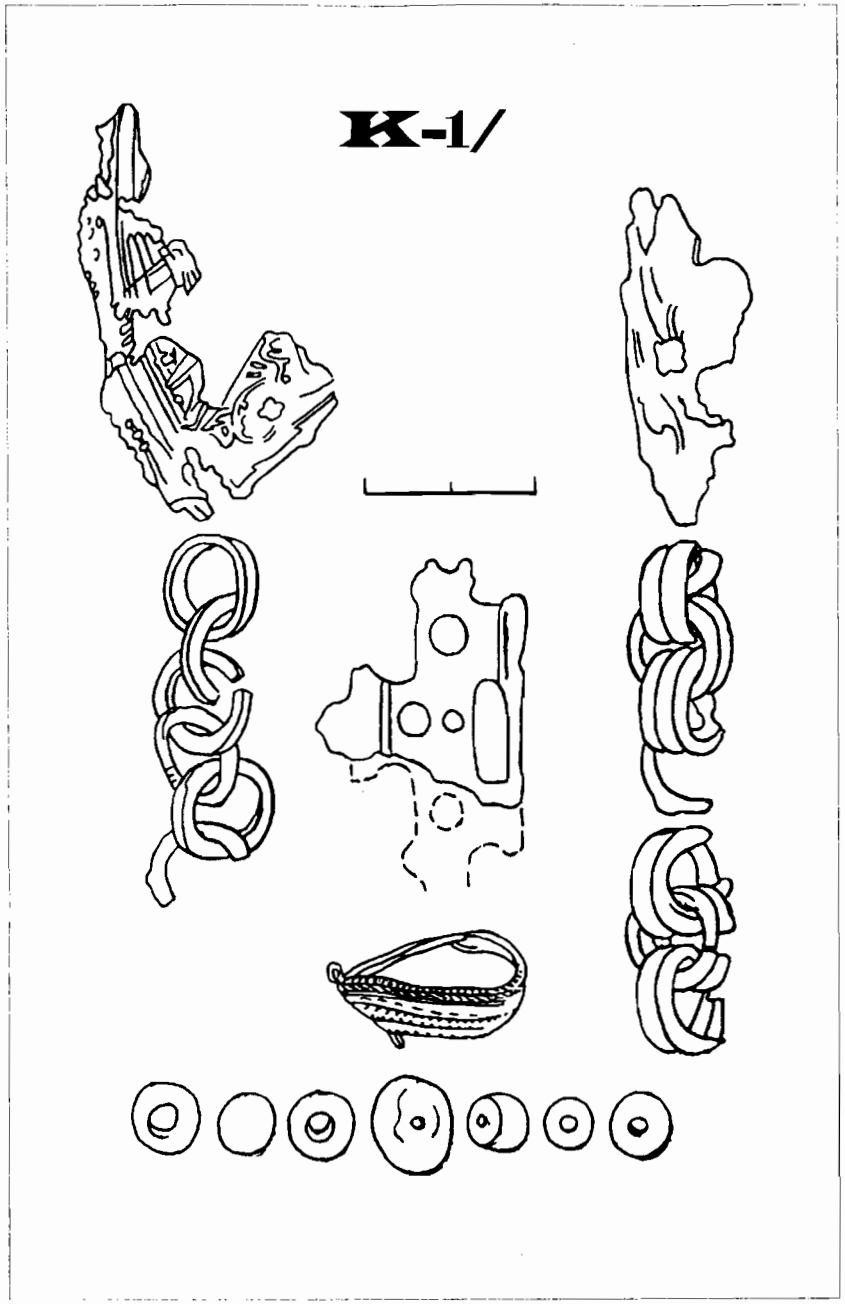


Рис. 3. Инвентарь кург. К-1/

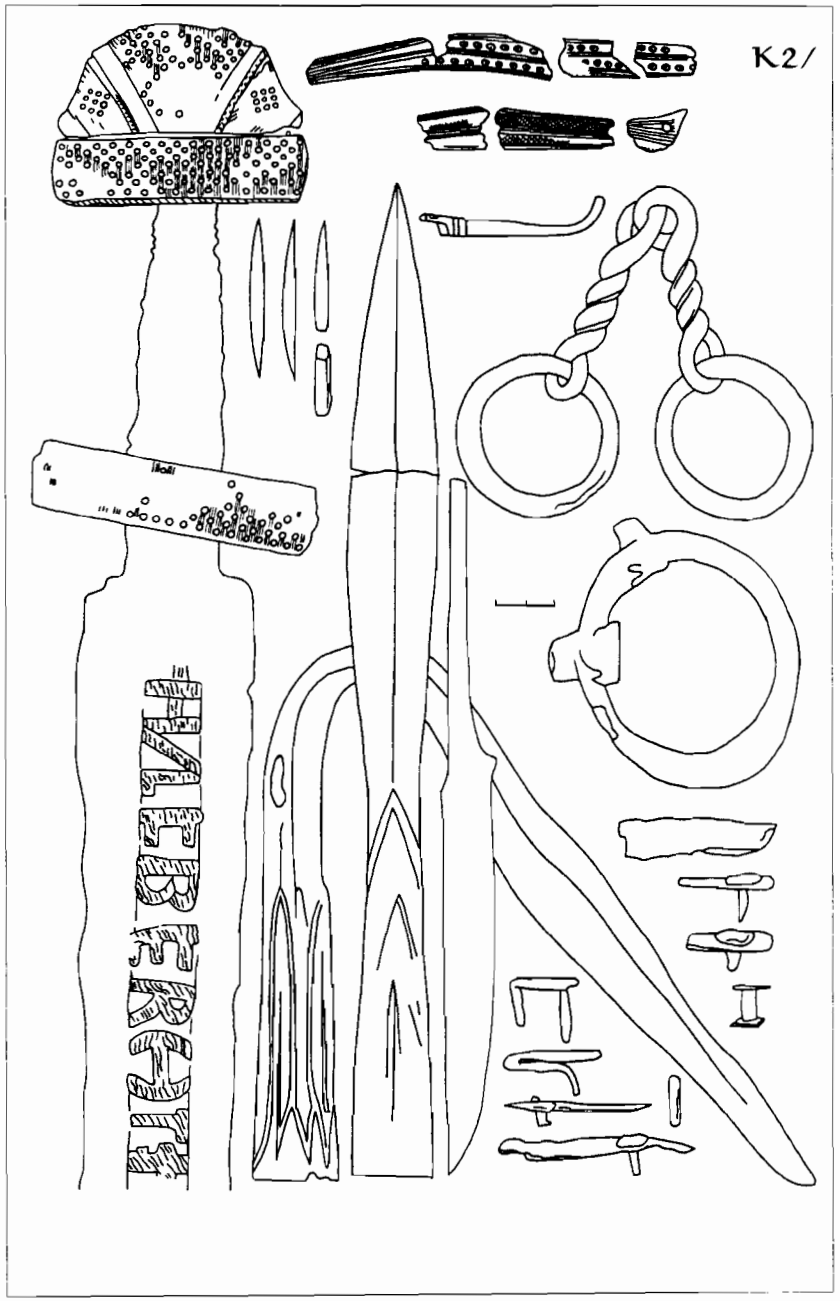


Рис. 4. Инвентарь кург. К-2/

Рис. 5. Надпись на клинке меча из кург. К-2/

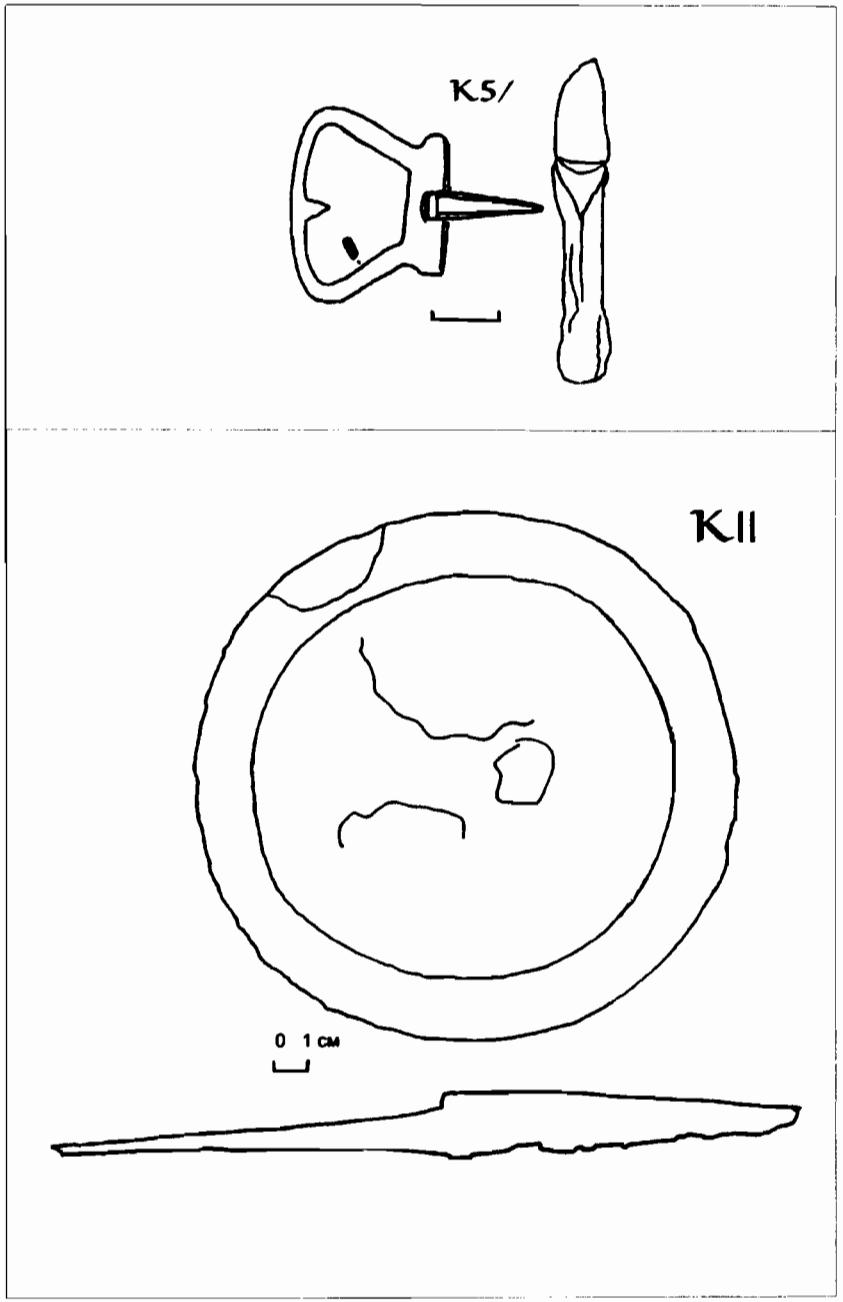


Рис. 6. Инвентарь кург. К-5/ и кург. КII

фрагменты железных накладок шкатулки, обломок бронзового коромысла складных весов (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958; Гуревич 1967, 201–204). Это захоронение мужчины-воина датируется по мечу 875–925 гг. (Кулаков 1989, 88).

Курган 3/ имеет насыпь округлой формы, диаметром 5 м, высотой 0,6 м. На вершине насыпи отмечен камень-*Malstein*. Под этим камнем на глубине 0,55 м выявлены скопление частиц древесного угля и обломки кальцинированных костей. В восточном секторе насыпи найдены два фрагмента лепного сосуда желтого цвета с песком в примеси (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Датировка погребения не ясна.

Курган 4/ (рис. 2, К4/) имеет насыпь округлой формы, диаметром 7 м, высотой 0,6 м. На вершине насыпи отмечен камень-*Malstein*. На глубине 0,1 м в северо-восточном секторе насыпи расчищена кладка из валунов, имеющая подквадратную форму размерами 1 × 1 м и являющаяся крепежом основания деревянного памятного (?) столба на кургане. К северо-востоку от этой кладки выявлено небольшое скопление древесных углей. В северной части насыпи найдена несожженная кость собаки. В юго-восточном секторе насыпи обнаружены нож и железный брусок (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Датировка погребения не ясна.

Курган 5/ (рис. 2, К5/) имеет насыпь округлой формы, диаметром 6 м, высотой 0,65 м. В южной половине насыпи обнаружены группа обломков кальцинированных костей, бронзовая пряжка, железный наконечник стрелы (рис. 6, К5/) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Датировка этого мужского погребения не ясна.

Курган 6/ имеет округлую в плане насыпь диаметром 5 м, высотой 0,7 м. На вершине насыпи отмечен камень-*Malstein*. В восточной половине насыпи на материке найдено скопление частиц древесного угля и обломков кальцинированных костей. В этой насыпи и в некоторых других курганах Каупа Ф. Д. Гуревич отмечала находки «обожженных желудей» (интерпретировавшиеся как остатки заупокойных жертвоприношений), которые на самом деле являлись вполне современными желудями, припрятанными мелкими грызунами в свои норы или же, как показывают новейшие исследования курганов Каупа, естественными скоплениями ожелезненной супеси. Невдалеке от скопления кальцинированных костей был найден обломок ланцетовидного наконечника копья с врезным пламевидным орнаментом на втулке (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Согласно этой находке захоронение мужчины-воина в К6/ датируется X в.

Курган 7/ имеет округлую (?) насыпь. В насыпи с остатками трупосожжения обнаружены находки, носившие следы воздействия погребального костра: клевец с серебряной плакировкой в тыльной своей части и с ритуально согнутым острием, ланцетовидная стрела, обломки двух ланцетовидных наконечников копий, сломанная коса (пила?) и двучастное витое грызло от кольчатых удил (рис. 7) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Датировка этого погребения мужчины-воина по предметам вооружения — X в.

Курган 8/ (рис. 2, К8/) имеет овальную насыпь размерами 5 × 4,5 м, высотой 0,6 м. В центре насыпи на глубине 0,4 м открыто скопление мелких камней и углей — остатки крепежа основания памятного (?) столба. В западной половине насыпи на глубине 0,5 м отмечен слой глины, перекрывающий (?) пятно частиц древесного угля. В северо-восточном секторе насыпи на материке найдена с несколькими обломками кальцинированных костей бронзовая пластинка (накладка?) (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Датировка этого погребения не ясна.

Курган 9/ имеет подквадратную насыпь диаметром 6 м, высотой 0,4 м. В центре насыпи вертикально стоял камень-*Malstein*. Иные находки в кургане отсутствуют (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Этот курган является кенотафом с неясной датировкой.

Курган 10/ имеет округлую насыпь диаметром 4,5 м, высотой 0,5 м. В центре насыпи стоял камень-*Malstein*. В восточной половине насыпи на глубине 0,4 м выявлено скопление частиц древесного угля с небольшим количеством обломков кальцинированных костей (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958). Дата погребения не ясна.

Курган 11/ (рис. 2, К11/) имеет округлую насыпь диаметром 6 м, высотой 0,5 м. В центре насыпи стоял камень-*Malstein*. В западной половине насыпи, под дерном обнаружено скопление углей, ниже, на глубине 0,4 м — угли и обломки кальцинированных костей. Ниже камня-*Malstein*, на глубине 0,45 м выявлено пятно угля, в котором обнаружены: фрагмент звена бронзовой цепи, красная пастовая бусина бочонковидной формы, серая стеклянная бусина, три бусины синего стекла кольцевидной формы, три стеклянные оплавленные бусины. Дата этого женского погребения не ясна.

Каменная «кладка» I у кургана КI/ (рис. 8, КI) является на самом деле, скорее всего, жертвенным комплексом, имеет размеры 4,5 × 0,75 м, ориентирована по линии север–юг. На глубине от 0,20 до 0,30 м под каменной кладкой были обнаружены мелкие обломки древесных углей, несожженные (?) кости животных и фрагменты лепной керамики (Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1956, № 1290).

Каменная «кладка» 1 (рис. 8) имеет круглую форму диаметром около 2 м, камни в кладке лежат двумя концентрическими кругами, в центре оставляя пространство диаметром 0,20 м, предназначавшееся для основания столба, с северо-запада подпиравшегося довольно крупным валуном. К западу от кладки обнаружено скопление кусков

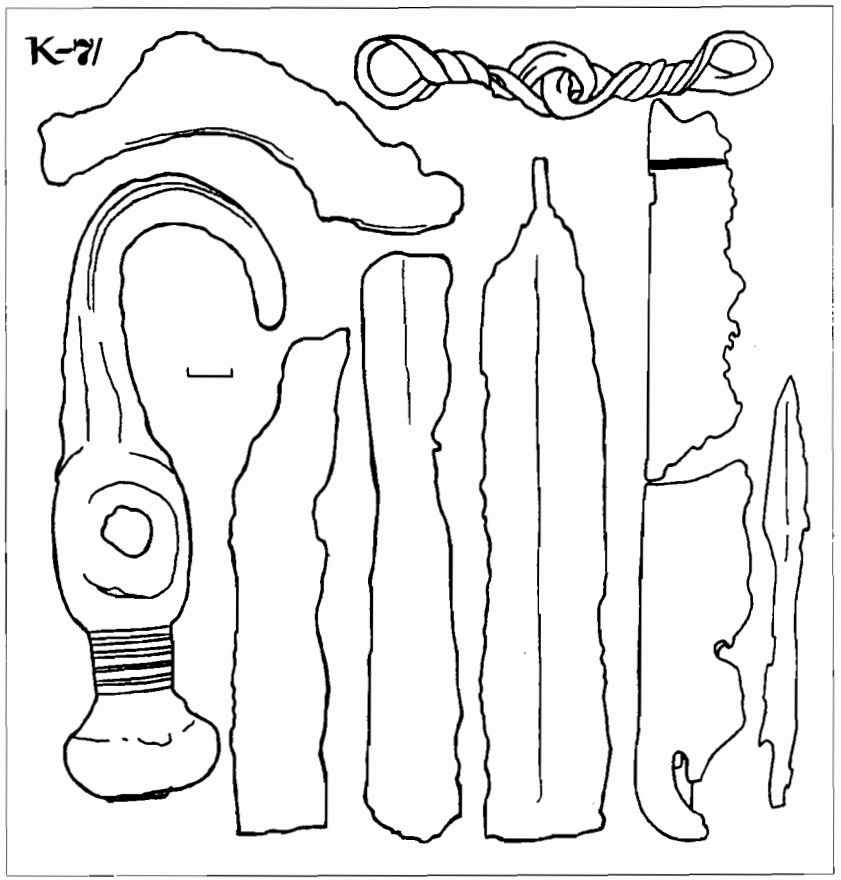


Рис. 7. Инвентарь кург. К-7/

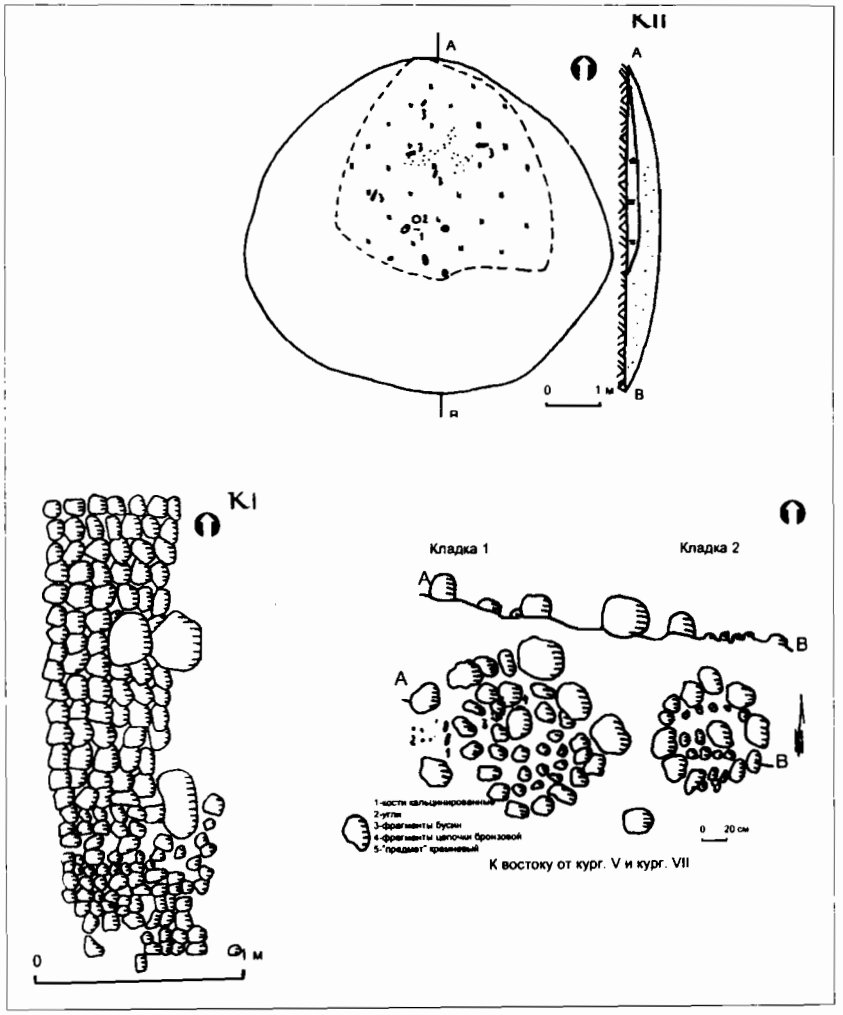


Рис. 8. Планы раскопанных Ф. Д. Гуревич кург. KII и «кладок» KI, 1, 2

древесного угля, между ними и кладкой выявлено несколько обломков кальцинированных костей. Под камнями в северной части кладки найдены: фрагмент бронзовой цепочки, обломок стеклянной синей бусины, оплавленная стеклянная желтая бусина, кремневое изделие (?) (Архив ИА РАН, Р-1, Гуревич 1956). Данный комплекс является, скорее всего, особой формой женского трупосожжения с неясной датировкой.

Каменная «кладка» 2 (рис. 8) имеет круглую в плане форму диаметром около 1 м, камни в кладке лежат двумя концентрическими кругами с большим камнем в центре этой конструкции. Находки под камнями не обнаружены. Данная кладка имеет, скорее всего, культовую функцию, ее датировка не ясна.

После завершения в 1958 г. Ф. Д. Гуревич археологических работ в Калининградской области лесное урочище Кауп долгое время было лишено внимания ученых и, к сожалению, все в большей степени привлекало внимание «копателей». Ими было сделано большое количество ценнейших находок в курганах Каупа. Некоторая часть этих предметов в конечном итоге поступила в фонды Калининградского историко-художественного музея (например — рис. 9), отдельные находки из их числа были мною опубликованы (Koulakov 2000, fig. 6).

Весной 1979 г. Балтийская экспедиция Института археологии АН СССР приступила к процессу дешифровки данных аэрофотосъемки памятников археологии Самбии. В частности, по этим материалам была обнаружена и идентифицирована в процессе работ на местности территория поселения Кауп. Данный памятник археологии частично занят лесным урочищем Кауп и распространяется в юго-западном направлении от «рощи викингов». Поселение занимает участок водораздела рек Вой и Зеленоградка (Кинтава). Подвергаемая распашке, свободная часть территории поселения имеет размеры 250 × 200 м, вся территория поселения имеет размеры не менее 500 × 250 м. По периметру поселение было окружено ныне запаханными валом и рвом. В восточной части поселения располагалось небольшое укрепление типа «борг», размещавшееся на поверхности неолитического кургана 1, раскопанного Иоганнесом Хейдеком. Курганы стали возводиться к западу от «борга», постепенно распространяясь далее на запад, соответственно могли меняться размеры открытого поселения, теснимого могильником. Подобного рода феномен был отмечен в Бирке, где курганы выявлены как на территории «борга», так и на открытом поселении *Svarta jorden* (Лебедев 1977, рис. 1).

В распашке на поверхности открытого поселения в 1979 г. были обнаружены фрагменты лепной керамики, куски сланцевых оселков, обломки роговых и костяных изделий и их заготовки. У юго-западной

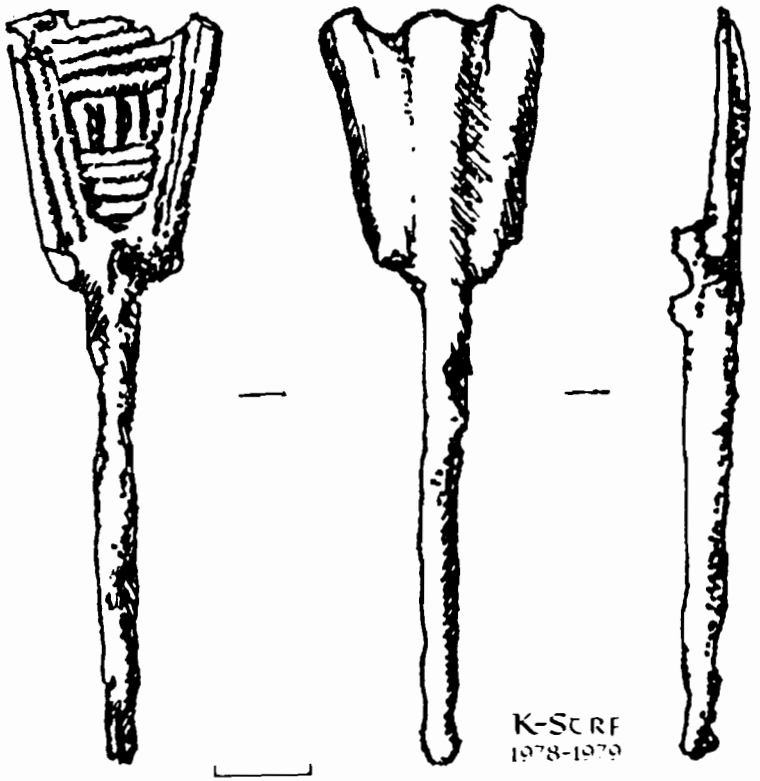


Рис. 9. Случайная находка 1978–1979 гг.
фрагмент бронзовой булавки куршского облика

окраины лесного урочища Кауп для выяснения мощности и характера культурного слоя поселения в 1979 г. был сделан раскоп 1 прямоугольной формы, вытянутый по линии север–юг, размерами 4 × 2 м (рис. 10). В раскопе 1 был открыт культурный слой — суглинок с незначительными золистыми включениями мощностью до 0,7 м с примесью гравия. Слой содержал небольшое количество фрагментов лепной керамики. В южной части раскопа на материке под развалом мелких камней обнаружена часть углубленного в землю (на 0,25 м) помещения 1. Его заполнение — темный углистый суглинок — содержал обломки лепной керамики. На дне котлована был найден фрагмент стенки кругового горшка с линейным прорезным орнаментом, находящий аналогии в материале курганов Каупа (Mühlen 1975, Taf. 20,2). Кроме того, среди развала камней встречены куски глиняной обмазки, скопление органики (кусок несожженной деревянной детали домовой конструкции?). В центре раскопа 1 на материке была расчищена кольцевидная каменная конструкция — крепление основания столба (рис. 10), характерное для домостроительства пруссов и скандинавов эпохи викингов (Гуревич 1960, рис. 66). В северо-восточном углу раскопа 1 обнаружены 3 ямы, заполненные предматериковым слоем и перекрытые тонкой прослойкой золы заготовки (Архив ИА РАН, Кулаков 1979).

Второй раз возможность исследовать остатки жилища поселения Кауп представилась в 1980 г. При раскопках кургана К172/ к западу от соответствующей половины насыпи кургана был разбит раскоп 2 размерами 10 × 8 м, вытянутый по линии запад–восток, с последующей прирезкой размером 6 × 1 м (рис. 11). Заполнение раскопа — углистый суглинок со значительным содержанием гравия — достигало мощности 1 м. В южной части раскопа 2 был расчищен развал сооруженной из валунов конструкции прямоугольной формы размерами 2,40 × 0,80 м, ориентированной по линии запад — юго-запад — восток–северо-восток. В восточной части раскопа 2 выявлена часть помещения 2 — углубленного в грунт, размерами не менее 7,20 × 2 м. В центре вскрытой части жилища на его полу зачищена квадратная в плане вымостка из мелких камней размерами 1 × 1 м, мощностью 0,15 м. Среди этих камней были найдены кости животных и редкие древесные угли. По периметру упомянутой кладки прослежены шесть колец из мелких камней — крепежи основания столбов. По линии с северо-востока на юго-запад каменную вымостку прорезает ряд из трех столбовых ям, в древности выкопанных в материке. К юго-западу от вымостки встречено скопление обожженных костей животных и развал кругового оранжево-глиняного горшка. В раскопе 2, кроме того, обнаружены еще три хозяйственные (?) ямы с заполнением суглинком. Находки в этих ямах и на материке представлены костями животных

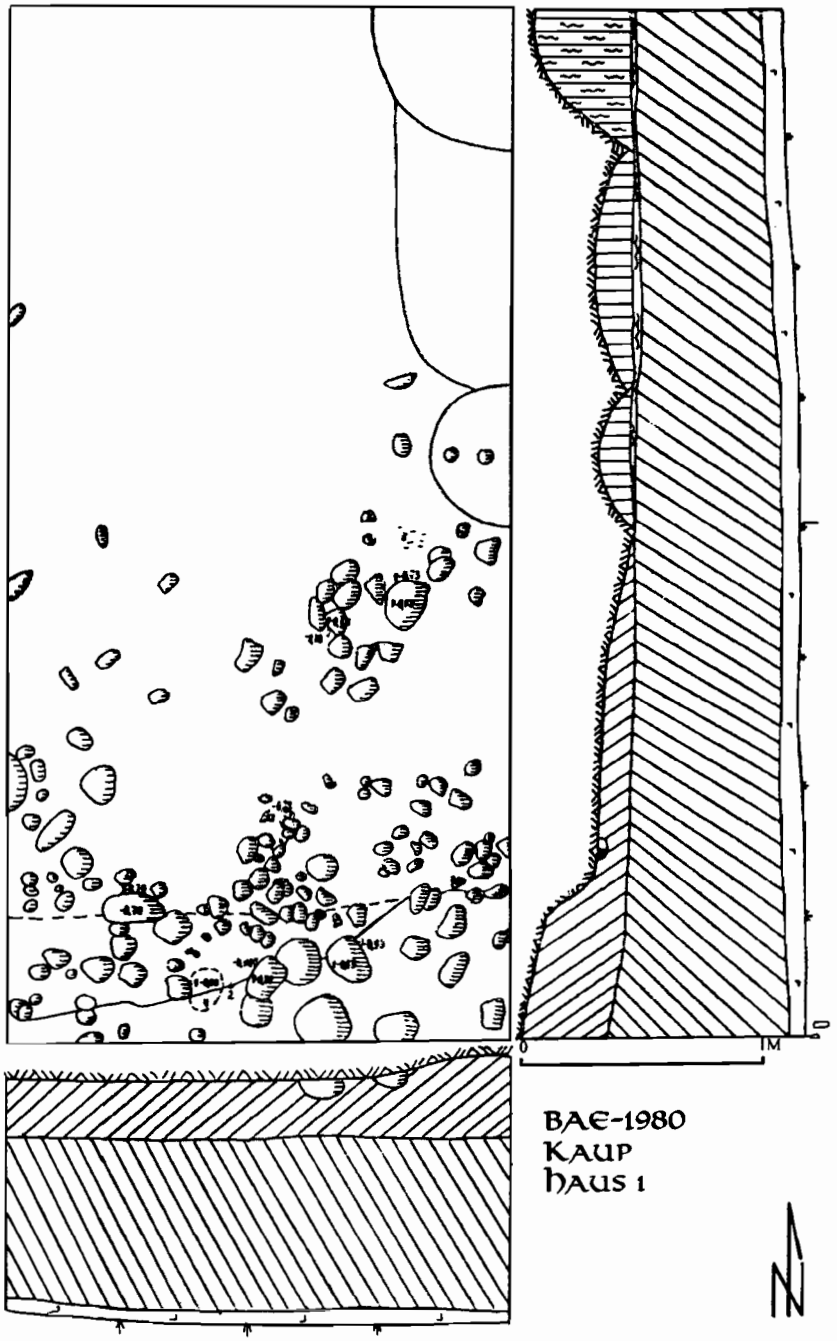


Рис. 10. План помещения 1

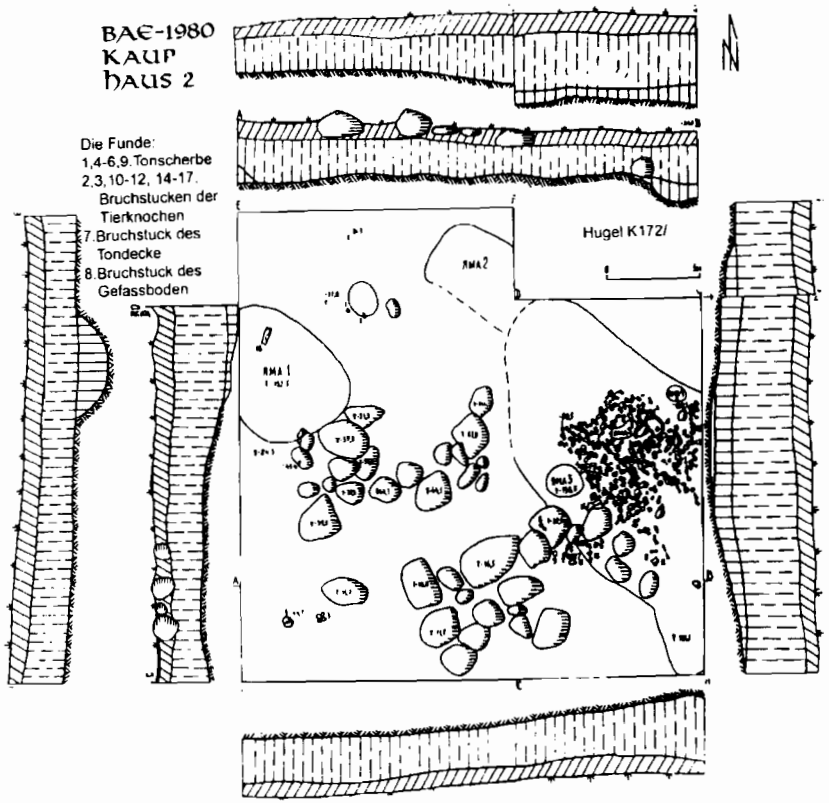


Рис. 11. План помещения 2

и фрагментами лепной керамики. Комплекс археологических объектов, обнаруженный в раскопе 2, интерпретируется, судя по аналогиям из Орхуса (Klindt-Jensen, Éhren 1970, 176), как остатки частично углубленного в грунт скандинавского жилища X — начала XI в. Квадратная каменная вымостка в углубленной части жилища соответствует открытому очагу, столбики вокруг которого держали жаровню (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

Рядом с курганом К174/ в 1980 г. на поверхности грунта частично была выявлена каменная культовая конструкция (рис. 12). Для ее доследования был заложен раскоп квадратной в плане формы размерами 7 × 7 м. Его заполнение составили: дерн мощностью до 0,05 м, подзолистый лесной суглинок мощностью 0,35 м, рыхлый переотложенный предматериковый суглинок мощностью до 0,40 м. В раскопе 2 расчищены два концентрических кольца из камней, пересеченные каменной же сдвоенной перемычкой по линии северо-запад — юго-восток. Почти все камни несут следы подтески. После снятия камней обнаружились одиннадцать овальных в плане ям, выкопанных в материке и заполненных рыхлым предматериковым грунтом. В яме 4 обнаружены две кости барана (?), в яме 3 — железный гвоздь, в яме 6 — позвонок животного. В восточном борту ямы 2 обнаружена ступенька, выложенная крупным гравием. У дна ямы — кольцо из камней — крепеж основания столба. В южной части ямы 1 — квадратная каменная кладка, также являвшаяся крепежом основания столба. В 0,58 м к югу от ямы 2 найдены лежавшие в виде треугольника три камня вытянутой формы, северный — острием вверх. Этот комплекс является жертвенником, что подтверждается следами от режущих предметов на камнях (жертвенные ножи и/или топоры). Описанная специфическая конструкция каменного кольца с перемычкой характерна не только для курганов Каупа (см. настоящую статью, рис. 8), но и для могильных насыпей в соседствующем могильнике Кунтерштраух (Gaerte 1929, Abb. 216). Правда, насыпь над каменной конструкцией, изученной на Каупе в 1980 г., отсутствует (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

После обнаружения в 1979 г. открытого поселения Кауп возник новый стимул для продолжения раскопок курганов, насыпанных его жителями. На протяжении нескольких полевых сезонов Балтийская экспедиция Института археологии РАН изучила следующие курганные насыпи.

Каталог погребальных комплексов, раскопанных на Каупе в 1980, 2000 и 2004 гг.

Курган 172/ (рис. 13) имеет насыпь овальной формы, размерами 7,0 × 6,5 м, высотой ок. 1 м. По периметру насыпь окружена частично

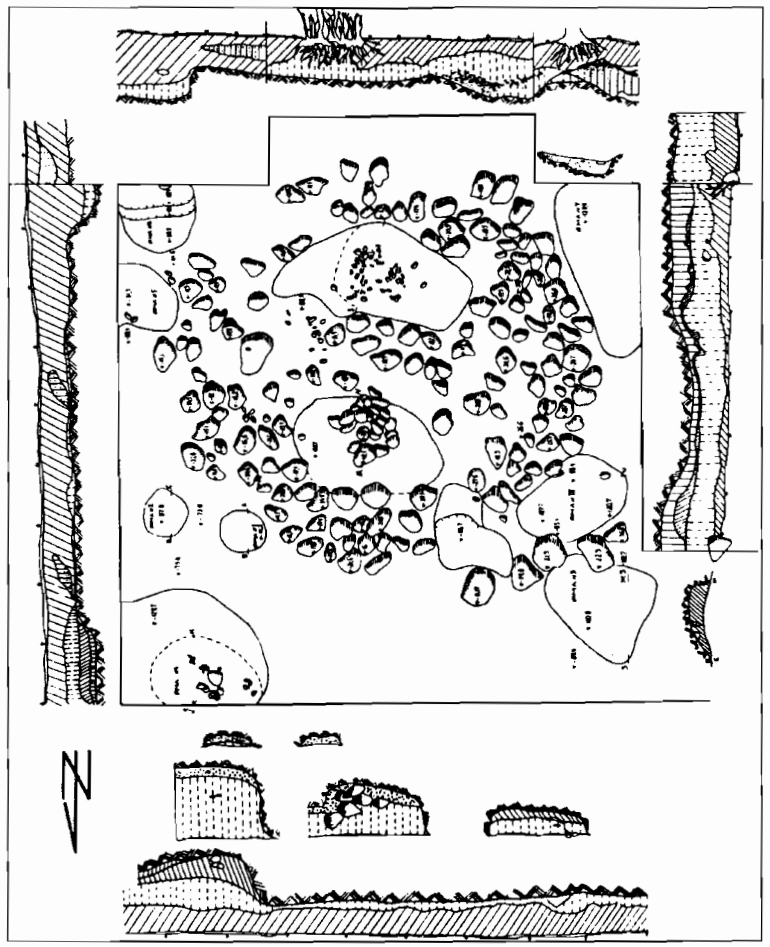


Рис. 12. План культового сооружения рядом с кург. К-174/

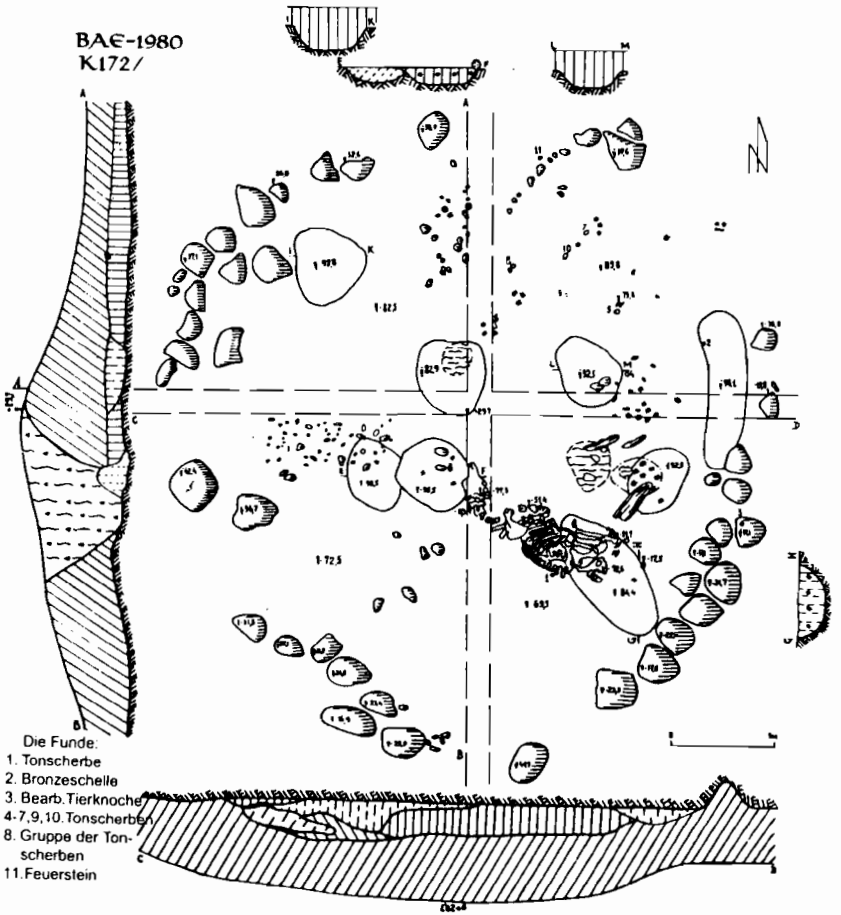


Рис. 13. План кург. К-172/

сдвоенным кольцом из камней. На одном из них в западной половине насыпи выявлено изображение равносторонней секиры типа J.P.M (Petersen 1919, 46, 47). Под насыпью, составленной из золистого суглинка, обнаружена насыпанная на материке платформа из предматерикового грунта мощностью до 0,30 м. На этой платформе в северо-восточном секторе насыпи выявлен зольник — скопление остатков сожжения на месте с редкими обломками кальцинированных костей. Среди них найдены фрагменты обожженной лепной керамики и бронзовый бубенчик (рис. 14, К172/). С юга зольник прорезан позднейшей ямой с костяком павшего от болезни годовалого колхозного теленка. Кроме того, под насыпью выявлены девять ям, из которых лишь одна пронизывает земляную платформу. Остальные ямы выбраны в материке до возведения платформы и до свершения обряда захоронения. Центральная яма заполнена рыхлым переотложенным материковым суглинком и содержит небольшое скопление золы с обломками кальцинированных костей. Сюда были помещены остатки сожжения, осуществлявшегося in situ неподалеку, на грунтовой платформе. К востоку от центральной ямы с погребением, на краю насыпи выявлен фрагмент ровика глубиной 0,25 м. В соответствии с формой бубенчика захоронение в кургане 172/ датируется началом XI в. (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

Курган 174/ (рис. 15) имеет насыпь овальной формы, размерами 7,0 × 5,5 м, высотой 0,95 м, сложенную из лесного подзолистого суглинка. При снятии насыпи на материке — светло-коричневом суглинке — была обнаружена платформа мощностью до 0,38 м, сложенная из рыхлого переотложенного материкового грунта. По периметру насыпи обнаружены отдельные камни, в ряде случаев перекрывающие платформу. В северо-западном секторе на границе насыпи выявлены три кольца из валунов средних и крупных размеров, крепившие в древности основания столбов. В центральной части кургана, на материке были обнаружены:

Погребение 1 (западное) в овальной яме, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад, размерами 1,45 × 0,85 м, глубиной 0,65 м, прорезавшей упоминавшуюся выше платформу. Нижний ярус погр. 1 заполнен переотложенным материком с примесью песка и, возможно, органики, здесь же найден повторно обожженный фрагмент венчика лепного сосуда с крупной дресвой в примеси. На дне могилы — несколько небольших камней. Верхний ярус заполнен остатками погребального костра с 161 обломком кальцинированных костей, среди них — обломок прямоугольного сланцевого бруска с циркульным орнаментом.

Погребение 2 (восточное) в овальной яме, ориентированной по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад, размерами 1,55 × 1,0 м, глубиной 0,58 м, прорезавшей упоминавшуюся выше платформу. Нижний

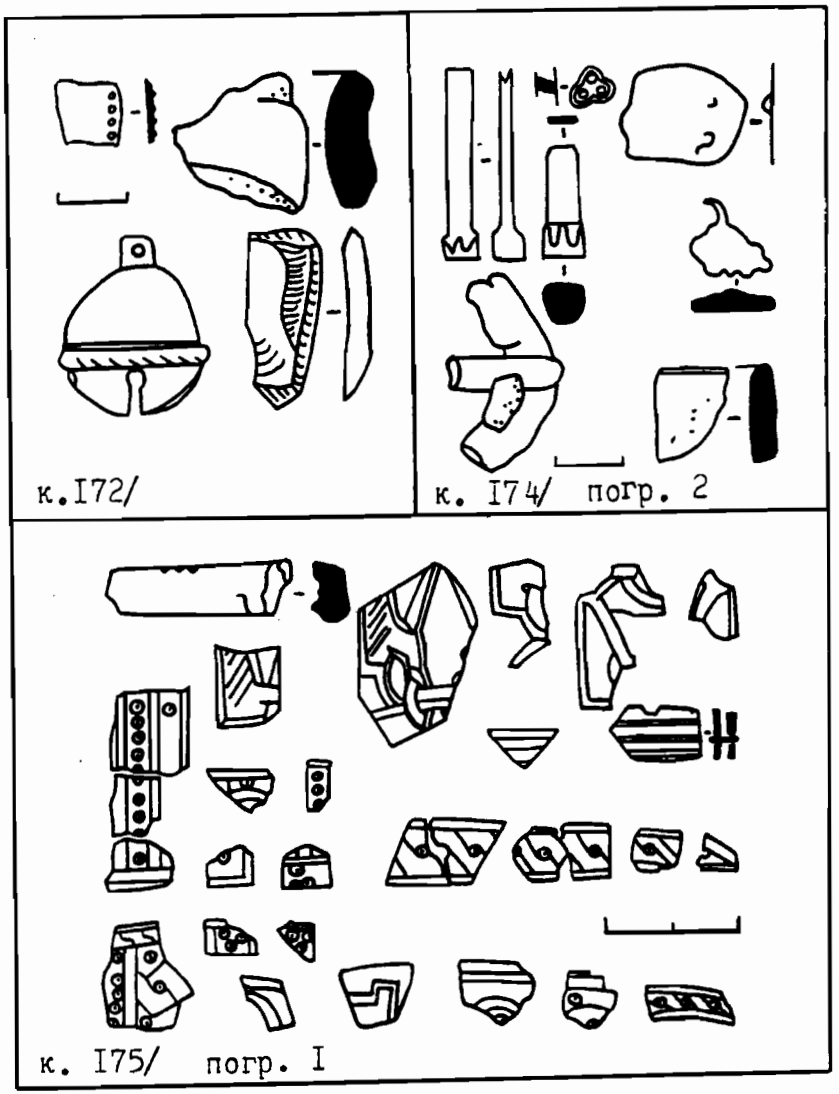


Рис. 14. Инвентарь кург. К-172/, К-174/, К-175/

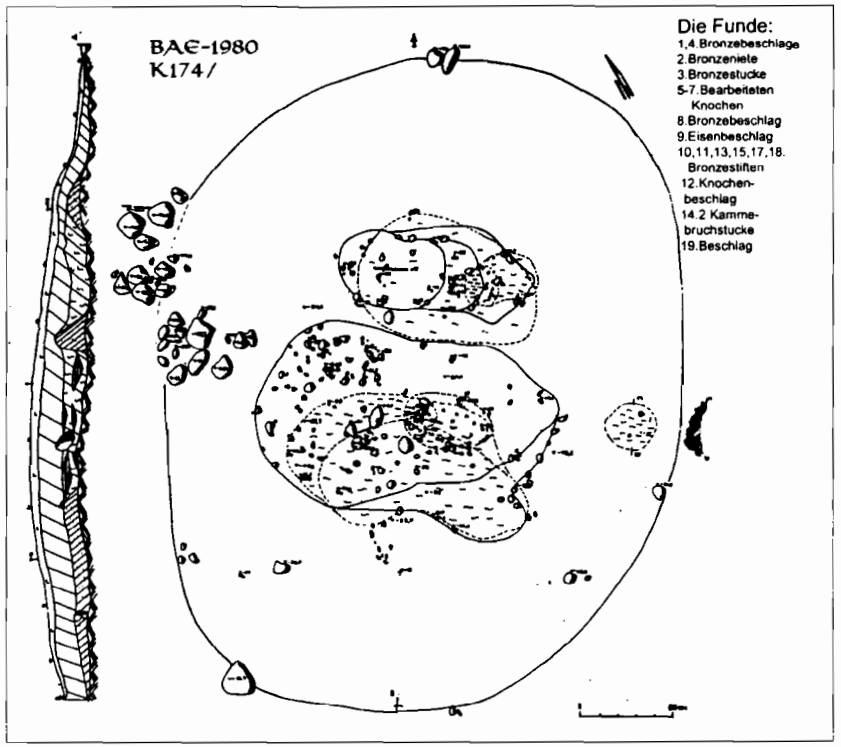


Рис. 15. План кург. К-174/

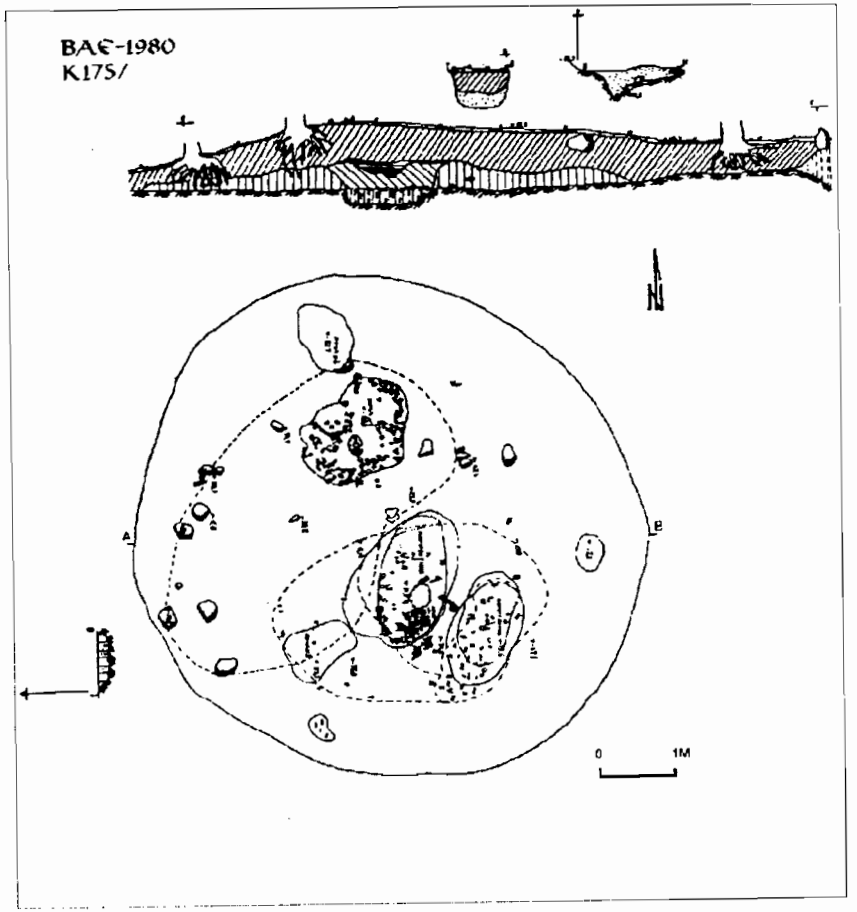


Рис. 16. План кург. К-175/

ярус погр. 2 перекрыт слоем мелких камней, на дне могилы — несколько небольших камней. Верхний ярус имеет напластование остатков погребального костра мощностью до 0,29 м с 480 обломками кальцинированных костей. Среди них в северо-западной части могильной ямы найдены обожженные предметы: пара бронзовых наконечников ремня, три поясные накладки, треугольная застежка, 10 кусочков бронзы, фрагменты железной пряжки с овальной рамкой, железная накладка, три фрагмента лепной керамики (рис. 14, кург. 174/), кусок янтаря.

Оба погребения перекрыты кострищем (из отдельных углистых скоплений с редкими обломками кальцинированных костей) овальной в плане формы, вытянутым по линии запад–восток, размерами 3,20 × 2,12 м, толщиной 0,06 м. Под кострищем грунт платформы прокален. В своей западной части кострище перекрывает выбранную в материке на 0,10 м яму 3. Невдалеке расположены яма 1 (с каменным укреплением основания столба на своем дне) размерами 1,60 × 1,0 м, глубиной 0,20 м и яма 2 размерами 1,0 × 0,60 м, глубиной 0,10 м. Заполнение этих столбовых ям — предматериковый грунт. Процесс сооружения кург. 174/ реконструируется таким образом:

А. На древней дневной поверхности были вырыты ямы 1, 2 и 3, причем в ямах 1 и 2 были установлены столбы.

Б. На древней дневной поверхности из материкового грунта сооружается платформа, на которой производится трупосожжение на месте.

В. После свершения сожжения с верхней плоскости платформы выбираются две могильные ямы. В их нижние ярусы помещается органика (результаты жертвоприношений), в верхние ярусы с кострища сгребаются остатки трупосожжения.

Погребения в кург. 174/ по керамике, аналогичной находкам в погребениях Ирзкапиниса X в. (Кулаков 1980, 236), датируются именно этим временем (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

Курган 175/ (рис. 16) имеет насыпь овальной формы, размерами 7,2 × 5,3 м, высотой 0,6 м. После снятия насыпи из золистого суглинка на материке обнаружена платформа из подзолистого грунта с примесью песка, на ней расчищены два скопления остатков погребального костра — следы сожжения на месте. Его остатки были помещены в две могильные ямы, которые прорезают платформу.

Погребение 1 имеет четко разделенные верхний и нижний ярусы. В нижнем ярусе, перекрытом слоем мелких камней, обнаружены остатки погребального костра в смеси с материковым грунтом. В верхнем ярусе, заполненном остатками погребального костра с большим количеством обломков кальцинированных костей, в центре могилы прослежена наибольшая концентрация находок. Среди них — фрагменты кальцинированных орнаментированных роговых (костяных?)

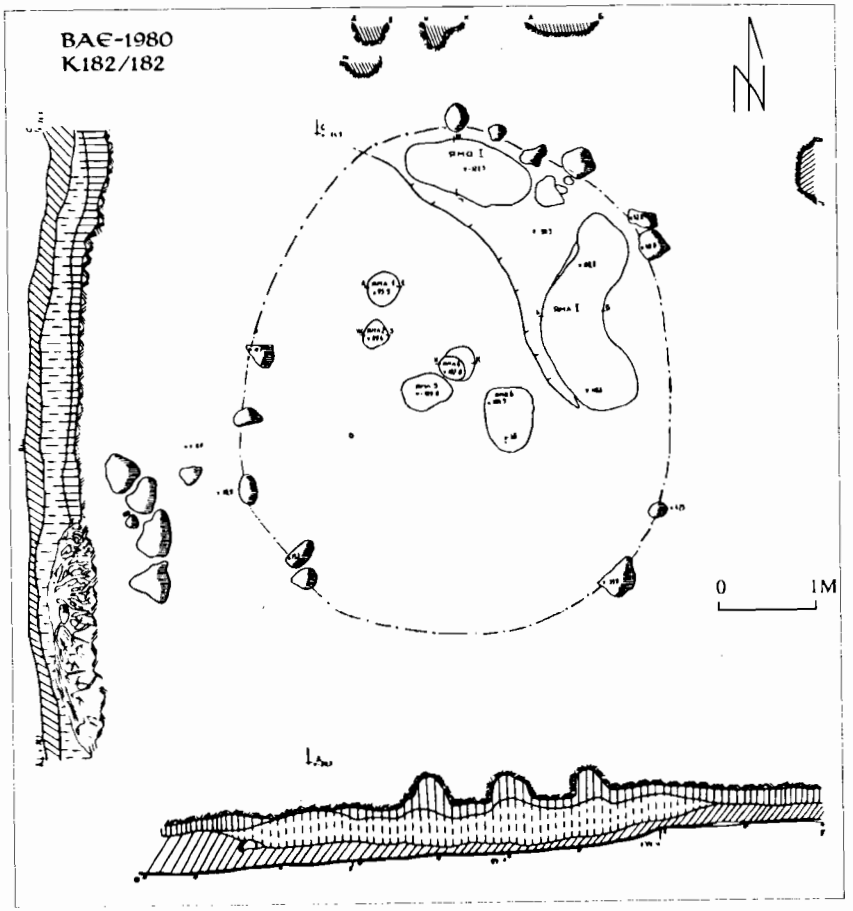


Рис. 17. План кург. К-182/182

пластин от шкатулки, фрагмент обработанного рогового стержня (рукоять ножа?), обломки двустороннего сложносоставного костяного гребня (рис. 14, кург. 175/), бронзовые и железные поясные накладки прямоугольной формы. Важен факт обнаружения остатков роговой обкладки шкатулки непосредственно среди кальцинированных костей погребенного, вместе с плоскими кусками древесного угля — остатками деревянного корпуса этой шкатулки. На некоторых деревянных плашках сохранились по две параллельные врезные линии (разметка для размещения накладок?).

Погребение 2 в овальной яме размерами 2,10 × 1 м. В нижнем ярусе погр. 2 выявлены остатки погребального костра в смеси с материковым грунтом с несколькими обломками кальцинированных костей. Среди них найдены куски кальцинированных роговых пластин с прорезными линейным и циркульным орнаментами (остатки гребня), неорнаментированные полированные костяные пластины, бронзовые заклепки и штифты — остатки гребня (?). Верхний ярус погр. 2 заполнен чистым слоем остатков погребального костра с большим числом обломков кальцинированных костей. Среди них были обнаружены две бронзовые накладки.

К юго-востоку от погр. 1, у края насыпи кургана выявлена круглая в плане яма диаметром 0,35 м, глубиной до 0,17 м, заполненная остатками костра. По периметру этой ямы выявлен ряд мелких камней (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

Дата кург. 175/ определяется по орнаменту шкатулки, находящему аналогии в финских древностях рубежа X–XI вв. (Salo 1978, Taf. XXXIV, 17, 18).

Курган 182/182 (рис. 17) имеет насыпь овальной формы, размерами 5,2 × 6,4 м, высотой 0,75 м. После снятия насыпи на материке обнаружена платформа, сложенная из рыхлого переотложенного материкового грунта. Под ней на материке выявлены пять ям округлой формы. Из них минимум две (№ 1 и 4) — столбовые. Их диаметр — в среднем ок. 0,30 м, глубина 0,25 м. Заполнение ям — переотложенный материк. По периметру насыпи частично сохранилось кольцо из камней. Данный комплекс является, очевидно, кенотафом (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

В 2000 г. в отвале из грабительской ямы кург. К-182/182 были найдены железные удила с псалиями, плакированными серебром, и обломки трех железных заклепок (рис. 18). В узле грызла удил — маленький кусок кальцинированной кости.

Курган К-167/167 (рис. 19, 20) имеет подпрямоугольную форму (рис. 19), вытянутую по линии северо-восток — юго-запад. Размер насыпи 9 × 8 м, высотой до 0,40 м. Курган был сооружен на небольшой

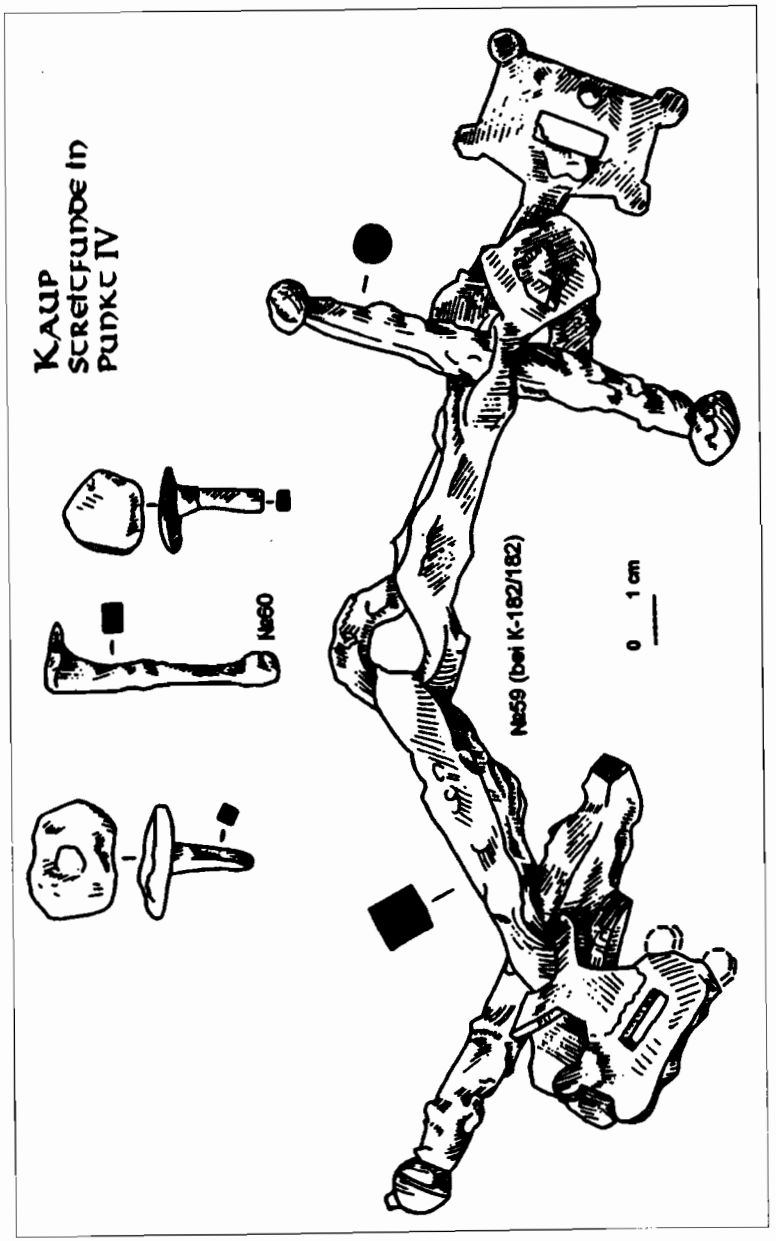


Рис. 18. Случайные находки 2000 г.

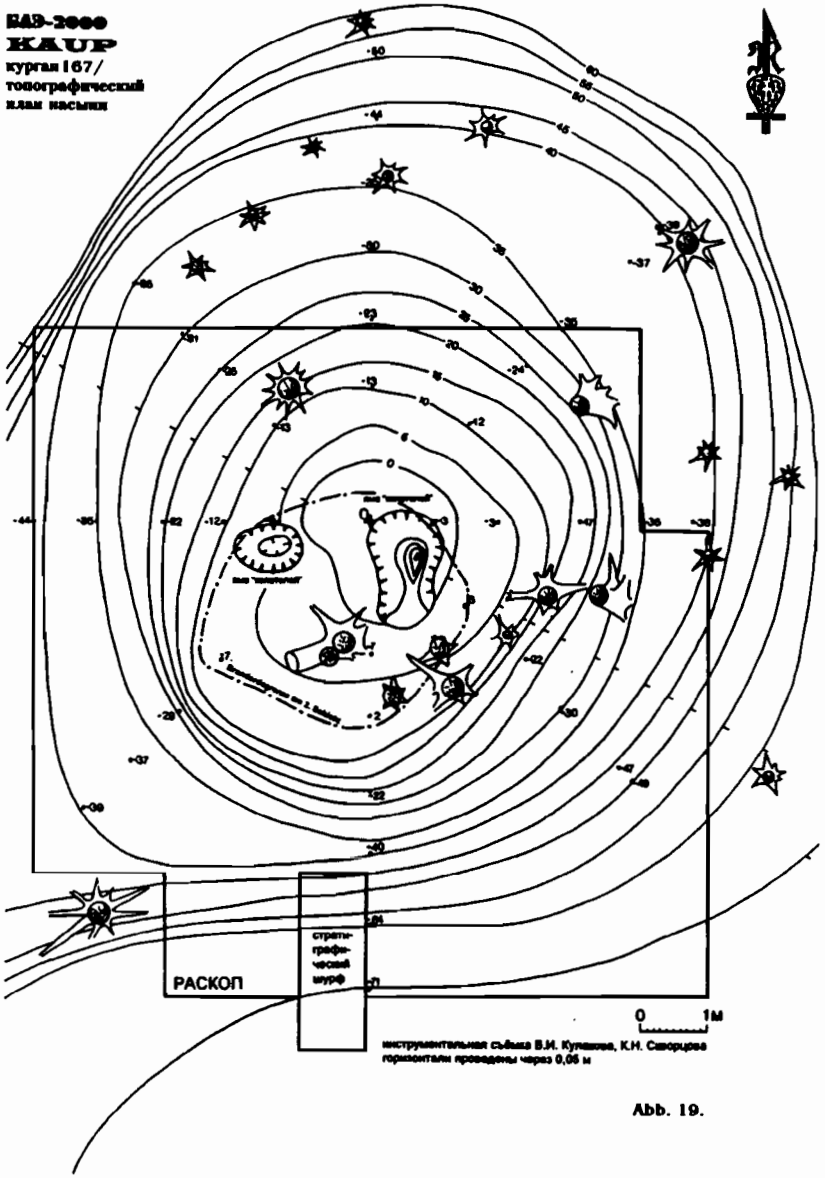


Рис. 19. План кург. К-167/

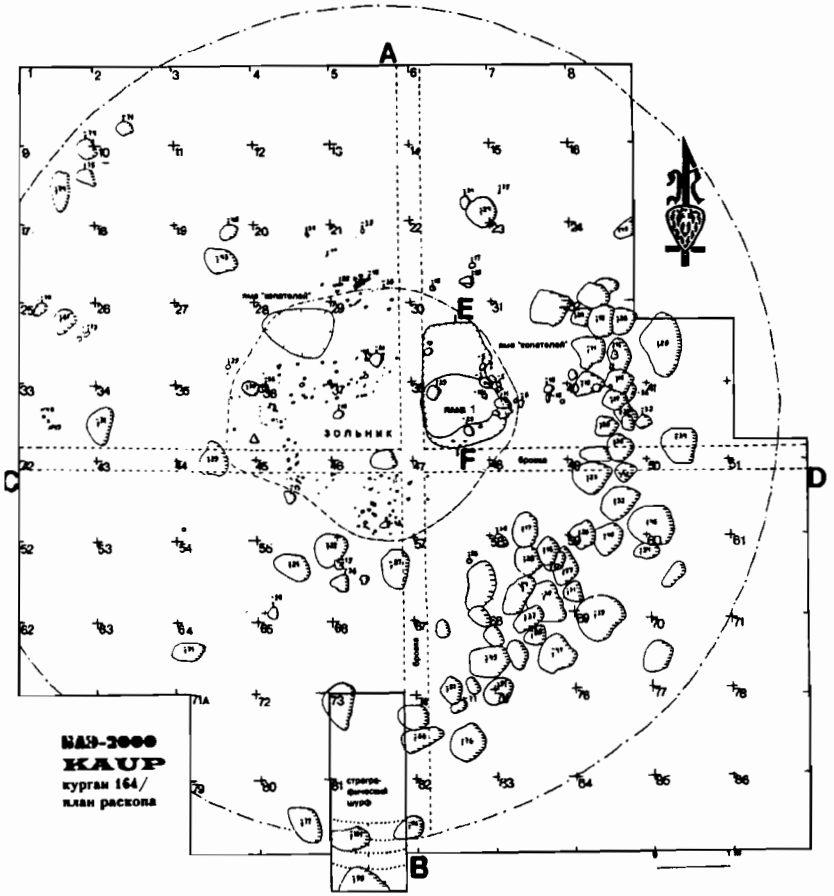


Рис. 20. План раскопа кург. К-167/

естественной возвышенности камового (как и вся возвышенность, занятая могильником) происхождения. Основу массива насыпи составляет крупнозернистый золистый суглинок. Он является песчано-гравийным грунтом, лишенным присутствия фракций гумуса. Этот грунт появился из-за водно-ледниковых потоков, участвовавших в сложении так называемых «переработанных» морен — т. е. камовых холмов Самбии. Этот слой, имеющий среднюю мощность ок. 0,28 м, в южной части кургана подстилается линзой темного песчано-гравийного грунта, составляющего верхнюю часть массива материка, в древности находившуюся непосредственно под дерном. Материк под курганом — типичные отложения водно-ледникового происхождения (т.е. — собственно камовые грунты), абсолютно не измененные процессом почвообразования. Основной массив насыпи на глубине –65 см по центру насыпи перекрыт слоем зольника, в свою очередь перекрытого прослойкой песчано-гравийного грунта с отдельными гумусированными фракциями. Данный грунт, лежащий в верхней части насыпи непосредственно под дерном, был подвержен в историческую эпоху эпигенетическому процессу почвообразования. Этот процесс проходил после завершения устройства насыпи.

На 1 штыке (т. е. на глубине 0,20 м) в насыпи были обнаружены остатки каменной кладки/крепиды овальной (?) формы, размерами 9 × 8 м (рис. 20), перекрывавшей основную площадь поверхности насыпи кургана. Уже в ходе выборки штыка 1 выяснилось, что бóльшая часть камней крепиды была выбрана. Судя по находкам среди камней крепиды и в заполнении насыпи кургана фрагментов сероглиняной круговой керамики с «мореной» поверхностью и с мелкими частицами полевого шпата в примеси (рис. 21, № 48), характерной примерно для эпохи Фридриха II Великого, установлено, что выборка камней для строительных целей производилась в XVIII в.

В процессе выборки штыка 2 под каменной кладкой в центре кургана найдено кострище/зольник (рис. 20) округлой формы размерами 3 × 3 м, толщиной до 0,3 м.

На кострище, преимущественно в его северо-западной части обнаружены остатки проведенного in situ трупосожжения, представленные крупными кальцинированными костями, имевшими светло-серый и (реже) серо-голубой цвета. На ориентировку индивидуума, сожженного на платформе, сооруженной из массива песчано-гравийного грунта, указывает обнаружение обломков черепных костей в юго-западном и, в меньшей степени, в северном секторах кострища. Инвентарь (преимущественно обожженный), обнаруженный на кострище (рис. 21, 22) у головы погребенного: фрагмент гнутого (скорее — сломанного) наконечника копья (№ 47), обломки железных треугольных

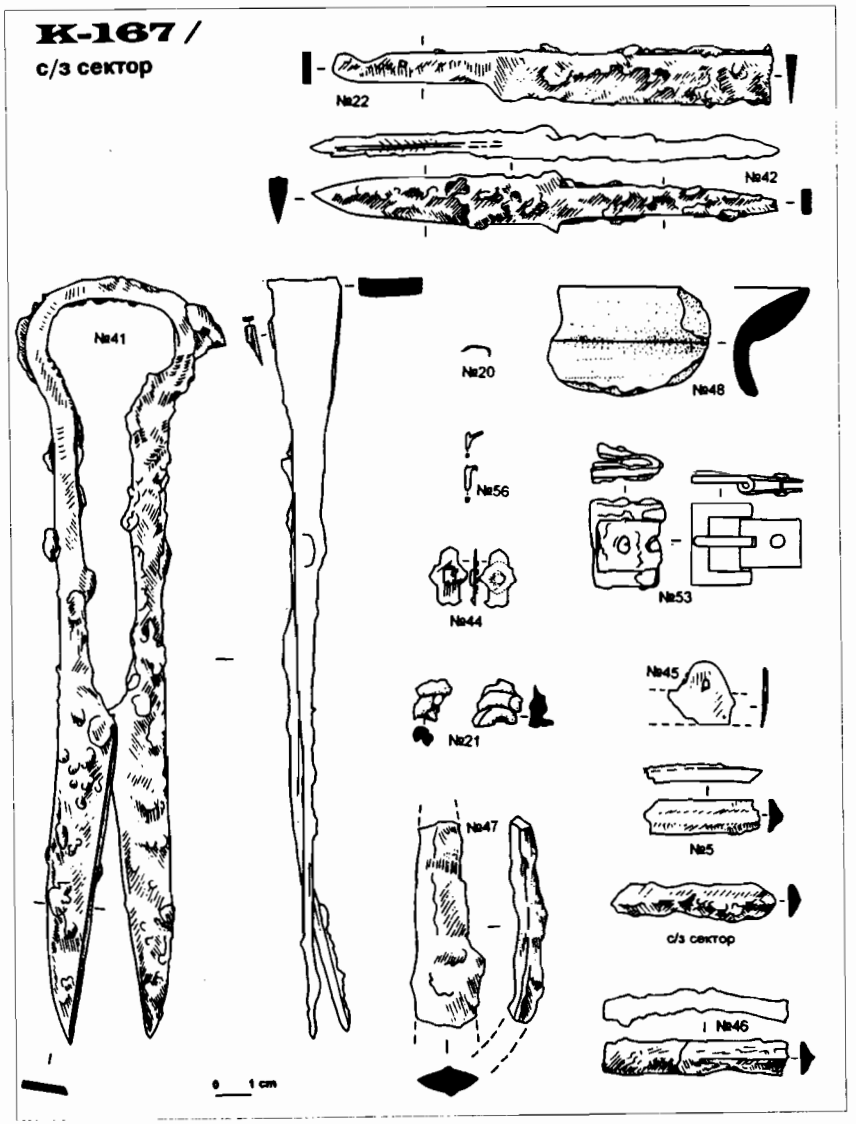


Рис. 21. Инвентарь из северо-западного сектора кург. K-167/

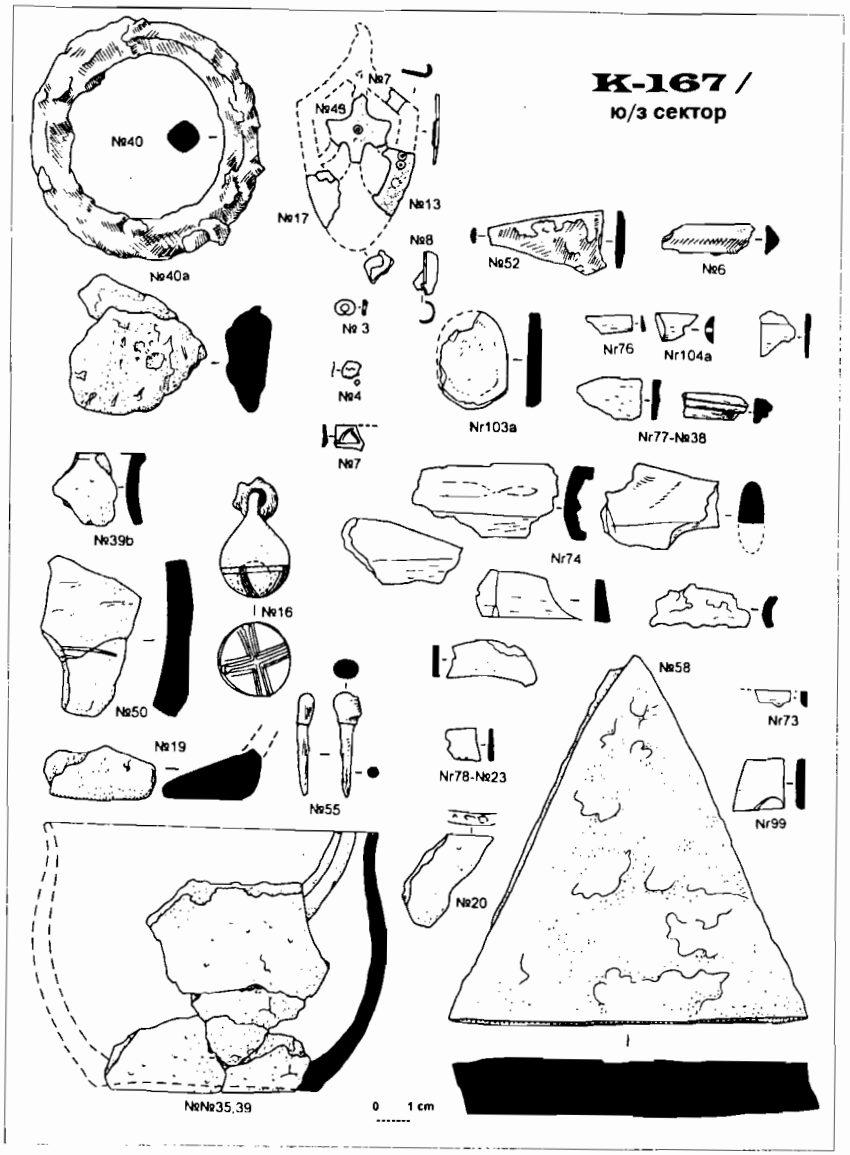


Рис. 22. Инвентарь из юго-западного сектора кург. К-167

в сечении пластин (фрагменты шпор или дужки от ведра — № 5, 46), обрывки золотых нитей от орнамента одежды, фрагменты деформированного в огне, пепельно-серого лепного сосуда с обеими заглаженными поверхностями, с примесями в виде частиц полевого шпата, белой (выгоревшей) дресвы и шамота (№ 35, 39), придонная часть второго лепного оранжево-коричневого сосуда (№ 19) с частицами полевого шпата и дресвы в примеси, мелкие фрагменты бронзовых наладок (№ 4, 7), бронзовый бубенчик (№ 16), обломки бронзовой витой гривны (№ 21), обработанный кусок темно-красного гранита треугольной формы (возможно — символ магической силы Одина «Valknut» (др.-исл. 'узел павших'), символизировавший переход между миром живых и миром потусторонним — № 58; 73), кусок оранжевой печины с мелким песком в примеси, одна его сторона обожжена сильнее (остатки погребального ложа?) (№ 54), фрагмент железной булавки (№ 55), мельчайшие фрагменты бронзового ажурного изделия (№ 56), фрагмент стенки буро-черного лепного сосуда с неравномерным обжигом, заглажен с обеих поверхностей, причем снаружи имеются следы ткани, куском которой заглаживали поверхность сосуда, в примеси — частицы полевого шпата и шамот (№ 58). К юго-востоку от этого скопления находок в группе кальцинированных костей была вместе с несколькими частицами золотых тордированных нитей обнаружена согнутая железная поясная (от ремней ножных обмоток или шпорная?) пряжка № 53, фрагмент стенки кругового сосуда с рифленой поверхностью черно-коричневого цвета, обжиг — некачественный (свидетельство перекопа XVIII в.). К северу от гипотетического месторасположения ног погребенного обнаружены слабо погнутые ножницы с прикипевшей частицей деревянной шкатулки (№ 41, судя по отпечаткам в окалине, ножницы были обернуты в ткань грубого плетения типа мешковины и в ней помещены в шкатулку), железное лезвие складной «опасной» бритвы (№ 22), нож из пакетного железа (№ 42), два крупных обломка черепных костей, несожженные кости животного (крупный рогатый скот); «в ногах» погребенного, вместе с кусками древесного угля — обломки кальцинированного рогового (?) гребня (№ 23), его обломки встречены в различных частях кострища; к юго-востоку от погребенного, в кв. 42 — железное кольцо от удил (№ 40). К югу от останков погребенного, в кв. 46 вместе со скоплением крупных древесных углей и кальцинированных костей были найдены: фрагмент рогового гребня № 38, обломки лепного сосуда № 32, относящиеся к сосуду № 35, 39, кусок печины № 40а, железный предмет прямоугольного сечения, интерпретируемый как часть рукояти меча (№ 52). Также в кв. 46 были найдены колотые обломки обработанного (тщательно заполированного) рога лося (?) (№ 74), которые

своим сечением напоминают обкладку рукояти меча. На первоначальное присутствие в погребении меча указывают и рассеянные практически по всему кострищу (в том числе — в районе головы погребенного) мельчайшие фрагменты бронзового (билонового?) наконечника ножен меча (№ 7, 13, 17, 48). Данный артефакт (по П. Паульсену — наконечник «шведско-варяжской группы» — Paulsen 1953, 96) отнесен В. Казакявичюсом к подтипу Ia, датируемому литовским коллегой широко в пределах X — нач. XI в. (Kazakevičius 1998, 290, 291).

Типичных для раннесредневековой прусской культуры находок в кургане не обнаружено. К юго-западу от кострища, в кв. 44 найдены фрагменты одного (?) лепного серо-охристого сосуда (№ 50, 51), изнутри — загажен, снаружи — легкий глиняный наброс.

Все условия обнаружения находок в кург. 167/167 указывают на то, что зольник был потревожен и некоторая часть находок была отсюда изъята местными селянами в XVIII в.

После разборки кострища и зачистки подошвы штыка 4 выяснилось, что кострище было сооружено на грунтовой подсыпке (песчано-гравийный грунт) толщиной до 0,28 м. Эта подсыпка перекрывала яму 1, выбранную в материке практически в центре кургана. Яма 1 имела подтреугольные в плане очертания и размеры 1,20 × 1,0 м. Ее глубина не превышала 0,1 м. Яма 1 была заполнена крупнозернистым золистым суглинком с большим содержанием гравия. Аналогичные по очертаниям, параметрам и заполнению ямы на уровне материка были обнаружены в 1980 г. в курганах К-172/, К-174/, К-175/, К-182/182 и были интерпретированы как жертвенные (Архив ИА РАН, Кулаков 1980).

В южной части стратиграфического шурфа 167/167, под тремя мощными валунами была обнаружена часть ровика. Его заполнение на уровне материка отличалось относительно окружающего грунта более темной окраской, что было связано со скапливанием фильтровавшейся сквозь почву вниз влаги в ровике. Установлена общая ширина ровика — 0,85 м. Общая глубина ровика от уровня материка достигала 0,48 м. Ровик был заполнен слоем серого мелкозернистого суглинка, идентичным грунту, перекрывающему зольник-кострище.

Реконструировать процесс погребения и устройства насыпи кург. 167/167 можно следующим образом. На выбранном для погребения участке курганно-грунтового могильника Кауп была выкопана яма 1, в пределах которой, видимо, были проведены жертвоприношения, не оставившие археологически уловимых следов. Ими могли быть возлияния жертвенной крови, меда, молока и проч. Заполнение ямы 1 на ощупь имеет несколько маслянистую фактуру из-за производившихся здесь возлияний не только в «чистую» яму, но и в процессе ее заполнения грунтом. Затем вокруг ямы 1 был выбран кольцевой ровик. Грунт, полученный из ровика, кольцеобразно окружающего К-167/167, пошел на создание грунтовой подсыпки, занявшей центральную часть будущего кургана. Не дав этому грунту слежаться, люди, проводившие погребальную церемонию, расчистили центральную часть массива подсыпки, придав ей горизонтальную плоскую форму. Лишняя земля была передвинута к краям насыпи, в результате чего образовался бортик (небольшой вал) вокруг уплощенной центральной части грунтовой подсыпки, наиболее четко прослеживаемый в ее северной и южной частях. На образовавшемся в центре подсыпки уплощенном участке грунта был положен древесный материал, приготовлен погребальный костер, на который и был возложен предназначенный к погребению умерший. Возможно, его тело покоилось на носилках (ложе?), обмазанных глиной, при этом темя умершего было направлено на запад/юго-запад, а его ноги были вытянуты (?) в противоположном направлении. К телу умершего прилагались меч с роговой рукоятью, копье, шпоры (ведро?), ножницы, обернутые в ткань и положенные в деревянную шкатулку, не менее двух лепных сосудов. В состав личного снаряжения умершего входили кафтан или плащ, обшитые по краям золотой крученой нитью, бронзовая гривна, свитая из двух дротов, железная булавка, бронзовый бубенчик, роговой сложносоставной гребень, складная бритва, нож, игральная костяная фишка (№ 103а). Состав инвентаря несомненно характеризует погребенного в К-167/ 167 как скандинавского мужчину-воина. После проведения необходимых для этого культовых действий погребальный костер был подожжен и сгорел дотла. В процессе его горения с кострища скатилась и упала к северу от него шкатулка с ножницами и ножом. После затухания погребального костра были принесены жертвы, ориентированные, видимо, на обеспечение благоприятного ухода духа покойного в мир иной. Следы этих жертвоприношений — обломки сосудов и куски несожженных костей и зубов коровы, сконцентрированные, как правило, вокруг кострища, но не перекрывающие его. Возможно, частью данного этапа жертвоприношения было возложение у головы покойного на кострище камня, обработанного в виде треугольника-«валькнута», не сохранившего следов воздействия высоких костровых температур. После этих культовых акций была сооружена каменная крепида, при этом ее края не выступали за пределы сакральной границы насыпи, обозначенной кольцевым ровиком. Сама насыпь кургана, перекрывающая грунтовую подсыпку под кострище, кострище и крепиду, насыпана, судя по всему, из специального котлована, существующего по сей день к северо-западу от него. По наконечнику ножен меча погребение воина-скандинава в К-167/167 датируется X в. (возможно — его первой половиной). Этой дате

не противоречат остальные находки в К-167/167 (Архив ИА РАН, Кулаков 2000).

Курган К-128/146 (рис. 23, 24) имеет овальную в плане насыпь размерами 7,0 × 6,5 м (рис. 23). Как показали раскопки, первоначально насыпь имела круглую форму диаметром 6,5 м, ее очертания и параметры были изменены в результате естественного оплыва грунта насыпи и антропогенной деятельности (капонир в северо-западном и кирпичная кладка военного времени в западном секторах насыпи — рис. 24). При снятии штыка 1 в юго-восточном секторе насыпи был обнаружен фрагмент стенки лепного сфероидного сероглиняного сосуда (рис. 25, № 1), близкого готландской и западнобалтской керамике IX–X вв. подтипа Žulkus A-1a (Žulkus 1997, 209). Высота насыпи от подошвы — 0,45 м, от уровня материка — до 1 м. По своему периметру насыпь была окружена редкими камнями, на ее вершине находился камень-*Malstein*, сдвинутый со своего первоначального места грабительской ямой. После удаления насыпи, сложенной из красно-охристого суглинка с большим содержанием примесей гравия, на материке была выявлена грунтовая платформа, сформированная из материкового суглинка мощностью до 0,15 м. В центре кургана, на грунтовой платформе было расчищено скопление остатков погребального костра, принесенное со стороны, вытянутое по линии северо-запад — юго-восток и имевшее размеры 2,60 × 1,20 м при толщине не более 2 см. В скоплении среди незначительного количества углей и золы найдено несколько обломков кальцинированных костей, причем части черепа выявлены в юго-восточной оконечности скопления. В северо-западной половине этого скопления обнаружены обожженные: обломок рогового одностороннего гребня с бронзовыми накладками, орнаментированными косицеобразным декором в стиле *Elling* (рис. 25, № 3), железная пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 25, № 21), железная обоймица — наконечник ремня (рис. 25, № 8), бронзовое кольцо от головной заколки со следами окалины от железной иглы (рис. 25, № 4), стеклянные прозрачная (рис. 25, № 26, верхняя) и салатовая (рис. 25, № 26, нижняя) бусины, два фрагмента лепной керамики с песком и дресвой в примеси (рис. 25, № 7, 19). На северо-восточной границе скопления остатков погребального костра, выше его уровня на 0,15 м найдена бронзовая фибула (рис. 25, № 2) типа *Kleeblattfibel,* относимая Гретой Арвидссон к застежкам группы I (тип J.P. 97–99) IX–X вв. Эта уникальная для юго-восточной Балтии находка с лицевой стороны украшена растительным каролингским орнаментом, являющимся несомненным прототипом для декора в стиле *Elling* более поздних застежек группы I. Показателен факт использования мастером двух взаимоисключающих декоров ободка фибулы — североевропейского элемента

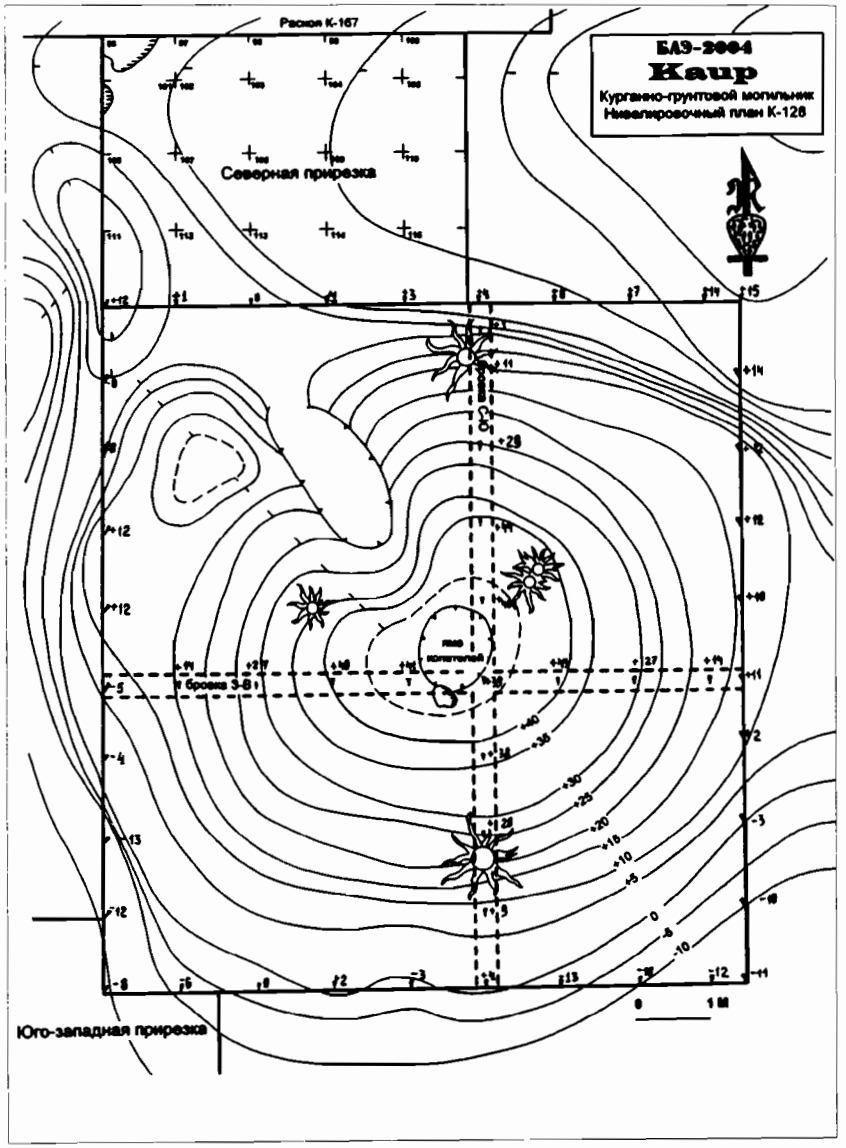


Рис. 23. План кург. К-128/146

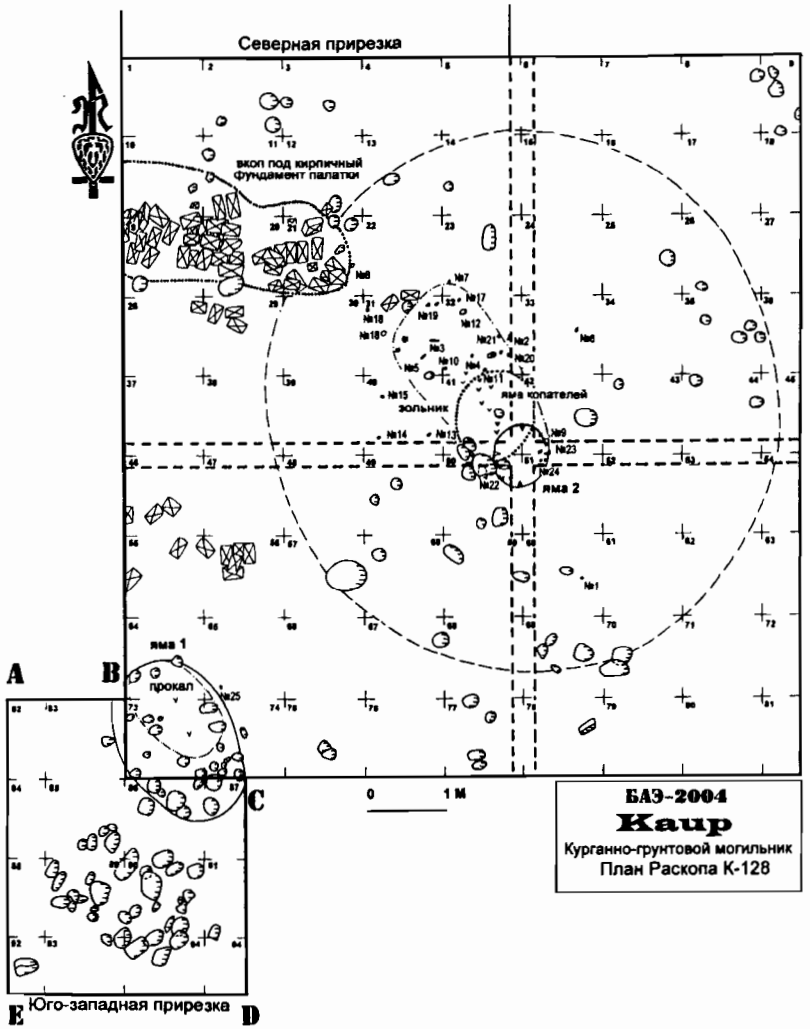


Рис. 24. План раскопа кург. К-128/146

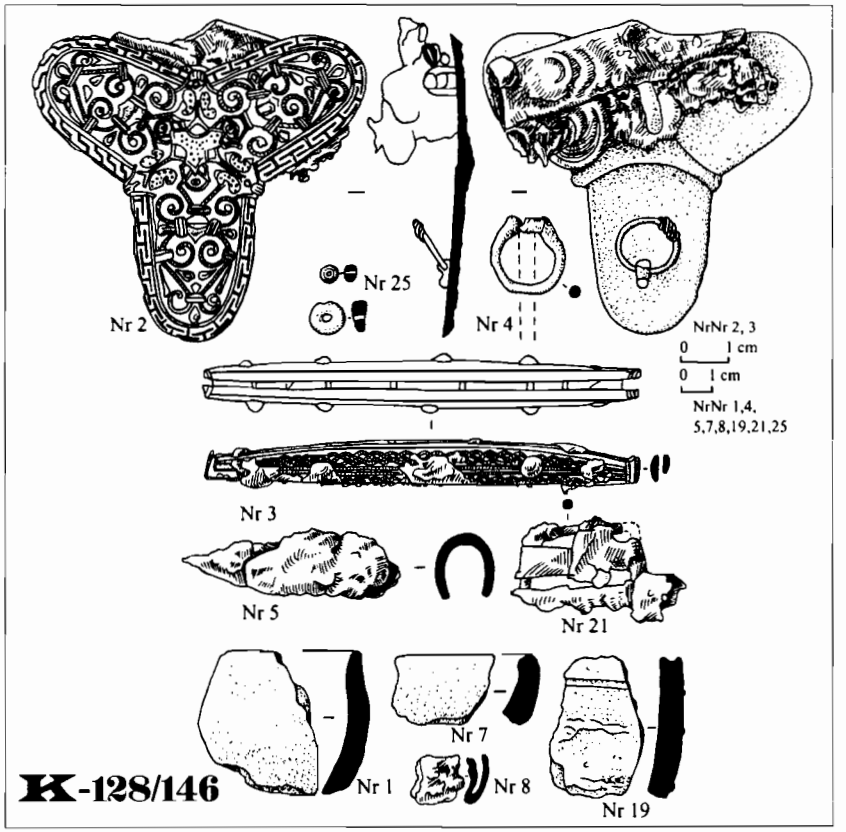


Рис. 25. Инвентарь кург. К-128/146

полусвастики и античного, возрожденного в эпоху Каролингов меандра. Очевидно, такой прием обработки поверхности (причем — с применением тончайшего штихеля по отливке) указывает на принадлежность мастера фибулы К128/146 не к скандинавскому этнокультурному сообществу, а к числу западноевропейских носителей каролингских традиций. Упомянутая находка обожжена лишь на 1 кв. мм своей поверхности и является, видимо, заупокойным даром, возложенным на кострище на финальном этапе свершения погребального обряда. С тыльной стороны фибулы, поверх ее железной шарнирной застежки прикипел обломок ножа с бронзовой обоймицей (оковка ножен) и железным окончанием этих ножен. Этот нож являлся подвеской к фибуле, крепившейся с тыла к ней при помощи бронзового кольца с завязанными концами.

После устранения материковой подсыпки в центре кургана, буквально в пересечении бровок раскопа была выявлена заполненная красноватой глиной овальная яма размерами 2,20 × 1,0 м, глубиной 0,70 м. Отсутствие в ней вещевых находок и планиграфическая привязка ямы к границе кострища позволяют полагать некую (культовую?) связь между ними.

В юго-западном углу раскопа прямоугольной в плане формы (размерами 9,0 × 8,5 м), которым вскрывался кург. 128/146, уже за пределами насыпи было обнаружено корытообразное углубление в материке. Это углубление было ориентировано по линии северо-запад — юго-восток, имело размеры 2,0 × 1,2 м, глубину до 0,05 м. Поверхность углубления в его северной половине была сильно прокалена, в его пределах обнаружены редкие частицы золы и мелкие обломки лепной керамики. Как контур углубления, так и контур прокала в нем были обозначены линиями, выложенными из камней. В 1 м к юго-западу от упомянутого углубления в предматерике была расчищена прямоугольная каменная конструкция, по размерам и ориентировке сходная с этим углублением и сопоставимая с кострищем в центре кургана. Камни юго-восточной части конструкции, отдаленной от северо-западной части перемычкой из двойного ряда камней, помещены несколько выше, нежели камни из этой части. Можно лишь крайне осторожно предполагать непосредственную связь этих объектов с различными фазами погребальной церемонии. Их последовательность реконструируется следующим образом:

А. Тело умершей (набор инвентаря характеризует пол погребенного индивидуума как женский) в убранстве возложили на каменную кладку. Возможно, ориентировка тела головой на юго-восток (традиционное для пруссов направление голов умерщвленных для погребальных церемоний коней) подчеркивается повышением в этом направлении уровня каменной кладки. К северо-востоку от нее была начата расчистка поверхности грунта для захоронения.

Б. В 1 м к северо-востоку от кладки, ставшей последним ложем для умершей, для нее был приготовлен погребальный костер. Тем временем на месте будущего последнего упокоения праха умершей была выбрана яма для неких культовых (жертвенных) целей. После акта кремации остатки трупосожжения были тщательно собраны и (частично) помещены в центре будущего кургана на специальную грунтовую платформу. При этом была повторена ориентировка каменного «ложа» и погребального костра. Так как остатки черепа были помещены именно в юго-западную часть кострища, можно предположить именно такую направленность головы покойной.

В. После завершения возложения праха покойной с ее вещами на кострище началось сооружение курганной насыпи. При начале работы в район кострища некто из провожавших (женщина?) возложил в виде заупокойного дара трилистную фибулу с ножом-подвеской.

Г. После окончания процесса создания насыпи она была окружена кольцом из камней, а в центре насыпи водружен памятный камень (Архив ИА РАН, Кулаков 2004).

Археологические исследования, проводящиеся с перерывами на Каупе более сотни лет, позволяют очертить вехи жизни этого поселения:

На рубеже VII–VIII вв. в одной из начальных точек торгового «Пути Самбия–Вирумаа» — в дельте реки Вислы — возникает торгово-ремесленный пункт Трусо, современник и партнер фризского Дорестадта и датского Рибе. Населявшие его прусские купцы и воины в жены берут жительниц Готланда. В 60-х гг. IX в. Трусо гибнет в результате внезапного набега викингов (возможно — решение конкурентной проблемы). Несколько ранее, в начале IX в. у пролива Брокист, прорезающего Куршскую косу, у ее основания возникает младший аналог Трусо — Кауп. Наверное, с первых лет его существования к западу от укрепленного возвышенного участка («борг») возникает курганный могильник, постепенно оттеснявший зону свободного расселения (и проведения сезонных торговых операций) на открытом поселении все далее на запад. Кауп основывают выходцы с Готланда, оставившие в древнейших курганах Каупа находки соответствующего происхождения. Трусо и Кауп, ориентированные на янтарную торговлю, являются первыми в восточнобалтийском регионе протогородскими центрами, ставшими впоследствии важным фактором движения викингов (Кулаков 1996, 140). Эти центры аккумулировали восточную торговлю, что показано выпадением в земле пруссов самых ранних на Балтике кладов диргемов (Kulakov 1992, 112). Столь успешная реализация товарных возможностей купцов Каупа (запасы их основного товара — янтаря — были неисчерпаемы, к тому же, как пока-

зывают находки 2005 г., одно из месторождений янтаря находилось в непосредственной близости от поселения) уже с середины X в. привлекала сюда датских торговцев. Более того, именно ради контроля над Каупом на Самбию в середине X в. пришел отряд датских викингов под руководством Хакона, сына известного морского конунга Харальда Синезубого. Датчане установили тогда полный контроль над Каупом и, видимо, частью Самбии, но довольно быстро смешались с местным населением. Как свидетельствует сообщение Саксона Грамматика, конунг Дании Канут Великий в 1014–1016 гг. присоединил к своему королевству значительную часть балтийского побережья (Mühlen 1975, 4), сделав Балтику практически внутренним датским морем. Именно в это время жизнь на Каупе замирает, сам торгово-ремесленный пункт был, скорее всего, уничтожен датчанами по приказу Кануга Великого как сильный конкурент датской торговле на Балтике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гуревич 1960 — *Гуревич Ф. Д.* Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. // Материалы по истории и археологии СССР. Вып. 76. М., 1960.

Гуревич 1967 — *Гуревич Ф. Д.* Норманнский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник. Вып. VI. Таллин, 1967.

Кулаков 1980 — *Кулаков В. И.* Результаты раскопок на могильнике у Клинцовка // Acta Baltico-Slavica. Warszawa, 1980. T. XIII.

Кулаков 1989 — *Кулаков В. И.* Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989.

Кулаков 1996 — *Кулаков В. И.* Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // Российская археология. 1996. № 3.

Лебедев 1977 — *Лебедев Г. С.* Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке // Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллин, 1977.

Bujack 1885 — *Bujack G.* Accessionen des Prussia-Museums pro 1885 // Prussia. 1985. Bd. 11.

Engel 1932 — *Engel C.* Spätheidnische Reitergraber auf den Wikingerfriedhof in der Kaup bei Cranz // Unsere Heimat. 1932. № 12.

Gaerte 1929 — *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.

Kazakevičius 1998 — *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makėtė galų apkalai) // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1998. T. 15.

Klindt-Jensen, Éhren 1970 — *Klindt-Jensen O., Éhren S.* The World of the Vikings. London, 1970.

Koulakov 2000 — *Koulakov V.* La terre prusse entre Scandinavie et Orient // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, Réalités Byzantines. Paris, 2000. T. 7.

Kulakov 1992 — *Kulakov V. I.* Preussische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert // Studia Baltica Stockholmiensa. Stockholm, 1992. Bd. 9.

Mühlen 1975 — *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1975. № 9.

Nerman 1942 — *Nerman B.* Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942.

Paulsen 1953 — *Paulsen P.* Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953.

Petersen 1919 — *Petersen J.* De norske vikingersverd. Kobenhavn, 1919.

Salo 1978 — *Salo U.* Tampere-Vilusenharju, Kurhunhammas 3. Turku, 1978.

Tischler, Kemke 1902 — *Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.

Wulff 1865 — *Wulff.* Bericht über die Aufdeckung altpreußischer Begräbnißstätten bei dem zum Gute Bledau gehörigen Vorwerke Wiskiauten im Samlande // Altpreußische Monatschrift. 1865. Bd. 2.

Žulkus 1997 — *Žulkus V.* Palangos viduramžių gyvenvietės. Klaipėda, 1997.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1956 — Архив ИА РАН, Р-I. *Гуревич Ф. Д.* Отчет о работе Калининградского отряда в 1956 г. № 1290.

Архив ИА РАН, Р-I, Гуревич 1958 — Архив ИА РАН, Р-I. *Гуревич Ф. Д.* Отчет о работе Калининградского отряда в 1958 г. № 1816.

Архив ИА РАН, Кулаков 1979 — Архив ИА РАН. *Кулаков В. И.* Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1979 г. № 7560.

Архив ИА РАН, Кулаков 1980 — Архив ИА РАН. *Кулаков В. И.* Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1980 г. № 7777.

Архив ИА РАН, Кулаков 2000 — Архив ИА РАН. *Кулаков В. И.* Отчет о раскопках, проведенных Балтийской экспедицией на могильнике Кауп-Моховое в 2000 г. № 22 937.

Архив ИА РАН, Кулаков 2004 — Архив ИА РАН. *Кулаков В. И.* Отчет о раскопках, проведенных Балтийской экспедицией ИА РАН в 2004 г. на могильнике Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.).

В. И. КУЛАКОВ

ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИИ КЁНИГСБЕРГА

750 лет тому назад в южной части исторической земли Самбии, в низовьях реки Преголи вознеслись стены замка Тевтонского ордена Regiomons-Königsberg. Вскоре к северу и к северо-западу от его стен возникла «городская слобода» (*Burgfreiheit, civitas*), впервые упомянутая в орденских документах 3 мая 1258 г. Несмотря на то, что в 1260 г. это квазигородское поселение исчезло в огне очередного прусского восстания, на берегах Преголи был начат процесс сложения городской агломерации. Топонимические и исторические данные позволяют предполагать основной целью, которую преследовали крестоносцы и немецкие купцы при основании крепости Кёнигсберг и города у его стен, контроль над торговыми потоками по реке Преголе, являвшейся удобной водной магистралью на стыке балтского и германского миров (Кулаков 1999, 231). В 1286 г. к югу от стен орденского укрепления фиксируется наличие города *Altstadt*, население которого в значительной мере составляли торговцы и ремесленники из городов Любека и Эльбинга.

Начальные этапы истории Кёнигсберга неоднократно освещались историками на основании разностороннего анализа письменных источников. Автор этих строк также принял посильное участие в развитии этого исследовательского направления (Кулаков 1997, 14–17; Кулаков 1999, 215–233; Kułakow 1999, 153–168). Современное состояние источниковедческой базы настоятельно требует включения в научный оборот информации по истории Кёнигсберга, содержащейся в объектах городской археологии. Истории археологического изучения городских культурных слоев Кёнигсберга посвящена предлагаемая читателю статья.

Несмотря на европейский приоритет Восточной Пруссии в проведении регулярных археологических изысканий (Кулаков 1994, 1–9), древности, скрытые в культурных напластованиях первой прусской столицы (Берлин лишь в XVIII в. стал политическим центром Прусского королевства), не вызывали интереса у местных археологов.

Предпринимавшиеся во второй половине XIX в. несистемные, локальные археологические исследования в ближайших пригородах Кёнигсберга выявили ряд грунтовых могильников, среди которых *Rosenau* (аллея Смелых), *Kupferberg, Litauer Baum* (Московский просп.), *Juditten* (пос. Менделеево) датируются римским временем II–V вв. н. э. (Gaerte 1925, 1199–1204). В районе *Kaiserbrücke* (ул. Эпро-

новская) отмечались отдельные находки неолитических изделий из рога (Gaerte 1925, 1198).

В эпоху II Рейха на недостаточно высоком уровне были не только исследования древностей Кёнигсберга, но и изученность памятников его орденской архитектуры. Лишь весной 1889 г. при ремонтных земляных работах в казарме, занимавшей замковый форбург, были обнаружены хорошо сохранившиеся отопительные печи орденского времени, а также подземный ход, ведший из форбурга в юго-западном направлении (Heydeck 1888/1889, 123, 124).

Также случайно, при строительных работах на форте *Gross Friedrichsberg* (ныне — в черте пос. Космодемьянское) был найден могильник эпохи викингов. В частности, было изучено погребение знатного дружинника (князя?) со шлемом типа *Spangenhelm*. Часть его декоративных бронзовых пластин сохранила остатки золочения. Ряд исследователей связывают генезис таких шлемов с древнерусскими или польскими мастерскими (Кулаков 1999, 230). Однако все эти исследования не затрагивали городские культурные напластования на территории Кёнигсберга. Причин тому может быть несколько:

1. Плотная городская застройка, препятствовавшая проведению крупных строительных проектов и связанных с ними «новостроечных» археологических работ.
2. Наличие в старой, центральной части Кёнигсберга значительного числа частных земельных владений, что не способствовало проведению раскопок.
3. Отсутствие в Восточной Пруссии в XIX в. интереса к городской археологии и, соответственно, научной школы и методики проведения городской археологии.

Лишь в 20-х гг. XX в., в эпоху прусской экономической активности, при проведении реставрационных и строительных работ на территории орденского (с 1701 г. — Королевского) замка в центре Кёнигсберга архитектор Фридрих Ларс провел раскопки на замковом дворе и на форбурге (рис. 2, 1). Здесь, к востоку от самого замка были обнаружены фрагменты керамики, куски обработанного кремня (каменные орудия?), остатки очагов с древесным углем, интерпретированные как остатки поселения эпохи неолита (Bohne-Fischer 1941, Abb. 33).

В западной части замкового двора Фр. Ларс в 1926–1927 гг. вскрыл остатки фундамента здания *Konventhaus* — древнейшей части орденского замка Кёнигсберг. Эта постройка, в плане имевшая форму прямоугольника, вытянутого по линии запад–восток, имела размеры 58 × 47,5 м, его внутренний двор имел параметры 22,85 × 29 (рис. 1). Можно лишь

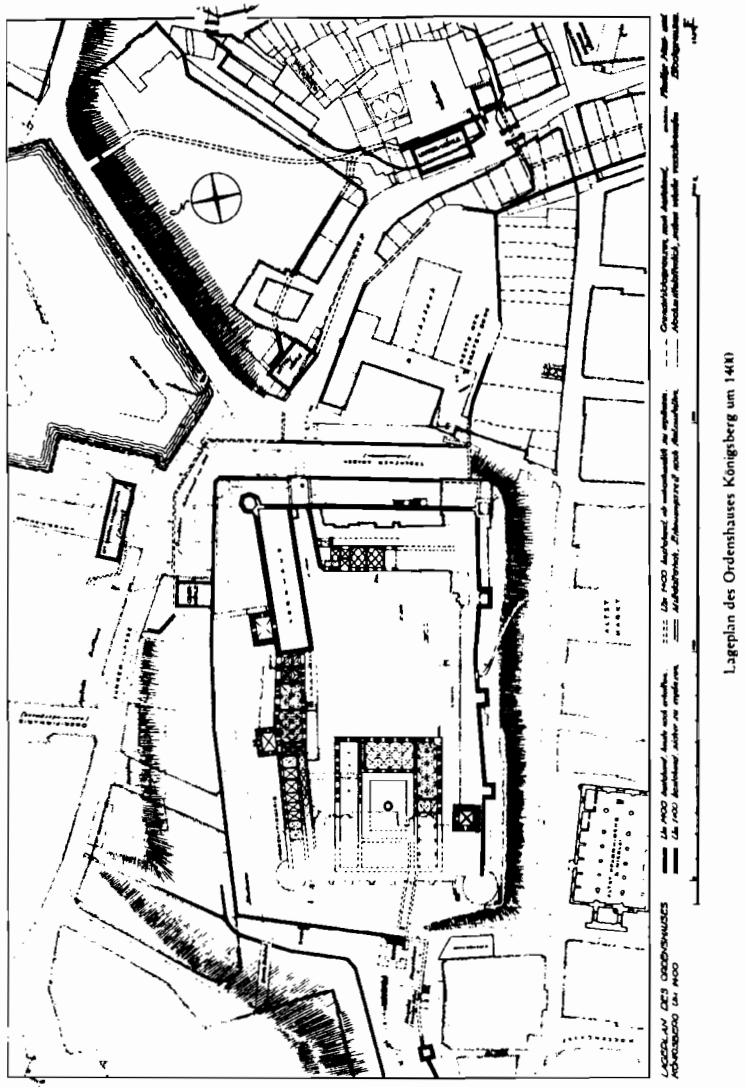


Рис. 1. План орденского замка Кёнигсберг в нач. XIV в. (Lahrs 1956, Abb. 1).

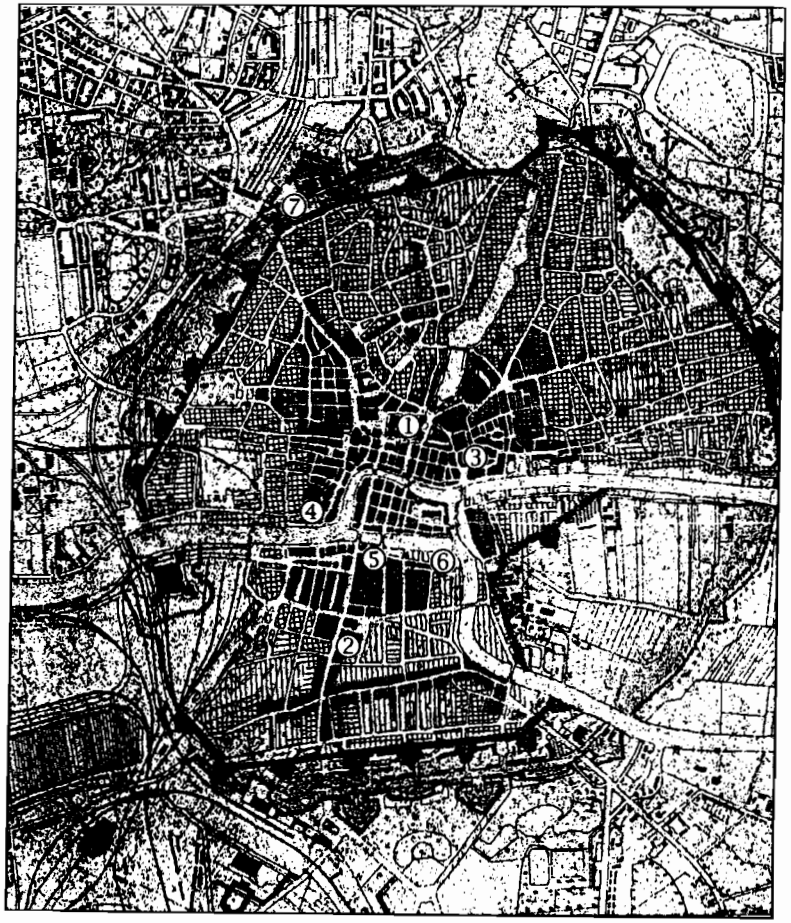
делать предположения о датах существования этого ценнейшего памятника орденской архитектуры. Каменно-кирпичные стены *Konventhaus* возникли, скорее всего, в начале XIV в., их руины в конце XVI в. были уничтожены при строительстве маркграфом Георгом Фридрихом замковой кирхи. К сожалению, самые отрывочные и краткие данные о раскопках и дате обнаруженных руин *Konventhaus* были опубликованы Фр. Ларсом много позже завершения этих работ, в 1956 г. и являются малоинформативными (Lahrs 1956, 30, 31).

Кроме того, Фр. Ларс вскрыл 4 шурфа в центральной и восточной частях замкового двора, а также на форбурге (рис. 1), на месте будущего Имперского банка. Информация о находках в шурфах на замковом дворе отсутствует. Зато известно, что в шурфе на форбурге Фр. Ларс обнаружил серию столбовых ям, принятых им за остатки первого деревянного орденского замка (1255–1260 гг.). Судя по специфическим кольцеобразным в плане группам камней, крепивших основания столбов в ямах (Lahrs 1930, 24, 25), обнаруженное Фр. Ларсом сооружение было некогда возведено в рамках прусской средневековой домостроительной традиции и является, видимо, частью прусского городища, до 1255 г. располагавшегося в центре дубовой рощи Твангсте (прусск. «Поднимающаяся вода = Запруда»), на мысу правого берега р. Преголи.

Несмотря на крайнюю скудость археологических данных, немецкие ученые к первой трети XX в. собрали обширный материал по истории и архитектуре средневекового Кёнигсберга. Прежде всего этот материал базировался на искусствоведческих исследованиях, которым на протяжении многих десятилетий подвергались великолепно сохранившиеся постройки исторического центра города, прежде всего — Королевский замок. В частности, была досконально выяснена планиграфия замковых укреплений (Grabe 1888/1889, Taf. XVIII).

В эпоху III Рейха внимание немецких ученых и администраторов в целом к культурному наследию страны, а в частности — к историческим памятникам Кёнигсберга резко возросло. Это, в частности, результат партийной культурно-политической программы «Regermanisierung der Deutschen» («Регерманизация немцев»).

На основании фундаментальных исследований стоявших в неприкосновенности памятников средневековой архитектуры и связанного с ними обширного актового материала городской муниципалитет в соответствии с имперским законом об охране исторического наследия, в результате проведенных в 1927–1938 гг. исследований создал план зон исторической застройки Кёнигсберга (рис. 2). Этот досконально составленный документ стал основой как для точнейшего определения охранных зон городской застройки (Gause 1971, Inv. № 1702), так и для различных форм прикладных проектов, в частности — картирования



1-Королевский Замок (Фр. Ларс, 1926 г., В.И. Кулаков, 1993, 1995, 2000-2004 гг.); 2–Хаберберг (Ф.Д. Гуревич); 3-Лёбенихт (В.И.Кулаков, Р.А. Нигматулин, 1999 г.); 4-Лаштадн (М.Г. Гусаков, 2001 г.); 5-Западный Фордере Форштадт (М.Г. Гусаков, 2001 г.); 6-Восточный Фордере Форштадт (В.И. Кулаков, 2004 г.); 7-у бывш. Трагхаймских ворот (В.И. Кулаков, 2004 г.).

Рис. 2. План Кёнигсберга с исторической застройкой (1938 г., личный архив автора). Цифрами указаны места проведения археологических раскопок городских слоев в 1926–2004 гг.

цеховых мастерских (рис. 3) средневековой орденской столицы (Franz 1939, Einführungskarte).

Казалось, город на Преголе навеки застыл в изгибах своих средневековых улочек, что великолепно видно на аэрофотоснимке (рис. 4). Неспешный ход изучения истории Кёнигсберга, очевидно, не нуждался в археологических исследованиях: ведь многие городские строения не меняли своего облика с XV в. Здесь, видимо, таится 4-я причина слабого развития до 1945 г. городской археологии Кёнигсберга: немецким коллегам вполне было достаточно видимых, не скрытых землей свидетельств городской истории, в археологических раскопках не было нужды.

Но вся эта идиллия кончилась буквально в течение нескольких дней: 27–30 августа 1944 г. весь исторический центр Кёнигсберга был сожжен фосфором в результате серии ковровых бомбометаний английской и американской авиации. Непоправимо пострадали все деревянные части старой застройки. В частности, западный флигель Королевского замка лишился своей двускатной, крытой черепицей крыши (рис. 5). Однако основные каменно-кирпичные стены замка, подлинного символа Кёнигсберга, средоточия местной культуры, место расположения *Prussia-Museum* (рис. 6) продолжали служить доминантой городского центра и после 1945 г.

Тем не менее (точнее — тем более) 3 декабря 1969 г. по косвенно высказанной политической инициативе А.Н. Косыгина и по прямому указанию местного партийно-административного руководства начался процесс планомерного уничтожения Королевского замка. Иными словами, средоточие и символ культуры Пруссии на глазах удивленных зрителей превращался из памятника архитектуры в... памятник археологии. С тех пор по сей день объемный трехмерный образ Королевского замка существует лишь в виртуальной форме (рис. 7).

В 50-х гг., задолго до финала трагедии Королевского замка, первые осторожные попытки изучения культурных напластований южной части Кёнигсберга (рис. 2, 2) предприняла первый советский исследователь прусских древностей Фрида Давидовна Гуревич. Правда, результаты этих наблюдений над земляными работами на месте застройки XV–XVI вв. городского района Хабергерг так и не были опубликованы.

В целом следует отметить то, что процесс изучения прошлого города на Преголе в советское время велся местными историками и краеведами на недостаточно профессиональном уровне, при использовании ограниченного круга письменных источников и, к сожалению, был политически ангажирован (Кулаков 1998, 128–135).

В начале эпохи Perestrojka развитие городской археологии Кёнигсберга обрело новый импульс. В сентябре 1993 г. по инициативе

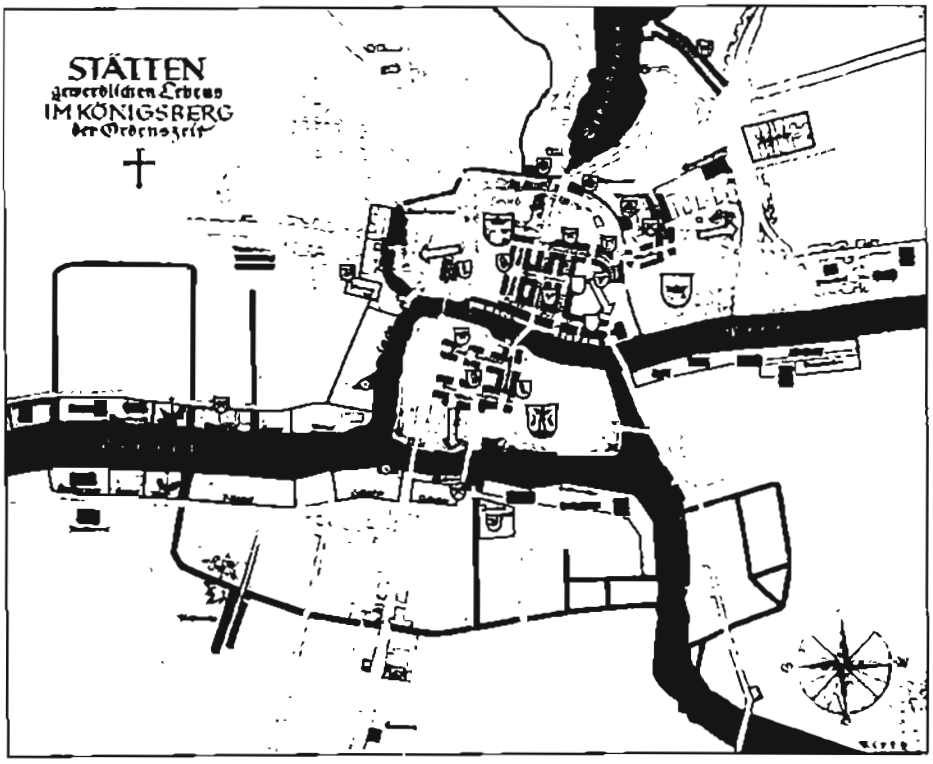


Рис. 3. Центры ремесленной жизни в Кёнигсберге орденского времени (Franz 1939).

Рис. 4. Аэрофотосъемка исторического центра Кёнигсберга, произведенная за несколько дней до бомбардировки 27–30 августа 1944 г. (Photoarchiv Herder-Institut, Marburg).

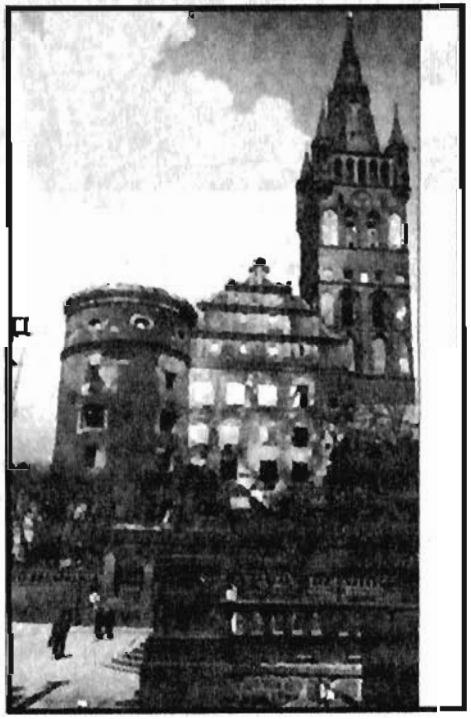


Рис. 5. Южный фасад орденского замка Кёнигсберг до и после бомбардировки 1944 г. (Archiv der Zeitung «Ostpreußenblatt»).

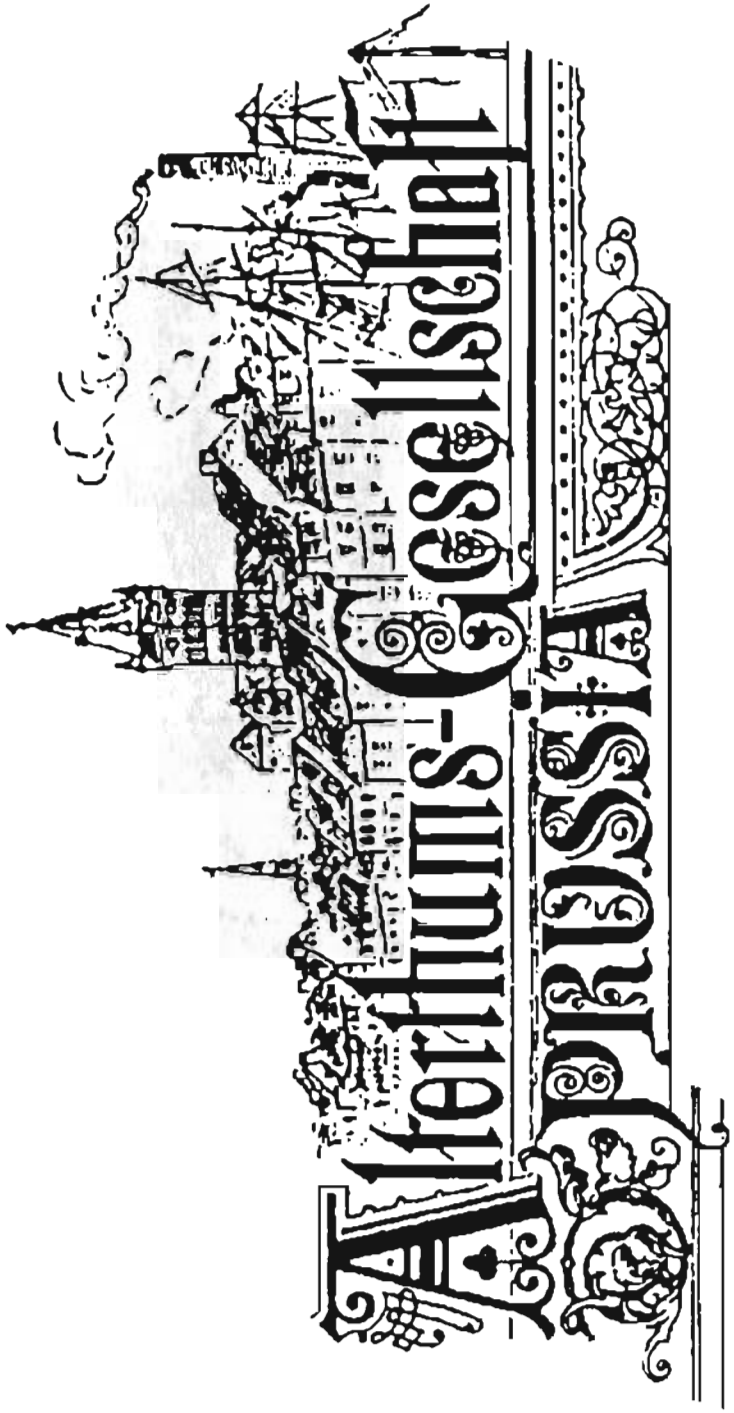


Рис. 6. Логотип Общества по изучению древностей «Пруссия» (конец XIX в.), изображающий вид с юго-востока на исторической центр Кёнигсберга с доминантой в виде Королевского замка.

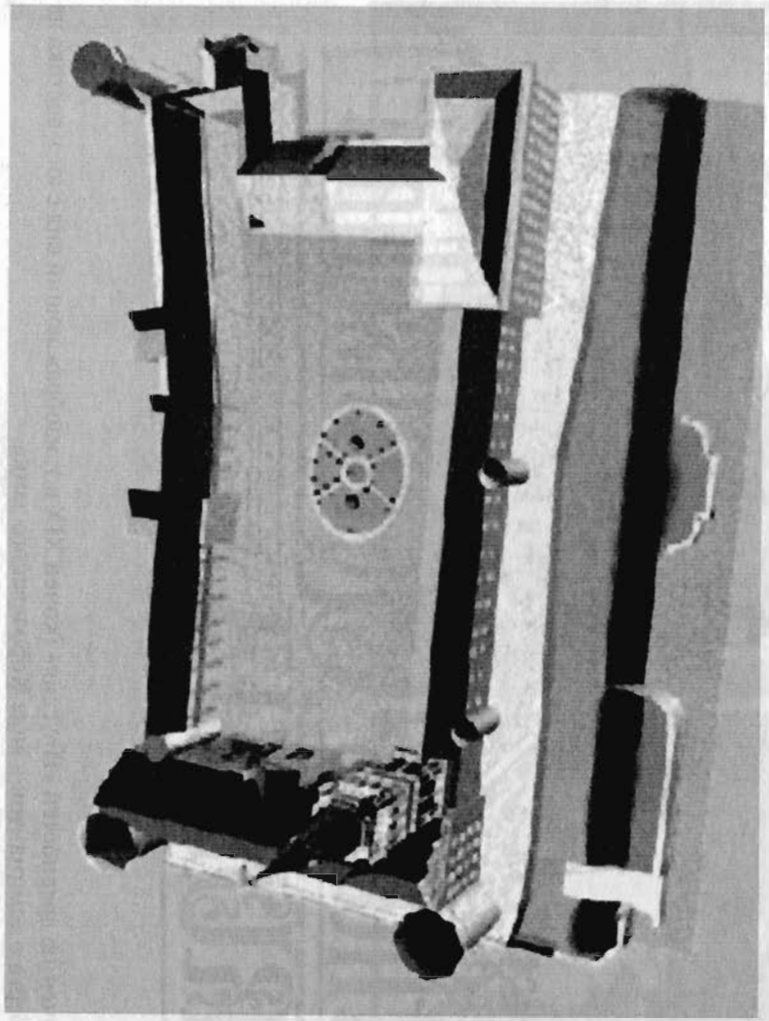


Рис. 7. Анонимная реконструкция орденского замка Кёнигсберг (Интернет).

Комитета по делам имущества мэрии г. Калининграда Балтийской экспедицией Института археологии РАН были впервые после 1926–1927 гг. предприняты раскопки на территории Королевского замка (Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 1993). Раскоп I (рис. 2, 1; 8) имел размеры 5 × 4 м, выбран на глубину до 3 м. В раскопе ожидалось обнаружение остатков фундамента башни фогта Дитриха фон Лиделау. Однако вместо этого в раскопе была выявлена глинистая «фундаментная подушка» — ступень пархама к востоку от искомой башни. В 1995 г. работы на замке были продолжены на раскопе II (размеры 5 × 5 м), где был выявлен фундамент северо-восточной части «Здания Унфрида», возведенного в 1701–1705 гг. (Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 1995). Впервые с 1956 г. информация о раскопках Королевского замка в Кёнигсберге увидела свет (Кулаков 1996, 58, 59). Уже в 1996 г. благодаря позитивным результатам работ на раскопе II стало возможным начать плодотворную работу по привязке находящихся под поверхностью бетонной вымостки Центральной площади г. Калининграда руин Королевского замка к современной геоподоснове (рис. 8).

Осенью 1999 г. главный редактор журнала «Spiegel» (Hamburg) Господин Штефан Ауст обратился в Институт археологии РАН и в Калининградский историко-художественный музей с инициативой продолжения археологических раскопок руин Королевского замка при финансовой поддержке упомянутого журнала. В результате в 2000–2005 гг. преимущественно в западной части территории, некогда занятой замковыми постройками, были вскрыты раскопы I, III–XII, в результате чего оказалась расчищенной большая часть подвалов западного флигеля замка (рис. 8). В шурфах 1 и 2 открыты части фундамента здания *Konventhaus*, перекрытые переотложенными в советское время мощными бревнами (остатки строительных конструкций XV–XVI вв.?). Несмотря на то, что значительная часть подвалов западного флигеля была вскрыта в 1970 и 1971 гг. так называемой «геолого-археологической экспедицией», крайне непрофессионально и, разумеется, безуспешно искавшей Янтарную комнату, обнаружено значительное количество находок, происходящих из этнографической (1-й этаж) и военно-исторической (*Moskowiter-Gemach/Saal* на 4-м этаже западного флигеля) экспозиций *Prussia-Museum*, рухнувших в подвал в страшные августовские дни 1944 г. На момент редактирования данной статьи (май 2006 г.) суммарная площадь раскопов, вскрытых Балтийской экспедицией ИА РАН на территории Королевского замка, исчисляется примерно 940 кв. м.

В феврале–марте 1999 г. Балтийская и Деснинская экспедиции ИА РАН предприняли совместные раскопки в западной части современного Московского проспекта, на территории средневекового города

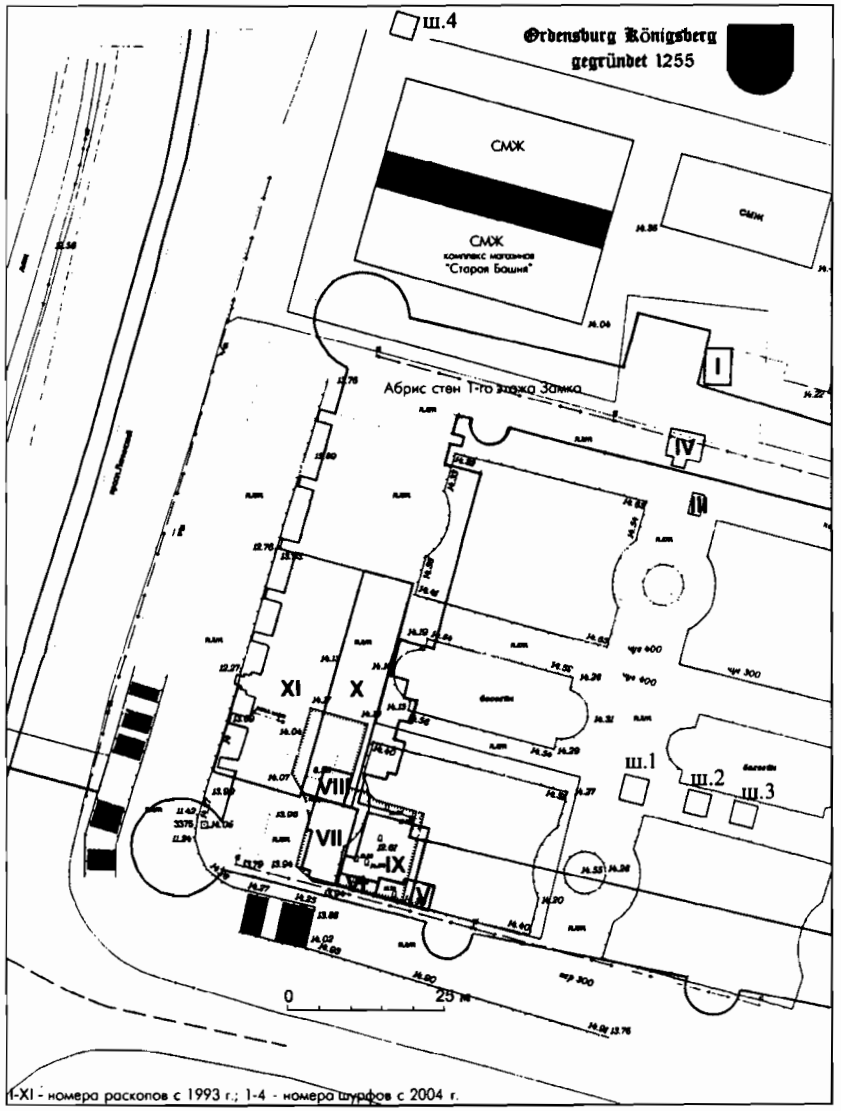


Рис. 8. Схема расположения раскопов Балтийской экспедиции ИА РАН в западной части руин орденского замка Кёнигсберг (Архив ИА РАН, Р-I. Кулаков 2004).

Löbenicht (рис. 2, 3), к востоку от замка. Был вскрыт раскоп размерами 19 × 12 м на глубину 6 м по балтийской системе высот. Обнаружены остатки трех домов по переулку *Tuchmaher-Gasse*, существовавшие на одних и тех же местах с конца XIII в. по август 1944 г. Прослежены 8 строительных периодов. Выяснилось, что в начале орденского периода истории города пойма протекавшего восточнее замка ручья Липник была заполнена двумя слоями субструкций (преимущественно — конский навоз), перекрытых слоями глины, подстилаемой древесными стружками и щепой. Причина появления этих субструкций — сброс отходов конского выпаса на пастбище *Anger-Roßgarten* по ведущему на юг естественному стоку — руслу ручья Липник. На глиняной подмазке, перекрывшей слой, возникший после 1265 г., были выстроены деревянные дома, которые предположительно можно связать с первыми городскими домами Лёбенихта, 27 марта 1300 г. получившего от комтура орденского замка Кёнигсберг Бартеля Прюхавена кульмское городское право. Эти первые городские постройки были разграблены и сожжены в результате восстания 1295 г., которым на территории Самбии руководил прусс Сабино. Вскоре после этого руины домов были перекрыты глиняной субструкцией, мощность которой достигала 20 см. На ее поверхности были возведены новые сооружения Лёбенихта (строительный ярус 2). Они использовали в качестве фундамента деревянные остатки домов, построенных здесь ок. 1300 г. На протяжении XIV — начала XV в. в исследуемом квартале г. Лёбенихта функционировали дома, относимые к трем строительным ярусам, попеременно уничтожавшиеся пожарами и наводнениями в результате весенних разливов р. Преголи и ручья Липник (Катцбах). Дома строительного яруса 4 погибли в третьей четверти XIV в. в результате внезапного нападения противника. Трагические события этого времени сопровождались пожаром, вызванным зажигательными арбалетными стрелами, наконечник одной из них удалось найти. Позднейшие строительные ярусы также сохранили следы военных столкновений, связанных, видимо, с Войной городов («Тринадцатилетняя война» 1454–1466 гг. — ярус 5, крушение власти Тевтонского ордена — ярус 6). Находки, сделанные на этих ярусах, показывают высокий уровень благосостояния жителей изучаемого квартала. Еще в середине XIV в. они стали постепенно оставлять занятия сельским хозяйством и на профессиональной основе приступили к косторезному, кожевенному и прядильному ремесленному производству. При этом остатки, связанные с работой представителей различных профессий, нередко обнаруживаются в пределах одного помещения. Это свидетельствует об отсутствии жесткой специализации местных мастеров, которые могли заниматься различными, нередко — не смежными произ-

водственными процессами. В XVI в. резко падает число находок в слое: ненужный мусор начинает централизованно вывозиться в определенные пункты за пределами массовой застройки для дальнейшего использования в качестве грунтового балласта (субструкции) (см. ниже). Материал, обнаруженный при раскопках Лёбенихта, исчисляется более чем 1000 экз. индивидуальных находок (Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 1999).

Осенью 2001 г. М.Г. Гусаков произвел раскопки на месте будущей стройки нового корпуса Музея Мирового океана (рис. 2, 4). Ввиду крайне неблагоприятных погодных условий заполнение раскопа не было выбрано полностью (Архив ИА РАН, Р-I, Гусаков 2001а). Работы на нем были остановлены на уровне выявленных на глубине ок. 1,5 м субструкций в виде переотложенных мусорных напластований XVII в. Они были перевезены сюда из неизвестного нам района старого Кёнигсберга для осушения данной части правого берега р. Самбийской Преголи для расширения складской территории *Lastadie*. В том же году М.Г. Гусаков провел шурфовку в западной части исторического городского района *Vordere Vorstadt* (рис. 2, 5), у южного портала здания Биржи (ныне — Дом культуры моряков), где, натолкнувшись на остатки фундаментов XVII в., прекратил работы, не дойдя до материка (Архив ИА РАН, Р-I, Гусаков 2001б).

В апреле-мае 2004 г. Балтийская экспедиция ИА РАН предприняла охранные раскопки в восточной части исторического городского района *Vordere Vorstadt* (рис. 2, 6), к югу от Домского собора на о. Кнайпхоф. Судя по геоморфологическим характеристикам, зона раскопок является речной поймой, уровень которой искусственно приподнят при помощи многочисленных подсыпок грунта. Прямые свидетельства историков Кёнигсберга подтверждают это предположение: «Местность восточнее Дангассе от Прегеля и до Цугграбена (ныне засыпанная осушительная канава примерно в 200 м от северного шурфа. — *В.К.*) представляла из себя ранее только Хольцвизен (нем. «Дровяные луга»), да и теперь (в 1895 г. — *В.К.*) еще кое-где имеется Хольцплатце (нем. «Дровяные площадки»)... (к югу от Хольцвизен, где и находятся участки под застройку. — *В.К.*) ...после пожара 1811 г. была проложена дамба, для которой использовались громадные груды золы и обломков после пожара для ее осушения (здесь было болото)...» (Фонды КОИХМ, Армштедт, Фишер 1895, 41, 43). По данным кёнигсбергской картографии, с 1613 г. этот луг уже плотно занят штабелями дров. Исторической застройки в этой части города не существовало по причине высокой влажности речной поймы, с которой горожане пытались справиться путем подсыпок мусорными слоями, привезенными со стороны. В зоне, предназначенной на ул. Эпроновской для будущего строительства, были вскрыты северный шурф

размерами 4 × 4 м (глубина до материка 3,40 м) и раскоп I размерами 12 × 5 м (глубина до материка 3,60 м). В шурфе и раскопе I отмечены 4 и 3 скопления прослоек, разделенных известняковыми прослойками. Все напластования имеют характер техногенных субструкций, содержат перемешанный материал, на нижнем горизонте датируемый XVII в. с отдельными включениями керамического материала XVI и даже XV вв. Этот факт дополнительно подчеркивает мусорный характер данных напластований, собиравшихся и вывозившихся из города в Новое время централизованно, организованными в рамках муниципалитета бригадами. Как показали в 1999 г. раскопки на Лёбенихте и в 2001 г. на *Lastadie* (на месте будущей стройки нового корпуса Музея Мирового океана), культурные напластования с находками с начала XVII в. в Кёнигсберге in situ практически отсутствуют, весь мусор вывозился. Как выяснилось — на низменные берега Преголи, для засыпки поймы, где грунтовые и речные воды присутствуют в толщах земли и сейчас. Анализ почв северного шурфа и раскопа I, проведенный научными сотрудниками географического факультета Калининградского Государственного университета, полностью подтвердил результаты археологических раскопок.

На фоне работ, проводимых в последнее десятилетие в историческом центре города на Преголе, особняком стоят охранные раскопки, предпринятые Балтийской экспедицией ИА РАН на месте будущего строительства делового центра «Калининград-750» в южной части площади Победы (бывш. *Hansa-Platz*, у Штайндамских ворот, прорезавших внутренний городской оборонительный пояс). Здесь в раскопе 8 × 4 м, выбранном до материка, на глубине 0,8 м были обнаружены часть фундамента павильона торговой Восточной выставки, открытой на северной окраине Кёнигсберга в 1922 г., и две ямы. Последние, не исключено, остались от эксгумированного в 1910–1912 гг. Трагхаймского общинного кладбища. Этот раскоп — единственный из вскрытых в городе площадей, давший исключительно новейший материал.

Итак, практически не развивавшиеся до 1993 г. работы по изучению городской археологии Кёнигсберга получили мощный импульс с началом раскопок руин Королевского замка. Примечательно то, что очевидцы и даже участники взрыва Королевского замка в 1958, 1960–1961, 1969–1970 гг. видят раскопки и даже интересуются их результатами. Рост уважения к отечественному законодательству об охране археологического наследия (2002 г.), повышение общего культурного уровня коммерсантов, связанных с процессом строительства, ужесточение мер, применяемых к нарушителям норм вышеупомянутого законодательства Управлением культуры, обеспечили заметный прогресс в археологическом изучении культурных напластований Кёнигсберга.

Однако по сей день серьезное беспокойство вызывает отсутствие в Калининграде собственной школы прусской археологии в целом и городской археологии в частности.

Итак, потенциал городской археологии Кёнигсберга можно кратко суммировать следующим образом:

А. До начала «перестройки» городская археология Кёнигсберга практически не была известна науке.

Б. Первые исследования городского культурного слоя города на Преголе выявило в пределах трех городов, объединившихся в единый Кёнигсберг в 1724 г., мощные культурные напластования толщиной в ряде случаев до 6 м.

В. Спецификой культурного слоя Кёнигсберга является его нередко высокая влажность, хорошо сохраняющая органику.

Г. В непосредственной близости к урезу воды реки Преголи выявлены переотложенные слои, происходящие из помоек XVII–XIX вв., с отсутствием археологических комплексов и, соответственно, практически лишенные привычной для городского археолога информации о постройках, закрытых комплексах и находках in situ. Культурными слоями эти мусорные субструкции в строгом смысле слова не являются.

Сложнейшая картина городской археологии Кёнигсберга нуждается в тщательном профессиональном изучении. Проблема осложняется внедрением опорного плана г. Калининграда и острой необходимостью соблюдения законодательства России об охране археологического наследия. Эта необходимость вызвана ростом с 2003 г. количества новостроек в городе на Преголе. Современный Калининград остро нуждается в развитии городской археологии Кёнигсберга.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КОИХМ — Калининградский Областной историко-художественный музей.

Кулаков 1994 — *Кулаков В. И.* Юбилеи прусской археологии // Археологический бюллетень. М., 1994. № 4 (20).

Кулаков 1996 — *Кулаков В. И.* Исследования фундамента Королевского Замка в центре современного г. Калининграда // Археологические открытия-1995. М., 1996.

Кулаков 1997 — *Кулаков В. И.* Происхождение и символика герба Альтштадта (Кёнигсберг). Постановка проблемы // Гербовед. М., 1997. № 3.

Кулаков 1998 — *Кулаков В. И.* История Кёнигсберга в отечественной историографии с 1945 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 1. Калининград, 1998.

Кулаков 1999 — *Кулаков В. И.* Тувангсте и Кёнигсберг // Slavia Antiqua. 1999. T. XL.

Bohne-Fischer 1941 — *Bohne-Fischer H.* Ostpreußens Lebensraum in der Steinzeit. Eine vorgeschichtliche Landeskunde. Königsberg; Berlin, 1941.

Franz 1939 — *Franz W.* Königsbergs Gewerbe im Mittrelalter // Alt-Königsberg. Bd. 2. Königsberg; Berlin, 1939.

Gaerte 1925 — *Gaerte W.* Königsberg in vorgeschichtliche Zeit // Ostdeutsche Monatschrift. 1925. Bd. 12.

Gause 1971 — *Gause Fr.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Köln; Wien, 1971. Bd. III.

Grabe 1888/1889 — *Grabe D.* Geschichte der alten Befestigungen Königsbergs von den ersten Burganlage im 13. Jahrhundert // Prussia. 1888/1889. Bd. 45.

Heydeck 1888/1889 — *Heydeck J.* Ein Ofen zur Heizung mit erwärmter Luft, aus dem Mittelalter // Prussia. 1888/1889. Bd. 15.

Kułakow 1999 — *Kułakow W.* Od Konungabergu do Königsbergu // Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne. Olsztyn, 1999.

Lahrs 1930 — *Lahrs Fr.* Das Ordens erste Burg am Pregel // Ostpreußen 7000 Jahre deutsches Land. Königsberg, 1930.

Lahrs 1956 — *Lahrs Fr.* Das Königsberger Schloß. Würzburg, 1956.

Архивные материалы

Архив ИА РАН, Р-I, Гусаков 2001а — Архив ИА РАН, Р-I. *Гусаков М. Г.* Отчет об охранных археологических раскопках на территории нового здания Музея Мирового океана, расположенного по адресу: г. Калининград, наб. Петра Великого, в 2001 г. № 23403.

Архив ИА РАН, Р-I, Гусаков 2001б — Архив ИА РАН, Р-I. *Гусаков М. Г.* Отчет о работах у Дома культуры моряков в 2001 г.

Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 1993 — Архив ИАВ РАН, Р-I. *Кулаков В. И.* Отчет о раскопках Королевского замка в 1993 г., № 18545.

Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 1995 — Архив ИА РАН, Р-I. *Кулаков В. И.* Отчет о раскопках Королевского замка в 1995 г., № 18555.

Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 1999 — Архив ИА РАН, Р-I. *Кулаков В. И.* Научный отчет о работах по теме «Проведение охранных археологических работ на территории реконструкции АЗС по Московскому проспекту в г. Калининграде на площади, предназначенной для наливных систем», 1999.

Архив ИА РАН, Р-I, Кулаков 2004 — Архив ИА РАН, Р-I. *Кулаков В. И.* Отчет о раскопках Королевского замка в 2004 г.

Фонды КОИХМ, Армштедт, Фишер 1895 — Фонды КОИХМ. *Армштедт Р., Фишер Р.* Краеведу о Кёнигсберге в Пруссии, Кёнигсберг в Пруссии. 1895 (рукописный пер. на русский язык, 1990).

А. В. АНДРОНОВ, Л. ЛЕЙКУМА

ЛАТЫШИ И ЛАТГАЛЬЦЫ СИБИРИ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Поселения выходцев из Прибалтики в Сибири начали массово возникать в конце XIX в. в связи с выделением крестьянам неосвоенных земель царским правительством (ранее появление латышей, литовцев, эстонцев в Сибири было связано в основном со ссылкой). Переселенцы размещались на специально для них отведенных территориях — «участках», образуя сотни новых деревень и хуторов. Правительство Российской империи активно поддерживало и координировало переселенческое движение (эта политика продолжалась и в период столыпинских реформ). После революции и гражданской войны властями был предпринят ряд мер по развитию малых народов Советского Союза, однако в 1930-е гг. ориентация на развитие постепенно сменилась подавлением национальных различий, подозрительностью к людям нерусского происхождения, а в 1937–1938 гг. — жестокими репрессиями национальных меньшинств, проводимыми в определенной последовательности: немцы, поляки, харбинцы (японцы), латыши, после них — эстонцы, греки, финны, китайцы, венгры... В это время связь переселенцев с прародиной практически прервалась, закрывались церкви, прекратилось преподавание родного языка и издание национальной литературы и газет. За сто лет своего существования в Сибири прибалты пережили и благожелательное отношение властей, и репрессии, и долгий период безразличия. Тем не менее жители этих так называемых колоний до сих пор (в разной степени) сохраняют родной язык, фольклор, национально-культурную самобытность.

Изучение культурных связей Прибалтики и России — одно из основных направлений научной работы отделения балтистики Санкт-Петербургского государственного университета (http://www.genling.nw.ru/baltist/balticru.htm). Исследование латышской диаспоры в Сибири проводится в тесном сотрудничестве с Латвийским университетом. Важным подспорьем в этой работе являются сделанные нашими предшественниками описания расселения латышей и латгальцев, их культурной жизни, состояния деревень. Первым «летописцем» в этом смысле является католический ксендз К. Скринда, сопровождавший епископа Я. Цепляка в его визитационной поездке по Сибири в 1909 г. и опубликовавший серию очерков в латгальской газете «Drywa». В 1920-е гг. изучением латышских колоний в России занимался К. Шкилтерс («Latkoloniju vēsture». М., 1928), в конце 1930-х гг. в Латвии было опубликовано подробное исследование В. Краснайса («Latviešu kolonijas». Рига,

1938). Несмотря на постепенное стирание национальных различий в Советском Союзе, ученые продолжали проявлять интерес к истории и культуре латышей в России (Б. Брежго, Дз. Виксна, А. Бейка, Я. Бролишс, В. Штраусс, Р. Озолиня). Нельзя не упомянуть двух энтузиастов — Улдиса Бриедиса и Ингварса Лейтиса, в 1975 г. проехавших от Риги до Владивостока и посетивших многие латышские деревни Сибири, собрав уникальный материал об их жителях (http://www.iclub.lv/life/galv.htm). Важны также книги новосибирского историка М.Н. Колоткина («Балтийская диаспора Сибири», «Латгальские поселенцы в Сибири», 1994), информация «Сибирской советской энциклопедии» (1929–1937), энциклопедии «Новосибирск» (2003), работы сибирских историков-краеведов Л.К. и Г.С. Лопаткиных, В.В. Ускова, М.С. Лавринова, позволяющие лучше представить ситуацию в местном контексте.

Латышский язык в Сибири привлек внимание специалистов в середине 1980-х гг. Академией наук Латвийской ССР были организованы экспедиции в места расселения латышей (1985 г. — в Архангельский район Башкирии, 1991 г. — в деревню Нижняя Буланка Каратузского района Красноярского края), материалы этих исследований частично опубликованы в отдельных статьях. В некоторых латышских деревнях с 1989–1990 гг. работали учителя родного языка из Латвии, приезжали священнослужители, для детей в Латвии организовывались летние лагеря. Несмотря на то, что распад Советского Союза затруднил развитие этого взаимодействия, и в настоящее время основные центры проживания латышей в Сибири получают поддержку в рамках правительственных программ Латвии, туда направляется литература, в некоторых местах работают преподаватели латышского языка (на начало 2006 г. — в Красноярске и в Нижней Буланке Красноярского края, в Бобровке и Озолайне Омской области). О латышах Сибири периодически появляются отдельные публикации более или менее научно-популярного характера, однако целенаправленное лингвистическое, фольклорное или этнографическое изучение их до недавних пор не возобновлялось.

В июле 2004 г. Санкт-Петербургским и Латвийским университетами была организована первая после долгого перерыва этнолингвистическая экспедиция в Красноярский край[1]. В составе экспедиции работали два отряда: один (руководитель А.В. Андронов) был ориентирован на подробное описание языковой ситуации в одном поселе-

[1] Коллеги из Латвийского университета и Латвийской Академии наук провели также экспедицию в деревню Тимофеевка Новосибирской области (сентябрь 2004 г., руководитель Я. Курсите) и совершили обзорную поездку по Томской области и Красноярскому краю (август 2005 г., руководитель И. Межс; см.: http://www.iclub.lv/life/LB/mezs2.htm).

нии — деревне Нижняя Буланка (латышская колония основана здесь в 1858 г.), другой (руководитель Лидия Лейкума) ставил своей задачей поиск в южной части Красноярского края потомков переселенцев из Латгалии, еще сохранивших свой язык.

Одной из задач экспедиции 2004 г. в Нижнюю Буланку была оценка изменения состояния местного варианта латышского языка за период, прошедший со времени комплексной экспедиции Латвийской АН 1991 года. Этот вопрос был в центре внимания заведующей отделом ареальных исследований Института латышского языка Анны Стафецки, которая принимала участие и в первой экспедиции.

В 20–30-е гг. прошлого века население Нижней Буланки насчитывало более тысячи человек, это было богатое село (два колхоза, две школы, церковь, ферма, лесопилка; дома располагались на пяти улицах), — летом 2004 г. здесь проживало чуть более 100 человек (127 по данным похозяйственной книги Моторского сельсовета). За редким исключением все жители — потомки первых переселенцев из Латвии, и большинство до сих пор в бытовом общении использует латышский язык. К сожалению, трудная экономическая ситуация (после закрытия колхоза средством существования является в первую очередь натуральное хозяйство) заставляет жителей переселяться в районный центр и другие более перспективные поселки, что приводит к рассеиванию населения и постепенной утрате языка, переключению на русский язык. Некоторые буланцы еще в 90-е гг. переехали в Латвию. Неуклонно сокращается и число учеников в местной школе: в 2004–2005 учебном году она из семилетней была преобразована в начальную, в оставшихся четырех классах училось по одному ученику. Несмотря на то, что с начала 90-х гг. в Нижней Буланке работают преподаватели латышского языка, большинство жителей не умеет писать и читать по-латышски. Исключением являются лишь люди самого старшего поколения, еще заставшие занятия по латышскому языку в школе в 30-е гг., и несколько представителей сельской интеллигенции среднего возраста. Почти все жители деревни свободно владеют русским языком (лишь среди самого старшего поколения есть люди, плохо говорящие по-русски). Латышский язык в Нижней Буланке хорошо сохраняет особенности говора первых переселенцев — носителей ливонского диалекта: редукцию окончаний, приводящую к упрощению системы словоизменения в целом, разрушение категории грамматического рода с обобщением форм мужского рода для всех случаев. Отдельного рассмотрения требуют вопросы языковой интерференции, влияния русского языка.

Вопрос, как долго еще сможет жить латышский язык в Нижней Буланке — как и в других латышских (и вообще национальных) деревнях Сибири — в первую очередь связан с проблемой развития деревни как таковой. Для сохранения латышской культуры и языка здесь недостаточно лишь усилий приезжающих из Латвии учителей и отдельных энтузиастов, необходима реорганизация хозяйства, которая прекратила бы распыление коренного населения.

Деревня Нижняя Буланка является одним из наиболее известных островков латышского языка в Сибири — в Красноярском крае[2] (кроме нее обычно упоминаются деревни в Омской области — Рыжково и Бобровка — и села Архангельского района в Башкирии). Посещение ее было интереснейшим опытом и глубоким эмоциональным переживанием для многих участников экспедиции, впервые оказавшихся в латышской деревне в глубинке России, однако настоящее открытие выпало на долю другого отряда, обнаружившего уцелевшие до наших дней латгальские деревни, о существовании которых в Латвии даже не было известно. Выяснилось, что в Красноярском крае до сих пор сохраняются латгальские деревни, жители которых прекрасно говорят по-латгальски, причем для некоторых латгальский является единственным языком, на котором они могут полноценно общаться с окружающими. Эти деревни не имеют никакой связи с Латвией и до настоящего времени на них вообще не было обращено внимание исследователей.

Работа второго отряда экспедиции началась с города Ачинска и его педагогического колледжа. Сотрудники музея колледжа, занимающиеся и историей местных латгальцев и собравшие материал о некоторых выпускниках, а также о директоре колледжа (техникума) И. Мейкшане, проявили живой интерес к нашей работе. Очень существенную помощь в поисках земляков экспедиции оказал католический костел Ачинска, наиболее активными прихожанами которого оказались как раз латгальцы. (Следует отметить, что и в наших двух последующих экспедициях помощь католической церкви была очень ощутимой — не только в Ачинске, но и в Новосибирске и Куйбышеве Новосибирской области; национальное самосознание латгальцы сохранили во многом благодаря вере.) Более близкое знакомство с латгальцами Ачинска способствовало дальнейшей работе, позволив сэкономить время на поиски информантов. Много интересных бесед удалось записать не только в окрестных латгальских деревнях (Нагорново, Грязново (теперь — Красная Заря), Бычки, Богатое, Счастливое), но и в самом городе Ачинске, куда латгальцы переселились из

[2] См. книгу об истории деревни «Lejas Bulāna — latviešu ciems Sibīrijā» (Рига, 1995), подготовленную В. Страутниеце с большой любовью и участием к судьбам соотечественников.

распадающихся или уже исчезнувших селений, подробнейшими воспоминаниями о которых наши информанты щедро делились. Замечательно, что в речи латгальцев в целом хорошо сохранились особенности языка первых переселенцев: через сто лет можно идентифицировать конкретный говор, resp. район, откуда происходили предки информанта: в окрестности Ачинска, например, переселились в основном жители севера Латгалии — нынешнего Балвенского района, а также Алуксненского района. (Первоначальные догадки в полной мере подтвердились позднейшими исследованиями в архиве, продолжением работы с информантами.) Другой говор Латгалии (окрестностей Резекне) представлен в Сахарном, третий (южной Латгалии) — в Боготоле и Тюхтете (все это — по результатам экспедиции 2005 г.), четвертый (окрестностей Лудзы — в восточной Латгалии) в конце нашей третьей экспедиции удалось услышать в Куйбышеве Новосибирской области, где живут выходцы из деревень Рямовск(ое) (уже исчезнувшей) и Тимофеевка.

Кроме окрестностей Ачинска в 2004 году «латгальский» отряд посетил Красноярск, где также удалось встретиться с несколькими латгальцами, сохраняющими родной язык. В дальнейших поисках, продолжавшихся на правом берегу Енисея (деревни Куллог, Салба, Алгаштык), мы руководствовались в основном указаниями Александра Кудиньша (1919–2004) — уроженца деревни Креславка, в середине 1930-х гг. работавшего учителем латгальского языка в Малиновке Новобирилюсского района, встретиться с которым нам удалось во время подготовки экспедиции в Латвии. Безусловно, не все латгальские деревни сохранились до нашего времени — в некоторых живут лишь по несколько человек, еще помнящих латгальский (особенно в Алгаштыке), многие уже давно заброшены (знаменитая Креславка, Витебка), некоторые были уничтожены при коллективизации еще в 1930-е гг. или затоплены при строительстве Красноярского водохранилища в 1960-е (Строганово).

Разведывательная поездка «латгальского» отряда в 2004 г. приоткрыла огромный пласт неизведанной истории латгальских поселений, а экспедиция в целом убедительно показала необходимость продолжения исследования языка и культуры потомков переселенцев из Латвии в Сибирь. Важной является как научная систематизация уже имеющихся сведений, так и определение современного состояния «колоний», а также координация работы по сбору конкретного лингвистического, фольклорного и этнографического материала в новых экспедициях. Особенно актуально исследование латгальцев, на которых до сих пор не было обращено специального внимания. Актуализация этого факта определила направление нашей дальнейшей работы.

Исследование языка латгальцев Сибири — новое направление в латгалистике. В то время как язык западной диаспоры описывается в трудах многих ученых (М. Букшс, Л. Латковскис и др.), о восточном варианте латгальского языка известно гораздо меньше, причем после публикаций 1930-х гг. новой информации о нем практически нет. Научные экспедиции, ознакомительные поездки, государственная помощь со стороны Латвии осуществляются без учета отсутствия интеграции латышей и латгальцев в Сибири. Языковые, культурные и религиозные отличия в условиях диаспоры определяют раздельную самоидентификацию латышей и латгальцев, особенно в России, где официально это различие поддерживается установкой Всесоюзной переписи населения 1926 г. о двух соответствующих национальностях. Несомненно, что для изучения латгальцев Сибири должны организовываться самостоятельные экспедиции (еще в 1970-е годы Ингварс Лейтис пришел к выводу, что латгальцев должны изучать латгальцы — см. http://www.iclub.lv/life/agluna.htm)[3].

В двух последующих экспедициях СПбГУ и Латвийского университета (июль 2005 г., январь — февраль 2006 г.) внимание было сконцентрировано на латгальцах города Ачинска и его окрестностей. Место проведения экспедиций определила большая концентрация латгальцев в этом районе и важная роль Ачинского педагогического техникума в истории латгальцев России: в 1931–1938 гг. здесь действовало латгальское школьное отделение, готовившее учителей латгальского языка для многочисленных сельских школ (некоторых выпускников его нам удалось встретить).

Кроме общения с информантами важное место в работе экспедиций занимает изучение архивных материалов — не только в Архиве администрации г. Ачинска (об истории латгальского отделения, о распределении земельных участков для переселенцев из Витебской губернии), но и в Государственном архиве Новосибирской области (в первую очередь — материалы редакции латгальской газеты «Тайснейба», а также история национальной политики СССР в 1920–1930-е гг.), в Государственном архиве Красноярского края, в Архиве администрации г. Минусинска (история переселенцев из Латгалии на правобережье Енисея) и др.

[3] Языковая ситуация в Сибири позволяет в новом свете взглянуть на проблему лингвистического статуса латгальского идиома: для латгальцев России их родной язык не может определяться как диалект латышского, в их сознании он не ассоциирован с латышским языком, которого они в принципе не знают. В России латгальский может считаться самостоятельным языком (подобно тому, как таджикский считается языком в Таджикистане, но диалектом в Афганистане).

Отклик, который получили наши экспедиции у местного населения, заставил обратить внимание на этическую сторону вопроса: невозможно было заниматься лишь академической фиксацией фактов, — пришлось задуматься о более тесном взаимодействии с информантами, о реальной помощи в возрождении и развитии их национального самосознания, расширении кругозора, прояснении их прошлого. Поэтому во время экспедиции 2006 г. была организована Зимняя школа латгальского языка и культуры в Ачинском педколледже. В течение двух недель был прочитан цикл лекций о Латгалии, Латвии, истории переселения, особенностях латгальского языка и культуры, культурной жизни сибирских латгальцев в 1930-е гг., перспективах и проблемах современной Латвии, проводились практические занятия по латгальскому языку, разучивались латгальские народные песни и танцы. Все это позволило втянуть в работу широкую аудиторию (занятия посещали до 50 человек из числа местных латгальцев, а также учащиеся и преподаватели колледжа) и пробудить в латгальцах заботу о состоянии своей национально-культурной среды. Латгальцам была крайне необходима «официальная» поддержка: колебания органов власти в отношении признания этой народности, проблемный статус латгальского языка, недостаток ясной информации в литературе — все это вызывало (оправданное!) чувство забытости и ненужности, ощущение какой-то неполноценности, «ошибки», сделавшей их менее важными, чем представители многих других — «известных» — народностей Сибири (немцев, татар, чувашей и др.). Надеемся, что появившаяся у латгальцев Ачинска идея создания латгальского национально-культурного общества скоро воплотится в жизнь. Это придаст смысл проведению подобных зимних школ и организации других культурных мероприятий и в дальнейшем.

Прикосновение к проблематике латгальцев Сибири открывает множество актуальных направлений исследований: история появления первых деревень в конце XIX — начале XX в. и механизм их заселения, политика Советского Союза в вопросах национальных меньшинств и культурная жизнь латгальцев в 1920–1930-е гг., жизнь и деятельность представителей латгальской интеллигенции, становление норм латгальского языка в СССР в 1930-е гг., поиск и изучение латгальских книг, издававшихся в России, создание корпуса текстов этого периода (газета «Taisneiba», журнал «Ceiņas Karūgs», учебники, хрестоматии по литературе и др.), культурное наследие латгальцев Сибири, их язык сегодня, проблема интерференции и умирания и возрождения языка.

РАЗНОЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ СИМАСА КАРАЛЮНАСА

Фото *Ю. Будрайтиса*

В Литве стало почти традицией, что талантливые языковеды приходят в литовское языкознание не по одному, а группами. Одной из таких групп можно считать выпускников Вильнюсского университета 1961–1963 гг.: Алексаса Гирдяниса, Аудроне Каукене, Алдонаса Пупкиса, Альбертаса Росинаса, Эвалду Якайтене и др. Еще, кажется, совсем недавно они считались молодыми и многообещающими, и вот теперь начинают отмечать славные юбилеи, но свой долг перед литуанистикой они, слава Богу, выполнили. Одним из таких талантливых, еще в «недавнем» прошлом молодых членов этой группы является и Симас Каралюнас, семидесятилетие которого пышно отмечалось в Институте литовского языка.

С. Каралюнас родился 20 января 1936 г. в северной части Литвы, в Йонишкском районе, в деревне Вайнейкю. В 1956 г. он окончил среднюю школу в Йонишкисе, с 1956 по 1961 г. учился в Вильнюсском университете на отделении литовского языка и литературы. Кафедра литовского языка после очень тяжелых послевоенных лет (лучшие специалисты уехали на запад, господствовало «новое языкознание» Н. Марра) к этому времени уже воспряла. Здесь тогда работали будущие известные исследователи литовского языка Зигмас Зинкявичюс, Витаутас Мажюлис, Йонас Палёнис. Особое влияние на своих учеников оказывал молодой, энергичный, полный новых идей преподаватель Йонас Казлаускас (1930–1970).

После недолгой педагогической практики, с 1962 г. С. Каралюнас начал работать в Институте литовского языка и литературы.

В 1963 г. в Москве при Международном комитете славистов была создана так называемая Международная комиссия по изучению балто-славянских отношений, председателем которой был избран директор Института литовского языка и литературы Костас Корсакас (1909–1986).

Новому сотруднику института директор предложил написать статью об истории исследований балто-славянских отношений. И, конечно, тогда никто не думал, что из этой статьи вырастет прекрасная кандидатская диссертация «Древнейшие отношения балтийских и славянских языков» (Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiųjų santykių klausimai // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1968, 10, p. 7–100).

С. Каралюнас не только представил исчерпывающую историю исследования этой проблемы, но и самостоятельно проанализировал наиболее спорные вопросы взаимоотношений балтийских и славянских языков: развитие и.-е. кратких и долгих гласных *o* и *a*, дифтонга *eu*, судьбу слоговых сонантов, развитие отдельных согласных. Он попытался также установить хронологию этих древнейших отношений. Основной вывод С. Каралюнаса звучит так: «Древнейшие балто-славянские языковые отношения интерпретируются существованием балто-славянской изоглоссной общности (Isoglossengemeinschaft), т. е. пространственно-временного континуума балтийских и славянских диалектов, который, однако, образовался, по-видимому, вследствие вторичного сближения первоначально различных диалектов». Весьма положительно оценил диссертацию С. Каралюнаса его официальный оппонент О. Н. Трубачев.

В 1973 г. С. Каралюнас опубликовал монографию «Из истории глаголов с основой на *-įo-* в литовском языке (тип с корневым вокализмом *uo*)» (Iš lietuvių kalbos *-įo-* kamienių veiksmažodžių istorijos (*uo* šaknies vokalizmo tipas) // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1973, 14, p. 7–150).

Об истории балтийского глагола отчасти речь идет и в докторской диссертации С. Каралюнаса, изданной отдельной книгой, — «Общие структурные элементы балтийских языков и их происхождение» (Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987), большая часть которой посвящена лексической семантике и морфологии балтийских глаголов *-įo*-основы. Во второй части монографии решается одна из сложнейших проблем балтийского сравнительно-исторического языкознания — происхождение дифтонгов *ie* и *uo* литовского и латышского языков и формирование апофонических рядов *ie : ei* и *uo : au*.

Обе эти монографии С. Каралюнаса отличаются необыкновенно богатым фактическим материалом, который часто оставался без внимания более ранних исследователей. Здесь автор также очень умело сочетает внутренние реконструкции со сравнительно-историческим методом.

В течение нескольких лет С. Каралюнас руководил группой Социолингвистики Института литовского языка и литературы. С этой стороной его деятельности связана и большая монография «Язык и общество (психологические и коммуникативные аспекты использования языка)» (Kalba ir visuomenė (Psichologiniai ir komunikaciniai kalbos vartojimo bruožai). Vilnius, 1997). Это первая исчерпывающая работа на данную тему не только в литовском, но и в балтийском языкознании вообще.

Любимая область исследований С. Каралюнаса — этимология. Он опубликовал немало оригинальных объяснений происхождения балтийских слов. Его интересуют древние названия балтийских племен. Из работ в этой области особого внимания заслуживает его исследование «Происхождение наименования Литвы» (Lietuvos vardo kilmė // Lietuvių kalbotyros klausimai, 1995, 35, p. 55–91). Он не согласен с имеющей множество сторонников гипотезой Казимераса Кузавиниса о гидронимическом происхождении названия Литвы; по мнению С. Каралюнаса, *Lietuvà* лучше было бы связывать с корнем **leit-* 'идти, проходить (о войне), сопровождать', ср. исл. *līð* 'провожатаи; воины; войско', нем. *Geleite* 'сопровождение, вооруженная охрана', др.-фриз. *lid* 'отряд, свита'. К такой трактовке происхождения наименования Литвы его побудил едва ли не в первую очередь тот факт, что в русских диалектах слово *литва* употребляется в значении 'народ, национальность', в украинских народных песнях *литвой* называется компания молодых мужчин, нападающих на девушек и похищающих их.

С. Каралюнас не склонен признавать и гидронимическое происхождение слова *Latvija*. По его мнению, это название следует выводить «из слов, означающих землю и ее особенности» (ср. лтш. *lata* 'кусок земли, поле').

Можно сказать, что все исследования С. Каралюнаса в этой области увенчались работой, презентация которой состоялась во время празднования его семидесятилетнего юбилея — это монография в двух частях «Прошлое балтов в исторических источниках» (Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose. Vilnius, 2004). В ней собрано необычайно много фактического материала, много смелых гипотез, интересных обобщений. Будущее покажет, какие из представленных здесь идей приемлемы, какие следует отбросить. Однако ясно одно — новое исследование С. Каралюнаса будет внимательно читаться и обсуждаться историками и исследователями балтийских языков.

С 1995 г. главным местом работы С. Каралюнаса является Каунасский Университет им. Витаутаса Великого. В 1996–2003 гг. он заведовал кафедрой литовского языка этого университета. Однако его связи с Институтом литовского языка (до 1990 г. Институт литовского языка и литературы) никогда не прекращались. От имени сотрудников этого института и хотелось бы искренне поздравить Симаса Каралюнаса с его прекрасным юбилеем и пожелать того, чего в таких случаях желают друзьям.

А. Сабаляускас

Балтийские языки. Российская академия наук. Ииститут языкознания; Ред. кол.: В. Н. Топоров, М. В. Завьялова, А. А. Кибрик, Н. В. Рогова, А. В. Андронов, Ю. Б. Коряков. М.: Academia, 2006. 224 с.

В начале 2006 г. в энциклопедической серии «Языки мира» вышел долгожданный том, посвященный балтийским языкам. Книга помимо предисловия и приложений состоит из 5 основных разделов: общей статьи о балтийских языках (*В. Н. Топоров*, с. 10–50) и отдельных очерков по четырем письменным балтийским языкам, одному мертвому (*В. Н. Топоров*. Прусский язык, с. 50–93) и трем живым (*Т. В. Булыгина, О. В. Синева*. Литовский язык, с. 93–155; *В. Э. Сталтмане*. Латышский язык, с. 155–193; *А. Б. Брейдак*. Латгальский язык, с. 193–213). С грустью приходится отметить, что трех из шести авторов (А. Б. Брейдака, Т. В. Булыгиной и В. Н. Топорова) уже нет среди нас. Эта книга стала одной из последних работ Владимира Николаевича Топорова, который многие годы страстно желал ее выхода и перу которого принадлежит практически ее половина. Появилась на свет она, увы, уже после кончины Владимира Николаевича.

Данное издание — первое такого рода в России. До этого в распоряжении российских балтистов был лишь русский перевод фундаментальной книги *Pietro Umberto Dini*. Le lingue baltiche, Firenze, 1997 (перевод — *П. У. Дини*. Балтийские языки. М., 2002), до этого переведенной на литовский и на латышский языки. Таким образом, появление русскоязычного описания языков народов Балтии представляет собой значительнейшее событие в истории «полуподпольной» российской балтистики. Еще в предисловии к русскому переводу книги Дини В. Н. Топоров писал:

«За полтораста (примерно) лет научной балтистики в России мы... не удосужились взглянуть на наших ближайших в пространстве, времени, языке и родстве соседей, поинтересоваться их жизнью, сделать шаг навстречу им. Наша нелюбознательность не только национальный и государственный просчет, не только упущение, но и грех, о котором, кажется, большинство не помнит и даже не догадывается».

Первый обобщающий раздел книги, посвященный балтийской группе языков (В. Н. Топоров), открывается их перечислением и сжатым, но в то же время емким описанием их изучения начиная с XVII в. Говоря о балтийских языках, автор не забывает и о так называемых мертвых или неписьменных. Помимо прусского, это — ятвяжский, куршский, галиндский. Выделяются и языки-диалекты: селийский, земгальский. О них подробнее будет рассказано в параграфе 4 (с. 21–34). Особое внимание уделяется вопросу о положении балтийских языков среди индоевропейских и характеру древнейших связей между балтийским и славянским в соответствии с предложенной В. Н. Топоровым и разрабатывающейся в последние десятилетия теорией: «славянские языки представляют собой более позднее развитие периферийных балтийских диалектов, находившихся в южной части первоначального балтийского (или западнобалтийского) ареала» (с. 19–20).

Далее следуют параграфы о начале письменности у балтийских народов (середина XVI в.), о первых литературных памятниках на прусском, литовском, латышском и несколько позднее — на латгальском языках. Статью продолжают концентрированные сведения по грамматике и синтаксису балтийских языков, а завершает подробная библиография основных работ и периодических изданий по балтистике (с. 42–50).

Далее происходит переход к описанию истории, структуры, грамматики, синтаксиса отдельных балтийских языков, начиная, естественно, с вымершего прусского. Напомним, что при описании языков в издании «Языки мира» авторы должны следовать особой, достаточно строгой схеме, ср. указания авторам «Типовые схемы статей» (с. 218–219). Описывая прусский язык, В. Н. Топоров, быть может, не всегда строго придерживается заданной схемы — иногда она оказывается слишком тесна для него. В первой части очерка о прусском языке подробнейшим образом объясняется происхождение этнонима, географическое положение народа, история развития и постепенного вымирания прусского языка («...в 1677 году единственный знавший его старик, живший на Куршской косе, умер»). В параграфе 1.4.0. дается перечисление памятников прусского языка от Эльбингского словаря до последних опытов Л. Палмайтиса (М. Клусиса) по рекреации прусского.

Упомянув, что официальная периодизация истории прусского языка отсутствует, автор предлагает свою условную хронологию его развития. Далее идет подробное реконструкционное описание прусской фонетики (с. 59–66), за которым следует анализ морфологии и таблица парадигм. Продолжает статью о прусском языке описание моделей словообразования, а завершает ее обширнейший список литературы (с. 87–93).

Очерк о литовском языке был начат Т. В. Булыгиной, а продолжен и дополнен О. В. Синевой. Он следует заданной изданием схеме. Немного краткими представляются начальные параграфы очерка, в которых говорится об истории, периодизации (выделяется только два периода — «старый» и «новый») и литературных памятниках литовского языка. Впрочем, учитывая то, что эти сведения уже даны в обобщающей статье «Балтийские языки», не исключено, что такая краткость объясняется желанием избежать повторений. Подробнее дана фонетическая и фонологическая часть с необходимыми пояснениями, касающимися акцентных парадигм, существующих из балтийских языков только в литовском.

Далее следует часть, посвященная семантико-грамматическим сведениям (2.3.0). Подробно рассматриваются именные и глагольные системы. Отрадно, что в параграфе о категории числа присутствует пассаж о дуалисе, о котором в последнее время в некоторых литовских грамматиках и учебниках стали забывать. После теоретической части идут образцы субстантивных, адъективных и глагольных парадигм. В параграфе 2.5.0. и далее даются

морфосинтаксические сведения, включающие разделы о словообразовании, структуре словосочетания, простого и сложного предложения. Несомненно важен и раздел о заимствованной лексике — славянизмах, германизмах.

Параграф 2.7.0. и далее посвящен основным группам литовских диалектов — аукштайтскому и жемайтскому с перечислением основных критериев различия между ними.

Завершается глава о литовском языке необходимой библиографией.

Автор очерка о латышском языке — В. Э. Сталтмане. В данном случае мы также можем наблюдать строгое следование предписанной схеме. Очерк открывается краткими сведениями о местах распространения латышского языка, о первых памятниках и об истории его изучения. Автор утверждает, что история латышского языка не имеет периодизации, так как письменные памятники — поздние — начиная с XVIII в., однако, тем не менее делит историю письменного языка на три периода (старолатышский, младолатышский и период современного латышского языка).

Раздел о фонологии автор предваряет параграфом о латышском ударении (фиксированное ударение на первом слоге вместо свободного ударения), на которое могли повлиять ливский субстрат и немецкий адстрат. В фонологическом разделе исследуются латышский вокализм (с особым вниманием к разделению гласных по долготе/краткости) и консонантизм. Подчеркивается, что своеобразной чертой латышской фонетики является слоговая интонация: «Современная орфоэпическая норма допускает систему двух интонаций — длительной и недлительной, которая в литературном языке все более распространяется» (с. 159). Сталтмане дает также и систему соответствий латышских интонаций литовским.

В морфонологическом разделе привлекает внимание достаточно оригинальное распределение падежей (2.3.4): «В современном латышском языке пять падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный и звательная форма». Как мы видим, в этом списке отсутствует творительный падеж, дающийся обычно в абсолютном большинстве латышских грамматик. Автор объясняет такую свою классификацию тем, что «в современном языке творительный падеж не имеет особой морфологической формы», вместо него в единственном числе употребляется форма винительного падежа с предлогом *ar* 'с', а во множественном — дательного с тем же предлогом.

Как и в других очерках, далее идет описание морфологической структуры латышского языка, завершающееся таблицей парадигм. Особо надо отметить присутствие в латышском дебитива, не встречающегося ни в литовском, ни в прусском.

Далее вниманию читателя предлагаются очерки о словообразовании и синтаксисе, о заимствованиях, в основном немецких и финно-угорских. В 2.7.0. констатируется, что в латышском языке — три основных диалекта: верхнелатышский, среднелатышский и ливонский; даются главные черты этих диалектов. Завершается очерк библиографией работ по латышскому языку.

Последний очерк в книге «Балтийские языки» — «Латгальский язык» (приятно отметить, что «язык», а не «диалект»), написанный покойным А. Б. Брейдаком (Breidaks), пожалуй, основным исследователем латгальского в XX–XXI вв., и дополненный А. В. Андроновым (Санкт-Петербург) и Л. Лейкумой (Латвия). Как отмечено в сноске (с. 193), «правка коснулась в основном композиции работы и некоторых формальных вопросов стиля. Была значительно расширена библиография». Важна и принципиальная оговорка, сделанная в этой же сноске: «В очерке профессора А. Брейдака излагается точка зрения, согласно которой этот идиом является самостоятельным балтийским языком наряду с литовским и латышским. <...> редакторы сочли нецелесообразным модифицировать ее, так как для целей лингвистического описания такая трактовка представляется более удобной. <...> Считаем нужным подчеркнуть, что лингвистическая самостоятельность латгальского языка не является основанием для каких-либо политических выводов».

В начале очерка Брейдак как раз и затрагивает проблему взаимосоотнесенности латгальского и латышского языков, постулируя, что латгальский идиом существенно отличается от латышского литературного языка. Далее говорится об ареале распространения латгальского на территории Латвии, о первых памятниках латгальского письменного языка (первая книга — конец XVII, вторая — XVIII в.).

Лингвистическая часть очерка открывается описанием фонетики латгальского, характеристикой его акцентной системы (ударение — фиксированное и политоническое) и завершается перечислением типов чередований, присущих латгальскому. Далее следует раздел морфологии, который представляется более кратким по сравнению с аналогичными разделами, посвященными прусской, литовской и латышской морфологии. Разделы о говорах латгальского языка и о неизменяемых частях речи написаны Л. Лейкумой. Таблица парадигм в очерке о латгальском языке отсутствует, а завершается он, как и все другие главы книги, списком основной литературы.

Книга снабжена подробными географическими картами (их составитель — Ю. Коряков): Археологические культуры III–IV вв. н. э. и балтийские гидронимы; Балтийские племена в X веке; Балтийские племена в XVIII веке; территория латышского и латгальского языков; территория литовского языка.

Выход книги «Балтийские языки» представляет собой важное и значимое событие в филологическом мире. Издание может быть использовано и как учебное пособие, и как научная литература для дальнейших работ по балтистике. Это — явный стимул для продолжения балтийских исследований в России и не только в ней.

Презентация книги с успехом прошла в феврале 2006 г. в культурном центре посольства Литовской Республики в Российской Федерации «Дом Юргиса Балтрушайтиса».

Н. А. Михайлов

Новые публикации по латгальскому языку и литературе

Своеобразная социолингвистическая ситуация в Латгалии и самобытная культура этого региона закономерно вызывает живой интерес и множество вопросов, ответы на которые очень трудно найти в существующей литературе. О латгальском языке [1] до сих пор мало известно не только иностранным ученым-балтистам, но и в самой Латвии. Подобным образом и латгальская литература остается фактически незамеченной в истории латышской литературы.

Национальное пробуждение в Латгалии, начавшееся — как и во всей Прибалтике — в конце 80-х гг. XX в., привело к возрождению интереса и к родной речи. Было начато преподавание латгальского языка студентам-филологам в вузах восточной Латвии (в Даугавпилсе и Резекне), а также на филологическом факультете Латвийского университета в Риге, уроки латгальского языка в большем или меньшем объеме стали проводиться и в школах, был воссоздан Латгальский исследовательский институт в Даугавпилсе, из эмиграции на родину вернулось издание «Acta Latgalica», стали активно публиковаться книги на латгальском языке, ученые приступили к упорядочению норм литературного языка, продолжая работу, начатую в первые десятилетия XX века. Благодаря самоотверженной деятельности энтузиастов из среды филологов был переиздан орфографический словарь латгальского языка, появились такие учебные пособия, как латгальская азбука Л. Лейкумы и Ю. Цибульса (1992 г.), а также «Книга для учителей» (фактически весьма содержательная энциклопедия по истории латгальского литературного языка) Л. Лейкумы (1993 г.), хрестоматия по латгальской литературе Янины Курсите и Анны Стафецки (1995 г.), постепенно выходят переиздания важнейших памятников латгальской письменности: трехтомное издание трудов Франциса Трасунса (1997–1998 гг.), «Myužeigais kalinders» Андрывса Юрджса (1999 г.), а в 2004 году — новое издание первой сохранившейся книги на латгальском языке «Evangelia toto anno» (Вильнюс, 1753), подготовленное Анной Стафецкой.

[1] Не вдаваясь в дискуссию о лингвистическом статусе латгальского идиома (язык или диалект, см., впрочем, далее в тексте), в настоящем обзоре принято обозначение «латгальский язык» как более удобное: весь материал, связанный с ориентированным на некоторую полноту лингвистическим описанием соответствующей проблематики, трудно соотнести с понятием «диалект» и термин «язык» позволяет избежать дополнительных оговорок при рассмотрении вопросов о диалектном членении, различии литературного варианта и говоров и других аспектов.

Стараниями ученых статус латгальского идиома был закреплен в законе 2000 г. о государственном языке, согласно которому латгальский литературный язык является исторической разновидностью латышского языка. Такое компромиссное понимание предполагает бытование двух литературных вариантов латышского национального языка: собственно латышского и латгальского. Крайними точками зрения являются, с одной стороны, представления о латгальском языке как третьем живом балтийском языке наряду с латышским и литовским, с другой стороны — трактовка латгальского как диалекта латышского языка, имеющего весьма стабильную письменную традицию. Самостоятельный предмет дискуссии составляет вопрос о том, имеет ли латгальский литературный язык устную форму или нормированной является только его письменная разновидность. В связи с лингвистическим статусом латгальского идиома возникает множество проблем, рассмотрение которых, однако, не входит в задачу настоящего обзора.

В 2003 году в свет вышли две крайне важных книги для латгальского языка, литературы и культуры: существенно переработанное и дополненное издание хрестоматии 1995 года (*Kursīte J., Stafecka A.* Latgale: valoda, literatūra, folklora. Rēzekne: Latgales kultūras centra izdevniecība, 2003. — 380 lpp.) и очерк грамматики латгальского языка (*Cibuļs J., Leikuma L.* Vasals! Latgaliešu valodas mācība. Rīga: N. I. M. S., 2003. — 120. lpp.).

Книгу Янины Курсите и Анны Стафецки можно рассматривать как введение в проблематику латгальской литературы и фольклора, историю латгальской письменности и вопросы нормирования литературного языка. Во введении авторы выражают надежду, что за этой первой публикацией последуют и другие книги о Латгалии. Свою задачу авторы видели не в создании систематического изложения истории латгальской литературы, а в том, чтобы очертить основные моменты развития литературы, представив читателю ориентиры для последующего углубления в соответствующую тематику и самостоятельных исследований, и, снабдив его хрестоматией, дать возможность ознакомиться с основными литературными текстами и процессом постепенного становления латгальского письменного языка, его перерастания в латгальский литературный письменный язык («latgaliešu literārā rakstu valoda»).

Книга состоит из двух основных частей. Теоретическая часть представляет собой несколько очерков по латгальскому фольклору и литературе, а также введение в историю латгальской письменности и изучения латгальского языка. Авторами большинства разделов в этой части являются Я. Курсите и А. Стафецка, но помещены здесь также и работы таких известных ученых

из поколения эмигрантов, как Валдис Зепс, Леонардс Латковскис, Езупс Лелис, Микелис Букшс. Вторую часть книги составляет обширная хрестоматия (почти 300 страниц), включающая образцы фольклорных текстов, старейших памятников письменности — религиозных и светских текстов — и произведений позднейшего времени вплоть до наших дней. Наиболее важные тексты снабжены лингвистическими комментариями (вероятно, их было бы удобнее разместить непосредственно при соответствующих текстах, а не в приложении в конце книги). В приложении к хрестоматии представлены также копии титульных страниц основных памятников письменности, портреты деятелей латгальской культуры (к сожалению, этот раздел не отражен в оглавлении книги), краткие биографические сведения об авторах собранных в книге текстов, хронологическая таблица основных событий в истории Латгалии и латгальского литературного языка, словарик, включающий редкие и требующие пояснения латгальские лексемы (было бы полезно представить и информацию об основных грамматических формах слов, однако создание современного латгальско-латышского (или латгальского толкового) словаря является, конечно, совершенно самостоятельной задачей), завершает книгу весьма информативный список литературы.

Учебное пособие Лидии Лейкумы и Юриса Цибульса является первым учебником латгальского языка, написанным по-латышски и ориентированным на широкий круг читателей[2]. Книга представляет собой довольно подробное и систематическое изложение фонетики и морфологии (с элементами словообразования) латгальского литературного языка, сопровождающееся подробными комментариями как соответствий латгальского и латышского, так и вариантов, встречающихся в говорах Латгалии, а также некоторых не определившихся еще аспектов литературной нормы (соответствующие формы в таблицах приводятся курсивом). Такие сопоставления чрезвычайно полезны как для изучающих латгальский язык на основе знания латышского, так и для ученых-лингвистов, внимание которых сразу концентрируется на основных закономерностях языковых сходств и различий, требующих дополнительного исследования.

В книге последовательно используется новая орфография, представляющая собой результат реформы, начатой в конце 20-х гг. XX в. орфографической комиссией под руководством Питерса Стродса и продолженной в начале 90-х гг. возрожденной комиссией под руководством Онтуонса Брейдакса (Антона Брейдака). Основным изменением, до сих пор вызывающим протесты со стороны приверженцев традиционного письма, является обозначение дифтонга *uo* посредством диграфа *uo* (вместо ранее использовавшейся буквы *ō*), что делает латгальскую графику более последовательной в этом аспекте, чем письмо латышского литературного языка.

[2] Чуть раньше в Санкт-Петербургском государственном университете были опубликованы материалы месячного курса латгальского языка, прочитанного Л. Лейкумой осенью 2003 г. студентам и аспирантам специализации «Балтистика» и ориентированного в большей степени на филологическую аудиторию (*Leikuma L.* Latgalīšu volūda 1. СПб., 2003).

Оценивая книгу с точки зрения латышского языкознания, необходимо также отметить, что авторы не только вводят новый материал, но и нередко предлагают такую интерпретацию, которая лучше соответствует представлениям современного общего языкознания (что особенно интересно в случае общих для латгальского и латышского языка особенностей). Так как Ю. Цибульс и Л. Лейкума создавали учебник, а не научную грамматику латгальского языка, их задачей отнюдь не было обсуждение теоретических вопросов описания, поэтому целесообразно в рецензии привлечь внимание к тем идеям авторов, которые представляются наиболее перспективными.

В разделе фонетики при описании гласных совершенно справедливо отмечается, что столь специфический для латгальского языка гласный [ы] является не самостоятельной фонемой, а вариантом фонемы /i/ после твердых согласных (с. 10). Немалое теоретическое значение имеет описание такой отсутствующей в латышском литературном языке особенности, как корреляция согласных по мягкости-твердости, объединяющая латгальский язык с литовским. В связи с этим радует, что авторы не следуют часто встречающемуся смешению терминов «мягкий согласный» (член этой фонологической оппозиции в латгальском языке) и «палатальный согласный» (представитель ряда среднеязычных в не обладающем такой корреляцией латышском литературном языке). В теоретически выдержанном описании правомерно отдается предпочтение термину «мягкий», а не «смягченный» согласный (последний отражает фонетическую особенность — дополнительную артикуляцию палатализации безотносительно к наличию фонологической корреляции по твердости-мягкости) (с. 18). При помощи такого терминологического аппарата абсолютно корректно описывается разница в произношении латышских и латгальских звуков, обозначаемых буквами *ķ*, *ģ*. Требующим дополнительной проверки представляется утверждение, что на стыке приставки и корня в латгальском языке из сочетания *ts* образуется аффриката *c*, тождественная «исконной». Так как в латгальском письме непоследовательно отражается мягкость согласных (для большинства согласных она никак не отмечается в позиции перед другими согласными и в конце слова), в учебном пособии следовало бы, мне кажется, ввести соответствующие специальные обозначения. Кроме чисто практического удобства это помогло бы выявить некоторые нерешенные вопросы нормы латгальского литературного языка, затушеванные графикой. Крайне необходим был бы общий раздел, посвященный употреблению мягких согласных, а также дистрибуции узкого и

широкого *e* : *ä* (подобно латышскому литературному языку в латгальском их различие не отражается на письме). Вопросам слоговых акцентов в латышских грамматиках традиционно уделяется нетерпимо мало внимания. Не исключение и рецензируемый учебник латгальского языка, в котором этой теме посвящено лишь чуть больше половины страницы. Впрочем, нельзя расценивать этот факт как вину авторов книги — слоговые акценты латышского литературного и тем более латгальского литературного языка не нормированы. Для латгальского ситуация осложняется кроме того установкой некоторых исследователей, согласно которой устной формы у латгальского литературного (букв. «письменного») языка нет, соответственно нет и вопроса о слоговых акцентах (как, вероятно, и о непоследовательности графики в отношении мягких согласных).

Описание морфологии производится по частям речи. В системе имени существительного интересны латгальские существительные общего рода. Кажется, под давлением авторитета латышского литературного языка нормой для латгальского считалось различие окончаний таких существительных в форме Dat. Sg. (*napraškam* : *napraškai*), однако для латгальских говоров несравненно более естественно обобщение в таких случаях окончания *-ai*, то есть ситуация, аналогичная наблюдаемой в литовском литературном языке. Авторы рецензируемого учебника, отмечая эту тенденцию диалектов и разговорной речи, допускают оба варианта для литературной нормы, что представляется более перспективным, а кроме того способствующим сохранению характерных особенностей латгальского языка. Известную демократизацию нормы представляет и проводимое в учебнике (в соответствии с новой орфографией) употребление у существительных *ā*- и *ē*-основы окончаний Gen. Sg. и Nom. Pl.: *-ys*/*-is* вместо *-as*/*-es* — традиционных, но имеющих меньше поддержки в диалектах. «Больной» для латышского языкознания вопрос о самостоятельности творительного падежа авторы решают в традиционном ключе, помещая соответствующие формы с предлогом *ar* в парадигму склонения, однако следует помнить об указании В.Ю. Зепса, что особые формы (с прерывистым акцентом), восходящие к древнему инструменталису, в говорах Латгалии обобщены для всех случаев употребления существительного с предлогом, то есть являются по сути не падежными, а специфическими припредложными формами. Неудачно сформулирована важная особенность латгальского языка — употребление у существительных женского рода во множественном числе форм аккузатива после предлога *ar* («в инструменталисе множественного числа используются формы винительного падежа существительных», с. 24). Смешение парадигм (и нарушение дистрибуции диминутивных суффиксов) существительных с *ā*-основой после мягкого согласного и с *ē*-основой (*kūdeļa* и *šķēle*) имеет объективные основания (с. 29), и следует специально оценить вопрос целесообразности сохранения различия этих парадигм в литературном латгальском языке.

Вводная часть раздела о глаголе содержит весьма корректный очерк грамматических категорий и строения системы форм. Приводится общая парадигма личных форм глагола (с. 61), в эксплицитном виде вводящая противопоставление простых и аналитических форм как проявление категории перфекта (этот термин авторами не употребляется), осторожно говорится о «выражении долженствования», но не о «долженствовательном наклонении», традиционно неискоренимое введение которого в таком статусе в парадигму глагольного словоизменения со времен грамматики Эндзелина и Мюленбаха 1907 года противоречит логике строения системы форм (на что неоднократно указывалось разными учеными: оно приводит к совмещению показателей двух «наклонений» в одной форме, например, лтш. *ir*, *būtu*, *esot jālasa*). Существенно указание авторов, что для латгальского языка употребление дебитива в целом нехарактерно, долженствование обычно передается лексическими средствами. В отличие от большинства грамматик латышского языка, Л. Лейкума и Ю. Цибульс описывают формы прошедшего времени пересказывательного наклонения — как инфектные (*dzeivovuši vīnūs vuorgūs*), так и перфектные (*bejuši nūbraukuši iz nedelis*), — «забытые» в традиционных грамматиках, видимо, из-за использования в их составе форм склоняемых причастий, а не несклоняемых вербоидов, как в формах настоящего и будущего времени; нельзя согласиться лишь с формулировкой авторов, предполагающей отсутствие аналогичных форм в латышском литературном языке (с. 81).

Не обойдены вниманием в книге и служебные части речи. Интересен раздел о предлогах, где в форме таблицы представлен обзор возможных вариантов управления для каждого предлога при употреблении с ним существительного в единственном или множественном числе.

Прилагаемая к учебному пособию библиография поможет интересующимся продолжить изучение отдельных аспектов латгальского языка и сориентироваться в том, что сделано и над чем еще предстоит работать.

При чтении книги не оставляет ощущение того, что она писалась с любовью к делу. Здесь учтены такие «мелочи» как, например, названия букв алфавита (с. 7–8) или используемые в латгальском языке звукоподражания при передаче крика или пения животных и птиц, а также при их подзыве (с. 117–118). В подборе примеров в тексте и парадигмах словоизменения проявляется системный подход и стремление представить наиболее интересную лексику и в возможно большем объеме (что весьма полезно, пока, как отмечалось выше, нет современного словаря латгальского языка), бережно фиксируются такие особенности латгальских говоров в морфологии и синтаксисе, которые определяют их специфичность (отсутствующая в латышском литературном языке модель образования относительных прилагательных типа *dzelziņs* (с. 42–43), спрягаемые формы сослагательного наклонения в отличие от унифицированной

формы 3 лица в латышском (с. 78–79), различные причастные конструкции и пр.). В книге приведены и основные формулы приветствия, прощания, выражения благодарности по-латгальски (с. 118).

Лидия Лейкума и Юрис Цибульс создали почти образцовую практическую грамматику, которая, безусловно, будет не только постоянным подручным справочником для всех интересующихся латгальским языком, но и послужит важной ступенью на пути к решению актуальнейшей задачи латгальского языкознания — созданию теоретической грамматики.

У ученых, занимающихся исследованием латгальского языка и литературы, еще очень много работы. Область латгалистики настолько обширна и так мало исследована, что появление каждой публикации становится важным событием[3]. Хочется надеяться, что рассмотренные в настоящем обзоре новые книги латгальских ученых действительно повлекут за собой и другие труды по языку, литературе, фольклору, истории, этнографии и иным аспектам культуры этого региона Латвии.

А. В. Андронов

«Academia grammaticorum Salensis» и новая академическая грамматика литовского языка

Уже более двух лет в секторе грамматики Института литовского языка под руководством профессора Акселя Хольфута (Axel Holvoet) ведется работа над созданием новой академической грамматики. Фактически речь идет не о «полной» академической грамматике (которой полагается включать фонетику, морфологию, словообразование и синтаксис), а об описании с новых теоретических позиций центральных разделов — системы грамматических категорий и синтаксиса. Новое поколение литовских грамматистов стремится применить к материалу литовского языка наиболее перспективные концепции современного языкознания, одновременно создавая некоторую новую лингвистическую теорию, учитывающую разнообразные подходы и материал литовского языка, не рассматривавшийся в европейском и американском теоретическом языкознании.

[3] За время подготовки тома к печати появилось еще несколько важных публикаций по латгальскому языку и культуре, сколько-нибудь подробный анализ которых уже невозможен в рамках настоящего обзора: *Salceviča I.* Gadsimts latgaliešu prozā un lugu rakstniecībā: 1904–2004. Rīga, 2005 — книга, вместе с вышедшей несколькими годами раньше монографией В. Валейниса (*Valeinis V.* Latgaliešu lirikas vēsture. Rīga, 1998), представляющая фундаментальное исследование истории латгальской литературы; «Nomales identitātei» — сборник статей о культуре, языке, литературе, фольклоре Латгалии, посвященный столетию отмены запрета печати в Латгалии и пятнадцатилетию Рижского латгальского общества «Trešō zvaigzne» (сост. И. Паклоне. Рига, 2005); подробный очерк латгальского языка А. Брейдака в томе «Балтийские языки» из серии «Языки мира», издаваемой Институтом языкознания РАН под редакцией А. А. Кибрика (М.: Academia, 2006. С. 193–213).

Существующая Академическая грамматика (Dabartinės lietuvių kalbos gramatika) является прямым продолжением «Грамматики литовского языка», изданной на русском языке в 1985 г. под общей редакцией Витаутаса Амбразаса: в литовском (1994 г.) и английском (1997 г.) изданиях добавлено описание словообразования и несколько модифицированы отдельные разделы. Эта фундаментальная работа стала в свое время событием не только в литовском, но и во всем советском языкознании. Ее значение и влияние на развитие лингвистических идей в Литве огромно и сохраняется до сих пор, так как она органически сочетает лучшие традиции классических описаний литовского языка с новыми подходами, реализовавшимися тогда в русистике и отечественной школе общего языкознания.

Тем не менее эта фундаментальная работа создавалась в отрыве от многих достижений западной лингвистики, поэтому стремление сотрудников сектора грамматики учесть то лучшее, что было в зарубежном языкознании в те годы и что наработано за прошедшие со времени первого издания два десятилетия, весьма закономерно. Применение нового подхода и критический анализ работ предшественников позволяет вскрыть некоторые недостатки традиционного описания, хотя основным мотивом работы над новой грамматикой является отнюдь не отрицание его, а стремление максимально ясно формулировать исходные теоретические положения и выводы.

Это же стремление к максимальной эксплицитности определяет весь стиль деятельности сектора грамматики Института литовского языка. С самого начала работы над новой грамматикой в секторе организуются еженедельные семинары по обсуждению ее научной концепции, на которых читают доклады как сами авторы, так и специалисты по грамматике из научных учреждений Литвы и других стран. К участию в семинаре приглашаются все желающие, информация о теме очередного заседания оперативно размещается на странице Института в сети интернет (www.lki.lt). Кроме статей по направлениям своих исследований в журнале «Acta Linguistica Lithuanica», авторами грамматики задумана и с образцовой регулярностью реализуется серия специальных публикаций по отдельным аспектам разрабатываемого описания — «Lietuvių kalbos gramatikos darbai». Первый выпуск серии — «Sintaksinių ryšių tyrinėjimai» (ред. А. Хольфут и А. Юджянтис) вышел в 2003 году, второй — «Gramatinių kategorijų tyrimai» (ред. А. Хольфут, Л. Сяменене) — в 2004, третий — «Gramatinių funkcijų tyrimai» (ред. А. Хольфут, Р. Микульскас) — в 2005, ведется работа над четвертым выпуском.

Наконец, для привлечения к научной дискуссии возможно большего числа ученых, а также с целью распространения теоретических идей среди

молодого поколения литуанистов сектор грамматики организовал летнюю школу Academia grammaticorum Salensis, проходившую с 1 по 9 августа 2004 года в здании старинного имения в деревне Салос Рокишкисского района. Среди участников летней школы были представители всех вузов Литвы, молодые балтисты из Польши (Варшава, Познань, Краков) и России (Санкт-Петербург). Кроме основного курса из пяти лекций о синтаксических связях, прочитанного А. Хольфутом, для развернутых научных выступлений были приглашены ученые из Германии, Польши, Чехии, России. К сожалению, не все из приглашенных по разным причинам смогли приехать, но программа не стала из-за этого менее насыщенной, так как для участников конференции не составило труда представить коллегам не только запланированные, но и дополнительные интересные сообщения. И. Савицкая (Торунь) выступила с лекциями по ареальной лингвистике, В. Смочиньский (Краков) говорил о методах исторического языкознания, А. В. Андронов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад вкладу российских ученых в изучение балтийских языков. После окончания «учебной» части летней школы была организована небольшая конференция по теоретической грамматике. Сотрудники сектора грамматики и гости из России и Польши прочли на ней сообщения, касающиеся разных аспектов литовской грамматики.

Стремясь расширить круг обсуждаемых тем и привлечь к полемике все больше специалистов, сектор грамматики 3–5 мая 2005 года организовал семинар по морфологии и типологии, ставивший целью познакомить литовскую научную общественность с новейшими методами типологических исследований и описаний языков. Во время семинара, привлекшего внимание лингвистов из Литвы, Латвии, Польши и России, с циклами лекций выступили Г. Г. Корбетт (G. G. Corbett) из Великобритании, В. А. Плунгян из Москвы и Й. ван дер Аувера (J. van der Auwera) из Бельгии. Последний также прочел несколько лекций в Вильнюсском университете.

С 31 июля по 8 августа 2005 года в усадьбе деревни Салос вновь проходила летняя языковедческая школа и грамматическая конференция. На этот раз увеличилось число и слушателей, и лекторов, а их выступления касались не только литовской грамматики, но и вопросов общего языкознания, прежде всего — типологии. А. Хольфут продолжил знакомить собравшихся с концепцией новой грамматики литовского языка, особенное внимание уделив рассмотрению вопросов синтаксической зависимости, грамматическим функциям и взаимосвязям грамматики и лексики. Второй год в школе участвовали И. Савицкая — с лекциями по фонетической типологии (в частности, по типологии слога) — и В. Смочиньский — с выступлением о структуре литовских глагольных основ в аспекте индоевропеистики. В. А. Плунгян, изложив основы грамматической типологии, подробнее остановился на категориях глагольной ориентации и сверхпрошлого. Е. В. Рахилина (Москва) познакомила слушателей с проблемами и возможностями типологических исследований лексики на примере глаголов плавания в языках мира и глаголов вращения в польском и русском языках. На конференции по грамматике с докладами выступили П. М. Аркадьев (Москва), М. Родунер (Берн–Вильнюс), М. Рудницкий (Варшава), А. Смятона (Вильнюсский университет), А. Юджянтис (Институт литовского языка) и др.

Организаторы школы А. Хольфут, А. Юджянтис и Г. Кавалюнайте позаботились о том, чтобы летние встречи в Салос дали возможность не только расширить научный кругозор, но и превосходно отдохнуть. Старинная усадьба с парком на берегу озера и живописная сельская природа поднимают настроение всем приехавшим. Для участников неизменно готовится разнообразная «внеклассная» программа — краеведческие экскурсии по Салос и окрестным городкам и деревням, выступление народных ансамблей, встречи с гостеприимными местными жителями. Необычайно привлекательна и возможность пообщаться на научные и ненаучные темы со знаменитыми учеными в непосредственной дружеской обстановке. Поэтому все, побывавшие на летней школе в Салос, надеются, что эта инициатива сектора грамматики Института литовского языка станет доброй традицией и поспособствует укреплению контактов между балтистами из разных стран, распространению и обсуждению новейших научных идей[4] и написанию концептуально новой академической грамматики литовского языка. Высокий уровень научных дискуссий и неподдельный интерес участников к обсуждаемым вопросам вселяют уверенность в перспективах развития литовской грамматической школы.

А. В. Андронов, Н. А. Рикконен

Книги по мифологии и традиционной культуре балтов, вышедшие за последние годы в Литве: краткое обозрение

Balys J. **Raštai. T. V. Vilnius, 2004. 244 p.**

Балис Й. **Сочинения. Т. V. Вильнюс, 2004. 244 с.**

В пятом томе сочинений известного литовского фольклориста Йонаса Балиса представлены собранные им в первой половине XX в.

[4] Следует упомянуть серию публикаций «Bibliotheca Salensis», в которой, по мысли организаторов школы, будут выходить на литовском языке развернутые очерки по разным разделам и современным направлениям языкознания, большей частью основанные на лекциях, прочитанных в Салос. Первой книгой серии стало исследование чешского лингвиста Б. Википела «Глоссематика Ельмслева и фонология балтийских языков» (Вильнюс, 2005), готовятся к изданию работы польских языковедов В. Смочиньского («Ларингальная теория и литовский язык») и И. Савицкой («Введение в ареальную фонетику (фонетическую географию)»).

литовские народные поверья и предания, связанные с родинами, свадьбой и похоронами.

Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. T. IV: XVIII amžius / Sud. N. Vėlius. Vilnius, 2005. 281 p.

Источники по балтийской религии и мифологии. Т. IV: XVIII век / Сост. Н. Велюс. Вильнюс, 2005. 281 с.

Четвертый и последний том капитального собрания исторических источников по балтийской религии и мифологии, начатого покойным Н. Велюсом. Три предыдущих (с доисторических времен до XV в., XVI в. и XVII в.) вышли в 1996, 2001 и 2003 гг. соответственно.

***Beresnevičius G.* Eglė žalčių karalienė ir lietuvių teogoninis mitas: Religinė istorinė studija. Vilnius, 2003. 148 p.**

***Береснявичюс Г.* «Эгле — королева ужей» и литовский теогонический миф: историко-религиоведческое исследование. Вильнюс, 2003. 148 с.**

Известный литовский религиовед и публицист Гинтарас Береснявичюс высказывает свои соображения о знаменитой литовской волшебной сказке «Эгле — королева ужей» (AT 425M) в контексте литовской мифологии и в сопоставлении с отдельными данными некоторых других традиций (например, древнегреческой, шаманских, отчасти славянской).

***Beresnevičius G.* Palemono mazgas: Palemono legendos periferinis turinys. Vilnius, 2003. 110 p.**

***Береснявичюс Г.* Узел Палемона: Периферийное содержание «легенды о Палемоне». Вильнюс, 2003. 110 с.**

Попытка историко-географической интерпретации так называемой «легенды Палемона» XVI в. о происхождении литовцев из римлян. Автор усматривает в Палемоне из легенды великокняжеской литовской знати сына короля Понта и Босфора Полемона — Полемона II, бежавшего во второй половине I в. из Рима на север.

***Beresnevičius G.* Lietuvių religija ir mitologija: Sisteminė studija. Vilnius, 2004. 291 p.**

***Береснявичюс Г.* Литовская религия и мифология: Системное исследование. Вильнюс, 2004. 291 с.**

Своеобразное изложение основных мотивов литовской мифологии на основе данных исторических источников и фольклора. В сборник вошли статьи и их фрагменты, написанные автором в разное время (например, «Место балтийской религии в религиозном контексте Северной Европы», «Балтийская мантика: между германцами и аланами», «Космогонические элементы в литовских песнях» и др.).

***Daunys S.* Pirtis kaimo kultūroje. Rumšiškės, 2003. 156 p.**

***Даунис С.* Баня в деревенской культуре. Румшишкес, 2003. 156 с.**

Сборник статей этнографа и собирателя фольклора Стасиса Дауниса о литовских народных представлениях и обычаях, связанных с баней.

***Greimas A. J.* Lietuvių mitologijos studijos. Vilnius, 2005. 750 p.**

***Греймас А. Ю.* Исследования по литовской мифологии. Вильнюс, 2005. 750 с.**

Собрание практически всех работ известного французско-литовского семиотика Альгирдаса Юлиуса Греймаса, посвященных литовской мифологии. В сборник включены и незаконченные, не издававшиеся ранее работы автора, в том числе начатый им словарь литовской мифологии. Хотя А. Ю. (французское произношение второго имени — Ж.) Греймаса как семиотика, писавшего на французском, представлять нет нужды, мало кому известно, что он долгие годы параллельно систематически занимался литовской мифологией, применяя к ней и в некотором смысле проверяя на ней свои теоретические разработки. В результате по этой теме на литовском языке им были написаны два фундаментальных исследования (*Apie dievus ir žmones* «О богах и людях» и *Tautos atminties beieškant* «В поисках памяти народа», изданы в одной книге в 1990 г. в Вильнюсе) и немало интересных статей, после чего А. Ю. Греймас стал одним из самых выдающихся авторов, писавших о литовской мифологии.

Jono Basanavičiaus tautosakos biblioteka 12: Juodoji knyga. Vilnius, 2004. 681 p.

Библиотека по фольклору Йонаса Басанавичюса 12: Черная книга. Вильнюс, 2004. 681 с.

12-й том полного издания трудов Йонаса Басанавичюса, связанных с литовской народной традицией; в данном томе представлены собранные им литовские предания и поверья, относящиеся к колдовству. Первый том собрания вышел в свет в 1993 г.

Jono Basanavičiaus tautosakos biblioteka 13: *Basanavičius J.* Levas lietuvių pasakose ir dainose. Vilnius, 2003. 354 p.

Библиотека по фольклору Йонаса Басанавичюса 13: *Басанавичюс Й.* Лев в литовских песнях и сказках. Вильнюс, 2003. 354 с.

13-й том полного собрания трудов Йонаса Басанавичюса, связанных с литовской народной традицией; в данном томе переиздается

известный труд автора об образе льва и о его появлении в литовской народной традиции.

Jono Basanavičiaus tautosakos biblioteka 14: *Basanavičius J.* Raštai. Pirma knyga: Straipsniai, studijos. Vilnius, 2003. 468 p.

Библиотека по фольклору Йонаса Басанавичюса 14: *Басанавичюс Й.* Сочинения. Книга первая: Статьи, исследования. Вильнюс, 2003. 468 с.

14-й том полного собрания трудов Йонаса Басанавичюса, связанных с литовской народной традицией; в данном томе представлены разные статьи автора по истории, традиционной культуре литовского народа и его древним связям с ближайшими и дальними соседями.

Jono Basanavičiaus tautosakos biblioteka 15: *Basanavičius J.* Raštai, antra knyga: Publicistika, recenzijos. Iš gyvenimo kronikos ir laiškų. Vilnius, 2004. 392 p.

Библиотека по фольклору Йонаса Басанавичюса 15: *Басанавичюс Й.* Сочинения. Книга вторая: Публицистика, рецензии. Из жизненной хроники и переписки. Вильнюс, 2004. 392 с.

15-й и последний том полного собрания трудов Йонаса Басанавичюса, связанных с литовской народной традицией.

***Karaliūnas S.* Baltų praeitis istoriniuose šaltiniuose. T. I–III: Rodyklė. Vilnius, 2004. 220, 472 ir 75 p. atitinkamai.**

***Каралюнас С.* Прошлое балтов в исторических источниках. Т. I–III: Указатель. Вильнюс, 2004. 220, 472 и 75 с. соответственно.**

Капитальный труд известного литовского лингвиста Симаса Каралюнаса о первых доказанных и предполагаемых упоминаниях балтийских племен и происхождении их названий, а также названия Балтийского моря, на основе которого в XIX в. был создан общий этноним балтов, с исчерпывающим привлечением источников и исследований по указанным вопросам.

Kupolė rožė: Sekminių–Joninių papročiai ir tautosaka. Vilnius, 2003. 460 p.

Купала-роза: обычаи и фольклор Троицы–Ивана Купалы. Вильнюс, 2003. 460 с.

Избранные образцы всех жанров устной народной культуры (песни приводятся в сопровождении нот), относящейся к указанному календарному циклу. Книга составлена коллективом сотрудников Центра литовской народной культуры, которым и издана, и является продолжением вышедшего в свет в 2000 г. издания Atvažiuoja Kalėdos: Advento–Kalėdų papročiai ir tautosaka. 190 p. («Приезжает Коляда: Обычаи и фольклор Рождества и Святок». 190 с.)

***Pretorijus M.* Prūsijos įdomybės, arba Prūsijos regykla. T. II. Vilnius, 2004. 882 p.**

***Преториус М.* Прусские достопримечательности, или обозрение Пруссии. Т. II. Вильнюс, 2004. 882 с.**

Второй том известного труда прусского историка XVII в. Матеуса Преториуса *Deliciae Prussicae, oder Preussische schaubühne*, включающий вторую («Прусская демонология») и третью («Прусская топография») книги оригинала; издание немецкой рукописи, хранящейся в Вильнюсском университете, с переводом на литовский язык. Первый том вышел в 1999 г.

***Razauskas D.* Vėjūkas: lietuvių vėjo demono vardo ir įvaizdžio rekonstrukcija, atsižvelgiant į vieną skitų atitikmenį (osetinų *wæjug/wæjyg*). Vilnius, 2004. 205 p.**

***Разаускас Д.* Веюкас: Реконструкция имени и образа литовского демона ветра, с учетом одного скифского соответствия (осетинское *wæjug/wæjyg*). Вильнюс, 2004. 205 с.**

На основе данных литовской традиции о демонических проявлениях ветра (вихря) и с привлечением сравнительного материала, в первую очередь латышского и славянского, восстанавливается образ литовского демона ветра, который оказывается во многом сходным с демоническим существом, великаном осетинской традиции *wæjug/wæjyg*. Названию последнего, в свою очередь, формально тождественны один из литовских диминутивов лексемы, обозначающей ветер — *vėjukas* и одно из названий флюгера *vėjūkas*.

***Senvaitytė D.* Ugnis senojoje lietuvių tradicijoje: mitologinis aspektas. Kaunas, 2005. 121 p.**

***Сянвайтите Д.* Огонь в древней литовской традиции: мифологический аспект. Каунас, 2005. 121 с.**

Молодой литовский этнолог и мифолог Даля Сянвайтите рассматривает традиционные литовские представления, а также основных мифологических персонажей, связанных с огнем, которые отражены в исторических источниках по литовской мифологии, в фольклоре и народных обычаях.

***Usačiovaitė E.* Augimo samprata senojoje lietuvių kultūroje. Vilnius, 2005. 278 p.**

***Усачёвайте Э.* Концепция роста в древней литовской культуре. Вильнюс, 2005. 278 с.**

На основании образцов народного искусства и фольклора рассматриваются традиционные литовские представления, связанные с ростом растений и развитием человека.

Vaicekauskas A. **Lietuvių žiemos šventės: bendruomeninės kalendorinio ciklo apeigos XIX a. pab. — XX a. pr. Kaunas, 2005. 190 p.**

Вайцякаускас А. **Литовские зимние праздники: общинные праздники календарного цикла конца XIX — начала XX в. Каунас, 2005. 190 с.**

Обозрение народных зимних праздников с точки зрения структурной и семантической трансформации обряда, связанной с социокультурными переменами в жизни народа указанного периода. Выявляется основная тенденция рассматриваемой трансформации: аграрная магия уступает место деревенским увеселениям.

Vaitkevičienė D. **Ugnies metaforos: Lietuvių ir latvių mitologijos studija. Vilnius, 2001. 205 p.**

Вайткявичене Д. **Метафоры огня: исследование по литовской и латышской мифологии. Вильнюс, 2001. 205 с.**

В книге талантливой фольклористки и мифолога с семиотической точки зрения рассматриваются трансформации образа огня в литовской и латышской народных традициях. Книга вышла не в самое последнее время, но она заслуживает упоминания.

Vaitkevičius A. **Alkai: Baltų šventviečių studija. Vilnius, 2003. 320 p.**

Вайткявичюс В. **Алки: исследование святилищ балтов. Вильнюс, 2003. 320 с.**

На основании данных истории, археологии, географии, языка, народных преданий и обычаев представлено обозрение и систематизация древних (языческих) святилищ (по-литовски *alkai*, ед. ч. *alkas*) на территории современной Литвы — святых холмов, лесов, озер, источников, камней (жертвенников) и т. п., обнаруживающих следы культа.

Д. Разаускас

Аннотированная библиография новых работ по истории, языкам и культуре Латвии (2004–2005 гг.)

Letonica. Humanitāro zinātņu žurnāls. Literatūra, folklora, māksla. [Rīga], 2004. № 11. 260 lpp., il.

Летоника. Журнал гуманитарных наук. Литература, фольклор, искусство. [Рига], 2004. № 11. 260 с., ил.

В этом выпуске журнала «Летоника» собран ряд статей, посвященных исследованиям по этнографии и фольклору. В статье Эвы Эглайи-Кристсоне «Стихотворение Иманта Зиедониса + кришнаитская мелодия = латышский фольклор? Или сближение литературного процесса с фольклорным движением» исследуется история одной популярной песни, ставшей символом эпохи 1980-х гг. и традиционализировавшейся в рамках латышской культуры. Янина Курсите обращается к повседневным стереотипам и представлениям о региональных этнокультурных общностях (*«чангалах»* и *«чулах»*) среди латышей. Байба Крогземе-Мосгорд анализирует контекст школьных рукописных альбомов. В статье Иветы Тале рассматривается символика денег в латышском фольклоре и обрядах. В разделе «Архивы, документы, материалы» представлены методы сбора данных по устной истории (М. Зирните), песенного фольклора (А. Бейтане), размышления о методах сбора советского фольклора в Латвии (Б. Инфантьев). Статьи М. Виксны и А. Путелиса посвящены восьмидесятилетнему юбилею Архива латышского фольклора.

Līvlist āigastrōntõz. Lībiešu gadagrāmata / Sast. B. Šuvcāne. Rīga: Īpašu uzdevumu ministra Sabiedrības Integrācijas lietās sekretariāts, 2005. 196 lpp., il.

Ливский календарь / Сост. Б. Шувцане. Рига: Секретариат отдела общественной интеграции министра по особым поручениям, 2005. 196 с., ил.

Эта книга — сборник статей, посвященных истории и культуре, этнической идентичности ливов. К историографии исследования ливского языка и повседневной культуре ливов обратились В. Шувцане и В. Эрнштрейтс (статьи о Л. Кеттунене, А. Б. Бертхольде), Т. Карма (статьи о Ф. Й. Видемане и П. Аристэ). Народным святыням ливов посвящены работы Г. Эньньша и С. Лайме; об архитектурных памятниках и музеях, связанных с историей и культурой ливов, идет речь в статьях Б. Шувцане, Э. Емельянова, А. Берги. Представлены страницы некоторых биографий, история ливских семей. Рассказ о своей семье Б. Дамберг написала на севернокурземском диалекте. Издание сопровождается множеством иллюстраций, в том числе архивных фотографий.

Meklējumi un atradumi. Rakstu krājums / Sast. I. Daukste-Silasproģe. Rīga: «Zinātne», 2005. 196 lpp.

Поиски и находки. Сборник статей / Сост. И. Дауксте-Силаспроге. Рига: «Зинатне», 2005. 196 с.

Сборник статей известных латвийских литературоведов, искусствоведов и фольклористов — участников ежегодной конференции Института литературы, фольклора и искусства. Ряд статей посвящен истории и культурному контексту латышской литературы (статья М. Грудуле — об эпохе начала XIX в., просвещении крестьян, его

отражении в литературе и влиянии на движение младолатышей; И. Генесе-Плауде — о переписке Августа Деглава, В. Вавере — о неопубликованных трудах В. Эглитиса, Р. Бриедис — о семантике имен в латышской поэзии советской эпохи). Творчеству художника и поэта Юрия Сойкана посвящена статья И. Сальцевич, литературное творчество композитора Маргертса Зариньша исследуется Л. Шиловой. В статьях фольклористов представлены новые записи народных песен в контексте областной культуры (М. Виксна), исследования музыкальной культуры цыган Латвии (И. Тиховска), процессы создания новых фольклорных текстов и идиоматических оборотов в контексте вхождения Латвии в Евросоюз (Д. Була).

Pazīstamāko latviešu dzejoļu simts / Sast. R. Briedis, red. I. Stašulāne. Rīga: «Zinātne», 2004. 160 lpp.

Сотня известнейших латышских стихотворений / Сост. Р. Бриедис, ред. И. Сташулане. Рига: «Зинатне», 2004. 160 с.

Составитель настоящего сборника, латышский литературовед Раймонд Бриедис, так представляет идею создания книги: «Вначале была шутка. Отобрать латышские стихотворения, которые знают все. Стихотворения, отдельные строки которых обрели самостоятельное существование, используются в беседах, на официальных мероприятиях, на свадьбах, похоронах и крестинах. Те, которые стали банальными. И давно потеряли имя автора, время создания, и даже свой поэтический контекст. Потом появился азарт. Сколько стихотворений и каким образом обычно сохраняется в человеческой памяти... Таким образом, один из критериев этого отбора — всеобщая известность, по крайней мере одной или нескольких строк... Собрав сотню, я был удивлен: это хорошие стихи, сочиненные в разные времена. Одновременно это краткий конспект латышской поэтической истории, каталог поэтических образов, существующих в памяти читателей и не-читателей. Конечно, на это повлияли школьные программы, общественные перипетии истории и многочисленные национальные возрождения, различные идеологии, песенная и хоровая культура, позднее — эстрада. Многие из представленных текстов стали песнями, но важно подчеркнуть, что это, прежде всего, авторские стихотворения». Стихотворения представлены в хронологическом порядке; начинают собрание стихотворения первой половины XIX в. («Матвейчик» А. Ливенталя, «Песни латышских друзей» Я. Ругена, «Река и жизнь человека» Кр. Барона), последние тексты (М. Залите, О. Вациетиса, В. Белшевицы, К. Скуениекса, К. Элсберга) были созданы в 1980-е гг.

Praktiskā Jāņu grāmata. Rīga: V/A «Tautas mākslas centrs», 2004. 100 lpp., il.

Практическая книга на Янову ночь. Рига: «Центр народного искусства», 2004. 100 с., ил.

Празднование Яновой ночи — важнейший календарный праздник латышей, получивший ныне официальный государственный статус. Накануне праздника (23–24 июня) в городах Латвии проходят «Зеленые базары», куда люди приходят, чтобы купить сыр, хлеб, венки и различные травы для украшения дома. Я купила эту книгу на Зеленом базаре на Домской площади в Риге. Ее составитель, Аида Ранцане, пишет в предисловии: «Кто такой Янис на Янах? Кто — его жена и дети?.. Приготовление сыра — это порождение мира, а воровство молока — обретение света? Как следует подготовить Янову горку, и как запускать огненное колесо? Как сплести венки и лечебные веники для бани? Наконец, как нужно провести эту самую короткую ночь в году, чтобы наполниться энергией на весь год?.. Эта книга знакомит с самыми важными составными частями праздника Яновой ночи, дает практические советы по приготовлению трапезы, сбору лекарственных трав, банным традициям, проведению обрядов». В сборнике помещены статьи известных исследователей латышского фольклора (И. Тале, А. Бейтане, А. Капустс), символики и народной космологии (Я. Клетникс, В. Гравитис), этнографа, знатока латышского народного костюма И. Зиньгите, специалиста по религии и этнической культуре А. Мисане.

***Sīle Z.* Lībiešu valodas ābece. Rīga: Anitas Mellupes SIA BO «Likteņstāsti», 2005. 112 lpp., il.**

***Силе З.* Букварь ливского языка. Рига: Издательство Аниты Меллупе «Ликтеньстасти», 2005. 112 с., ил.**

Ливский букварь, автором которого является Зоя Силе, преподаватель ливского языка. Вот как она представляет себя в аннотации: «Меня зовут Зоя Силе. Я родом с ливского берега Северной Курземе. Имя мне дал отец, фамилию муж, а ощущение принадлежности к ливам — мама, рассказывавшая мне о жизни на ливском побережье, где мой дед, обходя утром усадьбу Ниглини в Саунаге, бормотал: *Ак, Юмала, Юмала*... („О, Господи, Господи...“), и где за дюнами всегда шумело море. У меня двое сыновей, два внука и внучка. Но очень близки мне как те люди, у которых я училась петь, говорить и читать по-ливски, так и те, кого я этому же учу. Я — учительница ливского языка».

Настоящий букварь создан «для ливов, чей родной язык — латышский, и для латышей, желающих изучать ливский язык». Это пособие для летних детских и юношеских лагерей, в которых проводит-

ся обучение. Это благодарность ансамблю «Ливлист», сохраняющему ливское певческое наследие.

Здесь дана историческая хроника. Приведено множество ливских текстов с параллельным переводом на латышский язык. Это духовные стихи и переводы евангельских текстов Карлиса Сталте (1930-е гг.), этнографические записки из архивов «Ливлист» и личных архивов. С каждой из букв ливского алфавита автор связывает культурные символы, артефакты, повседневность и мировоззрение ливов.

Множество иллюстраций, фотографий, рисунков, факсимильных фрагментов рукописей, песен с нотами.

Suitu identitāte. Rakstu krājums / Red., sast. J. Kursīte. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 176 lpp., il.

Идентичность суитов. Сборник статей / Ред. и сост. Я. Курсите. Рига: Академическое издательство Латвийского университета, 2005. 176 с., ил.

Сборник статей под редакцией профессора Латвийского университета, филолога Я. Курсите, представляющий материалы нескольких экспедиций 2002–2004 гг. ученых, преподавателей, аспирантов и студентов Латвийского университета, Института философии и социологии, Латвийской Академии культуры в область проживания суитов — уезды Алсунга, Юркалне, Гудениеки и Баси Курземе. Эта область принадлежала в XVII в. Йохану Ульриху фон Шверину, женившемуся на польке Барбаре Конарской и принявшему католицизм. Распространение в подвластных ему землях католичества и польское влияние создало предпосылку для культурного обособления и появления отчетливой региональной специфики местного латышского населения. В настоящей книге представлены жизнеописания, множество новых впервые публикуемых материалов по устной истории, священному ландшафту (народным святыням), традициям пения, обрядам жизненного цикла, повседневной культуре, костюму и обычаям украшения и убранства дома. Большое внимание обращено на биографию отдельных людей, судьбы семей, на сохранение духовной культуры, объединившей архаические балтские черты с христианством двух конфессий — лютеранством и католичеством.

Zemītis G. **Ornaments un simbols Latvijas aizvēsturē. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2004. 227 lpp., il.**

Земитис Г. **Орнамент и символ в древней истории Латвии. Рига: Издательство Института истории Латвии, 2004. 227 с., ил.**

Монография известного археолога, исследователя традиций орнаментации древних народов Латвии Гунтиса Земитиса посвящена развитию и символике орнамента. Особенно значительный материал, представленный автором, связан с раскопками на древнем городище земгалов Даугмале (X–XII вв.). Отдельные статьи посвящены символике конкретных орнаментальных знаков, солярным и лунарным образам, образам всадника, конскому культу. Отдельному анализу подвергается проблема специальной порчи предметов, помещаемых в погребения, форма и бытование амулетов из медвежьих когтей. Автор описывает этнокультурные черты ливского и куршского ареалов, которые восстанавливаются по археологическим данным.

Русский фольклор в Латвии. Частушки. Собрание И. Д. Фридриха / Сост. Ю. И. Абызов. Рига: Латвийское общество русской культуры, 2004. 200 с.

Первая публикация частушек, собранных сельским учителем и фольклористом Иваном Дмитриевичем Фридрихом начиная с 1926 г. среди русского сельского населения Латгалии.

«Рутения» в Риге и на чужбине / Сост. Е. А. Осипов, Г. Г. Гроссен, Д. А. Левицкий. Вашингтон; Рига: Латвийское общество русской культуры, Рижская русская студенческая корпорация «Рутения», 2005. 264 с.

Уникальное издание, посвященное истории возникновения и развития рижской русской студенческой корпорации «Рутения». Утвердившееся среди немецких студентов корпорационное устройство стало перениматься и латышскими, и русскими студентами в Рижском политехническом институте, а затем и в Латвийском университете. Корпорация «Рутения», сложившаяся в 1929 г., играла также роль русского землячества. Настоящий свод материалов представляет контекст существования студенческих корпораций в Латвии, очерк истории и структуры «Рутении», повседневную жизнь корпорантов, рассказы о судьбах людей, в том числе о жизни в эмиграции. Книга богато иллюстрирована архивными фотографиями и изображениями символики корпорации, в ней также представлено поэтическое творчество рутенов.

С. И. Рыжакова

Дзярновіч А. **«...in nostra Livonia», «...у нашай Лівоніі». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV — першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз. Мінск: Athenæum, 2003. Т. I.**

Дзярнович О. И. **«В нашей Ливонии». Документальные источники по истории политических отношений между Великим княжеством Литовским**

и Ливонией в конце XV — первой половине XVI в.: Систематизация и актовый анализ. Минск: Athenæum, 2003. Т. 1.

Труд О. И. Дзярновича посвящен очень важному аспекту в истории двух государств, в географическом плане занимающих промежуточное положение между католическим миром Западной Европы и православным Русским государством, в котором активно проходили процессы внутренней централизации. И Ливонский орден, и Великое княжество Литовское были самым тесным образом связаны с обоими этими мирами — как в политическом, так и в конфессиональном смысле. Оба государства практически все время находились либо в состоянии войны, либо в ожидании военного столкновения. Вместе с тем взаимоотношения с соседями, в первую очередь с Россией, вынуждали Орден и Великое княжество не только договариваться о взаимных уступках, но и заключать соглашения о совместных действиях против русских, о разделе сфер влияния в ближайших русских регионах.

Кроме того, на рубеже XV–XVI вв. начало меняться соотношение сил между данными государствами. Внутриполитические противоречия в прусских землях Тевтонского ордена, уступка Восточного Поморья Польше, победа Реформации, секуляризация и превращение прусской провинции Ордена в герцогство — все это позволило Ливонскому ордену обрести полную государственную самостоятельность, но оставило его один на один с Польско-литовским государством и усиливающимся Московским великим княжеством. Выбирая из двух зол меньшее, что в данном случае было основано на общности антирусских интересов, Ливонский орден начал постепенно сдавать позиции перед Великим княжеством и к началу Ливонской войны стал протекторатом Великого княжества Литовского (Посвольские соглашения 1557 г., договор о протекторате 1559 г.). В результате, начав в 1558 г. Ливонскую войну против Ордена и Рижского архиепископа, Иван IV столкнулся и с Великим княжеством Литовским, а затем, после Люблинской унии 1569 г., и с единой Речью Посполитой. Особо подчеркивается значение Великого княжества Литовского для формирования украинской и белорусской наций.

От того времени сохранилось большое количество документов, в значительной мере известных историкам, но далеко не все они детально изучены. В связи с этим чрезвычайно важна работа, проделанная О. И. Дзярновичем. Первый раздел книги посвящен общим вопросам истории Ливонии и Великого княжества Литовского в конце XV — начале XVI в., а также историческим условиям, в результате которых сложилась указанная выше политическая ситуация в регионе. Кроме того, приведен краткий очерк дальнейших событий истории латышского и литовского народов вплоть до образования самостоятельных государств в начале XX в. Этот далекий от XV и XVI вв. экскурс необходим, ибо дает представление о том времени, когда формировались основные фонды источников, подлежащие ныне исследованию.

Автор обстоятельно изучает историю создания крупнейших фондов источников, содержащих документы по анализируемой проблеме. Среди этих фондов — Метрика Великого княжества Литовского, Кенигсбергский Тайный архив Тевтонского ордена, архивные коллекции Ливонии, архив семейства Радзивиллов (Радивилов), Коронный архив Польского государства, архив Канцелярии Священной Римской империи, архив Посольского приказа Российского государства, а также некоторые другие, менее крупные архивные собрания России и Ливонии. Начало складывания документальных фондов восходит еще ко времени позднего Средневековья и раннего Нового времени. Эти документы начали публиковаться еще в конце XVI — XVII в., хотя основной массив источников, которые находятся в поле зрения автора настоящего труда, был издан в XIX — 1-й пол. XX в.

О. И. Дзярнович рассматривает известные документы, разделяя их по основным рубрикам. Так, глава 4 его работы посвящена документальным источникам по истории взаимоотношения ВКЛ и Ливонии. При этом отдельно скомпонованы документы, опубликованные в изданиях каждой из двух сторон: 1) в архивных коллекциях Великого княжества Литовского и Польского королевства и 2) в архивных коллекциях Ливонии и Пруссии. В главе 5 помещены документы по истории дипломатических сношений между Великим княжеством Литовским и Ливонией. Автор анализирует также формуляр изучаемых источников. В отдельной главе (гл. 6) излагается история появления важнейших договорных актов, составленных в подтверждение военных перемирий и союзов (1492–1501, 1501–1502, 1503, 1506).

Все публикуемые источники снабжены легендами, содержащими сведения о происхождении оригинала документа, его нахождении, количестве известных копий и месте их хранения, а также о всех публикациях источника. Кроме того приводится информация как о самих организаторах и хранителях фондов и источников, так и о составителях и издателях сборников опубликованных документов.

Особое внимание уделяется определению исторического значения и места ливонского направления политики Великого княжества Литовского в контексте создания единого Польско-Литовского государства (уния 1569 г.) и политического положения этого государства в Европе.

Книга снабжена также картографическим материалом.

Без сомнения труд О. И. Дзярновича представляет большую научную ценность для историков, занимающихся изучением всего региона Центрально-восточной Европы, а также истории России. Белорусский язык книги вполне доступен для российских исследователей.

Е. Л. Назарова

Vilcāne A. **Senā Jersika. Rīga: LU Latvijas vēstures institūts, 2004. 114 lpp.**

Вилцане А. **Древняя Ерсика. Рига: Институт истории Латвии Латвийского Государственного университета, 2004. 114 с.**

Ерсика (*Gercike, Gersika* — в письменных источниках XIII в.) — один из важнейших археологических и исторических памятников Латвии, центр формирования ранней латгальской государственности. Особая значимость этого центра привлекала к Ерсике внимание исследователей (остзейских, латышских, русских и др.) начиная с первых лет научного изучения истории Латвии, т. е. с середины XIX в. Активные археологические исследования Ерсикского памятника (городища, неукрепленного поселения-посада, могильника) начались в 20–30-х гг. XX в. Тогда же на основании комплексного изучения письменных сведений и вновь полученного археологического материала были написаны первые работы о Ерсике (А. Швабе, Ф. Балодис). Тем не менее памятник (который, к сожалению, постоянно разрушается) удалось исследовать лишь в небольшой степени. Хотя новые исследовательские подходы к раннегосударственной истории латгалов, переосмысление имеющегося материала требовали продолжения изучения Ерсики, раскопки были возобновлены лишь с начала 90-х гг. XX в. Книга А. Вилцане — первая специальная работа о Ерсике за последние более чем 60 лет. В книге обобщены материалы проведенных за последнее десятилетие раскопок с учетом выводов, сделанных по раскопкам довоенного времени. Кроме того, в вводной части работы автор помещает краткий очерк истории изучения Ерсикского комплекса, анализирует сведения о Ерсике в письменных источниках, о географическом расположении комплекса, определившем его стратегическое значение на Западной Двине — Даугаве. Изучение добытого в 30-х гг. прошлого века материала с городища позволило при современных раскопках сконцентрировать усилия на тех аспектах, которые могли бы всесторонне характеризовать Ерсику как хорошо укрепленный замок — место обитания латгальского князя и центр большой подчиненной ему территории. В связи с этим детально исследована система укрепления замка — размеры и конструкции оборонительного вала. Проведено изучение построек и реконструированы жилые и ремесленные помещения. Тщательно изучены найденные артефакты, характеризующие как быт обитателей городища в X–XIV вв., так и основные занятия и социальный статус жителей. Новые находки подтверждают постоянное присутствие на городище представителей знати, воинов-дружинников, а также ремесленников. Ремесленники разных специальностей, а кроме того, купцы жили и на поселении у подножья городища.

А. Вилцане специально останавливается на имеющихся в литературе мнениях об этническом происхождении и смысловом значении названия *Герцике*. Автор проводит также сравнение между Ерсикским комплексом — городищем сравнительно небольшой площади с неукрепленным поселением — и городищами значительно большей площади, где естественные условия позволяли концентрировать жизнь на защищенной оборонительным валом площадке.

В целом имеющиеся в настоящее время данные подтверждают прежние выводы исследователей о социальной и политической значимости Ерсики как центра раннегосударственного княжества с преимущественно латгальским населением, заметным влиянием православия, как центра, вассального Полоцку. Подтверждается возможность и говорить о Ерсике как именно латгальском (в этническом отношении) центре. Следы постоянно проживающего здесь русского населения, в том числе и среди социальной верхушки, практически отсутствуют.

Вместе с тем нельзя не согласиться со словами автора, что сделанные выводы носят пока предварительный, промежуточный характер, поскольку значительная часть комплекса остается еще не исследованной.

Книга снабжена иллюстративным материалом, списком литературы по истории изучения Ерсики и других раннесредневековых памятников Латвии. Кроме того имеется аннотация на английском языке.

Е. Л. Назарова

Эпоха крестовых походов в Латвии в исследовании американского профессора

Šterns I. **Latvijas vēsture. 1290–1500. Rīga: «Daugava», 1997. 740 lpp.**
Штернс И. **История Латвии. 1290–1500. Рига: «Даугава», 1997. 740 с.**

Eusdem. **Latvijas vēsture. 1180–1290. Krustakari. Rīga: LU Latvijas vēstures institūta apgāds, 2002. 735 lpp.**
Он же. **История Латвии. 1180–1290. Крестовые войны. Рига: Издательство Института истории Латвии, 2002. 735 с.**

У современных исследователей истории Балтийского региона нет оснований для недовольства научной активностью латвийских историков и археологов. За вторую половину XX в. несмотря на ряд огра-

ничений идеологического характера изучение древнейшего и средневекового периода истории Латвии сделало огромный шаг вперед, успешно продолжив разработки ученых Латвийской Республики предвоенного времени. Параллельно историей Латвии достаточно активно занимались и латышские ученые, оказавшиеся в эмиграции — в научных центрах Западной Европы и США. Их работы стали более доступны в СССР только к середине 80-х гг.

Собственно говоря, ученые в СССР и за рубежом, хотя в определенной мере и продолжали исследовательские традиции, сложившиеся в довоенной Латвии, все же (особенно в 70–80-х гг., когда выросло новое поколение специалистов) принадлежали к разным научным школам, во многих аспектах опиравшимся на разные методологические подходы. Вообще не совсем правомерно говорить о двух национальных латышских школах: обе школы достаточно быстро приобрели интернациональный характер. Причем интерес к истории Латвии в Западной Европе и США проявлялся более активно, чем среди историков СССР за пределами Восточной Прибалтики. Это было связано и с тем, что за рубежом оказались кроме этнических латышей и эстонцев еще и прибалтийские немцы, а интерес к Восточноприбалтийскому региону был связан не только с вниманием к национальной истории как таковой, но и (в не меньшей степени) к истории крестовых походов на Балтике. Но и в самом СССР интерес к региону, в том числе и в контексте истории Ливонского ордена и русско-ливонских отношений, постепенно увеличивался. Обе научные школы имели свои достоинства и недостатки, а потому наиболее позитивный исследовательский результат мог бы быть достигнут в объединении усилий и при возможности постоянных контактов и обмена информацией. Отчасти зарубежные исследователи оказывались в значительно худшем положении, чем их коллеги в СССР, поскольку долгое время не могли пользоваться прибалтийскими архивами. Кроме того, за рубеж попадали далеко не все публиковавшиеся в СССР издания. Хотя и в Латвии (и в СССР в целом) далеко не всегда были доступны выходившие за рубежом исследования.

Столь обстоятельное предисловие к характеристике двух представляемых ниже книг не случайно. Автор, И. Штернс — этнический латыш, представитель старшего поколения латышских историков в эмиграции, воспитанник Латвийского, Сиднейского и Пенсильванского университетов, американский профессор, автор работ по средневековой истории, глав в многотомной «Истории крестовых походов». Две монографии по истории Латвии — самые объемные его работы. При всей фундаментальности этих исследований они, по нашим представлениям, имеют пробелы хотя бы в том, что практически не используется русскоязычная историография. Это объяснимо, но вряд ли правомерно, особенно в плане изучения внешнеполитических отношений, без которых невозможно понять историю Латвии в средневековый период. Вместе с тем монографии Штернса представляют безусловный интерес, ибо дают и специалистам, и просто интересующимся скрупулезное описание истории Латвии за три с лишним века. После выхода второй книги, посвященной более раннему времени, история Латвии эпохи крестовых походов приобрела почти законченную форму, почти — поскольку по принятой в настоящее время в историографии хронологии крестовых походов конец этой эпохи относят к моменту ликвидации ливонских государств — 1561 г.

Хотя первой была написана монография, в которой рассматривается история Латвии с конца XIII до начала XVI в., далее основные положения исследования автора излагаются в хронологической последовательности.

Начало завоевания крестоносцами Восточной Прибалтики (вторая монография) автор рассматривает на фоне крестоносного движения в целом, анализирует идеологию крестовых походов. В оценках причин крестовых походов на Балтике И. Штернс традиционен. Первичным в этом процессе он считает экономические интересы европейского купечества и рыцарства — в отличие от мнения, получившего в настоящее время большое распространение в английской и американской историографии, что, начиная поход в Прибалтику, крестоносцы руководствовались чисто идейными соображениями: приобщить местное население к христианской вере.

Описанию событий начала завоевания предшествует также очерк, оценивающий политическое, социальное и экономическое положение народов Латвии на тот момент. Повествование строится на комплексном привлечении археологических, нумизматических, антропологических и письменных источников. Рассказ о завоевании и противостоянии крестоносцам местного населения основан на детальном изложении основного источника — «Хроники Ливонии» Генриха, но используется и информация других западноевропейских хроник, а также актовый материал. Подробно рассказывается также об образовании ливонских феодально-духовных государств, о складывании сословий, развитии феодального землевладения, городов, укреплении положения католической церкви, борьбе между рижскими епископами (архиепископами) и рыцарями орденов (сначала меченосцев, затем — Ливонского) за политическую гегемонию в регионе. Верхняя хронологическая граница определяется завершением последнего этапа борьбы местного населения — признанием власти крестоносцев земгалами.

В другой монографии Штернса (написанной первой) последовательно освещается жизнь народов Латвии с конца XIII в. до начала XVI в. В книге всесторонне раскрывается административное устрой-

ство Рижского епископства и Ливонского ордена, показывается механизм управления населением, распоряжения собственностью, складывания ленного сословия, а также сословия крепостного крестьянства — поэтапное лишение крестьян их земельной собственности, усиление натурального и денежного обложения сельских жителей, прикрепление их к хозяйству («к земле») и договоры между сословиями о выдаче беглых. Анализируются также различные категории местного населения: лично свободные крестьяне-хозяева, зависимые категории: калпы, дрелли и др. Несколько глав посвящено внутренней ситуации в Ливонии: непрекращающимся военным конфликтам между Рижским архиепископством и Ливонским орденом — за политическое господство в регионе, за перераспределение отдельных территорий, за владение Ригой. Большое внимание уделяется деятельности ландтагов: основной идее их создания, принципам формирования, периодичности и тематике заседаний, попыткам урегулировать отношения в Ливонии, не доводя до вооруженных конфликтов, возможностям влияния на решение ландтагов каждого из участвовавших в их работе сословий.

Подробно анализируется процесс политического и военного возвышения Ливонского ордена, однако автор останавливает исследование на первом этапе правления магистра Вольтера Плеттенберга, при котором практически произошло объединение всех ливонских территорий под властью Ливонского ордена и который прилагал максимум усилий для создания в регионе единого орденского государства.

Большое внимание уделено внешнеполитическим отношениям — с Великим княжеством Литовским и Россией.

На фоне непрекращающейся войны описывается процесс выживания крестьянства, складывание отдельных народностей на основе племенных объединений, а затем формирование единого латышского народа. Рассматриваются социальные и экономические составляющие латышского общества и их изменения в освещаемый в книге период: разложение семейной общины и создание малой семьи, особенности крестьянской общины, домашний быт, занятия, развитие сельскохозяйственного производства, крестьянского ремесла, включение крестьян в рыночные отношения, сложение общеливонского рынка. Представлены также областные особенности материальной культуры, костюма, особенности местных диалектов, отношение к католичеству и различные варианты сохранения и проявления языческих верований, взаимоотношения со священниками на уровне приходских общин.

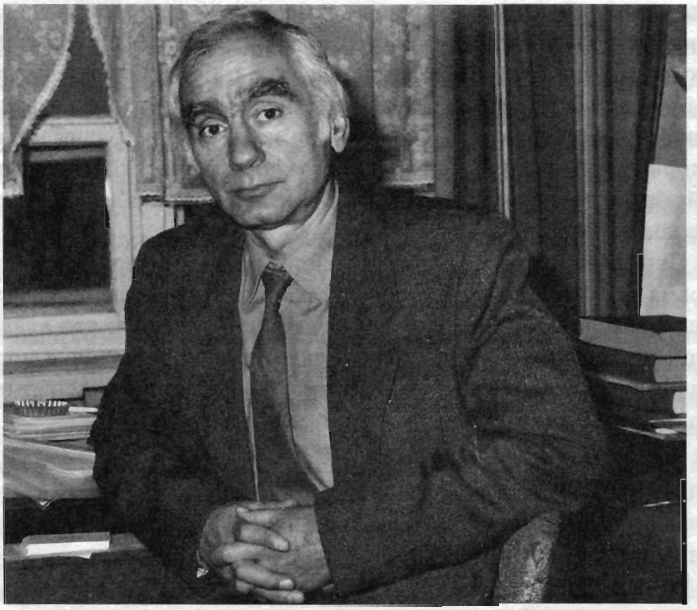
Обе монографии снабжены большим количеством иллюстративного и картографического материала, подробными хронологическими таблицами и указателями.

Книги были задуманы не столько как оригинальное исследование, сколько как общее историческое описание происходивших событий. Представляется, что далеко не все проблемы истории Латвии за рассматриваемый период получили освещение, соответствующее современному уровню исследования. В обширном списке литературы отсутствуют многие важные исследовательские работы. Описательная сторона в монографиях Штернса значительно превалирует над аналитической. Однако в этом сказались особенности подхода к источникам западной исторической школы, а также, возможно, сложности для западноевропейских и американских историков в использовании выходившей в советское время литературы.

При всех этих недостатках монографии Штернса могут быть весьма полезны для общего и детального ознакомления с историей средневековой Латвии: для самих латышей, для тех, кто владеет латышским языком, но и не только для них, ибо достаточно полно познакомиться с содержанием этих трудов можно по подробным и обстоятельным аннотациям на английском языке.

Е. Л. Назарова

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧЕКМАНА (1936–2004)



17 марта 2004 г. после тяжелой болезни ушел из жизни доктор гуманитарных наук, профессор кафедры славянской филологии Вильнюсского университета, директор Центра по изучению безгосударственных культур при Историческом факультете Вильнюсского университета, ответственный редактор журнала «Slavistica Vilnensis» Валерий Николаевич Чекман (Чекмонас) — известный славист, автор более 200 научных работ, опубликованных в различных научных изданиях России, Беларуси, Литвы, Польши, Швеции, Норвегии, Македонии, США и других стран.

Валерий Николаевич Чекман родился 26 декабря 1936 г. (официально 25 октября 1937 г.) в Черкасской области на Украине, закончил Киевское Суворовское военное училище (1955). Отказавшись от военной карьеры, после службы в армии, в 1958 г. поступил на отделение русской филологии Черновицкого университета, но в 1963 г. был исключен из университета по политическим мотивам. В 1964 г. заочно окончил университет Ростова-на-Дону, в 1965 г. поступил в аспирантуру в Институт языкознания им. Я. Коласа Белорусской АН (Минск), в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «Развитие противопоставлений твердых и мягких согласных

фонем в белорусском языке. Типологическое и сравнительно-историческое исследование», посвященную проблемам белорусской диалектологии, до 1979 г. работал в Институте языкознания старшим научным сотрудником. В 1979 г. переехал в Вильнюс, работал на кафедре русского языка Вильнюсского университета (до 1989 г.), затем возглавил кафедру славянской филологии. В 1982 г. в МГУ защитил докторскую диссертацию по истории праславянского языка («Типологические основания реконструкции»), в 1986 г. утвержден в научном звании профессора.

Круг научных интересов профессора В. Н. Чекмана был необычайно широк. Еще в студенческие годы под влиянием своего учителя и друга, в последствии профессора Московского университета О. С. Широкова он увлекся индоевропеистикой, с этой целью изучал многие древние и современные языки. Занятия индоевропеистикой в дальнейшем поддержал известнейший специалист в этой области, профессор университета Ростова-на-Дону А. Н. Савченко.

Еще будучи студентом, Валерий Николаевич заинтересовался литовским языком: в 1960–1962 гг. каждое лето ездил в Литву изучать литовский язык и литовские говоры. В 1963 г. после исключения из университета судьба распорядилась так, что Валерий Николаевич приехал в Литву и устроился на работу в Шюленской восьмилетней школе (Игналинский район) учителем немецкого и русского языков. Здесь он проработал около двух лет, активно изучая литовский, а затем и польский языки, здесь же впервые познакомился с местными русскими старообрядцами. В 1965 г. уехал в Латвию изучать латышский язык — несколько месяцев до поступления в аспирантуру учительствовал в д. Гайни Прейльского р-на Латвии.

Обучение в аспирантуре в Институте языкознания Белорусской АН предопределило всю дальнейшую профессиональную деятельность В. Н. Чекмана — основным направлением его научной работы стала история и диалектология славянских языков и история балто-славянских языковых контактов с древнейших времен до нашего времени, а одним из любимых занятий — полевые исследования белорусско-литовского пограничья и изучение польских кресовых говоров на территории Литвы и Беларуси.

Изучению «польшчызны кресовой» Валерий Николаевич посвятил большую часть своей жизни. Начиная с 1969 г. в течение 30 лет он регулярно ездил в диалектологические экспедиции, поскольку одной из первоочередных задач считал выяснение границ распространения польских говоров в Ковенской и Виленской Литве и создание соответствующего социолингвистического атласа. Собранный за эти годы огромный фактический материал лишь частично был обработан и описан в многочисленных публикациях; фрагменты запланированного атласа разбросаны по отдельным статьям, по-

священным анализу социолингвистической ситуации в том или ином регионе компактного проживания польскоязычного населения. Символично, что, изучая польские говоры в Виленском крае, В. Н. Чекман спустя более полувека долгие годы фактически шел по следам Г. Турской, а в последний день одной из последних «польских» экспедиций в июле 1996 г. информантка из дер. Грицюнай вспомнила, что в ее деревне в 30-х гг. некая «pani Halina» из Вильна расспрашивала местных жителей старшего возраста о значении некоторых литовских слов.

Валерий Николаевич писал, что благодаря исследованию «польшчызны кресовой» во многом сформировались его общелингвистические взгляды: «В основе их лежит понимание значимости социолингвистических процессов в возникновении и распространении языковых изменений, а в конечном итоге — в формировании диалектов и языков, а также их ареальных связей. Славяно-литовское пограничье стало для меня подлинной лабораторией изучения механизмов и результатов языковых контактов» (Польский язык в Йонавском районе Литвы (социолингвистические заметки) // Studia nad polszczyzną kresową. Warszawa, 2001, t. X, s. 74).

Много внимания, времени и сил В. Н. Чекман отдал также изучению белорусско-литовского пограничья. Его интересовали прежде всего литовские говоры в Беларуси (особенно Ромашканцы, Пеляса) и белорусские говоры в Литве — вопросы функционирования языков в этих зонах, межъязыковая интерференция и проблемы заимствований.

Одной из основополагающих проблем восточнославянского этногенеза В. Н. Чекман считал происхождение аканья. Различными сторонами этого явления он занимался практически всю жизнь. Особую актуальность эта тема приобрела в начале 90-х гг., когда возник совместный норвежско-литовский проект по изучению псковских говоров. Несколько лет Валерий Николаевич ездил в экспедиции с профессором Яном Иваром Бьорнфлатеном, потом со своими вильнюсскими коллегами. Последняя псковская экспедиция 2002 г. также была международной — в ней участвовали литовские, российские и швейцарские ученые и студенты.

Псковщина интересовала Валерия Николаевича давно, но только после распада СССР появилась возможность заняться псковскими говорами непосредственно. По его признанию, псковские говоры можно рассматривать как своего рода лабораторию для изучения истории русского языка. В. Н. Чекман создал богатую псковскую фонотеку, собирал материалы для псковского фонетического атласа — многочисленные обстоятельные публикации с картами и схемами, подготовленные на основе собранных материалов и посвященные разным аспектам псковской диалектной речи, — яркое тому подтверждение. Он обнаружил и описал несколько неизвестных ранее типов псковского вокализма, неоднократно уточнял границы известных явлений, определил четкие правила усечения аффрикат *ц* и *ч* перед *т/д/н*, описал некоторые особенности псковской артикуляции, ритмической структуры слова и др.

С середины 90-х гг. псковская проблематика неожиданно нашла свое продолжение в изучении русских старообрядческих говоров Литвы: в 1996 г. была создана Интердисциплинарная группа по исследованию старообрядчества Литвы и организована первая комплексная экспедиция по изучению местного старообрядческого населения, в которой В. Н. Чекман принял участие как опытный русист-диалектолог. Степень сохранности русского говора (юго-восточно-псковского в своей основе) настолько поразила профессора, что в дальнейшем старообрядческая диалектология стала ведущей темой его научной деятельности. С 1996 по 2002 г. В. Н. Чекман организовал более 10 экспедиций во все зоны компактного проживания староверов на территории Литвы, приграничные районы Латвии и Беларуси, а также в Опочецкий район Псковской области. За это время создана фонотека русских старообрядческих говоров Литвы, в которой хранятся магнитофонные записи диалектной речи на более 400 часов звучания, восстановлены немногочисленные магнитофонные записи 60–70 гг. XX в.

За эти годы он опубликовал более 20 статей, посвященных проблемам формирования старообрядческих говоров Литвы, их связям с русскими материковыми говорами, значению данных старообрядческих говоров для истории русского языка, контактам старообрядческого населения с иноверцами в различных регионах Литвы, фактически закончил две монографии: первая посвящена социолингвистической (внешней) истории старообрядческих говоров, во второй представлены очерки синтаксиса этих говоров.

Следует отметить, что Валерий Николаевич в середине 90-х гг. первым среди диалектологов-русистов заговорил о необходимости изучения и создания фонотек русских старообрядческих говоров в иноязычном (и инославном) окружении. Затем эту идею поддержал заведующий отделом диалектологии Института русского языка РАН Л. Л. Касаткин — в настоящее время исследование русских старообрядческих говоров стало одной из ведущих тем его сектора.

Особое место в научной биографии профессора В. Н. Чекмана занимает история праславянского языка и балто-славянских языковых контактов. Основные работы по этой проблематике были опубликованы во второй половине 70-х — первой половине 80-х гг. В этот период были опубликованы и несколько статей в «Балто-славянских исследованиях» (см.: О рефлексах индоевропейских $*\hat{k}$, $*\hat{g}$ в балто-славянском языковом ареале // Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 116–135; Древнейшая балто-славо-индоиранская изоглосса ($*s_{i\text{-}k} > *\check{s}$) // Балто-славянские

исследования 1980. М., 1981, с. 27–37). Исторической фонетике праславянского языка посвящен целый ряд статей и отдельная монография (1979), основные положения которой легли в основу второй диссертации, защищенной в Московском университете в 1982 г. К праславянской проблематике В. Н. Чекман вернулся в самом конце жизни — одна из последних его прижизненных публикаций посвящена основополагающему вопросу строения праславянского языка — проблеме генезиса открытого слога (О причинах и механизмах развития закона открытых слогов в праславянском // Slavistica Vilnensis 2003 (Kalbotyra, 52 (2)). Вильнюс, 2003, с. 39–75). Новизна работ Валерия Николаевича по историческому языкознанию состояла прежде всего в том, что он настаивал на необходимости верификации любого положения диахронического исследования типологическими данными. Принцип типологического подобия (реконструируемые праформы должны обладать такими же свойствами, как и формы живых или хорошо документированных мертвых языков, см. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979, с. 15) по праву можно считать научным credo профессора В. Н. Чекмана. Активное использование литовского (балтийского) материала и привлечение данных других языков, в которых наблюдались сходные процессы и явления, позволило профессору по-новому посмотреть на многие «вечные» темы славянского сравнительно-исторического языкознания.

Научное мышление В. Н. Чекмана всегда отличало удивительное чувство реальности, он видел проблемы раньше, острее, чем кто-либо другой, намечал перспективы дальнейших исследований. По устному признанию профессора, именно «научный беспредел» в отношении «проверяемости» тех или иных гипотез в сравнительно-историческом языкознании способствовал тому, что он оставил занятия индоевропеистикой и балто-славянской проблематикой и обратился к диалектологии и социолингвистике.

В. Н. Чекман сделал очень многое для организации и развития гуманитарной науки в Литве. Фактически он создал литовскую (вильнюсскую) школу славистики, под руководством Валерия Николаевича или при его непосредственном участии в качестве консультанта было защищено более десяти докторских диссертаций по различным вопросам культурного наследия Великого княжества Литовского, славянской этимологии, славянской и литовской диалектологии и др. Созданная профессором в 1989 г. кафедра славянской филологии является ведущим славистическим центром в Литве, а идеи, высказанные 15 лет назад, до сих пор во многом определяют направления научно-исследовательской и педагогической деятельности сотрудников кафедры. В начале 90-х гг. В. Н. Чекман выступил одним из инициаторов создания кафедры польской филологии в Вильнюсском университете, на рубеже XX–XXI вв. несколько лет возглавлял Центр по изучению безгосударственных культур при Историческом факультете Вильнюсского университета.

В период перестройки и литовского национального возрождения и в первые годы независимости Литвы В. Н. Чекман приложил немало усилий для укрепления позиций литовского языка в общественной жизни страны и снятия национальной напряженности в Литве — это многочисленные выступления по радио и на телевидении, статьи в местной периодике, организация курсов литовского языка для нелитовцев. Однако самой большой его заслугой является создание совместно с супругой И. Адомавичюте-Чекмонене учебника литовского языка для нелитовцев «Литовский язык для всех» (Lietuvių kalba visiems: Sėkmė 1–5. Vilnius, 1992–1993; второе издание: Lietuvių kalba visiems — Литовский язык для всех. Vilnius, 1999; адаптированный вариант для поляков — Język litewski dla każdego. Kaunas, 1993) и учебного словаря к нему (Lietuvių-rusų, rusų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1993; второе издание — 1997). В этом учебнике впервые в Литве был реализован коммуникативный принцип обучения неродному языку. Валерий Николаевич подготовил также комплекс коммуникативных упражнений — предполагалось, что они будут изданы как аудиоприложение к учебнику. К сожалению, этот проект не был завершен, материалы остались неопубликованными.

К глубокому сожалению, многие проекты В. Н. Чекмана остались незавершенными. Если просмотреть его публикации только за последнее десятилетие, то едва ли найдется хоть одна работа, в которой не было бы отсылок к будущим исследованиям. Эти отсылки и намеки могут и должны стать объектом научного анализа и осмысления. Для балто-славистики таким перспективным проектом представляется сформулированная в тезисном виде идея существования балтийского языкового союза (так наз. *Peipus-Bund*). А сколько идей профессор унес с собой в вечность…

Материалы, собранные Валерием Николаевичем во время многочисленных экспедиций и зафиксированные на магнитофонных лентах, на многие годы останутся памятником уходящему деревенскому населению Литвы, России и Беларуси. И с этих кассет будут звучать не только живые голоса «бабушек и дедушек», с которыми, по признанию самого профессора, он «протолковал большую часть жизни», но и живой голос чуткого, заинтересованного собирателя, диалектолога, замечательного ученого, Мастера — Валерия Николаевича Чекмана.

Н. Морозова

Научное издание

Балто-славянские исследования. XVII

Утвержден к печати
Институтом славяноведения РАН

Корректор — *Т. И. Томашевская*
Графические работы — *А. С. Старчеус*
Оригинал-макет — *Л. Е. Коритысская*
Компьютерная верстка статьи В. А. Дыбо — *С. Болотов*

Издательство «Индрик»

Исключительное право оптовой реализации
книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: **(495) 959-21-03**

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: **nina_dom@mtu-net.ru**
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
33,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 4003

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ